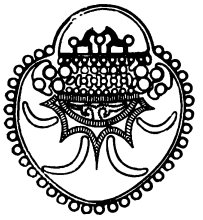
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

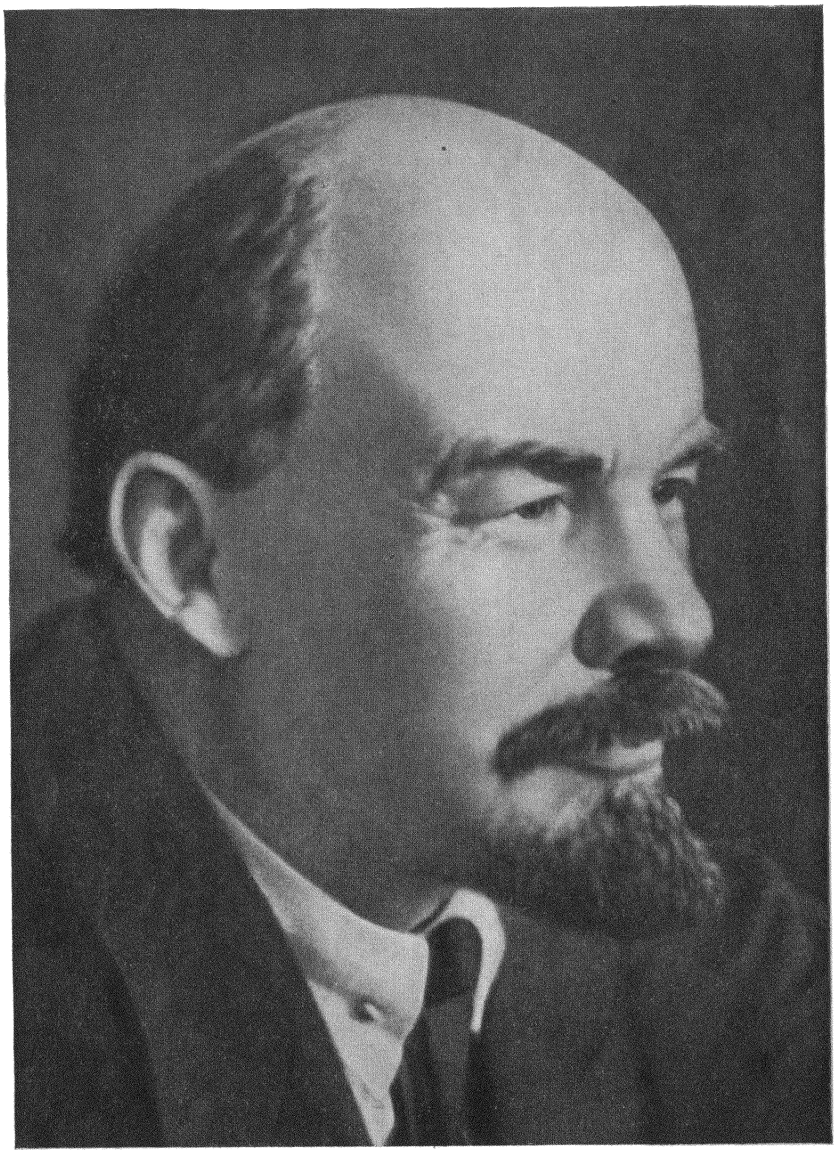
МОСКВА 1957

Редакционная коллегия

А. В. Арциховский, ответственный редактор,
А. Я. Брюсов, зам. ответственного редактора,
И. Т. Кругликова, отв. секретарь,
А. М. Беленицкий, С. Н. Бибиков, В. Д. Блаватский, Л. А. Голубева, Л. А. Евтюхова, А. Л. Монгайт, А. П. Окладников, Т. С. Пассек, Б. Б. Пиотровский, Б. А. Рыбаков, А. П. Смирнов

Т-10824 Подписано к печати 21/XI 1957 г. Формат бумаги 70×108 1/16. Бум. л. 9 5/8
Печ. л. 26,37+6 вклеек Уч.-изд. л. 33. Тираж 1600 экз. Заказ 2032

2-я типография Издательства Академии наук СССР. Москва, Шубинский пер., 10

СТАТЬИ

СОРОК ЛЕТ СОВЕТСКОЙ АРХЕОЛОГИИ

Сорок лет тому назад залпы «Авроры» возвестили начало новой эры в истории человечества. Героический рабочий класс России в союзе с многомиллионным крестьянством, руководимый славной большевистской партией во главе с великим Лениным, разорвал цепь мировой империалистической системы, сверг навсегда власть эксплуататорских классов на одной шестой части земного шара. В отличие от всех предшествующих революций, приводивших лишь к смене форм эксплуатации, к смене антагонистических формаций, Великая Октябрьская социалистическая революция знаменовала уничтожение всех форм эксплуатации человека человеком и начало славного пути к высшей ступени человеческого развития — бесклассовому обществу, коммунизму.

Революция потребовала коренных преобразований во всех областях жизни государства, напряжения всех сил народа в титанической созидательной работе по практическому воплощению великих идей марксизма-ленинизма. Огромные по размаху и совершенно новые по содержанию задачи встали и перед советской наукой, которая должна была превратиться в значительный фактор социального, экономического и культурного развития социалистического общества. Революция в умах, борьба в области идеологии продолжалась. В этой борьбе решающая роль принадлежала общественным наукам. Именно в области общественных наук предстоял полный пересмотр укоренившихся представлений, предстояло создание совершенно новой науки о человеческой истории, экономике, культуре, мышлении — науки, основывающейся на марксистско-ленинской теории и творчески ее развивающей. Значительная роль в выполнении этой огромной работы предстояла и археологии, изучающей «великую книгу земли», воссоздающей древнейшее прошлое человечества по вещественным остаткам его жизнедеятельности. Молодая советская археология должна была, восприняв все лучшее из наследия западной и русской дореволюционной науки, превратиться в подлинно историческую дисциплину, всесторонне освещающую процесс становления человеческого общества и его докапиталистические социально-экономические формации.

К моменту Великой Октябрьской социалистической революции буржуазная археология насчитывала уже не одно десятилетие развития и имела немало достижений. Но основные принципы, цели, методы ее оставались неопределенными. Археологические исследования ставили перед собой специфические задачи: создание музейных фондов и экспозиций, выявление стратиграфии и установление хронологии определенного памятника, установление культур, классификацию типов, стилистический анализ, выделение комплексов, создание типологических схем развития основных форм. Эти задачи, несомненно, имеют большое значение, но за ними буржуазные археологи, как правило, не видели основного и главного — развития производительных сил, производственных отношений, культуры, т. е. развития общества. Изучение вещей становилось самоцелью; вещи отрывались от людей, их создателей. Археология отрывалась от истории; ее

причисляли то к биологии, то к искусствоведению. Отрыв от истории общества и отсутствие методической базы привели к использованию археологии при создании всякого рода лженаучных построений и прежде всего человеконенавистнической расовой «теории».

Идеализму и метафизике буржуазных ученых советская археология с первых же своих шагов противопоставила стремление четко определить место археологии среди других наук и ее роль в изучении истории общества. Во всех своих действиях советские археологи руководствовались прежде всего основополагающим указанием Маркса: «Такую же важность, как строение останков костей имеет для изучения организации исчезнувших животных видов, останки средств труда имеют для изучения исчезнувших общественно-экономических формаций... Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд» [1]. Только на основе революционной теории, на основе марксизма-ленинизма могла быть создана прочная, подлинно научная база археологии. Только исторический материализм, распространивший положения диалектического материализма на историю общества, обусловил превращение археологии в историческую дисциплину, изучающую и объективно отражающую закономерности развития общества, производства, культуры. «Марксизм,— писал В. И. Ленин,— указал путь к всеобъемлющему всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» [2].

С первых же лет Советской власти партия и правительство придавали огромное значение развитию и распространению исторических знаний. Общее положение археологии до революции лучше всего охарактеризовал один из участников I Археологического съезда в России: «археология — наука для людей богатых». Дореволюционная археология, финансировавшаяся правящим классом (в значительной мере за счет частных ассигнований) и подчиненная его классовым интересам, была далека от трудового народа. После Октября археология должна была быть поставлена на службу народу, достижения ее должны были стать народным достоянием.

В 1919 г., в тяжелый для страны момент, когда молодое Советское государство в напряженной борьбе отбивало яростные атаки соединенных сил международной реакции, великий Ленин подписал декрет о создании Российской (в дальнейшем Государственной) академии истории материальной культуры. Формально академия явилась преемницей дореволюционной Археологической комиссии, однако она резко и принципиально отличалась от последней. Наряду с прежними функциями изучения и охраны памятников археологии и искусства академия должна была возглавить работу по превращению археологии в подлинно историческую дисциплину, исследующую закономерности развития истории общества, и прежде всего историю создателей материальных благ — историю трудящихся масс. Академия должна была распространять и пропагандировать археологические знания среди народа, широко использовать их в деле духовного воспитания советских людей, в борьбе против консервативных представлений, религиозных предрассудков.

Превращение археологии в «науку для народа» неизмеримо расширило рамки деятельности археологов. Вокруг академии стал формироваться

---

[1] К. Маркс. Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 187.
[2] В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 40.

актив, включающий тысячи людей. У освобожденного народа возрос интерес к родному краю. Краеведческое движение явилось значительным фактором развития советской археологии.

В археологические исследования включились десятки музеев, высших и средних учебных заведений и вновь организованных научных обществ. И сейчас следует с благодарностью вспомнить активную археологическую деятельность местных организаций в Поволжье, в Сибири, в Крыму, на Кавказе и в других местах. Это способствовало значительной активизации полевой археологической работы уже в 20-х годах. Раскопки и разведки охватывали все новые и новые территории. В экспедициях под руководством крупнейших специалистов старшего поколения В. А. Городцова, Б. В. Фармаковского, А. А. Спицына, П. С. Рыкова работала молодежь — студенты новых советских вузов, сотрудники музеев, активисты краеведческой работы. Началась подготовка молодых кадров советских археологов, на плечи которых легла огромная работа последующих трех десятилетий.

Одновременно началась борьба за выработку основных принципов новой советской археологии. Эта борьба должна была коснуться всех сторон деятельности археологов — от методики полевых исследований до методологии обобщающих работ.

Выработка новых принципов, создание новой методологии требовали неустанных поисков в различных направлениях. В ходе этих поисков наряду с подлинными достижениями имели место отдельные ошибки, отклонения от правильного пути, отрыв от фактического материала, увлечение односторонними схемами. Ошибки такого рода являлись своеобразной «болезнью роста» советской археологии, далеко зашедшей реакцией на классовую ограниченность буржуазной науки. Однако не следует закрывать глаза на эти ошибки, надо реально представлять себе нанесенный ими вред и извлекать из них соответствующие уроки. В 20-х — начале 30-х годов в ГАИМК значительного развития достиг социологический схематизм. Исследование конкретного материала было отодвинуто на задний план и подменено голым социологизированием, созданием абстрактных схем, схоластическими спорами и различными истолкованиями высказываний классиков марксизма. Крайние представители этого направления пытались опорочить основные кадры советских археологов и прежде всего ученых старшего поколения, предать забвению все без исключения традиции и достижения дореволюционной и западной науки. Раздавались голоса о ликвидации археологии вообще. Подобного рода беспочвенное теоретизирование, характерное для господствовавшей тогда в исторической науке «школы Покровского», заметно тормозило развитие науки, препятствовало подлинным конкретным исследованиям, нанесло немалый вред делу подготовки кадров.

Историческое постановление ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР в 1934 г. восстановило историю в ее законных правах, вернуло ее на путь конкретных исследований и упорной источниковедческой работы. Перестройка исторической науки оказала свое благотворное воздействие и на археологию, и та быстрота, с которой археологи уже в середине 30-х годов сумели вернуться на почву фактов, к подлинным научным исследованиям, свидетельствует об эфемерности «социологической школы», которая не имела и не могла иметь глубоких корней среди настоящих ученых.

Однако не все проявления «социологической школы» были преодолены сразу. С этой школой неразрывно было связано «новое учение о языке» Н. Я. Марра, сохранившее свои позиции еще на ряд лет и оказывавшее определенное воздействие на археологов. Сама по себе теснейшая связь археологии с лингвистикой совершенно закономерна. Особое значение такая связь приобрела при постановке этнических проблем, занявших значительное место в работах советских археологов. Однако теория Н. Я. Марра, претендовавшая на всеобъемлющий характер, на выяснение

основных закономерностей развития языка, материальной культуры, этноса, была лишена научной аргументации, содержала ряд серьезных методологических ошибок, носила в основе своей немарксистский характер. Она приводила к отрыву от фактов, к огульному отрицанию достижений ученых, не принимающих «нового учения о языке». Ряд принципиально ошибочных установок этого учения (таких, как отнесение языка к надстроечным явлениям, утверждение о классовом характере языка и стадиальности его развития) приводил к порочным историческим построениям, при которых один народ путем скачка, «лингвистического взрыва» превращался в другой, а процесс этногенеза представлялся в полностью извращенном виде. Что касается археологического материала, то он здесь играл лишь иллюстративную роль и должен был подкреплять абстрактные построения этой школы.

Однако влияние социологического схематизма при всей своей тормозящей роли не могло задержать перестройку науки, начавшуюся после 1934 г. «Новое учение о языке» никогда не пользовалось широким, а тем более всеобщим признанием среди археологов. Многие археологи относились к этому учению резко критически и не использовали его в своих работах. Все возрастающие масштабы полевых работ, огромное накопление фактического материала настоятельно требовали конкретных исследований, разрывавших путы марристского схематизма.

Преодолевая эти ошибки, советская археология во второй половине 30-х годов развивалась по пути конкретных исследований, плановых раскопок и разведок на совершенно не изученных ранее территориях, по пути создания обобщающих исторических трудов. В 1937 г. Государственная академия истории материальной культуры была преобразована в Институт истории материальной культуры, вошедший в систему Академии наук СССР. На протяжении 30—40-х годов при академиях наук союзных республик были созданы специальные археологические институты. В археологическое исследование включились институты истории автономных республик и областей. С 1937 г. началось преподавание археологии в университетах. Значительно активизировалась подготовка кадров археологов. А это, в свою очередь, способствовало дальнейшему расширению масштабов археологических исследований. Качественно полевые работы этого времени уже резко отличались от раскопок и разведок 20-х годов. Важнейшими чертами полевых исследований советских археологов стали плановость и целенаправленность. Все археологические работы в Советском Союзе были подчинены определенному плану, в соответствии с которым археологи из года в год продвигались на новые не исследованные ранее территории. Огромные работы развернулись в Сибири. Археологическое значение бескрайних сибирских просторов ощущалось со времени Петра I, когда в кунсткамеру начали поступать великолепные сибирские древности. Но только советские археологи развернули здесь систематические исследования. Минусинская котловина, Алтай, Прибайкалье стали местом плодотворной деятельности ряда экспедиций. В Средней Азии, почти не затронутой дореволюционными археологическими исследованиями, работы Хорезмской экспедиции открыли новый, неведомый историкам мир. В мертвых, казалось, пустынях были обнаружены археологические культуры различных эпох, замечательные по своему своеобразию; были открыты древние оросительные системы, свидетельствующие о титанической работе многих поколений. Уже первые годы работ показали, что исследованиями в Хорезмском оазисе начата расшифровка еще одной неизвестной страницы человеческой истории. Археологи приступили к систематическому обследованию и других районов Средней Азии, подошли вплотную к высокогорным ее областям. Широкие по масштабам раскопки в Закавказье привели к выдающимся открытиям курганов Триалети, Урартских городов-крепостей, замечательных памятников у Мцхета, в Гарни и у Мингечаура.

В противоположной части страны — на севере также производились активные плановые работы. Открытия многочисленных археологических памятников древней Карелии позволили приступить к созданию общего исторического очерка этой совершенно не исследованной ранее территории. Значительные работы проводились и в центральных областях страны.

Не менее существенно и второе качественное отличие советской археологии — ее направленность. Исходя из основных принципов исторического материализма, советские археологи считали своей основной целью изучение истории народа, истории производства. Вещественные остатки должны были быть превращены в исторический источник и изучены всесторонне. Формально-типологический и искусствоведческий анализы, которыми зачастую ограничивались буржуазные археологи, были явно недостаточны для этой цели. На первый план было выдвинуто тщательное изучение массового материала — остатков всех видов производственной деятельности людей. Исторические задачи исследования поселений настоятельно требовали применения новой полевой методики. Раскопки поселений большими площадями, исследования обширных участков с постоянным сочетанием вертикальной и горизонтальной фиксации, с выявлением и тщательным изучением последовательных культурных напластований соответствовали задаче максимально полного исторического изучения памятника. Благодаря применению принципиально новой методики исследования были достигнуты огромные успехи в изучении палеолитических поселений и жилищ в Костенках и на других памятниках. Впервые с редкой полнотой были изучены энеолитические поселения на Украине и на Кавказе. Методические принципы археологического отражения истории города, которым следовал еще до революции Б. В. Фармаковский, получили теперь широкое развитие. В городах и на поселениях всесторонне изучались жилые и производственные комплексы, общественные здания, городское хозяйство, историческое движение границ города, история его планировки. За всем этим советские археологи стремились видеть людей — создателей поселений, их хозяйство, общественные отношения, идеологические представления, культурные связи. В этом отношении весьма ценны проводившиеся в 30-х годах исследования античных городов Северного Причерноморья, скифских городищ Поднепровья, городов волжских болгар, городищ железного века на Верхней Волге, исследования древнерусских городов.

Основной исторической цели были подчинены и исследования погребальных памятников. Прежняя методика изучения погребальных памятников, при которой они раскапывались не полностью и не все их особенности изучались, была отвергнута. Советские археологи перешли к полному вскрытию погребальных памятников — к раскопкам курганов на снос, к вскрытию больших площадей на бескурганных могильниках, к комплексному изучению поселений и принадлежавших им некрополей.

В момент резкого обострения международной обстановки в конце 30-х годов в западной археологии особое распространение получили человеконенавистнические расистские построения, выделение «исторических» народов-культуротворцев и «неисторических» культурно-пассивных народов. Каковы бы ни были отдельные различия между подобными «теориями», как бы ни маскировались некоторые из них, все они вошли в арсенал фашизма, вынашивавшего преступные идеи мирового господства, порабощения и истребления народов. Фашиствующие археологи и историки особенно изощрялись в «доказательствах» исторической и культурной пассивности народов Советского Союза, представляя его историю как последовательную смену «народов-господ», подчинявших местное население, аморфное и культурно беспомощное.

Советские археологи приняли активное участие в непримиримой борьбе с подобными антиисторическими «построениями», враждебными всему

прогрессивному человечеству. Они стремились изучать вклады всех народов в общую сокровищницу мировой культуры, ибо все народы и расы равны, все они подчинены единым закономерностям исторического развития.

Ряд народов Советского Союза до Великой Октябрьской социалистической революции не имел своей письменности. Советские историки исходили из того, что без изучения этих народов и их вклада в общий процесс исторического и культурного развития не может быть создана история СССР. Поэтому понятно то внимание, которое уделяли советские археологи территории бесписьменных народов. Открытия высокоразвитых археологических культур на территории Средней Азии, Кавказа, Сибири, в Приуралье позволили создать основу истории многих народов и явились опровержением реакционного тезиса о существовании «неисторических» и «культурно-пассивных» народов.

Значительное накопление новых материалов позволило советским археологам перейти к большим обобщающим работам. Был подготовлен и издан макет первых двух томов «Очерков по истории СССР», освещающих наименее исследованные (а в большинстве своем вовсе неисследованные) периоды отечественной истории. Были близки к завершению большие обобщающие работы по древнейшим периодам истории Сибири, Средней Азии, Закавказья, Поволжья, Севера СССР, по истории древнерусского ремесла, древнерусской культуры. Началась разработка важнейших проблем этногенеза народов СССР, в том числе этногенеза славян. Были монографически обобщены работы по истории первобытного общества.

В июне 1941 г. мирный созидательный труд советского народа был прерван вторжением немецко-фашистских орд. Многие археологи сменили лопату и перо на винтовку солдата и стали в ряды защитников Родины. Многие работали в специальных экспедициях, используя свой полевой опыт в деле подготовки оборонительных систем. Продолжалась и собственно археологическая деятельность. В тяжелых условиях военного времени партия и правительство проявляли неустанную заботу о развитии науки. Научные учреждения, в том числе ИИМК АН СССР, продолжали функционировать. В центральных областях страны, в Средней Азии и Сибири продолжались археологические раскопки и разведки. В освобожденных районах работали экспедиции, выяснявшие ущерб, нанесенный врагами археологическим памятникам.

Война нанесла тяжелые раны советской науке. Ряды археологов поредели. Смертью храбрых пали на полях сражений наши товарищи: С. Н. Аносов, П. А. Дмитриев, Н. П. Кивокурцев, А. П. Круглов, А. А. Мансуров, Н. А. Прокошев, Н. А. Сугробов, И. А. Сухарев, М. В. Талицкий, Н. Н. Чернягин.

В блокированном Ленинграде погибли: В. В. Гольмстен, Б. Е. Деген-Ковалевский, крупнейший антиковед акад. С. А. Жебелев, А. Н. Зограф, Е. Ю. Кричевский, Г. В. Подгаецкий, Г. П. Сосновский, Р. В. Шмидт. Захватчики варварски уничтожили и разграбили ценнейшие музейные коллекции — плоды труда нескольких поколений ученых. Беспримерным в истории человечества вандализмом явилось разрушение замечательных творений древнерусской архитектуры. Многим археологическим памятникам был нанесен невосполнимый ущерб. Безвозвратно погибли ценнейшие архивные документы.

Предстояла большая и напряженная работа по ликвидации нанесенного войной ущерба. Еще в разгар Великой Отечественной войны партия и правительство начали подготовку к грандиозному строительству послевоенного времени, к небывалому развитию всех областей жизни страны. Большое внимание уделялось при этом и советской науке. В апреле 1945 г., когда победоносная Советская армия готовилась к штурму Берлина, в Москве собралось Первое Всесоюзное археологическое совещание,

выработавшее в основных чертах план послевоенного развития всех отраслей археологической науки. В выполнении этого плана ИИМК АН СССР должна была принадлежать роль головного археологического учреждения, координирующего основные археологические работы на территории СССР. В первое же мирное лето (лето 1945 г.) многочисленные археологические экспедиции ИИМК АН СССР приступили к разведкам и раскопкам во многих областях страны.

Послевоенный период — время наивысшего подъема отечественной археологии. Нет такой отрасли археологии, которая не была бы обогащена за это время замечательными открытиями, ценными публикациями и обобщающими трудами. Территориальные рамки деятельности советских археологов значительно расширились, охватив северные и южные районы СССР, Украину, Прибалтику, Восточную Сибирь, районы Средней Азии и Кавказа, горы Тянь-Шаня и Памира, Туву, Дальний Восток. Соответственно раздвинулись и тематические рамки отечественной археологии. В научный оборот были введены сотни замечательных памятников, многие новые культуры, целые архивы ценнейших археологических источников. Древняя и средневековая история человечества заметно обогатилась: многие «бесписьменные народы» заняли в ней свое законное место. Совершенствовались методы работы; археологи стали постепенно переходить на базу современной техники, используя механизмы при раскопочных работах не только для отвоза земли, но и при снятии курганных насыпей.

При решении вопросов хронологии и других проблем стали применяться новейшие виды химических, спектроскопических и металлографических анализов материалов. Значительно расширились перспективы теоретической работы наших ученых, творческого развития методологической базы археологии. Решающую роль в этом сыграла лингвистическая дискуссия 1950 г., вскрывшая немарксистский характер теории Н. Я. Марра и окончательно освободившая советскую науку от пут социологического схематизма.

Расцвет науки в послевоенные годы обусловлен ростом промышленной мощи Советского Союза, общим подъемом социалистической культуры и постоянным вниманием со стороны партии и правительства. В 1948 г. Советом Министров СССР было принято постановление «О мерах улучшения охраны памятников культуры», которое обязывало все строительные организации обеспечивать научное исследование археологических памятников, находящихся в зоне строительства. Это постановление предопределило огромный размах полевых археологических работ в 50-х годах. Только в условиях социалистического общества стали возможны такие масштабы научных исследований. В зонах огромных строек на Волге и Днепре, на Днестре и Оби, на Дону и Каме, на Иртыше и Ангаре вместе со строителями работали археологи. На протяжении многих сотен километров на территориях, подлежащих превращению в дно будущих морей, водохранилищ, начали интенсивную деятельность большие комплексные экспедиции, изучавшие памятники всех археологических эпох. Археологическая карта страны быстро пополнялась новыми ценными открытиями. Так, во много раз возросло число известных палеолитических местонахождений на территории СССР. Новые открытия позволили советским ученым внести ряд принципиально новых моментов в изучение палеолита (например, наметить ряд локальных вариантов), а также поставить по-новому некоторые общие проблемы антропогенеза. Огромное значение для изучения палеолита во всем мире имеют открытые на Верхнем Дону многослойные стоянки. Специалистами по неолиту и энеолиту широко исследованы древнейшие земледельческие культуры Молдавии, Поднепровья, юга Туркмении и Кавказа; важным этапом в развитии науки явились открытия и историческая интерпретация многочисленных неолитических культур Севера и центра Европейской части СССР, Приуралья,

Средней Азии и Кавказа, Западной Сибири, Прибайкалья, Дальнего Востока. По всей стране изучались памятники эпохи бронзы и раннего железного века, позволившие поставить ряд важнейших проблем развития различных видов производства, общей эволюции экономики и социального строя, наконец, сложения культурных и этнических общностей, сыгравших большую роль в процессе этногенеза современных народов и сложения их культуры. Крупнейшим достижением советской археологии явились раскопки замечательных урартских памятников Закавказья, научно осветивших первое рабовладельческое государство на территории нашей страны. В строго историческом плане проводились успешные исследования больших и малых античных городов. Большой интерес представило изучение сельскохозяйственных территорий античных городов Северного Причерноморья (исследованию сельского хозяйства всех эпох советские археологи придавали и придают особое значение). Работы в Средней Азии значительно расширили представления об эпохе эллинизма и ее своеобразии на различных территориях. В послевоенное время археологически изучены эллинистические древности Парфии, Согда и Бактрии — стран, имевших огромное историческое значение. Глубоко оригинальная культура средневековой Азии была блистательно представлена раскопками Пенджикента и ряда других городов.

Сложнейшие исторические проблемы I тысячелетия н. э. начали постепенно освещаться археологическими источниками. Совершенно понятно особое внимание советских археологов к этой эпохе, непосредственно предшествовавшей образованию первого русского государства и явившейся временем консолидации сил восточного славянства и бурного развития его экономики и культуры. Раскопки древнерусских городов всесторонне осветили городскую жизнь древней Руси и пополнили арсенал исторической науки не только археологическими, но и письменными источниками, совершенно новым видом которых явились замечательные берестяные грамоты древнего Новгорода. Однако и собственно археологические материалы, собранные при раскопках в Новгороде, во много раз богаче, чем археологические материалы любого средневекового города любой страны. Археологическими исследованиями стал восполняться значительный пробел в нашей науке — история древнерусской деревни. Заново создана по археологическим материалам история волжских болгар.

Такой размах полевых работ был достигнут благодаря их плановому характеру и участию в них сотен научных учреждений: академий наук союзных республик, научно-исследовательских учреждений, музеев, вузов. Наилучшей формой координации этих работ, непосредственного общения археологов, широкого обсуждения результатов и перспектив исследований явились организуемые Отделением исторических наук АН СССР и ИИМК ежегодные сессии и пленумы.

Значительно возросли связи советских археологов с зарубежными научными учреждениями и отдельными учеными. За последние годы в сессиях и пленумах АН СССР и ИИМК приняли участие археологи Англии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Голландии, Дании, Китая, Монголии, Норвегии, Польши, Румынии, Финляндии, Чехословакии. Были организованы совместные экспедиции ИИМК с археологами Монголии, Болгарии, Польши, Румынии. Советские археологи в свою очередь посетили ряд зарубежных стран, работали в музеях и на раскопках, принимали участие в сессиях и конференциях.

Результаты полевых исследований советских археологов явились большим вкладом в мировую науку. В ее золотой фонд вошли Сатани-дар и Костенки, Триполье, Намазга-тепе и Триалети, город бога Тейшебы и Пазырыкские курганы, Пантикапей и Ниса, сарматские курганы Поволжья и чаатасы Южной Сибири, Хорезм и Пенджикент, Самтавро и Мингечаур, Гарни и Булгар, Киев и Новгород, Чернигов и Старая Ладога и многие другие замечательные памятники.

Огромное накопление материала и упорная теоретическая работа позволили советским археологам завершить большие обобщающие монографии и коллективные труды, посвященные широким проблемам истории народов СССР. Такие обобщающие историко-археологические труды, как «Ремесло древней Руси», «История древней Карелии», «Древняя история Южной Сибири», «Древнейшая история севера европейской части СССР», «Древний Хорезм», «История и культура Урарту», «Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья», «Волжские булгары», «Древняя история и культура Кабарды» и другие работы написаны археологами и главным образом на археологическом материале. Многие из этих исследований получили всеобщее признание научной общественности и были высоко оценены советским народом и советским правительством. Была завершена начатая еще до войны работа над первыми двумя томами «Очерков по истории СССР», явившимися первой попыткой общего исторического построения, синтезирующего все известные археологические источники, попыткой освещения общего хода исторического процесса на территории СССР, начиная с каменного века вплоть до образования Киевской Руси.

Сорокалетний путь прошла советская археология — путь напряженного труда, исканий, ошибок, борьбы, больших творческих достижений. Положено начало решению больших общеисторических проблем, созданию подлинно научной истории древнейших периодов жизни человечества. Но это лишь начало. Выявлены общие контуры проблем, но разработка их еще впереди. Она потребует напряженного труда, критического пересмотра достигнутого, постоянного совершенствования. Решение таких проблем, как история производительных сил, конкретные этапы развития первобытно-общинного строя, своеобразие становления классового общества у различных народов, формы феодальной собственности у кочевников и земледельцев, наконец, проблема этногенеза и культурной истории народов, потребует огромного систематического накопления фактов и творческой теоретической работы. Первым условием этой работы должно явиться создание прочной источниковедческой базы — всестороннее изучение, хронологизация, картографирование и введение в научный оборот фактического материала, создание, таким образом, основного археологического арсенала. Этой цели призван служить «Корпус археологических источников СССР», работа над которым начата на сороковом году Октябрьской революции. В работе над «Корпусом» должны принять участие все археологические учреждения страны.

Создание прочной источниковедческой базы неразрывно связано с упорной теоретической работой, творческим развитием методологии. Этой важнейшей области, определяющей все дальнейшее развитие советской археологии, последнее время не уделялось должного внимания. Дело чести советских археологов — всемерно усилить теоретическую работу, решительно порвать со схематизмом и начетничеством, овладевать марксистско-ленинской методологией исследования и творчески развивать ее. Опираясь на твердую методологическую базу, советские археологи должны неустанно следить за движением мировой науки, активно участвовать в разработке крупнейших проблем древней и средневековой истории человечества.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла перед отечественной наукой безграничные перспективы развития. Упорный труд, высокая требовательность к себе, неустанное движение вперед по пути развития марксистско-ленинской исторической науки — долг всех советских археологов.

А. П. ОКЛАДНИКОВ

ИТОГИ И УЗЛОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПАЛЕОЛИТА В СССР ЗА 40 ЛЕТ

Эпоха палеолита до Великой Октябрьской социалистической революции принадлежала к числу наименее разработанных разделов русской археологической науки.

Отсюда не следует, конечно, что памятники палеолита совершенно не привлекали внимания исследователей.

На территории Российской империи уже во второй половине XIX в. были открыты замечательные памятники палеолита [1]. В их числе можно назвать стоянку у военного госпиталя в Иркутске, стоянку на Афонтовой горе у Красноярска, стоянку Костенки близ Воронежа, Кирилловскую и Мезинскую стоянки на Украине, первые палеолитические местонахождения в Крыму и на Кавказе.

Однако памятники палеолита привлекали внимание лишь немногих исследователей. Обширные пространства страны оставались в отношении палеолита совершенно неизученными. Систематические раскопки производились только в немногих местах, а результаты исследования палеолитических поселений в большинстве случаев не были изданы в сколько-нибудь полном виде.

После Великой Октябрьской социалистической революции изучение палеолита в СССР вступило в новую фазу. Интерес к памятникам палеолита резко усилился.

Исследования палеолита приобрели несравненно более широкий размах и вместе с тем систематический и целеустремленный характер.

В результате систематической работы советских исследователей палеолита за истекшие 40 лет установлено широкое распространение палеолитических памятников на территории СССР. Новые многочисленные следы жизни палеолитического человека обнаружены на Украине, в Белоруссии, в Крыму, на Русской равнине, на Кавказе и в Закавказье, в Западной и Восточной Сибири. Палеолитические местонахождения были найдены впервые на территории Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Туркмении, в районе Урала и даже в далекой Якутии, на Средней Лене. За последнее время своеобразные памятники палеолитического облика обнаружены и на Дальнем Востоке в районе оз. Ханка и г. Ворошилова. Если ранее на территории Российской империи было известно около десятка бесспорных палеолитических поселений, то теперь они исчисляются сотнями. Уже в 1940 г. было зарегистрировано 250 [2], а в 1950 — более 500 палеолитических и мезолитических местонахождений. В настоящее время в подготовленном к печати указателе палеолитических местонахождений Н. А. Береговой учтено уже 950 памятников, из них в европейской части СССР — 727, в Средней Азии — 60, в Сибири — 163.

---

[1] А. А. Спицын. ЗОРСА, т. XI, 1915; П. И. Борисковский. Изучение палеолита в Советском Союзе. Вестник ЛГУ, 1949, № 2.

[2] П. П. Ефименко и Н. А. Береговая. Палеолитические местонахождения СССР. Палеолит и неолит СССР. МИА, № 2, 1941.

Вместе с тем, новые данные непрерывно ставят перед исследователями много сложных и больших неразрешенных вопросов, нередко вызывают горячие, страстные споры.

Одним из наиболее важных достижений советских археологов в области изучения палеолита является открытие ранее неизвестных в России памятников начальной поры каменного века ашельского и даже шелльского времени.

Древнейшие следы деятельности человека на территории СССР, известные в настоящее время, представляют каменные изделия позднешелльского и раннеашельского облика, обнаруженные в Армении на западном склоне Арагаца на возвышенности Богутлу или Сатани-дар [1].

Первые нижнепалеолитические орудия были найдены здесь еще в XIX в. Ж. де Морганом, но по-настоящему они были оценены только в 40—50-х годах XX г. после работ С. А. Сардаряна и М. З. Паничкиной. Орудия изготовлены из обсидиана. Среди них имеются рубила, оформленные значительно примитивнее найденных там же верхнеашельских изделий этого рода, грубые рубящие орудия, массивные остроконечники, «сверла», отщепы неправильной формы, имеющие признаки так называемой клектонской техники расщепления камня.

Концентрация находок на сравнительно небольшом пространстве, относительное обилие законченных орудий, немногочисленность отбросов производства и заготовок показывают, что здесь находилось древнее стойбище, а не только место, где добывалось сырье для изготовления орудий.

Следующее, ашельское, время представлено на Кавказе уже целой серией богатых находками местонахождений, свидетельствующих о том, что эта область в ашельское время была одним из центров расселения нижнепалеолитического человека.

Раньше всего были открыты местонахождения на черноморском побережье, в Абхазии, где С. Н. Замятнин в 1934—1935 гг. отметил десять пунктов с находками домустьерского возраста [2]. На этих местонахождениях был собран большой и выразительный материал, в том числе ручные рубила хорошо выраженных, классических, ашельских форм и обильный сопровождающий инвентарь в виде отщепов, дисковидных нуклеусов, а также скребел и остроконечников.

В 1946—1948 гг. С. А. Сардаряном, С. Н. Замятниным и М. З. Паничкиной были изучены ашельские местонахождения Армении [3]. Ашельские изделия выделяются из массы более ранних изделий как значительным совершенством техники обработки камня, разнообразием форм, так и тем, что кроме обсидиана основным сырьем для изготовления орудий служил базальт (андезит). Из базальта изготовлено большинство орудий и самые лучшие их образцы. В числе ручных рубил ашельского комплекса имеются образцы правильных миндалевидных очертаний, овальные, круглые и треугольные. Есть также рубила с поперечным лезвием, грубые «сечковидные» (chopping tools) и дисковидные орудия, ручные остроконечники, скребки, пластинчатые отщепы.

К несколько более позднему времени, переходному к мустьерскому, принадлежит второе значительное нижнепалеолитическое местонахождение в долине р. Занги близ с. Арзни.

В 1951—1956 гг. новый большой район распространения нижнепалеолитических поселений открыт В. П. Любиным на территории Юго-Осетинской автономной области [4]. Находки нижнепалеолитических изделий связаны здесь с южным склоном Большого Кавказа. Они приурочены к древ-

---

[1] М. З. Паничкина. Палеолит Армении. Л., 1950; С. А. Сардарян. Палеолит в Армении. Ереван, 1954.

[2] С. Н. Замятнин. Палеолит Абхазии. Сухуми, 1937.

[3] М. З. Паничкина. Ук. соч.

[4] В. П. Любин. Палеолитические находки в Юго-Осетии. КСИИМК, вып. 54, 1954.

ним прорезанным глубокими оврагами восьмидесяти — стометровым речным террасам в предгорных областях.

Самым богатым находками ашельским местонахождением Юго-Осетии является Лаше-Балта, датированное среднеашельским временем. Материалом для изготовления орудий здесь служили преимущественно лавовые породы (андезит). Как указывает В. П. Любин, «набор орудий этого местонахождения рисует очень сложный характер ашельской переходной эпохи, где бок о бок с формами архаичными (довольно примитивные ручные рубила, атипичные ядрища, отщепы клектонского типа) уживаются формы более прогрессивные (остроконечники, скребла, треугольные отщепы, прямоугольные пластины, развитые формы нуклеусов; среди последних встречаются образцы, известные под названием «tortoilse core», «double ended core», которые принято относить к типично леваллуасским формам)»[1]. Там же, в Юго-Осетии, открыто, по-видимому, самое древнее из известных сейчас пещерных палеолитических поселений на территории СССР — пещера Кударо, начало заселения которой относится, должно быть, к началу мустьерского или даже к ашельскому времени.

К северу от Осетии известны отдельные пункты, где встречаются изделия нижнепалеолитического облика. На Кубани они известны в районе станиц Смоленской, Бакинской, Саратовской, Кардоникской, Зеленчукской, в ауле Ходжох, у г. Майкопа.

На Украине весьма ранним по характеру найденных там отщепов клектонского облика и весьма примитивных по обработке ручных рубил нижнепалеолитическим памятником является местонахождение на бичевнике у с. Лука-Врублевецкая на р. Днестре. П. И. Борисковский с достаточными основаниями относит находки из Луки-Врублевецкой к шелльскому времени.

К концу ашельского времени может быть отнесено замечательное поселение в гроте Выхватинцы в Молдавии, где найдены три небольших рубильца, напоминающие западноевропейские рубильца типа микок, а вместе с ними один остроконечник, близкий к мустьерским, дисковидные нуклеусы, а также около двух десятков отщепов.

Особый интерес Выхватинцам придают обнаруженные в гроте вместе с каменными изделиями остатки фауны: кости гигантского оленя, пещерного медведя, пещерной гиены, пещерного льва, мамонта, шерстистого носорога, дикой лошади, зубра, благородного оленя, северного оленя, волка и лисы. Наличие костей гигантского оленя и пещерной гиены может служить свидетельством глубокой древности этого памятника, скорее всего о его рисс-вюрмском, межледниковом, возрасте.

В Крыму к позднеашельскому, по определению Г. А. Бонч-Осмоловского, времени относятся памятники верхнего горизонта Киик-Кобы и поселения типа Чокурчи[2].

Систематические поиски палеолита в Средней Азии дали несколько интересных находок, которые позволяют утверждать, что здесь также жил человек эпохи древнего палеолита. Так, вблизи г. Красноводска найдены отщепы архаического, клектонского облика, а вместе с ними два орудия типа ручного рубила.

Нижнепалеолитические изделия из камня были впервые обнаружены также М. З. Паничкиной и на Волге (в урочище «Красная глинка» и в других местах).

---

[1] В. П. Любин и А. А. Формозов. Изучение нижнего палеолита СССР за последние десять лет. Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов. М., 1956, стр. 7.

[2] Г. А. Бонч-Осмоловский. Итоги изучения Крымского палеолита. Тр. МАИЧПЕ, вып. V, 1939, стр. 132—193; Н. Л. Эрнст. Четвертичная стоянка в пещере у д. Чокурча в Крыму. Тр. МАИЧПЕ, вып. V, стр. 184—206; А. П. Окладников. Древнейшее прошлое Туркменистана (древние охотники и собиратели в степях и пустынях Туркменистана). Труды Ин-та истории, археологии и этнографии АН СССР, т. 1, Ашхабад, 1956, стр. 181—182.

Таким образом, установлено, что древнейшие люди появляются на современной территории СССР в очень отдаленное время, во всяком случае уже в конце шелльского времени. В ашельское время, особенно к его концу, они широко осваивают южные области СССР — Кавказ, Северное Причерноморье, Юг Украины и Крым, а по долине Волги поднимаются довольно далеко на север [1].

В связи с этим особого внимания заслуживает находка на Кавказе остатков человекообразной третичной обезьяны — удабнопитека, в строении зубов которой антропологи находят некоторые специфические особенности, сближающие их с зубами человека. Не исключено, следовательно, что южная часть СССР (в первую очередь Кавказ) входила в зону, где происходил процесс становления человека и возникновения древнейшей культуры предков человека, предшествующей шелльской культуре.

Сравнивая материалы памятников нижнего палеолита друг с другом, можно заключить, что на территории СССР прослеживается (особенно наглядно это видно на Кавказе) такая же, как в большинстве других областей земного шара — в Африке, Европе и Передней Азии, эволюция техники и форм каменных орудий от шелля к ашелю и от ранних стадий ашеля к поздним. Интересно отметить, что на обширных пространствах юго-восточной Азии (в том числе в Китае) пока еще не найдено классических для европейско-африканской области ручных миндалевидных и близких к ним рубил «аббевильского» облика. Вместо них здесь встречаются примитивные рубящие орудия иного облика, с прямым поперечным лезвием, тоже изготовленные из целых галек, но иными техническими приемами (путем затесывания одного края гальки). Эта своеобразная техническая традиция продолжает жить здесь и позже, вплоть до начала неолитической эпохи.

В этой связи привлекает внимание находка такого изделия в древних галечных отложениях Тянь-Шаня, а также наличие аналогичных орудий и других архаических изделий в верхнем палеолите Сибири и в позднейшей гиссарской культуре Таджикистана, где такие изделия сопровождаются уже грубой лепной керамикой.

Не исключено, следовательно, что дальнейшими исследованиями в этих районах будет вскрыта столь же древняя в истоках, сколь и своеобразная эволюция техники обработки камня, близкая к той, которую мы видим на далеком юго-востоке Азии.

* * *

Следующий, мустьерский, этап развития культуры палеолитического человека отмечен, прежде всего, дальнейшим ростом населения в ранее заселенных областях и экспансией палеолитического человека в новые районы. Основными центрами расселения мустьерского человека попрежнему были Кавказ, Крым и соседние с ними районы на юге СССР. В Крыму были исследованы такие замечательные памятники мустьерской культуры, как пещера Шайтан-Коба, Староселье, Кабази, Волчий Грот. На Кавказе к этому времени относятся Ахштырская и Навалишенская пещеры. Остатки поселений открытого типа изучались на территории Армении в Арзни и в Аширабаде. В Грузии мустьерский материал получен при исследовании многослойной пещеры Сагварджиле. Исключительные по яркости материалы дало исследование открытого мустьерского поселения вблизи станицы Ильской. Новейшими исследованиями доказано обилие мустьерских остатков в Южной и Северной Осетии, в Дагестане. Целая серия мустьерских местонахождений открыта на Украине.

---

[1] Г. Ф. Дебец. Основные итоги палеоантропологических исследований в СССР. Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов, М., 1956, стр. 1.

В последние годы мустьерские местонахождения стали впервые известны на Средней Десне и Средней Волге. На Волге, в зоне строительства Сталинградской ГЭС, геологом Н. М. Грищенко открыто уникальное по геологическим условиям мустьерское местонахождение. Как показали блестящие по технике раскопки 1952 и 1954 гг. С. Н. Замятнина, мустьерские культурные остатки залегали здесь на глубине 20 *м*. Они были связаны с древней погребенной почвой последнего, ательского, этапа хазарского времени, перекрытой суглинком ательского же времени. Выше залегала толща морских отложений времени хвалынской трансгрессии Каспийского моря, а в самом верху — желто-бурые лёссовидные суглинки с современной почвой над ними. Площадь стоянки достигала 600—650 *м*^{2}; на ней прослежено около восьми крупных кострищ диаметром 0,5—1,5 *м* и ряд более мелких. Остатки древесного угля показывают, что основным топливом служило дерево.

Среди найденных на стоянке каменных изделий преобладали остроконечники, в том числе асимметричные (с одним прямым и противоположным выпуклым лезвием), а также скребла. Кости животных, найденные в культурном слое, принадлежат зубру, лошади, сайге, мамонту, северному и благородному оленю, волку [1].

Новая обширная область распространения памятников мустьерского облика обнаружена в Средней Азии. Первым таким памятником явился известный грот Тешик-Таш в горах Байсун-Тау, давший пять культурных слоев мустьерского времени и погребение ребенка-неандертальца. Затем были обнаружены новые мустьерские пещеры в тех же горах Байсун-Тау и Аман-Кутан в районе г. Самарканда. За последние годы целая серия мустьерских и, по-видимому, более древних местонахождений зарегистрирована на обширном пространстве по левому и правому берегам р. Сыр-Дарьи между г. Наукатом и г. Ленинабадом [2]. На этих местонахождениях, связанных с галечным аллювием останцов древних террас Сыр-Дарьи, собрано много каменных изделий характерных форм, в том числе нуклеусы и пластины леваллуасских форм, остроконечники, реже скребла. Есть также немногочисленные двусторонние обработанные орудия, близкие к ручным рубилам. В целом весь материал распадается на две группы. В раннюю входят более примитивные и сильнее окатанные изделия из твердого порфирита. В более позднюю — узкие и длинные пластины и остроконечники, а также правильные по форме чечевицеобразные диски-нуклеусы мустьерских форм. Орудия этой группы изготовлены из кремнистых известняков и сланцев черного цвета. Аналогичные находки были обнаружены также на Боз-су в районе Ташкента.

Изучение мустьерских памятников на территории СССР имеет исключительное значение для постановки важнейших проблем первобытной истории, так как освещает то критическое время в эволюции древнейшего человека и общества, когда происходил переход от первобытных формирующихся людей к человеку современного типа и от начальных форм первобытной общины к зрелой родовой организации.

В принципиальной постановке этой сложной проблемы имеются коренные расхождения между различными исследователями. Так, высказывались мнения, что до появления человека современного типа вообще не было общества и никаких общественных связей, а древнейшие люди типа питекантропа, синантропа и неандертальца ничем принципиально не отличались от животных. Их орудия и трудовая деятельность были якобы

[1] Н. К. Верещагин и А. Д. Колбутов. Остатки животных на мустьерской стоянке под Сталинградом и стратиграфическое положение палеолитического культурного слоя. Тр. Зоологического музея АН СССР, т. XXII, М., 1957, стр. 75—89.

[2] А. П. Окладников. Предварительный отчет об исследованиях памятников каменного и бронзового веков в Таджикистане летом 1954 г. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад, 1956; его же. Исследование памятников каменного века в бассейне Сыр-Дарьи осенью 1955 г. Тр. Ин-та истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, 1956.

одинаковы с деятельностью и с так называемыми «орудиями» животных, а поведение и высшая нервная деятельность имели исключительно инстинктивный характер. Критика этих взглядов уже появилась в археологической литературе [1].

Мне в свою очередь представляется, что первой ступенью в развитии орудий труда следует считать появление естественных орудий, данных самой природой в готовом виде. Одновременно с их появлением зарождаются и первые еще животнообразные, т. е. полуинстинктивные формы труда, а также и первые формы объединения предков людей, из которых затем возникает общество (то, что в литературе называется «первобытным стадом»).

Второй ступенью является ступень формирующихся людей, когда появляются искусственные орудия труда, а также огонь. Ступень эта заканчивается в мустьерское время, представляющее собой переходный этап ко времени возникновения человека современного типа, родовой организации, а также искусства и первобытной религии. Противоположностью последней служат реалистические, рациональные представления, положительные знания, рожденные трудом, общественной практикой палеолитических людей.

Этот длительный и сложный процесс становления человека и общества имеет, таким образом, диалектический характер. Мы видим в нем обусловленное борьбой за существование постепенное накопление элементов нового качества, борьбу нового, социального качества со старым, биологическим. Первый такой этап отмечен появлением обезьяно-человека, делающего первые искусственные орудия труда, второй — возникновением человека современного типа, Homo sapiens. Конкретный ход этого процесса, однако, остается во многом неясным из-за немногочисленности документальных данных и их противоречивости.

Одной из самых сложных проблем была и остается проблема появления Homo sapiens и его культуры.

За последнее время становится все яснее и яснее, что если положение о неандертальской фазе в развитии человека в целом остается незыблемым и предположение о существовании «пресапиенса» не выдерживает критики, то в деталях конкретная картина перехода от неандертальской фазы к фазе Homo sapiens значительно сложнее, чем можно было думать раньше.

Некоторые антропологи, например, склоняются к выводу о том, что мустьерские неандертальцы Западной Европы, являющиеся, по их мнению, боковой ветвью эволюции человека, существовали одновременно с Homo sapiens. Основная же линия эволюции человека обнаруживается вне западной Европы, там, где найдены более прогрессивные по своему строению костяки неандертальцев, т. е. в Палестине и, очевидно, в соседних с ней странах Передней Азии.

Особую остроту эта проблема приобретает в результате новейших находок А. А. Формозова [2] в пещере Староселье, где в слое с многочисленными каменными орудиями и фауной мустьерского времени обнаружены, как полагает Г. Ф. Дебец, кости человека современного типа. Конечно не исключено, как это допускает С. Н. Замятнин, что кости человека относятся не к мустьерскому, а к более позднему времени. Но если они синхронны с мустьерскими изделиями, то нужно признать, что в мустьерское

[1] О. Н. Бадер, А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. А. Формозов. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества. Советская археология, 1957, № 1, стр. 256—260.

[2] А. А. Формозов. Стоянка Староселье близ Бахчисарая — место находки ископаемого человека. СЭ, 1954, № 1, стр. 10—22; Я. Я. Рогинский. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье. Там же, стр. 23—27; Г. Ф. Дебец. Основные итоги палеоантропологических исследований в СССР. Доклады советской делегации на V Международном конгрессе антропологов и этнографов, стр. 4—5.

время в Крыму уже существовал человек современного типа и, следовательно, его предшественников нужно искать в более раннее время, т. е. в раннемустьерское время или даже еще раньше, в конце ашельской эпохи.

Не исключено также, что предшественников современного человека нужно искать вне Крыма, на других территориях. В связи с этим исключительный интерес представляют те памятники мустьерского в целом облика, где очень рано обнаруживаются своеобразные, так называемые леваллуасские черты техники обработки камня, столь же древние по своему происхождению, сколь и прогрессивные по характеру. Сюда, в частности, относятся мустьерские местонахождения Средней Азии, которые во многом сближаются с леваллуа-мустьерским средним палеолитом Палестины, Ирана и Передней Азии.

* * *

Не менее сложные проблемы стоят и перед исследователями верхнепалеолитической культуры. Разумеется, невозможно в пределах одной статьи изложить и описать исследования всех верхнепалеолитических памятников на территории СССР, а также подробно охарактеризовать все связанные с ними проблемы.

Изучение памятников верхнего палеолита привело советских исследователей палеолита прежде всего к общему выводу о том, что эта эпоха была временем значительного прогрессивного развития производительных сил древнейшего человечества, больших успехов в развитии хозяйства, труда и техники палеолитического человека.

Если мустьерский человек удовлетворялся фактически двумя-тремя основными видами каменных орудий (нож, скребло, остроконечник), то в верхнем палеолите складывается сложный и разнообразный хозяйственный инвентарь, рассчитанный на удовлетворение разнообразных хозяйственных нужд. Таковы, прежде всего, орудия для производства орудий, т. е. для обработки камня, кости и дерева — отбойники, наковальни для ретуширования, наконец, отжимники, гравировальные инструменты и резцы, представляющие как бы своего рода прототипы современных металлических орудий такого назначения.

Таковы далее специальные предметы охотничьего вооружения, в том числе такие, которые предполагают наличие весьма сложных по конструкции сочетаний нескольких частей (в первую очередь в виде соскакивающих наконечников гарпунов).

Наряду с охотой все чаще и чаще обнаруживаются признаки появления рыбной ловли — изображения рыб, примитивные формы крючков — жерлиц, кости рыб.

Едва ли не самой яркой чертой жизненного уклада верхнепалеолитического времени в приледниковых областях Европы и Азии является возникновение поселений нового типа. Как показали работы советских исследователей, в верхнем палеолите на огромных пространствах Европы и Азии складывается новый, оседлый уклад зимней жизни; появляются хорошо устроенные зимние дома разных размеров и типов.

Поселения состоят, как правило, не из одного дома, а из ряда прочных жилищ, расположенных в определенном порядке как бы по заранее намеченному плану. Некоторые из них, как, например, два ориньяко-солютрейских дома в Костенках I и в Авдееве площадью до 600 $м^2$, поражают размерами и сложностью своей конструкции. Это обширное овальное в плане помещение с рядом очагов, окруженное, кроме того, целой системой дополнительных хозяйственных сооружений — кладовок для ценных вещей, малых землянок, ям-хранилищ для запасов пищи и бивней мамонта. Последние являлись не только материалом для постройки жилищ, но и служили сырьем для скульпторов древнекаменного века.

Правда, в конструкции огромных жилищ костенковско-авдеевского типа многое остается неясным. Археологи могут наблюдать только остат-

ки углубленного в почву пола. Однако до сих пор не удалось выявить с полной уверенностью ямы от столбов, из которых мог состоять каркас жилища. Это может объясняться тем, что такие ямы заплыли лёссовидным суглинком такого же точно цвета и структуры, из какого состоит материк. Поэтому устройство стен и крыши этих построек остается неизвестным. Но удивительное совпадение плана и размеров этих грандиозных жилищ ледниковой эпохи в Костенках и Авдееве не оставляет сомнения в том, что они действительно существовали.

Сам по себе факт существования таких поселений и жилищ служит доказательством возникновения вполне определенных и уже весьма развитых форм общинного быта. Коллектив, заселявший этот общинный дом или целый поселок, должен был подчиняться определенным нормам общественной жизни, в основе которых лежали коллективное производство, общий труд и коллективная собственность на средства и орудия производства, а также несомненно и общая собственность на занимаемую этим коллективом территорию.

Сходство больших палеолитических жилищ типа найденных в Костенках I и Костенках IV с длинными домами ирокезов настолько поразительно, что дает право предполагать также и сходство общественной жизни их обитателей.

Войдя внутрь такого жилища, мы увидели бы, вероятно, по сторонам каждого очага парные семьи; женщин, готовящих пищу, и детей, играющих у костров, т. е. ту картину семейной жизни, которая характерна для родового строя с развитым материнским правом.

О том, что именно так и было на самом деле, можно судить по обнаруженным в верхнепалеолитических жилищах женским изображениям. Смысл этих изображений достаточно полно и наглядно разъясняется этнографическими аналогиями. Они, нужно думать, изображали умерших женщин, были «вместилищами» их душ, составляя, таким образом, целые собрания пенатов женской части общины — ее прародительниц и защитниц от всякого зла.

Таким образом, развитому жизненному укладу верхнепалеолитического времени, связанному с прогрессивным развитием производительных сил и труда, соответствуют и новые черты духовной жизни древнего человека. Самая замечательная такая черта — неожиданное по своей реалистической силе и жизненности искусство верхнего палеолита, превосходные образцы которого обнаружены в Костенках, Авдееве, Елисеевичах, Мальте, Бурети, Мезине и на других палеолитических поселениях СССР.

Сложное и богатое искусство верхнего палеолита должно было, конечно, иметь соответствующее идейное содержание. Для понимания последнего мы имеем право привлечь в качестве сравнительного материала этнографические аналогии, в первую очередь, из быта тех отсталых племен, образ жизни которых был наиболее близок к образу жизни верхнепалеолитического населения Европы и Азии.

Вполне естественно, что это искусство, отделенное от нас тысячелетиями, ограничено главным образом теми сюжетами, которые имеют непосредственное отношение к охотничьей жизни. Не удивительно поэтому, что на первом месте в нем стоит образ зверя, а рядом с ним — образ женщины, неразрывно связанный с общественной жизнью палеолитического человека. Исследованиями П. П. Ефименко была обстоятельно выяснена связь образа женщины в искусстве палеолита с материнским родом и культом плодородия. С. Н. Замятнин столь же убедительно раскрыл связь этого образа с охотничьей магией. К этому следует добавить, что обе эти темы палеолитического искусства, судя по этнографическим аналогиям, не были изолированы друг от друга, а напротив, переплетались друг с другом в сложной и причудливой мозаике идей. Это обнаруживается, например, в широко распространенном древнем охотничьем мифе о женщине-владычице зверей и хозяйке леса, в связь с которой вступает мужчина-

охотник, получающий в награду охотничье счастье. Этот миф может объяснить и характерное сочетание в искусстве палеолита трех образов: женщины, охотника и зверя (Лоссель, Тиут), отмеченное С. Н. Замятниным.

Исключительный интерес для изучения духовной жизни верхнепалеолитического человека представляют далее такие сюжеты искусства, как изображения птиц в Мезине и Мальте, или изображения змей (Мальта) и сложные орнаментальные композиции на костяных изделиях из тех же мезинских раскопок, имеющие в основе меандр. Эти сюжеты были, вероятно, связаны с представлениями о небе, земле и стихиях природы.

Мы знаем, что ранним этапам в развитии матриархального родового общества обычно соответствуют представления о вселенной и о стихиях природы не только как о живых существах, наделенных сознанием, чувствами, волей и воображением, но преимущественно как о животных. Само по себе появление таких понятий должно было означать огромный шаг вперед в развитии мыслительной деятельности человека и резкое расширение его идейного кругозора.

До сих пор человек был ограничен узкими пределами своей долины, своей реки — или реки и долины соседней общины. Теперь появилось нечто гораздо более широкое. Впервые возникает понятие о вселенной как целом. Чтобы оценить историческое значение этого факта, нужно вспомнить, с каким трудом давался человеку каждый шаг вперед в этой области.

В целом все эти элементы первобытного мировоззрения входят в идейную надстройку родового общества верхнего палеолита, главным содержанием которой были представления, направленные на укрепление рода и идеологическое обоснование его норм. Мифы и обряды, а также неразрывно связанное с ними искусство освящали сложившийся веками порядок родовой жизни, теснее скрепляли сородичей.

Общая картина жизни верхнепалеолитического человека, которая восстанавливается по дошедшим до нас археологическим остаткам, еще больше усложняется возникновением ряда больших культурно-этнических областей, больших культурно-исторических ареалов.

Сравнивая особенности палеолитических памятников в различных областях Советского Союза, исследователи давно уже пришли в выводу о том, что они могут быть разделены на три основные группы, каждая из которых свидетельствует об исторически сложившихся чертах своеобразия жизни и культуры древнего населения.

Эти различия связаны с естественно-географическими условиями, которые сложились на протяжении ледникового периода, и в основном уходят в различия между приледниковыми и внеледниковыми областями земного шара, между югом и севером [1].

Работами ряда зарубежных и советских исследователей палеолита уже сравнительно давно были выделены две резко различные основные культурные области верхнего палеолита. Первая из них, атлантическая или приледниковая, характеризуется общим укладом жизни, во многом напоминающим быт современных оседлых охотников прибрежных областей арктической Азии и Америки — эскимосов, сидячих чукчей и коряков. Эти древние охотники на мамонта и северного оленя жили, как уже отмечалось выше, зимой в поселках, состоявших из постоянных прочных жилищ, похожих на эскимосские. Для них характерны высокоразвитая обработка кости и богатый каменный инвентарь. На их поселениях сохранились превосходные образцы реалистического искусства, круглой скульптуры, художественной резьбы, развитой орнаментики.

Памятники этой культуры распространены на всей территории Русской равнины. Таковы замечательные памятники Костенковско-Боршевского района, стоянки в бассейнах рек Десны, Днестра.

[1] П. П. Ефименко. Капсийцы — собиратели и охотники. Из истории докапиталистических формаций. М.— Л., 1933, стр. 87—88.

Приледниковой группе верхнепалеолитических памятников европейской части СССР контрастно противостоит вторая, средиземноморская, или капсийская, область верхнепалеолитической культуры, охватывающая как европейскую, так и африканскую часть средиземноморского побережья, а также весь Передний и Ближний Восток. Сюда же входят верхнепалеолитические и мезолитические культуры Кавказа, Крыма, а также, как показывают новейшие исследования в Туркмении, Узбекистане и Таджикистане,— верхний палеолит и мезолит Средней Азии.

Здесь издавна сложился своеобразный уклад жизни бродячих охотников и собирателей, а в соответствии с этим раньше, чем на севере, возникло такое важное охотничье оружие, как лук и стрелы. В связи с этим находится, вероятно, и столь же раннее развитие своеобразной «микролитической» техники обработки камня: появление мелких пластинчатых изделий геометрических форм в виде треугольников, трапеций, сегментов. Со временем, на основе развитого собирательства здесь раньше, чем на севере, еще в мезолитическое время, возникает и принципиально новое, производящее, а не потребляющее хозяйство — древнейшее мотыжное земледелие, а вслед за ним и скотоводство.

Своеобразные черты характеризуют и третью культурную область — верхний палеолит Сибири [1].

Общий бытовой уклад палеолитических племен Сибири был таким же, как у современного им населения приледниковой зоны Европы. Но в их материальной культуре вместе с тем обнаруживаются иные по происхождению культурные элементы и традиции.

Здесь, в частности, уже в наиболее ранних известных сейчас памятниках обнаруживаются необычные для Европы крупные каменные орудия, изготовленные не из тонких и узких пластин, а из целых галек, расколотых одним поперечным ударом и затесанных вдоль края. Эта своеобразная техника проходит сквозь всю историю сибирского палеолита и обнаруживается даже в начале развитого неолита в изделиях, датируемых исаковской стадией неолита Прибайкалья. Вторая характерная особенность сибирского палеолита — сочетание хорошо развитых нуклеусов призматического типа, пластин и изготовленных из них мелких орудий, например скребков, с дисковидными нуклеусами, скреблами и остроконечниками, напоминающими мустьерские.

По-своему, особыми путями, в каждой из этих трех областей шел процесс развития культуры, протекала конкретная история их населения.

Для понимания этого процесса особенно важное значение имеют новейшие исследования многослойных верхнепалеолитических поселений в Костенках и на Днестре.

Начало раскопкам многослойных памятников в Костенках было положено в 1937 г., когда П. П. Ефименко произвел раскопки вновь открытого Тельманского поселения, в инвентаре которого вместе с солютрейскими по технике изделиями оказались вещи, напоминавшие мустьерские дисковидные нуклеусы, скребла и остроконечники.

Таким образом, на Дону прослеживалось как будто последовательное развитие палеолитической культуры: от мустье к солютре, а от солютре к мадлену и далее к мезолиту. Особо отмечалось при этом, что развитие это было в духе схемы Г. Мортилье, именно непрерывным, тем более, что ориньяк, казалось, отсутствовал.

Дальнейшие работы, в результате которых А. Н. Рогачевым были вскрыты более глубокие слои, принесли, однако, новые и совершенно неожиданные открытия.

Оказалось, что под исследованным в 1937 г. в Тельманской стоянке «архаическим» слоем с изделиями «мустьерского типа» оказался второй

[1] На это указывали уже первые исследователи сибирского палеолита: И. Т. Савенков, Б. Э. Петри, М. П. Овчинников, Г. П. Сосновский, Г. Мерхарт, Л. Савицкий и др.

слой, давший превосходную коллекцию обработанного кремня и достаточно выразительные изделия из кости.

Но здесь, вопреки ожиданию, были обнаружены не мустьерские находки, а изделия совершенно иного облика, изготовленные из тонких и длинных пластин, свидетельствующие о высоком, типично верхнепалеолитическом уровне техники обработки кремня. Это были превосходные полиэдрические резцы, нередко двусторонние, концевые скребки на широких пластинках, пластины с широкими и глубокими выемками по бокам, пластины с затупленной ретушью спинкой, в том числе типа граветт и миниатюрные пластины тончайшей работы, а также скребки высокой формы.

Как характер заготовок, так и специфическая крутая ретушь и типы изделий не оставляют сомнения в их ориньякском, точнее в верхнеориньякском (судя по западным образцам) облике и, очевидно, возрасте. О том же свидетельствуют и костяные изделия.

Не менее ясно выраженный ориньякский облик имеет хотя и немногочисленный, но выразительный инвентарь из расположенного еще глубже третьего слоя Тельманской стоянки. Это преимущественно длинные, широкие, тонкие пластинки, обработанные в характерной ориньякской манере — круговой ретушью вдоль обоих краев, и заканчивающиеся выпуклым лезвием концевого скребка. Здесь же оказался превосходный образец килевидного ориньякского скребка с крутой горбатой спинкой, трехгранной в сечении. Вместе с описанными каменными изделиями обнаружены и типично ориньякские острия из бивня мамонта, овальные или почти круглые в поперечнике. Таким образом, это — среднеориньякский по облику памятник [1].

Не менее выразительны находки в нижних слоях поселения Костенки I, обнаруженные под знаменитым «ориньяко-солютрейским» поселением с огромным овальным жилищем.

Во втором сверху слое здесь снова оказались вместе с нуклевидными орудиями типа скобелей и высоких скребков, с короткими треугольными скребками на пластинах, пластинами, оформленными ретушью вдоль краев, выразительные килевидные скребки а также двусторонний скребок с рабочим концом в виде носика.

Такие же килевидные скребки и скребки с носиком, но в еще более многочисленных и выразительных образцах, обнаружены и глубже, в третьем культурном слое. Их сопровождали концевые скребки на трехгранных в сечении пластинах, боковые и многогранные резцы, грубые острия (в обломках), микроострия с затупленными краями, аналогичные найденным в Тельманской стоянке. Костяные изделия представлены короткими массивными шильями и плоским острием из бивня. Все эти изделия могут считаться в полной мере характерными для среднего ориньяка по западноевропейским масштабам.

Еще важнее открытие под ориньякскими слоями в Костенках I пятого культурного слоя, давшего совершенно неожиданный материал, в том числе как миниатюрные, так и довольно крупные треугольные наконечники двусторонней обработки с выемкой в основании, на первый взгляд сходные с наконечниками неолита или даже бронзового века.

Вместе с ними оказались небольшие скребочки на отщепах подтреугольной формы и целая серия отделанных двусторонней ретушью скребловидных инструментов, напоминающих в то же самое время ручные остроконечники мустьерского типа. Столь же замечательны два целых и два фрагмента крупных миндалевидных острий, точно также обработанных широкими плоскими сколами с обеих сторон. При всем совершенстве отделки их поверхности эти изделия отличаются массивностью и специфи-

---

[1] А. Н. Рогачев. О нижнем слое культурных остатков Тельманской стоянки в Костенках. КСИИМК, вып. XXXVII, 1951, стр. 23—29.

ческой неправильностью их продольного сечения, вызывающей в памяти позднейшие микокские рубила.

В свою очередь скребловидные остроконечники из пятого слоя Костенок I напоминают такие же двусторонние ручные наконечники из мустьерских поселений «с ашельской традицией».

Ближайшей аналогией треугольным, двусторонне ретушированным наконечникам с выемкой в основании могут служить аналогичные наконечники Ильской стоянки на Северном Кавказе [1].

Можно, таким образом, сделать вывод, что оригинальные находки из пятого слоя, столь резко отличные от залегающих над ними солютрейских изделий, находятся в прямой связи с весьма древними памятниками, что они могут уходить корнями в «мустье с ашельской традицией».

Большой интерес представляет далее и то, что в отличие от залегающих выше культурных слоев, в пятом слое совершенно отсутствует, по словам А. Н. Рогачева, обычный широко известный меловый кремень (сеноманский). Все орудия, отщепы и осколки изготовлены из цветного халунного кремня и местного палеогенового кварцита.

Сходная последовательность залегания культурных остатков отмечается и в Чехословакии. Здесь в начале верхнего палеолита прослеживается выросшая из позднего ашеля или мустье с ашельской традицией селетская культура и также отсутствует типичный ранний ориньяк (типа шательперрон) и памятники типа Абри-Оди, связанные с мустьерскими памятниками, а есть только средний и поздний ориньяк западноевропейских классификаций.

Отсюда допустимо предполагать, что развитие местной культуры, выросшей из мустье с ашельской традицией и представленной изделиями нижнего (пятого) горизонта Костенок I, было прервано распространением нового населения, вышедшего из других стран и оставившего после себя памятники нового облика, средне- и позднеориньякские по типу.

Такой вывод подтверждается открытием в Костенках погребения с определенно выраженными негроидными чертами.

Однако в конце верхнего палеолита на Дону снова обнаруживается влияние местного населения, лишь сравнительно ненадолго и недалеко оттесненного ориньякскими и «граветтийскими» пришельцами.

Открытия в Костенках, а также результаты работ на Десне, приводят к необходимости пересмотра прежних представлений о возрасте памятников верхнего палеолита, сформулированных В. И. Громовым. Мустьерские памятники относятся, по его словам, к максимальному, т. е. к днепровскому, а по альпийской схеме — к рисскому времени. Нижний ориньяк он относит к рисс-вюрму, т. е. ко второй половине днепровского оледенения [2].

Эти взгляды, оказавшие большое влияние на работы археологов-исследователей палеолита и, в частности, на датировки ими ряда важных памятников, находятся в резком противоречии с существующими на западе схемами и вместе с тем вызывают большие недоумения. Если принять их, то придется предположить, как это и сделал В. И. Громов, что мустье на территории СССР значительно старше, чем в остальных частях Европы. То же самое должно быть отнесено, естественно, и к верхнему палеолиту.

Этот вывод, однако, встречает серьезные возражения. Так, например, бесспорная связь мустьерских памятников на востоке Европы с солютрейскими, а не с ориньякскими, как это имеет место на западе, и значительный параллелизм общей смены культурных этапов верхнего палео-

[1] А. Н. Рогачев. О нижнем горизонте культурных остатков Костенок I. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 69—73.

[2] В. И. Громов. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Тр. Ин-та геологических наук, геологическая серия, вып. 64, № 17, 1948.

лита на Русской равнине и в Чехословакии, а также в соседних с последней странах Центральной Европы показывают, что мустьерская культура в наиболее поздних ее звеньях доживает, очевидно, и здесь до начала последнего вюрмского оледенения.

Что же касается верхнего палеолита, то, как показали геологические исследования в бассейне р. Десны и в других местах Русской равнины, верхний палеолит во всем его объеме укладывается в вюрмское и последующее послеледниковое время [1].

Не менее сложная картина истории палеолитического человека обнаруживается в азиатской части СССР, в Сибири.

Наиболее ранние памятники позднего палеолита Сибири, поселения типа стоянки у Военного госпиталя, Мальты и Бурети, давно уже обратили внимание исследователей палеолита своим сходством с верхним палеолитом европейской части СССР. Это сходство выражается не только в общих чертах хозяйства и быта, в устройстве жилищ, но и в специфических чертах кремневого инвентаря, в богатом наборе изделий из бивня мамонта, рога и кости, в том числе в скульптурных фигурках, изображающих женщин. Оно дает возможность сравнивать культуру обитателей Мальты и Бурети с раннемадленскими памятниками Европы, а стоянки у Военного госпиталя — с солютрейскими памятниками.

Учитывая эти специфические общие черты с палеолитом запада, можно также предполагать, что они объясняются не простой конвергенцией, а проникновением на восток, вплоть до Байкала, если не далее, палеолитических племен западного происхождения.

В то же время уже в Мальте и Бурети обнаруживаются и грубые орудия с поперечным лезвием, изготовленным из целых галек, расколотых пополам. Таким образом, здесь имело место сочетание различных культурных традиций, западной и восточной; издавна шел процесс скрещения культур, у каждой из которых были свои истоки, у одной — на западе, у другой — на востоке.

Со временем в позднем палеолите облик культуры сибирских племен существенно изменяется. Эти изменения выражаются, прежде всего, в том, что крупных орудий, изготовленных из галек, становится все больше и вместе с тем они претерпевают дальнейшую эволюцию своих форм. Вместо грубых рубящих орудий из массивных галек теперь в массовом количестве распространяются скребла с дугообразно выпуклым лезвием, напоминающие мустьерские скребла. В некоторых памятниках обнаруживаются вкладышевые наконечники из кости, гарпуны из рога благородного оленя, сходные с азильскими, лавролистные ножи или наконечники копий из камня и топоровидные инструменты.

Из архаических элементов культурного комплекса сибирских памятников особенно интересны остроконечники, близкие к мустьерским, и дисковидные нуклеусы.

Если овальные скребла могут быть объяснены как свидетельство автохтонной эволюции древних рубящих орудий, изготовленных из целых га-

---

[1] А. А. Величко пишет, например, по этому поводу, что схема В. И. Громова «несмотря на свою стройность, не находит подтверждения не только в верхнепалеолитических памятниках бассейна средней Десны, на которых она во многом основывалась, но и на обследованных нами памятниках долин Сейма и Дона. Например, Авдеево на Сейме (позднее солютре) соответствует, по полученным данным, концу первой половины валдайского оледенения. На донской стоянке Гагарино (археологическая датировка — поздний ориньяк), по геологическим данным, человек селился в конце валдайского времени. К этому же времени относится позднесолютрейская стоянка Боршево I. Таким образом, имеющиеся у нас материалы говорят о том, что обследованные верхнепалеолитические памятники соответствуют времени валдайского оледенения. Следует отметить, что предлагаемый вывод совпадает со взглядами на геологический возраст верхнего палеолита в зарубежной Европе». См. А. А. Величко. Палеогеография эпохи верхнего палеолита бассейна средней Десны (Автореферат), М., 1957.

лек, то на происхождение остроконечников и дисковидных нуклеусов указывает один недавно обнаруженный памятник верхнего палеолита Алтая — Устьканская пещера.

Находки в Устьканской пещере, описанные С. И. Руденко, замечательны уже тем, что это первое пещерное поселение палеолитического времени, исследованное в Сибири.

Обнаруженная в пещере фауна, в том числе остатки винторогой антилопы и пещерной гиены, свидетельствует о глубокой древности поселения, более раннего, чем остальные сибирские палеолитические поселения, известные в настоящее время и восходящие к позднеледниковому и послеледниковому времени.

Находки в Устьканской пещере могут быть отнесены к сравнительно теплой климатической фазе, предшествовавшей последнему оледенению Алтая, т. е. к рисс-вюрму. Примечательно, что среди каменных изделий, найденных в Устьканской пещере, нет тех привычных для исследователей позднего палеолита Сибири типов, которые определяют облик коллекций, происходящих с таких памятников, как, например, Афонтова гора или Верхоленская гора.

Здесь нет больших скребловидных инструментов с овальным или вообще выпуклым рабочим краем, как нет и крупных каменных орудий из расколотых поперечных галек. Именно эти изделия определяют, как уже отмечалось в нашей литературе, особый азиатский отпечаток, который лежит на каменных изделиях, характерных для позднего палеолита Забайкалья, Восточной и Западной Сибири.

Зато в Устьканской пещере отчетливо выражены те элементы каменного инвентаря и соответствующей техники обработки камня, которые справедливо отмечаются в качестве близких к мустьерским запада: нуклеусы дисковидного облика, снятые с таких нуклеусов широкие и массивные пластины треугольных очертаний, в особенности же многочисленные и очень заботливо оформленные остроконечники мустьерских форм. Вместе с ними, однако, имеются и довольно крупные широкие пластины удлиненных очертаний, а одно острие близко к остриям типа шательперрон.

Чтобы в полной мере оценить это обстоятельство, нужно иметь в виду, во-первых, древний облик фауны Устьканской пещеры, а во-вторых, данные о каменном веке Средней Азии и соседнего Казахстана.

Как уже отмечалось, самые северные известные сейчас в Средней Азии мустьерские находки, обнаруженные в долине р. Сыр-Дарьи около г. Ленинабада (в Кайрак-Кумах), характеризуются не только обычными мустьерскими вещами, но и обилием удлиненных мустьерско-леваллуасских пластин.

Отсюда можно сделать вывод, что мустьерские элементы инвентаря позднепалеолитических поселений Сибири могут быть генетически связаны с мустьерско-леваллуасской традицией соседней Средней Азии. В этой связи особый интерес приобретают сопоставления находок в Устьканской пещере с наиболее ранними верхнепалеолитическими поселениями в Ордосе, в фауне которых тоже имеются весьма древние элементы, включая пещерную гиену и винторогую антилопу.

Таким образом, как на западе, так и на далеком востоке территории СССР развитие палеолитической культуры и истории палеолитического человека не было таким монотонным и единообразным, каким оно рисовалось ранее в духе старых упрощенно-эволюционистических схем и стадиально-автохтонистических концепций, укоренившихся в нашей науке в 30—40-х годах XX в. под влиянием взглядов Н. Я. Марра.

Непрерывный процесс расселения является нормальным и естественным явлением жизни охотничье-рыболовческих племен. В основе его лежит тот факт, что при низком уровне развития производительных сил и потребности в больших пространствах земли, которые могут прокор-

мить охотников, собирателей и рыболовов каменного века, естественное увеличение населения в определенных наиболее благоприятных для этого районах неизбежно приводит к поискам новых земель и к расселению людей в новые области.

Расселение это протекало путем непрерывного расчленения или сегментации древних родов и племен, впервые описанного Л. Морганом на этнографических материалах из Северной Америки.

Расселение древних охотничьих племен приобрело особенно широкие территориальные масштабы в верхнем палеолите в силу того, что некоторое усовершенствование охотничьей техники, по сравнению с мустьерским временем, должно было содействовать росту населения, а в то же самое время приводило к значительному сокращению средств существования в результате истребления дичи.

Неизбежным следствием должен был быть отлив населения из наиболее заселенных и ранее всего освоенных мест в пустынные ранее области севера Европы и особенно Азии.

Именно расселением древних племен в незаселенные или слабо заселенные области и следует, очевидно, объяснить поразительное на первый взгляд единообразие позднепалеолитической культуры Сибири, где мы наблюдаем столкновение не менее трех этнических волн или традиции.

На территории Русской равнины, где население было, по-видимому, гуще, а культура его древнее, события имели более сложный характер, но в основе их лежали те же самые причины.

Подводя итоги, следует сказать, что усилия советских археологов в области изучения палеолита за истекшие 40 лет были не напрасны.

Это были годы неустанной работы по выявлению и накоплению новых сведений о палеолитических памятниках территории СССР, по ликвидации огромных белых пятен на ее археологической карте и выявлению новых обширных областей распространения остатков палеолитической культуры. В эти годы была разработана методика изучения палеолитических памятников, в первую очередь палеолитических поселений и жилищ, а также пещер. Были уточнены приемы поисков нижнепалеолитических поселений открытого типа — в Абхазии, Армении, Юго-Осетии, в Средней Азии.

В результате общий запас известных науке палеолитических местонахождений вырос в сотни раз, а в «золотой фонд» советской археологической науки вошли такие памятники, как нижнепалеолитические местонахождения Кавказа, такие верхнепалеолитические стоянки, как Костенки, Мезин, Елисеевичи, в Средней Азии — Тешик-Таш, в Крыму — Староселье и Киик-Коба, в Сибири — Мальта и Буреть.

В ходе этих исследований были созданы советские кадры специалистов по каменному веку, сложилась советская школа исследователей палеолита, возглавляемая П. П. Ефименко.

Следует особо отметить, что характерной чертой и особенностью этой школы является то, что ее исследования с самого начала были проникнуты историзмом, строились на основе марксизма, на почве диалектики и материалистического понимания истории.

Изучая памятники каменного века, советские исследователи палеолита всегда стремились выявить причинную связь явлений, внутренние движущие силы развития и закономерности исторического процесса. Советских исследователей всегда интересовали не только вещи, но и те люди, которые их оставили; они всегда с особым вниманием относились к основе жизни древнего человека —его трудовой деятельности, к производительным силам и производственным отношениям древних обществ, к общественному мировоззрению наших далеких предков.

Не случайно, например, старейший русский археолог В. А. Городцов, обратившись к изучению палеолита, написал специальное исследование, целью которого было выявить социально-экономические отношения оби-

тателей Тимоновской стоянки, а обобщающее сочинение П. П. Ефименко по палеолиту носит название «Первобытное общество».

Были также случаи, когда советские исследователи, стремясь раскрыть жизнь древнего общества, сбивались с истинного пути на путь вульгарного беспочвенного социологизаторства и примитивного «экономического материализма». Большой вред нашей науке на первых порах нанесли влияния махизма и богдановских концепций; ошибочные стадиально-автохтонистские взгляды Н. Я. Марра, концепции Г. Кунова, Эйльдермана и А. Леви-Брюля, подменявшие подлинные закономерности истории мнимыми, а живое творческое учение Маркса и Ленина — догмой. Однако эти ошибки можно рассматривать как болезнь роста советской археологической науки. В целом же она неуклонно шла по правильному пути, преодолевая ошибки и устраняя извращения.

Продолжая традиции передовой русской науки прошлого, советские исследователи в своих работах всегда отстаивали и пропагандировали передовые идеи нашего века; последовательно разоблачали реакционные концепции, боролись с фашистской идеологией, с расизмом и колониализмом. Развивать и углублять эти прогрессивные традиции, эти характерные черты советской школы исследователей палеолита — наша важнейшая задача.

С. В. КИСЕЛЕВ

ИССЛЕДОВАНИЕ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ТЕРРИТОРИИ СССР ЗА 40 ЛЕТ

На примере изучения бронзового века в СССР ярко можно проследить всю грандиозность изменений в области археологической науки, обусловленных победой Великой Октябрьской социалистической революции, победой марксистско-ленинской теории.

Первые обобщающие исследования по бронзовому веку были сделаны еще до первой мировой войны профессорами Московского и Петербургского университетов, впоследствии крупнейшими советскими археологами В. А. Городцовым [1], А. А. Спицыным [2] и Б. В. Фармаковским [3]. Деление бронзового века южнорусских степей на три ступени (культуры ямную, катакомбную и срубную), выделение фатьяновской и сейминской культур, выяснение глубокой древности северокавказских энеолитических курганов типа Майкопского, определение трипольских площадок как остатков различных по времени жилых домов оказали решающее влияние на изучение истории Восточной Европы. Конечно, эти исследователи создавали тогда свои обобщения на основе идеалистической методологии. Анализ социально-экономических изменений был им чужд. Улавливаемое прогрессивное развитие они объясняли этническими перемещениями, сводили исторический процесс к комбинациям влияний и заимствований или трактовали его с позиций естественно-исторического эволюционизма.

С победой Великой Октябрьской социалистической революции эти наиболее выдающиеся русские археологи отдали все свои силы и знания народу, стали в первые ряды строителей новой науки и культуры. Особенно плодотворны были их усилия по подготовке кадров молодежи, получившей тогда впервые в России возможность заниматься археологией в системе университетского образования.

С помощью этих молодых археологов, студентов и местных краеведов, были осуществлены первые в Советской России археологические экспедиции, связанные с изучением бронзового века. Следует отметить, что исследования сразу же охватили не только Европейскую часть СССР, но и остававшуюся до Октября огромным белым пятном Сибирь. Здесь экспедиция Томского университета собрала замечательные материалы, положившие основу для определения культур бронзового века Саяно-Алтая (афанасьевской, андроновской и карасукской). В изучении исторического развития Северной Азии это имело такое же значение, как и определение культур ямной, катакомбной и срубной в изучении бронзового века Восточной Европы.

Плодотворное влияние марксистско-ленинской методологии сказалось уже в те годы в постановке ряда новых задач перед полевыми исследова-

---

[1] В. А. Городцов. Культуры бронзовой эпохи Средней России. Отчет Исторического музея за 1914 г. М., 1915.

[2] А. А. Спицын. Медный век в верхнем Поволжье. ЗОРСА, т. V, вып. 1, 1903; его же. Курганы скифов-пахарей. ИАК, вып. 67, Петроград, 1918.

[3] Б. В. Фармаковский. Архаический период на юге России. МАР, № 34, Петроград, 1914.

ниями. Это были прежде всего проблемы историко-хозяйственного и социального развития древних обществ. В связи с этим возник особый интерес к изучению поселений бронзового века, сохраняющих важнейшие данные по хозяйственной структуре общества. По-иному стали подходить к исследованию погребений, видя в них выражение многих важных сторон социального строя. Это обусловило разработку новых методических приемов раскопок, фиксации и обработки материалов. Впервые осуществлено творческое содружество археологов с этнографами и лингвистами, с одной стороны, и представителями естественных дисциплин, с другой.

С тех пор исследования в области бронзового века приняли в СССР настолько широкий объем, охватили настолько обширные территории, отразились в десятках книг и сотнях статей и специальных публикаций, что даже самый краткий обзор их потребовал бы написания историографической книги.

В объеме настоящей статьи можно лишь охарактеризовать современное состояние изучения важнейших проблем бронзового века территории СССР и наметить пути и направления первоочередных исследований.

Прежде всего следует отметить, что в решении наиболее общего вопроса — периодизации энеолита и бронзы еще не достигнуто необходимой ясности. В значительной степени это зависит от того, что проблема неолита решается на фактах различного исторического значения. На юге страны (в степной зоне Причерноморья, на Кавказе и в Средней Азии) в настоящее время со все большей определенностью выделяются группы памятников, позволяющих определить время и культурно-исторические особенности неолита как длительной эпохи развития от мезолитической древности до времени распространения первых изделий из меди [1]. На севере, особенно в лесной зоне, хорошо представлены многочисленные и весьма благодарные для культурно-исторической классификации памятники так называемого позднего, или «пережиточного», неолита. Обилие и массовость материала, выражающего определенную систему хозяйства лесных охотников и рыболовов, позволили ряду исследователей нарисовать живую картину общего экономического и социального развития родового общества позднего неолита Севера. Путем выделения местных культур и даже их локально ограниченных вариантов представилось возможным проникнуть в сложные процессы родоплеменной истории, а также проследить ряд передвижений населения в не занятые ранее области Севера [2]. Нужно признать, что специалисты по северному неолиту в отношении глубокого исторического анализа материала во многом опередили своих коллег, занимающихся южным неолитом.

Продолжая свои исторические исследования, они поставили перед собой задачу — проследить взаимоотношение исследованных ими в лесной зоне обществ и событий с тем, что происходило в III и II тысячелетиях до н. э. в более южных районах. И вот тут-то и произошла та культурно-историческая аберрация, которая характерна для многих работ настоящего времени. События энеолитической и даже бронзовой эпохи Юга были включены в чрезвычайно широко понимаемый неолит, якобы продолжавшийся повсеместно чуть ли не до второй четверти II тысячелетия до н. э. Трипольская и ямная культуры и даже фатьяновские, полтавкинские и катакомбные памятники, равно как и среднеднепровские и волынско-мегалитические, стали трактоваться как неолитические. При этом не учитывались особенности наиболее быстро развивавшихся южных районов, связанных с соседними центрами южноевропейской и переднеазиатской цивилизаций. Важнейший период в истории юга территории СССР, энео-

---

[1] А. П. Окладников. Период расцвета первобытно-общинного строя. Средний и новый каменный век. Всемирная история, т. I. М., 1956.

[2] Л. Я. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; М. Е. Фосс. Древнейшая история севера европейской части СССР. МИА, № 29, 1952.

лит, выпадал из периодизации. Нужно исправить этот недостаток. Необходимо уточнение общей периодизации, определение восточноевропейского неолита как строго определенной хронологической и культурно-исторической ступени и сменяющих его энеолитической и бронзовой эпох с выделением в их хронологических рамках обширных пространств, где удерживались пережиточно неолитические формы быта. Следует признать, что особенности позднего лесного неолита не могут служить эталоном для познания процессов общественного развития в собственно неолитическую эпоху.

В этой связи встает еще один вопрос, до сих пор решаемый нами весьма обобщенно,— вопрос об археологической культуре. Понятие археологической культуры нашло свое определение в ряде работ [1]. Однако в археологической литературе продолжают трактоваться как культуры совершенно несоизмеримые явления.

В самом деле, можно ли ставить знак равенства между такими понятиями, как культура ямочно-гребенчатой керамики и, скажем, льяловская, белевская или каргопольская культуры, или, далее, между культурами шнуровой керамики или крашеной керамики и культурой катакомбной, трипольской и т. д.? Совершенно очевидно, что в одних случаях мы имеем дело со строго локальными явлениями, выражающими в культурно-исторических формах развитие определенных ограниченных общностей, в других же случаях речь должна идти о более широких общностях — о культурно-исторических областях, где в силу совершенно конкретных исторических причин создавались известные общие черты, присущие ряду локальных культур. Сами археологические культуры, рассматриваемые в первом общепринятом смысле этого понятия, не могут считаться как нечто абсолютно тождественное друг другу. Возьмем, например, энеолит III тысячелетия до н. э. С одной стороны, мы имеем пеструю мозаику позднеолитических культур лесной зоны, а с другой — такие культурно-исторические массивы, как трипольская культура, древнеямная культура, культуры кельтеминарская, афанасьевская, китойская и т. п. Не подлежит никакому сомнению, что здесь перед нами явления различного социально-экономического и культурно-исторического содержания. Совершенно необходимо раскрыть эти различия.

Все изложенное выше можно будет реализовать только в том случае, если одновременно будут проводиться серьезные работы по хронологии. Эпоха энеолита и бронзы — это время возникновения древневосточных цивилизаций с письменностью, открывающей широкие возможности для погодной хронологизации событий. Огромная работа, проводимая в этой области историками древнего Востока, в том числе и советскими историками, все еще недостаточно учитывается в археологической практике. До сих пор среди археологов имеет распространение неправильное мнение о том, что отставание в культурно-историческом развитии стран периферийных по отношению к основным центрам древних цивилизаций может служить основанием к созданию и иной хронологической шкалы для этих районов. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить свободные от этих предвзятостей новейшие соображения по хронологии энеолита и бронзы южных районов Средней Азии, высказанные в работах Б. А. Куфтина [2] и его молодых продолжателей с гораздо менее убедительными хронологическими построениями наших ведущих археологов-кавказоведов [3].

---

[1] А. Я. Брюсов. Археологические культуры и этнические общности. СА, XXVI, 1956, стр. 5—27; М. Е. Фосс. О терминах «неолит», «бронза», «культура». КСИИМК, вып. XXIX, 1949, стр. 33—47.

[2] Б. А. Куфтин. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытных оседло-земледельческих поселений эпохи энеолита в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956.

[3] Б. Б. Пиотровский. Археология Закавказья. Л., 1949; его же. Тезисы доклада «Закавказье и Древний Восток» на конференции по археологии Кавказа. М., 1956.

Необходимо сосредоточить серьезное внимание на вопросах абсолютной хронологии. Нужно критически рассмотреть уже имеющиеся хронологические системы и попытаться выявить все наиболее серьезно обоснованное [1]. Наиболее перспективным кажется (по крайней мере для Восточной Европы) метод перекрестных датировок, исходящий из сопоставлений, с одной стороны, с материалом среднеевропейским, т. е. в конечном счете восточносредиземноморским [2], а с другой, через Кавказ — с хронологическими системами Передней Азии [3]. Этот метод может быть выдержан и для Сибири, где восточноевропейским и средневосточным (среднеазиатским) датировкам с каждым годом все с большей определенностью могут быть противопоставляемы хронологические определения, выясняемые китайской археологией [4]. Наряду с этим должны с особым вниманием расширяться работы по стратиграфии, так как они могут многое сказать в вопросах не только последовательности, но и преемственности археологических явлений.

* * *

Значение разработки очерченных выше общих проблем, может быть, ярче всего выступает в области исследования одной из самых замечательных культур восточноевропейского энеолита — трипольской культуры.

Советская археология получила в этой области наследство, хотя и богатое отдельными раскопками, давшими большие серии находок, но совершенно не систематизированное ни в хронологическом, ни в социально-экономическом и культурно-историческом отношении.

Пришлось сразу работать и над систематизацией старого накопленного материала и организовывать планомерные раскопки для накопления недостающих фактов. Эта задача сейчас может считаться решенной. Исследования по трипольской керамике [5] и опыт периодизации трипольских поселений, в большом числе раскопанных за 40 лет на Правобережной Украине, в Западной Украине и в Молдавии, позволили создать картину исторического развития населения трипольской культуры, историю его хозяйства, быта, общественных отношений [6].

В настоящее время исследователи трипольских памятников больше всего заняты решением трех важнейших вопросов. Прежде всего выясняются исторические корни трипольской культуры. За последнее время главным образом в Молдавии удалось открыть такие многослойные поселения, в которых наряду с классическими наслоениями древнейшего Триполья (еще с нерасписной керамикой типа Извоаре I) найдены подстилающие их или параллельные им слои других культур — линейно-ленточной (ступени нотного орнамента) и культуры типа Боян (ступени Джулешты) [7]. Предстоит глубокое исследование этих фактов, которое одно

[1] Специалисты по неолиту в этом отношении идут впереди. См. А. Я. Брюсов. Некоторые теоретические основы хронологии неолита. СА, XVIII, 1953, стр. 13—48.

[2] V. Milojčič. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel und Südosteuropas. Berlin, 1949; Г. Чайлд. У истоков европейской цивилизации. М., 1952; V. G. Childe. Notes on the Chronology of the Hungarian Bronze Age. Acta Archaeologica, т. VII, Budapest, 1956.

[3] C. Shaeffer. Stratigraphie comparée et Chronologie de l'Asie Occidentale III et II millénaires. Oxford, 1948; A. Perkins. The Comparative Archaeology of Early Mesopotamia. Chicago, 1950; Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.

[4] С. В. Киселев. Древняя история южной Сибири. М., 1952; А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III. МИА, № 43, 1955.

[5] T. Passek. La céramique tripolienne. Leningrad, 1935.

[6] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949; С. Н. Бибиков. Поселение Лука-Врублевецкая. МИА, № 38, 1953.

[7] Т. С. Пассек. Новые открытия на территории СССР и вопросы позднеэнеолитических культур Дунайско-Днестровского междуречья. Тезисы докладов на сессии ОИН и на пленуме ИИМК 1956 г., М., 1957, стр. 25.

только позволит окончательно решить вопрос о том, какова была роль поздненеолитических культур дунайского бассейна, культур Средней Европы типа Кереш и, наконец, неолитических культур Днепро-Днестровского района в формировании и расселении трипольских племен. Это же приведет и к уточнению нижних дат, возможно уходящих в IV тысячелетие до н. э.

Второй вопрос, который предстоит решить исследователям трипольских памятников, состоит в определении локальных вариантов, что приведет к раскрытию племенной структуры трипольцев [1]. Третий вопрос — это проблема взаимоотношений с соседними племенами других археологических культур. Сейчас уже ясно, что эти взаимоотношения были различны и по своему характеру и во времени. Во многом от решения этого вопроса зависит и выяснение судеб Триполья. После блестящих открытий на Днестре (могильник у с. Выхватинцы и др.) уже нельзя утверждать, что городско-усатовский этап представляет собой нечто разорванное и не связанное с предшествующей историей Триполья, как это еще недавно предполагали некоторые авторы. Перед нами сложный процесс деформации трипольцев, оттесняемых к Карпатам нажимом различных более восточных племен. При этом нельзя не учитывать и последствий внешних связей, на которые все более и более намекает сходство между малоазийской расписной керамикой начала II тысячелетия до н. э. и росписями сосудов Усатова, Городска и Выхватинцев.

Особенно много предстоит сделать исследователям не трипольских памятников Поднепровья и Волынско-Подольского района. Описанная В. А. Городцовым так называемая среднеднепровская культура, опыт периодизации которой дала Т. С. Пассек, все еще оставляет много вопросов, начиная с ее происхождения, взаимоотношений с Трипольем, культурами Волыни, Подолии и Верхнего Днепра. До недавнего времени здесь препятствием являлась крайняя скудость материала. За последние годы работы И. К. Свешникова и Ю. Н. Захарука над памятниками северо-западной части Украины, использующих также и труды польских археологов, вскрывают сложные взаимоотношения с унетицкой и тшенецкой культурами и прослеживают восточные, верхнеднепровские связи [2]. Все еще остается нерешенным вопрос, ставившийся за последние годы как советскими, так и зарубежными археологами (Г. Чайлд), о роли в формировании так называемых культур шнуровой керамики Западной Украины тех племен, которые обитали в III и в начале II тысячелетия до н. э. в южнорусских степях и на Северном Кавказе. Решение этой задачи может коренным образом изменить наши представления о процессе сложения племенной карты всей средней Европы в конце энеолита и в эпоху ранней бронзы, поэтому исследования в этом направлении должны быть поставлены в первую очередь. Выяснение процесса взаимоотношений степных культур шнуровой керамики и северо-западной части Украины (так же, как и Белорусского Поднепровья и Волго-Окского междуречья) сильно затрудняется малой изученностью лесостепной зоны и южных областей леса. До сих пор мы очень мало работали на Гомельщине, в Брянской, Черниговской, Тульской, Орловской, Пензенской, Тамбовской областях и на юге Мордовии и Рязанщины. Остается малоизученным также целый район от р. Припяти и до Суры и Свияги, где, судя по отрывочным данным, а также исследованиям М. Е. Фосс, происходили сложные процессы, во многом определившие то своеобразие форм, в которые выливались связи между степным югом и более северными и северо-западными областями. Знакомство с прибалтийскими памятниками бронзового века также

---

[1] Е. К. Черныш. К вопросу о раннетрипольских поселениях. Изв. Молдавского филиала АН СССР, № 4, Кишинев, 1956.

[2] І. К. Свэшніков. Мегалітичні поховання на західному Поділлі. Львів, 1957.

позволяет считать, что далеко не все в них можно относить к явлениям, всецело принадлежащим к северному кругу прибалтийских культур, но видеть и здесь участие материковых элементов.

Значительно продвинулись вперед наши знания по позднему бронзовому веку Правобережной Украины, где особенно после Великой Отечественной войны исследовались памятники комаровской, высоцкой, чернолесской и других культур, позволяющих, с одной стороны, связывать бронзовый век этой области с последующим развитием в скифское время [1], а с другой — работать над проблемами славянского этногенеза [2].

Особенно большой вклад внесен сорокалетним трудом советских археологов в разработку вопросов фатьяновской культуры. Определенная А. А. Спицыным и В. А. Городцовым, эта культура долго не могла быть исследована более глубоко из-за недостаточности материала.

Созданная при Московском отделении ГАИМК так называемая Фатьяновская комиссия проделала в 30-х годах XX в. большую работу. Ею были объединены все археологи, интересовавшиеся фатьяновскими памятниками, был мобилизован большой материал, в значительнейшей части добытый новыми раскопками. Были осуществлены и важные публикации новооткрытых Фатьяновских могильников [3]. Это позволило О. А. Граковой выступить с известной периодизацией, связывавшей происхождение племен фатьяновской культуры с Верхним Поднепровьем и изображавшей три этапа их передвижения с запада на восток — московский, иваново-ярославский и чувашский [4]. В этой работе оказалась решенной задача определения последовательности событий в истории фатьяновских племен. Однако тезис автора о переселении можно оспаривать. Фатьяновские племена, осваивая при расселении все новые и новые земли, могли не покидать ранее занятых районов. Признавая движение фатьяновских племен от Верхнего Днепра к Волге, исследователи тем не менее не могут не обращать внимание на появление уже на иваново-ярославской ступени таких особенностей фатьяновской культуры, которые могли быть восприняты только при распространении их с юга, из Предкавказья, по Волго-окскому пути. Таким образом, самый процесс формирования фатьяновской культуры выглядит в настоящее время динамическим и сложным.

Большое значение для изучения фатьяновской культуры имеет открытие фатьяновских поселений как в низовьях Оки, так и южнее в Чувашии, и на юго-востоке Мордовии. Последнее открытие разрешает вопрос о поселениях фатьяновцев, показывая их (по крайней мере на юго-востоке их территории) оседлыми и, по-видимому, овладевшими земледелием, а не только одним скотоводством [5].

Изучение фатьяновских могильников и поселений в Среднем Поволжье открывает большие перспективы в исследовании ряда других культур, возникновение которых остается пока неясным (сейминская культура, абашевская культура).

---

[1] А. И. Тереножкин. Культура предскифского времени в Среднем Поднепровье. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.

[2] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953.

[3] О. А. Гракова. Горкинский могильник. Тр. ГИМ, вып. VIII, 1938; О. Н. Бадер. Могильники в урочище Карабай, близ Баланово в Чувашии. СА, т. VI, 1940; его же. Лихачевский могильник. СА, II, 1937; С. В. Киселев. Могильник близ ст. Икша. Московский краевед, 1929, № 3; Д. А. Крайнов. Вауловский могильник. Тр. ГИМ, вып. XII, 1941; А. Ф. Дубынин. Ковровский фатьяновский могильник. КСИИМК, вып. 53, 1954.

[4] О. А. Кривцова-Гракова. Хронология памятников фатьяновской культуры. КСИИМК, вып. XVI, 1947; см. также A. J. Brjusov. Die Wanderungen der urspünglichen Stämme und die Resultate der Archäologie. Die Entstehung der Fatjanovo Kultur. Acta Archaeologica, т. XXV, Kobenhavn, 1954.

[5] П. Д. Степанов. Фатьяновские поселения в Западном Поволжье. КСИИМК, вып. 53, 1954; его же. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне р. Мокши. КСИИМК, вып. 59, 1955.

Исследования на р. Оке открыли ряд своеобразных памятников, которые не могут быть связаны с местным развитием позднеэнеолитических племен лесной зоны. Памятники панфиловской и поздняковской культур отражают проникновение на Оку в III и во II тысячелетиях до н. э. племенных групп, связанных с югом и Прикамьем. Таким образом, историческое развитие населения Волго-Окского междуречья представляется в настоящее время в виде сложнейшего узла событий. В изучении их не может быть допущена какая-либо схематизация. Дальнейшее накопление фактов позволит решить окончательно вопросы происхождения, распространения и судеб фатьяновской и других культур Волго-Окского междуречья.

До революции Прикамье и Урал представляли собой почти не исследованные в отношении бронзового века пространства. Лишь многочисленные находки бронзовых орудий и замечательная коллекция сборов на Шигирском торфянике приоткрывали завесу над древнейшей историей этого края. Трудами Д. Н. Эдинга, П. А. Дмитриева, К. В. Сальникова, Н. А. Прокошева, О. Н. Бадера, А. В. Збруевой и А. П. Смирнова к настоящему времени исследовано множество памятников Прикамья и Урала, и на их основе создана весьма полная характеристика исторического развития этих районов в энеолитическую и бронзовую эпохи. При этом удалось определить два самостоятельных центра медной индустрии — Уральский и Камский.

Исследования Горбуновского торфяника и окружающих стоянок позволили воссоздать картину жизни охотничье-рыболовческих племен Урала, начиная с неолитической древности. Эти раскопки обогатили советскую археологию богатейшей коллекцией предметов, обычно не сохраняющихся,— изделий из дерева, бересты, прутьев, волокон и тому подобных нестойких материалов. Замечательные реалистические изображения зверей и птиц существенно пополнили наше представление о культуре и искусстве лесного Урала II тысячелетия до н. э. Оказалось, что это искусство в свое время было характерным и для других частей лесной зоны как к западу, так и к востоку от Урала.

Перед исследователями бронзового века Урала и Прикамья еще очень много нерешенных вопросов; одним из них является вопрос о понимании сейминских и турбинских памятников. С находкой Турбинского и Усть-Гайвинского могильников становится все более ясным, что от низовьев р. Оки и до Приуралья, а может быть, и дальше, на Урал, протянулась область распространения весьма сложных могильников сейминского типа. Делаются попытки связать их с некоторыми поселениями, объяснить их происхождение. Можно с уверенностью говорить, что фатьяновские племена, наиболее восточный могильник которых зарегистрирован сейчас на р. Вятке, равно как и срубные и абашевские племена, сыграли большую роль в формировании Сейминско-Турбинского комплекса. Предстоит еще выяснить роль местных камских и уральских племен, в употреблении у которых, судя по находкам, было особенно много бронзовых изделий, характерных для Сеймы и Турбина. Необходимо исследовать и те предметы этого комплекса, которые указывают на отдаленные связи как с Западом, так и с Дальним Востоком (копья с вильчатым стержнем, массивные ножи и кольца из белого камня).

За последнее время в Прикамье и на Урале стали решаться вопросы связей населения северных лесных зон с южными. Обнаружились целые области, где культурное развитие приняло своеобразные смешанные формы. Как на пример можно указать на изученную казанскими археологами Н. Ф. Калининым и А. Х. Халиковым так называемую приказанскую культуру, в которой на протяжении многих веков совмещались черты местного развития с южным влиянием.

Важным достижением в работах по бронзовому веку Прикамья и Урала является также установление А. В. Збруевой и А. П. Смирновым связи

между культурами бронзы и позднейшим развитием уже в раннем железном веке (таких, например, культур, как ананьинская) [1].

Южнорусские степи, культурное развитие населения которых в бронзовом веке было обрисовано свыше пятидесяти лет тому назад В. А. Городцовым, исследовались после Великой Октябрьской социалистической революции весьма интенсивно. В результате многих раскопок, частично опубликованных, собран огромный новый материал, позволивший выполнить ряд обобщающих монографий.

Памятники ямной культуры в этом отношении составляют печальное исключение. Большой материал, накопленный при исследованиях Б. Н. Гракова — около Никополя, А. И. Тереножкина — на р. Молочной и в Приазовье, П. С. Рыкова и И. В. Синицына — в Нижнем Поволжье, а также при раскопках ряда других археологов в Поднепровье, на Дону, на Северном Кавказе и в Южном Зауралье, до сих пор не обобщен монографически. Периодизация памятников ямной культуры до сих пор неустойчива. Однако можно определенно сказать, что эти энеолитические памятники III тысячелетия до н. э. отражают гораздо более высокую социальную организацию и более совершенный уровень культуры, чем это представлялось в свете ранних раскопок В. А. Городцова. Об этом свидетельствуют большие, напоминающие скифские, курганы на Никопольском поле и часто встречаемое погребение мужчины в центре кургана.

Наконец, находка А. И. Тереножкиным остатков повозок с массивными деревянными колесами позволяет отнести применение колесного транспорта еще к ямной культуре, а следовательно, допускает наличие достаточного уровня скотоводства, в частности наличие крупного рогатого скота.

Однако по сих пор остаются невыясненными многие важные вопросы. Граница распространения ямных погребений еще весьма расплывчата и плохо прослежена как раз в наиболее исторически важных местах, например в Поднепровье, на Северном Кавказе и в Зауралье. Происхождение ямной культуры, хронологическая периодизация ее памятников, местами, например в Поднепровье, сохраняющихся и во II тысячелетии до н. э., взаимоотношения племен ямной культуры с другими соседними племенами на различных этапах ее истории выяснены крайне недостаточно. (На сложность как периодизации ямной культуры, так и ее взаимоотношений с соседними культурами указывает, например, материал Михайловского поселения на Днепре, раскопанного Е. Ф. Лагодовской). Наконец, до сих пор не ясны дальнейшие судьбы ямной культуры. Отдельные исследователи с большей или меньшей убедительностью рисуют картину происхождения от ямной культуры культур катакомбной, срубной и ряда других вплоть до северокавказской и андроновской. Однако, когда все эти построения сопоставляются вместе, ямная культура оказывается обладающей такой исключительной «способностью» к самым различным превращениям, что у непредубежденного археолога закрадывается вполне законное сомнение. Возникает настойчивое требование объяснить это удивительное явление. Дифференцированное изучение ямной культуры, ее локальных группировок, вероятно, позволит объяснить происхождение из нее ряда позднейших, мало сходных друг с другом культур тем, что они возникали в различных исторических условиях и на разных ступенях развития отдельных групп племен ямной культуры.

Катакомбной культуре прежде всего «повезло» именно в этом отношении. Уже в ряде работ, начиная с известной публикации М. И. Артамоновым материалов из его раскопок на р. Маныче [2], обращалось внимание на локальные варианты катакомбных памятников. Сейчас мы располагаем

[1] А. В. Збруева. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30, 1952; А. П. Смирнов. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28, 1952.

[2] М. И. Артамонов. Раскопки курганов в долине р. Маныч. СА, IV, 1941.

специальными исследованиями этого вопроса [1]. Дифференцированный подход к отдельным группам памятников катакомбной культуры позволил гораздо конкретнее представить хронологическую ее периодизацию, а такие явления, как погребение главы патриархальной семьи, погребения родовых вождей, хорошо прослеживаемое в погребальном ритуале появление зачатков патриархального рабства, позволили наметить основные направления в области социально-экономического развития. Следует указать на большое число выявленных поселений катакомбной культуры, благодаря исследованиям которых детальнее раскрылась картина производственной жизни земледельческо-скотоводческих «катакомбных» племен.

Важно отметить также выявление в различных районах распространения катакомбной культуры позднейших ее памятников, по-видимому, середины II тысячелетия до н. э. Изучение этих памятников в Крыму, где позднекатакомбные поселения были обнаружены И. Т. Кругликовой при исследовании архаического Киммерика [2], впервые поставило на очередь вопрос о связи позднекатакомбных памятников с последующим развитием киммерийских племен. Эта возможность связать киммерийские племена с более древней местной средой приобретает теперь все больше сторонников. Наконец, нельзя не остановиться на чрезвычайно важном факте — обнаружении катакомбных памятников далеко на юг от р. Маныча, который первоначально считался как бы южной гранью распространения «катакомбных» племен. В настоящее время погребения катакомбной культуры найдены Е. И. Крупновым на р. Тереке в непосредственной близости от Кавказского хребта. Исследователи Дагестана К. Ф. Смирнов и Р. М. Мунчаев выявили катакомбные погребения в окрестностях Махачкалы. Судя по вещам, эти погребения связываются с местными памятниками энеолитической традиции (северный вариант шенгавитской культуры) [3]. В более западном, Кубанском, районе исследователи Северного Кавказа Е. И. Крупнов и А. А. Иессен выделяют так называемую северокавказскую культуру [4], памятники которой обнаруживают генетическую связь с наиболее богатой, непосредственно связанной с Передней Азией энеолитической культурой Северного Кавказа — культурой Майкопских курганов и поселений типа Долинского. Однако северокавказская культура на своем раннем этапе оказывается настолько близкой к катакомбной культуре, что не исключается возможность видеть в ней еще один локальный вариант последней.

Таким образом, как в восточной, так и в западной части Северного Кавказа в настоящее время отмечается непосредственный контакт, а в ряде случаев и генетическая связь памятников катакомбной или близкой ей культуры с северокавказским энеолитом, в свою очередь тесно связанным с центрами древневосточной цивилизации.

Много сделано за истекшее сорокалетие и в области археологии Центрального Кавказа и Закавказья. Прежде всего установлено довольно раннее развитие местной металлургии меди. Открыты и исследованы замечательные памятники разных этапов бронзового века Кавказа, ранее совершенно неизвестные, как, например, Шенгавитское поселение [5], кур-

---

[1] Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955.

[2] И. Т. Кругликова. Памятники эпохи бронзы из Киммерика. КСИИМК, вып. XLIII, 1952.

[3] Р. М. Мунчаев и К. Ф. Смирнов. Памятники эпохи бронзы в Дагестане. СА, XXVI, 1956.

[4] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки. МИА, № 23, 1951; Е. И. Крупнов. Древнейший период истории Кабарды. Сборник по истории Кабарды, вып. I. Нальчик, 1951; его же. Материалы по археологии Северной Осетии дожобанского периода. МИА, № 23.

[5] Е. А. Байбуртян. Культовой очаг из раскопок Шингавитского поселения в 1936—1937 гг. ВДИ, 1939, № 4.

ганы в Триалети [1] и у г. Кировокана, огромные могильники у г. Мцхети (Самтавро) [2] и у Мингечаура [3] и др. Выявлены новые археологические культуры, как триалетская, каякентско-хорочоевская [4], прикубанская и другие.

Крупным достижением закавказских археологов, является выяснение особенностей куро-аракской энеолитической культуры [5]. В связи с обнаружением весьма близких памятников и на Северо-Восточном Кавказе (Каякентское, Великентское, Луговое поселения [6] и др.) встает проблема изучения этой культуры в общекавказском масштабе в целях выявления ее локальных вариантов, уточнения датировки путем сопоставления связей и взаимоотношений ее носителей с населением Передней Азии.

Для изучения производственной деятельности древних племен Кавказа особенно важны исследования, помогающие решению вопросов, связанных с зарождением и ранним развитием кавказской металлургии меди и других цветных металлов [7]. Нужно активнее расширять эти перспективные полевые работы в местах древних горнорудных выработок меди, свинца, сурьмы и других цветных металлов (в Геби, Брили, Тырны-Аузе и т. п.) [8], весьма важные для освещения древнейшей местной сырьевой базы, снабжавшей растущую кавказскую металлургию и поставлявшей металл в эпоху ранней бронзы даже в далекие степи Украины и Поволжья.

Общеизвестно большое научное значение для истории СССР таких первоклассных и разновременных памятников энеолита и бронзового века Кавказа, как курганы в г. Майкопе, у станицы Новосвободной, в Триалети, у г. Кировокана [9], Севанские курганы [10] у с. Лчашен и др.,связывавшие древние культуры СССР с цивилизациями древнего Востока. К сожалению, до сих пор окончательно не определена еще датировка некоторых из них, не установлены ареалы распространения представленных ими культур, а главное, окончательно не уточнено их прямое соответствие с памятниками древнего Востока.

Полевая и исследовательская работа археологов в 20-х и 30-х годах нынешнего столетия значительно продвинула проблему изучения «крашеной керамики Закавказья» типа Кзыл-Ванкской путем попыток установления ее взаимосвязей с культурами расписной керамики Передней и Малой Азии (Сузы, Богазкей и др.) [11]. Сейчас остро чувствуется нужда в продолжении этой хорошо начатой работы.

Немало сделано кавказоведами в изучении таких культур позднебронзового века, как ходжалы-кедабекская, колхидская, кобанская и др. [12]. В настоящее время археологи начинают больше обращать внимания на признаки как объединяющие эти культуры, так и разделяющие их. Это значительно облегчает задачу выделения локальных вариантов

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, т. I. Тбилиси, 1941.

[2] А. Н. Каландадзе. Периодизация памятников Самтавро. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

[3] Материальная культура Азербайджана, Баку, т. I, 1949; т. II, 1951; т. III, 1953.

[4] А. П. Круглов. Северо-Восточный Кавказ во II—I тыс. до н. э. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 130.

[5] Б. А. Куфтин. К проблеме энеолита Внутренней Картли и Юго-Осетии. ВГМГ, т. XIV-B, 1947.

[6] Е. И. Крупнов. Прикаспийская экспедиция. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 95.

[7] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. Изв. ГАИМК, вып. 120, М.— Л., 1935.

[8] Г. Ф. Гобеджишвили. Памятники древнегрузинского горного дела и металлургии в окрестностях Геби. Сообщ. АН ГрузССР, т. XIII, № 3, Тбилиси, 1952, стр. 188.

[9] А. Л. Монгайт. Археология в СССР. М., 1955, стр. 118.

[10] А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. СА, 1957, № 2, стр. 146.

[11] А. А Алекперов. Крашеная керамика Нахичеванского края и Ванское царство. СА, IV, 1937, стр. 249; А. А. Захаров. Хеттская керамика из Богазкея и некоторые закавказские параллели. Изв. Об-ва изучения Азербайджана. Баку, 1928, № 5, стр. 144.

[12] Е. И. Крупнов. Древняя история и культура Кабарды. М., 1957, рис. 21, карта.

отдельных культур, что, очевидно, будет соответствовать распространению древних племенных групп — носителей определенных культур.

Наконец, крупнейшим итогом кавказской археологии последних лет является установление факта довольно раннего, даже для юга нашей страны, изобретения гончарного круга и особенно появление и распространение железа уже в конце II тысячелетия до н. э.[1]

За 40 лет советские археологи во много раз увеличили фонд памятников срубной культуры, изучавшихся на обширной территории, простирающейся от Булгарского Заволжья до Каспия и до Днепра. Особенно важна работа по изучению многочисленных «срубных» поселений. Их материалы, например поселения у хут. Ляпичева на Волго-Доне, к изучению которого приложили усилия такие исследователи, как М. И. Артамонов, А. А. Иессен и М. П. Грязнов, открыли картину внутренней жизни земледельческих оседлых племен срубной культуры. Вместе с тем находки псалий в срубных погребениях середины II тысячелетия до н. э. позволяют считать, что в это время лошадь не только была приручена, но уже использовалась для верховой езды. Организованные в связи со строительством волжских электростанций большие археологические работы позволили Н. Я. Мерперту, И. В. Синицыну и К. Ф. Смирнову осуществить полное исследование многих курганов срубной культуры[2] и установить особенности погребального обряда, характерного для первобытной общины. Широта исследований срубной культуры позволила выявить несколько этапов ее развития, причем удалось установить, что в Поволжье протекал процесс ее формирования. Установлено также, что сформировавшееся на Волге население срубной культуры затем широко расселилось как за Волгу, где осуществился контакт с абашевскими, и с андроновскими племенами Приуралья, так и особенно на запад, вплоть до Поднепровья. Это движение срубных племен на запад ряд исследователей склонны связывать с расселением скифских племен и вытеснением киммерийцев, признавая тем самым в племенах срубной культуры предков скифов. Эта гипотеза, как и большинство подобных этногенетических гипотез, очень заманчива. Однако монографическое изучение срубной культуры, осуществленное в последние годы О. А. Граковой[3], убедительно показывает, что на пути своего превращения в теорию эта гипотеза встречает еще очень много препятствий. Предстоит уделить большое внимание выяснению процесса сложения срубной культуры. Выделение полтавкинских памятников еще не решает этого вопроса. Обнаруженные И. В. Синицыным, К. В. Сальниковым и К. Ф. Смирновым — археологические и Г. Ф. Дебецом — антропологические контакты и взаимосвязи между заволжскими срубными и приуральскими андроновскими племенами показывают, что перед нами сложнейший процесс возникновения двух чрезвычайно близких друг другу великих культур, из которых одна заняла пространство от Приуралья до Днепра, а другая — до Енисея. К сожалению, сущность этого процесса пока остается не раскрытой. Ясно только, что при решении вопроса о происхождении как срубной, так и андроновской культур нельзя не учитывать их родства и соприкосновения.

Исследователи срубной культуры много сделали для выделения позднейших памятников этой культуры начала I тысячелетия до н. э. и проследили их переход в раннескифскую культуру. Однако необходим критический пересмотр определений некоторых поздних памятников, особенно расположенных в Приазовье и Поднепровье. Следует осторожно пользоваться таким признаком, как орнамент на сосудах в виде налепного вали-

[1] Доклад Абрамишвили на Кавказской археологической конференции в Ереване в октябре 1956 г. СА, 1957, № 1, стр. 300.

[2] Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. Тр. Куйбышевской археологической экспедиции, т. I. МИА, № 42, 1954.

[3] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955.

ка с нарезками. Дело в том, что в близких к этому району областях Среднего Подунавья и Закарпатья этот вид орнамента широко распространен уже в энеолите [1] или, как в Румынии, встречается на всем протяжении бронзового века [2]. Отдельные его элементы в виде налепных валиков и нарезок известны в Триполье. Необходимо также пожелать, чтобы начиная со времени срубной культуры исследователи уделяли больше внимания и другим видам памятников, а не только керамике. Наряду с тщательным изучением керамики, изменений типов форм и орнамента сосудов встречается чисто описательный подход ко всякому другому виду инвентаря. Так, бронзовые орудия, например, изучаются недостаточно; нет пока картографирования находок каждого типа. Мало внимания уделяется анализу привозных вещей, нередко встречающихся в кладах, хотя это позволяет произвести проверку хронологии на новом виде фактов. Надо обратить внимание и на взаимоотношения «срубных» племен с их соседями.

Выше говорилось о взаимосвязях между срубной и андроновской культурами. Имеются и кавказские связи. Нельзя ограничиваться также тем, что уже изучено в области Поднепровья и Поволжья, в частности, по вопросам сейминских, абашевских и поздняковских памятников. Крайне необходимо, чтобы памятники срубной культуры были разъяснены до конца и со стороны скифской и киммерийской проблем. Необходимо также учесть все то новое, что получили исследователи Крыма по кизил-кобинской культуре. Она представляет интереснейшее явление, так как в ней сочетаются многие черты поздней бронзы Кавказа и причерноморских степей [3].

В последние годы особенно большие успехи были достигнуты в области археологического изучения Средней Азии. На юге благодаря деятельности Таджикской экспедиции под руководством А. Ю. Якубовского и М. М. Дьяконова и Южно-Туркменистанской экспедиции под руководством М. Е. Массона получили широкое развитие исследования в области древнейших культур. В настоящее время трудами А. П. Окладникова открыты на юге Средней Азии не только остатки среднего и верхнего палеолита, но и древнейшие земледельческие культуры раннего неолита, уходящие, как и в Передней Азии, в мезолитическую древность (материалы пещеры Джебел в прикаспийской части Южной Туркмении). Особенно большое значение для выяснения места историко-культурного развития племен Средней Азии в общем процессе истории стран Переднего и Среднего Востока имеют исследования Б. А. Куфтина и В. М. Массона на поселениях так называемой культуры крашеной керамики или культуры Анау. В настоящее время раскопками в Джейтуне, Каахка, Намазга-тепе, Геоксюре, Кара-тепе, Артыке и в других местах создана картина исторического развития земледельческих общин юга Средней Азии, охватывающая IV, III и II тысячелетия до н. э. Прослежены соотношения этих памятников с остатками неолитических, энеолитических и культур бронзового века Ирана, Белуджистана, Индии и Месопотамии. Некоторые поселения (вроде Яссы-тепе и Намазга-тепе) уже в эпоху раннего энеолита характеризуются многокомнатными домами, украшенными сложнейшей геометрической росписью, живо напоминающей позднейшие украшения храмов Урука и других зданий Месопотамии накануне сложения там первых древнерабовладельческих государств. Важно отметить, что стоянки культуры расписной керамики Ферганы в бронзовом веке, генетически свя-

---

[1] I. Banner. Die Péceler Kultur. Budapeşt, 1956; I. Filip. Praveke Československo. Praga, 1948.

[2] D. Popescu. Cercetări arheologice în Transilvania. Materiali şi cercetări arheologice, т. II, Bucureşti. 1956; е е ж е. Einige Bemerkungen zur Bronzezeit Siebenbürgens. Acta Archaeologica, т. VII, ч. 1—4. Budapeşt, 1956.

[3] П. Н. Шульц. Тавро-скифская экспедиция 1947 г. КСИИМК, вып. XXVII, стр. 56—66; а также сб. «История и археология древнего Крыма». Киев, 1957.

занной с Анау, оказались совершенно сходными со стоянками бронзового века Синьцзяна. Так обнаружены первые звенья связи Средней Азии и Китая [1]. Прослеживая шаг за шагом развитие первобытно-общинного строя на юге Средней Азии, археологи выяснили органическую связь со всем предшествующим развитием так называемой культуры Анау IV, подводящей нас к периоду сложения первых среднеазиатских государств в VIII—VI вв. до н. э.[2].

Весьма важные открытия были сделаны и на севере Средней Азии в Приаралье. С. П. Толстов в местности Джанбас-кала открыл первое поселение древнейшей поздненеолитической кельтеминарской культуры охотников-рыболовов [3]. Дальнейшие исследования показали, что эта культура распространена в значительной части Западного Казахстана на территории нижнего и среднего течения Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи, Центральных и Северных Кызылкумов, значительной части Каракумов. Кельтеминарцы имели связи с южной энеолитической культурой Анау и в свою очередь явились проводниками южных влияний на Саяно-Алтайское нагорье, где особенно в ранних афанасьевских памятниках прослеживаются среднеазиатские элементы. То же усматривают и исследователи Урала и Приобья. Некоторые археологи склонны видеть в кельтеминарской культуре основу, на которой выросли новые историко-культурные образования — андроновская и тазабагъябская культуры [4]. Следует, однако, учитывать большую близость андроновской и срубной культуры, что заставляет полагать, что их основой была, вероятно, родственная среда. Ею естественнее всего считать ямную культуру, одинаково распространенную в Поволжье, в Приуралье и даже в Зауралье. Погребения типично ямной культуры обнаружены К. В. Сальниковым в Южном Приуралье, под г. Магнитогорском. Что касается тазабагъябской культуры, то изучение ее памятников, особенно недавно открытых могильников в местности Кокча в Хорезме, как будто убеждает в том, что она сформировалась под сложным воздействием не только андроновских, но и срубных элементов. По-видимому, тазабагъябская культура отражает то интенсивное расширение андроновской (и срубной) ойкумены, которое выразилось в достижении племенами срубной культуры Поднепровья, а андроновскими — южных пределов Средней Азии, Памира и Тянь-Шаня [5]. Через посредствующие звенья так называемых амирабадских памятников тазабагъябская культура связывается с культурой населения «античного Хорезма», и вполне возможно, что оставившие ее племена были так же ираноязычны, как и хорезмийцы.

Трудами главным образом К. Ф. Смирнова убедительно доказывается андроновское происхождение савроматов [6], все наиболее авторитетные специалисты высказываются за генетическую связь срубной культуры и скифов. Таким образом, намечается большая свита родственных культур, занимавших степные пространства Евразии в качестве основы формирования народностей, принадлежавших к северноиранской языковой группе. Мне представляется, что эта археолого-лингвистическая цепь (поддерживаемая в ряде важнейших звеньев и антропологами, прежде всего Г. Ф. Дебецом [7]) пока наиболее надежная из тех гипотез, которые пред-

[1] Huan Won-by. Lob — nor excavations. Peipin. 1936.

[2] См. ряд статей в «Трудах ЮТАКЭ», т. VII (Ашхабад, 1956).

[3] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1949; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1950; А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XXV, 1949.

[4] А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. 39, 1951; А. В. Виноградов. Кельтеминарская культура. Автореферат диссертации. М., 1957.

[5] А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952; его же. Труды Семиреченской археологической экспедиции. МИА, № 14, 1950.

[6] К. Ф. Смирнов. Вопросы изучения сарматских племен и их культуры в советской археологии. Сб. «Вопросы скифо-сарматской археологии». М., 1954.

[7] Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР, М., 1948.

лагаются в ходе этногенетических построений. В заключение несколько слов еще об одном направлении андроновского или, может быть, точнее андроновско-тазабагъябского расселения. На самых южных рубежах Туркмении и Таджикистана встречаются поселения, погребения и большое число рассеянных находок, главным образом керамики андроновско-тазабагъябского облика. Просмотр зарубежных публикаций убеждает в том, что керамика этого типа распространена в значительном числе мест вплоть до юго-восточных пределов Ирана и Пакистана [1].

Это следует рассматривать как указание на продвижение населения, вернее всего индоевропейского, к р. Инду. Выяснить, с каким из поворотных пунктов истории древнеиндийской цивилизации связано это продвижение,— задача более чем важная.

В области изучения Сибири за период после Великой Октябрьской социалистической революции произошли решительные изменения. При царизме эта бóльшая часть России в отношении бронзового века оставалась совершенно неисследованной. Только В. А. Городцов, изучая кельты России, включил в свою класификацию и некоторые сибирские материалы и указал на важное значение сибирских бронз для понимания развития бронзовой индустрии и в Европейской России [2].

Примерно те же мысли высказал и А. М. Тальгрен при издании сибирских коллекций Гельсингфорсского музея [3].

С тех пор благодаря трудам советских археологов огромные пространства Сибири перестали быть белым пятном на археологической карте.

Еще недавно неизученность Зауралья и огромных областей Западной Сибири и Казахстана служила препятствием для сопоставления материалов уральских и среднеазиатских, южносибирских и прибайкальских. Благодаря исследованиям М. П. Грязнова, О. А. Граковой, С. С. Черникова и К. В. Сальникова — на юге, в степной зоне, и В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской — на севере, в Приобье, в научный обиход введены сотни памятников, позволивших выяснить основные этапы бронзового века этой части СССР [4].

Население Приобья, жившее в бронзовом веке главным образом в условиях охотничье-рыболовческого хозяйства, культурно-исторически было тесно связано с Уралом. Однако в его развитии большое значение имели южные связи, в раннее время — кельтеминарские, в более позднее — андроновские. Поздний бронзовый век Западной Сибири отмечен распространением изделий сейминско-турбинского типа, а также проникавших с востока карасукских бронз. Эта северная зона была важным связующим звеном между такими крупными центрами бронзовой индустрии, какими были Урал и Приуралье, с одной стороны, и Саяно-Алтайское нагорье — с другой. Исследователи Западной Сибири немало сделали и для этнической интерпретации археологических памятников и весьма убедительно связали их с местным населением хантов и манси.

До недавнего времени в Казахстане бронзовый век был представлен только блестящими памятниками андроновской культуры, которую К. В. Сальникову удалось показать в развитии, расчленив на три этапа — федоровский, алакульский и замараевский [5]. Для понимания социально-экономических основ этого развития решающую роль сыграло исследование О. А. Граковой андроновского Алексеевского поселения на р. Тобо-

---

[1] A. Stein. Archaeological Reconnessances in North-Western India and South-Eastern Irân. London, 1937.

[2] В. А. Городцов. Ук. соч.

[3] A. M. Tallgren. Collection Tovostine. Helsingfors, 1947; его же. La Pontide préscythique. Helsinki, 1926.

[4] В. Н. Чернецов, В. И. Мошинская, И. А. Талицкая. Древняя история нижнего Приобья. МИА, № 35, 1953.

[5] К. В. Сальников. Бронзовый век южного Приуралья. МИА, № 21, 1951.

ле [1]. Его население, занимаясь преимущественно земледелием, что отразилось даже в особенностях культа, в то же время развивало скотоводство. Оно уже было близко к тому переходному этапу, который так хорошо удалось раскрыть раскопками могильников в Джурубай-Нура и Бегазы М. П. Грязнову, Л. Р. Кызласову и А. Х. Маргулану и который явился временем формирования культур скифского типа — сакской и савроматской [2]. Последние годы принесли много фактов, разъясняющих энеолитические ступени развития культуры древнего населения Казахстана. Кельтеминарские стоянки и своеобразные поздненеолитические и энеолитические стоянки на Верхнем Иртыше, открытые совсем недавно С. С. Черниковым (например, Усть-Нарын), позволяют представить себе состояние культуры этой части Азии в прандроновское время. Важно отметить, что наряду с отраженными в этих материалах связями со среднеазиатскими и южносибирскими энеолитическими центрами в этих находках можно проследить много общего и с поздненеолитическими материалами, известными из Синцзяна.

Из восточных областей Южная Сибирь первая была наиболее подробно исследована советскими археологами. Яркое своеобразие памятников бронзового века Минусинской котловины и Алтая позволило выделить там три сменяющие друг друга культуры: афанасьевскую, андроновскую и карасукскую. Несмотря на сравнительно хорошую изученность этих культур [3], их материал и сейчас подвергается тщательному анализу по ряду вопросов. Укажу, например, на то, что сейчас начинают накапливаться факты, указывающие на путь, которым андроновские племена с запада проникли на Енисей через северные пределы Кемеровской области на верхнее течение р. Чулыма. Но до сих пор неясной остается их дальнейшая судьба. Население, оставившее позднейшие, бронзовые «карасукские» памятники, лишь в слабой степени включает в себя андроновский элемент. Это население и по культуре, и по физическому типу — южного происхождения. Своеобразная карасукская бронза, керамика и орнаментальное искусство ближе всего связываются с областями, лежащими к северу от Великой Стены (Ордос, Суйюань и Жехе), культура которых особенно тесно сплетается с культурой собственно Китая эпохи Шан-инь. При этом карасукский комплекс Енисея и Алтая отнюдь не является единственным в Южной Сибири, указывающим на прочные связи с Китаем. Та же картина наблюдается и в Прибайкалье, где найдена не только бронза карасукско-монгольско-китайского типа, но и керамика типично китайских форм и орнаментации. Различием является лишь то, что карасукское население проникло в область, до того занятую европеоидными племенами андроновской культуры, а племена, оставившие в Забайкалье так называемые гробничные погребения (столь близкие карасукским), расселились в стране, издавна занятой племенами, от которых, несомненно, происходят современные тунгусские племена. После выхода в свет двухтомной монографии А. П. Окладникова вся сложность истории бронзового века Байкальского района и Забайкалья в важнейших своих звеньях разъяснилась. На сотнях памятников этот исследователь показал связанные с местным неолитическим развитием ранние этапы энеолита и бронзового века (китойскую и глазковскую культуры) [4]. Мы ждем завершения этого труда исследованием кратко охарактеризованных выше

---

[1] О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, вып. XVII, 1949.

[2] Л. Р. Кызласов и А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 126—136.

[3] С. А. Теплоухов. Опыт классификации древних металлических культур Минусинского края. Материалы по этнографии, т. IV, вып. 2. Л., 1929; С. В. Киселев. Ук. соч.; М. П. Грязнов. История древних племен Верхней Оби. МИА, № 48, 1955.

[4] А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. I, II, МИА, № 18, 1950; его же. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III, МИА, № 43, 1955.

памятников поздней бронзы Забайкалья — основы дальнейшего развития уже в предгуннское время.

Послевоенные годы принесли решительный сдвиг в изучении культур неолита и бронзы на Дальнем Востоке. Организованная ИИМК АН СССР специальная экспедиция собрала значительный материал по Амуру, в Приморье, на Сахалине и Курилах, а также на крайнем северо-востоке, особенно на Чукотке. Изучение этих материалов еще не закончено; однако предварительные публикации убедительно показывают, что недалек тот день, когда периодизация культур Дальнего Востока будет завершена. Но уже и сейчас перед нами вырисовываются контуры нескольких культурно-исторических провинций. Одни из них, например Приморская, связываются и с материковым развитием Приамурья и с поздненеолитическими культурами Кореи и Дунбея. Другие, например Чукотская, имеют самое непосредственное отношение к кругу вопросов эскимосской культуры. Большое своеобразие обнаруживают древности Сахалина и Камчатки [1].

Важно отметить, что эти области советские археологи изучают в тесном контакте с этнографами и антропологами. Это заставляет надеяться, что дальнейшее развитие исследований на Дальнем Востоке позволит достигнуть прогресса еще в одном направлении — в исследовании на конкретном материале вопроса о путях заселения Американского континента.

В этой статье, естественно, можно было коснуться лишь некоторых фактов и лишь важнейших вопросов археологии энеолита и бронзы СССР. Из них видно, что хотя советскими археологами сделано немало, перед ними стоит еще много новых задач. На их решение нужно направить всю нашу энергию.

---

[1] А. П. Окладников. У истоков культуры народов Дальнего Востока. Сб. «По следам древних культур». М., 1954; его же. Приморье в I тысячелетии до н. э. СА, XXVI, 1956; А. П. Окладников и И. А. Некрасов. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке. СА, 1957, № 2; Г. И. Андреев. Поселение Зайсановка I в Приморье. СА, 1957, № 2; М. В. Воробьев. Каменный век стран Японского моря. Л., 1953; Р. В. Чубарова. Древняя история острова Сахалина. Л., 1955; С. И. Руденко. Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема. Л., 1947.

В. М. МАССОН

ИЗУЧЕНИЕ ЭНЕОЛИТА И БРОНЗОВОГО ВЕКА СРЕДНЕЙ АЗИИ

В результате систематических исследований советских археологов все более раскрывается богатое прошлое народов Средней Азии. Блестящие цивилизации Парфии и Кушанского государства, самобытная культура древнего Хорезма, высокоразвитое искусство раннесредневекового Согда, открытые в результате этих исследований, по-новому освещают историю народов Средней Азии. Между тем культурные традиции многих из этих выдающихся раннегосударственных образований восходят к древним археологическим культурам, существовавшим на территории Средней Азии в пору энеолита и бронзового века. Многие исследователи обращали внимание на важную роль, которую играли племена, населявшие в эту пору территорию Средней Азии. Э. Херцфельд писал о существовании самобытного центра «культуры расписной керамики» на территории Среднеазиатского Междуречья [1]. На большое значение Средней Азии как центра древних историко-культурных и этнических связей неоднократно указывал С. П. Толстов [2].

В настоящее время можно считать установленным, что в пору энеолита и бронзового века Средняя Азия разделялась на две большие культурно-исторические области. На крайнем юге, в узкой полосе оазисов вдоль северных предгорий Копет-дага располагались оседлые общины земледельцев-скотоводов, сложившиеся здесь, по-видимому, уже в V тысячелетии до н. э. Это была одна из областей обширного пояса древнеземледельческих общин, примыкающего к городским цивилизациям древнего Востока и протянувшегося от Балканского полуострова до Инда. Вторую область, включающую среднюю и северную часть Средней Азии, или бо́льшую часть страны, занимали племена охотников-рыболовов, часть которых со временем не без влияния своих южных соседей стала переходить к скотоводству и земледелию.

Эти особенности исторического развития страны определяют большое значение изучения энеолита и бронзового века Средней Азии. С одной стороны, это изучение тесно связано с проблемой возникновения и развития древнейших земледельческих культур Европы и Азии, с другой — среднеазиатский материал позволяет исследовать связи этих древнейших культур и ближневосточных цивилизаций с многочисленными племенами Казахстана, Поволжья, а возможно, и более северных областей.

В настоящее время происходит интенсивный процесс накопления фактов, и нет необходимости в данной статье перечислять все эти факты и наблюдения. Задачей настоящей статьи является освещение некоторых основных проблем, с которыми на данном этапе связано изучение энеолита и бронзового века Средней Азии.

Особенно широкий размах археологических работ на территории среднеазиатских республик имеет место в последние десятилетия. До 1917 г. единственным более или менее значительным вкладом в этой области

---

[1] E. Herzfeld. Iran in the Ancient East. London — New York, 1941, стр. 96.

[2] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 64—66; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 71.

были раскопки американской экспедиции в Анау [1], издавшей два тома своих работ. Издание, как и сами раскопки, имело ряд недостатков, справедливо подвергнутых критике в советской литературе, и в настоящее время устарело. Тем не менее вплоть до последнего времени оно сохраняло значение основного источника по древнеземледельческой культуре Южного Туркменистана. Разведочные работы 20-х и 30-х годов XX в. показали, что памятники типа Анау широко распространены в прикопетдагской полосе [2]. Проведенные в предвоенные годы работы Хорезмской экспедиции позволили предложить первую для Средней Азии классификацию культур эпохи первобытно-общинного строя [3]. С этого же времени стал появляться материал, свидетельствующий о распространении памятников типа степной бронзы в Киргизии и Ташкентской области [4].

Из многочисленных работ, проведенных в годы после Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., особенно большое значение имеют систематические раскопки памятников «расписной керамики» в Южном Туркменистане [5].

В этот же период были открыты памятники эпохи бронзы в Фергане и низовьях Зеравшана [6]. Новый ценный материал был получен при продолжении исследований в Хорезме [7].

Все эти работы дали огромное количество нового материала, и сейчас территория Средней Азии эпохи энеолита и бронзового века уже не представляется больше «белым пятном», на крайнем юго-западе которого затеряны два небольшие поселения у аула Анау, как она выглядела еще два десятилетия тому назад. В результате работ советских археологов история древних племен Средней Азии все более наполняется конкретным содержанием.

Первым и главным вопросом, возникающим при изучении многочисленного и разнообразного археологического материала, является пробле-

---

[1] R. Pumpelly. Explorations in Turkestan, тт. I—II, Washington, 1908.

[2] Д. Д. Букинич. Некоторые новые данные об Анау и Намазга-депе. Туркменоведение, 1929, № 5; А. А. Марущенко. Анау. Историческая справка. Архитектурные памятники Туркмении, вып. 1. М.— Ашхабад, 1939.

[3] С. П. Толстов. Древнехорезмийские памятники Кара-Калпакии. ВДИ, 1939, № 3; его же. Древности верхнего Хорезма. ВДИ, 1941, № 1; его же. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1946, № 1; его же. Древний Хорезм. КСИИМК, вып. XIII, 1946.

[4] А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950; А. Н. Бернштам. Историко-археологические очерки центрального Тянь-шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26, 1952, стр. 12—20; Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955.

[5] М. Е. Массон. Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция (ЮТАКЭ) 1947 года. Тр. ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953; Б. А. Литвинский. Намазга-депе. СЭ, 1952, № 4; Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ в 1952 г. по изучению «культур Анау». ИАН ТуркмССР, 1954, № 1; его же. Полевой отчет о работе XIV отряда ЮТАКЭ по изучению культуры первобытно-общинных оседло-земледельческих поселений эпохи меди и бронзы в 1952 г. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956; В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе. СА, 1957, № 1; его же. Древнеземледельческие племена Южной Туркмении и их связи с Индией и Ираном, ВДИ, 1957, № 1.

[6] Б. З. Гамбург и Н. Г. Горбунова. Могильник эпохи бронзы в Ферганской долине. КСИИМК, вып. 63, 1956; Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. Тр. Ин-та истории и археологии АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956; Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Сталинабад, 1956; А. П. Окладников. Исследование памятников каменного и бронзового века в Таджикистане летом 1954 г. Тр. АН ТаджССР, вып. XXXVII, Сталинабад, 1956; Б. А. Литвинский. Работы отряда по изучению памятников бронзового века в Кайрак-кумах в 1955 г. В сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1955 г.». Сталинабад, 1956; М. Э. Воронец. Археологические исследования Института истории и археологии и Музея истории АН УзССР на территории Ферганы в 1950—1951 гг. Тр. Музея истории АН УзССР, вып. II. Ташкент, 1954; В. И. Спришевский. Чустская стоянка эпохи бронзы. СЭ, 1954, № 3; его же. Изучение Чустского поселения в 1954 г. КСИИМК, вып. 69, 1957; Ю. А. Заднепровский. Археологические работы в Южной Киргизии. КСИЭ, вып. XXVI, 1956.

[7] С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г. СВ, 1955, № 6.

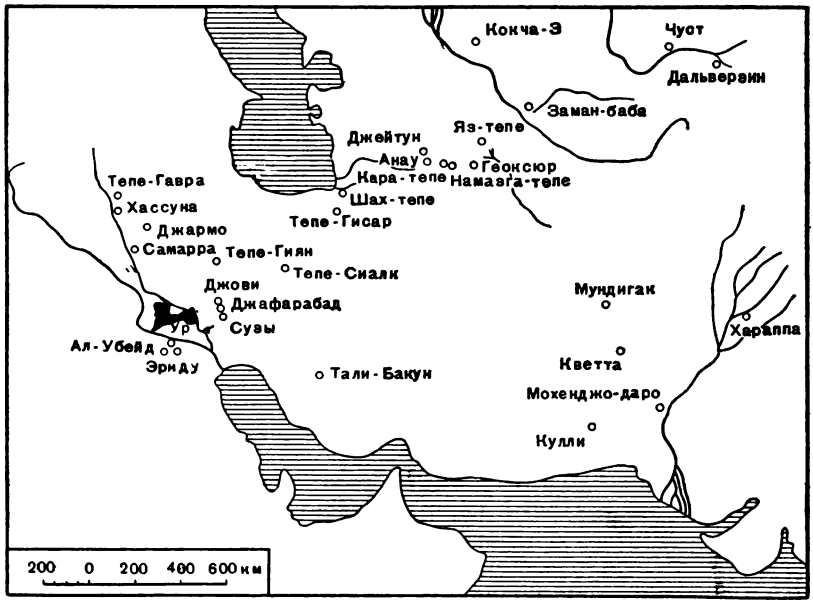

Рис. 1. Памятники Средней Азии и сопредельных стран эпохи энеолита и бронзового века

ма классификации и тесно связанная с ней проблема относительной и абсолютной хронологии. Наиболее подробно эти вопросы разработаны для территории Южного Туркменистана, где раскопки ряда объектов позволили наметить несколько стратиграфических колонок (Анау, Намазга-тепе, Кара-тепе, Яз-тепе, Ак-тепе). Однако выделение отдельных комплексов часто было основано лишь на изменении в керамическом материале (Анау I—IV, Намазга-тепе I—VI, Яз-тепе I—III), что в значительной мере допускало элемент субъективности. Более удачной следует признать систему стратиграфии, основанную на смене строительных комплексов [1].

Сопоставление с Ближним Востоком через посредство иранских комплексов придает южнотуркменистанским памятникам руководящее значение в абсолютной хронологии Средней Азии рассматриваемого времени.

Древнейшей земледельческой культурой Южного Туркменистана является джейтунская культура. В одном из поселений этой культуры (Чопан-тепе) в верхних слоях в росписи посуды появляется мотив рядов треугольников [2], предвосхищающий в известной мере роспись керамики нижних слоев северного холма Анау (Анау I А и Б). Абсолютная хронология джейтунской культуры не вполне ясна. По характеру расписной керамики Джейтун и Чопан-тепе, вероятно, древнее, чем самые ранние слои тепе Сиалк (Сиалк I) в Западном Иране. Найденная в верхнем слое Чопан-тепе костяная основа для вкладышевого серпа весьма близка подобным изделиям из слоя Сиалк I. Этот слой характеризуется также глинобитными постройками; лишь в слое Сиалк II появляется в большом количестве сырцовый кирпич. В Джейтуне и Чопан-тепе при строительстве домов употреблялись глиняные «цилиндры» — примитивные кирпичи, хотя в верхнем слое Джейтуна были также и глинобитные строения. По уровню развития джейтунскую культуру можно сопоставить с неолитическим поселением Джармо [3] и частично с нижними слоями Хассуны в Ираке [4]. В Джармо строения были глинобитные, но в Хассуне, начиная уже со

[1] Эта система, например, успешно применена в Тепе-Гавра. Верхний строительный комплекс получает № 1, второй сверху — № 2 и т. д. по мере углубления раскопа.

[2] С. А. Ершов. Холм Чопан-депе. ТИИАЭ, т. II, Ашхабад, 1956, стр. 18, рис. 5.

[3] R. Braidwood. Near East and Foundations for Civilisation. Oregon, 1952.

[4] S. Lloyd, F. Safar. Tell Hassuna, JNES, 1945, т. IV, 4.

слоя I в., употреблялся сырцовый кирпич. В свете таких сопоставлений джейтунскую культуру следует относить к V тысячелетию до н. э. (см. рис. 2).

Расписная керамика древнейших слоев энеолитического комплекса Анау I — Намазга I находит ряд аналогий в посуде Сиалка I и частично Сиалка II. Весьма значительные сопоставления можно сделать также с керамикой Хассуны — древнейшей земледельческой культуры Северной Месопотамии. В Хассуне наряду с керамикой, покрытой коричневой росписью по светлому фону, была распространена также керамика с нацарапанным орнаментом. В керамике обоих типов широко распространены ряды треугольников и другие мотивы, столь характерные для посуды Анау I — Намазга I [1]. Однако пока трудно сказать, в какой мере эти сопоставления могут иметь хронологическое значение, поскольку территориально между районами распространения Хассуны и Намазга I лежит район Сиалка — Чешме-Али.

Большое значение для вопросов абсолютной хронологии имеют западные связи и аналогии южнотуркменистанского комплекса Намазга III. Этот комплекс находит себе вполне четкие аналогии в Хисаре I В — II А (Северный Иран) и Сиалке III [2]. На тепе Сиалк слои Сиалк III непосредственно перекрываются весьма характерным комплексом Сиалк IV, где в очень сильной степени проявляются эламские и частично месопотамские элементы. Видимо, был прав Г. Чайлд, видевший в поселении Сиалк IV возникшую на руинах Сиалка III своеобразную факторию — форпост эламитян в их продвижении в Центральный Иран [3]. В западной литературе распространена точка зрения Д. Маккауна о синхронизации Сиалка IV с периодом Джемдет-Наср или (по новой терминологии) с поздними фазами протописьменного периода. Но уже Г. Чайлд, на наш взгляд, вполне справедливо отмечал аналогии Сиалку IV в материалах раннединастического периода [4].

Однако Намазга III не представляет собой ту же самую культуру, что и Сиалк III. Этот южнотуркменистанский комплекс характеризуется, в первую очередь, дальнейшим развитием древних местных элементов, к которым присоединены отдельные мотивы в росписи посуды, привнесенные из Центрального Ирана (Сиалк — Гиссар). В других частях Ирана, и в частности в тепе Гиссаре, продолжалось развитие местной культуры. В тепе Гиссаре нет комплекса, аналогичного Сиалку IV. Культура слоя Гиссар II В в значительной мере продолжает старые традиции. В Южный Туркменистан «сиалковские» элементы проникли уже после того, как они появились в Гиссаре. Поэтому нам представляется, что едва ли следует датировать начало периода Намазга III временем более ранним, чем конец IV тысячелетия до н. э. На это указывает, в частности, то обстоятельство, что найденные в комплексе Намазга III изображения людей крайне близки подобным изображениям на керамике раннединастического времени (так называемой scarlet-ware) [5].

Интересные соответствия начинают намечаться между археологическими комплексами Южного Туркменистана и кельтеминарской культурой Хорезма. А. В. Виноградов успешно развил выдвинутое в свое время С. П. Толстовым положение о южных влияниях на кельтеминарскую керамику [6].

---

[1] Сводку материала по древнейшим земледельческим поселениям см. R. Braidwood, L. Braidwood. Earliest Village Communities of Southwestern Asia. Journal of World History, 1953, № 1.

[2] В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, стр. 315—320.

[3] Г. Чайлд. Древнейший Восток в свете новейших раскопок. М., 1956, стр. 295.

[4] Там же.

[5] P. Delougar. Pottery from the Diyala Region. Chicago, 1952, стр. 57, 12.

[6] А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, СЭ, 1957, № 1. Материалы раскопок 1955—1956 гг. позволяют увеличить число приве-

Приведенный А. В. Виноградовым материал, с нашей точки зрения, вполне убедительно показывает влияние гончарного производства юга на формы и орнаментацию посуды раннего Кельтеминара.

Подобные сопоставления позволяют отодвигать нижнюю границу кельтеминарской культуры до последней трети или, возможно, даже второй половины IV тысячелетия до н. э. (в противовес появившейся в последнее время в литературе тенденции датировать эту культуру более ранним временем).

Менее ясны южные связи комплекса Намазга IV. В этот период сложный геометрический орнамент расписной керамики Южного Туркменистана достигает своего наивысшего развития. В тепе Гиссаре комплексу Намазга IV соответствуют слои с серой нерасписной посудой. Серая керамика была распространена и в прикопетдагских оазисах, причем на западе (Ак-тепе) в большем количестве, чем на востоке (Намазга-тепе). Это явление надо связывать с влиянием иранских комплексов и, в частности, культуры астрабадского бронзового века (Шах-тепе, Тюренг-тепе), область распространения которой достигала западных отрогов Копет-дага [1].

Синхронизация комплекса Намазга-тепе V и Гиссара III (собственно Гиссара III В) не может вызывать особых сомнений.

Гиссар III С, видимо, следует частично синхронизировать с ранними этапами комплекса Намазга VI. На это указывает, например, распространение в соответствующих слоях крупных биконических каменных бус, часто имеющих орнамент в виде высверленных кружков. Аналогичные бусы, в частности, широко распространены в послехарапповской культуре Джхукара (Индия) [2]. Находят параллели в материалах Джхукары и поздней Хараппы и некоторые формы ваз и печатей южнотуркменистанских комплексов Намазга-тепе V и VI.

Абсолютная датировка комплекса Гиссар III пока еще является предметом значительных дискуссий [3]. Д. Маккаун решительно выступает за датировку Гиссара III временем около XXIII в. до н. э. Нам кажется, что более приемлемой является предлагавшаяся рядом исследователей дата Гиссара III — начало II тысячелетия до н. э. Недавно при раскопках поселения Мундигак в Южном Афганистане был применен карбоновый анализ [4], датировавший пятый слой его временем 2625 г. до н. э. (± 300 лет). Некоторые сосуды из восьмого и девятого слоев Мундигака находят себе прямые аналогии в сосудах Гиссара I А — В, а печатка из второго слоя весьма близка печатям Гиссара III и Намазга V. Эти результаты также не позволяют отодвигать дату Гиссара III значительно вглубь.

Вопрос о дате Гиссара III имеет большое значение и потому, что в настоящее время с этим комплексом можно синхронизировать недавно открытую в низовьях р. Зеравшан (Узбекская ССР) своеобразную культуру [5], которую по имени могильника у с. Заман-баба можно назвать заман-бабинской. Наряду с посудой ручной лепки местного изготовления здесь найдена нижняя часть привозного сосуда, несомненно относящегося ко времени позднего Намазга IV. Целый ряд других аналогий указывает на синхронизацию с Гиссаром III, Намазга V и, возможно, с более ран-

денных А. В. Виноградовым сопоставлений. Форма шаровидного сосуда распространена в поздних слоях Намазга II а также в слоях Кара-тепе 2 и Кара-тепе 3. В расписных вариантах она более характерна для Намазга III. См. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, табл. XXIV, *12*; XXV, *4*; XXVII, *1*.

[1] А. Ф. Ганялин. Археологические памятники горных районов северо-западного Копет-дага. ИАН ТуркмССР, 1953, № 5; В. М. Массон. Мисрианская равнина в эпоху поздней бронзы и раннего железа. ИАН ТуркмССР, 1954, № 2.

[2] См., например, R. Pumpelly. Ук. соч., т. I, стр. 161, рис. 320.

[3] E. Schmid. Excavation at Tepe Hissar. Philadelphia, 1937, табл. LXX, H. 2789; N. C. Majumdar. Explerations in Sind. Memoirs of the archaeological survey of India, № 48. Delhi 1934, табл. XXXIII; В. М. Массон. Расписная керамика..., стр. 325—326, 433—434.

[4] J. U. Casal. Quatre campagnes de fouilles à Mundigak. Arts asiatiques, 1955, т. 1, вып. 3, стр. 164.

[5] Я. Г. Гулямов. Археологические работы..., стр. 149—161.

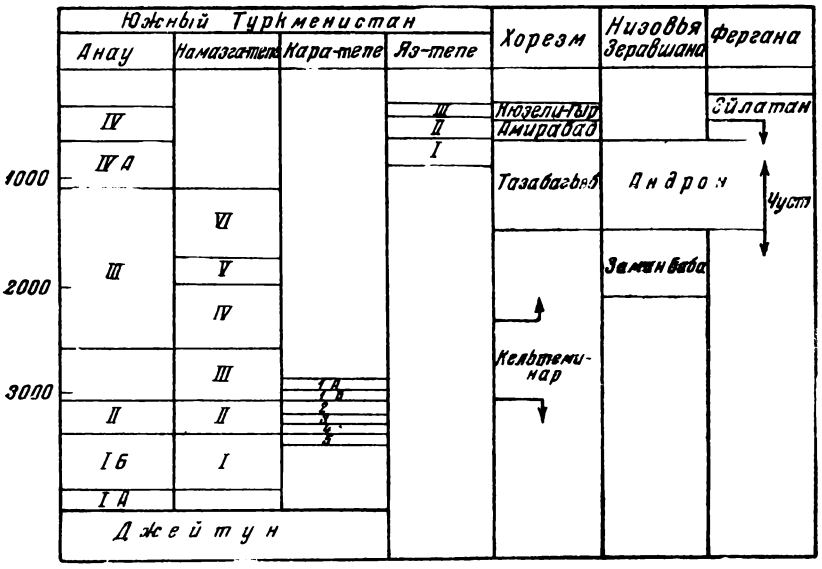

Рис. 2. Синхронистическая таблица

ними этапами Намазга. Эти аналогии позволяют датировать ранний Заман-бабинский могильник концом III — первой третью II тысячелетия до н. э.

В трех случаях в слоях времени Намазга VI найдена характерная орнаментированная керамика ручной лепки, весьма близкая андроновской посуде [1].

По данным, приведенным в издании Р. Пампелли, эта керамика на южном холме Анау была найдена в нижних слоях комплекса Намазга VI. Как показывает сходство металлических изделий (наконечники стрел, нашивные бляшки), поздние этапы андроновской культуры следует, видимо, синхронизировать с комплексом Яз-тепе I.

Менее определенно с южнотуркменистанской шкалой увязываются памятники чустской культуры в Фергане. Керамика чустской культуры имеет на первый взгляд весьма архаический вид; она покрыта черной росписью по красному фону, что напоминает по цветовой гамме посуду Анау I — Намазга I. Однако сходство с ранней энеолитической керамикой лишь внешнее. Чустсткие материалы дают значительное число бронзовых орудий и литейных форм. Такая развитая металлургия противоречит ранней датировке Чуста. Обнаруженный в Чусте бронзовый наконечник крупной стрелы наиболее близкую аналогию находит в смешанных слоях южного холма Анау, где встречалась керамика Анау IV и Намазга VI. В обоих случаях датировка этого наконечника должна быть весьма поздней. В Гиссаре III наконечники стрел в большом количестве изготовлялись еще из кремня. В связи с поздней датировкой Чуста можно отметить, что отдельные формы (небольшие горшковидные сосуды) и мотивы росписи (треугольник, заполненный сеткой) чустской посуды могут быть сопоставлены с керамикой комплекса Яз-тепе I.

Таковы намечающиеся связи и сопоставления археологических комплексов Средней Азии рассматриваемого времени. Результаты этих сопоставлений обобщены в прилагаемой выше таблице (см. рис. 2). Большое внимание, уделяемое этим вопросам, вполне закономерно для данного этапа изучения материала. Однако детальное сопоставление стратиграфических колонок не должно заслонять изучение истории и культуры древних

[1] R. Pumpelly. Ук. соч., т. 1, табл. 15, 7, *9*; А. Ф. Ганялин. Теккем-депе. ТИИАЭ, т. II, стр. 85, рис. 9; В. М. Массон. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. КСИИМК, вып. 69, 1957, рис. 31.

племен. Подробная разработка вопросов относительной хронологии представляет собой первый опорный пункт этого изучения. Между тем вполне реальна опасность забвения этого обстоятельства в пользу сравнительного исследования различных стилей расписной керамики и уточненных стратиграфических сопоставлений.

Это можно видеть частично на примере Месопотамии и в большей мере на примерах, приведенных в некоторых статьях по археологии Северо-Западной Индии [1].

Одним из важнейших вопросов изучения истории древних племен Средней Азии является вопрос о характере общественного строя. Данные для решения этого вопроса немногочисленны прежде всего в силу недостаточного размаха работ. Раскопанные участки древних поселений еще сравнительно невелики по отношению к площадям поселений в целом. Имеется точка зрения, что среди древнеземледельческих племен Ближнего Востока на ранних этапах развития был распространен матриархальный строй. Однако вполне вероятно, что развитие земледелия, связанного с искусственным орошением, очень рано привело к развитию патриархальных отношений [2]. Население Южного Туркменистана в пору Намазга II, III и V жило в многокомнатных домах, разделенных узкими улочками. Несколько комнат (около 10) обычно группировались вокруг небольшого двора. Пока еще ни об одном подобном доме нельзя с уверенностью сказать, что он раскопан целиком. Поскольку такой дом имел одну общую кухню, можно предполагать, что он служил жилищем большой патриархальной семьи. Подобный тип жилища сложился на Древнем Востоке очень рано. Уже в четвертом слое Хассуны расчищены остатки двух многокомнатных домов, где помещения группируются вокруг двориков [3]. Возможно, что такое сохранение архитектурных традиций является выражением стойкости патриархального уклада на Востоке, почти неизменно сохранявшегося на протяжении тысячелетий. Все это, однако, в значительной мере остается в области предположений, и надо прямо сказать, что методы изучения древних жилищ Средней Азии как хозяйственно-общественных комплексов еще в СССР почти не разработаны.

Более определенно можно говорить о процессе разложения первобытно-общинного строя. Из 72 погребений времени Намазга II и III, обнаруженных на Кара-тепе, лишь одно условно может быть названо богатым. В нем найдено 800 бус и не встречено никакого другого инвентаря. То же явление характерно и для большинства погребений тепе Гиссара времени Гиссар I и Гиссар II. О росте имущественной и, видимо, социальной дифференциации говорит распространение во II тысячелетии до н. э. богатых захоронений. Резко выделяющиеся по богатству сопровождающего инвентаря погребения мы находим в Гиссаре III, где в отдельных могилах встречается множество медных, серебряных и золотых изделий. О накоплении богатств свидетельствует и находка тюринг-тепинского клада в Северо-Восточном Иране. Для Южного Туркменистана можно отметить богатое погребение времени раннего Намазга VI с Аучин-тепе в дельте Мургаба.

Однако степень разложения первобытно-общинного строя в Южном Туркменистане во II тысячелетии до н. э. вызывает различные истолкования. А. В. Арциховский выдвинул предположение о существовании здесь

---

[1] W. A. Fairservis. Preliminary Report on the Prehistoric Archeology of the Afghan-Baluchi Areas. American Museum Novitates, 1952, № 1587; D. H. Gordon. The Pottery. Industries of the Indo-Iranien Bordery; A Re-statement and Tentative Chronology. Ancient India, 1954—1956. № 10—11. (Каждый автор предлагает свою классификацию и свою терминологию. В результате калейдоскоп керамических стилей (ware) заслоняет реальную историю древнеземледельческих племен Белуджистана).

[2] Б. А. Куфтин. Работы ЮТАКЭ..., стр. 28; В. М. Массон. Древнеземледельческие племена Южной Туркмении..., стр. 61.

[3] JNES, 1945, 4, стр. 274—275, рис. 31, 36.

в это время классового общества [1]. К этой точке зрения примыкает А. А. Марущенко [2]. Другие исследователи выступили с возражениями против подобного утверждения [3].

Как можно видеть из существующих публикаций, главным аргументом А. А. Марущенко в пользу наличия классового общества является высокий уровень развития производительных сил и в первую очередь гончарного производства, где применялся гончарный круг и специальные обжигательные печи. Действительно, гончарный круг появляется в Южном Туркменистане много раньше, чем где-либо на территории СССР, хотя и на 1000 лет позднее, чем в Иране (Гиссар I B; Сиалк III). Но гончарное производство, на наш взгляд, не играло решающей роли в развитии производительных сил. Оно отражало общий уровень развития техники и производства, но в рассматриваемое время основой хозяйства оседлых общин Южного Туркменистана было земледелие, тесно связанное с искусственным орошением. Однако в этот период в ирригационном хозяйстве едва ли произошли какие-либо коренные изменения. Сами природные условия подгорной полосы, где протекали лишь небольшие речки и ручьи, исключали возможность создания крупных и сложных ирригационных систем. Эти изменения мы наблюдаем лишь со второй половины II тысячелетия до н. э., когда осваиваются новые территории — дельта Мургаба и Мисрианская равнина, где и создаются в начале I тысячелетия до н. э. системы крупных каналов. Характерно, что именно в начале I тысячелетия до н. э. на поселениях выделяются цитадели, противостоящие основному массиву жилых домов (Яз-тепе). Ничего подобного не наблюдалось в пору Намазга V на таком крупнейшем памятнике подгорной полосы, как Намазга-тепе. Нельзя отрицать далеко зашедшее разложение первобытно-общинного строя в Южном Туркменистане во II тысячелетии до н. э.; но как мне кажется, преждевременно утверждать существование здесь в эту пору раннерабовладельческих государств. Изучение материала Месопотамии, где основой производительных сил, как и в Южном Туркменистане, было ирригационное земледелие, показывает, что разложение первобытно-общинного строя и становление классового общества в той мере, в какой это отражается в археологических памятниках, было сложным и длительным процессом. Введение гончарного круга в Шумере (Варка или ранний Урук) отделено более чем тысячелетием от царских гробниц Ура, свидетельствующих об установлении царской власти.

Необходимо также остановиться на вопросе о том, какое историческое значение могут иметь отмечавшиеся выше связи и аналогии между различными культурами и археологическими комплексами. В большинстве случаев эти аналогии, вероятно, отражают древние культурные связи и направление связей обмена и торговли. В других случаях как будто есть основания полагать, что за ними скрыты и более сложные явления. Вопросы эти слабо разработаны в среднеазиатской археологии, и в качестве примера мы остановимся лишь на вопросе о происхождении комплекса Намазга III и его связей с так называемой культурой Гиссара [4].

Можно считать установленным, что в IV тысячелетии до н. э. целый ряд весьма характерных мотивов в росписи на посуде (козлы, птицы и пятнистые животные — барсы) распространяется из района Сиалка в район Гисфа и далее в прикопетдагскую полосу. Интересные изменения происходят и в ориентации захоронений. Именно с этапа Гиссар I B, когда в росписи посуды появляются изображения козлов и птиц, и в большей

[1] А. В. Арциховский. Рец. на книгу С. П. Толстова «Древний Хорезм». Советская книга, 1949, № 3, стр. 75—76.

[2] А. А. Марущенко. Итоги полевых археологических работ 1953 г. Института истории, археологии и этнографии Академии наук ТуркмССР. ТИИАЭ, т. II, стр. 8—9.

[3] В. М. Массон. Туркменистан в эпоху первобытно-общинного строя. Тр. ЮТАКЭ, т. VII, стр. 246—248.

[4] Терминология Д. Маккауна, объединяющего под этим названием слои Сиалк III, Чешме-Али I B и Гиссар. Сюда, разумеется, следует добавить также Гиссар II A.

мере в этапы Гиссар I С и II А, когда широко распространяются изображения барсов, старая юго-западная ориентация в захоронениях все более меняется на новую, северо-западную. В какой-то мере изменение ориентации захоронений, видимо, происходит и на Кара-тепе, но здесь это могло

	юз	сз	юв	св
Гиссар I А	18	9	1	—
Гиссар I В	6	5	—	—
Гиссар I С	39	31	5	1
Гиссар II А	21	32	6	7

проявиться в меньшей степени, чем на тепе Гиссаре, в соответствии с меньшими западными влияниями и в росписи посуды.

	юз	сз	юв	св
Кара-тепе 5	1	—	—	—
Кара-тепе 2	34	1	—	—
Кара-тепе I Б	22	1	—	—
Кара-тепе I А	1	—	—	2

Отмечаемые изменения следует, вероятно, связывать не просто с культурными влияниями, исходящими из Сиалка, но с каким-то этническим продвижением. Возможно, одной из причин этого движения явилось вытеснение или ассимиляция эламитянами местной культуры в районе Сиалка. Важные данные для исследования этого вопроса должно дать изучение антропологического материала.

Вместе с тем это предполагаемое продвижение населения не привело к смене культур или к резкому перерыву культурных традиций. Так, почти все формы сосудов Гиссара I В и С повторяют старые формы этапа I А. Возникающие изменения могут быть отнесены за счет определенной геометризации под влиянием введения гончарного круга. Во многом сохраняется и обряд погребения. Старый обычай погребать покойников с бусами (обычно гипсовыми) то в виде ожерелья на шее, то в виде браслетов на руках и ногах, то в виде своеобразных диадем неизменно сохраняется на протяжении всех этапов Гиссара I вплоть до этапа Гиссар II В. В пору Гиссар II В браслеты из бус на руках и ногах стали заменяться медными браслетами. На протяжении этих этапов покойников клали в скорченном или согнутом положении, в основном на правом боку.

Еще в большей степени заметно сохранение старых традиций на керамике Кара-тепе. Формы посуды здесь отличны от керамики гиссарской культуры и продолжают в основном старые местные традиции. Например, в тепе Гиссаре и тепе-Сиалке барсы изображались на вазах, а в Кара-тепе — на полусферических чашах. (Форма вазы вообще редко встречается на Кара-тепе).

Однако сохранение традиций не может снять тезиса о возможном этническом продвижении, как бы ни был неясен характер этого продвижения. Устойчивое сохранение культурных традиций вообще характерно для оседлых земледельческих культур и может быть отмечено и для периодов, когда этнические передвижения вполне определенно отмечаются письменными источниками. Не находится ли в связи с этим продвижением сиалковских элементов появление южнотуркменистанских влияний в керамике Кельтеминара и характерных гиссарских форм в посуде Мундигака? Надо надеяться, что дальнейшие археологические исследования позволят более обоснованно осветить эти вопросы.

Весьма интересным является вопрос о происхождении чустской культуры. В известном смысле она является как бы стадиальным повторением того этапа, который Южный Туркменистан прошел в V—IV тысячелетии до н. э. В этом отношении весьма показательно, что в 1956 г. Ю. А. Заднепровским на Дальверзинском поселении были обнаружены сырцовые

кирпичи, еще не имеющие определенного стандарта и формата, что можно сопоставлять с постройками верхнего слоя Чопан-тепе. Позднее в Иране и Южном Туркменистане вырабатывается устойчивый формат сырцового кирпича. Во II тысячелетии до н. э. в Южном Туркменистане вообще отсутствует расписная керамика (Намазга V и VI). Поэтому нет оснований считать, что чустская культура является результатом прямого переселения южнотуркменистанских общин. Возможно, сношения с этими культурами сыграли определенную роль в сложении чустской культуры (о юго-западных связях Ферганы свидетельствует, в частности, находка клада в селении Хак [1]), но в целом она, надо полагать, является результатом перехода к земледелию местных, ферганских племен, если только дальнейшие исследования не установят ее восточное, а именно китайское происхождение [2].

Как отмечалось выше, работами последних лет было установлено широкое распространение в Средней Азии памятников степной бронзы, по общему облику весьма близких памятникам андроновской культуры Южной Сибири и Казахстана. Л. Р. Кызласовым был поставлен вопрос об андроновском характере некоторых статуэток, происходящих с городища Афрасиаб [3]. Общее наименование всех этих памятников андроновскими едва ли является удачным. Типологическая близость памятников еще не означает их тождества и, несомненно, последующие работы позволят конкретно наметить на территории Средней Азии несколько племенных групп, облик материальной культуры которых близок андроновской культуре. В настоящее время вполне определенно выделяется лишь хорезмская группа племен, культура которых была названа С. П. Толстовым «тазабагъябской» [4]. Поставлен вопрос о выделении ферганской группы племен, но введение для них особого термина «кайрак-кумская культура», как это предлагает Б. А. Литвинский [5], представляется еще преждевременным. Различия этих племенных групп и их отличия от племен, проживавших на территории Казахстана, во многом были связаны с различиями в хозяйстве. В частности, тазабагъябские племена уже знали начальные этапы искусственного орошения полей, что не характерно для степных пространств Казахстана.

Пока еще нельзя с уверенностью сказать, в какой мере распространение этих племен на территории Средней Азии можно считать результатом проникновения с севера каких-то новых этнических групп. Убедительных данных для прослеживания генезиса племен степной бронзы на основе кельтеминарской или тем более заман-бабинской культуры пока нет. Если признавать древнее местное развитие чустской культуры, то для территории Ферганы племена, оставившие кайрак-кумские поселения и Вуадильский могильник, следует признать пришлым элементом. Иначе было бы трудно объяснить, почему в сходных условиях развились две столь непохожие друг на друга по внешнему облику культуры [6].

---

[1] ОАК, 1894, стр. 46. Клад состоял из одной серебряной и двух медных булавок, двух обломков медных орудий и сплющенного медного орудия. Одна из булавок имеет двуспиральную головку, а на навершии другой изображено доение коровы. Последняя, собственно, не является булавкой, а принадлежит к числу тех предметов, которые в могилах Гисар III B и III C входили в состав погребального инвентаря и были названы жезлами. Подобные предметы распространены от Белуджистана до Мегиддо. Клад датируется первой третью II тысячелетия до н. э.

[2] Ряд мотивов росписи посуды Чуста находит аналогии в керамике Машань (Кансу). G. D. Wu. Prehistoric Pottery in China. London, 1938, табл. XLV, 21, табл. XLI, 28.

[3] Л. Р. Кызласов. Андроновские антропоморфные фигурки из Средней Азии. КСИИМК, вып. 63, 1956.

[4] С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 66—68; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции...

[5] В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции..., стр. 14.

[6] В настоящее время находки Б. А. Литвинского и Б. З. Гамбурга показывают одновременность существования в Фергане определенных этапов (поздних?) чустской культуры и памятников степной бронзы.

В заключение можно остановиться еще на одном вопросе, почти не разработанном в среднеазиатской археологической литературе. Мы имеем в виду вопрос о происхождении и расселении индоиранских племен. Эта сложнейшая проблема, несомненно, требует привлечения самых разнообразных источников, и в первую очередь лингвистических; но необходимость участия в ее изучении и археологов становится все более очевидной. В середине II тысячелетия до н. э. индоиранские (собственно индийские) термины и имена божеств появляются в миттанийских текстах. С этим же временем связано распространение в северо-западной Индии арийских племен, с чем целый ряд исследователей связывает упадок древней цивилизации Хараппы и Мохенджо-Даро [1]. Позднее, в начале I тысячелетия до н. э., начинается продвижение в Иран ираноязычных племен — мидян и персов, причем обстоятельное исследование, проведенное И. М. Дьяконовым, ясно показывает, что в IX—VII вв. до н. э. иранские племена появляются в большом числе в Восточной Мидии, а затем как бы продвигаются с востока на запад [2]. Понятно, что Средняя Азия не могла остаться в стороне от этих событий, и, поскольку здесь в середине I тысячелетия до н. э. почти все население было ираноязычным, есть основания, считать, что эти языки были распространены и значительно раньше.

В свете этих данных для истории Средней Азии, во всяком случае ее южных областей, можно предположить два возможных варианта. Во-первых, эти районы, как и более южные страны, могли явиться лишь промежуточной территорией для двигавшихся с севера индоиранских племен. Во-вторых, области Южной Средней Азии и Северо-Восточного Ирана могли быть местом обитания этих племен с весьма раннего времени. Попыткой конкретизировать на имеющемся материале первую из этих возможностей является отождествление с древними индоиранскими племенами носителей андроновской культуры [3]. По существу подобное отождествление является дальнейшей конкретизацией широко распространенного в западной литературе мнения о скотоводческих племенах Причерноморья и Прикаспия как о древнейших индоевропейцах [4]. Однако следует сказать, что эта точка зрения археологически пока еще ничем не может быть подтверждена, кроме общих соображений о продвижении племен с севера на юг, и хронологически пока не увязывается с датой появления арийских племен в Индии. Поэтому в равной мере заслуживает внимания и второе предположение о том, что индоиранские племена являлись обитателями Хорасана с весьма раннего времени, во всяком случае со времени бытования южнотуркменистанских комплексов Намазга V и VI. Решающее значение для этих вопросов будут иметь дальнейшие изыскания в области установления сплошной стратиграфии в археологии Индии и Афганистана. Вполне вероятно, что отмечавшиеся выше аналогии между комплексом Намазга VI и послехарапповской культурой Джхукара в этой связи приобретут особое значение.

---

[1] R. M. Wheeler. Iran and India in Pre-Islamic Times. Ancient India, № 4, 1947—1948, стр. 92; S. Piggot. Prehistoric India to 1000 b. c. London, 1952, стр. 226; В. С. Воробьев-Десятовский. К вопросу о роли субстрата в развитии индоарийских языков. СВ, 1956, № 1.

[2] И. М. Дьяконов. История Мидии. М.— Л., 1956, стр. 151 и др.

[3] А. Н. Бернштам. Сложение тюркоязычного населения Средней Азии и происхождение киргизского народа. Тезисы докладов и содокладов на сессии об этногенезе киргизского народа. Фрунзе, 1956, стр. 4; см. также С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 68.

[4] V. G. Childe. Aryans. London, 1926; S. Pigott. Ук. соч., стр. 248.

Б. А. РЫБАКОВ

МЕСТО СЛАВЯНО-РУССКОЙ АРХЕОЛОГИИ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Археология по праву вычеркнута из списка «вспомогательных исторических дисциплин», так как для советской исторической науки она давно уже стала ее неотъемлемой составной частью, тем важным разделом, который соприкасается непосредственно с уцелевшими остатками жизни и производственного творчества древних людей всех эпох.

Изучение славяно-русских древностей, относящихся целиком к исторической эпохе, должно быть особенно неразрывно слито с изучением письменных источников, с решением общих проблем марксистско-ленинской исторической науки.

Наследство, полученное советской археологией 40 лет назад, состояло преимущественно из огромного вещевого материала, односторонне подобранного, плохо документированного и теоретически не осмысленного. Славяно-русская археология как наука еще только складывалась, и ее формирование происходило почти в полном отрыве от изучения русской истории. Одиноко стоят фигуры археологов-специалистов: пылкого энтузиаста Д. Я. Самоквасова, кропотливого А. А. Спицына, высокомерного поклонника византийской культуры и русского самодержавия Н. П. Кондакова. Романтика археологических открытий интересовала русскую интеллигенцию XIX — начала XX в.; археологические съезды собирали большую аудиторию; художники, изображая древнюю Русь, уже обращались к подлинным археологическим находкам (В. М. Васнецов, Г. И. Семирадский, Н. К. Рерих). Однако русские историки как бы не замечали непрерывно возраставшего обилия археологических источников в столичных и провинциальных музеях и не привлекали их для решения исторических проблем. Только киевская школа историков (Д. И. Багалей, П. В. Голубовский, М. С. Грушевский, М. В. Довнар-Запольский) обнаруживала некоторое знание археологии и иллюстрировала археологическими данными общие курсы и работы по областной истории. Правда, археологический материал брался этими историками из вторых или третьих рук и в значительной мере механически подклеивался ими к текстам летописи и Русской Правды [1].

Вожди русской буржуазной исторической науки начала XX в. П. Н. Милюков, С. Ф. Платонов и В. О. Ключевский (пытавшийся увести молодежь в сказочные страны минувшего) как бы боялись того, что новый вид

---

[1] Как мало влияли археологические факты на предвзятые концепции историков, можно видеть из книги М. В. Довнар-Запольского «История русского народного хозяйства» (т. I, Киев, 1911). Экономику древней Руси этот автор представляет себе так: основой ее была будто бы охота на пушного зверя, а с VII в. н. э.— торговля пушниной. Когда леса оскудели, пришлось колонизовать северо-восточные земли финнов, а на юге перейти от торговли к местному производству изделий. Появление ремесла будто бы вызвало появление (!) земледелия к XI—XIII вв. (стр. 355—356).

Археологические факты только мешали подобным выводам, но автор очень хитроумно лавировал между фактами и предвзятыми мыслями. Правильнее использовал археологические данные М. С. Грушевский.

источников может испортить им с трудом воздвигнутое из старых обломков здание норманской теории.

Историческая концепция Владимира Мономаха, объяснявшая происхождение государственной власти добровольным призванием князей народом («Повесть временных лет» в редакциях 1116 и 1118 гг.), концепция, рожденная в пору народных восстаний на Руси в XII в., оказалась очень удобной и пригодной и в эпоху буржуазно-демократической революции XX в.

В. О. Ключевский, отвечая на вопросы студентов о происхождении государства, писал в 1905 г. (не уступая в нарочитой наивности летописцу XII в.): «Интересы каждого лица приходят в столкновение с интересами другого; является борьба эгоизмов, разделяющая людей. Для ограничения этой борьбы в ы д у м а л и, и з о б р е л и (разрядка моя. — *Б. Р.*) государство, где люди, соединяясь, уславливаются не вредить своим эгоизмом друг другу. Следовательнс. государство также придумано для облегчения отношений, как письменность и книгопечатание».

Важнейшая проблема ранней русской истории — образование Киевской Руси, первого феодального государства восточных славян,— решалась официальной наукой начала XX в. безоговорочно в пользу норманистов. Ради торжества норманизма объявляли вне науки все доводы противников этой теории, «забывали» о важных источниках (арабских и персидских) и искусственно суживали кругозор историка только теми страницами древней летописи, где говорилось о «звериньских» нравах славян и о призвании князей-варягов.

Археологический материал уже тогда слишком определенно, всей своей массой говорил о другом — о земледелии у славян, о городах, о ремесле, о русских дружинниках, о высоком уровне русской культуры, облик которой существенно отличался от культуры шведов-варягов. Следовательно, археология была помехой, ее нельзя было пускать в важные разделы русской истории, ею не нужно было интересоваться. Отдельные исторические вопросы, которыми занимались некоторые археологи (например, вопрос о летописных племенах, о торговых путях, о колонизации Ростово-Суздальской земли) не нашли отражения в трудах историков.

Русская археология и русская история были почти полностью разобщены.

Временный интерес к славяно-русским древностям в годы первой мировой войны носил специфический характер и крупных научных плодов не принес. Ни одного сводного труда ни по археологии вообще, ни по славянской археологии в частности, дореволюционная наука нам не оставила.

* * *

Путь развития советской археологии от вспомогательной исторической дисциплины до важного раздела истории, от любительского занятия краеведов к труду научных коллективов специалистов, вооруженных материалистическим пониманием исторического процесса, не был и не мог быть прямым и простым.

Советское государство поставило изучение археологии на прочную базу, создав в 1919 г. Государственную академию истории материальной культуры, обладавшую широким кругом задач и большими возможностями. Был создан крупный научный коллектив, оснащенный лабораториями и получивший возможность вести раскопки, финансируемые государством. Началась идейная перестройка археологической науки, ее формирование как части исторической науки, базирующейся на принципах исторического материализма.

Представителей старшего поколения советских археологов, уделявших главное внимание изучению орудий труда и производственной дея-

тельности человека (например, В. А. Городцова), называли иногда «интуитивными марксистами», так как объективный анализ археологических данных действительно подводил археологов к верным материалистическим выводам. Археологи стали осознавать себя историками, почувствовали свою ответственность за разработку важнейших разделов отечественной истории. Это выразилось прежде всего в выборе новых категорий раскопочных объектов. Советские археологи, в 20-х годах XX в. усиленно занимавшиеся раскопками курганов, стали переходить к изучению поселений. Древние городища, считавшиеся ранее культовыми местами, оказались в результате раскопок поселками, дающими важный материал по хозяйственной и социальной истории. Уже в 1926 г. В. А. Городцов положил начало широкому исследованию древнерусского города, начав раскопки жилых кварталов Старой Рязани. Затем начались исследования Новгорода, Киева, Вышгорода, Ладоги, Владимира на Клязьме и многих других городов.

Происходило и интенсивное приобщение археологов к марксистско-ленинской теории, но оно осуществлялось в тех же своеобразных формах, в которых приобщались к ней и историки той эпохи. Историческая школа М. Н. Покровского стремилась разрушить построения буржуазной науки и одновременно дать позитивное, марксистское решение важнейших вопросов, выдвинуть новые проблемы. Нигилизм по отношению ко всему буржуазному наследству и отсутствие времени для кропотливых изысканий привели, как известно, эту школу к схематизму, к механистическому пониманию марксизма, к плохому социологизму. Но если для историков это время было временем пересмотра устаревших концепций, то для археологов оно было временем первичного создания исторической схемы, первых социологических обобщений большого бессистемного фактического материала.

Следует признать, что это был важный исторический этап в развитии науки, положительная сторона которого заключалась в полном сближении археологии с историей, в установлении общих задач и общей методологии, несмотря на ошибки социологического характера, которыми он сопровождался.

Появилась первая сводная работа по археологии, принадлежавшая перу историка Ю. В. Готье [1]. Второй том ее — «Железный век в Восточной Европе»,— напечатанный в 1930 г., в значительной мере посвящен археологии славян и древней Руси. Исторические обобщения здесь не выходят за рамки добросовестных работ представителей русской исторической науки начала XX в.; но тем не менее этот общий обзор был полезен и послужил основой многих позднейших работ.

Новый этап в определении задач и возможностей славяно-русской археологии открывается выходом в свет в 1934 г. статьи А. В. Арциховского «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях» [2]. Далеко не все выводы автора могут быть приняты, но это не уменьшает ценности статьи, ставшей в известной мере программой дальнейших работ.

Следует сказать, что начало 30-х годов XX в. характеризовалось ситуацией, неблагоприятной для развития славяно-русского раздела археологической науки. Наряду с попытками показать развитие русского общества на анализе конкретного вещевого материала появляются статьи и книги, проповедующие (несколько запоздало) социологизм.

Объявляется поход против изучения вещевых источников, датировок и типологии, а самое это изучение объявляется некоторыми авторами «вещеведением» и «ползучим эмпиризмом». Ко всякому наследству буржуазной археологии стало проявляться нигилистическое отношение.

---

[1] Ю. В. Готье. Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы до основания первого русского государства. Л., 1925.

[2] А. В. Арциховский. Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской землях. ПИДО, М.— Л., 1934, № 11—12, стр. 35—60.

Работы В. И. Равдоникаса, М. М. Цвибака, А. Г. Пригожина, полные громких фраз и талмудического начетничества, не способствовали теоретическому обогащению археологии, а наоборот, уводили ее в самые глубокие дебри схематизма и отрыва от изучения и осмысления фактов.

Государственная академия истории материальной культуры им. Н. Я. Марра перестала в это время играть свою положительную роль: тематика ее безбрежно расплылась, археология потонула во множестве посторонних вопросов и тем. Доходило до того, что издаваемый ГАИМК журнал «Проблемы истории докапиталистических обществ» в некоторых своих номерах (например, в № 7—8 за 1935 г.) не содержал ни одной статьи по археологии.

По отношению к изучению русских древностей нередко высказывалось то пренебрежительно-насмешливое отношение к прошлому русского народа, которое так полно проявилось в ошибочной и безвкусной пьесе Демьяна Бедного «Богатыри» (1933 г.) Тогда же М. М. Цвибак, говоря об истории Киевской Руси X в., писал, что «борьба варваров с Византией в нашем сознании сильно протравлена густопсовым запахом олегова щита на вратах Цареграда...» [1].

Постановление ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании истории и разбор ошибок школы М. Н. Покровского положили конец подобным извращениям, открыв широкую дорогу серьезному изучению древних славян и средневековой Руси.

Еще до Великой Отечественной войны значительными коллективами историков и археологов была проведена большая работа по написанию двухтомной «Истории СССР» с древнейших времен до X в. (макет 1939 г.) и двухтомной же «Истории культуры древней Руси» (вышла в свет лишь в 1951 г.) Назревшая потребность в обобщении огромного вещевого материала, характеризующего производительные силы и экономику древнерусского общества, сказывается в разработке рядом русских и украинских исследователей специальных тем, посвященных эволюции славянских земледельческих орудий и сельскохозяйственной техники, ремесленных орудий и древнерусского ремесла. Все более широкие масштабы принимают раскопки русских городов. В 1940 г. был созван специальный пленум ИИМК АН СССР, посвященный изучению древнерусских городов.

Археологические материалы и исторические выводы из них, сделанные археологами, оказывают все большее влияние на выработку новой концепции русского исторического процесса. Вышедшие в 30-х годах XX в. труды акад. Б. Д. Грекова о Киевской Руси и о начале русского феодализма [2] базируются в значительной степени на археологических данных.

В спорах, которые вел Б. Д. Греков с П. П. Смирновым, С. В. Бахрушиным и Н. Л. Рубинштейном в защиту феодального строя Киевской Руси и против норманистической концепции происхождения русского государства, археологические материалы служили ему надежной опорой и обеспечивали перевес его взглядам.

Война 1941—1945 гг. принесла не только разрушение культурных центров, расхищение музеев, гибель сокровищ русской архитектуры. Немецкие захватчики несли с собой чудовищную по своему цинизму и лживости фашистскую идеологию.

Германские расисты стремились убедить весь мир в том, что «на Востоке нет культурных ценностей», что славянские народы будто бы не создали ничего за свою историческую жизнь. Норманская теория была воскрешена в самых своих гиперболических формах. На помощь ей была мобилизована и археология; в оккупированных городах немцы устраивали

---

[1] Из истории докапиталистических формаций. Сб. в честь Н. Я. Марра. Л., 1933, стр. 541.

[2] Б. Д. Греков. Рабство и феодализм в древней Руси. М., 1934; его же. Киевская Русь. М., 1939.

выставки славянских древностей, называя их «готскими» или «норманскими».

Советская археология в годы войны и в первые послевоенные годы активно защищала историю русской культуры от посягательств со стороны нацистов. В полемике с фальсификаторами истории использовался большой фактический материал, множество новых неопубликованных данных. Иногда в пылу этих споров допускались некоторые частные ошибки, но все основные выводы археологических работ тех лет оказались верными.

Существенным недостатком славяно-русской археологии 1930—1940-х годов (как, впрочем, и всей археологии в целом) было засилье идей Н. Я. Марра в вопросах этногенеза славян.

Возглавляя на протяжении 15 лет ГАИМК, Н. Я. Марр увлек многих археологов широкой перспективой «этноглоттогонических» исследований первобытности, видимостью марксизма в теории стадиальности языка, легкостью разрешения таких сложных вопросов, к которым ранее археологи не дерзали и приближаться. Искусственно поднятый М. Н. Покровским на высоту, объявленный им вождем советских лингвистов и историков материальной культуры, Н. Я. Марр установил, как известно, нетерпимый аракчеевский режим в науке, не допуская критики своих взглядов. Этот режим продолжался и после его смерти.

Вклад Н. Я. Марра в науку можно, пожалуй, сравнить со «вкладом» кубизма или сюрреализма в изобразительное искусство — полное отсутствие системы, научной логики, произвольное толкование отдельно взятых фактов, крикливость выводов.

Лингвистическая дискуссия 1950 г. выявила ошибочность «нового учения о языке», немарксистский характер социологии Н. Я. Марра и открыла возможность свободного и научного изучения важных проблем происхождения славян.

Увлечение археологов «марризмом» чуть было не нарушило контакт археологов с историками, так как подавляющее большинство серьезных историков никогда по-настоящему не разделяло теорий Н. Я. Марра. Дискуссия 1950 г., завершившаяся выходом брошюры И. В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», содействовала теоретическому переосмыслению археологами ряда основных вопросов и новому, более полному сближению с историками, лингвистами и этнографами.

Освобождение от давления антимарксистских положений Н. Я. Марра и его последователей позволило археологии окончательно стать разделом марксистско-ленинской исторической науки. В последние годы значительно усилился интерес к общетеоретическим вопросам, связанным с экономической и социальной историей славян и древней Руси, причем с каждым годом все больше и больше изживается социологический схематизм первоначальных обобщений. Наряду с этим в последнее время среди некоторой части археологов наблюдается известная реакция против работ последних лет, посвященных изучению славян и определению их общеисторической роли. Так, например, некоторые авторы отказываются от своих прежних взглядов на принадлежность культуры полей погребений славянам и возрождают старые теории готской принадлежности этой культуры.

Необходимость нового, обоснованного и серьезного решения этногенических, этнических и ряда социально-экономических проблем диктует как пересмотр всей методики работы, так и создание более совершенной источниковедческой базы, основанной на полном учете всего раскопанного материала.

Одной из важных мер в этом направлении является задуманный ИИМК АН СССР «Корпус археологических источников СССР», в проекте которого славяно-русской тематике отведено свыше 90 выпусков.

В полном своем виде все эти выпуски «Корпуса» дадут археологическую карту всех восточнославянских земель, общую типологию всех древ-

ностей, карты распространения типов поселений, погребальных сооружений, орудий труда, оружия, утвари, украшений и т. д.

Для археологов-славистов 90 выпусков «Корпуса» будут тем же, чем являются для историков-славистов 25 томов «Полного собрания русских летописей».

* * *

Для того чтобы определить место славяно-русской археологии в советской исторической науке, вклад археологов в изучение разных этапов русской истории, нужно рассмотреть по отдельности основные исторические проблемы, решавшиеся археологами на протяжении 40 лет. При этом необходимо снова напомнить о том, что особенностью советской археологии является неразрывная связь со всем комплексом источников по русской истории. Все ведущие советские археологи являются прежде всего историками, нередко создающими свои труды только на основе одних письменных источников. Грань между историками феодальной Руси и археологами настолько условна, что ее порою трудно различить. Основные исторические проблемы, над которыми велась напряженная работа археологов и историков, можно свести в два хронологических раздела: древние славяне и феодальная Русь.

Проблема происхождения славян решалась буржуазными учеными почти исключительно на лингвистическом материале и была в известной мере монополией лингвистов. Историки обычно лишь повторяли тезисы языковедов. Успехи компаративистики и привлечение некоторых топонимических данных помогли выяснить отдельные вопросы славянского этногенеза, но почти полное отсутствие конкретных представлений о быте и хозяйстве древних славян позволило как лингвистам, так и историкам с необычайной легкостью перемещать «праславян» по Европе в различных направлениях. Гипотетические построения крупнейшего филолога А. А. Шахматова («Древнейшие судьбы русского племени», Пг., 1919) настолько далеко отходили от известного тогда археологического материала, что на время они как бы отпугнули археологов от исследования древнейших судеб славянства.

Работы по исследованию полей погребений первых веков нашей эры, начатые еще до революции В. В. Хвойкой, не продолжались; внимание археологов, протестовавших против миграционизма, было переключено на изучение более позднего периода, на исследование летописных племен вятичей, радимичей и кривичей.

Миграционизм достиг уже таких размеров, что грозил окончательно запутать вопросы славянского этногенеза и лишить археологов какой бы то ни было возможности связывать археологические культуры с теми или иными народами. Археологи это сознавали, и с этим связаны временные успехи школы Н. Я. Марра, выступавшей против миграционизма.

Некоторым археологам, недостаточно разбиравшимся в лингвистике, казалось, что Н. Я. Марр действительно открыл секрет происхождения всех народов. Теория стадиального перевоплощения яфетидов в индоевропейцев позволяла связывать со славянами все культуры любой эпохи на территории Восточной Европы.

В ранних работах М. И. Артамонова изучение процесса этногенеза и сопряженного с ним процесса ассимиляции подменялось перечислением разноязычных племен и народов, которые на определенной стадии своего развития «становились» славянами.

Вместо того чтобы внести некоторые коррективы в буржуазное языкознание и дискутировать с ультрамиграционистами, советские археологи долгое время шли по опасному пути марровской школы.

В водоворот славянского этногенеза вовлекалось все большее количество археологических культур, и в конце концов все научные критерии

утратились. Только в последнем издании интересной книги П. Н. Третьякова «Восточнославянские племена» (1953 г.) автор, отказавшись от ошибок школы Н. Я. Марра, дал увлекательную общую картину жизни славянства в Европе на протяжении нескольких тысячелетий. Здесь учтены новейшие исследования лингвистов и успехи зарубежной археологии; рассматриваются проблемы «прародины» и расселения славянских племен. Само собой разумеется, что в этой общей картине, начинающейся бронзовым веком и кончающейся летописным средневековьем, не может быть все бесспорным. Спорных и неясных мест здесь много, но основные методические посылки следует считать правильными.

Советская историческая наука получила, наконец, если не решение в окончательном виде всех вопросов происхождения славян, то во всяком случае серьезную и широкую программу дальнейших исследований, впервые разработанную на глубоком изучении археологических культур. Эта программа должна лечь в основу работ историков, лингвистов, этнографов и антропологов, так как только комплексность исследований, осуществляемая и в настоящее время, является залогом успеха решения таких сложнейших проблем, как этногенез.

Судьбы славян эпохи Тацита и Птолемея долгое время очень мало волновали историков. Свидетельства древних приводили в работах по русской истории почти как эпиграф, не будучи в силах расширить их содержание за счет других материалов. Открытые в начале XX в. В. В. Хвойкой «поля погребальных урн» долгое время не изучались, что и дало возможность немецким националистически настроенным археологам объявить их германскими, конкретнее — готскими. Попытка В. И. Равдоникаса отрицать, исходя из теории Н. Я. Марра, самое существование готов, не могла, разумеется, способствовать развитию науки.

В последние годы очень много для изучения культуры полей погребений сделал коллектив украинских археологов и ряд московских и ленинградских исследователей. Выявлены поселения, гончарные мастерские, могильники; изучены монетные клады и торговля с Римской империей; установлено существование нескольких культур (важнейшие из них — зарубинецкая и черняховская) и их хронологических и локальных вариантов. Большинство исследователей отрицает готскую принадлежность черняховской культуры и связывает ее как со славянами, так и с остатками приднепровского населения скифской эпохи, этническая принадлежность которого неясна (оно могло быть и скифским ираноязычным и протославянским, смешанным со скифо-сарматами). Следует сказать, что в эпоху господства излишне автохтонистских взглядов Н. Я. Марра этническая принадлежность этих культур решалась очень прямолинейно: раз позднее здесь известны славяне, то значит и все предшествовавшие культуры должны принадлежать славянам или их физическим предкам, «превращавшимся» в славян. На почве этого был допущен ряд частных ошибок, и исследователи иногда говорили о славянах в тех случаях, когда на самом деле нужно было говорить о сарматах или же учитывать нивелирующий характер римского влияния на всю южную половину Центральной и Восточной Европы. (В особенности это касается Крыма и Нижнего Днепра).

В области изучения исторических судеб восточного славянства в конце I тысячелетия до н. э. и первой половине I тысячелетия н. э. перед советской наукой стоит много важных и увлекательных задач, к решению которых исследователи значительно приблизились. В числе этих задач: окончательное установление этнической карты лесостепной и лесной зоны, выяснение деталей земледельческого хозяйства, история развития форм поселений, этапы распада родовой общины и родо-племенного строя в целом, взаимоотношения славян с соседями, вопросы колонизации и ассимиляции, формирование союзов племен и т. д.

Каждый новый шаг советских археологов в этом направлении расширяет общий кругозор русских историков и приближает их к правильному

марксистско-ленинскому пониманию процесса вызревания новой феодальной формации — Киевской Руси. Как бы ни были спорны отдельные выводы и рабочие гипотезы археологов, сейчас уже немыслимо начинать русскую историю с легенды о Рюрике, как это делала почти всегда буржуазная наука.

Вопрос о культуре древних антов и о преемственных связях ее с Киевской Русью был поставлен археологами уже давно. Постановка его неразрывно связана с борьбой против норманской теории. Археологический материал всего I тысячелетия н. э., относящийся к Среднему Приднепровью, к той земле, которая стала ядром Киевского государства, с необычайной яркостью свидетельствует о том, что рождение феодального государства Руси в IX в. отнюдь не связано с появлением варягов-скандинавов, а является закономерным завершением тысячелетнего процесса развития местного общества.

Трудности, которые возникали при рассмотрении этих вопросов, коренились главным образом в нечеткости хронологии. Неясно, к какой эпохе следовало относить самый термин «анты» — к VI—VII вв., когда жили упоминавшие его писатели, или же и к IV в., когда антов упоминают ретроспективно; неясна была и хронология городищ, равно как и облик материальной культуры, связываемой с антами. Антам приписывали и культуру пальчатых фибул VI—VII вв. (А. А. Спицын, 1928 г.) и ранние слои роменских городищ VII—VIII вв., и черняховскую культуру II—V вв. (Б. А. Рыбаков, 1939—1943 гг.), и недавно обнаруженные поселения с керамикой «пражского типа» VI—VII вв. В термине «анты» нередко видели название мощного племенного союза, что едва ли соответствует истине, так как это, скорее всего, искаженное наименование «венеты».

Нельзя признать удачными попытки установления непрерывной типологической связи антских вещей с вещами эпохи Киевской Руси, но нельзя также на основании отсутствия этой связи отрицать принадлежность антам той или иной культуры. Нужно учитывать, что с I по X в. материальная культура славян и других народов Восточной Европы неизбежно отражала общие исторические изменения. Сильное и многообразное римское воздействие окрасило культуры (типа черняховской) определенным налетом римской провинциальной культуры; гибель империи, нашествие гуннов и участие славян в бурных событиях великого переселения народов неизбежно сказались на общем падении культуры во всей Европе, и было бы странно, если бы это не коснулось славян. Связи антов с Киевской Русью очень важны как для археологов, так и историков, но их нужно рассматривать диалектически. Быть может, в дальнейших исследованиях не следует выделять в обособленную группу загадочных антов, хотя славянская культура в «антскую эпоху» и не была единой — южная ее часть всегда существенно отличалась.

Археологическое изучение антского периода (как бы расплывчато его ни понимать) чрезвычайно важно для понимания истории Киевской Руси, которую следует начинать не с Рюрика и Синеуса, а с Мезамира, Доброгаста и, может быть, полулегендарного Кия.

Одной из первых проблем, касающихся древних славян, которой занялись советские археологи, была проблема определения археологических материалов, сопоставимых с племенами «Повести временных лет». Это была, пожалуй, единственная область славяно-русской археологии, в которой советские исследователи получили наследство как в виде обильного фактического материала, так и в виде первичных обобщений (А. А. Спицын, 1899 г.). Русские курганные деревенские кладбища X—XIII вв., послужившие основой для определения племенных территорий, являются почти таким же ценным и массовым (раскопано около 20 000 курганов) источником для изучения раннесредневековой деревни, каким для XV—XVI вв. являются писцовые книги.

Перед советскими исследователями стояла задача приведения в систему огромного количества курганных инвентарей, хранящихся в разных музеях и плохо датированных. Из всего многообразия вопросов, связанных с русской деревней, первоначально были выделены вопросы хронологические и этногеографические. Материал отбирался в пределах летописных областей (вятичей [1], радимичей [2]). Краткие летописные записи удалось значительно дополнить точными картами размещения племен, характеристикой хозяйства (главным образом ремесла), быта и отчасти идеологии.

Однако поздняя дата курганов породила сомнения в правомерности использования курганных инвентарей для решения вопроса о племенах, реальное существование которых надо относить не к феодальной, а к родо-племенной эпохе. В разгоревшейся дискуссии (П. Н. Третьяков, А. В. Арциховский) [3] и в ходе дальнейших исследований выяснилось все же, что сомнения оказались неосновательными, что ретроспективно деревенские курганы X—XIII вв. отражают все же более глубокую племенную старину. Распространение височных колец не связано с феодальными центрами; наравне с поздними летописными географическими определениями земель радимичей и вятичей оно сохраняет отголоски другой эпохи.

Попытки П. Н. Третьякова и других исследователей определить племенные территории по более древним памятникам IV—VII вв. нельзя признать удачными, так как незначительность материалов заставляла пренебрегать единством принципа определения — иногда это были различия в погребальном обряде (например, длинные курганы кривичей и сопки словен), иногда тип городищ, иногда украшения. В этой области предстоит еще многое сделать.

Большой интерес представляет открытие советскими археологами славянских памятников в земле летописных тиверцев [4].

П. Н. Третьяковым в процессе дискуссии о курганах была высказана плодотворная мысль о том, что так называемые «племена» русской летописи на самом деле являются союзами нескольких племен. Углубление исследований над тем самым курганным материалом, в пригодности которого П. Н. Третьяков сомневался, подтвердило гипотезу о союзах племен и позволило даже определить размеры и количество первичных племен, образовавших впоследствии союзы радимичей, вятичей и северян [5].

Работы по областному изучению русских курганных древностей в связи с летописями давно уже получили признание историков. В дальнейшем необходимо значительно расширить круг вопросов, на которые может еще дать ответ этот обильный и важный материал.

Важнейшей исторической проблемой, которой уже четверть столетия тому назад начали заниматься советские археологи, является проблема возникновения русского феодального государства. Появление в Европе Киевской Руси было не только поворотным пунктом в истории славянства, но имело важное значение для десятков государств и народов.

Степенью исторической важности самого явления определяется и важность изучения его.

---

[1] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

[2] Б. А. Рыбаков. Радзімічи. Працы сэкцыі археолёгіі, т. 3. Менск, 1932, стр. 81—151.

[3] П. Н. Третьяков. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. СА, IV, 1937, стр. 33—52; А. В. Арциховский. В защиту летописей и курганов. Там же, стр. 53—62.

[4] См. Г. Б. Федоров. Древние славяне и их соседи в Молдавии. (Краткое описание памятников I и начала II тысячелетий до н. э.). Уч. зап. Института истории языка и литературы Молдавского филиала АН СССР. Кишинев, 1957, т. VI, серия историческая, стр. 237—311.

[5] Б. А. Рыбаков. Археологические источники русской истории. КСИИМК, вып. XIII, 1946, стр. 181—182; Г. Ф. Соловьева. Славянские союзы племен по археологическим материалам VIII—XIV вв. н. э. (вятичи, радимичи, северяне). СА, XXV, 1956, стр. 138—172.

Названная выше работа А. В. Арциховского «Археологические данные о возникновении феодализма в Суздальской и Смоленской земле» (1934 г.) была первой в ряду исследований, посвященных анализу тех археологических материалов, которые могут ответить на сложный комплекс вопросов, связанных с проблемой феодализации. В связи с этой проблемой перестроена вся раскопочная деятельность советских ученых: вместо курганов теперь исследуют все больше и больше поселений, городков, крепостей, замков.

Археологи изучают земледелие (В. О. Довженок, В. П. Левашова), ремесло, облик русской деревни IX в. (И. И. Ляпушкин, В. В. Седов), происхождение городов и замков (С. А. Тараканова, М. Ю. Брайчевский и др.), распад первобытно-общинного строя, дружинные (боярско-княжеские) курганы (В. И. Равдоникас, Д. А. Авдусин, Б. А. Рыбаков, Д. И. Блифельд). В ряде случаев исследования основаны на данных естественных наук, что неизмеримо повышает их научную ценность (по металлообработке — Б. А. Колчин, по остеологии домашних животных — В. И. Цалкин и др.). Обобщающие труды по русской истории С. В. Юшкова, М. Н. Тихомирова в ряде разделов основываются на выводах археологов.

Впереди еще очень много работы по безбрежной тематике раннего феодализма; но сейчас уже можно уверенно сказать, что без глубокого изучения материальной культуры деревень и городов Киевской Руси, без обобщений вещевого материала сопредельных стран, без широких археологических раскопок дальнейшее развитие этого раздела исторической науки немыслимо.

Из обширного круга средневековой тематики, интересующей советских археологов, следует особо выделить проблему русского феодального города.

Если в дореволюционное время раскопки на месте старых русских городов были делом краеведов-одиночек, ведших незначительные работы, то за годы Советской власти многие десятки миллионов рублей были ассигнованы на исследования городов, и музеи РСФСР обладают теперь коллекциями мирового значения.

Представления буржуазных историков о сущности русского средневекового города были в высшей степени искаженными; ошибочные взгляды на основную «точку роста» феодальной формации — на город — отрицательно сказывались на общих концепциях.

В настоящее время, благодаря работе большого коллектива исследователей облик русского города X—XIII вв. вырисовывается довольно полно.

Изучены городские укрепления детинцев и посадов, жилища, терема и дворцы, ремесло, отчасти торговля, военное дело, связь города с деревней, художественная архитектура, быт, утварь и т. д. Изучались и малые удельные центры феодальной периферии и столицы крупных княжеств: Киев (М. К. Каргер), Новгород (А. В. Арциховский), Чернигов (Б. А. Рыбаков, В. А. Богусевич), Переяславль (М. К. Каргер), Владимир (Н. Н. Воронин), Суздаль (А. Д. Варганов, А. Ф. Дубынин), Смоленск (Д. А. Авдусин), Рязань (В. А. Городцов, А. Л. Монгайт), Псков (Г. П. Гроздилов, С. А. Тараканова), Старая Ладога (В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов), Галич (М. К. Каргер), Тмутаракань (Б. А. Рыбаков), Минск (В. Р. Тарасенко), Москва (А. Ф. Дубынин, М. Г. Рабинович).

Особо следует выделить широко известные раскопки в Новгороде Великом, обогатившие мировую науку находками знаменитых берестяных грамот. Археологический материал свидетельствует о высокой и своеобразной культуре русских городов.

Важным для исторической науки является и вывод о разрушительной силе татарского нашествия, положившего начало временной отсталости России.

* * *

В кратком очерке невозможно охватить все те различные разделы славяно-русской археологии, которые дают (или могут дать в будущем) ответы на важнейшие исторические вопросы. Здесь пропущены такие вопросы, как, например, взаимоотношения славян с соседями, «племенные города», славянское язычество, внутренняя торговля, районы сбыта ремесленников, имущественная дифференциация в деревне и в городе, участие Руси в общеевропейской жизни в романскую эпоху, влияние русской культуры на угро-финские и тюркские племена и многое, многое другое.

Для эпохи XIII—XV вв. роль археологических материалов в выяснении многих исторических вопросов очень значительна. В частности, они, и только они, могут показать процесс постепенного роста производительных сил, несмотря на татарское иго. Начиная с эпохи образования русского централизованного государства и увеличения количества письменных источников, роль археологии, естественно, уменьшается.

Для изучения происхождения славян, древнейших исторических судеб славянства, образования русского феодального государства и экономической и культурной характеристики эпохи феодальной раздробленности, для изучения крестьянства и горожан — для всех этих важнейших разделов истории русского народа археологические исследования стали необходимы; без них, без притока нового массового материала, обновляющегося и растущего ежегодно, дальнейшее развитие исторической науки стало уже невозможно.

Место славяно-русской археологии во всей системе советской исторической науки определяется тем широким кругом общих проблем, которые разрабатывают археологи.

За 40 лет было много творческих исканий, были ошибки, заблуждения, велись горячие споры, в результате которых рождались плодотворные мысли. Сейчас перед советскими археологами стоит множество научных задач; проблематика и методика все расширяются в связи с развитием нашей науки и смежных дисциплин.

Залогом успехов в будущей работе является то, что советская славяно-русская археология — неотъемлемая часть нашей исторической науки, развивающейся под знаменем бессмертной теории марксизма-ленинизма.

А. А. ФОРМОЗОВ

МОГУТ ЛИ СЛУЖИТЬ ОРУДИЯ КАМЕННОГО ВЕКА ЭТНИЧЕСКИМ ПРИЗНАКОМ?

В последние годы в центре внимания советских археологов, изучающих эпоху камня, стояли вопросы этнической истории. Исследуя локальные различия памятников определенных периодов каменного века, археологи на основе картографирования археологических культур стремились восстановить расселение древних этнических групп. При этом для эпохи неолита принимались во внимание как различия в формах и орнаментации керамики, так и различия в типах кремневых и костяных орудий. Для наиболее же древних периодов каменного века единственным материалом по истории древних этнических групп могли служить различия в типах кремневого инвентаря [1].

Такая постановка вопроса была взята под сомнение в последней работе крупнейшего специалиста в области неолита М. Е. Фосс [2]. По ее мнению, производственный инвентарь каменного века целиком зависел от местных природных условий, влиявших на хозяйство тех или иных общин первобытного человека. Поэтому исследование территориальных различий производственного инвентаря каменного века не может служить материалом для изучения древней этнической истории, а может указывать лишь на определенные отличия в занятиях первобытных людей и на различие естественногеографических условий их жизни. В связи с этим М. Е. Фосс строила свои последние работы по этнической истории неолита СССР только на изучении орнаментики керамики, поскольку орнаментика, в отличие от производственного инвентаря, не зависела от особенностей производства древних общин.

Вопрос о зависимости различий в типах орудий первобытного человека от природной среды и особенностей хозяйства поднимался и этнографами. Последние устанавливают, что в ряде случаев культурное различие связано отнюдь не с этническими, а только с определенными хозяйственными различиями. В связи с этим этнографы выделяют две группы вариантов материальной культуры: историко-этнографические области — т. е. варианты культуры, связанные с известным этническим единством населения, и хозяйственно-культурные области — т. е. варианты, обусловленные только особенностями хозяйства [3].

Очевидно, что и археологи должны в каждом конкретном случае ре-

---

[1] См. М. Е. Фосс. Неолитические культуры севера Европейской части СССР. СА, IX, 1947, стр. 29—45; А. Я. Брюсов. Очерки по истории племен Европейской части СССР в неолитическую эпоху. М., 1952; А. П. Окладников. Неолитические памятники как источники по этногонии народов Сибири и Дальнего Востока. КСИИМК, вып. IX, 1941, стр. 5—14; М. В. Воеводский. Мезолитические культуры Восточной Европы. КСИИМК, вып. XXXI, 1950, стр. 96—119; А. Н. Рогачев. Раскопки Тельманской стоянки в Костенках и некоторые вопросы хронологии верхнепалеолитического времени. Тезисы докладов на сессии отд. ист. и философ. и пленуме ИИМК, посвященных итогам археологических исследований 1946—1950 гг. М., 1951, стр. 81—83; А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры. КСИИМК, вып. XXXIX, 1951, стр. 3—18 и др.

[2] М. Е. Фосс. Древнейшая история севера Европейской части СССР. МИА № 29, 1952, стр. 67—69.

[3] См., например, М. Г. Левин и Н. Н. Чебоксаров. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, 1955, № 4, стр. 3—17.

шать, стоят ли за выделяемыми ими археологическими культурами древние этнические группы или же различие или сходство памятников связано только с особенностями хозяйства.

Если трудно связать с особенностями хозяйства характер неолитической орнаментики, то это нельзя утверждать, говоря о различиях и сходстве в типах орудий производства. Необходимо, следовательно, рассмотреть вопрос, могут ли служить орудия каменного века этническим признаком. Данная статья представляет собой первый опыт в этом направлении.

Значительность влияния природных различий на типы орудий каменного века не подлежит сомнению. Так, в Карелии, богатой сланцем, находят большое число орудий, изготовленных из этого материала, а в других районах Севера Европейской части СССР они встречаются редко. Мы не можем, однако, говорить о сланцевых орудиях, как об этническом признаке карельской культуры, а расцениваем это обстоятельство как характерную черту древней материальной культуры данного района, обусловленную природными особенностями. Подобным же образом обилие грубых крупных орудий из кремня, отличающее неолит Северного Донца от неолита сопредельных районов, связано прежде всего с расположением донецких стоянок на месторождениях кремня. При исследовании отличий неолита Днепровских порогов от неолита Донца будут поэтому бóльшее значение иметь различия в керамике стоянок этих двух районов, чем указанное различие в составе кремневого инвентаря.

Наряду с прямым воздействием природных условий на производственный инвентарь каменного века очень важно их воздействие на особенности хозяйства первобытного человека, отразившееся в свою очередь на инвентаре. Так, в полупустынных и степных районах Нижнего Поволжья, Северного Прикаспия и Западного Казахстана мы совсем не находим в неолите крупных рубящих орудий — топоров и долот, которые столь обычны для северного «пережиточного неолита». Это обстоятельство связано с тем, что для рыболовов и охотников, обитавших в лесных и хорошо обводненных районах, огромное значение имело изготовление плотов, лодок и рыболовных заколов, вызвавшее появление рубящих орудий. Для бродячих же охотников и собирателей безводных прикаспийско-аральских степей и пустынь рубящие орудия были не нужны.

Продолжим наши примеры. В неолите Кавказа почти нет наконечников стрел, но много каменных мотыг. В лесной зоне РСФСР в памятниках неолитического типа находки наконечников стрел чрезвычайно многочисленны, а каменные мотыги не встречаются. Совершенно ясно, что отмеченные различия в инвентаре стоянок связаны не с этническим различием населения, а с хозяйственными различиями. На Кавказе в неолите роль охоты почти сошла на нет, а земледелие приобрело большое значение, тогда как в лесной полосе Европы охота сохранила большое значение в хозяйстве, а земледелие еще не распространилось.

Таким образом, сопоставляя производственный инвентарь синхронных стоянок каменного века, мы должны все время учитывать воздействие на этот инвентарь особенностей природной обстановки и занятий населения этих стоянок. М. Е. Фосс была права, говоря, что форму глиняных сосудов и особенно их орнаментику, менее зависящие от характера производства, можно в большей степени использовать для этнических исследований по неолиту, чем производственный инвентарь. Но, соглашаясь с этим, мы тем не менее не можем отказаться при работе над нашей темой и от исследования производственного инвентаря, тем более, что керамика появилась только на заключительной стадии каменного века и судить об этнических различиях в палеолите и мезолите мы можем, только изучая каменные и костяные орудия.

Значение производственного инвентаря для исследований по этнической истории определяется тем, что далеко не все в типах орудий связа-

но с особенностями производства. Многие детали формы орудий в процессе работы не играли роли и были связаны только с определенными приемами выделки орудий, сложившимися в отдельных районах. На это справедливо указал А. Я. Брюсов, который писал: «Примитивные орудия допускали, как показывает материал, чрезвычайно большое разнообразие их очертаний. Возьмем в качестве примера бойки каменных топоров. Эти бойки, вставляющиеся в топорище, не требовали какой-либо определенной толщины, длины, поперечного профиля и т. д. Они допускали в этом отношении массу вариаций. И эти вариации действительно возникали в большом числе. Разнообразие материала, применявшегося для выделки таких бойков, еще более способствовало тому, что в разных местах этим орудиям придавались разные очертания. Несмотря на простоту форм, эти бойки, получившие почему-либо и затем сохранившие в силу традиции какую-либо специфическую черту, только в крайне редких случаях могли повторяться в другом месте. Это объясняется тем, что такая специфическая для данного района особенность не имела никакого значения в процессе производства» [1].

С этим явлением мы неоднократно встречаемся при работе над археологическим материалом. В мезолитическую эпоху, например, наиболее характерным типом изделий явились составные орудия с кремневыми вкладышами. В пазы костяных и деревянных орудий вставлялись необработанные или обработанные разными приемами кремневые пластинки, из лезвий которых составлялось единое лезвие составного орудия. Очевидно, что в процессе производства важна была общая форма вкладышевого орудия, давшего режущее лезвие, а тип самых вкладышей был по сути дела безразличен. Поэтому, прослеживая различия в типах мезолитических вкладышей на территории Восточной Европы [2], мы вряд ли можем говорить о каком-либо воздействии на эти различия природной обстановки или особенностей хозяйства.

В северо-западных областях СССР роль вкладышей играли пластинки с притупленной спинкой. Находки таких изделий во вкладышевых наконечниках известны [3]. В Окском районе вкладышами служили пластинки с прямо срезанными притупляющей ретушью концами. Находка таких орудий в пазах вкладышевого наконечника тоже известна [4]. На юге Восточной Европы эти типы вкладышей не получили распространения, зато здесь в очень большом числе встречаются геометрические орудия — сегменты и трапеции. В пазах вкладышевых орудий они пока не зафиксированы, но некоторые данные о находках скоплений геометрических орудий в культурном слое стоянок также говорят о вкладышевом назначении сегментов и трапеций. Костяные основы вкладышевых орудий на юге найдены неоднократно [5]. Таким образом, в ряде районов Восточной Европы были распространены вкладышевые орудия, причем для создания их лезвий в разных районах применялись кремневые вкладыши разных типов. Различие в типах этих вкладышей не имело значения для процесса производства и было вызвано, по-видимому, сложившимися у разных групп населения разными традициями в обработке кремня и в приемах закрепления пластинок в пазах вкладышевых орудий.

Такой же характер носят и некоторые другие различия в мезолитическом кремневом инвентаре. Так, в Крыму большая часть нуклеусов обра-

---

[1] А. Я. Брюсов. История древней Карелии. Труды ГИМ, вып. IX, М., 1940, стр. 6.

[2] А. А. Формозов. Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР. СА, XXI, 1954, стр. 38—51.

[3] М. Д. Гвоздовер. Вкладышевый наконечник со стоянки Талицкого. Уч. зап. МГУ, вып. 158, М., 1952, стр. 207—210.

[4] Находка в Жюрпай-Гюдалиай (хранится в Каунасском историко-художественном музее).

[5] С. Н. Бибиков. Производственная роль костяного инвентаря в хозяйстве позднепалеолитических обществ Крыма. Уч. зап. ЛГУ, сер. истор., вып. 13, Л., 1949. стр. 21—22.

батывалась с одной стороны, в Белоруссии и Литве обычны карандашевидные нуклеусы, в среднеднепровском районе — аморфные нуклеусы из желваков кремня [1]. Поскольку ножевидные пластины, служившие заготовками для орудий, отделялись и от односторонне обработанных и от карандашевидных нуклеусов, очевидно, что в процессе производства эти различия в обработке нуклеусов не играли какой-либо роли. Перед нами только разные региональные приемы обработки нуклеусов, имеющие, видимо, этнический характер.

Приведенные археологические примеры хотелось бы, конечно, подкрепить этнографическим материалом. К сожалению, в этнографической литературе почти нет работ, выясняющих соотношение этнических границ с границами распространения отпределенных типов орудий. Этнографы гребнеровской школы, много работавшие над изучением локальных вариантов материальной культуры, как известно, выделяя бесчисленные культурные круги, пренебрегали при этом реальными этническими границами.

Целый ряд ценных по материалу работ австраловедов поражает тем, что, описывая разнообразные виды копьеметалок, метательных палиц и т. д., этнографы пишут не о том, с какими австралийскими племенами, а о том, с какими территориями (Квинсленд, Виктория) связаны те или иные типы изделий [2].

Все же некоторый материал, подкрепляющий наши выводы, мы найдем в этнографических работах. Так, для нас интересна статья Ф. Шпейзера о меланезийском оружии. Исследование типов боевых палиц, распространенных в Меланезии, привело Ф. Шпейзера к выводу, что некоторые типы палиц характерны только для папуасов, а другие связаны с влиянием полинезийцев на восточные окраины Меланезии. Для папуасов типичны палицы с каменными навершиями и длинные «планкообразные» деревянные палицы. Распространение этих типов ограничено Новой Гвинеей и ближайшими к ней островами. Острова же, лежащие далее к востоку и подверженные влиянию полинезийцев, дают весловидные палицы и палицы в виде приклада винтовки. Здесь нет палиц с каменными навершиями и отмечается только имитация каменных наверший в дереве. В оформлении конца рукоятей палиц также намечаются различия. В папуасских районах палицы имеют на рукоятях расширение с плоским концом, а на востоке Меланезии — расширение с заострением [3].

У разных австралийских племен прослеживаются также различия в деталях одних и тех же орудий. Если орудия вроде топора, тесла, копьеметалки распространены у всех австралийских племен, то отмечается, что у одних племен встречаются тесла на конце копьеметалки, а у других их нет; у одних племен копьеметалки изготовляются из палок, у других — из дощечек, у третьих — из дощечек со смолой. Рукояти топоров одни племена изготовляют из одной палки, другие — из нескольких прутьев. Отмечаются различия в скреплении каменных орудий с деревянными рукоятями (смола, воск) и т. д.

Подтверждением этому могут служить следующие выдержки из этнографической литературы. «Метательная палка с утолщением на конце — вирри является оружием, специфичным для вонкангуру и их ближайших соседей. У них, кроме того, бумеранг, как правило, не уплощен с одной стороны, как это в обычае у племен Квисленда» [4]. Наблюдаются различия по племенам и в типе закрепления бойка топора на рукояти:

[1] А. А. Формозов. Периодизация...

[2] D. S. Davidson. The Spearthrower in Australia. Proceedings of American Philosophical Society, т. LXXVI, No. 4, Philadelphia, 1936; его же. Australian Throwing Stick, Throwing-clubs and boomerangs. American Anthropologist, т. 38, No. 1, Menasha, Wisconsin, 1936.

[3] F. Speiser. Ueber Keulenformen in Melanesien. Zeitschrift für Ethnologie, Тетрадь 1/3, Berlin, 1932, стр. 74—105.

[4] G. Horne and G. Aiston. Savage Life in Central Australia. London, 1924, стр. 10.

у одних племен топор вставлялся в изогнутый корень, а пустые пространства заполнялись смолой, у других — боек топора плотно облегал своеобразный хомут из кожи [1]. Такие же различия этнического характера указываются для копьеметалок. У обитателей берегов Большого Австралийского залива обе «поверхности копьеметалки плоские или слегка выпуклые; в районе бухты Надежды их довольно тщательно полируют, причем материалом для них служит акация темного цвета. Но к востоку, например в районе бухты Стрики, внутренняя сторона дощечки, снабженная крючком, вогнута, а внешняя — выпукла. На полуострове Эйр древнее племя парикалла делало копьеметалки короче, но шире, с определенно выгнутым сечением. К северу, на территориях племен куката, арабана, уонгапитча, алуриджа, аранда и племен, живущих по заливу Купер, копьеметалки делались листовидной формы и большей частью вогнутой в сечении, с хорошо выделанной ручкой и широким кремневым скребком; крючок прикреплялся смолой и сухожилиями» [2].

Эти этнические отличия в типах орудий характерны не только для австралийцев. Исследователь филиппинских племен аэта пишет о различиях их стрел: «Иснег-негритосы по большей части употребляют деревянные круглые в сечении острия, между тем как калинга-негритосы предпочитают сглаженные бамбуковые острия» [3].

Из всего сказанного мы можем заключить, что тщательное изучение производственного инвентаря каменного века позволяет нам выделить те детали орудий, которые не зависели прямо от особенностей производства, а были связаны с этническими различиями в приемах изготовления орудий.

Но помимо этого для нашей темы имеет большое значение другое явление — наличие разных орудий одного назначения, распространенных в разных районах. Как показывает материал, в мезолите Восточной Европы выделяются две большие группы культур: в северной полосе в мезолитических стоянках встречаются в большом числе наконечники стрел из ножевидных пластинок, в южной — их нет, но зато распространены геометрические орудия [4]. Перед нами весьма существенное различие производственного инвентаря, а не частное расхождение в типах орудий. Можем ли мы этому различию придавать этническое значение или оно аналогично указанному выше различию в инвентаре кавказских и северных неолитических стоянок, обусловленному разницей в хозяйстве?

По нашему мнению, здесь явление иного порядка. В первом случае мы имели на Севере Европейской части СССР орудия охоты, а на Кавказе — орудия земледелия. Во втором примере речь идет в обоих случаях об орудиях охоты. Если охотники северной полосы восточной Европы имели не только составные наконечники дротиков с вкладышами из пластинок, но и наконечники стрел с цельными кремневыми наконечниками, то охотники Причерноморья пользовались преимущественно вкладышевыми наконечниками, оснащенными геометрическими орудиями. Этого различия недостаточно для вывода о связи его с разными типами хозяйства, с разной природной средой. Надо учесть к тому же спорадическое появление цельных кремневых наконечников на юге, сопровождавшееся уменьшением числа вкладышей. И на севере и на юге в мезолите шел один процесс развития метательного охотничьего вооружения, но он проявлялся по-разному в разных районах, не совпадающих с природными зонами. Поэтому в данном случае речь должна идти о разных приемах изготовления охотничьего оружия у отдельных этнических групп людей.

Подобным же образом в позднем палеолите мы встречаем, с одной стороны, стоянки с цельными кремневыми наконечниками копий, а с дру-

[1] G. Horne and G. Aisten. Ук. соч., стр. 104.
[2] H. Basedow. The Australian Aboriginal. London, 1925, стр. 200.
[3] Сб. «Религия наименее культурных племен». М.—Л., 1931, стр. 127.
[4] А. А. Формозов. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века Русской равнины. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 6—9.

той — стоянки, не давшие таких наконечников. Но на последних стоянках много пластинок с притупленной спинкой, использовавшихся, как мы помним, для вставки в пазы составных костяных наконечников копий. Таким образом, мы имеем дело с двумя типами наконечников копий, но не с орудиями разного назначения. Существенные на первый взгляд различия кремневого инвентаря, следовательно, не принципиальны.

Наличие таких же орудий-эквивалентов мы можем установить для целого ряда памятников. Так, в некоторых стоянках ашельского времени нет обычных для раннего палеолита ручных рубил, но их функционально заменяют грубые рубящие орудия из отщепов и кусков кремня и т. д.

Итак, не только частные детали, но и весьма существенные различия в типах орудий могут представлять интерес для нашей темы. Если мы можем установить, что в разных районах в одно и то же время каменного века хозяйство было одинаково (об этом может свидетельствовать фауна стоянок) и что различие в типах орудий не может быть связано с их использованием по различному назначению, то мы можем придавать этим различиям этническое значение.

До сих пор у нас шла речь о связи между территориальными особенностями в типах производственного инвентаря каменного века и этническими различиями. Необходимо сказать и о другом вопросе — о связи между сходством материальной культуры и этническим единством или, иными словами, о том, как археологически отличать «историко-этнографические области» от «хозяйственно-культурных зон». При решении этого вопроса необходима такая же осторожность, такое же детальное исследование, как и при решении первого вопроса. Основное, что должно быть выяснено, это — связано ли единство материальной культуры со специфическим типом хозяйства и с единством природной обстановки.

Через все степи и пустыни СССР от Волги, через Казахстан и вплоть до Монголии и Китая тянется зона распространения микролитического кремневого инвентаря эпохи неолита [1]. Инвентарь этот довольно однотипен, вследствие чего возникло предположение о большом этническом единстве на этой территории [2]. Однако надо учесть связь микролитических стоянок эпохи неолита с определенной природной зоной и с определенным типом хозяйства. Перед нами во всех случаях временные стоянки бродячих охотников и собирателей, вооруженных луком и вкладышевыми наконечниками, живших в полупустынных условиях. В этой связи мы скорее должны говорить о микролитической хозяйственно-культурной зоне эпохи неолита, чем о единой культурной области. Это становится особенно очевидным после тщательного анализа инвентаря поселений, показывающего, что он не так уж сходен в деталях, как кажется на первый взгляд. По районам прослеживаются различия и в керамике, и в некоторых формах орудий [3].

Возьмем другой пример. С. Н. Замятниным выделена на территории СССР особая группа позднепалеолитических стоянок, охватывающая Кавказ, Крым, Северное Причерноморье. Расположение близких по типу стоянок в весьма разнообразных природных условиях (горы, равнины, побережье моря и удаленные от него области) не позволяет говорить о том, что единство природной обстановки обусловило своеобразие указанной области позднего палеолита. Данные о хозяйстве этой эпохи показывают, что обитатели очерченной территории ничем не отличались по типу своих занятий от населения других районов [4]. Следовательно, предположение о

[1] А. А. Формозов. Изучение микролитических культур в СССР. Каогу сюэбао, X, Шанхай, 1955 (рис. 5) (На китайск. яз.)

[2] И. В. Синицын. Археологические исследования в Саратовской области и Западном Казахстане. КСИИМК, вып. XLV, 1952, стр. 63.

[3] А. А. Формозов. К вопросу о происхождении андроновской культуры, стр. 3—15.

[4] С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода. Тр. Института этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951, стр. 131—136.

хозяйственной обусловленности различий в культуре позднепалеолитического человека отпадает.

Подобным же образом мы можем подойти и к вопросу о связи между областью распространения ямочно-гребенчатой керамики на Русской равнине в III—II тысячелетиях до н. э. и этническим единством населения. Население Западного Приуралья жило в близких природных условиях с обитателями центра Русской равнины и так же, как и они, занималось рыболовством и охотой. Между тем культура этих двух районов различна. Поэтому границу между двумя областями, которая не является природной и не связана с различиями в типах хозяйства, мы можем рассматривать как этническую границу.

Таким образом, решая вопрос о том, говорит ли сходство в материальной культуре определенного района об этническом единстве населения, следует посмотреть, в чем выражается это сходство, каково взаимоотношение очерченной области с природными границами. Если сходство выражается только в общем облике культуры, а в деталях мы можем увидеть отличия, если выделенная область связана с определенной природной обстановкой, с определенным обликом хозяйства, следует остеречься от заключения об историко-этнографической общности.

Дополнительную сложность при изучении этнической истории каменного века создает то, что техника обработки камня на начальных этапах истории человечества была очень примитивна, вследствие чего многие типы орудий разных районов сходны. Распространение в палеолите на большой территории сходного кремневого инвентаря в ряде случаев являлось лишь результатом этой конвергенции, а не отражением связей родственных групп людей. Развитие первобытной техники шло от примитивной стадии, давшей повсеместно сходные типы орудий, к большей сложности, позволившей проявиться своеобразию многих местных культур. Развитие же связей между группами первобытных людей шло обратным путем — от большой разобщенности этих групп ко все более тесным связям, приведшим к этническим объединениям. Поэтому, прослеживая возникновение локальных различий в материальной культуре первобытного человечества, мы не можем искать в этом явлении прямого отражения истории древнего группирования людей. Типы каменных орудий древнего палеолита всюду примерно аналогичны. Но мы не можем говорить на основании этого о тесном единстве редко разбросанных по первоначальной ойкумене групп первобытных людей. Сопоставление статистики орудий, обнаруженных на разных древнепалеолитических местонахождениях, показывает, что при единстве типов орудий соотношение их в инвентаре разных общин было неодинаково [1]. А это в известной мере свидетельствует о разобщенности обитателей отдельных древнепалеолитических стоянок.

Таким образом, наряду с сопоставлениями археологических данных с данными о природных условиях, в которых слагались культурные общности, в решении нашего второго вопроса детальный анализ производственного инвентаря сохраняет свое значение. Общему заключению о сходстве в облике материальной культуры должен быть противопоставлен анализ не связанных с особенностями хозяйства различий в деталях орудий, имеющих этнический характер.

Установив, что производственный инвентарь стоянок каменного века вовсе не является таким безнадежным материалом для создания этнической истории, как это считала М. Е. Фосс, остановимся несколько подробнее на ее аргументации.

М. Е. Фосс придавала большое значение повторению форм каменных и костяных орудий, характерных, казалось бы, для определенного района, но встречающихся и далеко за его пределами. Несомненно, что такие слу-

[1] М. З. Паничкина. Шелльский комплекс древнепалеолитического местонахождения Сатани-дар. МИА, № 39, 1953, стр. 35—36.

чаи имеют место и в неолите. Техника каменного века давала еще слишком мало простора для разнообразия.

Но дело не в этом. Во-первых, у М. Е. Фосс речь идет о повторении в другом районе отдельных вещей, характерных для определенной культуры, но не о повторении всего комплекса данной культуры. Характерные для причерноморского мезолита трапеции, отсутствующие на Оке и Верхней Волге, встречаются в мезолите Литвы и Белоруссии. Но там нет характерных для южного мезолита сегментов, плоских нуклеусов, типичных для Крыма, а в Причерноморье нет характерных для Прибалтики треугольных геометрических орудий и пластинок с притупленной спинкой. Комплекс крымского мезолита не повторяется нигде, так же как и комплекс литовско-белорусского мезолита.

Во-вторых, нельзя не придать большого значения таким материалам, как статистика и картография. Приводимая М. Е. Фосс находка в Закавказье костяного биконического наконечника стрелы, повторяющего шигирский тип [1], ничего не может доказать. На весь юг СССР это единственная находка биконического наконечника, тогда как северная полоса РСФСР дает десятки наконечников шигирского типа. Единичная находка предмета столь далеко за пределами основного ареала его распространения не может изменить установленного археологами факта, что такой-то предмет характерен для такого-то района. Исследователями очерчен район, куда входит основная масса находок данного изделия, из чего нельзя не сделать определенных исторических выводов. Изменить их сможет только большой материал из районов, не входящих в этот ареал, но соседних с ним, а не единичные находки, удаленные территориально.

Далее, необходимо остановиться на оценке М. Е. Фосс керамики как материала для исследований по этнической истории. Как нам кажется, орнаментика керамики не представляет собой явление надстроечного порядка в чистом виде, племенную орнаментику как таковую, на чем настаивала М. Е. Фосс. Здесь далеко не второстепенную роль играет прием нанесения орнамента, сложившийся в данном районе. Так, известно, что в пережиточном неолите в лесной зоне Европейской части СССР выделяются районы с преобладанием круглоямочного и ромбичноямочного орнамента керамики. Преобладанию того или иного типа орнаментики М. Е. Фосс придает историческое значение. Между тем вряд ли круглая и ромбичная ямки являлись племенными символами, отражали различные идеологические представления разных племен. Скорее всего здесь можно видеть традиционно сложившиеся приемы нанесения ямочного узора.

Другой пример. Как известно, керамика поздняковской культуры, распространившейся на Нижней Оке в конце II тысячелетия до н. э., генетически связана со срубной керамикой. Действительно, мы встречаем здесь все элементы срубной орнаментики. Но поздняковскую керамику не спутаешь со срубной: орнамент на ней богат, нередко вычурен, он покрывает не только плечики сосуда узкой лентой, но часто весь сосуд, вплоть до днища. Дело в том, что для населения бассейна Оки во II тысячелетии до н. э. была характерна типичная для пережиточного неолита богатая орнаментика керамики, покрывающая все поле сосуда. Срубная орнаментика в новой среде, не изменившись в своих элементах, стала наноситься на керамику другим приемом, как в «неолите», занимая все поле сосуда сверху донизу, многими зонами и т. д. Новый прием нанесения орнамента дал и своеобразие керамике.

Если в различиях орнамента керамики определенную роль играет различие приемов украшения сосудов, не связанное с идеологическими представлениями, то в еще большей мере это касается форм керамики. Размеры сосудов еще зависели в известной мере от хозяйственных нужд, но особенности профилировки горшков почти не зависели от различий в хо-

[1] М. Е. Фосс. Ук. соч., стр. 68.

зяйстве отдельных групп населения, как не зависели они и от различий в идеологии племен. Перед нами снова разница приемов изготовления керамики, сложившихся у определенных обществ древних людей. Таким образом, нельзя резко противопоставлять керамику и производственный инвентарь как материал для исследований по этнической истории. Для обоих источников можно говорить об имеющих этническое значение различиях в приемах обработки и оформления изделий.

Надо, наконец, отрешиться и от резкого разграничения этнических и производственных различий в материальной культуре первобытного человечества. Нельзя забывать о том, что определенные особенности в производстве складывались у конкретных древних обществ, в конечном счете у тех же племенных групп. Трудно предполагать, что отдельные общины одного племени резко различались по типу хозяйства, что одни племена в сплоченной группе родственных племен занимались охотой, а другие — земледелием. Этническое единство и связи родственного населения не могли не привести к известному единству типа хозяйства, тогда как разобщенность племенных групп способствовала сложению специфических типов хозяйства.

Выше мы говорили о том, что наличие в Донецких неолитических стоянках большого числа крупных орудий из кремня связано с положением стоянок на кремневых месторождениях. Особенности производства каменных орудий в данном районе наложили отпечаток на облик кремневого инвентаря. В то же время использование кремневых месторождений Изюмщины для изготовления крупных орудий составляло специфическую черту определенной племенной группы, отличавшую ее от соседних племенных групп. Нет, следовательно, непроходимой грани между этническими и производственными различиями в типах орудий каменного века.

Итак, рассмотрение вопроса о воздействии разнообразных природных и общественных факторов на материальную культуру первобытного человечества привело нас к следующим выводам. Хотя на производственном инвентаре каменного века отражается и различие в природной обстановке, окружавшей отдельные общины первобытного человека, и различие в занятиях населения, тем не менее орудия производства могут служить материалом для изучения этнической истории. Наибольшее значение при этом приобретает изучение деталей орудий, не связанных непосредственно с производством, и выявление орудий-эквивалентов, распространенных в разных районах, но выполнявших одинаковые функции. Эти различия в производственном инвентаре связаны, видимо, с различными традициями в изготовлении орудий, сложившимися у определенных, связанных друг с другом групп людей — родов, племен и объединений родственных племен.

Изучение керамики, и в особенности ее орнаментики, дает еще более ценный материал по этнической истории, поскольку эти источники не зависели так сильно от особенностей производства, как орудия. Поэтому при исследовании этнической истории эпохи неолита керамика играет бóльшую роль, чем производственный инвентарь. Но для периодов, предшествовавших неолиту, анализ производственного инвентаря является единственным источником по древней этнической истории. И мы при тщательной работе с материалом можем этим источником пользоваться.

М. И. МАКСИМОВА

БОСПОРСКАЯ КАМНЕРЕЗНАЯ МАСТЕРСКАЯ

В статье, напечатанной в 1937 г.[1] и посвященной анализу трех гемм конца II — начала III в. н. э., мною был поставлен вопрос о существовании в Северном Причерноморье местных камнерезных мастерских. Однако для того чтобы получить достаточно ясное представление о развитии этой отрасли художественного ремесла, необходимо было попытаться выделить из массы найденных в Северном Причерноморье гемм не единичные сделанные боспорскими мастерами экземпляры, а целые их серии.

Настоящая работа посвящена исследованию довольно многочисленной группы золотых с резными гранатами перстней, происходящих, за немногими исключениями, из боспорских некрополей[2], которые, как мне кажется, мы имеем право считать изделиями боспорской камнерезной мастерской конца I в. до н. э. и I в. н. э.

Остановимся сперва на вопросе о датировке. Предварительно отобранные нами 120 гемм из хранящихся в Эрмитаже боспорских комплексов (за исключением одной) должны быть отнесены к периоду от последних двух-трех десятилетий I в. до н. э. до конца I в. н. э. Основанием для этой датировки служит форма перстневых оправ, а также анализ инвентаря погребений, в состав которых входили перстни.

Огромное большинство изучаемых гемм вправлено в золотые оправы типичных для названного периода форм. В этом нетрудно убедиться при сравнении трех форм боспорских перстней (рис. 1) с римскими перстнями указанного периода[3].

Анализ инвентаря погребений, сопутствовавшего найденным на Боспоре печатям, подтвердил вывод, полученный при сличении перстневых оправ. Примерно половина отобранных для изучения гемм происходит из погребальных комплексов, в состав которых входят датирующие материалы: монеты, индикации, выбитые с монет, или грубые подражания им, керамика, преимущественно краснолаковая, стекло и некоторые другие предметы.

Монет найдено сравнительно немного. Из одного погребения[4] происходят три медные монеты Кесарии (Пантикапея?) типа, датируемого А. Н. Зографом 14—8 гг. до н. э.[5]. В другом погребении[6] находилась медная боспорская монета, относимая по типу тем же исследователем к концу I в. до н. э. или к началу I в. н. э.[7]. В одном погребении вместе с перст-

---

[1] М. И. Максимова. Античные печати Северного Причерноморья. ВДИ, 1937, № 1, стр. 251—261.

[2] Fürtwangler в работе «Die antiken Gemmen» (т. III, стр. 301) отметил эту группу резных камней как типичную для востока античного мира. Он, однако, не связывал ее с Боспором как местом производства.

[3] F. Henkel. Die römischen Fingerringe des Rheinlandes. Berlin, 1913, табл. 7—9. Датировка, предлагаемая Ф. Хенкелем, может считаться точно установленной, так как она основана на изучении инвентаря многочисленных погребений Рейнской области. Ср. также F. H. Marschall. Catalogue of the Finger Rings in the British Museum. London, 1907, стр. XLVI.

[4] Гробница № 266 (143) на Глинище. См. ИАК, вып. 17, СПб., 1905, стр. 55.

[5] А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XLV, *12*.

[6] Земляная катакомба на горе Митридат. Дело Археологической комиссии 11/1867, л. 102 сл.

[7] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLV, *5*.

нем [1] найдены две медные монеты Аспурга, царствовавшего с 10 (11) — 37 (38) гг. н. э., и один асс преемника Аспура Митридата VIII (39—45 гг. н. э.) [2]. Погребение следует поэтому датировать серединой I в. н. э. Наконец, вместе с одной геммой [3] найдена была медная монета Котиса II (123—132 гг.) [4]. Последнее погребение, в котором находился также стеклянный кувшин II в., относится, таким образом, к первой половине II в. н. э. Следует, однако, отметить, что это единственный из всего нашего материала пример нахождения перстня I в. совместно с памятниками II в. Мы склонны поэтому видеть в нем исключение из общего правила и рассматривать как случай длительного бытования изделия до помещения его в могилу.

Рис. 1. Боспорские перстневые оправы

В 31 случае вместе с перстнями были найдены золотые брактеаты. Огромное большинство этих индикаций представляет собой оттиски с реверса боспорских монет с изображением Гермы и ветки с монограммой $\frac{\text{ВА}}{\text{Σ}}$ или подражаний этому монетному типу. Эта монограмма, встречающаяся, как известно, на многих сериях боспорских монет, расшифровывалась раньше как имя царя Евмела или имя никогда не существовавшего царя Эвбиота. А. Н. Зограф присоединяется к мнению А. В. Орешникова, предложившего новое чтение монограммы, а именно: Βασιλέως Εὐπάτορος. В отличие от Орешникова, А. Н. Зограф датирует эти монеты не временем Митридата Евпатора, а концом I в. до н. э. или началом I в. н. э. и видит в них проявление митридатовских традиций, бережно сохраняемых боспорскими правителями. А. Н. Зограф разделил монеты с монограммой Митридата на три последовательные по времени группы, причем монеты с Гермой и веткой на реверсе вошли в третью группу, относимую им к началу I в. н. э. (не позднее 15 г. н. э.) [5]. Это дает нам право сказать, что перстни, найденные с подобными индикациями, следует датировать скорее всего первой половиной I в. н. э. Подтверждением этому может служить совместная находка двух перстней с индикацией описанного типа и второй индикацией с портретом императора Тиберия [6].

Наиболее ранняя из найденных вместе с перстнями индикаций представляет собой оттиск с лицевой стороны драхмы парфянского царя Фраата III, царствовавшего с 70 (66?) до 57 г. до н. э.[7]. Поскольку драхма парфянского царя вряд ли имела на Боспоре меновую ценность и, вероятно, бытовала там в качестве редкого художественного изделия, можно думать, что индикация выбита значительно позднее самой монеты.

Краснолаковая посуда и стеклянные сосуды, обнаруженные в погребениях вместе с перстнями (за исключением упомянутого выше стеклянного кувшина из погребения с монетой Котиса II), по типам, бесспорно, принадлежат к I в. до н. э. и I в. н. э. Те же изделия, которые могли бы вызвать в этом отношении некоторые сомнения, оказались в одних комплексах с монетами, индикациями или другими предметами, принадлежность которых ко времени не позже конца I в. н. э. очевидна. Таким образом, можно сказать, что датировка изучаемых печатей, установленная на

---

[1] Найдены в земляной гробнице № 52. См. ИАК, вып. 12, СПб, 1902, стр. 49 сл.

[2] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLVI, 7.

[3] Найдена в земляной, покрытой плитами гробнице № 45 на продолжении Институтской улицы. См. ИАК, вып. 17, СПб, 1905, стр. 14.

[4] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLVI, *17*.

[5] А. Н. Зограф. Ук. соч., табл. XLV, *10*.

[6] Найдена в каменном склепе во дворе А. Борецкого. ОАК за 1894 г., СПб., 1896, стр. 43 сл. Дело Археологической комиссии № 47, 1894, л. 50.

[7] Найдена при впускном погребении № 32 в кургане по дороге в Аджи — Мушкай. ОАК за 1873 г., СПб., 1876, стр. XV. Дело Археологической комиссии № 34/1873, л. 35 и 39.

основании форм перстневых оправ, полностью подтверждается анализом сопутствующего материала и поэтому может быть принята [1].

Перстни с геммами из Боспорских некрополей, отобранные для исследований, после тщательного и всестороннего изучения оказалось возможным разделить на четыре группы. В группу № 1 вошли 62 камня, объединенные рядом общих признаков, позволяющих считать их изделиями одного производственного центра. Эта наиболее многочисленная группа гемм и является, по нашему мнению, продукцией боспорской камнерезной мастерской, ближайшим образом нас интересующей. 30 камней, вошедших в состав группы № 2, мы считаем привозными. Характер их весьма разнообразен, можно предположить, что они доставлялись на Боспор не из одной, а из многих стран. Среди них есть выдающиеся произведения, подписанные знаменитыми резчиками эпохи. В группу № 3 вошло 12 литиков, т. е. стеклянных отливок с гемм; по всей вероятности, они были изготовлены на Боспоре как с привозных, так и местных резных камней. И, наконец, 16 гемм, составивших группу № 4, приходится признать спорными в отношении их происхождения. По своему характеру они неоднородны, и определение их как местных или привозных вряд ли в настоящее время возможно.

Обратимся теперь к печатям первой группы и постараемся установить ее отличительные признаки. Такими признаками являются: фактура перстневых оправ, порода камней, манера резьбы и тесно с ней связанный художественный стиль изображений.

Как уже отмечалось, все перстни боспорской группы по своим формам следуют моде, господствовавшей в это время во всем античном мире. Однако фактура их отличается некоторыми своеобразными чертами.

Золотые перстни интересующего нас периода редко делались массивными. Гораздо чаще они изготовлялись из листового золота, из двух или трех сформованных на деревянной основе частей, которые затем спаивались друг с другом. До окончательной спайки и после вставления камня в гнездо, во внутренние, полые части перстня вводилась плотная сернистая масса, которая придавала устойчивость тонким золотым стенкам. На изготовление полых золотых перстней шло меньше золота, чем на массивные перстни; они были легче по весу и, следовательно, удобнее при ношении. Боспорские перстни исполнены в той же технике, однако по характеру материала и по примененным техническим приемам они несколько отличаются от современных им привозных перстней.

Плиний Старший рассказывает, что в его время умели изготовлять листовое золото различной толщины [2]. Сравнение боспорских перстней с пер-

---

[1] Согласно инвентарной книге Эрмитажа вместе с двумя перстнями в каменном склепе № 55 на горе Митридат (см. ОАК за 1863 г., СПб., 1864, стр. 139) найден был глиняный светильник, изданный в каталоге О. Ф. Вальдгауэра «Античные глиняные светильники» (СПб., 1914, табл. XXXVI, № 348) и датированный там III в. н. э. В той же инвентарной книге среди предметов, с которыми был найден перстень П. 1832. 6., значатся два сходных светильника, один из которых также издан Вальдгауэром под № 355 и датирован тоже III в. Ввиду того, что датировка этих светильников резко расходится с датировкой всей массы других предметов, найденных вместе с перстнями, мы склонны предположить здесь какую-то ошибку. Возможно, что эти светильники были ошибочно приписаны соответствующим комплексам, так как они были доставлены в Эрмитаж по другим описям, чем основные предметы из погребальных комплексов, и через много лет после их находки. Следует заметить, что в погребении, открытом в 1863 г., оказалась также индикация с монеты, относящаяся к концу I в. до н. э. или началу I в. н. э. С другой стороны, обращает на себя внимание, что О. Ф. Вальдгауэр основывает датировку упомянутых светильников III в. н. э. на находке сходного светильника в Херсонесе вместе с портретом Каракаллы в медальоне. Однако в Херсонесе особенно часты случаи повторных захоронений в одной могиле, и поэтому вряд ли этот случай может иметь решающее значение.

[2] Plinius. Nat. Hist. XXXIII. 61. Относительно способа изготовления золотого листа в древности мнения современных ученых расходятся. Х. Блюмнер (см. H. Blümner. Technologie und Terminologie der Gewerbe und Künste. Leipzig, т. IV, стр. 229) категорически отрицает знакомство древних с прокатным вальком, при по-

стнями привозными показывает, что вторые сделаны из значительно более плотного золотого листа. Иллюзия массивности у привозных перстеней почти полная, так как эти изделия довольно тяжелы, а поверхность их гладкая и совершенно ровная, без малейших следов шва на местах соединения отдельных частей [1]. Иначе выглядят перстни боспорские. Они сделаны из золотого листа гораздо более тонкого, очень похожего на то золото, которое мы называем сусальным. И хотя они, так же как и привозные перстни, внутри заполнены сернистой массой, внешняя поверхность у них почти всегда покороблена, вся в складках и вмятинах. Кроме того, спайка отдельных частей далека от совершенства, наблюдаемого на привозных перстнях: швы почти всегда легко различимы на глаз и очень часто расходятся. Причинами этого является неумелая спайка или же неодинаковая толщина золотого листа [2].

Разница в плотности золотого листа, применявшегося при изготовлении боспорских и привозных перстней, находит свое выражение в весе тех и других. Ниже приводится таблица веса трех привозных и соответствующих им по величине боспорских перстней [3].

Перстни привозные	Боспорские перстни
Инв. №	Инв. №
П. 1894. 1 (Афродита) — 6,5 *г*	П. 1884. 6 (Немезида) — 4,8 *г*
	П. 1891. 824 (Гигиея) — 2,9 *г*
П. 1896. 22 (Фортуна) — 14,6 *г*	П. 1903. 20 (Афина) — 6,3 *г*
	П. 1842. 2 (Немезида) — 3,9 *г*
П. 1894. 12 (портрет императора Клавдия) — 10 *г*	П. 1905. 15 (Фортуна) — 5,8 *г*
	П. 1832. 6 (Фортуна) — 3,5 *г*

Из этой таблицы видно, что вес боспорских перстней составляет около половины или даже одну треть веса соответствующего привозного перстня. Столь значительная разница в весе должна быть отнесена за счет толщины золотого листа. Насколько нам известно, полые античные перстни первых веков нашей эры никогда не изготовлялись из такого тонкого «сусального» золота, которое употреблялось для боспорских перстней. В то же время оно ближайшим образом напоминает золотой лист, применявшийся боспорскими золотых дел мастерами при изготовлении некоторых изделий, например погребальных венков. Это сближает перстни группы № 1 с другими боспорскими золотыми изделиями.

Второй характерный признак для перстней группы № 1 заключается в породе камня, вставленного в перстень. За исключением одного случая, все камни боспорской группы — гранаты. С этой породой полудрагоценных камней античный мир не был знаком до похода Александра Македонского на Восток. В глиптике эпохи эллинизма она пользовалась большой популярностью, особенно на востоке античного мира, но и там резчики

мощи которого листовое золото изготовляется в настоящее время. По его мнению, в течение всей античной эпохи металлические листы, в том числе и золотые, получались путем ударов молотка по куску металла, лежавшему на наковальне. Ф. Хенкель защищает противоположную точку зрения и утверждает, что «применение прокатного валька для этой цели не подлежит сомнению». См. F. Henkel. Ук. соч., стр. 277.

[1] F. Henkel. Ук. соч., стр. 277.

[2] Подробное описание процесса изготовления полых золотых перстней см. F. Henkel. Ук. соч., стр. 278 сл. Боспорские перстни делались из двух или трех отдельных частей: 1) внешней округлой части (шинки) вместе с жуковиной, кроме ее дна; 2) внутренней плоской части шинки вместе с дном жуковины. Очень часто камень закреплялся в гнезде при помощи отдельной пластины, которая припаивалась к верхней части шинки. Иногда дно жуковины изготовлялось отдельно и припаивалось к ней снизу. Нередки случаи наложения на перстень небольших пластин — заплат.

[3] Следует учесть, что перстни взвешивались вместе со вставленными в них камнями и поэтому показатели таблицы не вполне точны. Однако мы сопоставили такие экземпляры, у которых размеры оправ и гемм примерно одинаковы.

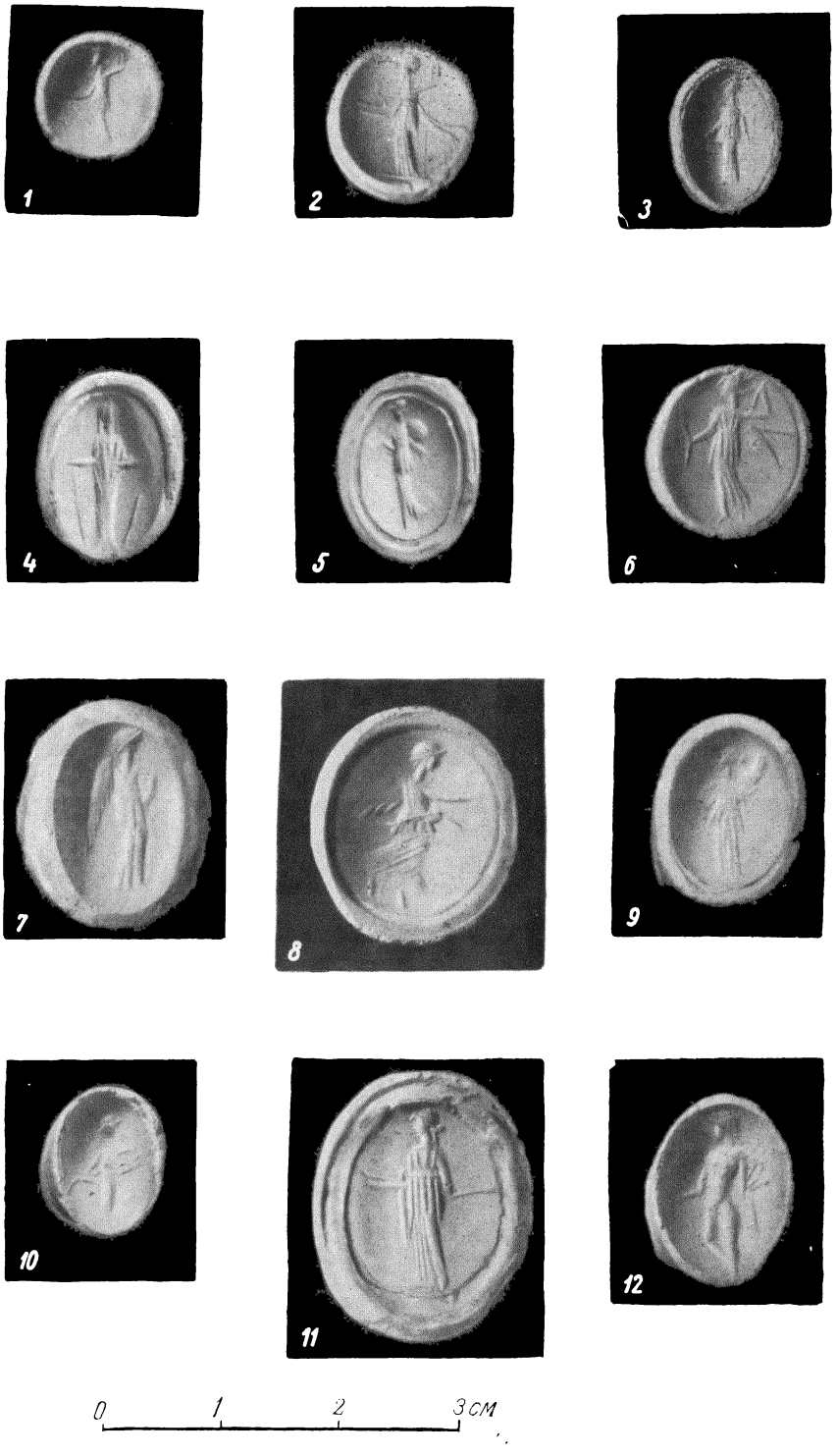

Рис. 2. Боспорские геммы-печати

1, 2 — Гера; *3, 4* — Афина; *5* — Артемида Эфесская; *6* — Артемида; *7* — **Ника-Виктория**; *8, 9* — Немезида; *10, 11* — Гигиея; *12* — Гермес

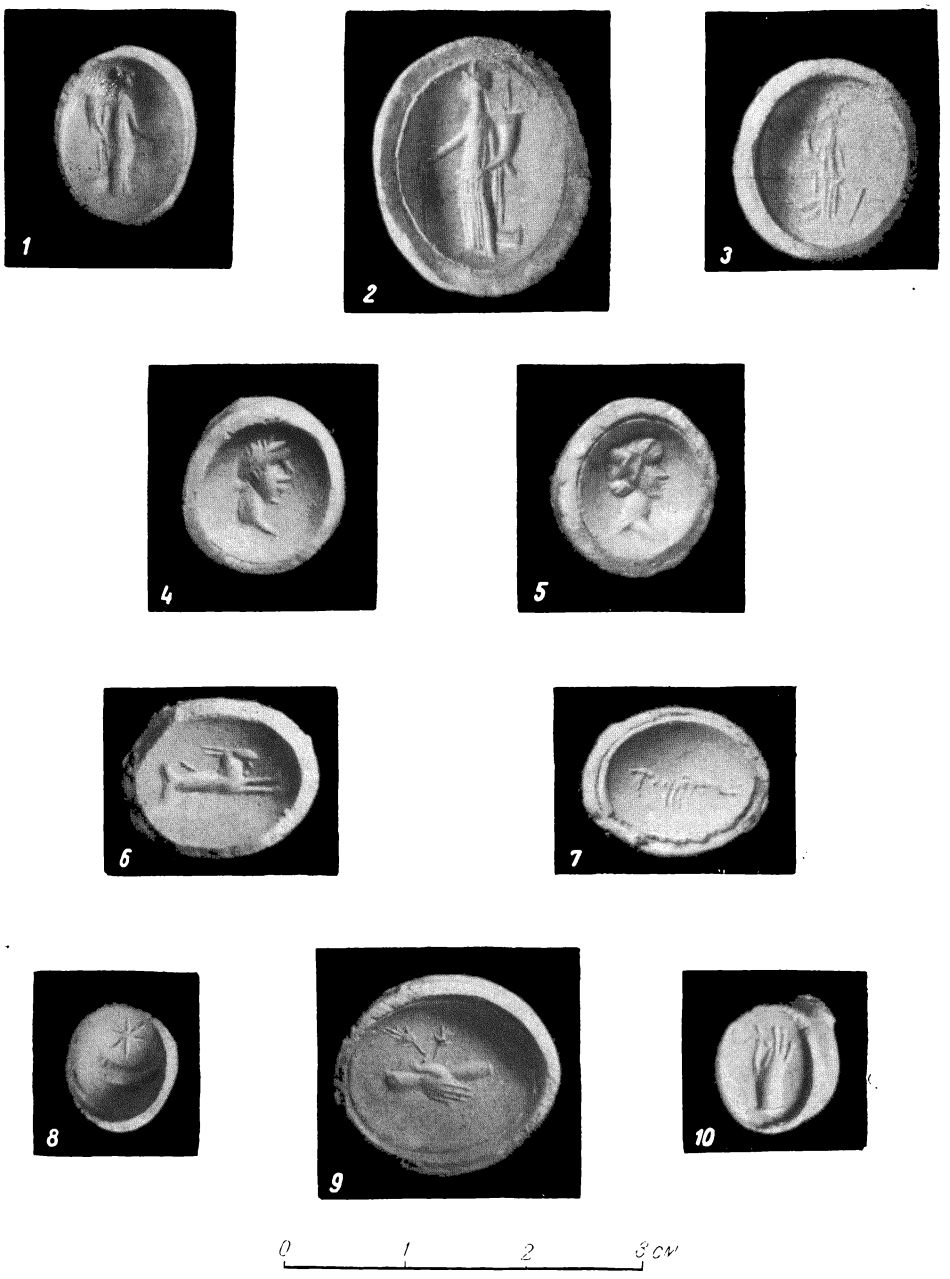

Рис. 3. Боспорские геммы-печати

1—3 — Тиха—Фортуна; *4* — голова римского императора в лавровом венке; *5* — голова женщины; *6* — козерог; *7* — моллюск; *8* — звезда и полумесяц; *9* — рукопожатие — символ союза; *10* — рука и ухо

наряду с гранатами не менее часто выбирали для своих изделий камни других пород и цветов, как, например: гиацинты, сардеры, сердолики, аметисты и др. Такая исключительная любовь к гранату не имеет параллелей в глиптике других областей античного мира. В то же время она напоминает ювелирные изделия так называемого сарматского стиля, появившегося в Северном Причерноморье в эпоху эллинизма и, по всей вероятности, созданного на Боспоре. Боспорские золотых дел мастера инкрустировали свои изделия по преимуществу камнями красного цвета — гранатами и сердоликами; нередко встречаются золотые предметы их изготовления, густо усыпанные одними гранатами. Пристрастие к изделиям с гранатами характерно для боспорской знати этого времени, и рассматриваемые перстни, вероятно, вполне удовлетворяли вкусы боспорского общества.

Прежде чем перейти к анализу художественного стиля изображений на наших резных камнях, присмотримся к кругу их сюжетов.

Как и во всей римской глиптике этого периода, среди рассматриваемых гемм преобладают изображения богов. В отличие от сходных произведений более ранних эпох, когда резчики творчески перерабатывали мифологические образы, римские мастера и их последователи, как правило, бесконечно копировали одни и те же типы, не оживляя их собственной фантазией. Прообразами почти всегда служили знаменитые культовые статуи, и резчики, стремясь дать их точное воспроизведение, варьировали только повороты фигур и второстепенные детали.

К разряду таких изображений принадлежат первые 38 камней нашей группы, которые передают образы целого ряда богов и богинь. Список божеств, встречающихся в этой серии гемм, конечно, не может считаться раз навсегда установленным; вероятно, он будет в дальнейшем пополняться новыми именами. Однако и сейчас он представляет некоторый интерес по своему составу. Количественно на первом месте стоят изображения Тихи-Фортуны (восемь экземпляров) (рис. 3, *1—3*) — наиболее популярной эмблемы на личных печатях эпохи. За ней следует Афина (семь экземпляров и среди них одна копия со статуи Афины-Девы Фидия) (рис. 2, *3—4*). Интересно сравнительно большое число изображений Немезиды (пять экземпляров) (2, *8, 9*), культ которой в это время был широко распространен в Малой Азии. Далее следуют Гера (рис. 2, *1, 2*), Гермес как покровитель торговли (рис. 2, *12*), богиня здоровья Гигиея (рис. 2, *10, 11*), Деметра, Артемида (рис. 2, *5, 6*) и Ника (рис. 2, *7*). Характерная для эпохи тенденция к религиозному синкретизму представлена геммой, на которой вырезана фигура женского божества, слившего в себе черты Афины и Тихи, а также некоторые изображения Немезиды и Фортуны, традиционные образы которых соединены с атрибутами, свойственными другим божествам. Удивляет отсутствие в этом списке Зевса, Аполлона и Кибелы и небольшое число изображений Деметры (один экземпляр), культ которой был, как известно, широко распространен на Боспоре. Вполне закономерно отсутствие изображений такого специального италийского божества, как Гений Удачи (Bonus Eventus), чрезвычайно популярного на геммах, изготовлявшихся в Италии, но, вероятно, не знакомого Боспору. Интересно отметить, что многие божества представлены на боспорских геммах в том художественном аспекте, который они получили в современном им римском искусстве. Это особенно относится к Гермесу — покровителю торговли (рис. 2, *12*), с его атрибутами, и к летящей Нике-Виктории (рис. 2, *7*). Этот последний образ копирует статую, стоявшую в римском Сенате. Она была перенесена туда из Тарента при Августе и с тех пор постоянно воспроизводилась на геммах и монетах Рима и римских провинций.

Влияние римской глиптики заметно и на ряде других камней нашей группы. Так, одна гемма передает портрет римского императора в лавровом венке (рис. 3, *4*). К сожалению, схематичность исполнения не позво-

ляет отождествить его с определенным представителем царствующего дома. Женская голова на другой гемме (рис. 3, *5*), также, вероятно, портретная, носит типичную римскую прическу. На двух геммах мы встречаем изображения козерога (рис. 3, *6*), под знаком которого родился Август. Многочисленные монеты Августа и другие памятники искусства, с ним связанные, часто воспроизводят это изображение. Римскую символику передает и гемма с изображением руки, касающейся уха (рис. 3, *10*). Римляне считали, что память человека сосредоточена в его ушах, и многочисленные римские геммы с подобными эмблемами, вероятно, следует толковать как подарки «на память». На нескольких камнях вырезано изображение рукопожатия — символа союза (рис. 3, *9*). У римлян оно приобрело значение символа брачного союза, и перстни такого рода стали там брачными перстнями.

Остальные эмблемы боспорских гемм — изображения животных, птиц, насекомых, колосьев (как символа материального благополучия), апотропеи — не обнаруживают такой прямой связи с римской символикой, но все они имеют многочисленные аналогии среди античных гемм того времени.

Особое место занимает, по-видимому, камень с изображением звезды и полумесяца (рис. 3, *8*). Это известная эмблема династии Митридатов; она повторяется на ряде найденных на Боспоре гемм. В этих печатях, по всей вероятности, нашли свое выражение те же митридатовские реминисценции на Боспоре, какие известны нам по монетам Динамии, Асандра и Митридата VIII и по некоторым другим памятникам.

Черпая сюжеты из сложившейся в это время под влиянием Рима тематики изображений на печатях, боспорские резчики не восприняли, однако, художественного стиля и форм печатей своих образцов. В Италии в это время господствовали плоские камни различных пород (никколо, сердолики, празеры, аметисты и т. д.), гранаты встречались редко. Резьба римских печатей отличается четкостью и ясностью, при некоторой холодности, свойственной классицизму эпохи Августа. Сравнение образцов римской глиптики того времени, воспроизведенных в указанной выше работе Фуртвенглера на таблицах (XLIII, XLIV), с боспорскими камнями показывает полное отсутствие стилистического сродства между теми и другими. В том, что касается фактуры камня, боспорские печати оказываются более близкими традициям эллинистической глиптики. Эллинистическим резчикам инталий было свойственно пристрастие к прозрачным камням интенсивных тонов — гранатам, гиацинтам, сардерам. Желая выставить их природную красоту в выгодном свете, резчики преимущественно употребляли сильно выпуклые, овальные камни [1] и прибегали иногда к особым приемам полировки и обработки обратной их поверхности, унаследованным впоследствии боспорскими резчиками. Однако художественный стиль изображений и здесь не имеет ничего общего со стилем боспорских печатей.

Итак, сличение боспорских камней с современными им римскими геммами и геммами греческими эпохи эллинизма показывает, что боспорская группа сближается с первыми в отношении сюжетов, а со вторыми в том, что касается выбора породы камня и его формы. Однако по манере резьбы и художественному стилю изображений боспорская группа печатей не похожа ни на римские, ни на эллинистические геммы и занимает особое место среди других произведений глиптики.

Какими же чертами характеризуется этот стиль? При некоторых колебаниях в качестве резьбы всем боспорским печатям свойственна одна особенность, которую, пожалуй, лучше всего можно было бы охарактеризовать как плоскостность и эскизность. Несмотря на то, что печати боспорской группы вырезаны на сильно выпуклых камнях, изображения здесь располагаются только на поверхности последних. Они как бы сколь-

[1] Фуртвенглер. Ук. соч., табл. XXXIV.

зят по их выпуклости, а в отпечатке сливаются с фоном, не выделяясь на нем четкими, пластическими формами. Сравним Фортуну на боспорском камне с изображением той же богини на привозном, тоже выпуклом гранате из Зайцевского склепа (рис. 4). Эта последняя гемма (рис. 4, *б*) не принадлежит к выдающимся произведениям античной глиптики, но тем не менее образ передан пластично. Фигура богини четко выделяется на

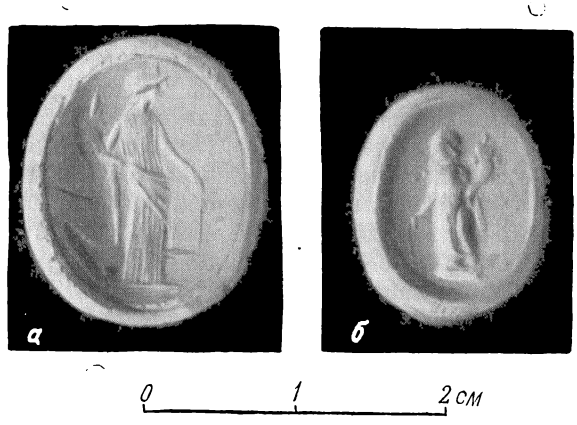

Рис. 4

а—Фортуна, боспорская гемма; *б*—Фортуна, привозная гемма

фоне, в рельефе имеется несколько планов с переходами и градациями, а линии рисунка играют подчиненную роль по отношению к пластическим формам. Резчика этого камня интересует структура тела, скрытого под одеждой, игра складок хитона и плаща и постановка фигуры. Совсем иначе подошел к своей задаче боспорский мастер. Фигура Фортуны (рис. 4,*а*) только как бы набросана им на поверхность камня, рельеф едва заметен, а рисунок схематичен и орнаментален.

На более небрежно вырезанных экземплярах боспорских печатей эти особенности художественного стиля выступают еще сильнее и изображение становится предельно упрощенным: фигуры представляют собой равномерно углубленный силуэт с добавлением необходимых для опознания данного божества деталей — атрибутов, переданных при помощи скупых линий. Вместо реального пластического образа получается как бы его отражение на камне.

Как объяснить усвоение боспорскими мастерами этой упрощенной небрежной манеры резьбы по твердому камню? Настоящую причину, как нам кажется, следует искать не в технической отсталости боспорских резчиков, а в ином, чем у греков, подходе к изготовлению своих изделий.

Античные резчики по камню прекрасно чувствовали природную красоту материала, тем не менее изображение никогда не играло у них подчиненной роли по отношению к камню. Скорее наоборот, мастера смотрели на материал как на средство для усиления впечатления от задуманного ими художественного произведения. В качестве иллюстрации к этому положению можно привести, например, знаменитую цаплю Дексамена, совершающую полет по голубому эфиру, цвету которого соответствует тон камня — сапфирина [1], или вырезанную на аквамарине нежного зеленовато-голубоватого оттенка голову нимфы Галены, приподнимающуюся над гладкой поверхностью моря [2]. Греческие резчики по камню, подобно их собратьям коропластам, торевтам и вазописцам, вносили свою лепту

[1] М. И. Максимова. Античные резные камни Эрмитажа. Л., 1926, табл. II, *3*.
[2] Там же, табл. III, *6*.

в развитие античного изобразительного искусства, используя те возможности, которые давал им их своеобразный материал.

Совсем иначе подходили к своей задаче резчики боспорских печатей. Им были чужды искания и достижения греческого искусства в области изображения явлений реального мира и прежде всего человека. Поэтому, копируя античные образцы, они довольствовались общим и поверхностным сходством, не интересуясь теми проблемами, которые волновали греческих мастеров; а отождествление вырезанной фигуры с определенным божеством, что было необходимо для личной печати, достигалось ими путем придания ей соответствующих атрибутов. Внимание мастеров привлекало к себе не изображение на гемме, а декоративная эффектность всего изделия в целом. И надо сказать, что в этом направлении они достигали определенного успеха. Природный цвет граната с его вишнево-красными оттенками прекрасно сочетается с золотом оправы, и боспорские мастера сумели усилить этот красочный эффект особыми техническими приемами. Задняя поверхность камня искусственно углублялась до такой степени, что передняя, выпуклая его поверхность имела минимальную толщину. Игра красочных тонов граната от этого становилась живее и ярче, но малейшее углубление резца в толщу камня грозило все испортить.

Пластичность образа приносилась, таким образом, в жертву внешней привлекательности изделия. Кроме того, поверхность камня подвергалась блестящей полировке, в то время как изображение оставлялось матовым.

Боспорские резчики рассчитывали на сбыт своих изделий среди состоятельных слоев населения Боспора. Эти слои местного общества, как показывают находки в погребениях, были хорошо знакомы и с привозными изделиями античной глиптики; тем не менее боспорские печати успешно конкурировали с импортными изделиями и были чрезвычайно популярны как в Пантикапее, так и на Тамани. Характерная их особенность — выдвижение на первый план декоративности изделия за счет изобразительного искусства,— видимо, соответствовала вкусам потребителей. Эти же их черты сближают изделия боспорской камнерезной мастерской с продукцией боспорских ювелиров того же времени, с которой у них по существу больше общего, чем с собственно античной глиптикой. Таким образом, выделенная нами группа резных камней может, как нам кажется, с полным правом считаться боспорской.

В. Л. ВОРОНИНА

К ВОПРОСУ О ТИПЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ СООРУЖЕНИЙ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ГОРОДА СРЕДНЕЙ АЗИИ

Застройка раннесредневековых городов Средней Азии еще очень мало изучена. Раскопки последних лет выявляют черты городской фортификации, планировку жилых домов, облик храмовых зданий и формы погребальных построек — наусов. Но эти категории сооружений, разумеется, не исчерпывали застройки раннесредневековых городов Средней Азии. Были ли в городах общественные сооружения, общественные центры, какой они носили характер, какие выполняли функции? Этот вопрос еще не освещался в литературе.

Письменные источники не содержат на этот счет определенных указаний.

У Истахри находим описание монументального дома правления в Мерве. «Это куполообразное здание из обожженного кирпича; ширина его 55 локтей, и изнутри виден способ постройки крыши; в здании этом 4 двери, каждая ведет к портику, вышиной в 30 локтей, а перед каждым портиком прямоугольная площадка» [1]. Из описания возникает образ монументального центрического здания, большой центральный зал которого, увенчанный куполом, сообщался с каждым из четырех фасадов. К сожалению, это весьма конкретное описание не вполне отвечает поставленной нами задаче: описанная Истахри постройка была домом правления, т. е. несла административные функции.

У Ибн-аль-Факиха находим любопытное указание о мервской постройке неизвестного назначения, богато украшенной скульптурными изображениями [2]. Эта постройка, судя по описанию, не похожа на жилой дом. Она не была и храмовым зданием, так как «дома огня» или «дома идолов» неукоснительно отмечаются древними авторами. Остается допустить, что функции здания носили некий общественный характер. Любопытно при этом, что нашлись потомки «владельцев» заброшенного здания, которые считали себя вправе разрушить его и воспользоваться его остатками.

Больше всего по интересующему нас вопросу сообщает аль-Бируни. При описании согдийского календаря аль-Бируни отмечает в месяце наузард праздник магов Бухары, когда они собираются в храме огня селения Рамуш. Этот наиболее значительный из их праздников они справляют поочередно в каждой деревне, собираясь есть и пить в доме сельских старост. В месяце фагхакан, также в честь праздника, согдийцы собираются в своих храмах огня и едят особое блюдо из проса, муки, жира и сахара [3]. Очевидно, дома сельских старост, достаточно просторные и предназначавшиеся для многолюдных собраний, являлись общественным местом дан-

---

[1] МИТТ, т. 1, стр. 172.

[2] МИТТ, т. 1, стр. 151.

[3] Alberuni. Chronologie orientalischer Völker. Ed. E. Sachau. Leipzig, 1878, стр. 234, 235; Alberuni. The Chronology of Ancient Nations. London, 1879, стр. 221.

«Дом огня» арабского текста переводится в указанных изданиях как «храм огня».

ной деревни. Любопытно также отметить, что и самый «дом огня», где согдийцы собирались для общей праздничной трапезы, был наделен общественными функциями.

Вопрос о существовании общественных сооружений в древних городах Средней Азии был выдвинут в литературе С. П. Толстовым, который полагает, что нашел в античном Хорезме постройки, соответствующие «домам огня» аль-Бируни. В конце улицы, разделявшей надвое застройку Джанбас-калы, лежат руины здания, одно из помещений которого, заполненное золой, явилось, по мнению С. П. Толстова, зороастрийским святилищем, другое, гораздо более крупное (14 × 8 *м*) — местом «многолюдных собраний и трапез», а все в целом составляло «дом огня» или «алоухона». Сопоставляя древние «аташ-кеде» и современные «алоу-хона» горных таджиков, проводя при этом обширные этнографические параллели из быта народов Америки, Азии, Африки и других стран, где фигурируют так называемые «мужские дома», С. П. Толстов нашел возможным сделать весьма широкий вывод: «мужские дома в домусульманской Средней Азии были одним из весьма распространенных и значительных бытовых явлений» [1].

После С. П. Толстова проблема общественных сооружений среднеазиатского города в литературе не разрабатывалась, и археологические изыскания подобных построек, насколько известно, не обнаружили.

Раскопки древнего Пенджикента позволяют сделать крупный шаг для выяснения типа общественных центров раннесредневекового города Средней Азии, поскольку есть все основания полагать, что здесь были если не специальные сооружения, то, во всяком случае, отдельные комплексы общественного назначения, вкрапленные среди жилых массивов шахристана.

Жилые дома, расположенные вдоль восточной стены пенджикентского шахристана, представляли монументальные постройки в два-три этажа, со стенами из сырца и битой глины, со сводчатыми сырцовыми и деревянными балочными покрытиями. В этой части города различается как будто три больших жилых комплекса, обозначаемых под названием «здания III, VI, IX». Здание IX находится в северо-восточном углу шахристана; здание III вытянуто с севера на юг более чем на сто метров; здание VI лежит южнее, на повороте городской стены. Раскопки их не закончены, и если удалось выяснить, что здания IX и III разделены узким переулком, то взаимоотношение зданий III и VI еще не установлено, и не исключено, что постройки их смыкаются. Все три здания делятся на жилые секции с определенным составом помещений, где различаются жилые комнаты, коридоры, пандусы, или лестницы в квадратных, реже прямоугольных, клетках, квадратные приемные залы и айваны. Слитность жилых секций говорит, по-видимому, о том, что отдельные семьи составляли большесемейную общину. Здания III и VI представляли собой, очевидно, жилище высших слоев общества, и их гостиные залы были богато украшены настенной росписью, резьбой по дереву и скульптурой [2].

Однако в составе зданий III, VI и IX различаются просторные и парадные залы, по типу не сходные с обычными гостиными залами жилых

---

[1] С. П. Толстов. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 314—317.

[2] Описания и обмеры зданий III, VI и IX содержатся в работах А. Ю. Якубовского, А. М. Беленицкого, В. Л. Ворониной. См. «Труды Таджикской археологической экспедиции», т. II. МИА, № 37, 1953; А. М. Беленицкий. Из археологических работ в Пянджикенте 1951 г. СА, XIII, 1953; его же. Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.). КСИИМК, вып. 60, 1955; его же. Предварительный отчет о работах Пенджикентского отряда в 1954 г. Тр. АН ТаджССР, т. XXXVII, Сталинабад 1956 и др. О назначении здания III мнения расходятся. А. Ю. Якубовский считал его дворцом; к этому мнению присоединяется А. М. Беленицкий. См. А. Ю. Якубовский. Древний Пянджикент. По следам древних культур. М., 1951, стр. 258; А. М. Беленицкий. Предварительный отчет о работах пенджикентского отряда в 1954 г., стр. 19

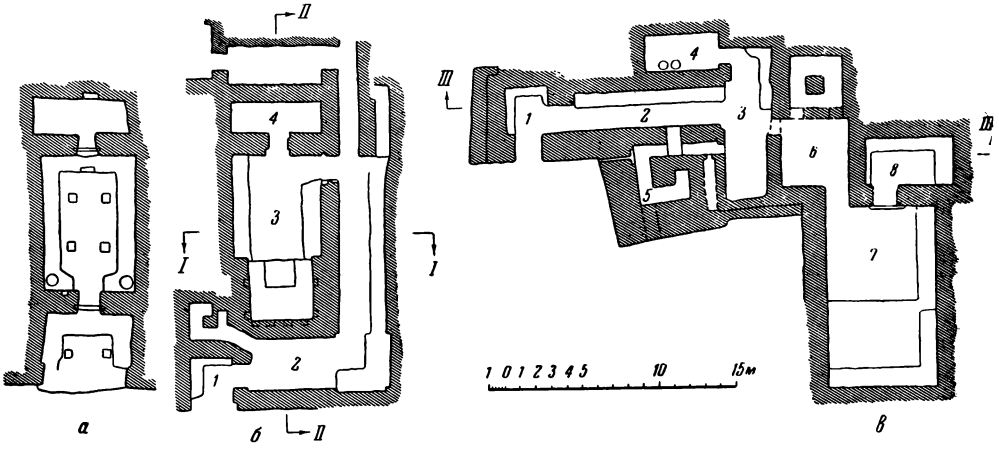

Рис. 1. Планы общественных сооружений древнего Пенджикента

а — общественный комплекс здания III, *б* — общественный комплекс здания IX, *в* — общественный комплекс здания VI

секций и окруженные рядом соподчиненных помещений. Таких комплексов, которые, как мне представляется, носили общественный характер, насчитывается к настоящему времени три [1].

Общественный комплекс здания III представляет собой анфиладу помещений, расположенных по одной оси: небольшого айвана, прямоугольного зала и сводчатой комнаты (рис. 1, *а*). Айван выходит к западу, напротив здания II. Балочный потолок айвана покоился на двух деревянных колоннах, а в зале — на четырех, причем посредине потолка зала было, по-видимому, световое отверстие. Зал размером 8,50 × 5,80 *м* был богато украшен покрывавшей его стены росписью. Вдоль стен тянется суфа, прерывающаяся лишь у выхода на айван и разрезанная ступенями при входе в комнату. По обе стороны входа устроены два очага, имеющие вид углубленных в суфу хумов, заполненных золой. Над одним из хумов был устроен впоследствии плоский прямоугольный очаг с небольшим бортиком, над другим выдолблены в стене две маленькие нишки (одна из них представляет всего лишь круглое углубление и напоминает гнездо для деревянной ложки, какие делаются у очага в современных домах горных таджиков долины Зеравшана). Зал пострадал от пожара и был завален углем от сгоревших балок перекрытия; поверхность суфы получила от огня цвет и прочность терракоты, а живопись была уничтожена. В комнате за залом, напротив двери, находится ниша с остатками росписи, но стены ее в целом были покрыты неокрашенной глиносаманной штукатуркой. Покрытие комнаты было сводчатым. Организация и хозяйственные детали зала говорят о его общественных функциях. С одной стороны, здесь как будто была налажена выпечка хлеба в бóльшем количестве, чем это требуется для отдельной семьи, с другой стороны, приложено много старания, чтобы украсить помещение и сделать его комфортабельным. Портик его, по-видимому, выходил непосредственно на городскую площадь.

Общественный комплекс здания IX (рис. 1, *б;* рис. 2; рис. 3) имел вход с юга из узкой улочки между зданиями IX и III. Вестибюль заменяла собой глубокая лоджия (помещение № 1) размером 3,50 × 2,80 *м,* перекрытие которой не сохранилось. Широкий проем соединял ее с коридором (помещение № 2), который идет сначала вдоль улицы, а затем поворачивает под прямым углом на север. Ширина коридора до поворота составляет 3,40 *м,* а далее уменьшается до 3,10 *м.* Стены его сохранились на зна-

[1] Я не вижу пока оснований приписывать общественные функции едва начатому раскопками зданию VII пенджикентского шахристана, как это делает А. М. Беленицкий. См. «Из археологических работ в Пянджикенте 1951». СА, XVIII, 1953, стр. 335. По-видимому, это было жилое здание с обычным квадратным гостиным залом.

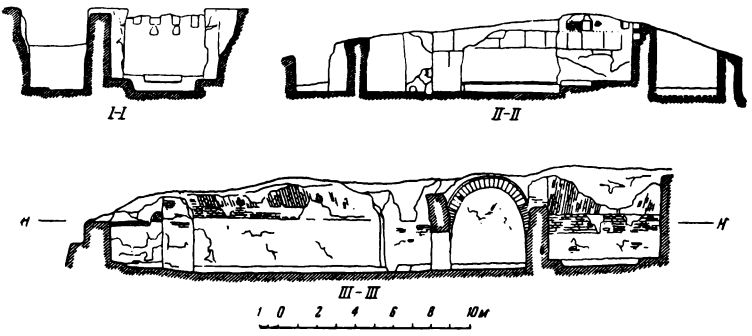

Рис. 2. Разрезы зданий IX, VI

чительную высоту, и в меридиональном его отрезке намечаются пяты свода. На повороте коридор образует почти квадратное в плане уширение, которое было, по-видимому, покрыто куполом. Длина меридиональной части коридора достигает 11,30 *м*. В северном конце находится вход в зал, где, судя по углублениям от порога и косяков, было дверное полотнище. Большой зал (помещение № 3) совершенно своеобразен по формам. В его прямоугольное пространство (6,50 × 5,70 *м*) с суфами у продольных стен открывается большая квадратная лоджия (примерно 4 × 4 *м*) с двухъярусной суфой. Верхняя ступень суфы огибает стены, оставляя посредине свободное пространство, почти целиком занятое зольником. Толщина зольного слоя свидетельствует о том, что здесь раскладывали костер. Зал, вероятно, имел балочную кровлю на столбах с открытой серединой, но лоджия была покрыта сырцовым сводом, от которого остались начальные ряды кладки. В щековых стенах на границе пахсовой кладки стен и сырца видна непрерывная линия гнезд от горбылей, указывающая на существование в прошлом антресоли, что подтверждается и наличием на этом уровне ряда ниш — по две в щековых стенах и четыре в щипцовой. Кроме этих ниш, имеется пара небольших ниш в нижнем ярусе южной стены лоджии. Ниши придают помещению своеобразный вид и дали повод назвать его в

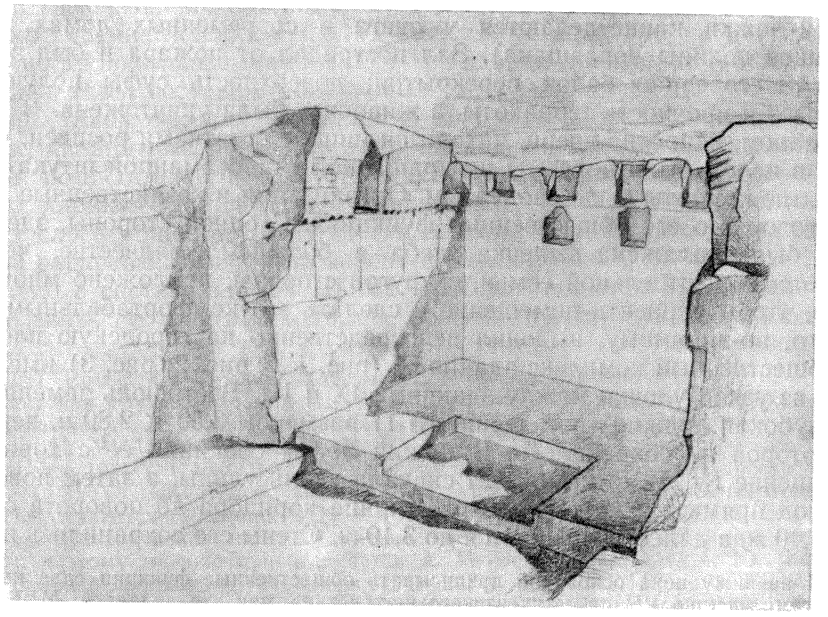

Рис. 3. Внутренний вид лоджии здания IX

процессе раскопок «кафтар-хона», т. е. голубятней. С севера, напротив лоджии, к залу примыкает узкая комната № 4, соединенная с ним широким проемом. Эта комната была покрыта несохранившимся сводом. Рассматриваемый комплекс помещений обслуживали два пандуса, которые вели во второй этаж или на крышу. Первый из них расположен близ входа и углубляется в массив стены между коридором, лоджией и смежной жилой секцией. На подъеме первого марша ответвляется маленькая камера, покрытая сводиком из сырца плашмя. Любопытно, что под вторым маршем находится обычная нижняя камера, которая сообщается не с коридором, а с соседней жилой секцией. Второй пандус открывается в северном конце коридора. Этот пандус имеет вытянутую форму; слева, под маршем, устроен проход, ведущий в следующие два помещения, которые граничат с обрывом плато.

Стены комплекса пахсовые и почти лишены штукатурки. Лишь в лоджии входа сохранилась штукатурка с остатками краски, свидетельствующими, что здесь была роспись. В лоджии зала сохранилась глиносаманная штукатурка без следов живописи, что указывает на отсутствие какой-либо декорации в самом зале.

Общественный комплекс здания VI, находящийся в его юго-западной части, отличается от двух описанных более обширными размерами и сложной планировкой (рис. 1, *в*). Это ансамбль помещений, вытянутый преимущественно в широтном направлении.

Как и в предыдущем случае, комплекс начинался глубокой лоджией, открытой к югу (помещение № 1). Лоджия шириной 2,75 *м* была покрыта в глухой северной части полукуполом на трompах, из которых уцелел один (в северо-восточном углу помещения); остальная несохранившаяся часть покрытия, очевидно, имела форму свода [1]. От лоджии начинается вытянутое, очень высокое помещение № 2 шириной 2,50 *м* и длиной 10 *м*, с суфой вдоль северной стены, которое переходит непосредственно в помещение № 3, расположенное поперечно к № 2, так что они образуют в плане Т-образную форму. К северной части помещения № 3 присоединяется помещение № 4, в полу которого были вмазаны по горло два хума. Все эти помещения имели пахсовые стены и сводчатое покрытие, в настоящее время разрушенное. В южной стене помещения № 2 открывается проем на пандус (помещение № 5) [2].

Далее к востоку за помещением № 3 расположена главная часть комплекса — его парадный зал (№ 7), куда попадали через проходную сводчатую комнату № 6. Зал (размеры 11,5 × 7,25 *м*) отличается от двух описанных асимметричной планировкой. Суфа расположена только с двух сторон, с южной и восточной, образуя на юге площадку во всю ширину зала, на которой вдоль южной и восточной стен возвышается вторая ступень. Балочный потолок, несомненно, опирался на колонны, от которых не осталось, однако, никаких следов. С севера к залу примыкает еще одна сводчатая комната № 8 с суфой. Пока не выяснено, каким помещениям принадлежал пандус, расположенный севернее помещения № 6; не исключено, что он был связан с последним. Стены помещений №№ 6, 7 и 8 сырцовые. С востока они примыкают к пахсовым стенам соседней жилой секции; сырцовая кладка восточной стены зала после раскопок рухнула. Помещение № 8 восточным концом непосредственно примыкает к пахсовой стене смежной секции. Стены помещений описанного комплекса почти везде сохранились на значительную высоту.

---

[1] Этот образец покрытия приводит к мысли, что вход общественного комплекса в здании IX имел такие же архитектурные формы.

[2] Пандус имеет необычную конструкцию: против обыкновения в верхней своей части он имеет камеру, выходящую на некоторой высоте одним концом на первый марш пандуса, а другим концом в виде арки открывающуюся в помещение № 3 (имея перед этим ответвление к югу). Под вторым маршем пандуса находилась нижняя камера, выходившая наружу. По-видимому, пандус подвергался перестройке, так как стены его сложены из сырца.

Архитектурное убранство комплекса, судя по остаткам живописи, было весьма парадным, даже торжественным. Живописью были украшены помещения №№ 1, 2, 3, 6 и 7, т. е. большинство помещений комплекса; такой богатой декорации нет ни в одной жилой секции, и, следовательно, в этом отношении ансамбль мог соперничать даже с храмами. Очевидно, деревянные части зала были украшены резьбой. К сожалению, от живописи осталось очень немногое. В настенной росписи помещения № 1 повторялось изображение кувшина с гранатовыми ветками; расписаны были также подкупольная конструкция, а следовательно, купол. На южной стене помещения № 2 сохранились фрагменты изображений человеческих фигур почти в натуральную величину. Интересна живопись торцовой стены помещения № 3 — с крупной фигурой посредине и меньшими по обе ее стороны. Средняя фигура держит в руках диски, как полагает А. М. Беленицкий, с эмблемами солнечного и лунарного божеств, и, таким образом, весь сюжет связан с космическим культом.

Три описанных комплекса, по всем данным, не являлись обычными жилыми секциями. Об этом говорят отличия в составе и планировке помещений. Залы их в общем не превышают по площади гостиные залы жилых секций. Зал комплекса в здании III имеет площадь 49,3 $м^2$, в здании IX — 53,0 $м^2$; лишь более просторный зал в здании VI достигает 83,4 $м^2$. Площадь самого большого парадного зала жилой секции составляет 81 $м^2$. Но те и другие различны по планировке.

Залы жилых секций строились по установленной схеме: квадратные в плане, они всегда имеют один выход и окружены суфой, образующей, как правило, против двери уширение — эстраду.

Залы общественных комплексов объединяет между собой и отличает от гостиных залов жилых секций следующее: 1) прямоугольный контур плана, 2) наличие поперечной к оси зала дополнительной комнаты, 3) наличие двух дверей. В общественных залах зданий VI и IX нужно подчеркнуть особое развитие суфы-эстрады и появление дополнительной верхней суфы. Следует отметить, что входы общественных комплексов зданий VI и IX должны были выглядеть довольно монументально. С другой стороны, каждый из трех комплексов в известной мере индивидуален. Первый из них при отсутствии вестибюля или коридора сообщается непосредственно с внешним пространством (площадью, улицей), имеет хлебные печи; второй выделяется своей сводчатой лоджией с нишами; третий — асимметрией плана.

Вместе с тем общественные залы сохраняют и кое-что общее с залами жилых секций: это — суфа с эстрадой, балочное покрытие на колоннах, коридоры. Очевидно, данный тип сооружений ведет происхождение от жилища, и прототипом ему служил обычный гостиный зал жилого дома.

Судя по всему сказанному, в среднеазиатских городах VII — VIII вв. вполне оформился тип некоего общественного центра. При сопоставлении с данными письменных источников пенджикентские общественные комплексы более всего напоминают «дома огня» аль-Бируни. По-видимому, это был прообраз алоу-хона горных таджиков, место собраний мужчин города (или данного квартала).

Более точному определению функций открытых общественных сооружений и их роли в жизни города помогает этнографический материал, собранный в основном советскими этнографами.

Общественные сооружения таджиков издавна привлекали к себе внимание. Еще в 1883 г. Г. Арандаренко отмечал, что приходская мечеть каждого селения в Дарвазе и Каратегине служила местом собраний молодежи [1]. М. Варыгин сообщал о кулябских узбеках, что у них молитвенный дом «исполняет назначение клуба и гостиницы» [2]. Наблюдения

[1] Г. Арандаренко. Дарваз-Каратегин. Военный сборник, СПб., 1883, № 12, стр. 310.

[2] М. Варыгин. Опыт описания Кулябского бекства. ИРГО, 1916, № 11, вып. 10, стр. 769.

М. С. Андреева охватывают бóльшую часть нынешнего Таджикистана. Он пишет, что в Дарвазе, Каратегине, Гиссаре при каждой сельской мечети имеется особое помещение, называемое алоу-хона — «дом огня», куда собираются утром или вечером взрослые мужчины селения; каждый приносит еду, устраивают общественную трапезу. Здесь останавливаются на ночлег путники, и поселяне бесплатно снабжают их пищей [1].

Особую ценность представляют наблюдения Н. А. Кислякова и А. Н. Кондаурова, которые уделили подобным учреждениям специальное внимание как одному из пережитков патриархальной домашней общины.

Наблюдения Н. А. Кислякова относятся к Вахио-боло, т. е. к верховьям р. Ванча [2]. Кишлачная мечеть, согласно его описанию, состоит в большинстве из двух частей, обычно связанных дверью и дополняемых крытой террасой — «долуном». Это помещение для молитвы — «хонако» и место общественных собраний — «алоу-хона», где дважды в день разводится огонь. Первое невелико, второе достигает значительных размеров, имея крышу на столбах. В алоу-хона находится «чалак»— прямоугольное углубление для костра в глиняном полу, которое занимает до $^1/_4$ площади помещения; пол вокруг чалака устилается соломой, войлоком и паласами. В небольших кишлаках хонако и алоу-хона объединяются в одном помещении; в таком случае последнее соединяет атрибуты того и другого, т. е. михраб и чалак. Алоу-хона составляет зимой любимое местопребывание мужской части населения; она служит своеобразным клубом. Сюда сообща приносят еду и беседуют, сидя вокруг огня; многие тут же ночуют. Здесь выступают певцы и музыканты, рассказчики сказок. Тут же происходят угощения для всех прихожан по поводу различных случаев жизни — рождений или похорон, останавливаются приезжие. В настоящее время алоу-хона наравне со школой служит местом кишлачных собраний. Алоу-хона обслуживается жителями по установленной очереди, по очереди снабжается топливом. «В Сангворе каждый квартал имеет свою отдельную «алоу-хона» — мечеть, так что мы можем рассматривать ее как общинный дом, принадлежавший первоначально родовой организации. Алоу-хона имеются во всех кишлаках, даже в тех, где насчитывается один дом. Но здесь они соответственно меньше размером и носят название «мехмон-хона» (mehmonhona)— «дом для гостей»; «мехмон-хона» имеются и в больших кишлаках, при некоторых более богатых хозяйствах, но ими мало пользуются ввиду наличия «алоу-хона» — мечети» [3].

А. Н. Кондауров дает почти такую же характеристику общинным домам ягнобцев, которые называются также мехмон-хона. Такие общинные дома имело в прошлом каждое селение; более того, их было несколько в селении — по числу кварталов. Функции общественных мехмон-хона совершенно те же, что и алоу-хона [4].

В долине Варзоба общинный дом более походит на ванчские алоу-хона и носит то же название. Он состоит из айвана «долун», где собираются дехкане и ночуют путники летом, и собственно алоу-хона, закрытого помещения. Посредине алоу-хона или близ двери устроено большое квадратное углубление в полу для разведения костра, которое называется «инкир». Кроме того, имеется и очаг типа касаба [5].

Итак, приведенные описания говорят о том, что в селениях Таджикистана, особенно высокогорных, почти до наших дней сохранялся тип общественного учреждения — общинного дома. Такой общинный дом по

---

[1] М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 164, 165.

[2] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.— Л., 1936, стр. 115—120.

[3] Там же, стр. 20.

[4] А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.— Л., 1940, стр. 22—26.

[5] Там же, стр. 64—65.

большей части соединялся с мечетью и носил название «алоу-хона»; в функциях этого дома большую роль играл огонь — костер, вокруг которого собирались мужчины селения или прихода.

Приведенные выше описания касаются селений. Были ли подобные учреждения в городах? Очевидно, в свое время подобные общественные постройки были и в городах, и этот тип общественного здания отнюдь не исчез бесследно. С. П. Толстов проводит прямую линию от алоу-хона к чай-хона среднеазиатских городов. Действительно, чай-хона — место общественных собраний и деловых встреч, а также своеобразная гостиница, где и в наши дни можно отдохнуть, переночевать, дождаться попутного транспорта. «Чай-хона» и «мехмон-хона» являются дериватом «алоу-хона», — заключает С. П. Толстов [1]. Добавлю, что в городах Северного Таджикистана сохранялся до недавнего времени другой пережиток алоу-хона. Там были кварталы, заселенные родственными семьями, участки которых связаны собственной уличкой, запиравшейся на ночь воротами. Такой квартал имел одну общую мехмон-хона, расположенную поближе к воротам, которая обслуживала все внутриквартальные дворы. Заметим, что как чай-хона, так и городская мехмон-хона уже не выполняли культовых функций, которые перешли к приходской мечети. Впрочем, в мехмон-хоне еще сохранился пережиток культовых атрибутов в виде ниши, обращенной, по возможности, к западу и называемой «мехроб».

Приведенные этнографические материалы могут, как мне кажется, объяснить сущность трех описанных комплексов шахристана древнего Пенджикента. Это были общинные дома, прототип алоу-хона горных таджиков — место вечерних бесед, развлечений и общей трапезы, место деловых совещаний и встреч. В общественных комплексах древнего Пенджикента и в отношении их к жилой застройке многое близко напоминает алоу-хона таджиков.

Прежде всего любопытно, что этих комплексов обнаружено три (очевидно, по числу крупных жилых зданий восточной части шахристана). Это находится в полном соответствии с обычаем строить общинные дома для каждого прихода и напоминает также общую мехмон-хона семейных кварталов города Северного Таджикистана. Можно предположить, что каждый «общинный дом» древнего Пенджикента являлся принадлежностью определенного жилого комплекса, обслуживая мужскую часть населения этого комплекса или квартала. При этом, как мы видим, он был органически связан с застройкой данного квартала, будучи расположен под одной крышей с жилыми помещениями, и, разумеется, возводился на средства их обитателей, т. е. членов данной родовой общины.

Существование «общинных домов» древнего Пенджикента не исключало наличия частных мехмон-хона в отдельных жилых секциях. Так, секции богатых домов-кварталов III и VI обладали собственными мехмон-хона, а обитатели здания IX довольствовались общественным учреждением типа алоу-хона. Мехмон-хона и общинный дом древнего Пенджикента, как мы видели, имеют между собой много общего. Наличие тех и других дает нам повод не согласиться с мнением С. П. Толстова, что мехмон-хона является дериватом алоу-хона. Действительно, если эволюция от алоу-хона к чай-хона вполне правомерна и последняя возникает там, где первая кончает свое существование, то мехмон-хона и алоу-хона никак не исключают одна другую и, как мы видим, существуют параллельно. Нам представляется более правдоподобным, что в первоисточнике, напротив, домашние мехмон-хона послужили образцом для создания общественных центров типа алоу-хона.

По аль-Бируни, в первоисточнике «дома огня» сами по себе являлись культовым сооружением. Под этим углом зрения необходимо еще раз внимательно пересмотреть данные пенджикентских общественных комп-

[1] С. П. Толстов. Ук. соч., стр. 316.

лексов. Был ли в их функциях культовый оттенок или, учитывая наличие в городе храмов, они носили чисто общественный характер? Рассмотренные комплексы не заключают отчетливо выраженных атрибутов культа, но, по-видимому, не без причины отличаются от секционных мехмон-хона в деталях плана и связаны с пристроенной в торце зала непроходной камерой. Если припомнить планировку храмовых построек Пенджикента, то там мы также найдем вытянутую параллельно задней стене зала целлу. Это неотъемлемая черта главных храмовых залов и дворовых капелл, причем целла сооружается позади зала или лоджии. Не следует ли отсюда заключить, что в общинных домах такая камера являлась подобием целлы и признаком некоторых культовых отправлений? Эта особенность, заложенная в самой структуре постройки, заслуживает внимания.

Одновременное существование в городе культовых ансамблей и квартальных алоу-хона кажется вполне допустимым. Если в таджикских кишлаках существовали бок о бок алоу-хона и мехмон-хона, то в раннесредневековых городах большие храмовые ансамбли вовсе не исключали потребности в квартальных общественно-культовых учреждениях.

В связи с этим необходимо вернуться к тексту аль-Бируни, где упомянуты «дома огня» и дома сельских старост. Какое соотношение было между теми и другими и какие из них можно уподобить общественным комплексам древнего Пенджикента? Последние по характеру более напоминают «дома старост». В таком случае пенджикентские храмы по своему удельному весу должны бы соответствовать «домам огня». Однако по содержанию они представляли собой, видимо, далеко не то же самое, что «дома огня» аль-Бируни. Вероятнее всего предположить, что общественные комплексы в Пенджикенте выполняли и какие-то культовые функции. В результате мы приходим к тому же выводу, к какому уже пришли на основании этнографических параллелей.

В облике пенджикентских общинных домов, как видно из описания, намечаются некоторые различия, которые указывают, по-видимому, на какие-то оттенки их общественных функций. Зал здания IX по своей структуре наиболее подходит под определение алоу-хона: большое значение огня — костра — здесь очевидно; немалая роль отводилась, несомненно, и совместной трапезе. Последняя явно еще более подчеркнута в общественном комплексе здания III, но оно при этом отличается от других своей непосредственной связью с внешним пространством и выходит портиком в сторону храмовой площади. Может быть, его посещали паломники, привлеченные из дальних мест прекрасными храмами города? Общественный зал здания VI характеризуется весьма своеобразными чертами. Здесь на первом месте были, очевидно, не огонь, для которого не подготовлено какого-либо специального устройства [1], и не трапеза. Основываясь на большом числе обнаруженных здесь на полу и суфе бараньих астрагалов, которых найдено более полутораста, можно заключить, что здесь помещался своего рода игорный клуб, причем просторная эстрада служила для игры, а на верхней ее ступени размещались зрители. Заметим кстати, что один из сюжетов настенной живописи зала изображает момент игры двух персонажей на расчерченной доске, по-видимому, в нарды. Эта игра, как свидетельствуют письменные источники, в VIII в. была излюбленным азартным развлечением в Средней Азии. Независимо от трактовки содержания упомянутой живописной композиции в качестве чисто жанрового или же более глубокого мифологического [2], она, как нам кажется, представляет как бы косвенное подтверждение выдвинутой версии о назначении зала.

---

[1] Хотя на полу среди зала и видны следы костра, но они могли быть оставлены при вторичном использовании помещения.

[2] См. А. М. Беленицкий. О некоторых сюжетах пянджикентской живописи. КСИИМК, вып. 61, 1956, стр. 59 и сл., рис. 11.

Вместе с тем архитектурное убранство каждого из описанных общественных комплексов имеет прямое отношение к богатству соответствующего жилого комплекса. Если отделка общественного здания IX ограничивалась глиносаманной штукатуркой, а зал здания III был украшен росписью, то самым изысканным и аристократическим салоном являлся, несомненно, общественный комплекс здания VI, о чем свидетельствуют крупные размеры этого комплекса, затейливая его планировка и обильная настенная роспись.

Итак, в раскопках Пенджикента обнаруживается очень важный компонент общественной жизни раннесредневекового города Средней Азии. Это общественные учреждения — «общинные дома», прототип алоу-хона горных таджиков, род клуба — места собрания мужского населения.

Принимая во внимание, что С. П. Толстов располагал в свое время лишь беглым замечанием аль-Бируни и весьма скудными данными археологии, его тезис о «мужских домах» древних городов Средней Азии звучал 10—15 лет назад весьма смелым обобщением. Однако он оправдывается раскопками древнего Пенджикента. Выявление общественных сооружений представляет существенный шаг для понимания жизни раннесредневековых городов Средней Азии.

Р. Л. РОЗЕНФЕЛЬДТ

К ВОПРОСУ О НАЧАЛЕ МОСКВЫ

Начальные периоды истории Москвы всегда привлекали внимание историков и археологов; о них составилась значительная по объему и разнородная по характеру литература [1].

В своих работах почти все исследователи затрагивали три основных вопроса ранней истории города: когда в действительности возникло поселение, из которого в дальнейшем развился город Москва, где размещалось это поселение и каков был характер первоначального московского поселения (был ли это город или сельское поселение).

По вопросу о месте размещения первоначального Московского поселения было высказано несколько предположений. Большинство исследователей признает, что оно возникло в юго-западной части современного Кремлевского холма, на мысу при впадении реки Неглинки в реку Москву.

Высказываемые в свое время предположения и догадки о возможном размещении первоначального поселения Москвы на холме в устье р. Яузы после проведения там археологических раскопок в 1946 г. и наблюдений в 1954 г. в настоящее время должны быть окончательно отвергнуты [2]. Однако до проведения больших раскопок на территории современного Кремля, особенно в его юго-западной, наиболее древней части, вопрос о древнейшем Московском поселении не может считаться окончательно решенным. Работы Московской археологической экспедиции в Зарядье позволяют выдвинуть еще одну гипотезу, о чем будет сказано ниже.

При определении характера первоначального Московского поселения также были высказаны различные предположения, которые относились главным образом к Москве до 1156 г. (т. е. до времени сооружения первого Московского Кремля). Одни авторы считали Москву 1147 г. небольшим селом в глухой вятической земле, другие называли ее «сильным» княжеским селом, расположенным в густо заселенном и хорошо обжитом районе. Некоторые считали Москву 1147 г. городом, другие — значительным городом с обширным посадом.

Столь же разноречивы и мнения по вопросу о времени возникновения древнейшего славянского поселения в Москве.

---

[1] И. Е. Забелин. Изыскания о древнейшем первоначальном поселении Москвы. Тр. VIII АС, т. III, М., 1897; его же. История города Москвы, т. I, М., 1905; М. Н. Тихомиров. Начало Москвы. «Преподавание истории в школе», 1946, № 2; его же. Древняя Москва. М., 1947; А. В. Арциховский. Основные вопросы археологии Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 7—22; М. Г. Рабинович. К вопросу о начале Москвы. ВАН, 1947, № 4; его же. Великий посад Москвы. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 78—82; его же. Материалы по истории великого посада Москвы. Археологические памятники Москвы и Подмосковья, 1954, стр. 59—94; О. Н. Бадер. Материалы к археологической карте Москвы. МИА, № 7, 1947, стр. 88—167; М. Г. Григорьев. Древняя Москва. Сб. «По следам древних культур», Древняя Русь, М., 1953, стр. 323—359; А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 69—77; История Москвы, т. I, Изд. АН СССР, М., 1952.

[2] Акты Археографической комиссии, т. I, вып. II, СПб., 1836, стр. 87; И. Е. Забелин. История Москвы, т. I, М., 1905, стр. 26; М. Г. Рабинович. Археологические исследования Московского посада. ВИ, № 5, 1951, стр. 65; В. А. Мальм. Горны московских гончаров XV—XVI вв. МИА, № 12, 1949, стр. 44.

В результате больших археологических раскопок, проведенных в Зарядье [1], особенно после работ 1953—1956 гг., представляется возможность внести в рассматриваемые проблемы некоторые новые данные и коррективы.

Возвращаясь к вопросу о расположении древнейшего Московского поселения, рассмотрим несколько подробнее рельеф центральной части города, особенно его районов, примыкающих с севера к р. Москве. Высокий (до 30 *м*) Кремлевский или Боровицкий холм, в юго-западной части которого располагается Кремль, простирается за пределами Кремля на восток, постепенно понижаясь и отступая на север от русла р. Москвы.

Южная кромка холма была прорезана несколькими оврагами, промоинами: некоторые из них еще в древности были использованы при сооружении укреплений. Так, проходивший по Красной площади и ныне засыпанный Алевизов ров был, по всей видимости, первоначально одной из таких промоин. Близ него стояло в XVII в. несколько церквей, носящих название «на рву». Другой овраг шел с севера на юг по территории современного проезда Куйбышева к Псковскому переулку и выходил к р. Москве.

На территории, ограниченной с севера кромкой высокого холма (по данным геологических исследований в районе ул. Разина, откос холма был таким же крутым, как и на территории Кремля), а с южной стороны руслом р. Москвы, находилась значительная по размерам и сравнительно изолированная площадь, замыкавшаяся с запада подходящим к реке Кремлевским холмом, а с востока — сильно заболоченным урочищем (известным под более поздним названием Васильевский луг).

После раскопок в Зарядье, охвативших восточную часть очерченного района, выяснилось, что в домонгольское время здесь существовало обширное поселение. Древнейший культурный слой, незначительный у самой восточной границы этого поселения, проходившей по рву, шедшему вдоль линии современного Псковского переулка, возрастал по направлению к западу. Центр поселения находился, вероятно, в районе современной Москворецкой улицы или еще западнее, к югу от собора Покрова на рву (современный собор Василия Блаженного) и по направлению к р. Москве.

Сопоставляя эти данные, полученные при археологических раскопках в Зарядье в 1949—1956 гг., с общепринятым мнением о размещении первоначального московского поселения в юго-западной части современной территории Кремля, приходится или предположить, что до 1156 г. на берегу р. Москвы находились два одновременно существовавших поселения, или полагать, что Московский Кремль 1156 года был построен за пределами первоначального московского поселка на ближайшем к нему необжитом, но удобном для обороны и трудно доступном месте. Маловероятно, чтобы от Кремля до Зарядья простиралось одно большое поселение. Этому противоречит рельеф местности, большая изолированность этих участков и их удаленность один от другого на расстояние более 1 *км*.

Как известно, в юго-западной части Кремлевского холма при сооружении нового здания Оружейной палаты в 1847 г. были найдены два вятических семилопастных височных кольца и две серебрянные гривны типа, также широкораспространенного у вятичей [2]. Те и другие украшения хорошо датируются XII в. [3].

Парность височных колец, найденных в Московском Кремле, как это обычно бывает в погребальных комплексах, и хорошая их сохранность,

---

[1] Археологические раскопки в Зарядье проводила в 1949—1951 гг. Московская экспедиция ИИМК АН СССР и Музея истории и реконструкции г. Москвы под руководством М. Г. Рабиновича. С 1953 г. Московская экспедиция ИИМК АН СССР работает в Зарядье под руководством А. Ф. Дубынина.

[2] Указатель Румянцевского Музея. Московский публичный Румянцевский Музей. Каталог отдела древности. М., 1905.

[3] А. В. Арциховский. Курганы вятичей. М., 1930.

позволили А. А. Спицыну высказать мысль, что предметы эти происходят из «сглаженного кургана» [1]. (т. е. кургана, насыпь которого была снесена при планировке местности.— *Р. Р.*).

Предположение А. А. Спицына нам кажется весьма убедительным. Курганный могильник был, вероятно, спланирован в 1156 г. при устройстве крепости Юрием Долгоруким.

Легенды об основании Москвы, равно как и летописные известия, согласно повествуют о том, что первый Московский Кремль был построен на необжитом месте. Летопись сообщает, что первая Московская Кремлевская церковь Иоанна Предтечи была срублена из леса, росшего на холме, и называлась «под Бором». Церковь Спаса на Бору, находившаяся за пределами первого Московского Кремля, названием своим указывает на то, что этот бор долго сохранялся за стенами крепости. Самая западная башня Московского Кремля, построенная на месте башен кремлей 1339, 1367 гг. (направление стены здесь не менялось), сохранила и теперь свое древнее название Боровицкой.

Представляется правдоподобным, что до сооружения первого Московского Кремля холм не был заселен. Первоначальное же поселение находилось к западу от современного Зарядья и было тесно связано с рекой, от названия которой получило свое имя.

Каким же временем следует датировать это поселение? Судя по некоторым находкам нижнего культурного слоя (шиферные пряслица, стеклянные браслеты и др.), отдельные исследователи склонны считать, что поселение в районе Зарядья существовало с начала XI в. [2].

Известно, что шиферные пряслица, изготавливавшиеся в Овруче на Волыни, и стеклянные браслеты являются типичными находками в культурных слоях русских городов XI—XIII вв. Однако акцентирование на наиболее раннюю из дат создает, мне кажется, превратное представление о времени нижних горизонтов культурного слоя Москвы. При раскопках в Зарядье было найдено три пряслица из розового овручского шифера (в 1949, 1953 и 1954 гг.). Все три пряслица небольших размеров, с внутренним диаметром каналов 7—8 *мм*. Если сравнить эти пряслица с хорошо датированными шиферными пряслицами начала XI в. из Екимауцкого городища в Молдавии, то можно отметить значительную разницу между ними. Пряслица из Екимауцкого городища — крупные, их внутренний канал равен 10—12 *мм*. Просмотр значительной серии шиферных пряслиц из раскопок в Новгороде в 1954 г. позволил установить, что наиболее изменчивым у шиферных пряслиц был диаметр внутреннего канала. Овручские пряслица более позднего времени изготовлялись с меньшим диаметром внутреннего канала. Найденные в Москве шиферные пряслица могут быть сопоставлены только с новгородскими пряслицами XII—XIII вв.

Другой группой находок, также важной для установления даты нижнего горизонта культурного слоя в Зарядье, являются стеклянные браслеты и перстни из прозрачного стекла. Если при раскопках 1949—1951 гг. было найдено 7 обломков таких браслетов, то в 1953—1955 гг. их было найдено 250. М. Г. Рабинович, писавший о первой партии стеклянных браслетов, найденных в Зарядье, датировал их в одних работах X—XIII вв., а в других — XI—XIII вв. [3]. В связи с находками части этих браслетов в слоях выше предматериковых он высказал предположение, что нижний слой на этих раскопах относится к еще более раннему времени.

В результате раскопок последних лет и уточнения обстоятельств, при которых были найдены стеклянные браслеты в 1949—1951 гг., было уста-

---

[1] А. А. Спицын. Обозрение некоторых губерний и областей России в археологическом отношении. ЗОРСА, т. XI, вып. 1 и 2, СПб., 1899, стр. 199—206.

[1] М. Г. Григорьев. Древняя Москва. Сб. «По следам древних культур». Древняя Русь. М., 1953, стр. 352.

[3] М. Г. Рабинович. Материалы по истории великого посада Москвы, стр. 81.

новлено, что все стеклянные браслеты, найденные в Москве, кроме тех, которые были в перекопанных слоях, залегают в предматериковом слое и некоторые из них даже втоптаны в материковую глину [1]. Среди обломков стеклянных браслетов нередки находки обломков тонких гладких браслетов зеленовато-коричневых тонов. Браслеты такого типа встречаются в Новгороде преимущественно в слоях XII—XIII вв. На основании этих находок датировать нижние горизонты культурного слоя в Зарядье X—XI вв., мне кажется, нельзя.

Для обоснования ранней датировки нижних горизонтов культурного слоя в Зарядье привлекается и найденная здесь свинцовая пломба с плохо сохранившейся надписью готическим шрифтом (нечитаемой) по кругу и изображением в центре на обеих ее сторонах перчатки, на которой лежит посох с загнутым концом рукояти. М. Г. Рабинович усматривает в этом изображении сходство с гербом кельнского епископа Германа III (скончался в 1040 г.) [2].

В результате дополнительного обследования этой пломбы, произведенного В. Л. Яниным, было установлено, что пломбы с диском такого типа на западе до XIV в. не изготовлялись. Палеографические особенности остатков надписи также указывают скорее на XIV—XV вв., чем на более раннее время. Пломба с подобным же гербом была найдена при раскопках в Новгороде в 1955 г. в слое XV в. Таким образом, найденная в Зарядье свинцовая пломба не может быть использована для датировки нижних горизонтов культурного слоя в Зарядье (XI в.). Следует также отметить, что найдена она была не в «древнейшем горизонте», а на глубине в 3,5 *м*, в слое XV в. [3] (культурный слой в месте находки пломбы достигал глубины около 5 *м*).

В обоснование глубокой древности нижних слоев в Зарядье приводились и находки в них обломков сосудов, «покрытых глухой зеленой поливой, какие известны по находкам в Киеве и во Владимире в слоях XI—XIII вв. [4]». Обломки поливной керамики из раскопок в Москве имеют красноглиняное тесто, покрытое под поливу белым ангобом. Подобного типа поливная керамика не встречается среди домонгольской поливной посуды. Последняя, как правило, имеет светло-серое асбестовидное тесто и покрыта поливой без предварительного ангобирования. Керамика, о которой идет речь в Зарядье, попала, по-видимому, в нижние горизонты в результате глубоких, не замеченных при работе перекопов. При раскопках 1953—1955 гг., при бóльшей мощности домонгольских слоев в Зарядье, чем в 1949—1951 гг., не встретилось ни одного фрагмента поливной керамики этого времени [5].

К раннему времени, по мнению М. Г. Рабиновича, относится и свинцовая гирька, найденная в Зарядье и имеющая, по его утверждению, аналогии в весе с гирькой новгородского купца XI в. [6].

Следует отметить, что все русские весовые гирьки домонгольского времени однотипны, в особенности гирьки XI—XIII вв. Они имеют вид медного плоского боченка, внутри которого заключено железное или свинцовое

---

[1] А. Ф. Дубынин. Работы Московской экспедиции, стр. 70. Нижний слой содержал больше всего браслетов (55%). В 1955 г. на раскопе № 5 было найдено обломков стеклянных браслетов на глуб. 4,6—4,8 *м* — 4 шт.; 4,8—5 *м* — 20 шт.; 5—5,2 *м* — 28 шт.; ниже шел материк.

[2] М. Г. Григорьев. Древняя Москва, стр. 354.

[3] Товарная пломба, инв. № 3457, р. IV, Зарядье, 1950, кв. XX, пл. 18.

[4] М. Г. Рабинович. Материалы по истории великого посада Москвы.

[5] См. отчеты Московской экспедиции ИИМК АН СССР 1953—1956 гг. Архив ИИМК, дело № 860, 993, 1157, 1278.

[6] М. Г. Рабинович. Материалы по истории великого посада Москвы, стр. 81. Вес московской гирьки 89,7 *г*, вес новгородской гирьки не 90 *г*, как указывает М. Г. Рабинович, а 91,2 *г*. См. А. Л. Монгайт. Археологические известия и заметки. КСИИМК, вып. 41, М., 1952, стр. 108—110. См. также М. Г. Григорьев. Ук. соч., стр. 324.

ядро. Гирь подобного типа известно множество. Московская гирька не имела медной оболочки. Против этого говорит орнамент в виде розетки, выбитый прямо на свинце. Интересно отметить, что и эта находка получена не из нижнего слоя, а с глубины 19 пласта, который автором раскопок датируется XV в.[1].

Этот неполный разбор важнейших находок, полученных при археологических раскопках в Зарядье и относимых обычно к наиболее древним горизонтам культурного слоя Москвы, не дает, мне кажется, возможности датировать его временем ранее начала XII в. Слоев XI в., а тем более X в., на этой территории не обнаружено.

Несколько своеобразным для обоснования раннего времени возникновения Москвы является привлечение для этой цели клада восточных монет, найденного при сооружении фундамента храма Христа Спасителя в Москве. Здесь в урочище Чертолье в 1837—1838 гг. было найдено несколько монет, две из которых были прочитаны (862 и 866 гг.) [2]

Привлекать эту находку для установления времени возникновения Москвы также, как нам думается, нельзя. Нет оснований думать, что этот клад был найден в культурном слое Москвы. (Клад монет этого времени встречены в значительном числе вне связи с поселениями в местах, где вовсе нет культурного слоя). Осмотр обрезов культурного слоя в районе улицы Волхонки, произведенный мною в 1956 г. (неподалеку от места находки клада), позволил установить, что здесь полностью отсутствуют культурные напластования домонгольского времени.

Еще менее годится для установления времени основания Московского поселения каменная иконка X в. греческого производства, найденная в Кремле при земляных работах. Кремль, как известно, был в свое время средоточием русской церковной иерархии, и сюда из разных мест часто привозили различные церковные святыни, причем предпочтение отдавалось старинным изделиям подобного рода.

М. Г. Рабинович в ряде своих статей по ранней истории Москвы утверждает широкое развитие в Зарядье в X—XII вв. ремесел, и в частности металлургического, литейно-ювелирного и кожевенно-сапожного производств. При просмотре материала было установлено, что все эти производственные комплексы относятся к более позднему времени. В горизонтах, в которых они обнаружены, в ряде случаев вместе с ними была найдена красноглиняная, краснолощеная и даже белоглиняная керамика. Расположение ряда производственных комплексов на материке еще не доказывает их глубокую древность. Внимательный просмотр обширного керамического материала из раскопок в Зарядье и, в частности, керамики из нижних слоев позволил установить, что здесь нет сосудов в виде слабо профилированных горшков с едва отогнутыми венчиками и маловыступающими плечиками, а тем более нет лепной керамики X и первой половины XI в. В основании культурных напластований в Зарядье лежит обычная керамика XII—XIII вв., имеющая ближайшие аналогии с вятической курганной керамикой.

Кратко резюмируя вышесказанное в результате новых раскопок в Зарядье в 1953—1956 гг., я прихожу к нижеследующим выводам:

1. Древнейший Московский поселок, по-видимому, первоначально размещался западнее Зарядья в районе современной Москворецкой улицы и до 1156 г. представлял собою поселение сельского типа.

---

[1] См. Отчет Московской экспедиции ИИМК АН СССР за 1951 г. по раскопу № VII. Архив ИИМК, дело № 587, инв. № этой гирьки 464; найдена она в квадрате № 30.

В 1954 году в предматериковом слое V раскопа был найден каменный серый шиферный крестик и наборный костяной двусторонний гребень. Оба предмета по аналогии с находками в Новгороде датируются второй половиной XII — нач. XIII в.

[2] П. С. Савельев. Мухамеданская нумизматика в отношении к Русской истории. СПб., 1846.

2. Наиболее ранние из найденных при раскопках в Зарядье вещи датируются XII в. и не дают оснований для отнесения возникновения Москвы к X—XI вв.

3. Решающими для установления времени возникновения Москвы должны явиться раскопки к югу от Красной площади, где по данным геологоразведочных работ культурный слой достигает глубины 18 *м*, а также раскопки в юго-западной части Кремлевского холма.

Достоверных данных о существовании до XII в. поселения на Кремлевском холме нет. Предположение о располагавшемся на его территории вятическом курганном могильнике скорее исключает мнение о его населенности до 1156 г.

ПУБЛИКАЦИИ

И. Г. ШОВКОПЛЯС

НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЯ МЕЗИНСКОЙ ПОЗДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ В 1954—1956 гг.

(Предварительное сообщение)

В годы Советской власти в нашей стране широко развернулись осуществляемые путем одновременного вскрытия значительных площадей исследования памятников позднепалеолитической эпохи. В результате раскопок на многих стоянках уже открыты и изучены остатки разнообразных древних комплексов. Особо важное значение советские исследователи придают изучению остатков жилых и хозяйственных сооружений с целью восстановления их типа и устройства, а также планировки древних поселений в целом. Лишь этим путем можно будет восстановить характер хозяйственной жизни, культуры, быта и общественной организации первобытного населения в эпоху позднего палеолита.

Собран большой вещественный материал, и накоплен значительный опыт исследования остатков жилых и хозяйственных сооружений, однако вопросы реконструкции этих сооружений все еще остаются довольно спорными. Особенно это касается стоянок, изучение которых осуществлялось давно, до появления современной методики исследования.

Такое положение, в частности, сложилось с исследованием известной позднепалеолитической стоянки в с. Мезине на р. Десне. Открытая в 1908 г. в результате небольших раскопок, Мезинская стоянка была в то время первой из стоянок древнекаменного века, известных в бассейне Десны, и одной из немногих во всей России. Сообщение, сделанное Ф. К. Волковым на заседании XIV Археологического съезда в г. Чернигове в том же 1908 г.[1] о первых раскопках на стоянке, содержавшей большое число костей древних животных и обработанного кремня, привлекло к ней внимание научной общественности России.

Последующие раскопки в Мезине, проведенные П. П. Ефименко в 1909 г., увенчались крупными научными открытиями. Кроме многочисленных костей мамонта и других ископаемых животных[2], разнообразного кремневого инвентаря[3] и других находок, в культурном слое стоянки были обнаружены уникальные произведения первобытного искусства в виде загадочных скульптурных изображений, вырезанных из бивня мамонта. Количество их значительно увеличилось в 1912 и 1913 гг., когда были обнаружены знаменитые мезинские «птички» и браслет из бивня мамонта. Все эти изделия украшены по поверхности художественным углубленным

---

[1] Ф. К. Волков. Палеолитическая стоянка в с. Мезине Черниговской губ. Тр. XIV АС, т. III, М., 1911.

[2] И. Г. Пидопличко. Итоги изучения фауны Мезинской палеолитической стоянки. Природа, 1935, № 3, стр. 79—80.

[3] П. П. Ефименко. Каменные орудия палеолитической стоянки в с. Мезине, Черниговской губ., Ежегодник Русского Антропологического общества, т. IV, СПб., 1913, стр. 67—102.

геометрическим орнаментом типа меандра [1]. Произведения первобытного искусства, продемонстрированные Ф. К. Волковым на Международном антропологическом конгрессе в Женеве в 1912 г. [2], сделали Мезинскую стоянку одной из наиболее известных во всем мире.

Раскопки на Мезинской стоянке, продолжавшиеся затем в 1914, 1916, 1930 и 1932 гг., увеличили число находок разнообразных предметов. Вместе с тем все исследователи, проводившие тогда раскопки в Мезине, отмечали в культурном слое стоянки наличие остатков разнообразных древних комплексов: «углублений» и «западин» [3], «куч костей», «кострищ» и «больших скоплений костей» [4], «вогнищ» [5] и т. п. Однако никаких попыток определения их характера в то время исследователи еще не делали. Это объяснялось существовавшей тогда в археологии методикой исследования палеолитических памятников, сводившейся в основном к получению находок. В результате подобного подхода к исследованию остатки древних комплексов были разобраны по частям, мелкими участками, в течение ряда лет и остались непонятыми. Накопленный в процессе раскопок огромный вещественный материал не только не был в свое время издан, но оказался в большей своей части даже не обработанным, а документация в значительной степени утрачена.

Создалось ненормальное соотношение между широкой известностью Мезинской стоянки, попавшей в сводные работы и справочники по палеолиту во всем мире [6], и фактическими знаниями о ней как об историческом памятнике. Этот недостаток стал особенно остро ощущаться в последнее время, когда усилиями большого коллектива советских специалистов по палеолиту был хорошо изучен ряд таких позднепалеолитических стоянок, как Гагарино, Мальта, Тельманская, Костенки I и IV, Пушкари I, Добраничевка, Гонцы и др., на которых обнаружены и изучены сохранившиеся остатки древних жилых и хозяйственных построек. Возникла необходимость вновь возвратиться к такому важному памятнику, как Мезинская стоянка, чтобы попытаться восстановить встреченные на ней древние жилищные комплексы. Это имело бы большое значение и для выяснения ряда сторон жизни позднепалеолитического населения всей Восточной Европы.

Однако ознакомление с сохранившейся документацией показало, что ее одной далеко не достаточно для полного восстановления встретившихся на стоянке комплексов. В частности, на ее основании невозможно было дать сколько-нибудь прочно обоснованную реконструкцию древних жилых и других построек. Стала вполне очевидной необходимость проведения дальнейших исследований Мезинской стоянки. Такие раскопки были проведены Институтом археологии АН УССР с 1954 по 1956 г. [7].

В результате трехлетней работы экспедиции на двух участках стоянки вскрыт культурной слой на площади около 600 $м^2$ (за все предыдущие годы вскрыто около 300 $м^2$). Культурный слой на раскопанной площади содержал большое число разнообразных предметов: расщепленный кремень и орудия труда из него, изделия из кости и рога, кости животных, раковины морских моллюсков, костные угли и золу, минеральную краску (охру) и др. В нем обнаружено также несколько специально устроенных

[1] Мізин. За ред. М. Рудинського. Київ, 1931, табл. XI—XIX, XXIII—XXIV.

[2] Th. Volkov. Station paléolithique de Mézine. Congrès international d'Anthropologie et d'Archeologie Préhistoriques. Compte rendu le la XIV-e session. Genève, 1912.

[3] П. П. Ефименко. Первобытное общество. Киев, 1953, стр. 462.

[4] Отчет о раскопках 1912 и 1913 гг. Хранится в научном архиве Института археологии АН УССР.

[5] М. Я. Рудинський. Досліди в Мізині в 1930 р. Рукописный отчет, стр. 32 и сл. Хранится в научном архиве Института археологии АН УССР.

[6] Из обобщающих работ по палеолиту сведения о Мезинской стоянке полнее всего даны в монографии П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 461—471.

[7] Работы осуществляются Институтом археологии совместно с Институтом зоологии АН УССР (проф. И. Г. Пидопличко) и с участием Киевского и Черниговского исторических музеев и Киевского государственного университета.

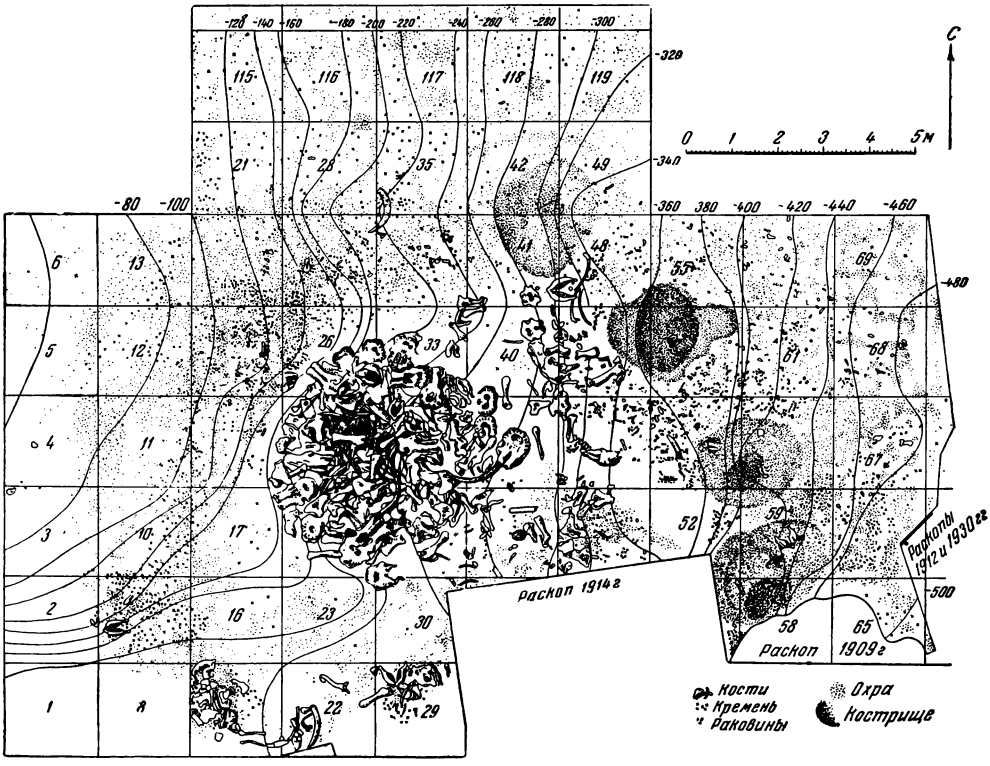

Рис. 1. План верхнего горизонта находок на северо-западном участке стоянки

очагов, преимущественно в виде небольших линзовидных углублений, сохранивших довольно значительные скопления темной золы. Особенно большой интерес в культурном слое представляют остатки нескольких больших строительных комплексов, хорошо сохранившиеся до наших дней. При их сооружении в древности были использованы крупные кости животных (рис. 1).

Большое научное значение имеют остатки одного крупного сооружения на северо-западном участке раскопанной площади стоянки [1]. Остатки названного сооружения представляли собой крупное округлое в плане (диаметром около 6 *м*) скопление костей мамонта и рогов северного оленя, залегавших в строго выдержанном и четко определенном порядке (рис. 2). По самому краю скопления находились наиболее крупные кости (15 черепов, несколько тазовых и ряд крупных костей конечностей мамонта). Кости лежали близко одна возле другой, образовывая сплошное ограждение с разрывом только в юго-восточной части, где находился вход в сооружение. Черепа мамонта лежали на земле своими ровными лобовыми сторонами, независимо от того, куда они были обращены носовыми и затылочными концами, наружу или внутрь скопления. Тазовые кости располагались вдоль ограждения, что указывает на их первоначальное положение в конструкции сооружения.

Ближе к центру в скоплении находились более мелкие кости мамонта — в основном лопатки, нижние челюсти, бивни и небольшие кости конечностей. В самом центре скопления лежали рога северного оленя. Разборке указанного скопления экспедиция уделила очень большое внима-

[1] Краткие сведения о результатах раскопок на Мезинской стоянке в 1954 г. см. И. Г. Шовкопляс. Палеолитическая экспедиция 1954 г. КСИА, вып. 5, 1955, стр. 7—12.

Рис. 2. Скопление костей мамонта и рогов северного оленя на месте разрушенного жилища

ние [1]. Работа производилась путем последовательного снятия костей. Сначала были выбраны рога северного оленя и отдельные небольшие кости мамонта, занимавшие центральную часть скопления, а затем разборка последовательно производилась на всей его площади. После разборки внутренней части скопления на его месте остались лишь крайние наиболее крупные кости ограждения, указывавшие на форму и размеры древнего сооружения. Часть этих крупных костей находилась на своих первоначальных местах, хотя и изменила свое положение при разрушении сооружения. Часть черепов, входивших в ограждение, сохранила один или оба бивня. Все черепа с бивнями лежали своими носовыми концами внутрь скопления (рис. 3).

При раскопках в Мезине экспедицией был применен способ частичной реконструкции этого древнего сооружения на месте раскопок в процессе его исследования. Часть наиболее хорошо сохранившихся крупных костей его внешнего ограждения была поставлена в предполагаемое первоначальное положение. Применение подобного способа частичной реконструкции древних сооружений на месте их развалов дало исключительно важные научные результаты. Благодаря сделанным наблюдениям в настоящее время имеется достаточное количество вполне обоснованных и в целом не вызывающих возражений со стороны специалистов данных для восстановления облика, характера и способа строительства древних сооружений не только Мезинской, но, видимо, и многих других позднепалеолитических стоянок, особенно в бассейнах рек Днепра и Десны.

Пол сооружения представлял собой довольно ровную, несколько наклонную с северо-запада на юго-восток площадку, находившуюся на одном уровне с древней дневной поверхностью. Исключение составляла лишь северо-западная часть, где пол был несколько ниже (на 30—50 *см*), что

[1] Накануне разборки скопления раскопки посетили С. Н. Бибиков, И. Г. Пидопличко, П. И. Борисковский, Н. К. Верещагин, А. Н. Рогачев, А. П. Черныш, В. И. Бибикова, а также большая группа научных сотрудников Института археологии АН УССР, принявших участие в обсуждении вопроса о характере скопления и плане его разборки.

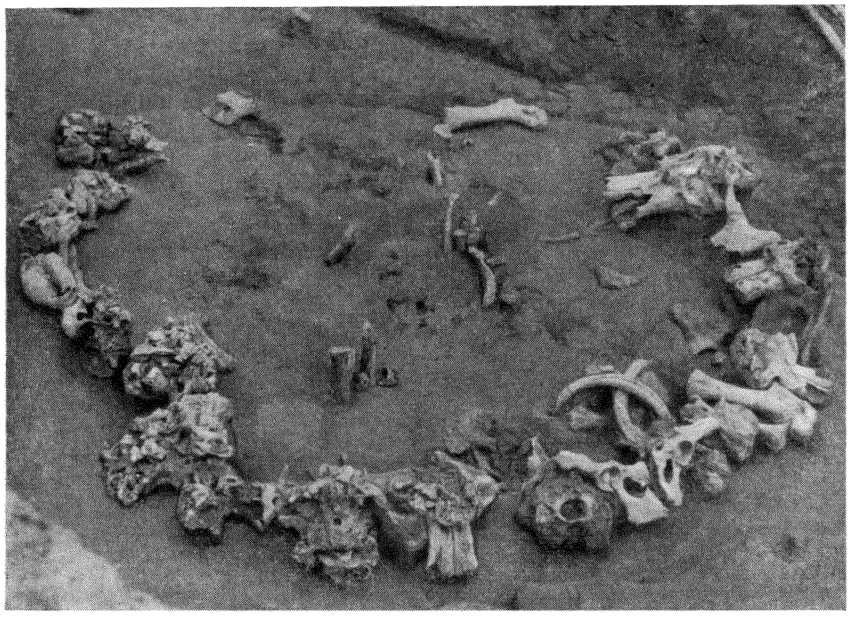

Рис. 3. Внешнее ограждение из крупных костей мамонта на месте жилища

объясняется выравниванием площадки на склоне с целью придания ей по возможности наиболее горизонтального уровня перед постройкой на ней настоящего сооружения. Поэтому можно с полным основанием говорить о том, что данное сооружение было наземным.

На поверхности пола, вокруг его центра, находилось три округлых углисто-зольных пятна диаметром около 0,5—0,7 *м*, являвшихся остатками древних небольших очагов, служивших для обогревания сооружения в холодное время.

Внутри сооружения в четырех местах его пола были вертикально вкопаны крупные преимущественно трубчатые кости мамонта, служившие, вероятнее всего, основаниями для деревянных столбов, поддерживавших изнутри кровлю сооружения.

Внутри сооружения находилось некоторое число кремневых предметов, изделий из бивня мамонта и рогов северного оленя, представлявших собой как орудия труда, так и предметы первобытного искусства.

Характер разнообразных хозяйственных и бытовых находок внутри сооружения (в частности, остатки очагов) позволяет, как нам представляется, видеть в нем позднепалеолитическое наземное жилище, служившее местом обитания небольшой группы первобытных жителей Мезинской стоянки в холодное, зимнее время года (его внутренняя площадь около 20 $м^2$).

На основании изучения скопления костей на месте развала этого жилища и сделанных при его разборке наблюдений нами предлагается здесь первая, еще в значительной степени предварительная, его реконструкция и делается попытка определить способ сооружения подобных построек.

Нам оно представляется в виде конусовидной, округлой в плане долговременной постройки (типа высокого шалаша или чума народов Крайнего Севера), каркас которой состоял из деревянных жердей. Такой каркас мог покрываться снаружи шкурами животных, ветками и травой. Для укрепления стен жилища применялись кости животных.

По самому низу, непосредственно на поверхности земли, стены были обложены наиболее крупными и тяжелыми костями мамонта. Их приставляли к наклонным стенам гладкими сторонами, а черепа — лбами. Нижними

концами кости упирались непосредственно в землю, а верхними прислонялись к наклонным стенам жилища. При разрушении последнего крупные кости нижнего ряда упали внутрь жилища вместе с его стенами, в большинстве случаев нижние концы костей остались на прежних местах.

Возможно, что нижний ряд костей снаружи был также присыпан землей в виде нешироκой завалинки. Видимо, именно этим можно объяснить отсутствие мелких находок непосредственно у костей внешнего ограждения жилища, а также то, что ни одна крупная кость из этого ограждения при разрушении жилища не упала наружу.

Выше по наклонным стенам жилища, упираясь в крупные кости нижнего ряда, лежали преимущественно лопатки, а на самом верху находились рога северного оленя.

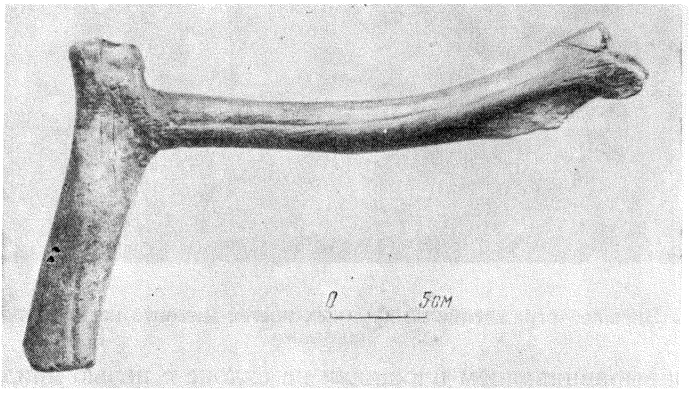

Рис. 4. Молотковидное орудие из рога северного оленя

При разрушении жилища все эти кости упали вниз к его центру вместе с рухнувшими стенами и образовали то скопление, которое было открыто экспедицией при раскопках. Размещение костей на наклонных стенах жилища в основном определило их расположение и в скоплении.

Вход в жилище находился в его юго-восточной части, обращенной к балке и берегу Десны. В этой части скопления крупные кости нижнего ряда отсутствовали полностью, а более мелких костей было значительно меньше, чем во всех других местах скопления [1].

Как уже отмечалось выше, внутри жилища под завалом костей, входивших в конструкцию его стен и упавших на пол вместе с ними, собрано некоторое количество вещественных находок.

Наибольшее количество их — это расщепленные кремни и орудия труда из него (резцы, скребки), аналогичные тем, которые в огромном количестве собраны в 1954—1956 гг. вокруг жилища [2].

Из рога северного оленя изготовлено крупное молотковидное орудие (рис. 4). Концы «молотка» специально срезаны острыми кремневыми инструментами и носят на себе следы работы в виде вмятин и небольших сколов по краю, возникших при сильных ударах по твердым предметам. «Ручка» молотка представляет собою естественный отросток («ветку») оленьего рога с несколько расширенным концом.

Особый интерес среди находок внутри жилища, безусловно, представляют произведения первобытного искусства. Среди них преобладают изделия из бивня мамонта. Одно из них представляет собой ручной брас-

[1] Более подробное описание остатков настоящего жилища, иллюстрации комплексов и его реконструкция даны в нашей статье. См. И. Г. Шовкопляс. Жилища Мезинской стоянки. КСИА, вып. 6, 1956.

[2] И. Г. Шовкопляс. Палеолитическая экспедиция 1954 г., стр. 10—11; его же. Раскопки Мезинской палеолитической стоянки. КСИИМК, вып. 63, 1956, стр. 37—39

Рис. 5. Орнаментированные пластинки из бивня мамонта, входившие в состав браслета

Рис. 6. Роспись красной охрой на лопатке мамонта

7

8

Рис. 7. Нижняя челюсть мамонта с остатками росписи
Рис. 8. Нижняя челюсть мамонта с остатками росписи

лет, состоящий из пяти тонких пластинок из бивня мамонта (длиной около 19 *см* и шириной около 1 *см*), снабженных на концах круглыми отверстиями для закрепления на руке. Возможно, пластинки были скреплены между собой и составляли шумящий браслет (рис. 5). Об этом, в частности, говорит совместная находка всех пяти пластинок на полу жилища. Внутренние поверхности пластинок гладкие, а наружные покрыты резным углубленным геометрическим орнаментом в виде «елочек», обращенных своими расширяющимися или суживающимися сторонами друг к другу и образующих в местах схождения рисунки в виде законченного меандра или части его. Все пластинки на одном своем конце хорошо сохранили круглые отверстия, в месте расположения которых орнамент отсутствует. Орнамент на поверхности всех пяти пластинок отличается правильностью изображений (нарезок). При соединении всех пяти пластинок они составляют довольно нарядный резной рисунок, несколько напоминающий орнамент известного уже давно браслета из того же материала, происходящего из дореволюционных раскопок в Мезине [1]. Все пять пластинок вместе близки к нему и по размерам (по ширине). Отверстия на других концах пластинок браслета не сохранились, но легко восстанавливаются благодаря симметричности изображения.

К этой группе предметов относится также обломок бивня мамонта, поверхность которого сплошь покрыта углубленным геометрическим орнаментом меандрового типа, близко напоминающим такой же орнамент на упомянутых выше мезинских браслетах. Этот обломок бивня с орнаментом, найденный у входа в жилище, вероятно, представляет собой заготовку для подобных браслетов, треснувшую вдоль во время работы и оказавшуюся непригодной [2]. Эта заготовка указывает на ход процесса изготовления подобных художественных произведений на Мезинской стоянке. Орнамент, как это видно на заготовке, первоначально наносился на поверхность бивня, с которого затем снимались готовые изделия.

Два крупных обломка бивня мамонта (длиной около 30 *см*), также обнаруженные на полу жилища, оформлены в виде схематизированных антропоморфных статуэток [3].

Исключительно важной оказалась находка внутри жилища трех крупных костей мамонта — лопатки и двух нижних челюстей со следами росписи красной краской, не имеющей аналогий в палеолитическом искусстве всего мира.

Лопатка мамонта (размером 60 × 52 *см*) по своей ровной внешней поверхности покрыта красочным узором, выполненным красной охрой в виде параллельных зигзагообразных линий шириной около 1 *см* каждая, заполняющих всю верхнюю половину площади (рис. 6). В двух случаях в верхней части лопатки по ее правому краю имеются элементы меандра, правда, слабо выраженные. На нижней, расширенной половине лопатки красочная роспись сохранилась лишь частично. Всего прослеживается 20 зигзагообразных линий, сплошь покрывающих правильной сеткой верхнюю половину лопатки.

На нижних челюстях мамонта роспись также имеет характер линейных (геометрических) узоров в виде параллельных прямых или зигзагообразных линий, аналогичных тем, которые изображены и на лопатке (рис. 7, 8). На обеих челюстях роспись сохранилась лишь частично и располагается с правой стороны.

Роспись нанесена красной охрой, вероятно смешанной с костным жиром. Запасы чистой красной и желтой охры были обнаружены во время раскопок внутри жилища в непосредственном соседстве с местом, где находились и эти кости с росписью. Лежали они в одном месте и, вероятно, составляли какой-то культово-бытовой комплекс.

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 466.
[2] И. Г. Шовкопляс. Жилища Мезинской стоянки, стр. 8.
[3] Там же, стр. 9.

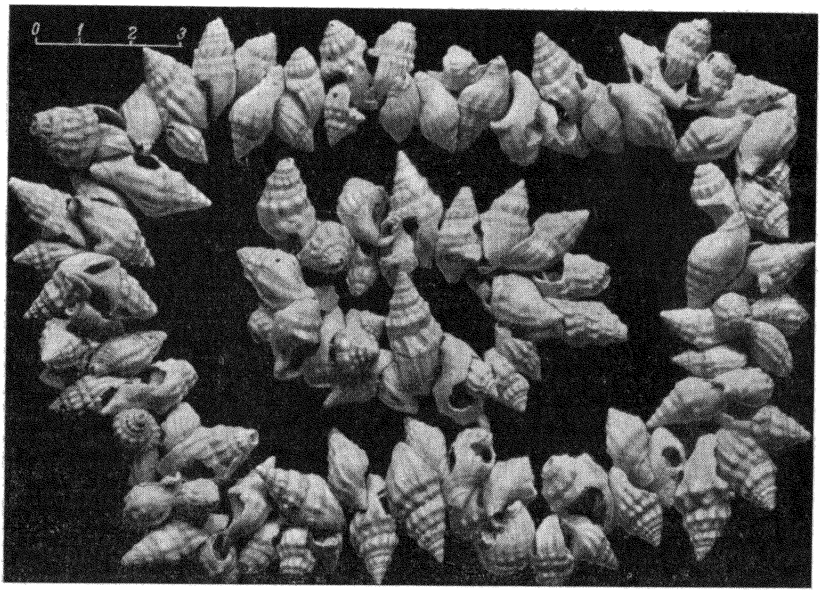

Рис. 9. Просверленные раковины морских моллюсков (бусы) из культурного слоя Мезинской стоянки

Роспись красками на костях животных по своему геометрическому характеру очень близка к углубленному орнаменту на изделиях из бивня мамонта, происходящих с той же Мезинской стоянки, составляя вместе с ним характерную особенность местного позднепалеолитического искусства.

Из-за отсутствия сколько-нибудь близких аналогий пока еще трудно установить назначение этих уникальных художественных находок.

Роспись красной охрой была известна до сих пор лишь на очень маленьком кусочке (10,5 × 1,8 *см*) лопатки мамонта из старых раскопок в Пшедмости (Чехословакия), не позволяющем, однако, составить сколько-нибудь четкое представление о характере изображения. Но и по сохранившейся его части можно установить, что оно отличалось от мезинской росписи отсутствием четко выдержанной геометрической композиции [1].

Среди других находок, встреченных на стоянке (в том числе и внутри жилища), следует отметить просверленные раковины морских моллюсков (рис. 9), использовавшиеся, вероятно, в качестве украшений (бусы).

Исследованиями последних лет установлено, что они могли происходить не только с берегов Черного и Азовского морей, как это считалось до недавнего времени, но также из районов Нижнего Приднепровья (Никополь), Среднего Приднестровья и Волыни (Ровно), где сарматские отложения содержат в себе подобные раковины [2]. Установление новых районов распространения раковин, подобных мезинским, позволяет предположить наличие отдаленных связей позднепалеолитического населения Восточной Европы, в частности бассейна Десны, а, возможно, и передвижений его не только в направлении с севера на юг, но и с востока на запад.

Новые исследования в Мезине позволяют осветить и некоторые более общие вопросы истории позднепалеолитического населения Восточной Европы.

В частности, можно считать доказанным, что описанное выше жилище, насколько позволяет судить об этом сохранившаяся документация из старых раскопок, не являлось на Мезинской стоянке единичным. Аналогичный жилой строительный комплекс в Мезине был раскопан в 1912—1913 и

[1] H. Breuil. Voyage paléolitihique en Europe centrale. L'Anthropologie, 1924, стр. 538, рис. 19.

[2] Исследования А. С. Руденко.

1916 гг. Но, будучи разнообразными по частям, небольшими участками, остатки этого жилища не были тогда надлежащим образом поняты.

Однако из отчетных описаний и черновых экспедиционных зарисовок «большого скопления костей», раскопанного в указанные годы, видно, что по внешнему краю находились крупные кости мамонта, в том числе целая серия черепов и тазовых костей, вероятно также входивших в ограждение подобного жилища [1]. Под завалом костей, на древнем полу жилища, тогда также были обнаружены остатки очагов и значительное число вещественных находок, в том числе знаменитые произведения искусства.

Исследования последних лет в Мезине дают также возможность восстановить характер крупных строительных комплексов и на ряде других позднепалеолитических стоянок Украины, на которых, как и в Мезине, встречены подобные скопления костей. На основании опыта работ в Мезине появилась возможность во многом по-новому подойти к объяснению этих скоплений и в ряде случаев усматривать в них остатки аналогичных или близких зимних жилищ. Остановимся на отдельных примерах.

Наиболее близко к мезинским стоят прежде всего жилища известной Гонцовской стоянки на р. Удай на Полтавщине. Остатки одного из них были раскопаны в Гонцах в 1914—1915 гг., но определены лишь как «большая куча костей» без каких-либо попыток ее объяснения. Изучение показало, что они представляют собой крупное скопление костей животных на месте разрушенного жилища, по краю которого находились черепа, тазовые и другие крупные кости мамонта, образовывавшие его внешнее ограждение. В ограждение жилища в Гонцах входило 24 черепа, четыре тазовые кости и несколько крупных лопаток.

Внутри ограждения находились более мелкие кости — лопатки, нижние челюсти, бивни и ребра мамонта, рога северного оленя и др. Площадь внутренней части жилища также составляла около 20 $м^2$; вход в него был с той же юго-восточной стороны, где крупные кости ограждения в скоплении полностью отсутствовали [2].

Остатки другого подобного жилища в Гонцах были раскопаны в 1935 г. также в виде большого скопления костей мамонта и других животных. Обнаруженные по краю его пола небольшие наклонные ямки от жердей позволяют реконструировать и это жилище как шалашевидную постройку с деревянным каркасом [3].

В свете работ последних лет в Мезине находит свое место среди позднепалеолитических жилищ и близкое по устройству к упомянутым выше наземное жилище на Добраничевской стоянке на Черкасщине, раскопанной нами совместно с И. Г. Пидопличко в 1953 г. Остатки жилища в Добраничевке также представляли округлое в плане скопление костей мамонта, входивших ранее в его конструкцию. По краю жилища (диаметром около 4 *м*) находились крупные кости, в том числе вертикально вкопанные в землю носовыми концами черепа мамонта [4]. Очевидно, остатками подобного сооружения необходимо считать и небольшое углубление, обставленное по одной из стенок вертикально стоящими костями мамонта, раскопанное в Чулатове II на правом берегу Десны недалеко от Мезинской стоянки [5].

---

[1] Отчет о раскопках в Мезине в 1912—1913 гг. Хранится в научном архиве Института археологии АН УССР. П. И. Борисковский. Палеолит Украины. МИА, № 40, 1953, стр. 241, 243.

[2] Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914—1955 рр. Записки Українського наукового товариства дослідження й охорони пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині, вып. 1, Полтава, 1919, стр. 68—70; В. А. Городцов. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. Тр. РАНИОН, т. 1, М., 1926, стр. 21—25; І. Ф. Левицький. Гонцівська палеолітична стоянка. Палеоліт і неоліт України, т. 1, Київ, 1947, стр. 231—232.

[3] І. Ф. Левицький. Ук. соч., стр. 206—211.

[4] И. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 33—35.

[5] М. В. Воєводський. Результати робіт Деснянської експедиції 1936—1938 рр. Палеоліт і неоліт України, т. 1, Київ, 1947, стр. 44.

Много общих черт устанавливается также при сопоставлении остатков жилищ Мезинской стоянки с остатками жилых комплексов и таких позднепалеолитических стоянок, как Супоневская на Десне около г. Брянска [1], Елисеевичи [2] и Юдиново [3] на Судости, Гагарино на Дону [4], Мальта [5] и Буреть [6] в бассейне Ангары около г. Иркутска и др., часть которых, как уже отмечалось, хорошо изучена. Развалом подобного древнего жилища, возможно, являлось и скопление костей мамонта на Бердыжской стоянке на р. Соже, где также встречались целые черепа мамонта, лежавшие по краю этого скопления [7]. Остатки аналогичных жилых комплексов устанавливаются и на Кирилловской стоянке в Киеве.

На всех этих стоянках при сооружении жилищ были широко использованы крупные кости мамонта и рога северного оленя, а иногда (например, в Гагарино и Мальте) и каменные плиты. В развалах таких жилищ наиболее крупные кости и камни располагались обычно по внешнему краю, нередко находясь в вертикальном положении или даже частично будучи вкопанными в землю.

В свете работ в Мезине многое в конструкции позднепалеолитических жилищ теперь становится яснее, чем это было прежде. Так, например, сейчас можно считать вполне оправдавшимся предположение С. Н. Замятнина о назначении крупных каменных плит и костей мамонта, обнаруженных им при раскопках Гагаринской стоянки на Дону. С. Н. Замятнин полагал, что подобными крупными костями и каменными плитами, поставленными на ребро, были укреплены в основании стены жилища, которое он также представлял себе в виде округлой в плане шалашевидной постройки с деревянным каркасом, прикрытым шкурами животных [8].

Аналогичную в целом картину представляло и жилище Мальтинской стоянки в бассейне Ангары. Исследовавший эту стоянку М. М. Герасимов также обнаружил при раскопках крупные кости и известковые плиты, расположенные по краю древнего жилища, и считал возможным истолковать их назначение подобным же образом [9].

Однако, кроме многих общих признаков, жилища некоторых из перечисленных выше стоянок имеют и свои особые отличительные черты. Чаще всего они сводятся к наличию в жилищах небольших внутренних углублений, делающих их своего рода полуземлянками (например, на Гагаринской стоянке), в других случаях жилища имели особую форму: например, подчетырехугольную (в Мальте) или несколько удлиненную (вероятно, в Бердыже и Елисеевичах). Однако все это, по нашему мнению, не нарушает довольно целостного впечатления, которое производят остатки жилищ на большинстве позднепалеолитических стоянок.

В свете новых раскопок в Мезине, Добраничевке, Гонцах и на многих других стоянках Восточной Европы и Сибири, как нам представляется, можно говорить о том, что для позднего палеолита были характерны преимущественно небольшие наземные или полуземляночные (лишь частично углубленные в землю) жилища.

---

[1] І. Г. Шовкопляс. Житла Супонівської палеолітичної стоянки. Археологія. т. V, 1951, стр. 131—134.

[2] К. М. Поликарпович. Работы по палеолиту в Западной области БССР в 1936 г., СА, V, 1940, стр. 287—289.

[3] Сообщение К. М. Поликарповича.

[4] С. Н. Замятнин. Раскопки у с. Гагарино. Палеолит СССР. ИГАИМК, вып. 118, 1935, стр. 33—40.

[5] М. М. Герасимов. Раскопки палеолитической стоянки в с. Мальте. ИГАИМК, вып. 118, стр. 115—117.

[6] А. П. Окладников. Палеолитические жилища в Бурети. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 16—31.

[7] К. М. Поликарпович. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Приднепровья. Тр. II Международной Конференции по изучению четвертичного периода Европы, вып. V, 1934, стр. 76 и 77.

[8] С. Н. Замятнин. Ук. соч., стр. 38.

[9] М. М. Герасимов. Ук. соч., стр. 116.

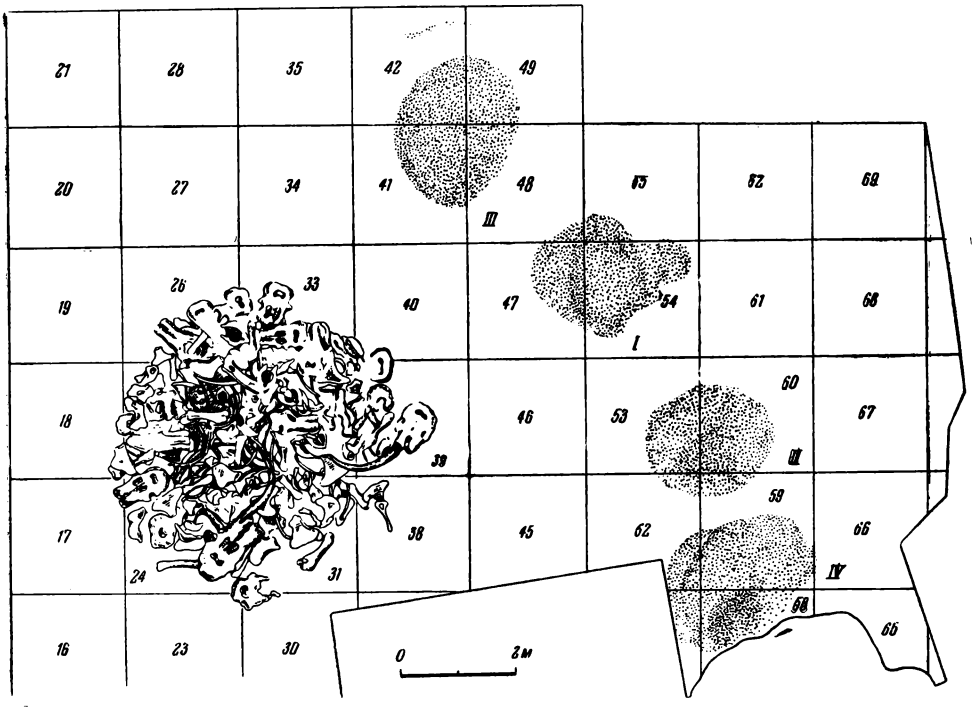

Рис. 10. Остатки жилища и очаги в верхнем горизонте Мезинской стоянки

Нам кажется также, что под этим углом зрения в настоящее время необходимо пересмотреть и вопрос о больших жилищах типа Костенки I [1], Авдеева [2] и длинного жилища Костенки IV [3]. Учитывая крайне низкий уровень строительной техники в позднепалеолитическое время и отсутствие сколько-нибудь прочных строительных материалов, сооружение таких крупных жилищ, часто площадью в несколько сот квадратных метров, практически было делом чрезвычайно трудным, если не совершенно невозможным. Вероятно, в таких крупных «жилищах» следует усматривать комплексы небольших жилищ типа гагаринских, мальтинских, мезинских, гонцовских и добраничевских, располагавшихся рядом друг с другом и образовывавших небольшие густо застроенные поселения.

Одновременно с остатками строительных комплексов на площади Мезинской стоянки обнаружены также остатки четырех очагов в виде линзообразных округлых в плане углублений, заполненных скоплениями костных углей и золы (рис. 10). Очаги четко выделялись своей темной окраской в окружающем их культурном слое, интенсивно окрашенном в темно-красный цвет благодаря присутствию красной охры.

Разборка содержимого очагов и контрольное прокапывание на их месте показали, что под темным слоем сильно слежавшихся углей и золы (в отдельных случаях толщиной до 8—10 *см*) и слоистым намывом желтого лёсса (толщиной в 15—20 *см*) находились значительные скопления крупных костей животных, главным образом мамонта и дикой лошади, залегающих в определенном порядке, соответствующем заполнению ими древних округлых ям (рис. 11). Таким образом, оказалось, что все четыре

[1] П. П. Ефименко. Первобытное общество, стр. 425—429.

[2] А. Н. Рогачев. Исследование остатков первобытно-общинного поселения верхнепалеолитического времени у с. Авдеево на р. Сейме в 1949 г. МИА, № 39, 1953, стр. 137—191.

[3] А. Н. Рогачев. Остатки первобытно-общинного жилища верхнепалеолитического времени у с. Костенок на Дону. СА, XVI, 1952, стр. 100—119.

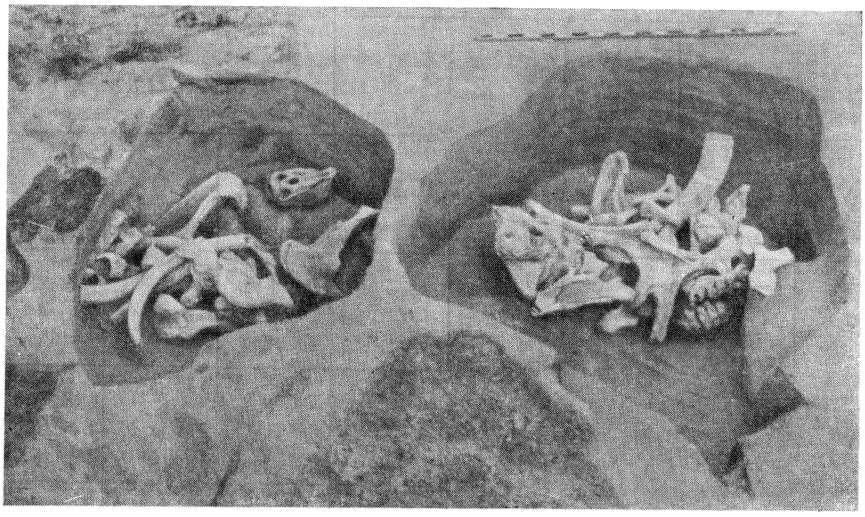

Рис. 11. Ямы с костями из нижнего горизонта Мезинской стоянки. На одной из ям (левой) видны остатки слоя золы от перекрывавшего ее более позднего очага

очага были устроены на месте ям, более древних, чем сами очаги и связанный с ними культурный слой, составной частью которого являлись остатки строительных комплексов, в том числе описанного выше долговременного жилища. Контрольным прокапыванием площади раскопа к северу и к востоку от жилища, значительно ниже уровня связанного с ним культурного слоя, также было обнаружено еще два скопления костей животных в древних углублениях, на месте которых очаги, однако, впоследствии не были устроены.

Стало очевидным, что на месте раскопа имеются культурные остатки разного времени, непосредственно не связанные друг с другом.

В результате раскопок 1956 г. полностью изучены все шесть находившихся на площади раскопа более ранних скоплений костей животных в древних углублениях (ямах), расположенных как в местах нахождения более поздних очагов, так и вне их (рис. 12).

Остановимся для примера на характеристике самой южной из таких ям, овальной в плане, размером около 2,5 × 2 *м* и глубиной около 1 *м*. В ней находилось довольно большое количество костей мамонта (череп с хорошо сохранившимся сводом, большое число крупных лопаток, тазовых костей, костей конечностей, нижних челюстей с зубами, ребер, позвонков, бивней и др.), а также костей лошади и других животных. Особо следует отметить наличие в этой яме значительного числа бивней мамонта, представлявших заготовки сырьевого материала для различных изделий (рис. 13). Свидетельством этому может служить то, что на двух из них имеются следы нарезок кремневыми инструментами, а на куске третьего начата художественная резьба. На противоположных сторонах бивня сделано всего лишь три ромба меандра, близких к меандру на известных мезинских «птичках» и браслете. Возможно, что это также была заготовка для изготовления браслета или какого-то другого художественного изделия, но, растрескавшаяся во время работы, она оказалась непригодной для дальнейшей обработки.

На дне ямы и между костями, заполнявшими ее, особенно в западной ее половине, находилось большое количество расщепленного кремня и орудий труда из него, мелких обломков костей, много просверленных морских раковин и других находок, интенсивно окрашенных размытой красной краской (охрой).

Все мелкие находки были замыты водой в яму уже после того, как она

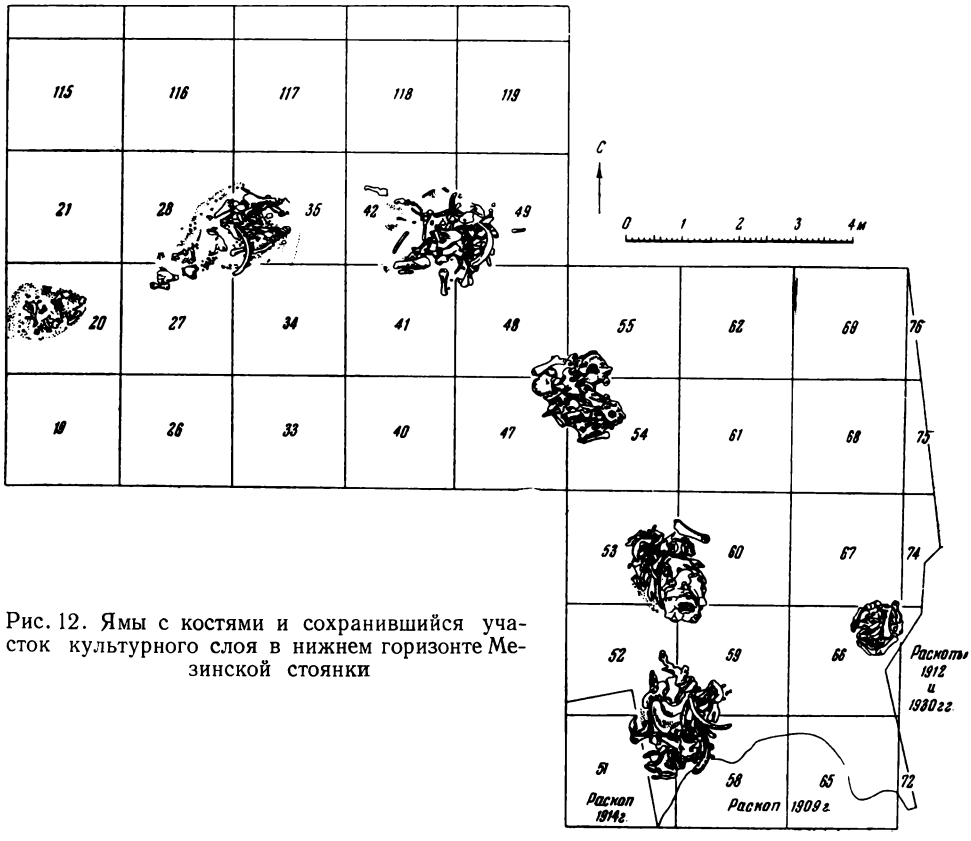

Рис. 12. Ямы с костями и сохранившийся участок культурного слоя в нижнем горизонте Мезинской стоянки

была заполнена костями животных. Этим, в частности, объясняется то, что мелкие находки и кремни заполняли лишь пустоты между костями и находились на дне ямы, не имея в своем залегании никакой определенной системы, а в тех местах стенок и дна ямы, где кости прилегали к ним очень плотно, под костями никаких находок и следов окраски охрой не было; очевидно, туда не проникла вода, сносившая в яму мелкие находки. Остальные ямы имели такой же или подобный характер заполнения.

Для изучения этих комплексов, более ранних, чем горизонт с находками, связанный с жилищем и очагами, особо важное значение имеет обнаружение небольшого линзовидного углубления на древней поверхности склона с хорошо сохранившимся скоплением мелких находок, типичных для культурного слоя Мезинской стоянки. Скопление, овальное в плане и размером 1,35×1,0 *м*, было расположено на склоне выше всех ям с костями и состояло из мелких костей лошади, мелких обломков костей мамонта, расщепленных кремней, просверленных раковин морских моллюсков и других находок, обильно окрашенных сильно размытой красной охрой. Толщина слоя находок в скоплении достигала 3—5 *см*. В нем, в частности, находились три группы позвонков лошади, сохранивших анатомический порядок, и несколько отдельных мелких костей лошади (позвонки, обломки ребер и др.). Сохранение в скоплении подобных находок свидетельствует о непотревоженности этого участка более древнего культурного слоя. Этот слой залегал на 60 *см* ниже слоя находок, связанного с остатками жилища и очагами, и был отделен от него стерильной прослойкой делювиального лёсса (рис. 14).

По своему характеру вещественные находки из этого скопления являются идентичными таким же находкам, обнаруженным на дне всех ям и между находившимися в них костями. Общий характер всех этих

находок (расщепленные кремни, просверленные раковины морских моллюсков, мелкие кости и обломки крупных костей, угольки и красная охристая краска) указывают на их общее происхождение из размытого более раннего культурного слоя, остатком которого и являлось это скопление мелких находок в небольшом углублении древней поверхности.

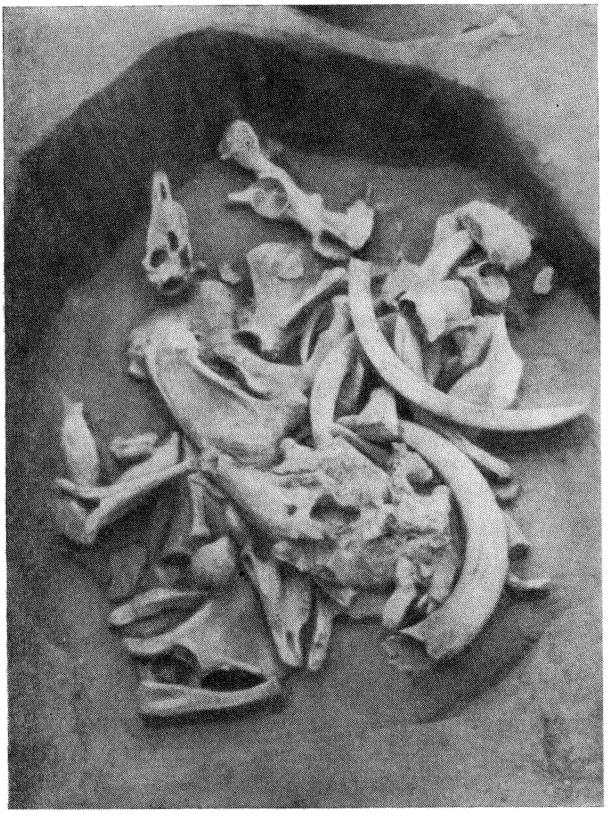

Рис. 13. Яма с костями из нижнего горизонта. На переднем плане скопление бивней мамонта

Сделанные при раскопках наблюдения дают возможность восстановить историю двукратного заселения Мезинской стоянки, представляющуюся в следующем виде. В процессе продолжительного обитания родовой группы людей позднего палеолита на склоне левого берега древней балки образовался довольно мощный культурный слой, содержащий значительное количество расщепленного кремня (преимущественно отбросов производства), орудия труда, мелкие кости и обломки крупных костей животных (на которых охотились обитатели стоянки и мясо которых употребляли в пищу), просверленные раковины морских моллюсков, изделия из кости, угли и красную краску (охру). Одновременными этим находкам являются и упоминавшиеся выше ямы с костями. Во время обитания людей, которым принадлежали эти ямы и различные вещественные отбросы на стоянке, вероятно, существовали и какие-то более ранние жилые сооружения, изготовленные, видимо, из недолговечных материалов (дерева, шкур), которые поэтому и не сохранились до наших дней.

Затем в силу каких-то причин начался период, когда с высокого плато по склону левого берега балки через место стоянки начали стекать сильные потоки воды, угрожая жившим на ней людям.

Естественно при этом, что обитатели стоянки под угрозой затопления

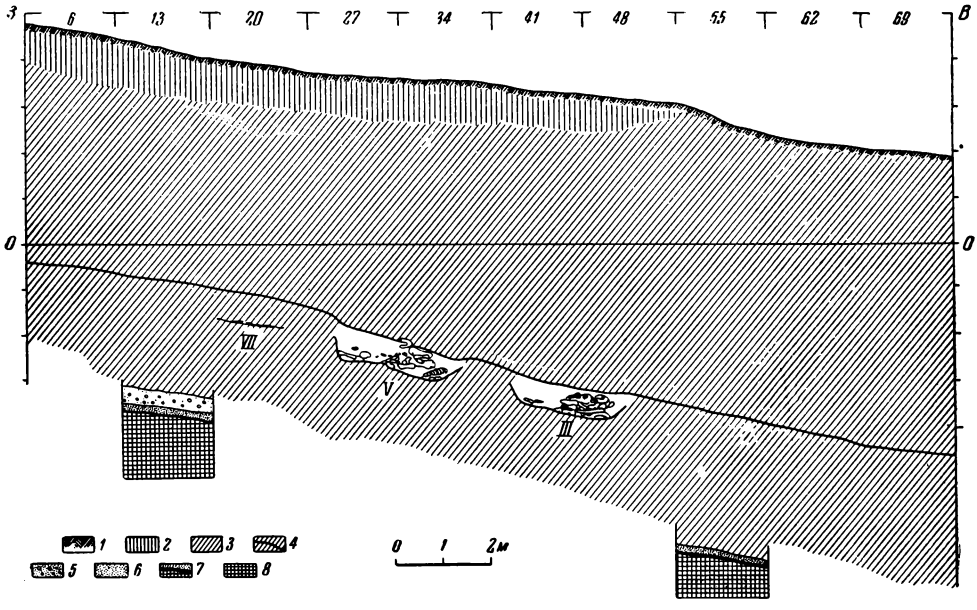

Рис. 14. Разрез северо-западного участка стоянки

III, V — ямы с костями; VII — остатки нижнего горизонта культурного слоя; *1* — почва; *2* — оргштейновый горизонт лёсса; *3* — лёсс светло-желтый; *4* — верхний горизонт культурного слоя; *5* — песок мелковалунный, грубозернистый; *6* — песок желтовато-зеленоватый; *7* — глина темная; *8* — мел

своих жилищ и всей стоянки в целом вынуждены были покинуть ее и уйти в другое, более безопасное место.

Быстро текущая по склону вода, обладая большой разрушительной силой, размыла культурный слой, унеся его содержимое, в том числе расщепленные кремни и небольшие кости животных, вниз по склону. Одна часть таких мелких находок оказалась замытой водой в ямы с костями, а другая (вероятно, основная часть находок) была унесена водой еще дальше по склону в русло балки, а оттуда, возможно, и в Десну.

О том, что находившиеся в ямах с костями мелкие находки именно замыты туда водой, свидетельствует то, что они, как уже отмечалось, сосредоточены преимущественно в западных частях, т. е. там, куда вода непосредственно сносила их, и где они задерживались между костями, тогда как вода свободно уходила между ними вниз, а затем, поднимаясь уже без находок вдоль более низких восточных стенок ям, выливалась вниз по склону под напором воды, все прибывавшей сверху. Размывая культурный слой, в котором было много красной охры, вода растворяла ее, а затем окрашивала в красный цвет западные стенки ям, а также кости возле них и на дне. Такая окрашенность западных стенок и дна ям позволила при раскопках довольно точно определить их форму и размеры. В тех местах, где кости плотно прилегали к стенкам или ко дну ям, под ними ни находок, ни красной окраски охрой не было, так как вода туда не могла проникнуть. Это наблюдение указывает также на то, что ямы были заполнены костями до того, как начался намыв в них мелких находок из размываемого культурного слоя. От последнего в результате действия воды на исследованной площади уцелел лишь небольшой участок в углублении древней поверхности стоянки. После того как культурный слой был размыт, вода занесла ямы с костями и смытыми туда мелкими находками лёссом, отложившимся в виде тонких прослоек, соответствующих каждому последующему намыву.

Со временем, когда бурная деятельность воды прекратилась, на месте стоянки отложился слой лёсса, достигающий местами 60 *см*.

На месте же замытых древних ям, очевидно, в силу прогибания слоя лёсса из-за наличия в них некоторого малоуплотненного пространства образовались линзовидные впадины. На прежнее место обитания через некоторое время возвратились люди, и жизнь на стоянке вновь возобновилась. Новые ее обитатели оставили после себя множество разнообразных вещественных находок, остатки ряда строительных и бытовых комплексов, в том числе долговременное жилище, при сооружении которого были использованы кости животных и очаги, устроенные в линзовидных углублениях на месте занесенных лёссом более ранних ям с костями.

Открытие на Мезинской стоянке двух слоев находок имеет большое значение как свидетельство двукратного ее заселения. Однако эти слои, будучи лишь несколько разновременными, представляют собой единый культурно-исторический комплекс. Сопоставление вещественных находок из обоих слоев свидетельствует об их идентичности. Одинаковый характер кремневого инвентаря, одни и те же костяные изделия и просверленные раковины морских моллюсков и даже общий для обоих слоев типичный для Мезинской стоянки геометрический резной орнамент в виде меандра на изделиях из бивня мамонта не позволяют относить их к различным историческим эпохам. Исходя из всего этого можно говорить о том, что на Мезинской стоянке установлено теперь два горизонта находок одного культурного слоя. Оба горизонта находок разделены между собой небольшим отрезком времени (вероятно, около 10—15 лет) и, возможно, были оставлены, как нам представляется, одним и тем же родовым коллективом, двукратно обитавшим на Мезинской стоянке.

Ямы с костями из нижнего горизонта следует рассматривать как хранилища костей животных, использовавшихся обитателями стоянки для различных хозяйственных потребностей. Подобные ямы-хранилища, заполненные костями животных, часть которых (особенно бивни мамонта) имеет следы обработки человеком, довольно обычны и на многих других позднепалеолитических стоянках Украины, в частности, в Гонцах [1] и Добраничевке [2].

Вероятно, такими же ямами с костями были и раскопанные в Мезине в 1912—1913 гг. «отдельные небольшие кучи костей», о которых упоминают в своих отчетах исследователи тех лет [3]. К сожалению, ими не были распознаны ямы, и находившиеся в них кости они приняли за «кучи». Подтверждением этому может служить и исследование стоянки в Гонцах, где во время раскопок 1914—1915 гг. ряд ям с костями также был искусственно и невольно превращен в «кучи костей» [4].

На другом раскопанном участке (юго-восточном) Мезинской стоянки культурный слой существенно отличался от северо-западного участка, описанного выше. В нем нет крупных строительных комплексов и крупных костей животных. Он состоит из скоплений расщепленных кремней, раздробленных костей, углей, краски и других мелких предметов. Попадаются также скелеты песцов в анатомическом порядке. Они, как и сравнительно хорошо сохранившиеся очаги, свидетельствуют о почти полной непотревоженности культурного слоя. Очень важно здесь то, что по южному краю этого участка обнаружен край площади стоянки, выходивший к берегу древней балки. Следуя вдоль него, можно в дальнейшем определить площадь, размеры и планировку всей стоянки в целом [5].

---

[1] І. Ф. Левицький. Ук. соч., стр. 225—231.

[2] И. Г. Шовкопляс. Добраничевская палеолитическая стоянка, стр. 35—37.

[3] Отчет о раскопках в Мезине в 1912, 1913 гг. Рукопись хранится в научном архиве Института археологии АН УССР.

[4] Розкопки палеолітичного селища в с. Гонцях, Лубенського повіту в 1914—1915 рр. стр. 70—73; В. А. Городцов. Ук. соч., стр. 20—23.

[5] Характеристике юго-восточного участка культурного слоя, как и ряда комплексов северо-западного участка, будут посвящены отдельные статьи.

Изучение материалов и комплексов Мезинской стоянки и сопоставление их с материалами и комплексами многих других позднепалеолитических стоянок Восточной Европы, например таких, как Супоневская, Елисеевичская, Юдиновская, Чулатовские I и II, Гонцовская, Добраничевская и др., показывает их значительное сходство, а часто и общность. Об этом свидетельствует не только кремневый инвентарь, но и такие довольно устойчивые признаки, как характер жилищ. В свете этих фактов и наблюдений нам представляется допустимым ставить вопрос о возможном родстве (этническом) отдельных групп позднепалеолитического населения, которым принадлежали эти стоянки. Расположение же этих стоянок в Левобережье Среднего Днепра, в частности в бассейне Десны, позволяет также ставить вопрос и о территории, которую занимало это родственное население. Эти стоянки в ряде случаев были, безусловно, разновременными, что может служить свидетельством обитания такого родственного населения на определенной территории в течение продолжительного периода. Однако решение этих вопросов является задачей дальнейших исследований, составную часть которых представляет всестороннее изучение Мезинской стоянки.

Т. Н. ЧУБИНИШВИЛИ, Т. И. ТАТИШВИЛИ, О. С. ГАМБАШИДЗЕ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ЮЖНЫХ РАЙОНАХ ГРУЗИИ (МЕСХЕТИ-ДЖАВАХЕТИ) В 1953—1955 гг.

Внимание исследователей давно привлекает нагорье, разделяющее бессейны рек Чорохи и Куры. Эта большая область, включающая в себя южные и юго-западные районы современной Грузии, в культурно-историческом отношении представляет большой интерес. В данном случае мы остановимся на районах, составляющих обширную территорию, называемую и теперь Месхети-Джавахети (рис. 1).

Установлено, что, начиная с переходной эпохи от бронзы к железу, центр восточногрузинских племен, находившийся до того в юго-западных областях исторической Грузии, постепенно перемещается на северо-восток современной Восточной Грузии. При этом отдельные племена мушков-месхов, носителей древних малоазиатских традиций, по-видимому, проникли в глубь ущелья р. Куры и дошли до р. Арагви.

Давно уже обращено внимание на то, что название находящегося недалеко от Тбилиси г. Мцхета — древнейшей столицы Иберии, очевидно, происходит от имени племени месхов (Мцхета, ср. Са-мцхе-«Месхия») [1]. Наряду с этим указывается, что имя верховного бога Иберии Армаза (по всей вероятности, бога луны) является хеттско-малоазиатским именем, ибо именно у хеттов и других народов Малой Азии Армазом назывался бог луны [2].

Исследуя археологические памятники I тысячелетия до н. э. в южных районах Грузии, следует в первую очередь обратить внимание на связи между южными районами Грузии и более северной областью, так называемой исторической Шида-Картли, центром которой являлась Мцхета, долгое время сохранявшая свое первостепенное значение в политической и культурной жизни Грузии. Необходимо также проследить по памятникам Месхети-Джавахети взаимодействие различных культурных районов в более раннее время, когда на территории Грузии определились две большие культурные области: западная и восточная.

Еще в 1935 г. А. А. Иессен, изучая вопрос о взаимодействии двух культур в эпоху поздней бронзы, отметил, что клад, найденный в 1896 г. близ развалин крепости Мехчис-Цихе (бывший Поцховский участок Карсской области, находящийся теперь в пределах Турции), весьма интересен по сочетанию в одном комплексе изделий так называемых кобанских типов, прослеживаемых в Западной Грузии, с предметами, характерными для Центрального Закавказья [3].

---

[1] Г. А. Меликишвили. Наири — Урарту. Тбилиси, 1954, стр. 421.

[2] А. И. Болтунова. К вопросу об Армази. ВДИ, 1949, № 2.

[3] А. А. Иессен. К вопросу о древнейшей металлургии меди на Кавказе. ИГАИМК, вып. 120, 1935, стр. 139. Уже после того, как наша статья была сдана в печать, в 1956 г. разведочной экспедиции Тбилисского педагогического ин-та им. А. С. Пушкина (начальник экспедиции Т. Н. Чубинишвили) удалось установить место и условия находки нового, весьма интересного клада позднебронзовой эпохи. Клад этот был обнаружен весной 1956 г. в с. Удэ (Адигенский район, правый берег р. Кваблиани) при земляных работах на глубине 1,50 *м*; около сотни предметов было завернуто в широкие листы бронзовых поясов. Клад состоял из железных (кинжальный клинок, два наконечника копий, шаровидная булава и длинный крючкообразный стер-

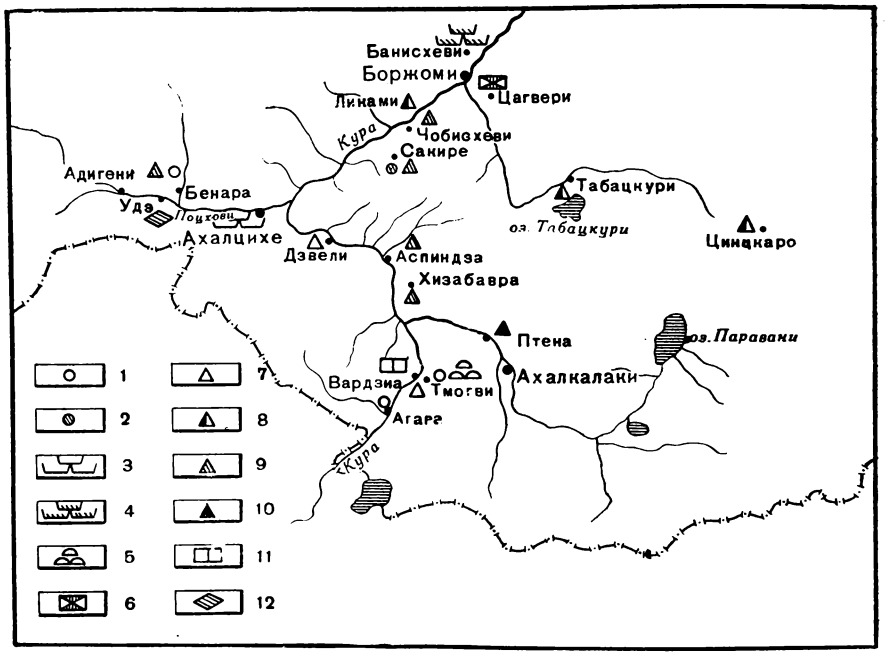

Рис. 1. Карта археологических памятников в южных районах Грузии

1 — селище эпохи энеолита; *2* — селище эпохи поздней бронзы; *3* — могильник эпохи энеолита; *4* — могильник эпохи поздней бронзы; *5* — курганная группа; *6* — литейная мастерская эпохи поздней бронзы; *7* — отдельная находка эпохи энеолита; *8* — отдельная находка эпохи средней бронзы; *9*—отдельная находка эпохи поздней бронзы; *10* — отдельная находка эпохи железа; *11* — пещерный комплекс; *12* — клад эпохи поздней бронзы

Не менее значительно и открытие на северной окраине интересующего нас района Южной Грузии (близ с. Цагвери) литейной мастерской эпохи поздней бронзы, ставшей хорошо известной после проведенных В. А. Городцовым раскопок. Благодаря находке в мастерской наряду с другими предметами двух глиняных овальных «шишек» для получения топорных проухов появляется возможность высказать предположение об изготовлении здесь в эпоху поздней бронзы топоров колхидского типа.

На это же указывает и металлическая форма, найденная в 1906 г. в этом же районе, близ с. Теловани [1]. В археологической литературе отмечается также и тот факт, что колхидский топор, найденный в с. М. Митарба, должен быть отлит, судя по всем данным, именно по вышеупомянутой форме [2].

Все вышеупомянутые находки должны были привлечь особое внимание исследователей в связи с изучением вопросов, касающихся установления границы распространения колхидских форм в пределах Центрального Закавказья.

Ш. Я. Амиранашвили, отмечая два основных района распространения позднебронзовой культуры, включает в так называемый второй культур-

---

жень) и бронзовых изделий. Состав и количество бронзовых предметов были весьма значительны: 4 топора колхидо-кобанского типа, 12 наконечников копий и дротиков, 12 наконечников литых стрел, 4 булавы, 16 литых колец, 2 пинцета, большое количество булавок и обломков поясов с 8 большими прямоугольными пряжками кобанского типа. После очистки предметов оказалось, что многие из них украшены изображениями животных и разнообразным орнаментом. Особенно богато украшены были пряжки, инкрустированные железом и зеленой стекловидной пастой и так называемой белой бронзой (рис. 2). Т. Н. Чубинишвили датирует клад XI—IX вв. до н. э.

[1] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях грузинской культуры на Кавказе. ВГМГ, т. XII, Тбилиси, 1944, стр. 339.

[2] Там же, стр. 338.

ный комплекс наряду со всей Восточной Грузией (кроме западной части до р. Арагви) не только западную часть Азербайджана и пограничные северные районы Армении, но и Месхети-Джавахети [1].

При рассмотрении вопроса о проникновении колхидского топора в Восточную Грузию О. М. Джапаридзе указывает, что область Месхети в эпоху поздней бронзы должна была входить в сферу так называемой колхидской культуры и что колхидский элемент проникал на восток именно через Месхети [2]. Здесь же отметим и мнение Б. А. Куфтина о взаимопроникновении в этой области обоих территориальных (западного и восточного) типов культуры эпохи поздней бронзы [3]. Этого же мнения придерживается и Н. В. Хоштария [4].

Большой вклад в дело изучения интересующего нас района Грузии внесен Г. К. Ниорадзе, который в 1941 г. начал проводить здесь разведочные работы (от Боржоми по направлению к Ахалцихе) [5]. Г. К. Ниорадзе при публикации найденных им памятников привлек и материалы этого края, хранящиеся как в Боржомском краеведческом музее, так и в Государственном музее Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа.

Вопросы, затронутые упомянутыми исследователями, ставят перед нами ряд весьма сложных задач. Среди них в первую очередь назрела задача выявления и фиксации археологических памятников наиболее ранних периодов в истории культуры, развивавшейся на территории теперешней Южной Грузии. В этом направлении уже с 1953 г. музеем-заповедником Вардзиа при АН Грузинской ССР совместно с Институтом истории им. акад. И. А. Джавахишвили ведется работа, носящая пока характер кратковременных археологических разведок по Ахалцихскому, Адигенскому, Аспиндзскому и другим районам.

Переходя к обзору имеющегося у нас археологического материала, следует указать на отсутствие в Месхети-Джавахети палеолитических находок. Однако наличие здесь пород, применявшихся в древности человеком для изготовления каменных орудий, а также обилие пещер и соответствующие геоклиматические условия этого края и Южного Кавказа в целом указывают, скорее всего, на то, что именно здесь можно обнаружить следы жизни древнейшего человеческого общества.

В Боржомском музее хранится каменное полированное орудие, найденное в Ахалцихском районе. Оно изготовлено из андезитовой породы, имеет поперечное лезвие и, по-видимому, является мотыгой. Ряд признаков (полированная поверхность с несколькими углублениями для лучшего прикрепления к древку, хорошо оформленное и в продольном сечении клинообразное лезвие и, наконец, сама профилировка) говорит о том, что это орудие сравнительно позднего происхождения и что его следует отнести к самому позднему неолиту. Именно такого рода каменные мотыги бытуют довольно долго и сопровождаются керамикой, характерной для энеолита (рис. 3, *1*) [6].

Несколько определеннее можно датировать каменные мотыги с отверстиями для насадки на древко, случайно найденные в с. Дзвели [7] Аспиндзского района и в окрестностях с. Тмогви (бывш. Маргастани) [8], расположенного в 4 *км* от хорошо известного пещерного комплекса монастыря

---

[1] Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства. Тбилиси, 1944, стр. 37 (на груз. яз.); его же. История грузинского искусства. М., 1950, стр. 36.

[2] О. М. Джапаридзе. Колхидский топор. ВГМГ, т. XVI, 1948, стр. 54 (на груз. яз.).

[3] Б. А. Куфтин. Ук. соч., стр. 330.

[4] Н. В. Хоштариа. К истории мотыги в Западной Грузии. Архив ин-та истории АН Грузинской ССР.

[5] Г. К. Ниорадзе. Археологические разведки по ущелью реки Куры. ВГМГ, т. XIII, 1944, стр. 173 (на груз. яз.).

[6] Т. С. Пассек. Периодизация трипольских поселений. МИА, № 10, 1949, рис. 11.

[7] Мотыга хранится в музее Вардзиа.

[8] Мотыга хранится в Гос. музее Грузии им. С. Н. Джанашиа.

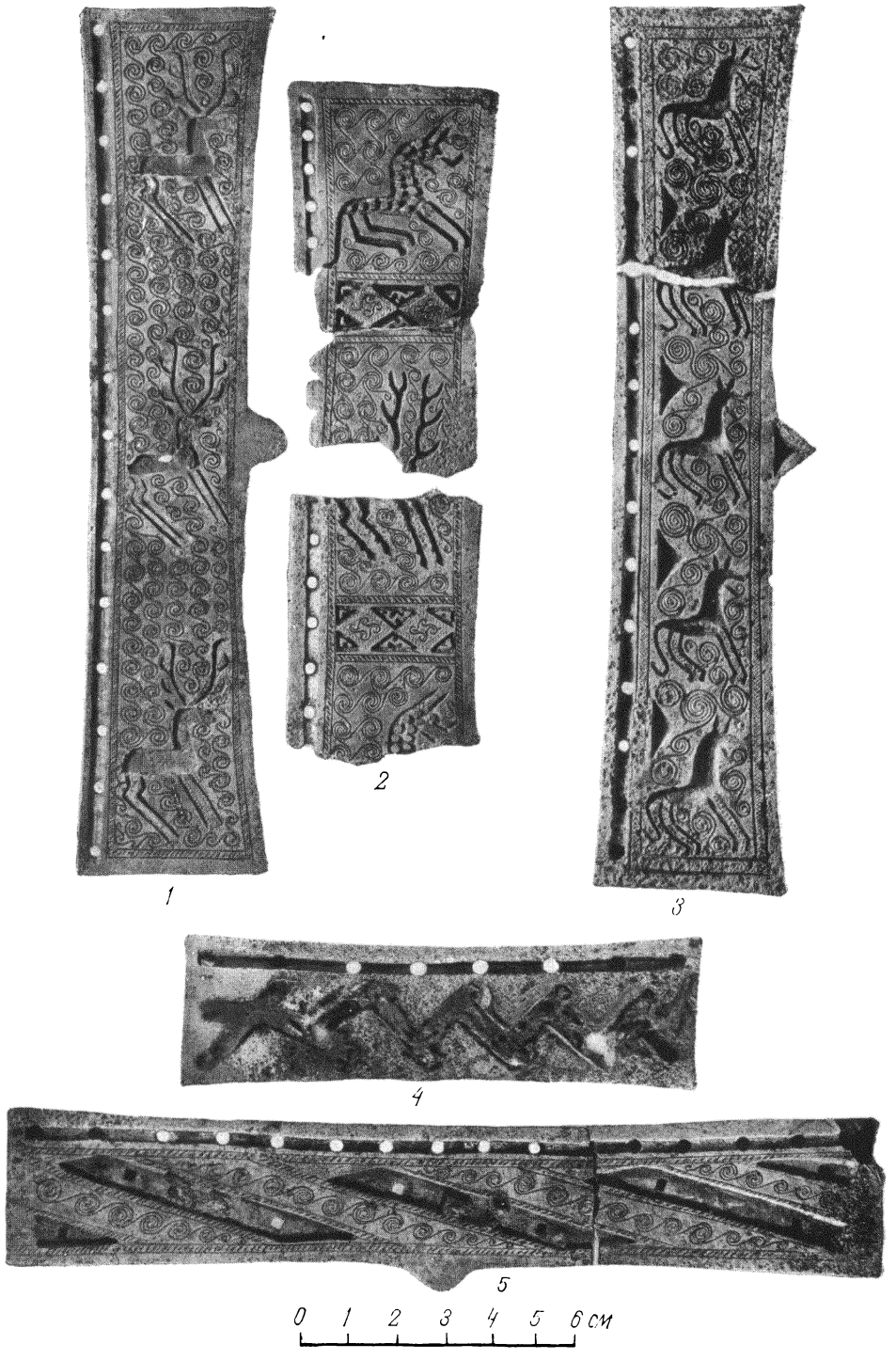

Рис. 2. Бронзовые пряжки кобанского типа из клада позднебронзовой эпохи (с. Уде, Адигенский район)

1 — пряжки, инкрустированные железом; *2, 3* — пряжки, инкрустированные стекловидной пастой, *4* — пряжка, инкрустированная так называемой белой бронзой

Вардзиа. Обе мотыги (рис. 3, *2, 3*) изготовлены из одного и того же материала древневулканической породы (порфировый диабаз) и почти одинаковы по размеру. Они тщательно отполированы и имеют с двух сторон прекрасно оформленные рабочие края. Профилировка этих орудий почти одинакова. Наряду с этим между ними замечено следующее различие: у мотыги из с. Дзвели наружная выпуклая сторона не имеет каких-либо

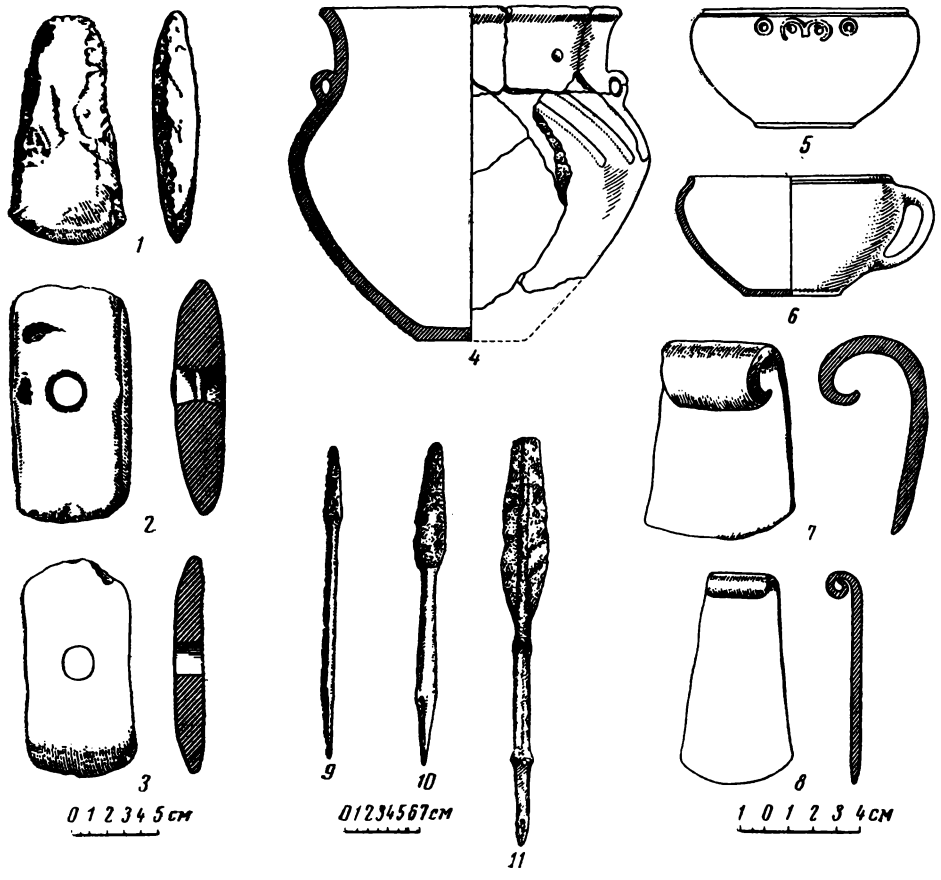

Рис. 3. Каменные, бронзовые и керамические изделия из Месхети-Джавахети и других районов Грузии

1 — каменная мотыга из Ахалцихского района; *2* — каменная мотыга из с. Тмогви; *3* — каменная мотыга из с. Дзвели; *4* — сосуд из могильника Амираис-Гора (г. Ахалцихе); *5* и *6* — сосуды из музея заповедника Вардзиа; *7* — медный топор из Ахалцихского музея; *8* — медный топор из с. Цинцкаро; *9* — медный наконечник копья из окрестностей г. Сталинири; *10* — медный наконечник копья из Ахалцихского музея; *11* — бронзовый наконечник копья из Сачхере

выступов, тогда как другая мотыга посередине имеет выступы, служившие, по-видимому, для скрепления с рукоятью. Наконец, следует указать и на различие в технике сверления этих мотыг: первое орудие просверлено с одной стороны (рис. 3, *3*), другое имеет двухстороннее сверление.

Нам неизвестны в Восточной Грузии каменные орудия аналогичной формы. Исключение составляет лишь один обломок сверленого топора (сделанного из змеевика), найденный в с. Тандзоти (теперь расположено в Турции) и отличающийся прекрасной отделкой [1]. Следует отметить, что на проухе этого топора, так же как и на металлических изделиях, сделаны грани, которые придают этому предмету парадный и очень изящный вид.

[1] Обломок топора хранится в Гос. музее Грузии им. С. Н. Джанашиа.

При датировке мотыг следует иметь в виду совершенно такую же мотыгу, сделанную из песчаника и найденную в Западной Грузии (район Натанеби в местности Чолоки) [1]. Как предполагает Н. В. Хоштария, это орудие, по-видимому, было найдено в культурном слое древнего поселения Чолоки, в котором Н. В. Хоштария удалось обнаружить материалы, относящиеся к энеолитической эпохе.

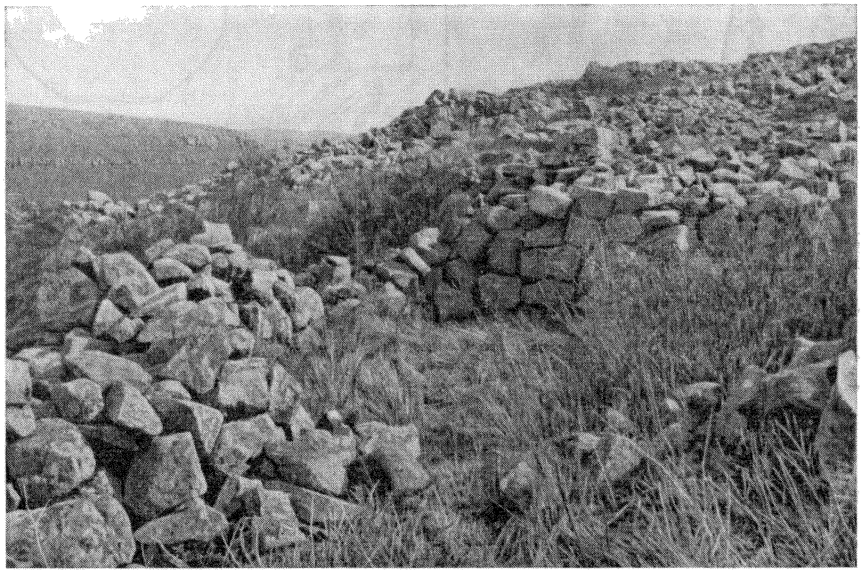

Рис. 4. Поселение близ с. Агара

В районе находок интересующих нас мотыг известны многочисленные археологические объекты, еще требующие тщательных разведок. Особого внимания заслуживают курганы, циклопические сооружения, каменные ящики и другие памятники в окрестностях с. Накалакеви (Вертакана).

В 1953 г. мы обнаружили и обследовали поселение, находящееся в 5—7 *км* к юго-западу от Вардзиа, в Аспиндзском районе, близ с. Агара.

Поселение расположено на высоте свыше 2000 *м* над уровнем моря, на правом берегу маленькой речки Думейла — левого притока Куры. Издали оно имеет вид длинной и широкой каменной полосы, тянущейся вдоль высокого берега.

При внимательном осмотре этой местности выяснилось, что здесь находится множество каменных насыпей, расположенных на поверхности земли на двух больших участках, разделенных между собой небольшим спускающимся к реке гребнем.

В Месхети-Джавахети, как и во всей Грузии, хорошо известны подземные замаскированные земляные и каменные помещения, служившие в эпоху средневековья для укрытия населения при нападении врага. В Грузии такие сооружения назывались «дарани»; под таким же названием известен и вышеупомянутый комплекс.

Местность, где расположен этот археологический памятник, характеризуется естественными отложениями твердых пород камня вулканического происхождения (базальт). Эти породы естественным образом, под влиянием атмосферных процессов, раскалываются на отдельные глыбы-плиты с широкой поверхностью откола, что в древности способствовало их

[1] Мотыга хранится в Батумском музее.

повсеместному применению в качестве строительного материала без какой-либо обработки [1].

Поселение раскинулось террасообразно на склоне горы. Обследованный нами комплекс состоит из множества (до 60) отдельных сооружений в виде больших ям овальной формы с мощной каменной обкладкой; к сооружениям примыкают огражденные камнем площадки, представлявшие собой, по всей вероятности, загоны для скота (рис. 4).

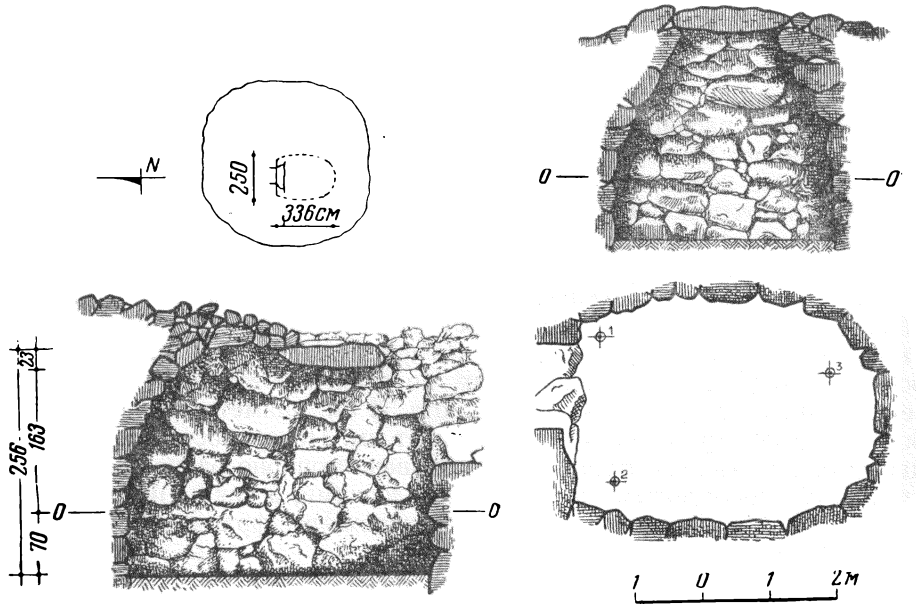

Рис. 5. Поселение близ с. Агара. План и разрезы ямы

В плане эти углубленные в землю сооружения (рис. 5) имеют длину 3,3 *м* и ширину 2,5 *м*. С северной стороны, обращенной к реке, они в своей верхней части имеют вход, через который в них спускались по ступенькам. Глубина достигает 2,5 *м*. Стены сооружены из крупных блоков без применения связующего раствора (сухой кладкой). На высоту трех рядов стены возведены вертикально, а затем камни уложены путем напуска в виде ложного свода и заканчиваются наверху крупной плоской плитой. Свод загружен снаружи массой камня, играющей роль противовеса для выступающих плит и в то же самое время составляющей стены сооружения толщиной до 2,5—3 *м*.

По некоторым признакам можно предположить, что в поселении у р. Думейла, вероятно, имеются два культурных слоя, один из которых, по нашему мнению, относится к урартскому периоду, а второй — к эпохе энеолита. Высказывая это предположение, мы опираемся на данные, полученные нами при обследовании одной из вышеупомянутых «ям со ступеньками»: эти каменные ступеньки находились на довольно мощном слое земли в 0,70—0,75 *м*, под которым у задней стенки был обнаружен очаг (рис. 5, план, пункт 3), к сожалению, не содержавший каких-либо остатков, определяющих время. Однако еще раньше на поверхности земли (рис. 5, план, пункт 1) среди других обломков керамических изделий, относящихся к эпохе железа, был найден один обломок явно архаического облика (рис. 5, план, пункт 2), имеющий некоторые характерные особенности энеолитической посуды (толстый черепок с разностепенным обжи-

[1] И. Н. Цицишвили. Из истории грузинской строительной техники. Наука и техника, 1952, № 6, стр. 25 (на груз. яз.).

гом и лощеной поверхностью). Конечно, пока еще трудно точно установить время возникновения этого поселения и назначение сооружений. Эти вопросы, как и многие другие, могут быть разрешены только после проведения здесь тщательных раскопок.

Говоря о наиболее ранних памятниках Месхети-Джавахети, следует упомянуть о наших разведках в 1954 г. в Ахалцихском районе. К сожалению, здесь нам пришлось пока ограничиться лишь обследованием полуразрушенного каменного ящика энеолитической эпохи, который был обнаружен у самого полотна железной дороги по пути от Ахалцихской товарной станции к городскому вокзалу. Здесь у подножья так называемой Амиранис-Гора (что означает «холм Амирана») в обрезе на глубине 1 — 1,5 *м* были видны разрушенные каменные ящики.

Нами была расчищена уцелевшая часть разрушенного каменного ящика, сложенного из довольно тонких каменных плит. При этом были найдены тазовые кости человека и значительное количество обломков посуды; по ним почти полностью удалось определить форму лишь одного сосуда (рис. 3, *4*). Остальные обломки принадлежат нескольким сосудам, форма и назначение которых в значительной степени отличаются друг от друга. Форма восстановленного сосуда является весьма характерной для эпохи энеолита. Это двуручный сосуд со слегка отогнутым венчиком и высоким цилиндрическим горлом. По форме он приближается к группе больших сосудов, предназначенных, по всей вероятности, для хранения зерна, хотя по своим размерам (высота 32 *см*, диаметр горла 28 *см*, наибольший диаметр тулова 31 *см*) уступает им. Поверхность сосуда черного цвета; она тщательно сглажена и украшена попарно расположенными на крутых плечиках косыми налепными полосками, а также шестью небольшими ямками на поверхности горла. В изломе все фрагменты имеют красновато-бурый цвет.

Сравнение вышеописанного сосуда с известными нам керамическими изделиями эпохи энеолита позволяет отметить, что данный сосуд более всего приближается к комплексам керамики из Дабла-Гоми [1], Кикети [2], Эйлара [3] и других пунктов, где имеется большое разнообразие форм энеолитической посуды. Найденные фрагменты показывают, что такое же разнообразие форм керамики следует предполагать и в погребальном комплексе могильника «Амиранис-Гора».

Судя по материалам, хранящимся в музее-заповеднике Вардзиа, можно и на территории Джавахети предполагать существование довольно своеобразных керамических форм, хронологически близко стоящих к энеолитической эпохе: например, две глиняные глубокие одноручные миски с чернолощеной поверхностью и характерной для архаической керамики светлой подкладкой (рис. 3, *5, 6*). Форма этих мисок отличается не только от керамики из могильника «Амиранис-Гора», но и от всей группы, характерной для так называемого куро-аракского энеолита. По форме они ближе всего к крашеной керамике из Тазакента и Кизил-Ванка [4], относящейся к следующему за энеолитом периоду. Однако нам кажется, что эта посуда может относиться и к энеолитической эпохе, ибо в ее орнаментации имеется один из самых распространенных мотивов очковидной спирали, свойственной энеолитической керамике.

Данный орнамент интересен еще и потому, что он представляется нам в виде первоначального варианта рисунка, изображающего бычьи рога, которые в дальнейшем, закручиваясь все более и более, вылились в так называемую очковидную спираль, потеряв таким образом свою первона-

[1] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. II. Тбилиси, 1950, стр. 135, рис. 35.

[2] Его же. Урартский «колумбарий» у подошвы Арарата и Куро-аракский энеолит. ВГМГ, т. XIII, 1944, стр. 86, рис. 47.

[3] Там же, стр. 101, рис. 56.

[4] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси. 1941, стр. 7, рис. 2—4.

чальную форму. Наряду с этим следует отметить, что украшенные совершенно таким же орнаментом сосуды, относящиеся к середине II тысячелетия до н. э., найдены и на Северо-Восточном Кавказе.

Однако все вышеуказанное заставляет нас пока считать эту глиняную посуду энеолитической, что подтверждает наличие на территории Джавахети своеобразных керамических форм энеолитической эпохи.

Более поздние археологические материалы относятся к эпохе ранней бронзы.

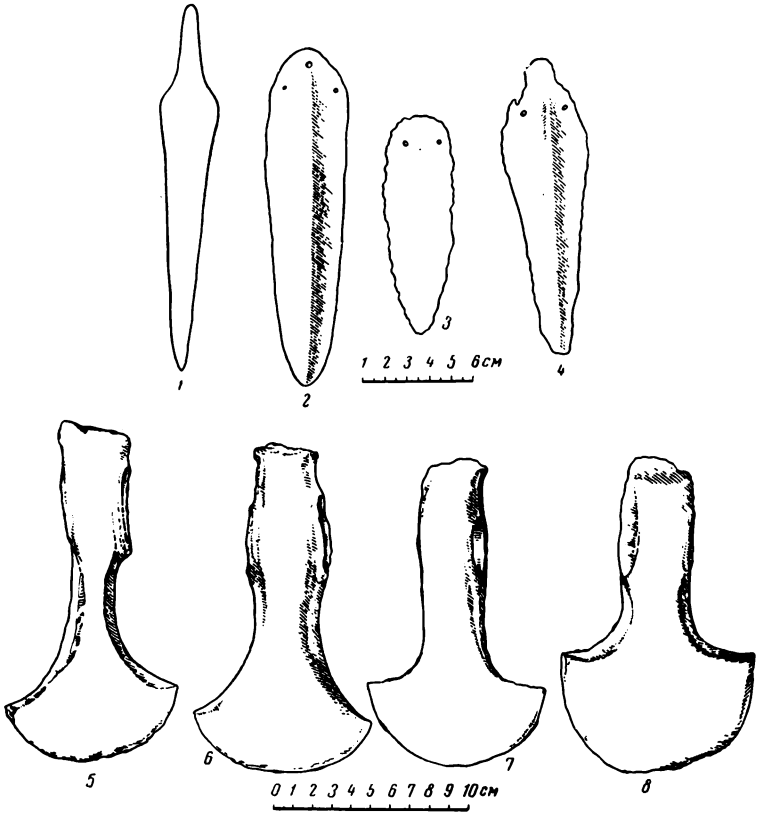

Рис. 6. Бронзовые изделия из Месхети-Джавахети и других районов Грузии

1 — кинжальный клинок из с. Ликани; *2—4* — кинжальные клинки из с. Чобисхеви; *5—7* — видоизмененные колхидские топоры из с. Гомна, с. Танзоти и из Ахалцихского музея; *8* — южнокавказская секира гибридной формы из с. Чобисхеви

В Ахалцихском краеведческом музее им. И. А. Джавахишвили особое внимание привлекает поступившая от краеведа И. Гварамадзе небольшая коллекция, состоящая из разновременных материалов, не имеющих, к сожалению, точных паспортов, и собранная, по-видимому, в различных местах Месхети-Джавахети.

В этой коллекции имеются хронологически близко стоящие друг к другу два предмета: медный топор (рис. 3, *7*) и наконечник копья (рис. 3, *10*).

Первый из них изготовлен из кованого куска меди, имеет довольно широкое лезвие и конец, изогнутый наподобие проуха для проведения деревянной рукоятки.

Как известно, такие же топоры были найдены в Южной Месопотамии (Ур) и Эламе. Время их бытования — IV—III тысячелетия до н. э.[1].

[1] Б. Л. Богаевский. Техника дородового общества. М.—Л., 1936, стр. 309, рис. 204.

в Грузии аналогичных находок нет; лишь один плоский топор, случайно найденный на территории расположения триалетских курганов (с. Цинцкаро), может быть увязан с топором вышеуказанного типа (рис. 3, *8*) [1].

Рис. 7. Бронзовые изделия из Месхети-Джавахети и других районов Грузии

1—наконечник копья из Ахалцихского музея; 2—5—группа предметов из с. Хизабавра; 6—кинжал из г. Сталинири; 7—статуэтка быка с маской на глазах из Ахалцихского района

По мнению Б. А. Куфтина, этот топор с завернутым в трубочку концом должен быть отнесен к эпохе средней бронзы, так как он характеризуется особым способом закрепления рукоятки и является одним из наиболее поздних вариантов шумерских типов [2]. Находка топора наиболее архаи-

[1] Б. А. Куфтин. К вопросу о древнейших корнях..., стр. 308.
[2] Там же.

ческого типа в Южной Грузии дает возможность предполагать, что на территории Грузии, так же как и в Передней Азии, в течение долгого периода постепенно перерабатывалась первичная форма топора с полузакругленной «проушиной», в результате чего и был получен так называемый топор с закругленной пяткой.

Большое значение для нас имеет такая находка в Южной Грузии, как упомянутый выше наконечник копья переднеазиатского типа. Наконечник имеет короткое листовидное перо с едва заметным ребром посередине и характерный длинный черешок, верхняя часть которого книзу утолщена и затем переходит в четырехгранный шип с заостренным концом.

Как известно, в Грузии найдены наконечники копий почти всех архаических типов, встречаемых в Передней Азии. Среди них имеется одно копье в виде штыка из Сачхере и четыре наконечника копий, у которых конец закруглен и завернут [1]. Наконечники копий интересующего нас типа найдены только в двух местах: в окрестностях г. Сталинири и в Сачхерском районе (рис. 3, *9, 11*) [2].

Наиболее поздним из них является наконечник копья из Сачхере (рис. 3, *11*), по своей форме и по некоторым признакам (округлое ребро на листовидном пере и отверстие на конце плоского черешка) приближающийся, скорее всего, к переднеазиатским наконечникам середины III тысячелетия до н. э. [3].

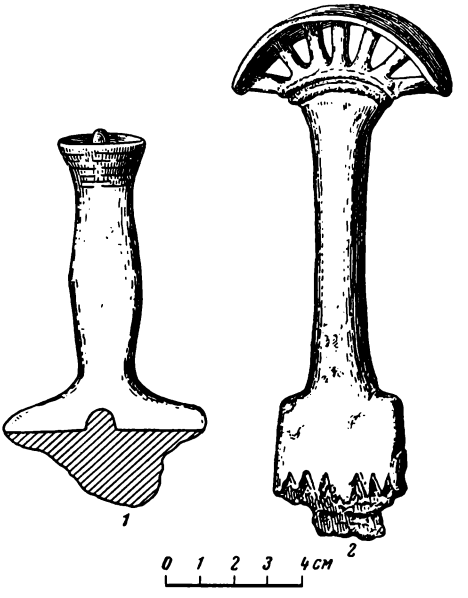

Рис. 8. Бронзовые рукоятки железных мечей
1—рукоятка меча из Ахалцихского музея; *2*—рукоятка меча из Ахалцихского района (ГИМ)

Другой наконечник копья представляется нам как наиболее архаичный, зачаточный вариант указанного типа. Не имея возможности хотя бы в какой-либо мере определить его дату, мы укажем лишь на то, что форма эта, по-видимому, являлась исходной для более развитого наконечника копья из Ахалцихского музея, занимающего среди двух вышеописанных аналогичных копий промежуточное положение.

Интересующий нас наконечник копья, а также топор с закрученным «проухом» по времени приближаются к наиболее ранним переднеазиатским типам. Таким образом, как и следовало ожидать, именно в южных районах Грузии нужно искать самые архаические формы переднеазиатских типов, позволяющие нам еще раз засвидетельствовать наиболее раннюю культурную связь Южного Кавказа с Передней Азией в целом и с Месопотамским Югом в частности. Вместе с этим обнаруженные в южных районах Грузии медно-бронзовые изделия эпохи ранней бронзы дадут нам возможность проследить возникновение и постепенное развитие местного производства.

---

[1] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция 1945 года в Юго-Осетию и Имеретию. Тбилиси, 1949, стр. 73.

[2] Приведенный на рисунке наконечник копья из г. Сталинири хранится в Сталинирском музее, а наконечник копья из Сачхере — в Гос. музее Грузии.

[3] Б. А. Куфтин. Археологическая маршрутная экспедиция..., стр. 73.

К эпохе средней бронзы, по-видимому, следует отнести медный кинжальный клинок, найденный в 1912 г. в Ликани (рис. 6, *1*), а также плоскую лопатообразную часть бронзовой булавки, место находки которой нам неизвестно [1].

Эпоха поздней бронзы представлена многочисленными археологическими материалами. Среди них выделяются ранние типы кинжальных клинков листовидной формы и наконечники дротиков с открытой втулкой.

По всей вероятности, эту группу предметов, найденных в окрестностях с. Чобисхеви (рис. 6, *2—4*), с. Сакире (Ахалцихский и Боржомский районы), а также в с. Хизабавра Аспиндзского района (рис. 7, *2, 3*), следует отнести к раннему этапу эпохи поздней бронзы [2]. К последующему этапу принадлежит большая группа случайных находок, в числе которых особо нужно отметить бронзовые мотыги из с. Хизабавра (рис. 7, *4, 5*) и наконечник копья с «заклепанными» краями втулки, верхняя часть которой заходит на листовидное перо копья (рис. 7, *1*). Здесь же нужно указать и на находку маленькой бронзовой статуэтки быка с маской на глазах (рис. 7, *7*) [3]. Судя по постановке ног, по положению головы, а также и по тому, как сделаны сами рога, можно думать, что статуэтка изображает одно из ритуальных животных, участвовавших в праздничных состязаниях. Длина статуэтки 5,5 *см,* высота 5 *см.*

Наконец, отметим, что в числе других топоров колхидского типа и секир южнозакавказского типа встречаются и гибридные формы (рис. 6, *5—8*) [4], бытование которых в Месхети-Джавахети явно указывает на взаимопроникновение в этой области двух культур (западной и восточной).

Эпоха железа в Месхети-Джавахети, судя по случайным находкам, должна быть представлена весьма значительными археологическими памятниками.

К сожалению, неизвестно место находок двух бронзовых рукояток железных мечей [5], одна из которых подобна рукояткам из круга так называемой колхидо-кобанской бронзы (рис. 8, *1—2*). Аналогичные рукоятки имели и некоторые бронзовые кинжалы кахетинского типа (рис. 7, *6*) [6]. Такой кинжал, сочетавший в себе элементы и западной и восточной культур, был найден в окрестностях г. Сталинири, т. е. на той территории исторической Шида-Картли, где постоянно соприкасались и взаимно влияли друг на друга вышеупомянутые две культуры. Из всей группы известных нам материалов Месхети-Джавахети наиболее поздними являются бронзовые браслеты из с. Птена, поступившие в музей Вардзиа. Они аналогичны браслетам из погребения, раскопанного Б. А. Куфтиным в Алгети [7], а также из Самтаврского многоярусного могильника. Судя по этим аналогиям, они датируются VI—IV вв. до н. э.

Заканчивая обзор археологических памятников Месхети-Джавахети, укажем, что в начале 1955 г. нами проводилась разведочная работа в Адигенском районе. В с. Бенара нам рассказали о том, что холм, называемый местными жителями «Наэклесиареби» (что означает место, на котором стояла церковь), является культовым местом, где стояла церковь, которая во времена распространения христианства в Грузии каким-то образом погибла.

Этот рассказ, конечно, не представлял какого-либо особенного значения для нас, если бы рядом не находилось другое место, называемое

[1] Клинок хранится в Боржомском музее, а булавка — в Ахалцихском музее

[2] Материалы из сс. Сакире и Чобисхеви хранятся в Боржомском музее, коллекция предметов из с. Хизабавра — в Гос. музее Грузии.

[3] Наконечник копья хранится в Ахалцихском музее, статуэтка быка — в Гос. музее Грузии.

[4] Топоры происходят из сс. Гомна, Тандзоти и Чобисхеви; материалы хранятся в Боржомском и Ахалцихском музеях.

[5] Первый из них хранится в Ахалцихском музее, а второй — в ГИМ.

[6] Кинжал хранится в Горийском историко-этнографическом музее.

[7] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 42.

населением «Задени». Еще акад. И. А. Джавахишвили, определяя сущность и характер древнегрузинского язычества, указал на то, что только в Месхети и близ Мцхета сохранилось географическое название Задени, в первом случае — как название селища, а во втором случае — название горы Задени с находящимся на ней монастырем Зедазени [1].

Только после того как будут изучены эти места, станет ясно, в какой мере следует увязать приведенный нами здесь рассказ о событиях на холме «Наэклесиареби» с сообщением древнегрузинских источников о крушении Армазского идола, стоящего на горе Багинети у Мцхета, а также с указанием в «Картлис Цховреба» (в «Летописи Грузии») о крушении самого идола Задени, стоящего, по данным поздней версии выше указанного источника, на горе, находившейся в Месхети [2].

Новооткрытые археологические памятники и случайные находки в Месхети-Джавахети дают возможность Институту истории им. И. А. Джавахишвили и музею Вардзиа АН Грузинской ССР перейти от разведочных работ к широкому археологическому исследованию этого края в целях изучения далекого прошлого грузинских племен, обитавших здесь и оставивших высокоразвитую культуру.

---

[1] И. А. Джавахишвили. История грузинского народа. Тбилиси, 1951, стр. 111 (на груз. яз.).

[2] Летопись Грузии, т. I. Тбилиси, 1956, стр. 39 (на груз. яз.).

В. М. СКУДНОВА

ХИОССКИЕ КУБКИ ИЗ РАСКОПОК НА ОСТРОВЕ БЕРЕЗАНИ

В Эрмитаже хранится небольшая коллекция керамики, найденной при раскопках на о. Березани в 1900—1913 гг. и в большинстве своем неопубликованной [1].

Эти материалы, главным образом расписные сосуды Родоса, Самоса, Клазомен, Навкратиса и Афин конца VII и VI в. до н. э., представляют собой определенный интерес для изучения начала жизни греческих колоний на берегах Черного моря.

Особого внимания заслуживают так называемые навкратийские сосуды, как одна из наиболее ранних групп привозной керамики.

По форме навкратийские сосуды из Березани представляют собой кубки с очень тонкими стенками, покрытыми снаружи плотной белой обмазкой, с росписью буро-желтым лаком. Внутри стенки кубков покрыты черным лаком, по которому пурпуром и белой краской исполнены цветы и бутоны лотоса. Такие сосуды, найденные впервые в XIX в. в Навкратисе, были признаны изделиями навкратийских мастеров [2]. Веским аргументом в пользу такого определения служили надписи на сосудах, исполненные до обжига тем же буро-желтым лаком, что и роспись. Надписи содержали посвящения Аполлону и Афродите Навкратийской и имена посвятителей. С тех пор название «навкратийские» прочно утвердилось за подобными сосудами.

Однако в 1915—1916 гг. при раскопках на о. Хиосе [3] были найдены такие же «навкратийские» сосуды, сделанные из такой же глины с точно такой же росписью и тоже с посвятительными надписями Аполлону и Афродите. Глина этих сосудов явно хиосского происхождения, так как найденная вместе с ними хиосская керамика геометрического стиля имеет ту же глину и покрыта плотной белой обмазкой, как и «навкратийские» сосуды.

После опубликования этих материалов из Хиоса первым против старого названия керамики «навкратийской» выступил А. Румпф. Он указал, что «написанные до обжига надписи на сосудах больше не могут служить веским доказательством их навкратийского происхождения, так как такие же обломки были найдены не только в Навкратисе, но и на островах Эгине и Хиосе. Кроме того, Хиос ближе подходит, как место производства этой керамики, по стилю украшений к родосской росписи и к стилю клазоменских саркофагов» [4].

Е. Пфуль назвал эту группу сосудов навкратийской, но сразу же оговорился, что, вероятно, впредь ее будут называть «хиосско-навкратийской», хотя добавил, что «новейшие раскопки на Хиосе запутывают вопрос» [5].

---

[1] Материалы основной коллекции из раскопок на Березани хранятся в Одесском археологическом музее.

[2] F. Petrie. Naucratis, т. I, 1886 и II, 1888, London.

[3] Κ. Κουρουνιώτη. Ἀνασκαφαὶ καὶ ἔρευναι ἐν Χίῳ. Ἀρχαιολογικὸν Δελτίον, 2, Ἀθῆναι, 1916, стр. 190.

[4] A. Rumpf. Lydische Salbgefäße. Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung, **45**, 1920, стр. 167, примеч. I.

[5] E. Pfuhl. Malerei und Zeichnung der Griechen, т. I. München, 1923, стр. 144—148.

Е. Прайс, публикуя керамику из Навкратиса [1], называет эти сосуды предположительно «навкратийскими» и подкрепляет это название ссылкой на определение Н. А. Энман, которая издала еще в 1911 г. кубок с Березани как «навкратийский» [2]. В то же время Прайс, указывая на сходство навкратийской керамики с хиосской, отвергает возможность выделки одновременно в двух разных центрах одинаковых сосудов. А. Румпф в новой статье о клазоменской керамике предлагает называть «хиосской» ту группу сосудов, которую Прайс считает «навкратийской» [3].

Э. Пэн в обзоре археологических работ, производившихся в Греции в 1933—1934 гг., касаясь раскопок на Хиосе, говорит уже о «несомненно хиосском производстве навкратийской керамики» [4].

Раскопки на Хиосе и высказывания ряда ученых привели к тому, что Е. Хоманн-Ведекинг в своей диссертации, посвященной орнаменту на архаических вазах [5], уверенно называет Хиос местом производства «навкратийских» сосудов, но допускает мысль, что сосуды с посвятительными надписями Афродите Навкратийской были сделаны в Навкратисе.

С другой стороны, М. Ламбрино, публикуя материалы раскопок в Истрии, хотя и касается нового мнения о хиосском происхождении этой группы сосудов, но относится к нему скептически и, видимо, остается сторонницей ее «навкратийского» производства [6].

Охотно подхватывает мнение о хиосском происхождении этой группы Р. Кук, который уже в 1937 г. указывал на тесную связь между Навкратисом и Хиосом [7], а в 1949 г. он определенно указал на Хиос как на общепризнанное место производства этой керамики и без больших протестов названием «хиосская» заменяет старое — «навкратийская» [8].

Работы Р. Кука представляют интерес, так как им, помимо опубликованного, привлечен и весь известный ему хиосский материал. Центры, где было найдено значительное количество хиосской керамики,— Хиос, Навкратис, Эгину (около 30 кубков), Делос, Истрию и др.— он относит к первой группе. Во вторую группу он включает те центры, где было найдено немного экземпляров этих сосудов, например такие, как Афины, Ритзона, Перахора Гела, Селинунт, Вульчи, Родос, Самос, Лариса, Эфес. К третьей группе он относит центры с неизвестным ему количеством хиосской керамики — Клазомены, Кирену, Тарент, Марсель, Аполлонию Понтийскую, Парос, Фасос, Ольвию, Березань, Керчь и др.

Совершенно отсутствует хиосская керамика в таких крупных центрах, как Дельфы, Коринф, Спарта, Аргос, на островах Фере, Мелосе, Лемносе, а также в Локрах, Регии, Сиракузах, Мегарах, Кумах.

Экспорт хиосской керамики, отмечает Кук, был по количеству мал, но имел широкое распространение, охватывая больше Ионию, чем саму Грецию.

В другой работе Кука о хиосских сосудах выделены имена художников и посвятителей этих сосудов и определено время появления надписей — конец первой четверти VI в. до н. э., причем, как указывает автор, сосуды с надписями производились короткое время [9].

---

[1] E. R. Price. Pottery of Naucratis. JHS, XLIV, 1924, стр. 80.

[2] Н. А. Энман. Навкратийский кубок, найденный на о. Березани. ИАК, вып. 40, СПб., 1911, стр. 142.

[3] A. Rumpf. Zu dem klazomenischen Denkmäler, JAI, т. 48, 1933, стр. 61, примеч. 11.

[4] H. G. Payne. Archaeology in Greece. JHS, т. 54, London, 1934, стр. 169. Материал из раскопок на Хиосе в 1933—1934 г. опубликован. См. W. Lamb. Excavations at Kato Phano in Chios. BSA, вып. XXXV, 1934—1935, стр. 157.

[5] E. Homann-Wedeking. Vasenornamentik in Attica; Lakonia und Ostgriechenland. Athen, 1938, стр. 27—29.

[6] M. Lambrino. Les vases archaïques d'Istria. Bucureşti, 1938, стр. 297.

[7] R. M. Cook. Amasis and the Greeks in Egypt. JHS, LVII, 1937, стр. 227.

[8] Его же. The Distribution of Chiot-Pottery. BSA, вып. XLIV, 1949, стр. 154.

[9] R. M. Cook, A. G. Moodhead. Painted Inscriptions on Chiot-Pottery. BSA, вып. XLVII, 1952, стр. 159.

Из приведенных мнений и высказываний видно, что в настоящее время у большинства зарубежных ученых хиосское производство называемой ранее «навкратийской» керамики не вызывает больше сомнений. Значительное количество хиосских сосудов, найденных в Навкратисе, объясняется тем, что Хиос, как один из городов, основавших Навкратис, поддерживал с ним тесную связь. Посвятительные же надписи навкратийским богам наносились на те хиосские сосуды, которые предназначались для вывоза в Навкратис.

Все изложенное заставляет и нас пересмотреть вопрос о месте производства «навкратийской» керамики, так как в советской археологической литературе еще прочно удерживается название «навкратийская».

К. М. Колобова первая в советской литературе затронула этот вопрос [1]. Подробно изложив все мотивы доказательств, выдвинутые Куком в подтверждение хиосского происхождения этой керамики, она отмечает большую роль Хиоса и «хиосской продукции» в Навкратисе, но склонна только предполагать возможность хиосского производства. Она допускает мысль, что непосредственным поставщиком «навкратийской» керамики мог быть Хиос, но в то же время считает, что и в самом Навкратисе хиосские гончары производили эту керамику. Таким образом, К. М. Колобовой кажется наиболее вероятным существование одновременно в двух разных центрах, Хиосе и Навкратисе, производства одинаковой керамики [2].

Этого вопроса коснулась и Р. В. Шмидт, которая не согласилась с возможностью изготовления этой керамики и на Хиосе и в Навкратисе, хотя и не примкнула к новой точке зрения, сохранив старое название «навкратийская» [3].

Т. В. Блаватская просто определяет кубки из Истрии как «вероятно, навкратийские» [4].

В. Д. Блаватский не касается этого вопроса и продолжает называть эту группу керамики «навкратийской», не освещая высказанных в литературе точек зрения [5].

Однако вопрос этот не может быть оставлен нами без внимания, так как обломки так называемых навкратийских сосудов встречаются при раскопках античных городов Северного Причерноморья и от решения вопроса о центре их производства зависит правильное освещение торговых связей этих городов в архаический период.

Мнение, что Хиос, а не Навкратис является местом изготовления разбираемой группы керамики (высказанное впервые А. Румпфом и поддержанное Э. Пэном, Р. Куком и другими зарубежными учеными), кажется нам вполне убедительным и обоснованным.

Признание нового центра, как нам кажется, подтверждается и близостью стиля росписи хиосских сосудов с группой восточногреческой керамики, на что давно уже обращал внимание А. Румпф. Фризы с изображением животных, заполнительный орнамент, а также пояса из цветов и бутонов лотоса, украшающие кубки внутри, имеют ближайшие аналогии в стиле родосских сосудов. Недаром К. Кинх для примера широкого распространения родосского заполнительного орнамента в форме полукруга приводит именно березанский обломок хиосского кубка как очень близкий образец [6].

---

[1] К. М. Колобова. Из истории раннегреческого общества. (О. Родос в IX—VII вв. до н. э.). Л., 1951, стр. 320.

[2] Там же, стр. 208—209.

[3] Р. В. Шмидт. Греческая архаическая керамика Мирмекия и Тиритаки. МИА, № 25, 1952, стр. 236.

[4] Т. В. Блаватская. Западнопонтийские города в VII—I вв. до н. э. М., 1952, стр. 43.

[5] В. Д. Блаватский. История античной расписной керамики. М., 1954, стр. 97 и 98.

[6] K. Kinch. Vroulia. Berlin, 1914, стр. 229, рис. 117. Эрмитаж, инв. № Б. 57.

Из всех античных поселений Северного Причерноморья Березань дала самый значительный по количеству и самый ранний материал Хиоса.

В Эрмитаже хранится свыше 30 обломков хиосских кубков и крышек лекан. Глина этих сосудов коричневатого оттенка. Снаружи они покрыты плотной обмазкой кремового цвета. Роспись исполнена лаком разных оттенков: черного, бурого, иногда желтого.

Рис. 1. Хиосский кубок-кратер первой группы

Хиосские кубки имеют разную форму, которая менялась от ранних, несколько тяжеловесных кубков-кратеров до изящных образцов позднего времени. Первая группа кубков, больших размеров (около 20 *см* в диаметре), с прямыми стенками, скошенными от горизонтальных ручек к эхинообразной подставке, относится к концу VII в. до н. э. Они расписаны фризами животных с обильным заполнительным орнаментом. Лучшими образцами этой группы являются кубки-кратеры на Вульчи (рис. 1) [1].

Рис. 2. Хиосский кубок второй группы

Рис. 3. Хиосский кубок третьей группы

Кубки второй группы (начало VI в. до н. э.), с большим конусовидным туловом на небольшой подставке, украшены также фризами животных, то с заполнительным орнаментом, то без него. Почти полностью сохранившийся кубок, найденный на о. Делосе [2], дает представление об этой форме (рис. 2).

Третья группа кубков имеет следующие отличия: повышается конусовидная ножка, тулово уменьшается в диаметре и повторяет форму ножки. Кубки становятся меньших размеров (12—13 *см*), высота кубка обычно равна его диаметру (рис. 3) [3].

Эта форма кубков имела распространение в течение первой половины VI в. до н. э. и дошла до нас в значительно большем количестве экземпляров, чем первые две.

---

[1] E. Langlotz. Griechische Vasen in Würzburg. München, 1932, табл. 13 и 14.

[2] Ch. Dugas. Les vases de l'Herain. Exploration archéologique de Délos, т. X. Paris, 1928, табл. XIX.

[3] Например, кубок с О. Книда. JHS, LXVI, 1946, табл. 1.

Роспись внутри кубков состоит из простых цветов лотоса, чередующихся с бутонами в виде отдельных лепестков. Дно иногда украшено простой звездочкой, исполненной белой краской.

Кубки третьей группы, относящиеся к первой четверти VI в. до н. э., украшены обычно только на одной стороне рисунком, выполненным без резьбы на гладком фоне; но уже во второй четверти VI в. до н. э. в росписи появляется резьба и заполнительный орнамент в виде небрежных пятен.

Рис. 4. Обломки хиосских кубков первой группы

Из березанских находок к первой группе относятся обломки четырех кубков большого диаметра с почти вертикальными стенками, слегка закругленными ко дну.

На первом обломке березанского кубка (рис. 4, *2*) сохранилась часть изображения льва, терзающего быка [1]. Головы льва и быка исполнены контуром; грива льва и шея быка покрыты пурпуром; по середине массивного рога быка оставлена полоса в цвете глины [2]. Ноги обоих животных и членения суставов окружены светлой полосой, нижняя часть живота льва покрыта мелкими точками [3]. Все перечисленные черты характерны для росписи хиосских и родосских сосудов в конце VII в. до н. э. [4]. По краю обломка нанесен пояс из ломаных линий, под рисунком — поле двойной плетенки и часть меандра. На втором обломке (рис. 4, *1*) [5] видна часть фигуры льва, присевшего на задние лапы; под ним пояс меандра, между ног льва заполнительный орнамент в виде подковообразной подвески [6]; на третьем обломке (рис. 4, *3*) [7] сохранился только заполнительный орнамент в виде восьмилепестковой розетки с точками, сложной звезды с волютами и части подковообразной подвески по краю пояса из ломаных линий [8];

[1] Собрание Гос. Эрмитажа, инв. № Б. 470, высота 12 *см*, длина 9,9 *см*.
[2] Ср. JHS, 44, 1924, стр. 211, рис. 42.
[3] Ср. JHS, 44, 1924, табл. 7 и 9.
[4] Ср. E. Langlotz. Ук. соч., табл. 13, 14; F. Petrie. Naucratis, т. II, табл. V, 7; JHS, 44, 1924, стр. 211, рис. 42; CVA. Oxford, вып. II, табл. V, *6*; Clara Rhodos, т. IV, рис. 14 и 19.
[5] Инв. № Б. 191, длина 8,3 *см*, склеен из трех обломков.
[6] E. R. Pryce. Ук. соч., стр. 211, рис. 42.
[7] Инв. № Б. 468, длина 7,5 *см*, склеен из четырех кусков.
[8] Кук относит заполнительный орнамент звезды и подковообразной подвески к VII в. до н. э. См. R. M. Cook. The Distribution of Chiot-Pottery, стр. 154.

внутри кубка исполнен пурпуром цветок лотоса с тычинками, нанесенными белой краской. Два обломка четвертого кубка (рис. 5) [1] украшены поясом из фигур львов, присевших на задние лапы, с раскрытой пастью и высоко загнутым хвостом. Морды львов исполнены контуром, грива — косой сеткой. Аналогичные изображения львов мы встречаем на обломках кубков из Навкратиса [2]. Заполнительный орнамент состоит из больших розеток с точками, полукругов, треугольников, маленьких прямоугольни-

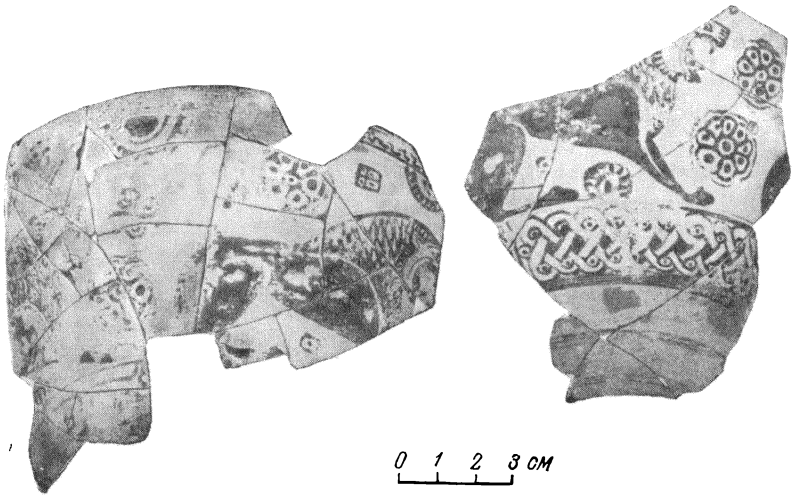

Рис. 5. Обломки хиосских кубков первой группы

ков, свастики и подковообразной подвески. Над рисунком — узкий пояс из ломаной линии, под ним с одной стороны — пояс двойной плетенки, а с другой — меандр, как на кубках из Вульчи [3]. Внутри кубка чередуются орнаменты из четырехконечной звезды и трехлепесткового цветка лотоса.

Изображение гривы львов косой сеткой или сплошной полосой пурпура характерна для росписи VII в. до н. э. и встречается также на коринфских сосудах этого времени [4], а заполнительный орнамент из звезд и подковообразных подвесок обычен для родосских сосудов второй половины VII в. до н. э. [5]. Таким образом, березанские кубки первой группы относятся и по форме, и по росписи к концу VII в. до н. э.

Второй группе принадлежат пять обломков хиосских кубков, тоже больших размеров, но со скошенными ко дну стенками.

На всех березанских обломках этой группы изображения львов исполнены с такой же гривой в виде сетки ромбов, как на первой группе.

На первом обломке (рис. 6, *1*) [6], самом большом, львы, обращенные вправо, расположены близко друг к другу на гладком фоне, без заполнительного орнамента. На втором обломке [7] сохранилась передняя часть льва, под рисунком — пояс шахматного узора (рис. 6, *2*); на третьем [8] — часть гривы льва и заполнительный орнамент из маленькой звезды и полу-

---

[1] Инв. № Б. 57, длина 11,2 *см*, высота 13,3 *см*; склеены из мелких обломков, лак сильно потерт. Часть кубка издана К. Кинхом. См. K. Kinch. Ук. соч., стр. 229, рис. 117.

[2] JHS, XLIV, 1924, табл. X, *7* и *9*.

[3] E. Langlotz. Ук. соч., табл. 13 и 14.

[4] Ср. H. Payne, Necrocorinthia. Oxford, 1931, стр. 80, 130, 208, табл. 15, *9*; *17*, *1*; 18, 4; 19, 2.

[5] Ср. Clara Rhodos, т. IV, рис. 14, 15, 19.

[6] Инв. № Б. 471, длина 13,4 *см*; склеен из четырех кусков.

[7] Инв. № Б. 188, длина 9 *см*.

[8] Инв. № Б. 192, длина 7 *см*; склеен из двух кусков.

круга у края [1]. Остальные два обломка незначительных размеров: на одном из них сохранилась часть гривы, а на другом — морда льва [2].

Роспись второй группы кубков сохраняет приемы, характерные для хиосских сосудов конца VII в. до н. э. Но на некоторых экземплярах уже отсутствует заполнительный орнамент. Все это определяет их датировку самым началом VI в. до н. э.

К третьей группе относится целый кубок и 15 обломков с разнообразными сюжетами. На шести обломках сохранилось изображение сфинкса,

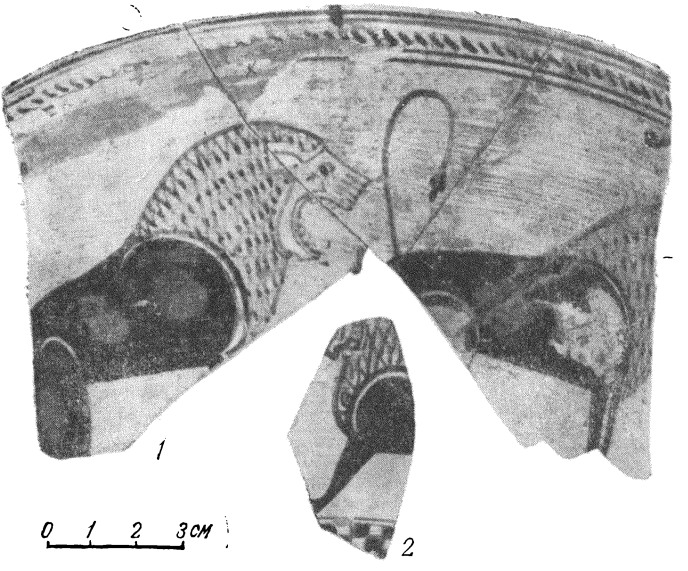

Рис. 6. Обломки хиосских кубков второй группы

обращенного влево [3]. Лицо сфинкса исполнено контуром, имеет удлиненный глаз и ухо в виде спирали. Длинные волосы украшает пурпурная повязка. От темени к спине проведена тонкая линия с завитком на конце, как на родосских изображениях сфинксов [4]. Основание крыльев окружено линией в цвете глины; концы их, заштрихованные тонкими линиями, загибаются вверх (рис. 7, *1* и *2*), так же как на родосских сосудах [5]. Обычно изображение сфинкса украшает только одну сторону кубка. По краю кубков исполнен пояс точек (рис. 7, *1*) или косых черточек между двумя линиями. Часто край остается гладким (рис. 7, *2*). Под рисунком тянется пояс из группы палочного орнамента у ручек с зубчатой линией посередине (рис. 7, *3*).

Обломки подобных кубков были найдены в Навкратисе, Истрии, на Делосе, Книде и Хиосе [6].

П. Дикайос датирует такой кубок со сфинксом началом VI в. до н. э.[7].

---

[1] Ср. E. R. Pгусе,, Ук. соч., стр. 211, рис. 42.

[2] Инв. № Б. 458, длина 4,6 *см*, инв. № Б. 469, длина 3,7 *см*.

[3] Первый — инв. № Б. 187 (рис. 7, *1*); длина 7,7 *см*, склеен из двух кусков, внутри — бутон лотоса, снаружи — пояс точек; второй — инв. № Б. 196 (рис. 7, *2*), длина 7,4 *см*, склеен из четырех кусков, внутри — бутон лотоса и часть цветка; третий — инв. № Б. 186 (рис. 7, *3*), длина 8,3 *см*, склеен из двух кусков. На трех остальных обломках сохранились часть изображения хвоста и крыла сфинкса (инв. № Б. 194, длина 4,4 *см*; инв. № Б. 198, длина 6 *см*; инв. № Б. 268, длина 3,9 *см*).

[4] Ср. Clara Rhodos, т. IV, стр. 371, рис. 417; т. VI—VII, стр. 489, рис. 16.

[5] Ср. Clara Rhodos, т. IV, рис. 19 и табл. VI.

[6] F. Petrie. Naucratis, т. I, табл. V, № 38, 39; M. Lambrino. Ук. соч., стр. 302, рис. 286, стр. 303, рис. 288 и 289; Délos, Paris, т. XVII, 1935, табл. LII, *1*; JHS, LXVI. 1946, табл. 1; DELTION, т. 2, стр. 193; 7; BIA, вып. XXXV, 1934—1935 табл. 37,7.

[7] P. Dikaios. Two «Naucratite» chalces from Marium, JHS, LXVI, 1946, стр. 5—7.

Е. Ведекинг тоже считает, что кубки с этим изображением появляются в начале VI в. до н. э. [1]. Характер рисунка без применения резьбы на фигурах сфинксов и контурная трактовка головы дают основание примкнуть к датировкам Дикайоса и Ведекинга и отнести эти кубки к первой четверти VI в. до н. э.

К третьей же группе следует отнести и кубок из некрополя Березани с изображением фигуры в плаще на одной стороне, изданный Н. Энман [2].

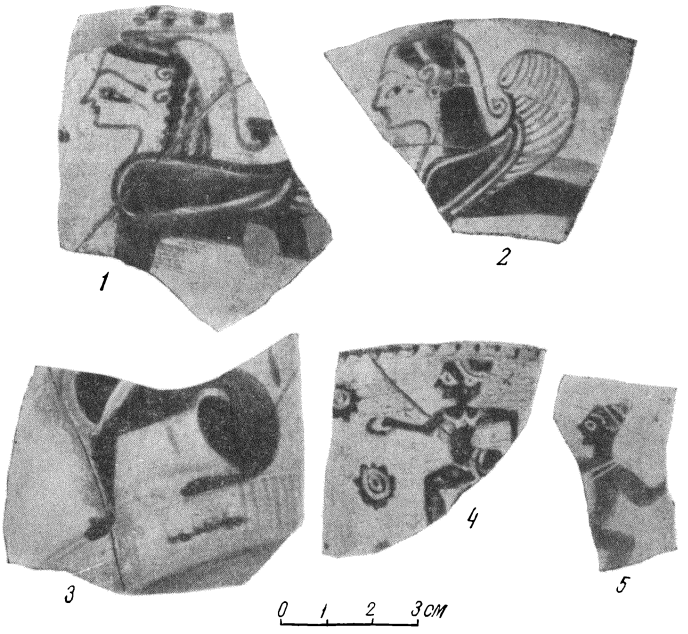

Рис. 7. Обломки хиосских кубков третьей группы

Контурный рисунок головы и отсутствие резьбы в деталях фигуры дают основание отнести этот кубок, как и кубки со сфинксами, к первой четверти VI в. до н. э.

Два обломка кубков из этой же группы украшены фигурами комастов; на одном из них (рис. 7, *4*) [3] детали фигуры танцующего комаста — глаз, грудь, бедро и повязка — нанесены белой краской. Снаружи, по краю — пояс точек; внутри — цветок лотоса с тычинками. На втором обломке (рис. 7, *5*) [4] детали на фигуре комаста исполнены резьбой.

Кубки с изображениями комастов, найденные в Ольвии, Навкратисе и Хиосе [5], также отличаются применением резьбы и наличием на некоторых заполнительного орнамента в виде пятен. Этот заполнительный орнамент, вероятно, возник так же, как и в родосской росписи этого времени, под влиянием Коринфа [6].

---

[1] E. Homann-Wedeking. Ук. соч., стр. 27.

[2] Н. А. Энман, Ук. соч., стр. 142, рис. 1; инв. № Б. 55, высота 11,5 *см*; E. R. Price. Pottery of Naucratis. JHS, 44, 1924, стр. 205.

[3] Инв. № Б. 465, длина 5,4 *см*, склеен из двух кусков.

[4] Инв. № Б. 461, длина 4,5 *см*.

[5] Е. И. Леви. Терракотовая архаическая головка, найденная в Ольвии. СА, VII, 1941, стр. 315, рис. 4, *3*; Т. Н. Книпович, Некрополь на территории Ольвии. КСИИМК, вып. X, 1941, рис. 46; F. Petrie. Naucratis, т. I, табл. V, 40 и 42; JHS, вып. XLIV, 1924, табл. XI, верх; CVA, Oxford, вып. 2, табл. V, *50*; BSA, вып. XXXV, 1934—1935, табл. 37, *11*.

[6] Для коринфских сосудов с конца VII в. характерен заполнительный орнамент в виде больших и мелких пятен, без четких очертаний и с резьбой. См. Н. Раупе. Ук. соч., табл. 20, 21, 28, 29.

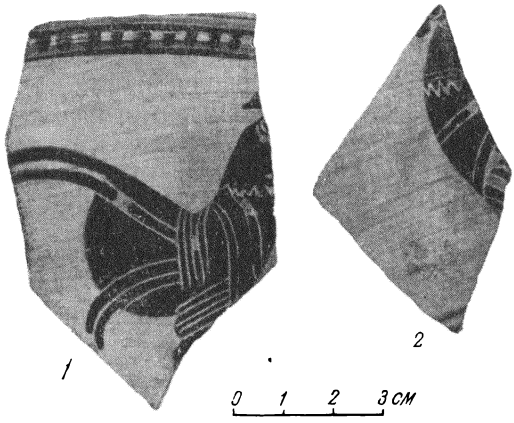

Рис. 8. Обломки хиосских кубков третьей группы

На двух обломках кубка третьей группы изображены два петуха, стоящие друг против друга (рис. 8); гребень и шея петухов покрыты пурпуром, перья переданы резьбой. Изображение петухов мы встречаем только на двух обломках кубков из Навкратиса [1] и на кубке из некрополя Ритзоны [2]. На последнем петухи выполнены на фоне заполнительного орнамента, такого же, как на кубках с комастами. Трактовка петухов на березанском кубке близка росписи на коринфских сосудах, датируемых 575—560 гг.[3]. Применение резьбы в деталях росписи и заполнительный орнамент в виде пятен — характерные элементы в росписи хиосских кубков второй четверти VI в. до н. э.

Таким образом, можно считать, что кубки третьей группы существуют в течение всей первой половины VI в. до н. э.

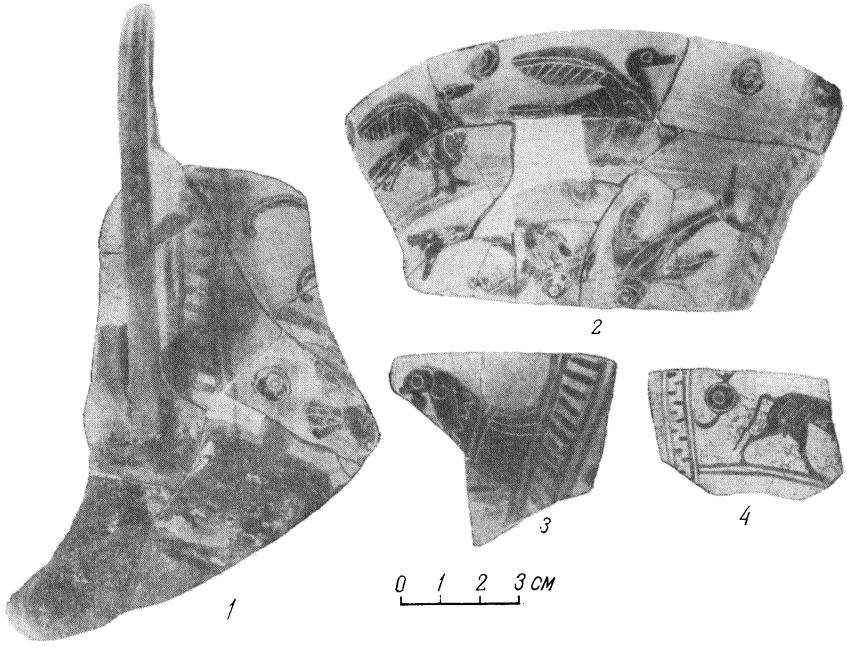

Рис. 9. Обломки хиосского кубка с изображением птиц и дельфинов

Своеобразную разновидность хиосских кубков представляют собой фрагменты большого кубка (рис. 9, *1*, *2*) [4] с выпуклыми стенками, выступающим наружу венчиком и тонкими двуствольными ручками, изогнутыми высоко над краем. По венчику расположены изображения двух птиц,

[1] CVA. Oxford, вып. 2, табл. V, 43, 44.

[2] R. M. Burrows and P. N. Ure. Excavations at Rhitsona in Bolotia. JHS, 29, 1909, стр. 332, рис. 15 и табл. XXV.

[3] Н. Раупе, Ук. соч., стр. 76, рис. 21, № 1423.

[4] Инв. № Б. 56, в трех фрагментах, склеенных из мелких обломков, длина 12,5 *см*, 16,5 *см* с ручкой и 6 *см*. Лак сильно потерт.

похожих на уточек; на стенках — дельфины, ныряющие вниз. Пространство между птицами и дельфинами заполнено пятнами с резьбой. Внутри по краю кубок украшен цветами лотоса, чередующимися с многолепестковыми розетками с пурпурными кружочками на конце каждого белого лепестка. По бокам ручек вертикальные пояса лестничного орнамента; на отдельном обломке венчика сохранилась полуфигура птицы, примыкающая к поясу у ручки. В рисунке применена резьба и отсутствует пурпур (рис. 9, *3*).

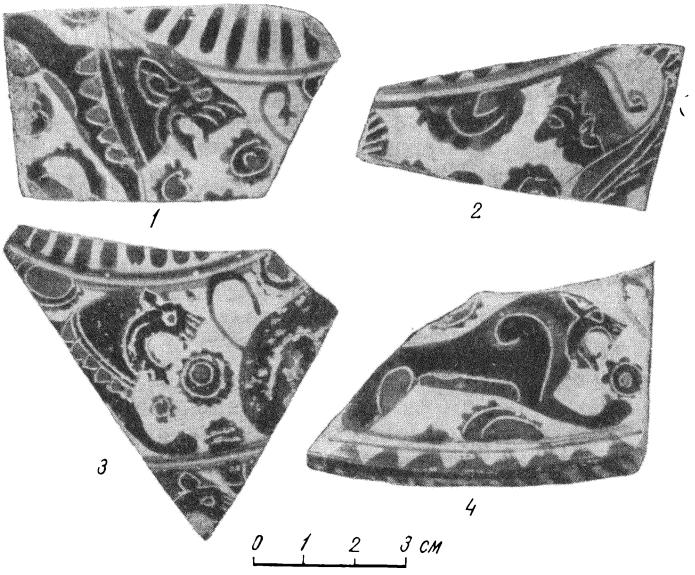

Рис. 10. Обломки крышек хиосских лекан

К четвертой группе принадлежат еще два обломка; один [1] — с частью фигурки животного на венчике, другой [2] — с частью птицы на стенке (рис. 9, *4*).

Эта форма мало распространена, и можно указать только на один обломок кубка из Ольвии тоже с двуствольной ручкой [3]. Такое же изображение дельфина мы видим на кубке из Навкратиса [4]. По характеру рисунка эти кубки относятся ко второй четверти VI в. до н. э.

Рассмотренный материал дает представление о развитии формы от больших кубков (кратеров) первой группы до небольших кубков с конусообразным туловом третьей группы. Общей чертой для всех трех групп является отсутствие выделенного венчика. Характерно, что сосуды этой формы выделывались только на Хиосе.

Своеобразная форма кубка отличается от предыдущих выступающим венчиком, а высоко изогнутые ручки придают сходство с ранними канфарами.

Кроме хиосских кубков, на Березани найдены еще шесть обломков от крышек лекан,' украшенных фризами из львов и сфинксов [5] с обильным применением резьбы (рис. 10). Заполнительный орнамент состоит из полу-

[1] Инв. № Б. 189, длина 5,5 *см*.

[2] Инв. № Б. 459, длина 6,8 *см*.

[3] Е. И. Л е в и. Ук. соч., стр. 314 и 315, рис. 4, *2*. Инв. № 4889.

[4] JHS, 44, 1924, стр. 213, рис. 52; CVA, Oxford, вып. 2, табл. V, *42*, Е. Прайс считает его «поздним Навкратисом» ввиду применения резьбы.

[5] Инв. № Б. 184, длина 7,8 *см*; инв. № Б. 456, длина 6,4 *см* (рис. 10, *4*); инв. № Б. 460, длина 6,5 *см* (рис. *10*, 2); инв. № Б. 462, длина 6,6 *см* (рис. *10, 3*); инв. № Б. 464, длина 6,5 *см*, склеен из двух кусков (рис. *10, 1*).

кругов и розеток, по краю лекан тянется пояс углов и косых линий, над фризами у ручки — палочный орнамент. Грива львов трактована в виде зубцов, покрытых пурпуром (рис. 10, *1* и *3*); на головке сфинкса нанесена линия со спиралью на конце (рис. 10, *2*). Подобные фризы животных украшают крышки хиосских лекан, найденных в Навкратисе [1], Хиосе [2] и Истрии [3].

Роспись на леканах с резьбой отличается небрежностью и относится уже к середине VI в. до н. э., когда на Хиосе расписную керамику постепенно заменяет монохромная: кувшинчики типа ольп [4] и кубки с плоским дном и ручками, найденные в античных городах Северного Причерноморья и датируемые второй половиной VI в. до н. э. Они покрыты светлой обмазкой и украшены поясками буро-желтого лака; внутри по черному лаку нанесены узкие белые полоски.

Чтобы составить себе представление, хотя, вероятно, и не полное, о ввозе хиосской керамики на Березань, необходимо еще хотя бы бегло коснуться громадного количества (свыше 500 обломков) хиосских сосудов из Березани, хранящихся в Одесском археологическом музее.

Основную массу (около 400 обломков) составляют кубки трех первых разобранных нами групп. Первую группу дополняют шесть фрагментов кубков с поясами сложной плетенки и меандра у ручек, а также с заполнительным орнаментом подковообразной подвески [5].

Около 20 обломков больших кубков принадлежат второй группе. Они отличаются богатой орнаментацией внутри сосудов, состоящей из многолепестковых пальметок, цветов лотоса, соединенных со сложными розетками и волютами, а также поясов из плодов граната [6]. Следует отметить два фрагмента: один с изображением женской головы в пурпурной повязке [7], другой — с частью фигуры быка [8].

Но подавляющее большинство составляют кубки третьей группы с изображениями сфинксов, комастов, птиц [9].

Кроме обломков кубков, интересны обломки хиосских фиал, этой довольно редкой формы сосудов, относящихся к первой половине VI в. до н. э., обильно украшенных поясами лепестков и бутонов лотоса [10]. Подобные фиалы были найдены в Навкратисе [11], Истрии [12] и Ольвии [13]. Ко второй половине VI в. до н. э. относится свыше 100 обломков маленьких хиосских кувшинчиков — ольп и кубков, украшенных полосками по белой обмазке.

Кроме расписной посуды с Хиоса, привозились на Березань также и остродонные амфоры. Самые ранние хиосские амфоры, относящиеся к концу VII и началу VI в. до н. э., были найдены с детскими захоронениями [14].

Они имеют яйцевидное тулово, переходящее в короткую ножку, покатые плечики и цилиндрическое горло с толстым венчиком. Глина их коричневатого оттенка, крупнозернистая. Вся амфора покрыта плотной кремовой обмазкой, такой же, как на расписной хиосской керамике. На тулове

---

[1] F. Petrie. Naucratis, т. II, табл. VII, *2*; JHS, 44, 1924, табл. XII, *3*, *4*, *7*, *8*, *9*; CVA, Cambridge, вып. 2, табл. XVII, *58*, *59*, *60*.
[2] BSA, вып. XXXV, 1934—1935, табл. 37, *2*.
[3] M. Lambrino, Ук. соч., стр. 310, рис. 301.
[4] BSA, вып. XLIX, 1954, табл. 7, *44*.
[5] №№ 4321, 4428, 26977, 26982, 38458, 38491.
[6] №№ 38456, 38458, 38474, 38067.
[7] № 38431.
[8] № 4414, см. близкий по рисунку кубок с о. Делоса. Exploration archéologique de Délos, т. X, табл. XIX и LXI.
[9] №№ 38501—38600 (100 штук), 38701—39000 (200 штук), 26938, 26940, 26944, 26948, 26949, 26951, 26952, 26957, 26961, 26970, 26984, 26985.
[10] №№ 26976, 38079, 38080, 38109, 38119, 38463, 38467, 38468.
[11] F. Petrie. Naucratis, т. I, табл. V, *1*.
[12] M. Lambrino. Ук. соч., стр. 306, № 13; стр. 307, рис. 295; стр. 308, рис. 297.
[13] Е. И. Леви. Ук. соч., стр. 315, рис. 4, *1*.
[14] Амфора Херсонского музея, инв. № 14438.

и горле нанесены лаком узкие пояски, над ручками кривые линии. Цвет лака на амфорах повторяет многочисленные оттенки хиосской керамики: черный, красновато-бурый, иногда светло-желтый. Такие амфоры найдены также в некрополе Феры [1], в Навкратисе [2], в Дафнах [3], девять фрагментов — в Истрии [4], два обломка — в материковых ямах Ольвии [5] и в Нимфее, в архаическом святилище Деметры — в количестве 85 обломков.

Местом изготовления этих амфор М. Ламбрино считала Ионию, возможно Милет. Твердой локализации места их производства не имелось, пока не были опубликованы материалы последних раскопок на Хиосе [6], среди которых найдены обломки этого типа амфор. Д. Андерсон посвящает целый раздел хиосским амфорам VII—III вв. до н. э.

К самой ранней группе он относит обломки амфор с поясками и завитками по белой обмазке, такие же, как и березанские [7].

Кроме вышеуказанных амфор, на Березань было привезено с Хиоса большое количество амфор с припухлым горлом (вторая половина VI в. до н. э.). Эта форма амфор хорошо известна по раскопкам всех античных городов и некрополей Северного Причерноморья.

Рассмотренный выше обильный материал, происходящий с о. Хиоса и найденный на Березани, дает наглядное представление об интенсивности ввоза его в пределы Северного Причерноморья уже с конца VII в. до н. э. (т. е. с самого начала возникновения березанского поселения) и в течение всего VI в. до н. э., причем наиболее значительным он был в первой половине VI в.

Находка и в Истрии хиосской керамики (кубков, крышек лекан и остродонных амфор с росписью по белой обмазке) свидетельствует о широких торговых связях Хиоса в это время с отдельными пунктами Причерноморья. И вполне возможно, что эта торговля производилась самим Хиосом без посредников, каким являлся, например, Милет.

Изучение хиосской керамики дает возможность осветить вопрос о самых ранних торговых связях Березани с древнегреческими центрами еще с конца VII в. до н. э.

---

[1] H. Dragendorff. Theraeische Graeber. II. Berlin, 1903, стр. 63, 228, рис. 218, 425 *c*.

[2] F. Petrie. Naucratis, т. I, табл. 16, *4*.

[3] Его же. Tanis, т. II, London, 1888, табл. 36, *18*.

[4] M. Lambrino, Ук. соч., стр. 98—105, рис. 62—68.

[5] Эрмитаж, инв. № Ол. 6109 и 6110, раскопки 1905 г.

[6] J. K. Anderson. Excavation on the Kofina Ridge, Chios, BSA, вып. XLIX, 1954, стр. 139.

[7] Там же, табл. 7, *17* и *24*.

В. А. ОБОРИН

ОРЕЛ-ГОРОДОК

(По раскопкам Камской археологической экспедиции 1953—1954 гг.)

В 1952 г. Камская археологическая экспедиция Пермского государственного университета начала первые крупные раскопки одного из ранних русских поселений в Прикамье — Строгановского Орла-городка.

Результаты исследований первого и частично второго года раскопок уже были кратко изложены [1]. В 1954 г. раскопки Орла-городка были закончены. В настоящей статье мы кратко подводим итоги раскопок этого интересного памятника за два последних года.

Изучение Орла-городка, являвшегося одним из опорных пунктов русских в освоении и заселении Урала, представляет значительный интерес. Раскопки Орла-городка проливают свет на развитие хозяйства и ремесла русского населения Прикамья в XVI—XVII вв., т. е. на те вопросы, которые сравнительно слабо освещены в письменных источниках того времени.

Археологические исследования первых русских городов Урала почти не производились, за исключением раскопок О. Н. Бадера, Н. П. Кипарисовой и А. И. Россадович на Ермаковом городище около Нижнего Тагила.

В результате трех лет раскопок на Орле-городке, дата которого (1564—1706) хорошо установлена на основании письменных источников, весь комплекс материальной культуры XVI—XVII вв. можно стратиграфически разделить на три особых комплекса, соответствующих определенным этапам истории этого поселения.

На памятнике хорошо прослежены три горизонта культурного слоя. Нижний горизонт представляет собой темный суглинок с большим содержанием перегноя и древесных остатков. Он датируется по монетам — «сабляницам» Ивана Грозного и мелким серебряным деньгам Михаила Романова — второй половиной XVI и началом XVII в. По письменным источникам его можно датировать более точно: 1564 (дата основания Орла-городка по жалованной грамоте Ивана Грозного) — 1629 г. (дата раздельного акта имений Строгановых, где упоминается о начале затопления городка при промыве р. Камой нового русла) [2]. Поздняя дата этого слоя подтверждается стратиграфически: слой перекрыт тонкими прослойками песка, намытыми Камой. В этом слое наиболее характерными находками являются красноглиняные рельефные изразцы, зеленая поливная черепица, железные и костяные наконечники стрел, отдельные фрагменты черной лощеной керамики, которая появляется в 30—40-х годах XVI в.[3]. Мощность этого слоя — 40—50 *см*. Нижний горизонт от верхнего отделяется песчаными прослойками. В последние два года раскопок верхний горизонт удалось расчленить на две части. Это разделение было четко прослежено

---

[1] В. А. Оборин. Раскопки Орла-городка на реке Каме. КСИИМК, вып. 55, 1954.

[2] Там же, стр. 131.

[3] Н. Д. Мец. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ. КСИИМК, вып. XXIV, 1949.

в поперечной траншее, заложенной в 1954 г.; она перерезала «стрелку» Орла-городка с запада на восток.

Основная, нижняя часть верхнего горизонта представляет собой сероватый суглинок с прослойками дресвы и угля. Мощность слоя на участках, расположенных вдоль берега Камы, доходит до 60—80 *см*. Этот слой датируется по серебряным мелким монетам Михаила, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича второй половиной XVII в. Наиболее характерными находками здесь являются полихромные рельефные изразцы. Верхняя часть верхнего горизонта была хорошо прослежена и выделена в качестве особого слоя в траншее 1954 г., на участках, более удаленных от современного берега Камы. Вся юго-восточная часть «стрелки» содержала только этот слой. Нижняя часть верхнего горизонта выклинивалась на расстоянии 45—50 *м* от берега Камы, а верхняя часть, частично перекрывая нижнюю, продолжалась на восток в качестве особого слоя. Судя по стратиграфии, этот горизонт более поздний, но не позднее времени перенесения церкви Орла-городка на правый берег современного русла Камы (1706 г.). В пользу этого говорит отсутствие в нем гладких белых изразцов с синей росписью, которые появляются в 20-х годах XVIII в.[1] и часто встречаются в архитектурных памятниках Прикамья этого времени. Слой этот по цвету не отличается от нижней части верхнего горизонта. Он очень беден находками. Мощность его не более 10—20 *см* на основной площади «стрелки». Иногда он почти сливается с дерном. Только в юго-восточной части городка, на протяжении 10—15 *м* он достигает мощности до 70—80 *см*, что связано с нахождением здесь остатков сооружений для металлообработки. Мы датируем этот горизонт самым концом XVII и началом XVIII в.

За три года раскопок на Орле-городке вскрыто 4482 $м^2$, т. е. более 10% всей площади «стрелки», на которой располагаются его остатки. Остальная площадь была хорошо проверена шурфовкой и траншеями. По примерным подсчетам, в XVII в. Орел-городок занимал лишь $^1/_5$ часть площади мыса. На остальной части мыса жилых и хозяйственных построек не обнаружено. В начале XVIII в. более высокая часть восточного склона мыса использовалась для устройства сооружений для обработки металла и углежогных ям, обнаруженных в 1954 г. на поперечной траншее и на раскопе VII. В связи с этим можно предполагать, что переселение жителей Орла-городка на правый берег нового русла Камы началось еще в XVII в. Часть населения, очевидно, уходила также в соседние населенные пункты, главным образом в Усолье, о чем есть прямые свидетельства в писцовых книгах XVII в.

Мы считаем, что за три года раскопок на Орле-городке были вскрыты наиболее интересные части этого памятника. Были изучены 19 построек, из них — 17 деревянных и две каменные.

На раскопе I были обнаружены остатки трех построек, связанных с ремесленной деятельностью их обитателей. Все они располагались в нижней части верхнего горизонта, относящегося ко второй половине XVII в.

От первой постройки сохранились два нижних венца деревянного сруба и остатки пола, настланного из крупных горбылей, плотно пригнанных друг к другу. Сруб размером 5 × 3,5 *м* был ориентирован по странам света. Пол имел два настила, один на другом. В верхнем настиле горбыли лежали плоской стороной вверх, образуя гладкую поверхность пола. У северной стенки сруба под полом находилась яма — кладовая, в которой были найдены обломки глиняной посуды, кости животных, скорлупа орехов, подковки от сапог. В верхней части ямы лежали задымленные кирпичи (очевидно, остатки печи, провалившейся в яму вместе со сгнившими досками пола). Среди кирпичей найдены обломки оплавленного тигля и

[1] М. Г. Рабинович. Московская керамика. МИА, № 12, 1949, стр. 90.

слиток белого тяжелого металла. Изба, вероятно, принадлежала мастеру-литейщику. Об этом говорят также найденные около избы обломки литейной формы для отливки бубенчиков,

От второй постройки в культурном слое сохранились лишь следы в виде темных пятен от бревен сруба и одно полусгнившее бревно. По этим очертаниям можно было определить ее размеры (5 × 5 *м*). Внутри сруба находился двойной настил пола из горбылей. В юго-восточной части деревянного настила не было; очевидно, пол был в этой части земляной. В центре избы, на полу, был вскрыт развал печи или горна, сложенного из

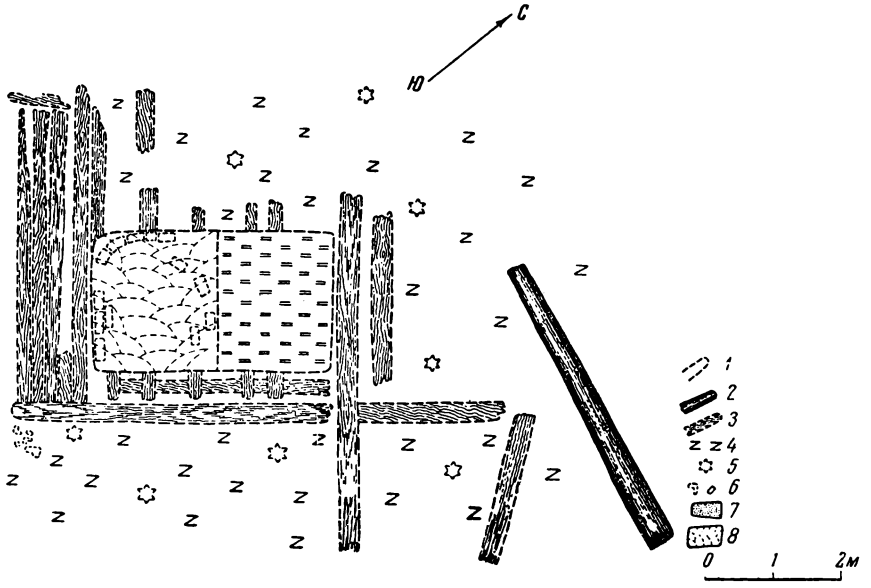

Рис. 1. План кузницы XVII в., открытой в раскопе I

1 — очертания III горизонта; *2* — бревна; *3* — доски; *4* — щепа; *5* — железные крицы; *6* — кирпичи; *7* — песок; *8* — развал печи

большемерного кирпича (30 × 13 × 8 *см*). Перед горном находилась небольшая глинобитная площадка (2 × 2 *м*). Около стенок сруба было найдено много железных шлаков и криц (рис. 1). Очевидно, эта постройка служила кузницей.

Интересная постройка была обнаружена на том же раскопе к востоку от кузницы. От нее сохранились только бревна одного или двух нижних венцов сруба. Она представляла собой большую (около 120 $м^2$) избу, разделенную внутри на шесть отдельных помещений (рис. 2). В трех северных помещениях находились развалы печей или горнов, сложенных из кирпича. Печи стояли на глинобитных площадках прямоугольной формы. В двух помещениях можно было проследить, что эти глинобитные площадки располагались на деревянном полу избы. К крайней северо-западной комнате с севера примыкало еще одно небольшое по размерам помещение, которое не имело дощатого пола. Земляной пол был покрыт сверху мелкой щепой.

Две южные комнаты были почти одинакового размера. Пол их был настлан из горбылей. Горбыли, лежавшие в одном помещении, заходили своими концами и во второе помещение. Между помещениями сохранились остатки дощатой перегородки. В комнатах найдены остатки кожаной обуви, кости животных, обломки глиняной и стеклянной посуды, куски слюды и другие вещи.

К северу от этой постройки находились две неглубокие прямоугольные ямы, выложенные деревом и заполненные песком и отмученной глиной.

К юго-восточной стенке сруба примыкало несколько столбовых ям (может быть, остатки кольев для навеса).

Определить назначение данной постройки трудно. Вещевой материал говорит о производственном назначении. Внутри избы и на соседних участках найдено несколько бракованных изразцов и глиняной посуды. Рядом с постройкой в том же слое найдены днища сосудов с клеймами гончаров. Мы предполагаем, что эта изба служила мастерской по изготовлению изразцов и глиняной посуды.

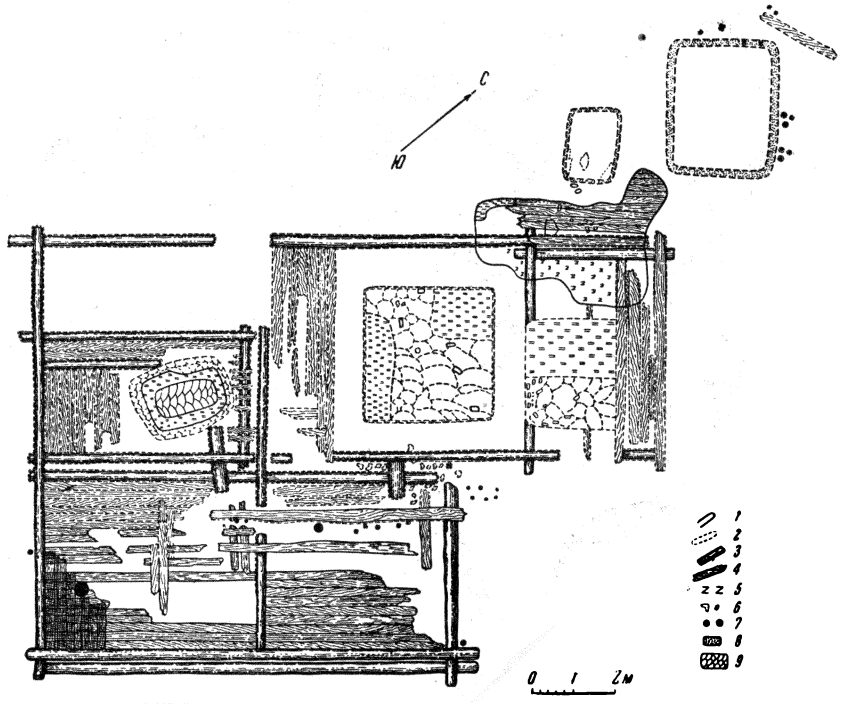

Рис. 2. План гончарной мастерской XVII в. Раскоп I

1 — очертания II горизонта; *2* — очертания III горизонта; *3* — бревна; *4* — доски; *5* — щепа; *6* — кирпичи; *7* — столбовые ямы; *8* — песок; *9* — развал печи

Горны, расположенные в северных комнатах, вполне могли служить для обжига. Неглубокие ямы, расположенные рядом с избой, вероятней всего, использовались для приготовления глиняного теста — для отмучивания и замешивания глины. В южных комнатах могли жить мастера, о чем говорят и находки бытовых вещей.

Большие размеры постройки и наличие трех горнов позволяют предполагать, что в этой мастерской работало несколько человек. Об этом свидетельствуют и находки клейм на днищах сосудов. Всего таких клейм найдено пять (рис. 3, *1, 2, 4, 5*). Они имеют общие черты, представляя собой изображение круга с вписанным внутрь крестом или квадратом, более или менее усложненными. Два клейма относятся к одному типу (рис. 3, *2, 5*), причем у второго клейма на одну перекладину меньше, чем у первого. Очевидно, это «отпятныш» — усложнение клейма при переходе ремесла от отца к сыну.

Типы клейм, очень близкие орлинским, встречены у мастеров Гончарной слободы XV—XVIII вв. в Москве [1] и на более ранней московской посуде [2].

[1] М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 100, рис. 16.

[2] Его же. Материалы по истории Великого посада Москвы. Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Тр. Музея истории и реконструкции Москвы, вып. V. М., 1954, стр. 81, рис. 21 *а*.

В одной мастерской Гончарной слободы Москвы работало не менее семи мастеров [1]. В Орле-городке их было меньше, но не менее четырех, как об этом можно судить по клеймам.

Других построек, связанных с производством глиняной посуды и изразцов, при раскопках не обнаружено. Не найдено и гончарных горнов вне построек, как это было в Москве. В то же время большая часть глиняной

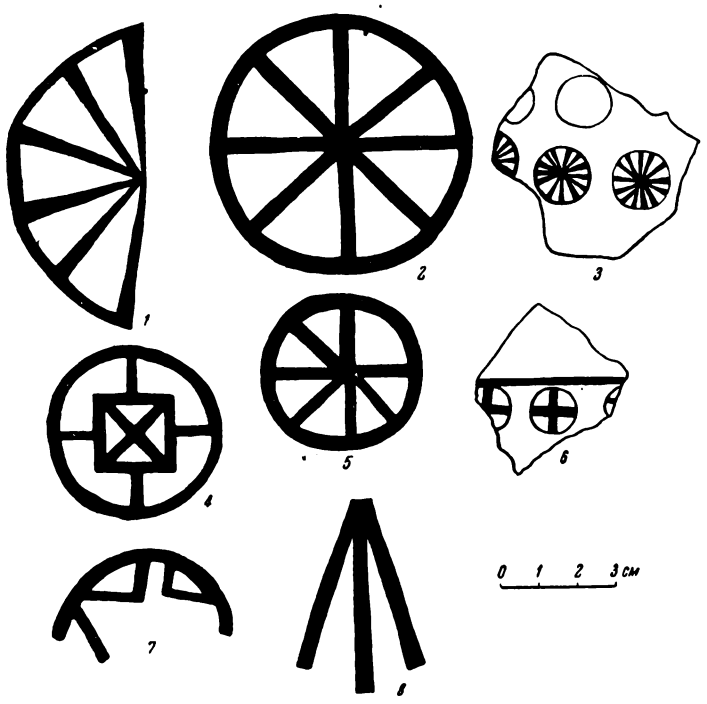

Рис. 3. Гончарные клейма и орнамент на глиняной посуде

посуды имеет все признаки горнового обжига. Об изготовлении посуды и изразцов на месте говорят также находки браковаиной продукции и куски поливы.

Все сказанное позволяет считать вышеописанную постройку гончарной мастерской.

В 1953 г. на раскопе II в слое второй половины XVII в. были обнаружены остатки большой избы, состоящей из двух срубов, соединенных между собой. В меньшем срубе (3,8 × 3 *м*) найдены остатки печи. Большой сруб печи не имел. Изба, очевидно, состояла из двух половин — летней и зимней.

На том же раскопе и в том же слое исследованы остатки еще одной избы (5,5 × 4,5 *м*). Пол избы имел двойной настил из широких, хорошо отесанных плах (ширина 30 *см*, толщина 10 *см*). Под углами сруба были положены большие камни. В северной части избы находились сени, отделенные от жилого помещения бревенчатой перегородкой. Перед сенями сохранились остатки досок крыльца и ямы от столбов, на которые опирался его настил.

В центре избы было большое подполье глубиной 85 *см*, размером 2 × 2,5 *м*. Дно и стенки его были облицованы досками, а пол выстлан берестой. На дне стояло несколько сосудов, оплетенных лыком и берестой. Там же найдено много рыбьих костей, чешуи и глиняных грузил от сетей. Очевидно, хозяин избы занимался рыбной ловлей.

---

[1] М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 101.

В заполнении верхней части подполья вышеописанной избы найдены задымленные кирпичи и куски обожженной глины (очевидно, остатки провалившейся печи).

При раскопках Орла-городка было найдено много костей рыб и глиняных грузил от сетей. По определению А. И. Букирева и Э. А. Усольцева [1], кости принадлежат стерляди, щуке, лещу, язю, плотве и сому. Больше всего костей щуки (62%). Находки грузил и состав промысловой ихтиофауны говорят о том, что сетевой способ лова был основным.

Рядом с описанной выше избой была раскопана яма — кладовка, находившаяся, очевидно, во дворе усадьбы. Размеры ее 2,5 × 2,7 *м*, глубина 70 *см*. В яму был опущен бревенчатый сруб высотой 55 *см* (пять венцов). Дно ее выстлано короткими горбылями. На дне ямы лежали раздавленные глиняные сосуды и кости разрубленной туши лошади.

В раскопе III также было обнаружено несколько построек. В нижнем слое XVI в. исследованы остатки большой избы-пятистенки. Сруб ее был рублен «в лапу». Размеры его 8,5 × 8 *м*. В западной части сруба находился развал печи и глинобитная площадка, на которой стояла печь. Западная часть отделялась от восточной бревенчатой перегородкой, в центре которой был сделан выруб для дверей. К избе примыкала усадьба, огороженная изгородью. Остатки изгороди сохранились в виде канавки с ямами от столбов и горбылей, вертикально вбитых или вкопанных в эту канавку. Диаметр большей части столбовых ям — 12—15 *см*. Две столбовые ямы, располагавшиеся на углах изгороди, имели большой диаметр — 30—40 *см*. Глубина их доходила до 1,5 *м*. В эти ямы вкапывались большие бревна, служившие опорой для остальных столбов забора, которые скреплялись между собой длинными досками.

В нижней части верхнего слоя конца XVII в. были раскопаны остатки еще одной избы (размером 4 × 5 *м*). В центре ее находился развал печи. К южной стене примыкали остатки крыльца. К юго-западному углу избы подходила изгородь, ограничивающая усадьбу. Изгородь состояла из вбитых под углом 60—70° жердей с наклоном к западу. Такая наклонная изгородь и сейчас встречается в русских деревнях, но ею чаще огораживают поля, а не жилые усадьбы. У основания жерди изгороди были скреплены прибитыми к ним горизонтально жердями и тонкими досками. В одном месте можно было заметить следы ремонта — параллельный второй ряд из таких же наклонно вбитых жердей.

Все вышеописанные постройки располагались на северо-западном краю мыса и в его южной части. Они принадлежали посадскому, ремесленному населению. Посад имел правильную планировку. Все постройки и усадьбы четко ориентированы по странам света. Ряды построек, вскрытых в раскопках, располагаются в направлении с запада на восток. Это же направление, очевидно, имели и улицы. Такая планировка сложилась еще в XVI в., когда улицы городка шли перпендикулярно к старому руслу р. Камы. Проследить их ширину не удалось, так как на изученной раскопками части городка очень мало одновременных построек.

Большинство одновременных построек относится ко второй половине XVII в., и располагаются они на различном расстоянии друг от друга. После затопления большей части Орла-городка четкая планировка была нарушена и начала терять основное свое назначение — обеспечение прямого выхода к Каме, которая в это время сменила свое русло. Постройки второй половины XVII в. плотно жмутся друг к другу, а иногда располагаются друг от друга на значительном расстоянии. По традиции постройки продолжали ориентировать по странам света.

Раскопы IV, V и VI были заложены в северной части мыса. На них были обнаружены остатки двух каменных зданий, одного крупного деревян-

[1] А. И. Букирев и Э. А. Усольцев. К истории ихтиофауны бассейна р. Камы (печатается).

ного здания и остатки крепостных укреплений. Здесь было найдено особенно много изразцов, бывших в употреблении; причем среди них преобладали полихромные изразцы второй половины XVII в.

Судя по описаниям писцовых книг XVII в., здесь должны были располагаться церкви и постройки вотчинников Строгановых. Раскопки подтвердили это предположение.

Исследование остатков каменных зданий представляло большие трудности, так как их основания залегали неглубоко и были легко доступны для разрушения. При постройке каменной церкви, перенесенной в 1706 г. на правый берег современного русла Камы, был использован пригодный для этого материал с левого берега. Сравнение каменной кладки фундамента правобережной Орлинской церкви XVIII в. показывает, что она полностью аналогична каменной кладке здания, обнаруженного в IV раскопе. Кроме этого, и позже жители поселка Орла использовали кладки древних фундаментов для выкладки фундаментов своих домов. В результате этого сохранившиеся остатки фундаментов домов, вскрывавшихся при раскопках, было трудно расшифровывать.

На раскопе IV в 1952—1953 гг. были вскрыты остатки фундамента большого здания, ориентированного по странам света. В основании фундамента лежал слой мелкого и крупного бутового камня (50 × 60 *см*), скрепленного известковым раствором. Выше лежали развалы битого красного кирпича — остатки стен здания. В плане фундамент имел очертания правильного прямоугольника (размером 12 × 14 *м*) с выступом в западной части (6 × 6 *м*). Кладка фундамента полностью аналогична кладке церкви XVIII в. в поселке Орел. На IV раскопе мы, очевидно, вскрыли остатки церкви Похвалы Богородицы, которая в 1706 г. была перенесена на правый берег Камы. Помимо планировки здания, это подтверждают и находки медного паникадила, обломков икон и медного оклада от них, крестов-складней и обломков глиняных поливных голосников. Выступ в западной части здания является, очевидно, остатками притвора. Писцовая книга М. Кайсарова 1623—1624 гг. сообщает, что у церкви Похвалы Богородицы Орла-городка был притвор [1]. Есть такой же притвор и у церкви XVIII в. на правом берегу Камы. Близкое расположение церкви к берегу Камы и остатки свай для укрепления фундамента от размыва рекой также говорят за то, что в IV раскопе нами обнаружена именно эта церковь — Похвалы Богородицы. Остатки алтарной части не сохранились, так как весь строительный материал ее был использован при постройке алтаря церкви XVIII в. на правом берегу.

Церковь Похвалы Богородицы была построена в XVII в. на левом берегу. Ниже остатков ее фундамента сохранились остатки деревянного строения конца XVI — начала XVII в. и масса железных крич, шлаков и железные заготовки вещей, указывающие на то, что до постройки церкви на этом месте находилась кузница, возможно, позднее перенесенная в посад.

На раскопе V, заложенном на мысу в 1952—1954 гг., были исследованы остатки еще одного крупного каменного здания. Его фундамент был сложен из крупных ограненных камней толщиной до 50—60 *см*. Выше залегал слой мелкого бутового камня, скрепленного известью (толщина 25—30 *м*), а над ним — слой кирпичной кладки из маломерного красного кирпича (21 × 10 × 5 *см*). Из кирпича были выложены пол и стены здания, а также верхняя часть его ограды.

Фундамент здания имел форму правильного прямоугольника размером 10 × 16 *м*.

В восточной части находился выступ — полукруглая абсида (4,5 × 3 *м*). Здесь были найдены полихромные изразцы и серебряная монета Алексея Михайловича, позволяющая датировать здание второй поло-

[1] А. Дмитриев. Пермская старина, вып. IV. Пермь, 1892, стр. 166.

виной XVII в. Здесь же были найдены медные кресты, ключ и замок от ограды и обломки колосников.

Устройство фундамента церквей Орла-городка подобно устройству фундамента церкви Никиты, исследованной в Москве раскопками М. Г. Рабиновича [1] (каменные блоки лежат в основе цоколя, выше цоколя — белый бутовый камень, скрепленный известью).

В раскопе VI (заложенном в 1953 г. восточнее раскопа V) в 1954 г. на стыке с раскопом V была обнаружена часть остатков ограды этого здания, сложенной из того же красного кирпича, что и стены здания на фун-

Рис. 4. Остатки деревянных свай от фундамента крепостных стен и башни

даменте из некрупного серого бутового камня. Ширина кирпичной кладки около 60—70 *см*. Судя по планировке и находкам вещей, описанное здание тоже было церковью. Вероятнее всего, это остатки церкви Воздвижения Честного креста, которая находилась в Орле-городке недалеко от дома вотчинников [2].

В этом раскопе были обнаружены остатки основания крепостных стен в виде толстых свай, вбитых в песчаный грунт мыса до глины. Для устройства стен был вырыт котлован шириной 2—3 *м* и глубиной до 2,5 *м*. В дно его вбивались толстые (диаметром до 25 *см*), длинные (до 3 *м*) сваи. Они располагались параллельными рядами по шесть — восемь свай, на расстоянии 15—20 *см* ряд от ряда. Сверху они были покрыты слоем крупных камней, пересыпанных мелким щебнем. Сплошной ряд таких свай пересекал весь мыс Орла-городка с юго-запада на северо-восток. В 1954 г. был расчищен участок свай длиной в 20 *м* и обнаружено основание башни в виде квадратного выступа стены размером 2 × 2 *м* (рис. 4). Такое укрепление основания стен предохраняло их от размыва рекой. Грамота Ивана IV (1564) предписывала при устройстве укреплений городка построить «стены сажень на тридцать, а с приступную сторону, на низи и к варницам ближе в глины место каменем закласти» [3]. При строительстве стены, возможно, использовали и труд колодников, так как на одном участке прямо на сваях были найдены железные кандалы.

---

[1] М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве на устье Яузы. МИА, № 12, 1949, стр. 20, рис. 10.

[2] А. Дмитриев. Ук. соч., стр. 163.

[3] В. Шишонко. Пермская летопись, т. I, Пермь, 1881, стр. 54.

Основание стены Орла-городка в виде рядов свай совершенно аналогично основанию стен Китай-города в Москве, обнаруженному при реставрационных работах 1925—1946 гг.[1].

Рядом с остатками крепостной стены в слое XVI — начала XVII в. были раскопаны остатки большой деревянной постройки размером 11 × 6 *м*, сложенной из толстых бревен. Внутри и около нее найдено много красноглиняных изразцов, зеленой поливной черепицы, кусков меди, вещей с усольской эмалью, обломков чернолощеной московской посуды, т. е. таких предметов, которые отличались от более простых и скромных вещей, найденных в избах посада.

Рядом с этой постройкой находилась еще одна бревенчатая изба размером 8 × 13 *м*, внутри которой также было много изразцов, слюды и других вещей. На траншее, заложенной в 1954 г., в восточном углу раскопа (1 × 20 *м*) были обнаружены остатки еще одного большого деревянного строения, сложенного из толстых бревен.

Трудно определить, какая из этих построек была Строгановскими хоромами. Однако, без всякого сомнения, эти постройки принадлежат к усадьбе вотчинников и отличаются от посадских изб своей большой величиной и более богатым набором вещей. Писцовые книги прямо говорят о том, что дом вотчинников находился рядом с крепостной стеной: «Да в стене ж острогу 60 сажен да въ стене жъ от рьки от Камы двор вотчинников»[2].

В 1954 г. была заложена поперечная траншея, пересекшая мыс Орла-городка с запада на восток. В центральной части траншеи на наиболее возвышенном месте, где были найдены многочисленные крицы, уголь и железный шлак, был заложен раскоп VII.

На небольшой площади раскопа (80 $м^2$) нам удалось в верхней части верхнего горизонта, относящегося к началу XVIII в., расчистить остатки трех сооружений, где производилась обработка железа. Эти остатки представляли собой пятна прокаленного докрасна песка, окруженного кусками спекшейся глины. Все эти пятна были полукруглой формы. У края первого пятна (размером 3,2 × 2,2 *м*) находились две столбовые ямы.

Около него прокопана неглубокая канавка 10—15 *см* глубиной, шириной от 8 до 30 *см* и длиной до 1,5 *м*. На дне канавки найдены железные шлаки. На соседних участках в том же слое обнаружено большое скопление шлаков, криц и древесного угля.

Второе пятно имело размеры 1,3 × 1,4 *м*, а третье — 2,5 × 3,2 *м*. По своему составу оно аналогично первому пятну. Около третьего пятна также находилась канавка, заполненная белесоватым спекшимся песком.

Эти пятна с кусками спекшейся глины по краям, очевидно, представляют собой остатки домниц начала XVIII в. Население Орла-городка в это время в основном уже переселилось на правый берег нового русла Камы, а на старом месте продолжало заниматься железоделательным промыслом. В 30—35 *м* к юго-востоку от этого места была обнаружена большая яма, заполненная хорошо сохранившимся древесным углем. По своему устройству она очень похожа на углежогные ямы, которые применялись жителями Орла в окрестностях своего поселка еще в XIX в. Яма эта находилась в том же слое, что и вышеописанные домницы, и, безусловно, была связана с ними.

В результате трехлетних раскопок на Орле-городке удалось довольно хорошо изучить историю одного из первых русских поселений в Верхнем Прикамье, изучить хозяйство и быт, характер ремесленного производства его населения. При раскопках был собран большой вещевой материал, насчитывающий несколько тысяч предметов.

[1] Н. Д. Виноградов. Застройка и планировка от площади Революции до Старой площади по трассе II очереди метро. МИА, № 7, 1947, стр. 25, 28, рис. 5.

[2] А. Дмитриев. Ук. соч., стр. 163.

В 1952 г. мы высказали предположение о том, что население Орла-городка было смешанным, что, кроме русских, в нем жили и коми-пермяки [1].

В раскопах 1953—1954 гг. найдено еще несколько железных наконечников стрел и костяные наконечники, по своему типу очень близкие к стрелам родановской культуры. Все они найдены в слое XVI в. вместе с русской посудой и красноглиняными изразцами. Таким образом, мы не можем говорить о существовании дорусского поселения на этом месте. Коми-пермяцкое название городка — Кергедан, очевидно, связано с тем, что коми-пермяки в XVI в. жили на нем вместе с русскими. В 1953 г.

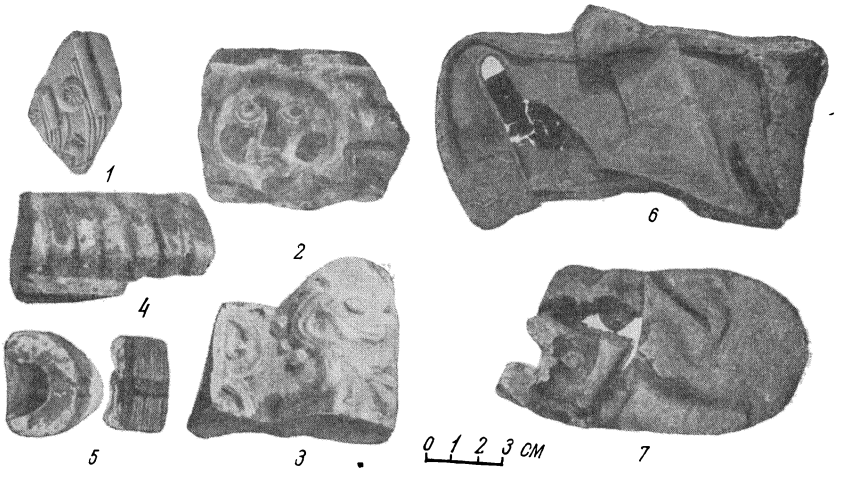

Рис. 5. Предметы из раскопок Орла-городка

1—2 — полихромные рельефные изразцы; *3* — красноглиняный рельефный изразец; *4* — полихромный угловой изразец; *5* — кожаный каблук с железной подковкой; *6, 7* — остатки кожаной обуви

была сделана еще одна интересная находка. На днище горшка, сделанного на гончарном круге, было обнаружено клеймо в виде птичьей лапы. Такой тип клейма не характерен для русских мастеров и, наоборот, часто встречается среди тамг в родановской культуре (рис. 3, *8*). Очевидно, этот сосуд был изготовлен мастером коми-пермяком, который пометил его своим знаком-тамгой.

Кроме того, в раскопках 1953 г. были найдены два обломка стенок грубых сосудов, сделанных на гончарном круге, с орнаментом в виде штампованного креста, вписанного в овал, и в виде розетки (рис. 3, *3, 6*). Такой тип орнамента очень часто встречается на керамике родановской культуры в XIII—XV вв. Эта находка подтверждает высказанное ранее предположение о том, что жившие в Орле-городке коми-пермяки выделывали глиняную посуду.

Сосуды с родановским орнаментом и горшок с тамгой были сделаны на гончарном круге. В родановской культуре вплоть до XV в. все сосуды делались вручную. Очевидно, приготовление посуды на гончарном круге появилось у коми-пермяков под благотворным влиянием русского гончарного ремесла.

Возможно, что в Орле-городке работали московские мастера, которые делали чернолощеную посуду, изразцы и участвовали в строительных работах. Об этом говорит близость конструкции каменных фундаментов зданий и основания крепостных стен Орла-городка с сооружениями, обнаруженными при раскопках в Москве, где они относятся к XVI—XVIII вв., т. е. к тому же времени, что и постройки на Орле-городке. Отмечается и

[1] В. А. Оборин. Раскопки Орла-городка..., стр. 138.

большая близость клейм гончаров Орла-городка с клеймами московских гончаров. Орнамент на черной лощеной посуде из Орла-городка совершенно аналогичен орнаменту московской посуды. В Орле-городке (правда, очень редко) попадается черная лощеная посуда характерных московских форм —кувшины, кумганы, кубышки, рукомойники с носиком в виде головы барана и др.[1]

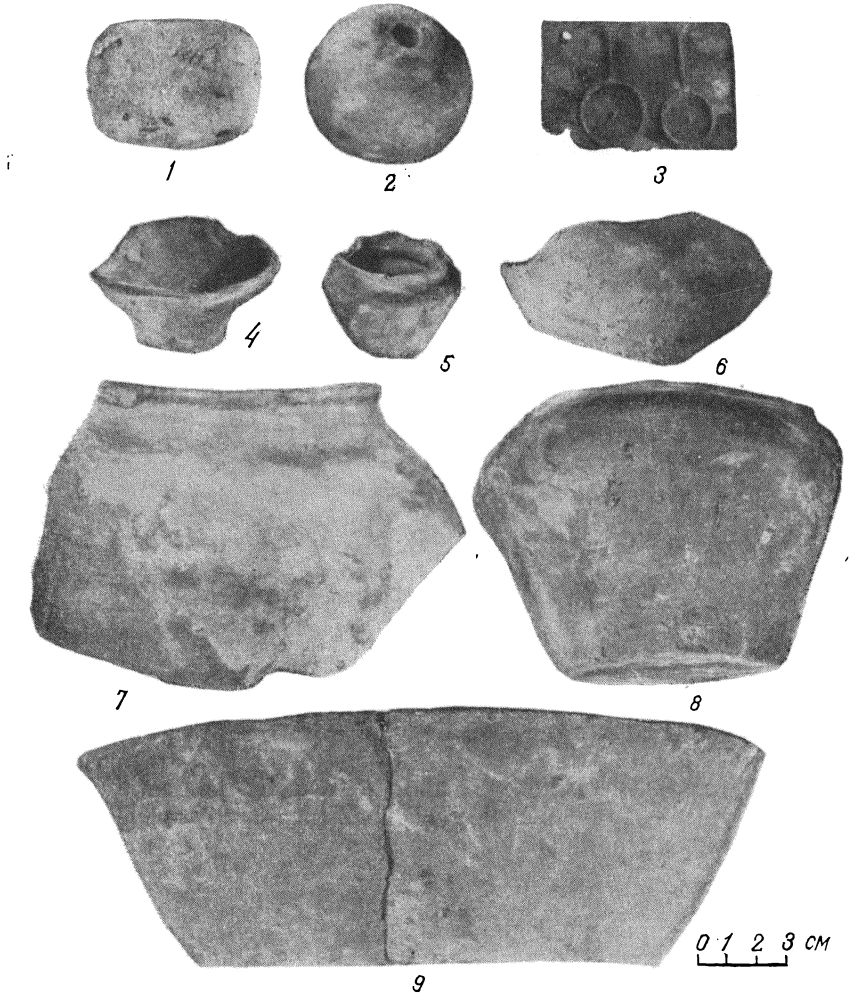

Рис. 6. Предметы из раскопок Орла-городка

1—2 — грузила; *3* — литейная форма; *4—5* — игрушечные сосуды; *6* — чашка; *7* — обломок корчаги; *8* — горшок; *9* — миска (*1—2, 4—9,* — глина, *3* — сланец).

В 1953 г. на Орле-городке найдена глиняная свистулька в виде птички, подобной птичкам, сделанным московскими гончарами[2]. В слое XVI в. найден медный крест-энколпион, совершенно такого же типа, как найденный в Москве[3].

Кожаная обувь из раскопок Орла-городка (рис. 5, *5—7*), глиняные грузила (рис. 6, *1, 2*), основные типы бытовой глиняной посуды (рис. 6, *6, 7; 9*) и игрушечные копии с нее (рис. 6, *4, 5*), а также ряд других вещей

[1] М. Г. Рабинович. Московская керамика, стр. 74—77.
[2] М. В. Фехнер. Глиняные игрушки московских гончаров. МИА, № 12, 1949, стр. 54, рис. 2.
[3] М. Г. Рабинович. Раскопки 1946—1947 гг. в Москве..., стр. 37, рис. 20.

имеют близкие черты сходства с такими же предметами, найденными при раскопках в Москве. Эти вещи, конечно, нельзя считать привозными из Москвы; подавляющее большинство их делалось на месте. Они лишь свидетельствуют о том, что под влиянием столицы русского государства — Москвы происходит быстрая унификация материальной культуры и на окраинах государства.

Как изображения на орлинских изразцах (рис. 5, *1—4*), так и их форма почти полностью совпадают с московскими изразцами. То же самое наблюдается и в размерах кирпичей, из которых сложены стены каменных построек городка. Однако есть и некоторое своеобразие в отдельных типах изразцов и в изображениях на них. Так, в Орле-городке совершенно отсутствуют зеленые поливные рельефные изразцы, довольно часто встречающиеся при раскопках в Москве и окружающих ее городах, а среди изображений явно преобладает изображение птицы со сложенными крыльями и хищным открытым клювом. В углах изразцов Орла-городка часто встречается рельефный знак сердцевидной формы в отличие от знака в виде шести- или восьмизубчатой звездочки, который имеется на московских изразцах. В Москве довольно часты изображения хищников из рода кошачьих. В Орле нет ни одного такого зверя. Все московские изразцы обожжены в горне. Среди орловских изразцов есть и такие, которые были обожжены при более низкой температуре — может быть, просто в печи. Найдено несколько бракованных необожженных изразцов, кусочки поливы, обломки бракованной черепицы. На некоторых обломках черепицы полива поблекла, вспучилась или потеряла свой цвет. Это явление также происходит при низкой температуре обжига изделий [1].

Все эти материалы подтверждают существование местного производства изразцов, испытавших сильное влияние московского производства. Об этом говорит и еще один факт. Изображение крепости на полихромном изразце XVII в. из Орла-городка до мельчайших подробностей аналогично московским на красноглиняных рельефных изразцах XVI в. Возможно, что этот изразец был оттиснут в форме, привезенной мастерами из Москвы.

Однако бóльшая часть изображений на орлинских изразцах все же в мелких деталях имеет и черты отличия от московских. Многие изображения воспроизводятся не полностью. Это скорее говорит о том, что московские мастера, жившие в Орле, по памяти воспроизводили сюжеты московских изразцов и иногда вносили в них новые детали.

Полихромные изразцы, найденные в Орле-городке, имеют очень близкие черты сходства, а иногда и прямые аналогии с изразцами, украшающими стены Летнего собора и нескольких других церквей конца XVII — начала XVIII в. в г. Соликамске. Особенно близки изображения птицы, часто встречающиеся и на соликамских и на орлинских изразцах. Эти наблюдения приводят нас к выводу о том, что в связи с упадком ремесла на Орле-городке (после затопления его большей части) и с переселением жителей на правый берег Камы в конце XVII в. производство изразцов перемещается в Соликамск, где и продолжает бытовать вплоть до XIX в.

В раскопках 1953—1954 гг. в Орле-городке найдены железные орудия земледелия и огородничества: оковки лопат, мотыга, серпы, косы-горбуши. Найдены зерна мака [2] — культуры, принесенной сюда русскими. Однако эти находки немногочисленны. Население городка в основном состояло из слабо связанных с сельским хозяйством ремесленников, которые больше занимались огородничеством, чем хлебопашеством. Об этом же свидетельствуют находки железных сечек для рубки капусты — также новой культуры, появившейся в Прикамье вместе с приходом русских.

---

[1] С. В. Филиппова. Новые глазури для керамических облицованных изделий. Стекло и керамика, 1953, № 9.

[2] Определение доцента А. Н. Пономарева (Пермский университет).

Гораздо большее значение в хозяйстве жителей имело разведение домашнего скота. Костей домашних животных найдено очень много. Были найдены кости домашней птицы (курицы) и скорлупа от куриных яиц. В 1952 г. были обнаружены остатки хлева и большие скопления навоза. Охота и рыбная ловля служили дополнительным подспорьем в хозяйстве.

В раскопках 1953—1954 гг. найдено много вещей, связанных с развитием ремесла на городке. О развитии кожевенного дела, помимо многочисленных находок кожаной обуви, говорят находки костяных разбильников, железных и костяных иголок и шильев, железных ножниц, кусков воска. Найдено много вещей, свидетельствующих о большом развитии деревообделочного (плотничьи топоры, скобель, молоток-гвоздодер, сверла, тесла, обломки долот и стамесок), костерезного (заготовки из кости и рога, костяные рукоятки ножей и шильев, бусы, гребни) и медеплавильного (шлаки, обломки тиглей, литейная формочка; рис. 6, *3*) ремесел.

Найдено также много интересных бытовых вещей: игольники и рукояти ножей с цветной эмалью, медные крестики, железные ключи и цилиндрические железные замки, бусы, куски слюды правильной формы, вставлявшиеся в переплеты оконных рам, обломки стеклянной привозной посуды, медные бляшки, коньки из костей лошади, аналогичные найденным в древнем Новгороде [1], и многое другое.

Оружия, как и в 1952 г., найдено мало, и встречается оно только в слоях XVI в. Это железное копье, кремни-кресала от ружей, свинцовые пули от пищалей и железные бердыши.

На основании материалов, добытых трехлетними раскопками на Орлегородке, и данных из писцовых книг можно прийти к выводу, что городок возник в 1564 г. Он был сооружен как опорный пункт русского населения в Прикамье для освоения земель Прикамья и Западной Сибири. В XVI и начале XVII в. он представлял собой укрепленное поселение с деревянными стенами и башнями. В нем находились хоромы Строгоновых, церкви и постройки ремесленников. В начале XVII в., когда освоение русскими Прикамья и Западной Сибири было в основном закончено и отпала опасность военных набегов, Орел-городок превратился в крупный ремесленный центр Прикамья. В начале XVII в. Кама прорывает новое русло и затопляет большую часть городка, разрушает часть его оборонительных сооружений, которые больше не восстанавливаются. Часть ремесленного производства в связи с этим приходит в упадок (солеварение, например), но большинство развивается дальше. По материалам раскопок и по данным письменных источников мы знаем, что на городке работали ремесленники разных специальностей — кузнецы, плавильщики, гончары, костерезы, кожевенники, столяры и плотники. В конце XVII и начале XVIII в. население постепенно переселяется на правый берег нового русла Камы. На левом берегу остаются только углежогные ямы и домницы металлургов.

[1] А. В. Арциховский. Раскопки на Славне в Новгороде. МИА, № 11, 1949, стр. 143, рис. 17, *3*.

МЕЛКИЕ ЗАМЕТКИ

П. П. ХОРОШИХ

ЭНЕОЛИТИЧЕСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ НА БЕРЕГУ оз. БАЙКАЛА

Летом 1956 г. участниками Байкальской историко-археологической экспедиции Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова в небольшой бухточке Саган-нугэ, расположенной в юго-западной части Малого моря на оз. Байкале, было раскопано энеолитическое погребение (рис. 1). Погребение в бухте Саган-нугэ обнаружено в 60 *м* от берега, на южном склоне невысокой скалистой горы, около края оврага, на высоте 12 *м* над уровнем Малого моря

При раскопках под слоем дернового покрова, состоящего из темно-бурой супеси, на глубине 31 *см* от поверхности была обнаружена могильная кладка, ориентированная с северо-запада на юго-восток, параллельно береговой полосе бухты. Кладка состояла из плит гранита, положенных друг на друга в два ряда, и имела длину 1,6 *м* и ширину 90 *см*. Наибольшие плиты были размером 41 × 70 см, наименьшие — 21 × × 35 *см*. Толщина плит 12—15 *см* (рис. 2).

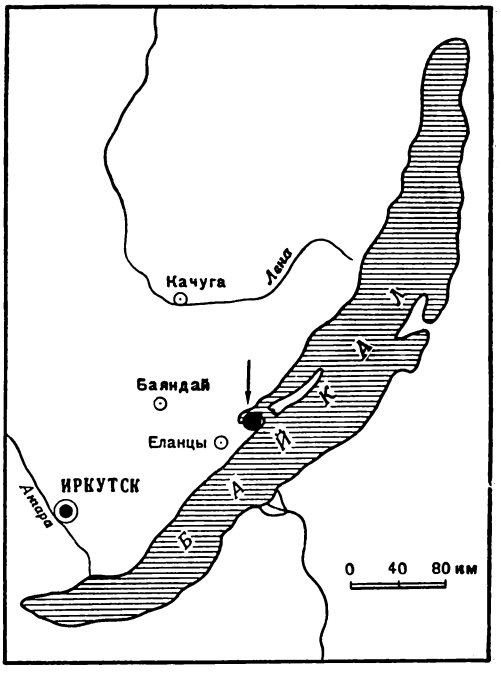

Рис. 1. Местонахождение энеолитического погребения в бухте Саган-нугэ

По краям кладки у головы и ног костяка некоторые плиты стояли наклонно. Такая форма кладки характерна для погребений глазковского времени.

Под кладкой, на глубине 43 *см* от поверхности, находилось могильное пятно, которое заметно выделялось своим темным цветом в плотном слое серой супеси. Пятно имело длину 1,5 *м*, ширину 75—81 *см*, толщину 20—26 *см*.

На глубине 49 *см* от поверхности оказался костяк, который лежал в могиле горизонтально, на спине, с вытянутыми вдоль тела руками и был ориентирован головой на северо-северо-запад, лицом на юго-запад. Одна из ног костяка была немного подогнута в колене.

От скелета сохранились немного раздавленный плитами череп, плечевые кости и несколько ребер. На некоторых костях были заметны следы

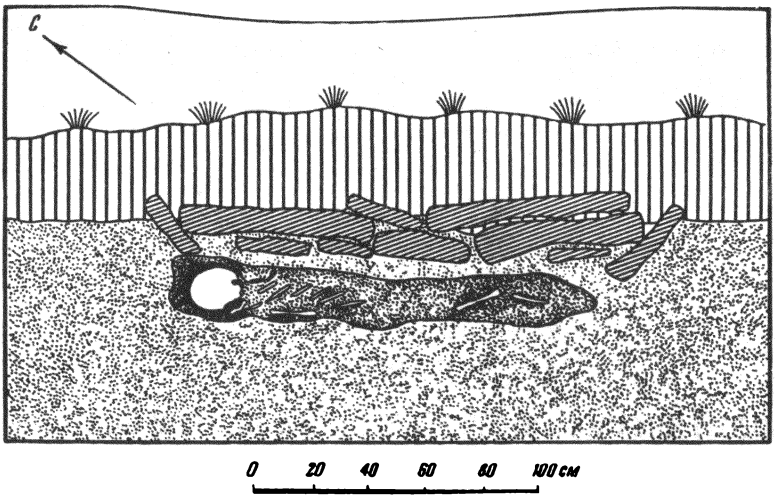

Рис. 2. Разрез энеолитического погребения

красно-бурой охры (кровавика). Более интенсивно был окрашен череп. При костяке были найдены каменные, костяные и медные предметы. Наибольшее количество погребального инвентаря располагалось с правой стороны костяка, около черепа. Здесь находились: костяная ложка со слегка изогнутой рукояткой, тщательно вырезанная из рога лося (рис. 3, *1*) [1]; вкладыш из темно-серого кремня, вставляемый в паз костяного кин-

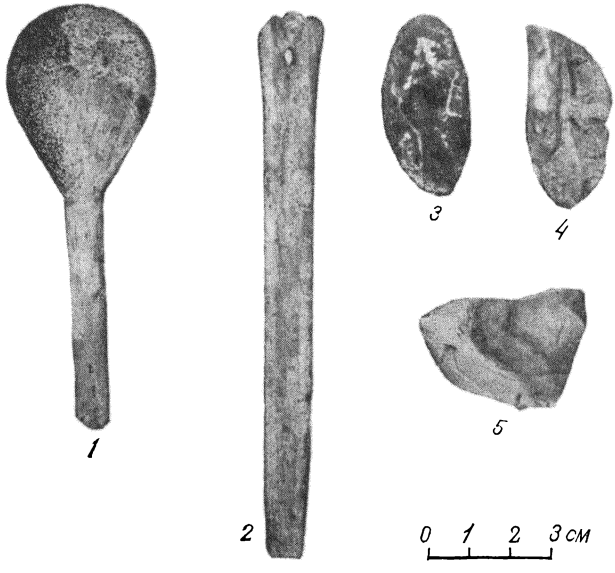

Рис. 3.
1 — костяная ложка; *2* — костяное острие; *3* — вкладыш ; *4* — нож резец; *5* — скребок

жала (рис. 3, *3*); нож-резец из светло-серого кремня (рис. 3, *4*); скребок из серого полосатого кремня (рис. 3, *5*); несколько небольших пластинчатых отщепов из светло-серого кремня и кремнистого сланца. С левой стороны костяка, около ребер, лежала трубочка из тонкой пластины красной меди, служившая, вероятно, игольником [2].

[1] Такие костяные ложки обычно встречаются в Прибайкалье в позднеолитических и энеолитических погребениях. См. А. П. Окладников. Неолит и бронзовый век Прибайкалья, ч. III (Глазковское время). МИА, № 43, 1955, стр. 129—132, рис. 53, *1*, *3*.

[2] Такая же трубочка была найдена А. П. Окладниковым в одном из погребений глазковского времени на левом берегу р. Лены у деревни Усть-Илга.

Рядом с медной трубочкой находилось костяное кинжаловидное острие (рис. 3, *2*). Около черепа, с левой стороны, находился плоский дисковидной формы скребок, изготовленный из плитки серого кварцита. Плохая сохранность костей не позволяет установить пол погребенного, но судя по погребальному инвентарю, костяк принадлежал, по-видимому, взрослой женщине.

Раскопанное захоронение является первым энеолитическим погребением, обнаруженным на побережье оз. Байкала. До сих пор памятники энеолитической культуры были обнаружены на террасах рек Ангары, Лены и Селенги. Ближайшее к Байкалу энеолитическое погребение было раскопано мною в 1950 г. на правом берегу р. Ангары вблизи дер. Большой Разводной, примерно в 50 *км* от Байкала.

Н. В. АНФИМОВ

НАХОДКИ ПРЕДМЕТОВ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ БЛИЗ СТАНИЦЫ УДОБНОЙ

В 1954 г. во время археологических работ в долине р. Уруп (левого притока р. Кубани), в ее среднем течении, нам были переданы школьным учителем Г. И. Борискиным три комплекса бронзовых предметов. Каждый из первых двух комплексов состоял из кинжала, серпа и двулезвийного ножа; из третьего комплекса сохранился только один серп. Все вышеперечисленные предметы были разновременно найдены в трех курганах, расположенных на север и северо-восток от станицы Удобной.

Первый курган находится в степи в 8—10 *км* от станицы к северо-востоку. Высота кургана около 8 *м*, диаметр около 40 *м*. В нижней части кургана в юго-восточной его поле при пахоте на глубине 0,6—0,8 *м* были сдвинуты каменные плиты, под которыми было обнаружено погребение, доследованное преподавателем Г. И. Борискиным вместе с учащимися. В могиле находился скелет, около которого было найдено: три целых горшка темной глины средней величины и несколько глиняных сосудов, раздавленных землей; бронзовый серп; бронзовый кинжал; двулезвийный бронзовый нож; каменный плоский предмет с несколько заостренным одним концом.

Второй курган находится на правой террассе р. Уруп, на север от станицы, на расстоянии 4—4,5 *км* от ее окраины. Высота кургана 6—7 *м*, диаметр — 30 *м*. Рядом с ним находится другой курган, меньшей величины (высота 3—4 *м*). Между этими курганами в седловине при пахоте были задеты каменные плиты. Под ними оказалась могильная яма, в которой были обнаружены три человеческих скелета. Два из них лежали рядом, а третий находился несколько в стороне, за ногами первых двух, и лежал наискось по отношению к ним. При нем был найден в области позвоночника поломанный бронзовый кинжал. При двух скелетах были найдены бронзовый двулезвийный нож, глиняные сосуды, раздавленные землей, камень с чашеобразным углублением и кости животных.

Третий курган находится на север от станицы, на расстоянии 1,5 *км* от ее окраины. Курган высотою около 8 *м*, с крутыми склонами. На средине высоты кургана, в насыпи его, пастухами, копавшими яму, была обнаружена могила, прикрытая сверху каменными плитами, в которой находился человеческий скелет. При костяке был найден бронзовый серп, выпрямитель для древков стрел и бронзовое украшение полукруглой формы с двумя отверстиями.

Из найденных в погребениях предметов сохранились только бронзовые изделия — серпы, кинжалы и двулезвийные ножи. Бронзовый инвентарь из курганов является типичным для конца периода бронзы. Все три серпа принадлежат к позднему типу серпов — так называемых «крюкастых». Серп из кургана № 1 имеет равномерно изогнутую утолщенную спинку, без резкого перегиба; металл вливался почти на середине изогнутой части

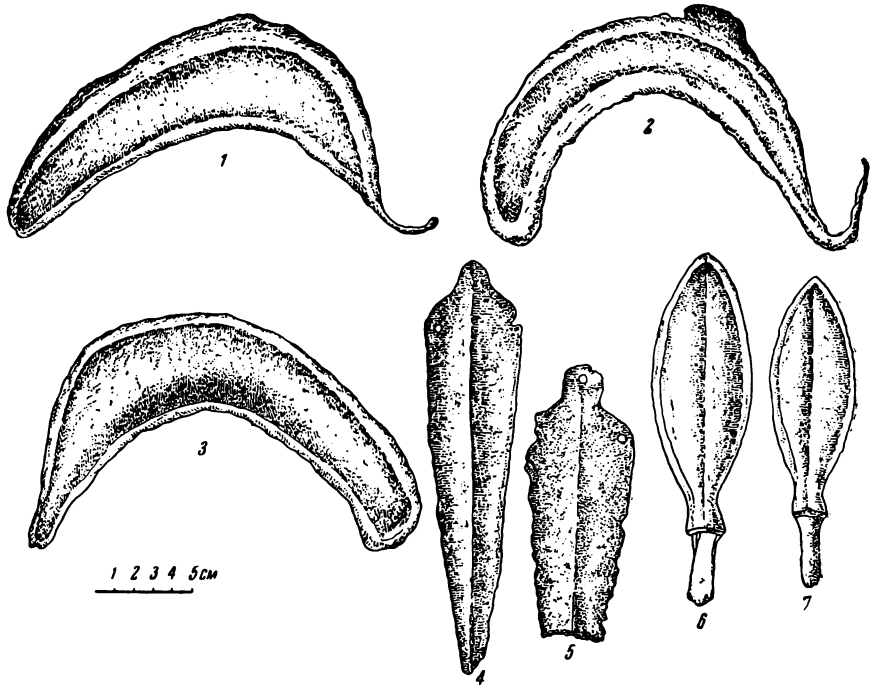

Рис. 1

1, 2, 3, — серпы; *4, 5* — кинжал; *6, 7* — ножи

спинки (рис. 1, *1*). Серп этот наиболее близок серпу из станицы Андрюковской (собрание Краснодарского музея) и относится ко второй группе серпов эпохи бронзы, выделяемой А. А. Иессеном [1]. Серпы из курганов №№ 2 и 3 принадлежат к первой группе серпов. Они имеют перегиб спинки к рукоятке почти под прямым углом. Серп из кургана № 2 более изогнут, крюк у него оттянут и загнут кверху, металл вливался на месте перегиба спинки, толщина его от спинки до режущего края почти одинакова (рис. 1, *2*). Наиболее близкими аналогиями являются серпы из Индыша (Краснодарский музей) и Учкулана (Майкопский музей) [2]. Серп из кургана № 3 несколько менее изогнут, чем предыдущий, и стержень для рукоятки у него совершенно не оттянут и не откован; место вливания металла неясно (рис. 1, *3*). Серпы эти датируются временем поздней бронзы.

Кинжалы имеют вытянутую листовидную форму с продольным ребром и небольшим плоским черенком. Кинжал из кургана № 1 имеет небольшой плоский треугольный черенок и два сквозных отверстия по краям (рис. 1, *4*). Наиболее близким является кинжал с р. Гоначхир (собрание Краснодарского музея) [3].

Кинжал из кургана № 2 (рис. 1, *5*) по форме лезвия, черенка и расположению отверстий аналогичен кинжалу из кургана № 8, исследован-

[1] А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 111, рис. 48, *1*.

[2] Там же, стр. 110, рис. 47, *2, 3*.

[3] Там же, стр. 115, рис. 52, *2*.

ного Н. И. Веселовским в 1897 г. у станицы Андрюковской, но значительно короче последнего. Андрюковский курган А. А. Иессен датирует среднекубанским периодом, отмечая, что дальнейшее развитие этого типа пока еще не прослеживается [1]. Описываемый нами кинжал найден в комплексе с характерными для эпохи поздней бронзы вещами и должен быть датирован этим же временем.

Двулезвийные бронзовые ножи так называемого «киммерийского» типа имеют листовидную форму с продольным ребром и с утолщением в виде порожка у основания. Черенок у них короткий, утолщающийся к концу (рис. 1, *6, 7*). Ножи-кинжалы подобного типа, как отмечает О. А. Кривцова-Гракова, распространены по всему степному Югу от приуральских степей до Нижнего Приднепровья [2].

Для Северо-Западного Кавказа они являются, таким образом, изделиями северных производственных центров. Близкую аналогию удобненским ножам представляет форма ножа-кинжала на матрице из Красномаяцкого клада [3], который датируется IX—VIII вв. до н. э.

Находки из станицы Удобной должны быть датированы, вернее всего, началом I тысячелетия до н. э.

Е. К. МАКСИМОВ

САРМАТСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ИЗ КУРГАНА У с. БОЛЬШАЯ ДМИТРИЕВКА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

На возвышенности правого берега р. Латрык, при слиянии рек Латрык и Карамыш, между с. Большая Дмитриевка и дер. Двоенка (ныне Ширококарамышский р-н Саратовской области), расположена курганная группа, насчитывающая более сотни насыпей.

В этой группе в 1887 г. И. А. Волковым было вскрыто несколько курганов. Из вскрытых курганов наибольший интерес представляет курган № 96. И. А. Волков так описывает раскопки этого кургана: «Окружность при основании 30 сажен, высота — 3 аршина. Почва песчаная. Вскрыт траншеей 4 арш. шириной, с востока на запад. Дойдя до грунта и убедившись, что могила лежит южнее, заложили новую траншею, перпендикулярно к первой, в которой и определилась могила черным пятном, с находящимся в ней костяком, положенным головою на запад; тут же найдены разные принадлежности женского туалета и кухни. Скелет по тазовой кости определен женским» [4].

К сожалению, подобное описание не дает точного представления о погребальным ритуале и расположении могильного инвентаря, хотя он является чрезвычайно интересным комплексом металлических вещей, керамики и украшений. Не имеет этот комплекс и точной датировки.

В задачу настоящей работы входит публикация материала из кургана № 96 и его датировка [5].

1. Среди металлических изделий выделяется бронзовый литой отшлифованный ковш так называемого римского типа (рис. 1), с глубоким туловом, слегка выпуклыми стенками и несколько отогнутым наружу краем.

---

[1] Там же, стр. 114, рис. 51,*3*.

[2] О. А. Кривцова-Гракова. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. МИА, № 46, 1955, стр. 140.

[3] Там же, стр. 134, рис. 30, *2*.

[4] И. А. Волков. Больше-Дмитриевские курганы. Тр. Саратовской ученой архивной комиссии, т. I, вып. III, 1888, стр. 287.

[5] Вещи хранятся в Саратовском музее. Инв. № 608.

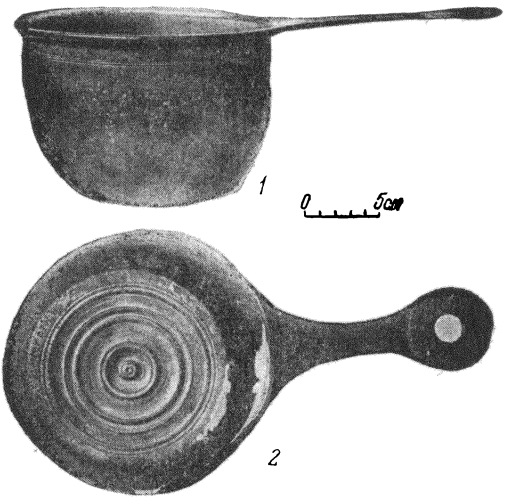

Рис. 1. Бронзовый ковш

В верхней части стенок снаружи проходят три горизонтально прочерченные параллельные линии. Ручка длинная, плоская, с полуовальным бортиком по краю. Конец ручки представляет широкое плоское кольцо с небольшим отверстием. Дно ковша плоское и на наружной стороне содержит рельефные концентрические круги (рис. 1, *2*).

Внешняя сторона ковша позолочена, внутренняя — покрыта полудой. Литье производилось в литейной форме, на дне которой, возможно, были сделаны концентрические круги. Подобная литейная форма могла быть изготовлена на гончарном круге.

Для отливки ковша был избран состав бронзы с содержанием более 6—7% олова, вследствие чего изделие имело повышенную хрупкость. Кольцевидная ручка имеет трещину. Для скрепления изъяна с нижней стороны кольца прикреплена семью штифтиками кольцевидная медная пластина, вырубленная, по-видимому, зубилом.

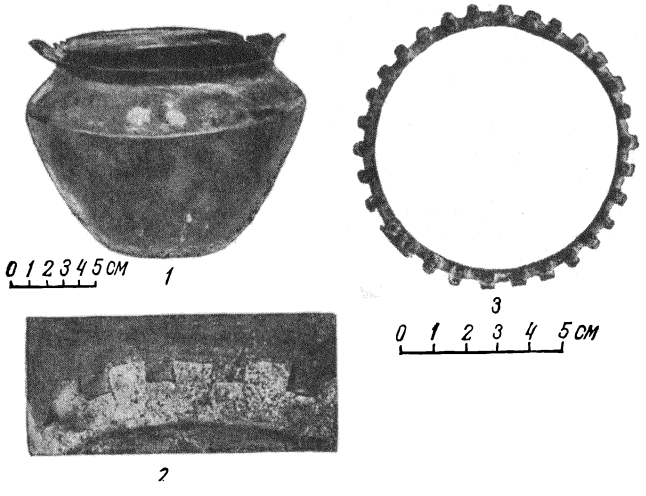

Рис. 2

1 — медный котелок; *2* — шов между дном и корпусом котелка; *3* — бронзовое кольцо

Подобные ковши имеют широкое распространение. Они известны в Помпеях, Дании, на юго-востоке СССР и датируются III в. до н. э. — II в. н. э. Наиболее близкие аналогии нашему ковшу представляет ковш из Ахтиальского клада, датируемого самым концом I в. н. э. или началом II в. н. э.[1], и ковш из некрополя Гниловского городища, относимого к пер-

[1] А. М. Волкович. К южным связям Прикамья в последние века до н. э. и в первые века н. э. Тр. Отдела истории первобытной культуры Гос. Эрмитажа, т. I. Л., 1941, стр. 225—228, табл. III.

вым векам нашей эры [1]. Среди других находок следует указать на ковши, найденные у ст. Цветной б. Киевской губернии и у местечка Трояны Молдавской ССР [2].

2. Медный котелок (рис. 2, *1*) имеет остроребернyю форму и отогнутый наружу венчик, к которому грубо приклепаны два диаметрально расположенных ушка. Сбоку, ближе ко дну, а также на дне имеется по медной прямоугольной заплатке, приклепанной медными же штифтиками шляпками внутрь.

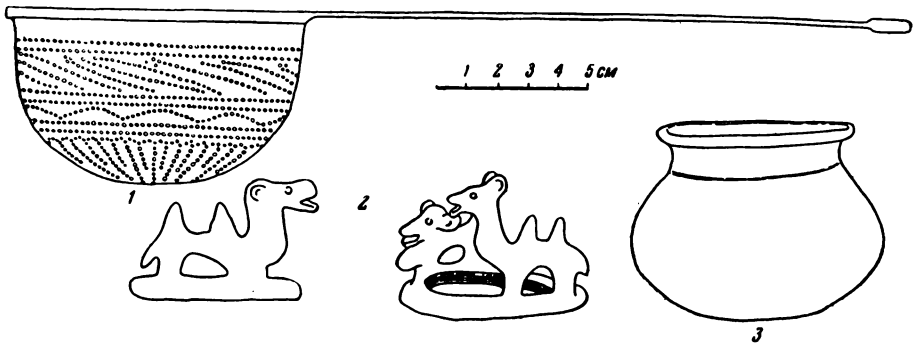

Рис. 3.

1 — серебряное ситечко; *2* — бронзовые кольца с верблюдами; *3* — красноглиняный горшок

Техника изготовления котелка ручная. Медной пластине, раскованной с помощью отбойника и молотка, была придана нужная форма. Дно сосуда изготовлено отдельно также путем расковки. Края дна были разрезаны на прямоугольные зубцы, которые загнуты наверх, и затем дно было надето на готовый корпус (рис. 2, *2*). При надевании дна первый зубец находился снаружи, второй — внутри сосуда, так что между зубцами проходил край корпуса. После этого с внутренней стороны шов между дном и корпусом был спаян бронзовым сплавом. Разница температур плавления бронзы (850—900°) и меди (1083°) позволяла производить спайку без опасения прожечь тонкий медный лист изделия.

Котелки без поддона с узким плоским или круглым дном и двумя ручками по краю корпуса появляются в Поволжье в III—II вв. до н. э. и бытуют до первых веков нашей эры. Таковы бронзовые котелки из кургана B4 у хутора Шульц [3], датируемого концом II—I в. до н. э., и из кургана D16 у Альт-Веймар [4], относящегося ко II — началу III в. н. э. Медный котелок из кургана № 96 также относится к этим же хронологическим рамкам — рубежу нашей эры.

3. Серебряное позолоченное полусферическое ситечко (рис. 3, *1*) имеет тонкую ручку на одной стороне. Техника изготовления ситечка такая же, как техника медного котелка. Ручка была сделана расковкой толстой серебряной проволоки. Конец ручки плоский и прямоугольной формы. Поверхность ситечка имеет отверстия, причем размер отверстий от венчика ко дну уменьшается. Аналогичное ситечко можно указать из Усть-Лабы в Прикубанье (курган № 41) [5].

4. Бронзовое литое кольцо (рис. 2, *3*) с выступами-шишечками, расположенными по всей поверхности кольца. Одна пара шишечек соедине-

[1] Б. В. Лунин. Археологические раскопки и разведки на Северном Кавказе в 1927 г. Краеведение на Северном Кавказе, 1928, № 1-2, стр. 83, прим. I; Т. Н. Книпович. Танаис. М.— Л., 1949, стр. 145, рис. 52.

[2] ОАК за 1913—1915 гг. СПб., 1918, стр. 213.

[3] P. Rau. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, стр. 35, рис. 46.

[4] Его же. Prähistorische Ausgrabungen auf der Steppenseite des Wolgagebiets im Jahre 1926. Pokrowsk, 1927, стр. 40, рис. 33.

[5] ОАК за 1902 г. СПб., 1904, стр. 83, рис. 182.

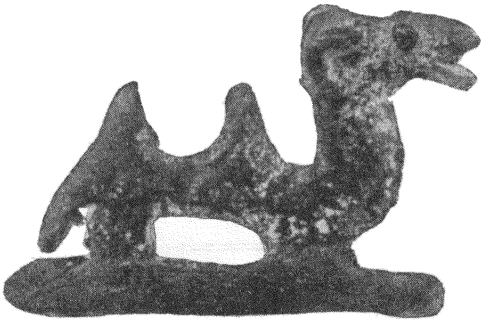

Рис. 4. Бронзовое кольцо с верблюдами (фото).

на. Возможно, здесь было отверстие для заливки металла в литейную форму. Выступы-шишечки имеют следы действия высокой температуры, что говорит о возможном использовании кольца в качестве подставки. Подобные кольца известны в Причерноморье, главным образом в Крыму (Неаполь скифский [1], Керчь [2], могильник Заветное [3]). Кольца-браслеты с выступами из Неаполя скифского и Керчи датируются I—II вв. н. э.

5. Два бронзовых кольца (рис. 3, *2*) с изображением фигур двугорбых верблюдов (рис. 4). Кольца целиком отлиты в форме, возможно, по восковым моделям. После отливки при извлечении колец форма разрушалась. На одном из колец отломленная фигура верблюда была приварена.

Кольца с изображением верблюдов нам неизвестны. В кургане № 33 Усть-Лабинского могильника есть кольцо с человеческими головами; в кургане № 50 у станицы Тифлисской имеется кольцо с приваренными фигурками козликов [4]. Первый предмет датируется I в. н. э., второй — I — началом II в. н. э. Оба предмета по стилю, форме и технике изготовления (литье) аналогичны нашему.

Из керамики в погребении кургана № 96 у с. Большая Дмитриевка обнаружено три небольших сосуда, из которых сохранился лишь один красноглиняный сосуд (рис. 3, *3*), который имеет несколько раздутые бока, невысокое горло и отогнутый наружу край. Изготовлен сосуд из хорошо отмученной глины на гончарном круге. Наружная поверхность покрыта красным лаком.

Красноглиняная керамика широко бытует в среднесарматское время. Подобные сосуды известны в Сусловском могильнике (курган № 21) [5]. Очень близко стоит к сосуду из кургана № 96 сосуд из кургана № 1 у дер. Верхний Колышлей близ г. Аткарска [6]. Краснолаковый горшок из кургана № 21 можно определить концом II—I в. до н. э.; сосуд из Верхнего Колышлея несколько позднее — первыми веками нашей эры.

Из украшений, найденных в кургане у с. Большая Дмитриевка, сохранились подвеска зеленовато-серого цвета, крупная голубая пастовая бусина и большая пронизка из камня. Все вещи характерны для конца среднесарматского времени и имеют аналогии в поволжских сарматских погребениях.

Таким образом, приведенные аналогии позволяют датировать комплекс могильного инвентаря из кургана № 96 у с. Большая Дмитриевка временем не позднее I — начала II в. н. э. По своему характеру все вещи надо признать не местными, а привозными.

В целом комплекс вещей свидетельствует о широких культурно-торговых связях сарматских племен с римскими и другими ремесленными

---

[1] Хранится в ГМИИ, инв. № 593.

[2] Хранится в Гос. Эрмитаже; Античный отдел, инв. № П 1905—148.

[3] Раскопки Н. А. Богдановой в 1954 г.

[4] Н. И. Веселовский. Курганы Кубанской области в период римского владычества на Северном Кавказе. Тр. XII АС, т. I, 1905, стр. 361, рис. 53; ОАК за 1902 г., СПб., 1904, стр. 81, рис. 176.

[5] П. С. Рыков. Сусловский курганный могильник. Уч. зап. Саратовского университета, т. IV, вып. 3, 1925, стр. 61.

[6] И. В. Синицын. Сарматские курганные погребения в северных районах Нижнего Поволжья. Сборник Нижне-Волжского краевого музея. Саратов, 1932, табл. III, *3б*.

центрами. В то же время наличие в погребении столь богатого инвентаря наряду с богатыми сарматскими погребениями, раскопанными В. П. Шиловым в курганах близ сс. Калиновки, Верхнего Погромного [1] и в курганном могильнике у с. Ленинское на Ахтубе [2], позволяет говорить о наличии ярких различных социальных групп в сарматском обществе.

Г. Е. ТРАПЕЗНИКОВ

ГОРОДИЩЕ ДРЕВНЕГО ЧАРДЖОУ (АМУЛЬ)

Городище Амуль-Чарджоу расположено в 9 *км* к северо-востоку от ж.-д. станции Городище в приречной пойме Аму-Дарьи. С юго-запада на расстоянии 10—15 *км* к нему подходят песчаные барханы, сдерживаемые небольшой зеленой лентой поливных земель. С северо-востока в 12 *км* протекает Аму-Дарья. Старый Чарджоу окружен полуразвалившейся глинобитной стеной с несколькими башнями (по всему периметру) и тремя проемами от ворот. В XIX в. они носили следующие названия: северные — Каракуль-Дарваза, южные — Мары-Дарваза, восточные — Сакар-Дарваза. Пространство, окруженное вышеописанными стенами, было условно названо площадью III. Она равна 38 *га*. Здесь же были заложены стратиграфические шурфы. Следуя от северных ворот площади III на юго-восток, попадешь к единственным воротам площади II, или шахристана. Стены его образуют почти правильный четырехугольник, заключающий территорию в 9 *га*. Они покоятся на многометровом пахсовом массиве, возвышаясь над площадью III на 21 *м*. Верхняя часть их относится к строительной технике XIX в. Это пахсовые кладки высотой 70—80 *см* и толщиной 100—120 *см*. Стены площади II имели несколько башен. Нижние части стен шахристана имеют иную структуру пахсы и другие размеры. Они были выстроены из рядов пахсы высотою 110—120 *см* и несколько метров толщиной. Аналогичные приемы наблюдаются и в строительной технике городища Гяур-Кала. В северо-западной части шахристана расположена площадь I, или арк. Это самая высокая точка городища древнего Чарджоу. Цитадель возносит свой массив на 33 *м* от уровня современной поверхности площади III. Ее территория имеет вид неправильной геометрической фигуры, несколько напоминающей трапецию. По всему периметру бывших здесь когда-то стен цитадель имела пять башен.

На городище древнего Чарджоу представлено (в стратиграфическом порядке) несколько керамических комплексов. Первый из них характеризуется тщательной отделкой, изяществом форм, тонкостью черепка. В изломе стенки сосудов красного, иногда серого оттенка. Заметны следы красного и коричневого ангобов. Некоторая аналогия сосудам этой группы имеется в керамике из Термеза [3] и Кобадиана [4]. Кроме керамического материала, в слоях этого же времени была обнаружена головка терракотовой фигурки, прямая аналогия которой имеется в терракоте из Варахши [5]. Керамика и терракота из этого слоя могут быть отнесены к I—II вв. н. э. Второй комплекс представлен сосудами, предназначенными для подачи и хранения воды и пищи. Это кувшины, хумча, кринкообразные сосуды,

[1] В. П. Шилов. Погребения сарматской знати I в. до н. э.— I в. н. э. Сообщ. Гос. Эрмитажа, вып. IX, Л., 1956, стр. 42—45.

[2] Раскопки В. П. Шилова в 1956 г.

[3] М. И. Вязьмитина. Керамика Айртама времени кушанов. Тр. ТАКЭ, т. II, Ташкент, 1945, стр. 57, табл. 2.

[4] М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) (1950—1951 гг.). МИА, № 37, 1953, стр. 198, 288, 289, 291.

[5] В. А. Шишкин. Новые данные по искусству Согдианы. Искусство, 1938, № 5, стр. 148.

чашки, чашечки и др. Наблюдается большое сходство сосудов этой группы с керамикой Варахши III—IV вв. н. э. Вместе с этим комплексом в шурфах было зарегистрировано небольшое количество медных монет. Все они относятся к позднекушанскому чекану III—IV вв. н. э. Одна из четко читаемых монет может быть отнесена к чекану Васудевы: л. с.— божество на троне; о. с.— Шива с быком, позади монограмма 𑀯. Монета датируется III в. н. э. [1].

Керамика IX — начала XII в. характеризуется щелочной поливой, геометрическими и растительными орнаментами, нанесенными коричневыми красками, и др.

В результате анализа устанавливается прямая аналогия между керамикой IX—X вв. Амуля и Бухарского оазиса. То же самое можно сказать и о керамических комплексах XI—XII вв. Амуля и Мавераннахра. К XIV—XV и XVI вв. относятся расписанные кобальтом кашинные черепки, собранные в основном на территории шахристана. Преобладает растительная орнаментация в виде побегов и листочков. Высокая кольцевая ножка (14—15 *мм*) характерна для сосудов этой группы [2].

Кроме вышеописанных комплексов, на территории шахристана имеется материал XVII — начала XVIII в. Для керамики XVII в. характерны черепки, покрытые темно- и светло-голубой поливами, нанесенными на толстый желтоватый черепок. Встречается орнамент в виде свастикообразных розеток. Керамика XVIII в. резко отличается, черепки ее большой пористости, стенки толсты, глазурь плохого качества.

Кроме керамики, на территории арка изучались строительные материалы. Юго-западная башня Тан в нижней части была обложена жженым кирпичом 19 × 19 × 3 *см*. Подобный размер известен для IX—X вв. на территории Южного Туркменистана и Узбекистана [3]. Кирпичом подобного размера выложен ствол колодца в арке. Кроме того, в нем зафиксированы кирпичи и других размеров: 20 × 20 × 3 *см*, 22 × 22 × 3 *см*, 26 × 26 × 5 *см*, 27 × 27 × 5 *см*. Последний известен в памятнике XI—XII вв. в Мерве [4].

Помимо вышеописанных площадей, изучалась территория, прилегающая к ним. Она условно названа площадью IV (расположена с северо-востока на северо-запад у стен площади III). Рельеф местности здесь всхолмлен из-за многовековых накоплений археологических толщ. Эта единая некогда территория нарушена сейчас за счет хлопковых полей. Нетронутыми остались два тепе: Имамджан и Сахиджан. Площадь первого (около 1 *га*), возможно, уже в IX—X вв. использовалась под кладбище. Сагана здесь сложена из жженого кирпича (18 × 18 × 3 *см*, 20 × 20 × × 3 *см*, 21 × 21 × 3 *см*). Второе, Сахиджан (около 2 *га*), вытянуто с севера на юг. На южном конце сохранились следы фундамента квадратного в плане здания. Внутри него находятся сложенные из жженого кирпича (20 × 20 × 3 *см*, 19 × 19 × 3 *см*) сагана. На тепе были собраны фрагменты венчиков кувшинов; ближайшие аналогии как по материалу, так и по формам можно видеть в керамике времени государства Великих Кушанов из Термеза [5]. Здесь же был собран керамический комплекс IX—X вв. и XI—XII вв. и большое количество керамического шлака.

С юго-западной стороны от шахристана был обследован безымянный мавзолей. Это небольшое квадратное в плане здание (3,5 × 3,5 *м*). Купол

---

[1] Все определения монет кушанского чекана были сделаны проф. М. Е. Массоном.

[2] Г. А. Пугаченкова. Глазурованная керамика Нисы XV — XVI вв. Тр. ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 408—415.

[3] Б. Н. Засыпкин. Архитектура Средней Азии. М., 1948, стр. 41.

[4] Г. А. Пугаченкова. Конструктивные элементы мавзолея Санджара. Изв. АН ТуркмССР, 1952, № 2, стр. 24.

[5] В. Д. Жуков. Стратиграфический разрез части крепостной ограды кала древнего Термеза. Тр. ТАКЭ, т. II, стр. 96.

постройки был недавно возобновлен. Материал, из которого сложено здание,— жженый кирпич (19 × 19 × 3 *см*, 20 × 20 × 3 *см*).

Расположенные в 14 *км* к юго-западу Гебеклы-тепе и Заргар-тепе представлены керамикой кушанского времени и позднекушанскими монетами III—IV вв. н. э.

Таким образом, можно предварительно наметить основные этапы жизни на территории Амуля. Древнейший период относился к I—IV вв. н. э. В этот период город занимал большую территорию (50 *га*) — площади I, II, III. Его ядром служила площадь II с арком внутри. Кроме того, в его округе были многочисленные тепе, возможно, усадьбы. Амуль в этот период, вероятно, входил в состав Кушанского государства. На это указывает наличие чеканки медных кушанских монет. Однако в культурном отношении, как показал анализ керамики и терракоты, он тяготел к Бухаре. Абсолютное отсутствие монет парфянского чекана позволяет сомневаться в правильности вывода В. Тарна о том, что Амуль входил в состав Парфии [1] и находился на северо-восточных ее границах [2]. Как показывает археологический материал, Амуль в IV в. вступает в полосу кризиса. Отсутствие материала V—VII вв. не дает возможности говорить что-либо определенное о городе в этот период.

IX—X вв.— новый этап в развитии города. Он находится на скрещении важных торговых магистралей из Хорасана в Мавераннахр, из Хорезма в Тохаристан. Археологически установлено, что Амуль в IX—X вв. состоял из шахристана, внутри которого был арк, и внешнего города. В стенах последнего было трое ворот: северные, южные, восточные. Здесь и развивается рабад. Как пишет Макдиси, Амуль в этот период был одним из благоустроенных городов Хорасана [3].

О городе XI—XII вв. в письменных источниках нет известий. О характере жизни на его территории можно судить лишь на основании археолого-топографического изучения. Город в этот период достигает наибольшего расцвета и занимает значительную площадь: кроме арка, шахристана, внешнего города, он имеет окончательно оформившийся рабад на территории площади IV. В XII — начале XIII в. Амуль входит в состав Хорезма, однако в культурном отношении он продолжает тяготеть к районам Мавераннахра.

После монгольского погрома город сильно сократился в размерах. В XIV в. Амуль оправился от опустошения. Жизнь в этот период продолжает развиваться в шахристане и внешнем городе, пробуждается строительство в рабаде.

С XVI в. город известен под новым именем — Чарджуй. Так же он называется в источниках XVII в. Как свидетельствует археологический материал, город в XVIII в. пережил кризис. Планировка, унаследованная городом от XVII в., сохраняется и по сей день.

С. Н. ОРЛОВ

К ВОПРОСУ О ДРЕВНЕРУССКОЙ МЕТРОЛОГИИ

При археологических наблюдениях за земляными работами в Новгороде в 1955 г. найдено деревянное изделие, которое можно рассматривать как древнюю меру длины — локоть. Оно представляет собой стержень

---

[1] W. W. Tarn. The Cambridge Ancient History, т. IX, Cambridge, 1932, стр. 584, 585.

[2] М. Е. Массон. О северо-восточных пределах Парфянского государства. КСИИМК, вып. XXXVIII, 1951, стр. 148.

[3] Макдиси, Biblioteca Geographicorum Arabicorum, III, 291, 294.

Рис. 1. Деревянный локоть (фото)

можжевельника, имеющий круглое сечение и ровно обрезанные края. Сучки тщательно срезаны. Утолщенный конец обструган, с тем чтобы придать всему стержню одинаковый диаметр (рис. 1, 2). Предмет, очевидно, долго был в употреблении, и поверхность его заполировалась до блеска, особенно в местах обработки сучьев. Длина его 54,7 *см*, наибольший диаметр 2,4 *см*. Длина изделия соответствует древнерусскому локтю в 54 *см* (по расчетам Б. А. Рыбакова [1]). Отклонения в ту или иную сторону могли быть, о чем свидетельствуют и этнографические исследования [2].

Рис. 2. Деревянный локоть (прорись)

Стержень не имеет на поверхности никаких делений [3], но в средней части предмета имеется шесть вырезанных знаков. Три знака — в виде ветки растения, отходящей от ствола с четырьмя листочками; два знака — в виде той же ветки, но с тремя листочками.

Шестой знак, выполненный техникой гравировки в виде двойной волюты или римской цифры V с завитками на концах, расположен на противоположной стороне стержня. Все пять знаков с листочками выполнены по-разному. Это свидетельствует о том, что они вырезывались разными людьми, в разное время и разными инструментами. Например, средний знак из трех четырехлистных веточек выполнен мастерски: соблюдена полная симметрия между изгибами, завитками и лепестками. Тонко и со знанием вырезаны изгибы линий и листочки. Чувствуется, что инструмент здесь употреблялся острый. Другое дело правый знак из этой группы. Он вырезан более примитивно, надрезы сделаны неуверенно, неглубоко, нож скользил. Форма одного лепестка испорчена. Завитки вообще не получились, вместо них выковырены ямки (рис. 3). Левый знак из группы четырехлистных, расположенный в другой плоскости, выполнен также примитивно. Здесь второй лепесток вообще не удался, и вместо лепестка и двух завитков выковырены ямочки (рис. 3). Два знака с тремя завитками выполнены очень примитивно. Но чувствуется, что и эти знаки выполнены разными лицами и разными инструментами.

Встает вопрос о функциональном содержании знаков. Нужно, очевидно, признать, что эти знаки вырезаны как знаки личной принадлежности, как знаки собственности.

По детальным завиткам они несколько напоминают знаки суздальских князей и клейма княжеских мастеров [4]. Но полной аналогии этим знакам мы не имеем среди княжеских знаков. Трудно сказать, какая группа из этих знаков была нанесена раньше и какая позднее. Возможно, что знаки с четырьмя лепестками есть последующее развитие знака с тремя лепестками.

[1] Б. А. Рыбаков. Русские системы мер длины XI—XV вв. СЭ, 1949, № 1.

[2] Я. К. Земзарис. Метрология Латвии в период феодальной раздробленности и развития феодализма (XIII—XVI вв.). Проблемы источниковедения. IV. М., 1955, стр. 181—183.

[3] Известный «Еванский локоть», найденный в обломке в Новгороде, тоже не имел делений. См. А. В. Арциховский, М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953, стр. 48.

[4] Б. А. Рыбаков. Ремесло. История культуры древней Руси, т. I. М., 1948,

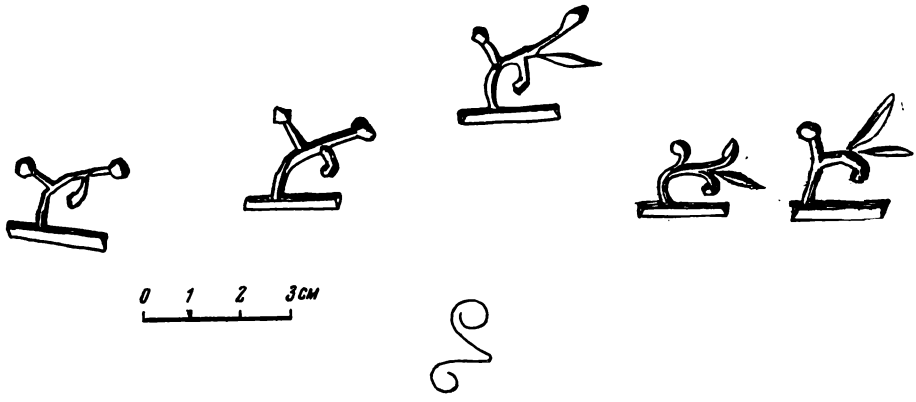

Рис. 3. Развертка рисунков знаков

Если наша трактовка предмета как локтя является правильной (в чем мы убеждены), то знаки могут или отражать принадлежность его определенной семье из нескольких поколений, или служить таможенными знаками, которые ставились каждый раз при посещении города и давали право на торговлю и прочее.

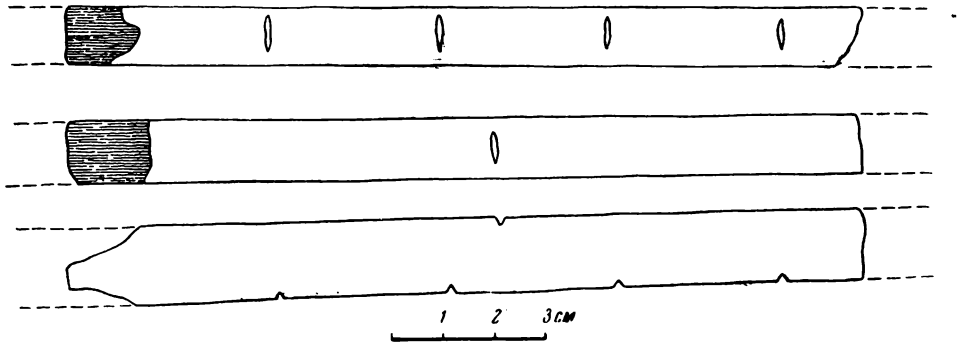

Рис. 4. Обломок измерительной линейки из Старой Ладоги

Рассмотрим вопрос о датировке изделия. Предмет был найден в стенке траншеи по улице Горького напротив дома № 3. Из стенки траншеи торчал конец изделия длиною около 10 *см,* несколько поврежденный лопатами рабочих. Чтобы извлечь его, нам пришлось сделать подкоп. Культурный слой не был нарушен. Он состоял из плотно спрессованной массы со щепой, навозом и другими органическими остатками. Предмет залегал на глубине 3,5 *м* от поверхности и 0,7 *м* от материка. Учитывая стратиграфию Новгорода, находку можно отнести к концу XI или началу XII в.

Дополнительным доказательством функционального назначения предмета как меры длины могут служить находки обломков измерительных линеек в Старой Ладоге. На Земляном городище в Старой Ладоге в 1950 г. в слое VIII—IX вв. найдены два обломка дубовых брусков с делениями, равными 3,4 *см* (рис. 4) [1]. В сечении бруски имеют прямоугольник (1,1×1,4 *см*). На одном обломке, кроме мелких делений, на обратной стороне имеется зарубочка от более крупного деления. Судя по обработке

стр. 168, рис. 110, *10, 12, 13;* стр. 170, рис. 111, *9*; см. также В. Л. Янин. Княжеские знаки суздальских Рюриковичей. КСИИМК, вып. 62, 1956.

[1] Государственный Эрмитаж, инв. № ЛС-902.

брусков и расположению делений, предметы могли служить как измерительные линейки. Интересно, что если мы длину новгородского локтя (54,7 *см*) разделим на длину делений ладожских линеек (3,4 *см*), то получим число 16 (остатком в 0,3 *см* можно пренебречь). Это число совпадает с количеством вершков в русском аршине, что является, очевидно, не случайным.

Если длину линейки принять за локоть длиною 54 *см*, то деление на противоположной стороне будет соответствовать пяди длиною в 18 *см*. Пядей в локте было три [1].

Я. К. Земзарис, подробно исследовавший метрологию Латвии на большом этнографическом материале, пишет, что русский вершок XIX в. равнялся или верхней косточке большого пальца, или средней косточке среднего пальца [2]. Измерение 3,4 *см* на находках из Ладоги и соответствует средней фаланге указательного мужского пальца.

Таким образом, эти находки, очевидно, относятся к единой системе древнерусских мер длины, предшествующих более позднему аршину.

М. В. СЕДОВА

АМУЛЕТ ИЗ ДРЕВНЕГО НОВГОРОДА

В 1953 г. при раскопках в Неревском конце Новгорода в слое начала XIV в. была обнаружена интересная находка — неолитический кремневый наконечник копья, заключенный в своеобразный медный футляр. На футляре, за который подвешивалось копье, с лицевой стороны помещено изображение восьмиконечного процветшего креста (рис. 1). Длина амулета — 8,1 *см*, ширина — 3 *см*.

Кремневый предмет представляет собой обломок, составляющий примерно $^2/_3$ первоначальной длины двусторонне обработанного наконечника копья ромбовидной формы. Излом древний; видимо, вторично предмет был использован в обломанном виде.

Копье найдено внутри сруба 9Э, построенного сразу же после пожара 1311 г. (9 строительный ярус) [3]. Изображенный на металлической оправе копья восьмиконечный крест распространился и приобрел господство на Руси именно к началу XIV в.

Находка копья в футляре с изображением христианского символа — креста — не имеет прямых аналогий в русской археологической литературе. По-видимому, предмет этот можно поставить в связь с широко распространенным у всех народов Европы и Азии поверием о «громовых стрелах», которые образуются в земле при ударе молнии. «Громовыми стрелами» считают и белемниты, и неолитические наконечники стрел и копий. По поверью, они предохраняют от ударов грозы и пожаров, а также являются хорошим лекарственным средством [4]. Таким образом, их применяли как обереги и амулеты. Интересна запись, которую приводит И. Е. Забелин из древнего рукописного «Травника», хранившегося в его собрании: «А тот камень падает и стреляет сверху от грома... Он же и громовая стрела называем... Из того камня делать г л а з в перстень и носить на руке, от всякого видимого и не видимого злодея сохранен будешь... Того же камня демони боятся, а носящий его не убоится напасти и беды и одолеет сопротивников своих. Аще кто и стрелу громовую с со-

---

[1] Я. К. З е м з а р и с. Ук. соч., стр. 180.

[2] Там же, стр. 181.

[3] Б. А. К о л ч и н. Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа. МИА, № 55, 1955, стр. 62, 72, 137.

[4] А. Н. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, стр. 247; Н. Ф. В ы с о т с к и й. Очерки нашей народной медицины. ЗМАИ, т. I. М., 1911, стр. 146.

бой носит, тот может всех одолеть силою своею, и против его никто не устоит, хотяб сильнее его был...» [1].

Указания на почитание «громовых стрел» в древней Руси отмечались уже в археологической литературе. Так, во Владимирских курганах, раскопанных А. С. Уваровым, в погребениях у с. Василькова и у с. Новоселки найдены наконечники каменных стрел [2]. В другом вятичском кургане при раскопках В. А. Городцова у с. Барыбино Московской области при мужском скелете найдено два неолитических орудия в сумке с железным кольцом и пряжкой. В. А. Городцов считает, что эту находку можно связать с поверием, записанным в Московской области, о том, что колдуна надо хоронить с «громовыми стрелами» [3], следовательно, «громовые стрелы» считались колдовским талисманом. Такой же наконечник стрелы обнаружен в вятичском кургане в с. Палашкино Московской области при раскопках А. П. Богданова [4]. Описанная выше новгородская находка и была, по-видимому, талисманом какого-то колдуна (волхва), жившего в Новгороде на рубеже XIII—XIV вв. Это предположение становится тем более вероятным, что амулет найден в срубе, имеющем чрезвычайно интересную особенность. По характеру инвентаря он ничем не отличается от обычных жилых построек XIII—XIV вв. (обломки стеклянных браслетов, четыре шиферных пряслица, янтарный крестик, пряжка, одежная булавка, битрапецоидная бусина, наконечник сошника, ключ и др.). Однако в устройстве самого сруба есть любопытная деталь: у южной стены дома, под четвертым, нижним венцом, в специально вырытой неглубокой ямке лежали четыре человеческих детских черепа [5]. Эта своеобразная «строительная жертва», возможно, связана с магическими действиями владельца дома — колдуна-волхва. Кремневый амулет из Новгорода является ярким отражением древних представлений о колдовском значении «громовых стрел». Найденный в доме волхва, он дает представление о стойкости и значительном распространении пережитков языческих верований в Новгороде в XIII—XIV вв. Об этом же говорит и летопись под 1227 г.: «В лето 6735... сожьгоша волхвовъ 4, творяхут ихъ повторы деюще, а то богъ весть; и сожгоша ихъ на Ярославле дворе» [6].

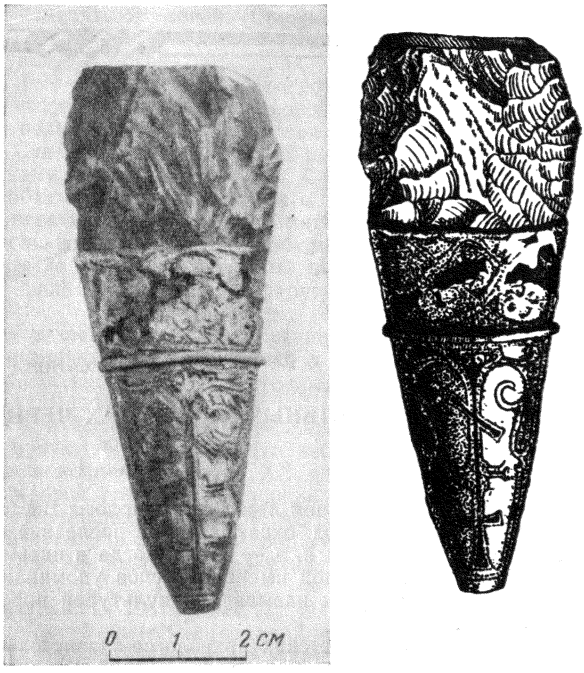

Рис. 1. Новгородский амулет

---

[1] И. Е. Забелин. История русской жизни с древнейших времен, ч. 2. М., 1879, стр. 510—511.

[2] А. С. Уваров. Археология России. Каменный период, т. I. М., 1881, стр. 10—11.

[3] В. А. Городцов. Археология. Каменный период. М., 1923, стр. 77—78.

[4] А. П. Богданов. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. М., 1867, стр. 113.

[5] Отчет Новгородской экспедиции за 1953 г. Архив ИИМК АН СССР.

[6] Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, стр. 270.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

М. А. ТИХАНОВА

О ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

1

В истории населения лесостепной полосы Восточной и Центральной Европы важное место занимает период, охватывающий последние столетия до нашей эры и первую половину I тысячелетия н. э.,— время, когда в письменных источниках (трудах античных писателей) впервые под именем венедов упоминаются славяне. Археологически этот период представлен так называемой культурой полей погребений, или полей погребальных урн [1].

Большинство советских археологов-славистов вплоть до самого недавнего времени рассматривало культуру полей погребений как славянскую. Однако такие взгляды разделяют в настоящее время далеко не все археологи [2].

Действительно, в данном вопросе многое остается еще спорным и недоказанным.

Как известно, первые открытия памятников культуры полей погребений на территории Восточной Европы связаны с именем В. В. Хвойки. В конце 90-х годов XIX—начале XX в. при обследовании курганов и городищ Киевской земли им были случайно обнаружены могильники культуры полей погребений, до того совершенно неизвестные в Поднепровье, как и во всей лесостепной полосе Восточной Европы. Тогда же В. В. Хвойка провел раскопки разведывательного порядка у сс. Зарубинцы и Ромашки и большие раскопки могильника у с. Черняхов.

Если в первых двух В. В. Хвойка вскрыл только единичные захоронения (два — в Зарубинецком могильнике, пять — в Ромашковском), то раскопки в Черняхове раскрыли, по-видимому, все или почти все захоронения этого могильника (252 погребения) [3].

При публикации отчетов о раскопках В. В. Хвойкой были, однако, допущены некоторые неточности [4]. Тем не менее значение деятельности В. В. Хвойки очень велико. Он сумел не только обнаружить и частично опубликовать новые памятники, но и дать

---

[1] Основные мысли настоящей статьи подробнее развиты в работе автора «Культура полей погребений», законченной еще в 1954 г.

[2] Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в Привольном (по материалам Днепростроевской археологической экспедиции). СА, XXII, 1955, стр. 125. См. обсуждение вопроса о генезисе феодализма в России и о возникновении древнерусского государства. ВИ, 1956, № 3, стр. 302—305; Е. В. Максимов. Обсуждение вопросов ранней истории восточных славян в Институте археологии АН УССР. КСИА, вып. 6. Киев, 1956, стр. 72—78; B. Zástěrová. Hlavní problémy z počátku dějin slovanských narodů. Сб. Vznik a počátky Slovanů I. Praha, 1956, стр. 66.

[3] В. В. Хвойка. Поля погребений в Среднем Приднепровье, ЗРАО, нов. сер., т. XII, СПб., 1901, стр. 172—190; его же. Погребальные поля в Киевской губернии. АЛЮР, т. II, Киев, 1900, стр. 117—118. Прибавление к ИАК., вып. 3, СПб., 1903, стр. 50—51; Раскопки в с. Ромашках Васильковского у. Киевской губ. АЛЮР., т. I, 1899, стр. 80; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, вып. IV, Киев, 1901, стр. 5—8, рис. 6—7 и табл. XVIII—XX; Отчет Исторического музея за 1908 г., М., 1908 г.; табл. II; А. А. Спицын. Поля погребальных урн, СА, X, 1948, стр. 55—64; P. Reinecke. Aus der russischen archäologischen Litteratur mit 5 Abb. (Gräberfelder vom Ende der Latènezeit und aus der jüngeren römischen Kaiserzeit im Gouvernement Kiew). Mainzer Zeitschrift. Mainz, 1906, стр. 42—50.

[4] Так, часть материалов Черняховского могильника была издана, как происходящая из с. Ромашки; в число керамики из Зарубинецкого могильника были включены сосуды из различных мест Поднепровья (Пищальники, Вита, Пуховка), где В. В. Хвойка проводил разведки. Эта неточность в работе В. В. Хвойки ввела в заблуждение и П. Н. Третьякова, который включил в таблицу вещей из Зарубинецкого могильника в своей книге: «Восточнославянские племена» (М., 1953, стр. 113, рис. 24) две миски из Виты и Пищальников и большой сосуд (в центре) — из Пуховки.

им правильную датировку, а также наметить их ареал (Среднее Поднепровье, Подолия, Волынь) [1].

Несколько ранее могильники культуры полей погребения были обнаружены на территории Верхнего Поднестровья (тогда в пределах Австро-Венгрии). В 1898 г. Кароль Гадачек произвел раскопки крупного поселения первой половины I тысячелетия н. э. в с. Неслухове Львовской области [2], а затем раскопки большого могильника в с. Гаче под г. Пшеворском, на р. Сан [3]. В 1912 г. добытый ранее материал был им обобщен в тесной связи с памятниками полей погребений Среднего Поднепровья, открытыми В. В. Хвойкой [4]. Все же объем материалов, добытых в дореволюционные годы, был ничтожно мал. Помимо перечисленных выше памятников в Поднепровье и Поднестровье и единичных находок на юге Волыни и в Побужье, было обнаружено, правда, довольно значительное количество кладов и отдельных находок римских монет и предметов импорта, однако они не были тогда увязаны с группой памятников культуры полей погребений.

В 20-х годах XX в. в результате разведочных работ, организованных Всеукраинским Археологическим комитетом в различных районах право- и левобережья Днепра (в частности, в районе строительства Днепрогэса) и на Днестре, был обнаружен ряд новых могильников и поселений культуры полей погребений [5].

Однако работы 20-х годов XX в. при всей их принципиальной значимости ограничивались по сути дела лишь сбором подъемного материала и небольшими раскопками разведывательного характера. Только в конце 30-х годов XX в. наступил перелом и появился целеустремленный интерес к этой группе памятников. Советские археологи и историки, разрабатывая проблемы древнейшей истории русского, украинского и белорусского народов и их материальной и духовной культуры, обратились к рассмотрению и памятников первых веков нашей эры на широких пространствах лесостепи Восточной Европы [6].

Накануне Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Институтом археологии АН УССР была начата подготовка монографических изданий открытых в прошлом памятников культуры полей погребений и археологической карты этих памятников [7]. Тогда же было начато археологическое обследование территории Украины, проводившееся совместно с Институтом истории материальной культуры АН СССР [8]. Война прервала осуществление этого плана.

По окончании войны поиски и изучение памятников культуры полей погребений возобновились в больших масштабах. Они проводятся совместными усилиями Института археологии Академии наук УССР и ее Львовского филиала, Института истории материальной культуры АН СССР и ее Молдавского филиала при участии местных музеев.

В результате этих работ намного увеличилось число известных памятников культуры полей погребений, особенно поселений, расширился и их ареал за счет тех районов,

[1] В. В. Хвойка. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43—65.

[2] K. Hadaczek. Ausgrabungen bei Niesluchów in Galizien. Mittheil. der Anthropologischen Gesellschaft in Wien. Вена, 1899.

[3] Его же. Cmentarzysko ciałopalne kolo Przeworska. Teka konserwatorska, III, Lwów, 1909.

[4] Его же. Kultura dorzeczu Dniestru w epoce cesarstwa rzymskiego. MAAE, т. XII, 1912, стр. 1—42, табл. V—XII.

[5] М. Рудиньский. Кантимирівськи могили римської доби Зап. ВУАК, т. I, Київ, 1930; А. В. Добровольский. Матеріали до археологічної карти Дніпровського Надпоріжжя (за матеріалами Дніпрогесівської експедиції). Археологія, т. VII. Київ, 1952, стр. 86—78; П. Смолічев. Археологічні розкопі на терені Дніпрельстану в с. Кічкаси Запорізської округи у вересни — жовтни р. 1927. Сборник Дніпропетровського Музею. Дніпропетровск, 1928; его же, Археологічні досліди в околіцях м-ка Златопіля на Черкащині року 1926 (Коротке Звідомлення за роскопи біля с. Маслової), КЗ ВУАК за 1926 рік, Київ, 1927; Новіши археологічні досліди на терени Білоцерківщини. Перевірочні розкопи у с. Ромашки. Хроніка археології та містецтва, т. II, Київ, 1930, стр. 40—41; М. Рудинський. Досліди на Кам'янеччині, КЗ ВУАК за 1926 рік. Київ, 1927; его же. Досліди на Полтавщине. КЗ ВУАК, за 1926 рік; М. Макаренко. Археологічні досліди та розшуки на Прилуччині КЗ ВУАК за 1926 рік. стр. 111—112; М. Семенчик. Випадкові археологічні знахідки на Роменщині. Хроніка археології та мистецтва, ч. 1, Київ, 1930, стр. 70—71.

[6] История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства. М.—Л., 1939 (на правах рукописи), ч. III—IV; Б. Д. Греков. Киевская Русь. М.—Л., 1939; В. В. Мавродин, Левобережная Украина. Л., 1940.

[7] Л. М. Славин. Конференция по вивчению скифсько-сарматському періоду. Вісти ВУАН за 1939 г., № 5, стр. 63—65.

[8] П. Н. Третьяков. Славянская (Днепровская) экспедиция 1940 г. КСИИМК, вып. X, 1941, стр. 120—124; И. И. Ляпушкин. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобережья (по материалам полевых изысканий 1940, 1945—1948 гг.). СА, XIII, 1950, стр. 7—32; М. Ю. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археология, т. I, Київ, 1947, стр. 111—121.

где они не были известны вовсе или насчитывались единицами (на левобережье Среднего Днепра, в степных районах, в Среднем Поднестровье, в Нижнем Поднестровье, в Побужье, на Волыни[1]). Значительно обогатились сведения и в отношении более северных и западных районов — Верхнего Поднестровья, бассейнов рек Березины и Припяти[2], памятники которых ранее были почти неизвестны. Определился круг памятников северной группы полей погребений (Среднее и Верхнее Поднепровье), известных под именем зарубинецкой культуры.

Настоящая статья посвящена южной группе памятников культуры полей погребений, специально черняховской культуре.

При всей значительности размаха, который приняли полевые работы последних лет, уровень наших знаний о памятниках черняховской культуры все же остается совершенно недостаточным. Объясняется это тем, что при все возрастающем количестве сведений о поселениях и могильниках этой культуры археологи до сих пор не располагают полноценными источниками, т. е. памятниками, раскопанными целиком, исчерпывающе изученными путем раскопок в такой степени, чтобы можно было на основании их составить вполне отчетливое представление о жилищах, хозяйственных сооружениях, сельскохозяйственном производстве, орудиях труда, быте населения. Крайне недостаточны раскопки могильников. Отсюда проистекает и нерешенность самой проблемы, неуточненность ее содержания, спорность ее территориальных границ, неразработанность ее локальных вариантов (условно покрываемых общим наименованием черняховской культуры полей погребений), невыясненность социально-экономических отношений, недостаточная ясность ее хронологических границ. Наиболее спорным остается вопрос об этнической принадлежности населения культуры полей погребений. Вот почему наряду с обобщением материала необходимо организовать углубленное и комплексное (одновременные раскопки поселения и могильника) исследование памятников в определенных заданных районах. Только такие исследования памятников и их истолкование с привлечением данных письменных источников, этнографии, антропологии и лингвистики смогут разрешить разногласия в определении историко-культурной значимости и этнической атрибуции памятников черняховской культуры полей погребений и дать научно обоснованное истолкование этой культуры и ее места в истории населения лесостепных пространств Центральной и Восточной Европы.

2

Рассмотрение памятников черняховской культуры[3] отчетливо показывает исключительное единообразие этой культуры на широких пространствах от Среднего Поднепровья на востоке до Верхнего Поднестровья и Повисленья — на западе, низовьев Дуная и Северо-Восточной Трансильвании — на юге. Это культурное единство проявляется в почти полном тождестве топографии и характера поселений, в необычайном сходстве гончарной керамики (точнее, некоторых ее групп), а также в близости орудий труда, бытовых предметов и мелких украшений. Однако при несомненном единстве общего облика в черняховской культуре все же отчетливо проступают и существенные местные различия. Эти различия проявляются в своеобразии лепной керамики, в любви к определенным украшениям и орнаментам, в особенностях погребального обряда и погребальных сооружений. Проявляются они и в домостроительстве, долго сохраняю-

[1] Краткие информации и более развернутые отчеты о раскопках, проведенных за 1945—1956 гг., опубликованы в изданиях Института археологии АН УССР: Археологія, тт. I—X, 1947—1957; Археологічні пам'яткі, вып. I—V, Київ, 1949—1952; КСИА, вып. 1—7, Киев, 1952—1957; Доклады VI научной конференции Института археологии, Киев, 1953. Отчеты-информации о работах некоторых экспедиций были также опубликованы в «Известиях Молдавского филиала АН СССР», № 5 (25) (Кишинев, 1955), в «Вестнике ЛГУ» (1946, № 45, 1947, № 2, 1948, № 11), в «Наукових записках Київського держ. Университету», т. IX, вып. V (Київ, 1950) и в «Трудах Канівського Біогеографичнього заповідника», № 8 (Київ, 1950).

[2] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, М., 1953; его же. У истоков древней Руси. Сб. «По следам древних культур», ч. 2. Древняя Русь. М., 1953, стр. 9—34; его же. Северные восточнославянские племена. КСИИМК, вып. 55, 1954, стр. 1; его же. Раннеславянские поселения и могильники на территории Белоруссии. КСИА, вып. 4, 1955, стр. 49—51; Ю. В. Кухаренко. Могильники полей погребений в Верхнем Поднепровье (по данным раскопок 1951—1952 гг.). КСИИМК, вып. 53, 1954, стр. 80—85; его же. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья. КСИИМК, вып 57, 1955, стр. 33—38; его же. Некоторые итоги изучения Припятского Полесья, КСИА, вып. 7, 1957, стр. 91—93.

[3] В настоящей статье мы не останавливаемся специально на вопросах датировки черняховской культуры, как известно, также дискуссионном. Напомним лишь, что время ее существования мы, как и раньше, ограничиваем периодом III—IV вв. н. э. (может быть, с самого конца II по начало V в. н. э. для отдельных районов). См. М. А. Тиханова. Археологические памятники Среднего Поднестровья в первой половине I тысячелетия н. э. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 15—19; ее же. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, стр. 92—99; ее же. Поселение культуры полей погребений в Луке Врублевецкой Хмельницкой области. КСИА, вып. 4, стр. 45—46; Всемирная история, т. II, М., 1957, стр. 709—710.

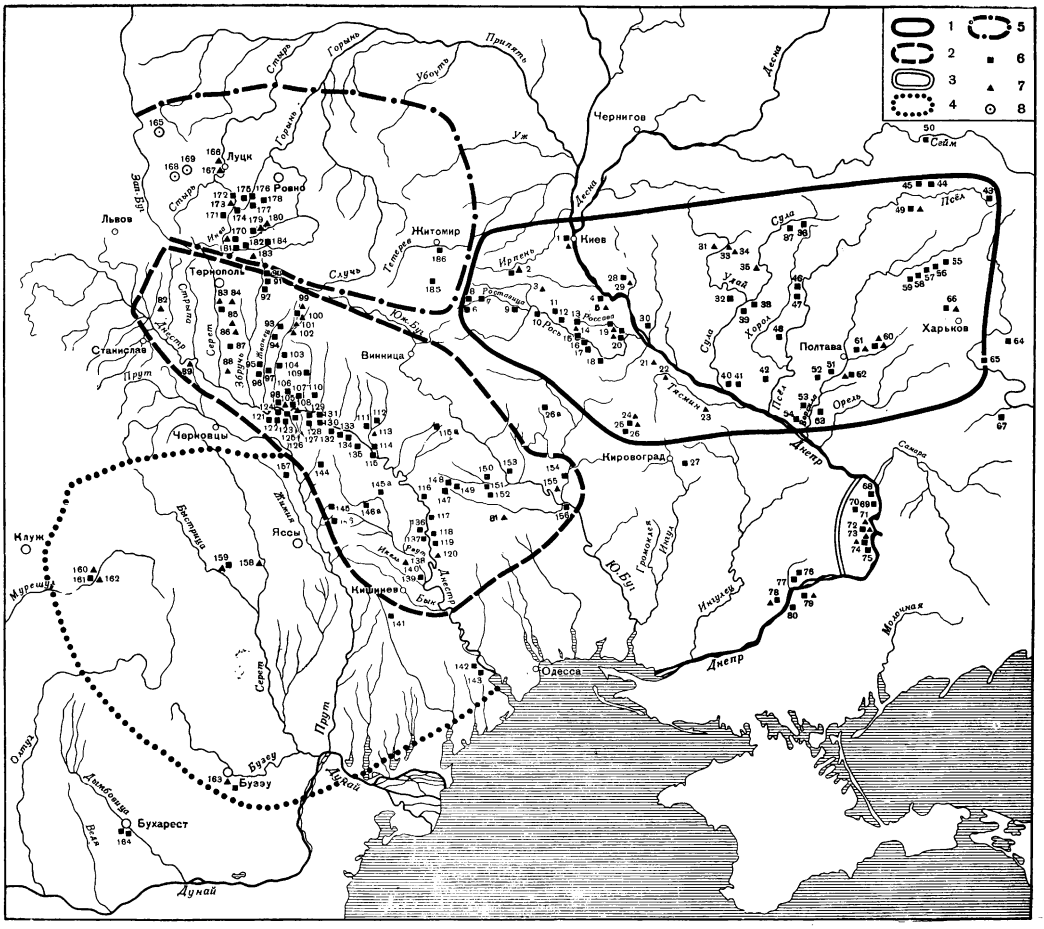

Рис. 1. Локальные варианты черняховской культуры. *1—5* — приблизительные границы распространения локальных вариантов черняховской культуры (*1* — район Среднего Поднепровья; *2* — район Поднестровья; *3* — район Порожистого Днепра; *4* — район Дунайского бассейна; *5* — Волынский район); *6* — поселение; *7* — погребение; *8* — клад

Места находок памятников черняховской культуры

1 — Киев; *2* — Дедовщина; *3* — Ворохтянская Ольшанка; *4* — Жуковцы; *5* — Черняхов; *6* — Белиловка; *7* — Ружин; *8* — Ягнятин; *9* — Шамраевка; *10* — Шкаровка; *11* — Житные горки; *12* — Ракитно; *13* — Ромашки; *14* — Телешовка; *15* — Ольшаница; *16* — Богуслав, *17* — Биевцы; *18* — Стеблево; *19* — Мартыновка; *20* — Малый Ржавец; *21* — Красная слободка; *22* — Медведовка; *23* — Галаганова; *24* — Турия; *25* — Маслова; *26* — Андреевка; *26а* — Дмитрушки; *27* — Аджамка; *28* — Ерковцы; *29* — Переяслав-Хмельницкий; *30* — Шабельники; *31* — Липовица; *32* — Калайденцы; *33* — Белоцерковцы; *34* — Турбинцы; *35* — Лохвица; *36* — Коровинцы; *37* — Волковцы; *38* — Войник; *39* — Засулье; *40* — Вырвихвост; *41* — Градижск; *42* — Манжелея; *43* — Пересыпь; *44* — Услонка; *45* — Гредасово; *46* — Рашовка; *47* — хутор Терновой бл. Б. Сорочинцев; *48* — Грянчиха; *49* — Шмыровео; *50* — Авдеевка; *51* — Кунцы; *52* — Н. Сенжары; *53* — Кобеляки; *54* — Исаевка; *55* — Хотмыжск; *56* — Луговое; *57* — Яблочное; *58* — между Рябиной и Добренском; *59* — Писаревка Сумской обл.; *60* — Кантемировка; *61* — Свинковка; *62* — Писаревка; *63* — Сухинсвка; *64* — Мартовая; *65* — Черкасский Бишкин; *66* — Пересечное; *67* — Западенка; *68* — Волошское; *69* — Никольское; *70* — Башмачка; *71* — Федоровка; *72* — Августиновка; *73* — Ново-Александровка; *74* — Привольное; *75* — Большая Хортица; *76* — Грушевка; *77* — Кут; *78* — Гавриловка; *79* — Каменка; *80* — Б. Лепетиха; *81* — Заплазы; *82* — Псары; *83* — Теребовля; *84* — Глецава; *85* — Увисла; *86* — Целиев; *87* — Жабинцы; *88* — Залесье; *89* — Городница; *90* — Гусятин; *91* — Ляшковцы; *92* — Юзефовка; *93* — Ивановцы; *94* — Бережанка; *95* — Репинцы; *96* — Фридровцы; *97* — Кадиевцы; *98* — Брага; *99* — Завадинцы; *100* — Сарватинцы; *101* — Скипче; *102* — Купин; *103* — Негин; *104* — Каменец-Подольск; *105* — Великая Мукша; *106* — Ваганицы; *107* — Станиславовка; *108* — Лука-Врублевецкая; *109* — Михайловка; *110* — Иванковцы; *111* — Озаринцы; *112* — Григоровка; *113* — Вилы Ярузские; *114* — Яруга; *115* — Михайловка (Яругская); *115а* — Яланец; *116* — Белочь; *117* — Рыбница; *118* — Попенки; *119* — Журы; *120* — Михайловка (Михалевка); *121* — Дарабани; *122* — Каплиевка; *123* — Оселивка; *124* — Бернова; *125* — Вороновицы; *126* — Макарьевка; *127* — Ленковцы; *128* — Грушевцы; *129* — Рестев; *130* — Кельменцы; *131* — Комаров; *132* — Молодова; *133* — Кормань; *134* — Ломачинцы; *135* — Волошковка; *136* — Лопатна; *137* — Мирзешты; *138* — Гармацкое; *139* — Слободзея Дупка; *140* — Лукашевка; *141* — Градиште; *142* — Крокмазы; *143* — Тудорово; *144* — Братушаны; *145* — Глодяны; *145а* — Флорешты; *146* — Фалешты; *146а* — Александрены; *147* — Шершинцы; *148* — Грабово; *149* — Лабушна-пасад; *150* — Песчана; *151* — Крапивна; *152* — Корытное; *153* — Сабатиновка; *154* — Новиполь (Саражиночка); *155* — Данилова Балка; *156* — Грушевка; *157* — Трушешты; *158* — Роман; *159* — Извоаре; *160* — Маршсентанна; *161* — Лекинця де Муреш; *162* — Марошваараршель; *163* — Буээй-Альдени; *164* — Бухарест; *165* — Ласков; *166* — Луцк; *167* — Горка Полонка; *168* — Борочицы; *169* — Браны; *170* — Рудка; *171* — Подлужье; *172* — Тараканов; *173* — Дубно; *174* — Волица-Страклинская; *175* — Мирогощ; *176* — Костянец; *177* — Липа; *178* — Остров-Варковецкий; *179* — Шумск; *180* — Рахманов; *181* — Викинны Велики; *182* — Матвеевка; *183* — Лановцы, *184* —Лепесовка; *185* — Пражев; *186* — Слободище

щем, как и погребальные сооружения и обряды, древние черты, веками слагавшиеся традиции того или иного племени, а иногда и рода, его верований, идеологии, духовного характера, устойчивых, длительных связей. Если подойти с этой точки зрения к рассмотрению памятников культуры полей погребений черняховской поры, то перед нами выступят местные особенности, специфические черты этой культуры в различных районах, что позволит наметить локальные варианты черняховской культуры [1].

Таких основных районов в настоящее время намечается пять: Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Поднестровье, Нижний Дунай с Северо-Восточной Трансильванией и, наконец, Волынь (см. карту.— рис. 1). Само собой разумеется, что предлагаемое членение является только первичной наметкой, которая подлежит дальнейшей проверке и уточнению.

Основной район, где были впервые открыты памятники черняховской культуры полей погребений и которые, естественно, являются мерилом, классическим образцом для определения остальных проявлений этой культуры,— это Среднее Поднепровье.

В Среднем Поднепровье распространены памятники как черняховской, так и зарубинецкой культур, территориально почти не совпадающие друг с другом. Памятники зарубинецкой культуры располагаются на севере, в бассейне рек Тетерева и Ужа и вдоль самого Днепра, начиная от устья р. Ирпеня до впадения в Днепр р. Стугны, на обоих берегах Днепра, а также частично в низовьях р. Роси (в окрестностях г. Канева). Есть они и на левобережье Днепра, не только в непосредственной близости к реке, но и в более глубинных районах: на р. Суле, в окрестностях г. Лубны и на левобережье р. Псла, в окрестностях г. Кременчуга. Здесь это в основном единичные погребения.

Южнее, на правобережье, по рр. Роси и Россаве и далее к югу по рр. Тясмину Выси, Тыкачах и Турии сосредоточены погребения с характерным сарматским инвентарем. Как правило, это впускные погребения. По времени они почти синхронны зарубинецким (I—II вв. н. э.) и предшествуют черняховским [2].

Памятники черняховской культуры на правобережье Днепра располагаются в пределах лесостепной полосы и пограничья со степью; в полосу лесов они не заходят. Севернее истоков р. Ирпеня и течения р. Стугны не обнаружено до сих пор ни одного памятника черняховской культуры. Исключение представляет район Киева, где на рубеже нашей эры и в I—II вв. н. э. известны могильники и поселения зарубинецкой культуры. Полностью отсутствуют памятники черняховской культуры и на берегах самого Днепра не только между рр. Ирпенем и Стругной, но и далее к югу, появляясь непосредственно у берега реки лишь значительно южнее — на Порожистом Днепре.

Особенно многочисленны черняховские поселения по левым, северным притокам Роси — рр. Роставице и Россаве, а также в среднем течении Роси — на рр. Негоде, Буртаке и Гороховатке, где они насчитываются десятками и расположены гнездами («кустами») [3]. В относительно меньшем числе встречаются они в бассейне р. Тясмина и на правых притоках р. Синюхи, захватывая и левые притоки Южного Буга [4].

На левобережье Днепра они начинаются на той же широте, что и на правобережье — близ устья р. Трубежа, и охватывают всё лесостепное левобережье Днепра, вплоть до Северского Донца на северо-востоке.

Размещаются эти памятники здесь неравномерно: в бассейне р. Ворсклы и в верхнем течении р. Северский Донец их больше, однако они встречаются и в бассейне рр. Псла и Сулы и по левому берегу Днепра от устья р. Орели до р. Трубежа.

Некоторое число памятников с керамикой и мелким инвентарем черняховского облика известно и в пределах степной полосы, но лишь там, где лесостепь и даже лес языками вклиниваются в степные районы; в сплошную ковыльную степь они не выходят.

Именно так расположен целый ряд памятников в нижнем течении р. Ворсклы (поселения в сс. Исаевке, Кобеляках, Ново-Сенжарах, Кунцах, Писаревке) и одно поселение на правобережье нижнего течения р. Псла, у с. Манжелия [5].

[1] М. А. Тиханова. Археологические памятники..., стр. 19; Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном, стр. 125; М. И. Артамонов. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 115.

[2] А. А. Бобринский. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губ. ИАК, вып. 14, СПб., 1905, стр. 29—30; его же. Отчет о раскопках в Чигиринском уезде Киевской губ. в 1908 г. ИАК, СПб., 1910, вып. 35, стр. 50—51, 172; его же. Отчет об исследовании курганов в Черкасском и Чигиринском уездах Киевской губернии в 1909 г. ИАК, вып. 40, СПб., 1911, стр. 51; К. Ф. Смирнов. Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен и их культуры. СА, XVII, 1953, стр. 146—147.

[3] М. Ю. Брайчевский. Слов'янскі пам'ятки середнього Поросся. Археологічні пам'ятки, вып. III, Київ. 1952, стр. 57—65.

[4] О. І. Тереножкін. Розвідка і розкопки 1949 р. в північній частині Кіровоградської області. Археологія, т. VII, стр. 110—117; его же. Поселения и городища в бассейне реки Тясмина. КСИИМК, вып. XLIII, 1952, стр. 80—82.

[5] И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений Левобережья Днепра. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 29—38; его же. Памятники культуры «полей погребений» первой половины I тысячелетия н. э. Днепровского лесостепного левобе-

Хотя среднеднепровские поселения исследованы крайне недостаточно, все же удалось выявить специфические особенности их домостроительства. Жилища здесь наземные, прямоугольные в плане, типа хат-мазанок со стенами из прутьев, жердей или плах, обмазанных глиной[1]. Характерны и печи — обычно глинобитные, со сводом на деревянном каркасе. Обращает на себя внимание отсутствие зерновых ям или иного типа кладовых. Что касается самих поселений, то они на правобережье — обычно больших размеров, многослойные, на левобережье — чаще небольшие и однослойные; как правило, поселения располагаются на солнечных склонах первых надпойменных террас берега реки или ручья.

Рис. 2. Кувшины из погребений Днепровского левобережья

Специфична и керамика; на поселениях она почти исключительно гончарная, как столовая (серая лощеная, тонкостенная, прекрасного звонкого обжига), так и кухонная; лепная отсутствует вовсе или процент ее крайне невелик[2]. Полностью отсутствует керамика зарубинецких форм. Относительно немногочисленны обломки амфорной тары, хотя встречаются они почти на каждом поселении как право-, так и левобережном.

Не менее выразительны и в то же время специфичны и среднеднепровские могильники. Как правило, в них встречаются одновременно трупоположения и трупосожжения[3]. В погребениях обычные сосуды для пищи и питья; миски (иногда трехручные) с положенными внутрь глиняными, а иногда и стеклянными кубками или чашами, кувшины биконической формы, характерные для Среднего Поднепровья (рис. 2), горшки для варки пищи. Число и состав сосудов и их расположение около тела покойника или его праха обусловлены погребальным ритуалом. Особенно многочисленны сосуды в детских погребениях[4]. Помимо сосудов в погребениях с трупоположениями встречается и мелкий погребальный инвентарь: фибулы, бусы, костяные гребни, морские раковины, подвески и др.

Покойники обычно лежат в вытянутом положении на спине, головою на запад[5] с отклонением к северу или югу, или на север[6].

режья..., стр. 7—32; А. Луцкевич. Матеріали до карти поширения «пам'яток культури полів поховань на території Харьківської області». Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 164—178.

[1] Э. Махно. Поселення культури «полів поховань» на північнозахідному Правобережжі. Археологічні пам'ятки, т. I, Київ, 1949, стр. 153—164; В. М. Даниленко и А. Д. Столяр. Переяславська маршрутна експедиція. Археологічні пам'ятки, т. III, 1952, стр. 226—230; В. И. Довженок. Городища и селища на Роси и Россаве (по материалам разведки 1954 г.), КСИА, вып. 5, 1955, стр. 51—52; М. Ю. Брайчевский. О раскопках в Черкасской области в 1956 г. (Доклад в секции славяно-русской археологии пленума ИИМК АН СССР от 28. III. 1957.).

[2] Э. В. Махно. Розкопки на поселеннях першої половини I тисячоліття н. е. в верхній течії Сули. Археологічні пам'ятки, т. V, 1955, стр. 77—85.

[3] В сс. Черняхове, Ромашках, Маслове — на правобережье; в с. Гурбинцы, в Переяславле-Хмельницком, а также в сс. Свинковке, Пересечном, Лохвице — на левобережье.

[4] В Черняховском могильнике в захоронениях детей число сосудов доходит до 13—16.

[5] В Черняховском могильнике, в Дидовщине, в одном из погребений в Ромашках и в Лохвице.

[6] В Масловском могильнике, в Переяславле-Хмельницком.

Трупосожжения известны двоякого типа — с захоронением праха в урнах и ямах. Сожжение трупа производилось на стороне; иногда покойный сжигался без погребальных даров. Вместе с пережженными костями покойника, тщательно очищенными от углей и золы погребального костра, производилось захоронение не побывавших в огне металлических украшений одежды и погребального инвентаря. В других случаях покойный сжигался вместе с погребальными приношениями, о чем свидетельствуют встречающиеся в расплавленном виде стеклянные бусы и даже стеклянные сосуды[1]. Захоронения совершались в небольших ямках округлой формы на утрамбованной площадке[2].

Наряду с захоронениями с указанным выше погребальным инвентарем встречаются погребения вовсе без инвентаря. В некоторых случаях покойники положены с подогнутыми или перекрещенными ногами и поднятыми вверх руками или скорченными. Неоднородность погребального обряда отчетливо выступает как в наиболее хорошо исследованном Черняховском могильнике, так и в могильниках Масловском, Ромашкинском и в недавно открытом Лохвицком. Отчетливо выраженный сарматский характер некоторых погребений не вызывает сомнения. Так, в Черняховском могильнике был обнаружен скелет, череп которого носил следы прижизненной деформации. К сарматским принадлежит и самое богатое женское погребение Черняховского могильника (№ 160). Ориентированное головой на юго-запад, оно сопровождалось стеклянным кубком, стоявшим у таза покойницы, двумя серебряными пластинчатыми фибулами на плечах, костяным кольцом у пояса и множеством бус из стекла, композиции, янтаря и сердолика (последние четырнадцатигранные). Под спину покойницы были положены завернутые в ткань две монеты — серебряный денарий Фаустины Старшей (ум. в 141 г.) и золотая монета, являвшаяся «варварским» подражанием ауреусу Гордиана III (238—244)[3]. Инородными являются также ряд мужских и детских захоронений, вместе с которыми найдены кости барана с воткнутым в них ножом, положенные в миски или лежащие отдельно. В том же Черняховском могильнике была найдена пиршественная чаша, опоясанная фризом, в котором чередуются изображения конских голов с округлыми фалярами-атрибутами парадного конского убора. Явно сарматского типа и одно из трупоположений Лохвицкого могильника — на деревянной плахе со слегка согнутыми ногами и руками[4]. Особого внимания в Черняховском могильнике заслуживают погребения в деревянных склепах, как их назвал В. В. Хвойка, или камерах-срубах, глубиной до 4 *м* каждый[5], в которых были, очевидно, погребены представители знати. Об этом говорят остатки богатого погребального инвентаря, почти целиком разграбленного.

Говоря о погребальных памятниках черняховской культуры в Среднем Поднепровье, мы намеренно не касались широко известных захоронений на р. Коломак в бассейне р. Ворсклы у с. Кантемировки[6]. Несмотря на наличие в этих погребениях в подбойных могилах и склепах под курганной насыпью черняховской керамики характерных днепровских форм (сосуды формы тыквы, трехручные миски, горшки и кубки), относить эти погребения к черняховской культуре нет оснований. Как погребальный обряд, так и самые погребальные сооружения[7] здесь особого, отличного от черняховских типа. Есть специфические особенности и в составе погребального инвентаря. В этих захоронениях есть все основания видеть погребения представителей сарматской знати[8]. В то же время в самой Кантемировке и в ближайшей к ней округе, в бассейне р. Ворсклы имеется ряд и собственно черняховских памятников[9].

Нельзя не обратить внимания и еще на некоторые более мелкие, так сказать, специфические особенности среднеднепровской черняховской культуры. Проявляются они

---

[1] В Черняхове, в Маслове, в Пересечном, Переяславле-Хмельницком.

[2] Например, в Черняхове. См. также В. В. Хвойка. Раскопки могильника при с. Черняхово Киевской губ. и уезда (рукопись). Архив ИИМК, ЛОА, дело АК № 29/1900, лл. 73 слл. В Лохвицком могильнике захоронение праха производилось только в урнах-горшках и без обставляющих сосудов. Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник. КСИА, вып. 7, Киев, 1957, стр. 89—90.

[3] Отчет Историч. Музея за 1908 г., табл. II, а также М. А. Тиханова. Борочицкий клад. СА, XXV, 1956, стр. 311, рис. 4.

[4] В могильнике вскрыто всего 20 погребений (12 трупоположений, восемь сожжений, расположенных совершенно бессистемно). См. Д. Т. Березовец. Лохвицкий могильник, стр. 89.

[5] В. В. Хвойка. Поля погребений..., стр. 181.

[6] М. Рудинський. Кантемирівські могили римскої доби; его же. Збірки Полтавського Музею, стр. 54—55.

[7] Погребение № 1 — в вырезанной в материке шахте с подбоем и дромосом, накрытыми земляной насыпью; покойник помещен в сидячем положении, лицом на восток. В погребении № 3 покойник захоронен в склепе на деревянном помосте также в сидячем положении.

[8] Сарматскими считают кантемировские погребения также и К. Ф. Смирнов (см. «Итоги и очередные задачи изучения сарматских племен», стр. 133) и И. И. Ляпушкин (см. «Памятники культуры полей погребений первой половины I тысячелетия н. э...», стр. 15).

[9] Например, в Свинковке, Писаревке. См. И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений..., стр. 30 и карта.

как в наличии здесь некоторых излюбленных форм и орнаментаций керамики, так и в отдельных разновидностях украшений и бытовых предметов.

Уже ранее упоминавшиеся миски и особенно трехручные и биконические кувшины имеют здесь формы, близко напоминающие формы металлической посуды [1]. Специфичны для Среднего Поднепровья жбаны и двуручные амфоровидные сосуды [2], и в то же время относительно редки большие пифосообразные сосуды для хранения запасов (главным образом — зерна) [3]. Те, что здесь встречаются, имеют несколько иную форму и лишены орнаментации, столь типичной для других районов.

Среди украшений встречаются топоровидные подвески и отсутствуют ведеркообразные; отсутствуют также некоторые разновидности фибул (с высоким держателем иглы и Т-образные) и, наоборот, повсеместно распространены фибулы с обернутой (или подвязанной) ножкой и пластинчатые фибулы [4].

3

Особое место в черняховской культуре полей погребений занимает район Порожистого Днепра (Днепровская Лука). Самое расположение и некоторые черты поселений и могильников, а также керамики и мелкого инвентаря заметно отличают эту группу от памятников Среднего Поднепровья [5].

Начало обследования района Порожистого Днепра связано, как уже говорилось, со строительством Днепрогэса, когда специальная археологическая экспедиция подвергла обследованию всю территорию затопления. Ею были обследованы памятники различных эпох, начиная от неолита и бронзы, и памятники более позднего времени, среди которых не последнее место занимали и древности культуры полей погребений. На открытых экспедицией поселении и могильнике у с. Привольного были проведены раскопки.

Обследование этой территории и поиски новых памятников продолжались и позднее. С 1938 г. здесь начинает систематическое собирание материалов местный археолог А. В. Бодянский. В 1940 г. археологические разведки и небольшие раскопки производил И. Н. Фещенко [6]. В послевоенные годы (1950—1953) здесь работала Славянская экспедиция Института археологии АН УССР [7].

В результате этих обследований и частичных раскопок выявилась густая заселенность правобережья Порожистого Днепра в первой половине I тысячелетия н. э. [8]. В южной части этого участка между гг. Днепропетровском и Запорожьем на протяжении около 35—40 *км* было выявлено до 10 пунктов с культурой полей погребений, удаленных друг от друга в среднем не более чем на 3—5 *км*. Все эти поселения относительно небольших размеров, неукрепленные, расположенные на пологих склонах высокого берега Днепра. Многие поселения находятся напротив порогов. Так, поселение у с. Никольского находится против Ненасытецкого порога, поселение у с. Ново-Александровки — против порога Лишнего, у с. Августиновки — против порога Хмельного, у с. Привольное — против порога Вольного.

Специфична, однако, не только топография поселений, но и некоторые другие их черты, и прежде всего домостроительство. На обоих подвергавшихся раскопкам поселениях (в Привольном и в Никольском) [9] жилища были углублены в землю. В Привольном обнаружены две двукамерные, прямоугольные в плане землянки, одна с печью-каменкой, другая с глинобитной печью, расположенной на возвышении. В Никольском жилища представляли собою овальные в плане землянки. Одно жилище было двухчастным, с сенями. Наряду с зимними, здесь были, видимо, и летние жилища без печей.

На поселениях встречаются и хозяйственные (зерновые) ямы.

Отличительные черты имеет и керамика, в значительной своей части, видимо, местного изготовления, о чем можно судить по обнаруженной в Никольском разрушенной гончарной печи [10].

---

[1] В. В. Хвойка. Поля погребений..., табл. XX, XXI; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья, табл. XX. Особенно отчетливо выражено подражание металлическим формам в кувшине из Коровинцев. См. И. И. Ляпушкин. Памятники культуры полей погребений..., стр. 17, рис. 4.

[2] В. В. Хвойка. Поля погребений..., табл. XX, рис. 26, 29; А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 57, рис. 2, 4.

[3] В. О. Довженок. Ук. соч., стр. 51—52.

[4] А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 61, рис. 6.

[5] См. Ю. В. Кухаренко. Юго-восточная граница расселения раннеславянских племен (автореферат). М., 1951, стр. 4—5.

[6] І. М. Фещенко. Пам'ятки матеріальної культури сарматської доби на побережжі порожистої частини Дніпра. Рукопись. Научный архив Института археологии АН УССР.

[7] А. Т. Брайчевська. Поселення черняхівського типу в с. Микольске на Дніпрі. Археологічни пам'ятки, т. V, Київ, 1955, стр. 86—94.

[8] В этой части левобережья Днепра памятники культуры полей погребений не обнаружены.

[9] Ю. В. Кухаренко. Поселения и могильники...; А. Т. Брайчевська. Ук. соч., стр. 86.

[10] В печи, по словам И. Н. Фещенко, было много фрагментов керамики, сделанной

Наряду с посудой типично черняховской фактуры и форм — столовой сероглиняной, сделанной на круге (миски, кувшины), и кухонной (толстостенные горшки для варки пищи) встречается в достаточно большом числе посуда привозная, вероятно, из Ольвии и из других причерноморских городов. Это многочисленные обломки амфор и единичные обломки красноглиняных и краснолаковых сосудов. Особую группу составляют омфаловидные чаши малого размера, украшенные геометрическим и растительным орнаментом [1]. По своим формам они являются прямым подражанием изделиям из металла и так называемым мегарским чашам.

Специального внимания заслуживает тот факт, что на поселениях Порожистого Днепра наряду с гончарной заметное место занимает лепная посуда, притом особая ее группа. Это сосуды, поверхность которых специально обмазана слоем жидкой глины, смешанной с крупнозернистым песком или дресвой. Совершенно неизвестная в Среднем Поднепровье, такая посуда широко распространена на западе, в Повисленье, типична для Волыни и встречается в Верхнем Поднестровье.

Погребальные памятники Порожистого Днепра имеют также особые, отличительные от среднеднепровских, черты.

Так, в могильнике в Привольном, где было раскрыто 28 погребений, сочетаются оба обряда — трупосожжение и трупоположение, но преобладает первый (18 сожжений и 10 трупоположений). Скелеты лежат обычно на спине, головой на север [2]. Сосуды, которых здесь гораздо меньше, чем в Черняховском могильнике, и вещи группируются у головы покойника, у пояса или ступней. Трупосожжения неоднородны. Среди них встречаются захоронения сожженного праха в погребальных урнах (урною обычно служит миска или горшок), а также без урны, в ямах, так называемые ссыпные, накрытые обломками сосудов, целым сосудом или просто камнем [3]. В погребениях с трупосожжениями сосуды встречаются редко или вовсе отсутствуют, зато в них много металлических изделий; причем все вещи носят следы пребывания в огне. Очевидно, сожжение покойника совершалось со всем погребальным инвентарем и происходило на стороне (на территории самого могильника никаких следов кострища обнаружено не было).

Большинство раскопанных в Привольном и Ново-Александровке захоронений, судя по находкам бус и пряслиц, принадлежало женщинам.

Керамика, как и на поселениях, неоднородна; среди нее встречается как гончарная, так и лепная посуда. Первая, в массе своей близкая к среднеднепровской, но не вполне с ней тождественная, приближается скорее к днестровско-бужской. Здесь нет ни биконических кувшинов, ни двуручных амфоровидных сосудов; полностью отсутствуют и сосуды с черным покрытием. Если и встречаются трехручные миски, то они несколько особого типа, близкого не к среднеднепровским, а к западным образцам. Встречаются и сосуды южного облика, например кувшин из погребения № 10 с трупоположением или сосудик, который Ю. В. Кухаренко называет «лампадкой» (в погребении № 19) [4]. Лепная посуда по формам и фактуре близка к посуде с поселений, поверхность которой обмазана глиной с песком [5].

Специфичен и другой погребальный инвентарь. Так, в Привольном встречаются отсутствующие в Среднем Поднепровье, но широко распространенные в Повисленье железные ведеркообразные подвески. В погребении № 19 их было 28, в погребении № 25 — пять [6]. Здесь же в уже упоминавшемся богатом захоронении с трупоположением (№ 10) наряду с четырнадцатигранными бусами из сердолика и стекла было найдено восемь янтарных мешковидных подвесок [7]. Хорошо известные в Южной Прибалтике [8], они довольно многочисленны и на юге, в частности в Херсонесе. Там они встречаются в захоронениях IV в. также в сочетании с четырнадцатигранными бусами из сердолика (а иногда и из стекла) и со стеклянными же шашками (жетонами), являясь, как и на Днепре, безусловно привозными.

Известная специфика наблюдается и в фибулах. Наряду с обычными повсеместно распространенными фибулами с обернутой ножкой здесь встречаются фибулы и иного,

---

на круге, тонкостенной и грубой, а также лепной. (Сведения почерпнуты из письма И. Н. Фещенко к П. Н. Третьякову, написанного в 1941 г.; сообщены тогда же автору настоящей статьи).

[1] Найдены в погребениях (Ново-Александровка, Августиновка, Федоровка); обломки таких чаш находят на поселениях.

[2] В одном погребении (№ 2) костяк лежал на правом боку в скорченном положении, головой на северо-запад (Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник..., стр. 132, рис. 3, *1*), в другом (№ 4) — костяк положен головой на восток; в погребении № 3 погребенный лежал на правом боку, головой на север (см. там же, стр. 132).

[3] Обычай, совершенно неизвестный в Среднем Поднепровье, но распространенный в Повисленье в погребениях пшеворской культуры, а также на Верхнем Днестре.

[4] Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник..., табл. II, *37* и табл. III, *23*.

[5] Там же, табл. I, *1*, *13*.

[6] Там же, табл. III, *26—35* и стр. 140, 142.

[7] Там же, стр. 136—138, табл. II, *27—30*.

[8] W. Gaerte. Urgeschichte Ostpreussens. Königsberg. 1929, стр. 242, рис. 185f, h. m; ср. также B. Schmidt. Einige neue Körpergräber des 4 Jahrhunderts aus dem Saalegebiet. Jahresschrift für Mitteldeutsche Vorgeschichte, т. 40, 1956, стр. 207, рис. 3.

южного типа, так называемые Т-образные, а также фибулы с сильно профилированной спинкой[1]. Как те, так и другие известны в памятниках IV в., особенно в дунайских провинциях империи.

Заслуживают упоминания и найденные в рассматриваемом районе Поднепровья костяные гребни. Так, в Ново-Александровке, видимо в детском погребении, были найдены гребешки малых размеров, украшенные не обычным, широко распространенным глазковым орнаментом, а особым пунктирным. Рисунок гребней из Ново-Александровки — сегмент круга с вписанными в него сферическими треугольниками — очень близок к гребню из могильника «Городок Николаевка» на Нижнем Днепре[2].

Следует, наконец, остановиться еще на одной детали — бронзовой подвеске в виде птички из того же погребения с сожжением в Ново-Александровке. Такого рода украшения неизвестны в черняховских памятниках, но встречаются в сарматских, как на рассматриваемой территории, так и западнее.

Итак, как расположение поселений (на высоком правом берегу Днепра), так и самый их характер (небольшие однослойные поселения с жилищами-землянками, окруженные зерновыми или хозяйственными ямами), равно как и погребальный обряд, керамика и мелкий инвентарь,— всё говорит о специфичности памятников культуры полей погребений на Порожистом Днепре в III—IV вв. н. э.[3].

Учитывая не только всё вышесказанное, но и то, что данной группе памятников здесь не предшествует никакая аналогичная более ранняя культура[4], приходится полагать, что мы имеем здесь дело с какой-то пришлой с запада (вероятно, с Повисленья или с Верхнего Днестра) группой населения. Обосновавшись, новое население Порожистого Днепра вступило в постоянное общение с черноморским югом, в частности с Ольвией и ее ближайшей периферией, о чем говорит южный облик некоторых элементов этой, в основном западной, культуры[5].

В последние десятилетия в археологической литературе получил довольно широкое распространение взгляд на памятники низовьев Днепра и Южного Буга, в том числе и на городища и селища в ближайших окрестностях Ольвии (у сс. Станислав, Скельня, Хабалова балка, Александровка, Снегиревка, пос. Каменка) и Одессы (с. Киселов), как на поселения культуры полей погребений или раннеславянские[6].

Наличие на этих поселениях посуды, сделанной на круге, тонкостенной серой и черной с орнаментом, исполненным лощением и вдавлением, или толстостенной, грубой с примесью крупнозернистого песка еще не может свидетельствовать о том, что поселения принадлежат носителям черняховской культуры. Следует учитывать и другие факты, которые говорят не в пользу такого предположения. Так, все черняховские поселения (если не считать укрепленного поселения-убежища на Порожистом Днепре в с. Башмачке) принадлежат к числу неукрепленных поселений; нижнеднепровские и нижнебужские — укрепленные. Резко отличается и домостроительство. Повсюду в низовьях Днепра и Южного Буга, как и на Куяльницком и Тилигульском лиманах, жилища представляют собой каменные или сложенные из сырца на каменных фундаментах многокамерные дома-усадьбы.

Подтверждением того, что поселения эти не принадлежат носителям черняховской культуры, является и отчетливо выраженный скифо-сарматский облик некоторых сопутствующих им могильников, например, в с. Ивановке под Ольвией[7], могильников у Бизюкова монастыря[8] на Нижнем Днепре и в «Городке Николаевке» у с. Козацкого[9].

---

[1] Ю. В. Кухаренко. Поселение и могильник..., табл. V, *8* и табл. IV, *2*.

[2] M. Ebert. Ausgrabungen bei dem «Gorodok Nikolajewka» am Dnjepr, Gouv. Cherson. Praehistorische Zeitschrift, т. V, 1913, 1—2, стр. 80—113.

[3] Мне представляется совершенно правильной эта датировка памятников Днепровской Луки, выдвинутая Ю. В. Кухаренко. К этому же, а не к более раннему (как полагает А. Т. Брайчевская) времени следует относить и поселение в Никольском.

[4] В последние века до нашей эры и в I—II вв. н. э. здесь известны сарматские курганные могильники. Однако поселений этого времени не обнаружено.

[5] А. А. Спицын вообще считал, что корни черняховской культуры нужно искать на западе. См. А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 69.

[6] Б. Н. Граков. Каменское городище на Днепре. МИА, № 36, 1954, Е. В. Махно. Раскопки Бериславского поселения и могильника в 1952—1953 гг. КСИА, вып. 4, стр. 40—42; В. П. Петров. Раскопки на Гавриловском и Знаменском городищах, КСИА, вып. 4, стр. 47—48; Л. М. Славин. Поселения первых веков нашей эры на Среднем и Нижнем Ингульце. КСИА, вып. 3, 1954, стр. 49—59; его же. Раскопки поселений первых веков нашей эры на Ингульце в 1952 г. КСИА, вып. 4, Киев, 1955 г., стр. 35—36; его же, Археологічні дослідження городищ, поселень та могильників ольвійского оточення у 1949—1950 гг. Археологічні пам'ятки, вып. V, стр. 142 сл.; К. А. Раевский. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра и Днестра в I тысячелетии н. э. СА, XXIII, 1955, стр. 250—276.

[7] Л. М. Славін. Археологічні дослідження..., стр. 142 слл.

[8] В. И. Гошкевич. Древние городища на берегах низового Днепра. ИАК, вып. 47, СПб., 1913, стр. 135—136; Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 154—174.

[9] M. Ebert. Ук. соч., стр. 80—112; А. А. Спицын. Ук. соч., стр. 65; Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, стр. 282. Э. А. Сымонович справедливо видит в могильнике «Городок Николаевка», в отличие от А. А. Спицына, не типично черняховский памятник.

Нельзя, однако, сомневаться в том, что отдельные захоронения и могильники, равно как и поселения, принадлежащие населению культуры полей погребений, могли встречаться и в степной полосе Поднепровья.

К таковым принадлежит, например, захоронение в с. Заплазах на р. Меланке (приток р. Тилигула), к северо-востоку от г. Ананьева. При постройке погреба здесь на глубине до 2 *м* было обнаружено нарушенное погребение, а также девять сосудов черняховского облика, две пряжки и браслет (рис. 3) [1].

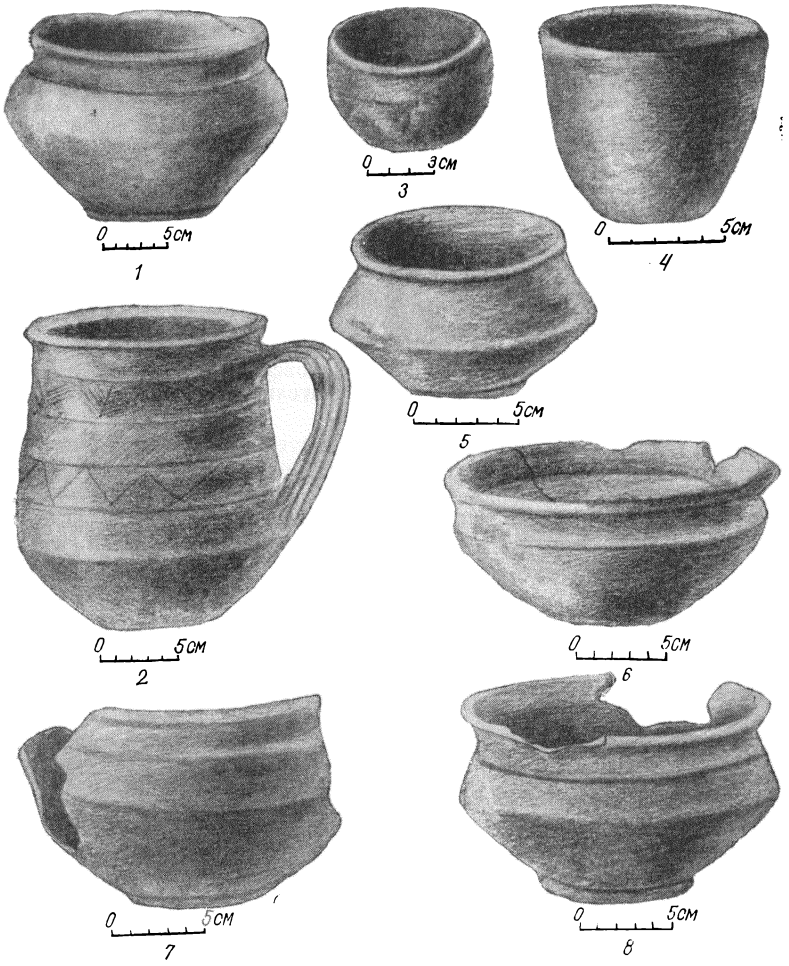

Рис. 3. Посуда из погребения у с. Заплазы

Черняховскими, хотя и со специфическими особенностями, видимо, были и могильники в пос. Каменке и с. Гавриловке, исследованные в последние годы Э. А. Сымоновичем [2]. И в том и в другом могильнике одновременно встречаются как трупосожжение, так и трупоположение. В деталях погребального обряда и в керамике наблюдаются черты, говорящие о выраженном скифо-сарматском воздействии, что отмечает и сам исследователь.

Зато ни в коей мере нельзя считать черняховским впускное погребение в кургане у с. Киселева под Одессой [3].

Что касается поселений черняховской культуры, то, как правило, даже наиболее южные из них располагаются на пограничье лесостепи и степи, хотя отдельные поселе-

---

[1] И. В. Фабрициус. Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР. Киев, 1951, стр. 56, табл. XVI, *13, 14*. Керамика из погребения полностью публикуется нами впервые по рисункам в отчете, поступившем в Археологическую Комиссию. Архив ИИМК, дело АК № 1895/251.

[2] Э. А. Сымонович. Ук. соч., стр. 312; его же. Памятники черняховской культуры на Нижнем Днепре. КСИА, вып. 4, Киев, 1955, стр. 43—44.

[3] К. А. Раевский. Ук. соч., стр. 268.

ния выходят на степные просторы: на Днепре, на его правобережье выше р. Конки, у сс. Грушевка и Кут [1], на левобережье на территории Каменского городища [2] и южнее, у сс. Гавриловка [3] и Б. Лепетиха [4], а также на Южном Буге в районе Первомайска [5].

В Грушевке был вскрыт слой культуры полей погребений и обнаружено углубленное жилище столбовой конструкции, овальной формы, с очагом. На поселении у с. Кут, расположенном в 2 *км* от с. Грушевки, обнаружено наземное жилище прямоугольной формы, также столбовое, с очагом у короткой стены. В отличие от Грушевки, здесь найдено значительно меньше лепной и относительно много (по подсчетам Э. А. Сымоновича — до 27%) импортной керамики — красноглиняной и краснолаковой, а также амфорной тары. Увеличение количества привозной посуды во второй половине III—IV в. (этим временем датируется поселение у с. Кут) указывает не на ослабление связи с черноморским югом и его городами (ссылку на что можно нередко встретить в литературе) [6], а наоборот, на усиление этих связей [7].

На Каменском городище на территории древнего акрополя в III в. н. э. возникает небольшое поселение, о чем говорит обнаруженная здесь керамика черняховского типа [8].

Следы черняховской керамики отмечены и на другом левобережном городище — Б. Лепетиха, тянущемся на протяжении 350 *м* вдоль высокого берега Днепра. Однако керамика эта имеет своеобразные местные черты, свидетельствующие о дальнейшей жизни здесь скифского населения [9].

Но если в степных районах Нижнего Днепра и можно наблюдать следы проникновения сюда черняховской культуры [10], шедшего, видимо, с Поднестровья и из междуречья Днестра и Южного Буга (в меньшей мере — Порожистого Днепра), то вряд ли можно рассматривать в качестве черняховских поселения в Бужском лимане у хут. Петухово, у сс. Викторовка III и Варваровка, равно как и у с. Киселова.

Тем менее можно признать существование черняховских могильников в Крыму, как это склонны были утверждать некоторые исследователи несколько лет тому назад [11].

4

Обратимся к Поднестровью. Как уже говорилось, исследование памятников первой половины I тысячелетия н. э. началось в Верхнем Поднестровье в конце XIX в.

В последние годы значительно продвинулись обследования и частичные раскопки памятников и на Среднем Днестре [12], начались принявшие сразу же широкий размах

---

[1] Э. А. Сымонович. Раннеславянские поселения у сс. Грушевка и Кут Апостольского района Днепропетровской области. КСИА, вып. 2, 1953, стр. 20.

[2] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 53, 99: Н. Н. Погребова. К вопросу о населении Знаменского и Гавриловского городищ. КСИА, вып. 7, 1957, стр. 67—68.

[3] Э. А. Сымонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья..., стр. 313.

[4] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 152—153.

[5] И. В. Фабрициус. Ук. соч., стр. 53.

[6] См. П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. 2-е изд. М., 1953, стр. 148—151; В. В. Кропоткин. Клады римских монет в Восточной Европе. ВДИ, 1951, № 4, стр. 249. Ср. М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XLIV, стр. 76.

[7] См. М. А. Тиханова. Археологические памятники..., стр. 19; ее же, Борочицкий клад, стр. 314.

[8] Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 53, 153.

[9] Там же, стр. 152, 153.

[10] Нельзя, однако, согласиться с утверждением Б. Н. Гракова о широкой славянизации Нижнего Днепра с III в. н. э. и о мирном поглощении славянами (носителями черняховской культуры) скифского населения. См. Б. Н. Граков. Ук. соч., стр. 154, а также 32, 162, 175.

[11] См. Е. В. Веймарн и С. Ф. Стржелецкий. К вопросу о славянах в Крыму. ВИ, 1952, № 4, стр. 96; А. П. Смирнов. К вопросу о славянах в Крыму. ВДИ, 1953, № 3, стр. 32—45; П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. стр. 141; Б. Н. Граков. Ук. соч. стр., 32. Трупосожжения в «урнах» Чернореченского могильника не имеют ничего общего с захоронениями культуры полей погребений, с которыми их сближает Е. В. Веймарн Трупосожжения аналогичного типа широко известны в III—IV вв. в Херсонесе, Хараксе и других античных центрах Крыма (см. М. А. Тиханова. Дорос-Феодоро в истории средневекового Крыма. МИА, № 34, 1953, стр. 322, прим. 3). Тем менее можно говорить о славянстве погребений из Харакса, как это делал, отдавая дань «увлечениям» славянством, А. П. Смирнов. См. В. В. Кропоткин. Топография кладов римских и ранневизантийских монет на территории СССР, ВДИ, 1954, № 3, стр. 160—161. В настоящее время тенденция находить повсеместно славянство как будто бы изжита и останавливаться на этом вопросе подробнее не представляется необходимым.

[12] М. Ю. Смішко. Звіт про дослідження селища періоду «полив поховань» в Неслухові в 1946 р. Археологічні пам'ятки, вып. I, Київ, 1949, стр. 189—208; его же. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР. Археологічні пам'ятки, вып. III, 1952, стр. 337—345; В. Д. Баран. Поселение первых веков нашей

работы на нижнем Днестре в Молдавии [1], а также на правобережье Среднего Днестра — в междуречье Днестра и Прута [2].

Вопрос о культуре полей погребений в Поднестровье (ее содержании, датировках и этнической принадлежности) являлся не раз за последние годы предметом специального рассмотрения в работах М. Ю. Смишко [3], М. И. Артамонова [4], Э. А. Сымоновича [5], Г. Б. Федорова [6], а также автора настоящей статьи [7]. Не ставя своей целью в данной статье дать подробный анализ этой культуры и развернуть всю аргументацию в пользу нашей точки зрения, ограничимся перечислением тех ее особенностей, которые, как нам представляется, позволяют видеть в культуре полей погребений Поднестровья особый вариант черняховской культуры.

Основной особенностью культуры полей погребений в Поднестровье является то, что здесь почти повсеместно (за исключением некоторых малоизученных участков левобережья Среднего Днестра) черняховской культуре предшествует более ранняя культура рубежа и первых веков нашей эры, близкая к дакийской культуре соседних областей Румынии и восточных районов Венгрии и проникнутая сильными кельтскими элементами. Известная под наименованием липицкой культуры [8], она представлена относительно многочисленными, хотя и весьма недостаточно исследованными поселениями [9], несколькими могильниками и единичными погребениями [10] представителей знати [11], а также отдельными находками.

Поселения липицкой культуры как по общему своему характеру (неукрепленные, открытые селища, расположенные на южных или юго-западных склонах оврагов и балок), так и по типу жилищ (овальные полуземлянки, часто с сенями и наземные дома с открытыми очагами в центре жилья на возвышении или со сводчатыми круглыми в плане глинобитными печами) близко сходны с поселениями черняховской культуры. Близка и гончарная сероглиняная керамика. В то же время погребальный обряд отличен (массовые трупосожжения при единичных трупоположениях представителей знати).

Следующую по времени группу памятников в Поднестровье составляют поселения, могильники и отдельные захоронения и находки черняховского типа. Самые ран-

---

эры в с. Черепин Львовской области. КСИА, вып. 7, Киев, 1947, стр. 97—99; М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 72—74; ее же. Поселение культуры полей погребений..., стр. 45—46. М. И. Артамонов. Археологічні дослідження на Південному Поділлі в 1948 р. Археологічні пам'ятки, т. IV, 1952; его же. Археологические исследования..., стр. 112—113; его же. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции, КСИА, вып. 4, 1955, стр. 86—87.

[1] Г. Б. Федоров. Работа Славяно-Днестровской экспедиции в 1950 г. КСИИМК, вып. XLIV, 1952; его же. Итоги пятилетних работ в Молдавии. КСИИМК, вып. 56, 1955, стр. 8—9; М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда..., стр. 92—99; История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 36—37.

[2] Б. О. Тимощук. Розвідка в басейні р. Пруту. Археологічні пам'ятки, вып. III, 1952, стр. 411—413; его же. Розвідка Чернівецького історико-краезнавчого музею в 1947 р.; его же. Подкарпатские курганы III—V веков нашей эры. КСИИМК, вып. 52, 1953, стр. 64—69; В. Д. Баран. Раннеслов'янські пам'ятки правобережжя середнього Дністра. Археологічні пам'ятки, вып. V, стр. 170—175.

[3] М. Ю. Смішко. Доба полів поховань в західних областях УРСР. Археологія, т. II, Київ, 1948, стр. 98—129; его же. Раннеславянская культура Поднестровья..., стр. 67—82; его же. Раннеславянские памятники на территории западных областей Украинской ССР. Доклады VI научной конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 82—94.

[4] М. И. Артамонов. Некоторые итоги..., стр. 86—87.

[5] Э. О. Сымонович. Про культуру полів поховань на Поділлі. Археологія, т. V, Київ, 1951, стр. 105—115.

[6] Г. Б. Федоров. Древние славяне в Молдавии. Изв. Молдавского филиала АН СССР, вып. № 5 (25). Кишинев, 1955, стр. 73 и сл.

[7] М. А. Тиханова. Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА, № 6, 1941, стр. 245—277; ее же. Археологические памятники..., стр. 15—19.

[8] Наличие памятников липицкой культуры на левобережье Среднего Днестра долгое время отрицали как пишущая эти строки, так и М. И. Артамонов.

[9] M. Smiszko. Kultury wczesnego okresu epoki cesarstwa rzymskiego w Malopolsce wschodniej. Lwów, 1932; его же. Osady kultury Lipickej. В сб. «Przyczynki do poznania epoki cesarstwa rzymskiego. Lwów, 1934; его же. Stan i potrzeby badan nad okresem cesarstwa rzymskiego w Poludniowo-wschodnije Polski Wiad. archeol., XIV, 1936, стр. 125—130.

М. Ю. Смішко. Верхньодністр'янска розвідкова експедиция 1946 р., Археологічні пам'ятки, вып. 1, стр. 254—256.

[10] М. Ю. Смишко. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области. СА 1957, № 1, стр. 243.

[11] Впускное (в курган эпохи бронзы) погребение в Колоколине Большевцевского района Станиславской обл. См. M. Smiszko. Znalezisko wszesnorzymskie z Kolokolina, pow. Rohatynski. Wiad. archeol., т. XIII, 1935, стр. 155.

ние из них датируются III в. н. э., самые поздние — концом IV, может быть самым началом V в. н. э.

Они распространены во всем бассейне Днестра. В Верхнем Поднестровье наряду с ними выступают отдельные захоронения пшеворского типа; на правобережье Верхнего Днестра и в верховьях рр. Прута и Серета — особая группа погребальных памятников, в основном синхронная с черняховской (так называемые подкарпатские курганы III—V вв. н. э.) [1].

Памятники черняховского типа в Поднестровье известны преимущественно на пограничье среднего и верхнего течения Днестра и в междуречьях рр. Серета — Збруча — Жванца — Смотрича. На западе они доходят до левобережья р. Гнилой Липы,

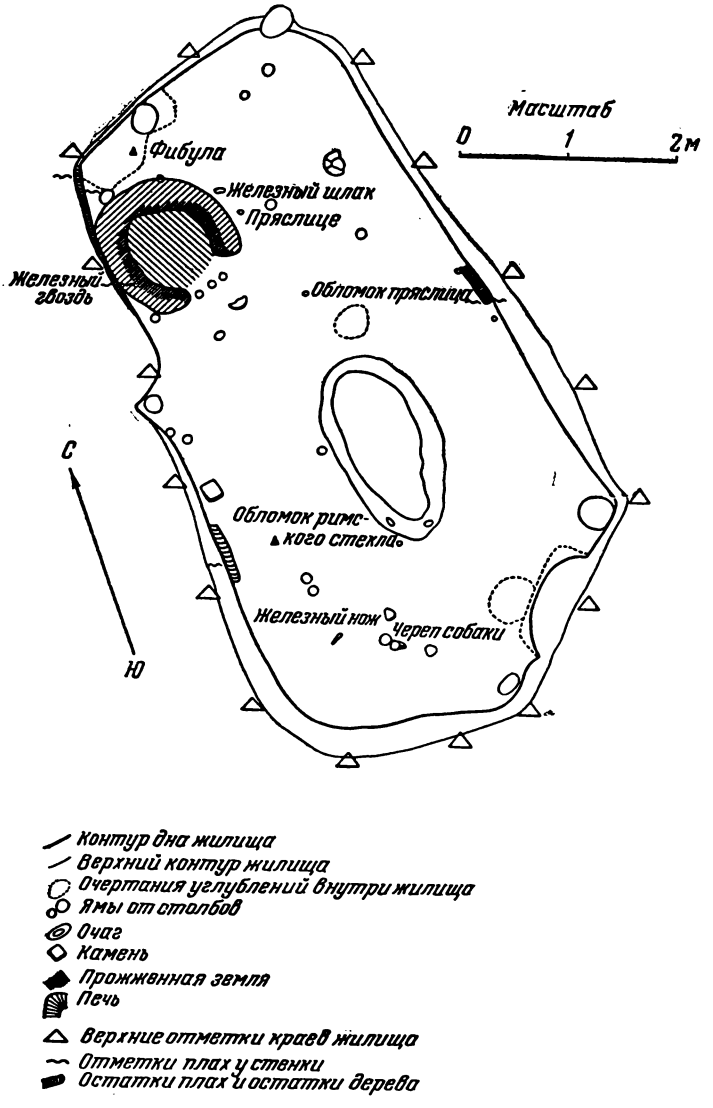

Рис. 4. План землянки № 1 из Луки-Врублевецкой. Раскопки 1947 г.

на севере — до верховьев Западного Буга, на востоке — до пограничья со степью, включая и район междуречья Днестра и Южного Буга, на правобережье вплоть до низовьев Днестра и в междуречье Днестра и Прута.

Топография поселений очень устойчива, тождественна с топографией селищ липицкой культуры. Жилища также продолжают традицию липицкой культуры. Они двоякого типа: углубленные и наземные. И те и другие представляют собой дерево-глинобитные хаты-мазанки на каркасе из плетня, жердей или плах с двускатной, а иногда и односкатной кровлей. В плане они обычно имеют форму неправильного, слегка вытя-

[1] М. Смішко. Доба полів поховань...; Б. А. Тимощук. Подкарпатские курганы..., стр. 64—69.

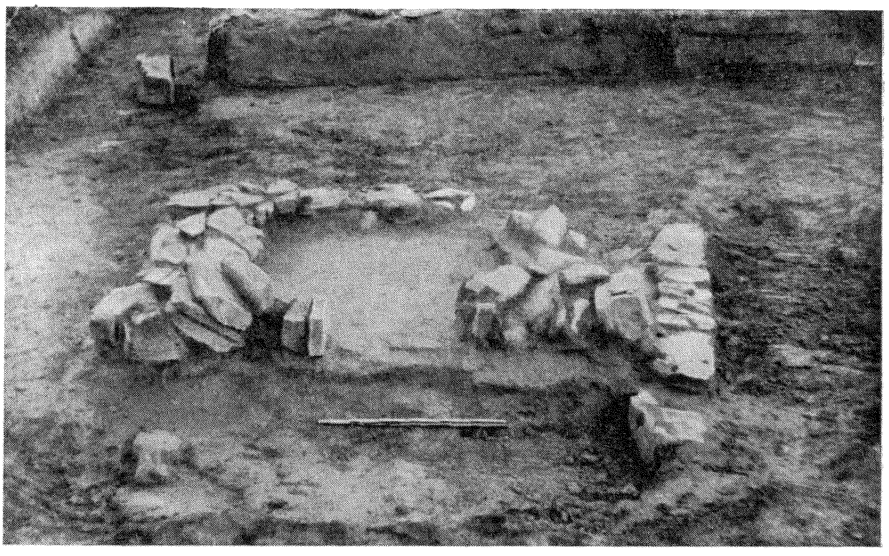

Рис. 5. Развалины печи из Луки-Врублевецкой

нутого прямоугольника (рис. 4), ориентированного с севера на юг, со входом с юга. Многие из жилищ двухчастные, иногда к ним примыкают сени [1].

Хозяйственные сооружения, кладовые и печи здесь также обладают известными особенностями. Если на востоке, в междуречье Днестра и Южного Буга, встречаются на поселениях зерновые ямы, то выше по Днестру известны и кладовые, слегка углубленные в землю. Печи здесь различного устройства: очаги, сложенные из камней и промазанные глиной; так называемые напольные печи, представляющие собой простые ямы, вырезанные в суглинке, в форме перевернутой пирамиды, со срезанной вершиной [2]. Встречаются также различные сводчатые печи: глинобитные на деревянном каркасе, сложенные из плоского плитняка на глиняной обмазке (прямоугольные или квадратные). У некоторых печей имеются лежанки (рис. 5). Известны и печи-каменки.

Разнообразны на Днестре и гончарные печи. На северо-западе — в с. Неслухове, Новомилятинского района, Львовской области и на юге — в Молдавии, в Слободзее встречаются печи обычного римского типа, округлые в плане [3]. В то же время в 1956 г. в Луке-Врублевецкой были раскрыты две гончарные печи обычной для первых веков нашей эры двухчастной вертикальной конструкции (внизу двухчастная топка, вверху обжигательная камера, перекрытая сводом) [4] не округлой, а овальной формы. Это обстоятельство указывает на прямое переживание латенских традиций.

Специфична по сравнению со среднеднепровской и керамика. Она представлена на поселениях тремя группами: 1) сделанной на круге столовой и кухонной посудой и пифосообразными сосудами для хранения запасов; 2) импортной — довольно многочисленными здесь, особенно на правобережье, обломками амфор и единичными находками красноглиняной и краснолаковой посуды; 3) лепной посудой.

В первой группе обращает на себя внимание преобладание мисок самых разнообразных типов при относительно меньшем числе кувшинов. Среди последних почти не встречаются характерные для Среднего Поднепровья биконические формы. Очень специфична и группа кубков или чаш для питья черного цвета, в изломе серых, типа terra nigra, украшенных сложными узорами, покрывающими все тело сосуда с наружной стороны, начиная от самого дна (рис. 6). Довольно большим числом представлены здесь сосуды для хранения запасов. С широким (до 5—7 *см*) и плоским горизонтальным краем (реже утолщенным, каплевидным венчиком), эти сосуды воспроизводят старые формы, восходящие к дакийским dolei и большим сосудам эпохи латена (рис. 7). В Верхнем и Среднем Поднестровье они обычно украшены по плечикам и плоскому

[1] М. А. Тиханова. Поселение культуры полей погребений..., стр. 46.

[2] Такие печи открыты в Луке-Врублевецкой в 1947 и 1948 гг. Ср. М. А. Тиханова. Раскопки поселения..., стр. 74.

[3] L. Kozłowski. Zarys pradziejów Polski południowo-wschodniej. Lwów, 1939, стр. 74, рис. 9; История Молдавии, т. I, Кишинев, 1951, стр. 37.

[4] Не опубликованы. Сообщение о них сделано на заседании Секции славяно-русской археологии пленума ИИМК АН СССР 28 марта 1957 г. Аналогичной конструкции печи известны и на территории древней Дакии. Пользуюсь случаем принести благодарность профессору Раду Вульпе, любезно сообщившему мне об открытии им в Пойяне такой же гончарной печи I в. н. э.

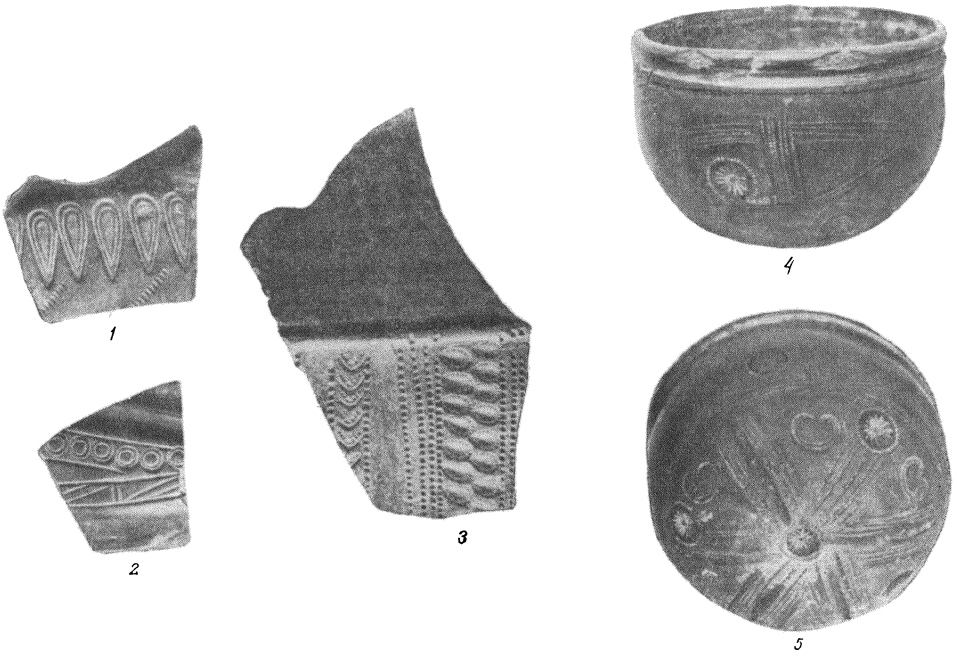

Рис. 6. Образцы посуды типа terra nigra из Луки-Врублевецкой и Черняховского могильника

краю врезанной многорядной волной[1]; в междуречье Южного Буга и Днестра и в Побужье — налепом в виде валика с вмятинами или двойным рядом косых встречных врезов, образующих «елочку»[2]. Такой орнамент широко известен и в Нижнем Побужье, в том числе в Ольвии[3].

Лепная посуда составляет на Днестре довольно значительную и своеобразную группу. Это плоскодонные толстостенные мисковидные горшки в виде перевернутого

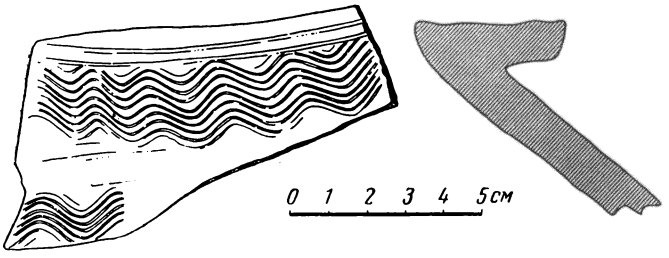

Рис. 7. Обломок сосуда для хранения запасов. Правобережье Среднего Днестра. Подъемный материал

усеченного конуса, миски со слегка загнутым внутрь краем, крышки из плохо промешанной и неравномерно обожженой глины. Все эти формы хорошо известны здесь и в более раннее время. Они распространены и на соседних территориях — в пределах современной Румынии и Восточной Венгрии.

[1] В Неслухове, в Липице (поздний комплекс), в Луке-Врублевецкой, Вороновицах, Боришковцах, Малиновцах и др. См., например, M. Śmiszko. Duże naczynie baniaste w Polsce wschodniej i Małopolsce wschodniej. Wiadomości archeologiczne, т. XVI, Warszawa, 1940—1948, стр. 211—231; М. А. Тиханова. Археологические памятники..., стр. 17; Э. А. Сымонович. Глиняная тара для хранения запасов на поселениях черняховской культуры. СА, XXVI, 1956, стр. 262—270.

[2] На поселениях в Криничке, Лабушна-Пасад (См. С. С. Гамченко. Археологические исследования в Подольской губ. по Трипольской культуре (рукопись), Архив ИИМК, дело АК № 1909/85, табл. 213—214. Встречается он и на поселении в Яруге. См. Е. О. Сымонович. Млинове спорудження перших століть н. е. на Південному Бузі. Археология, т. VI, Київ. 1952, стр. 100, рис. 2, *8* (В подписи ошибочно указана Лука-Врублевецкая).

[3] Л. М. Славин. Отчет о раскопках в Ольвии в 1935—1936 гг. Сб. «Ольвия», т. I, Киев, 1940, стр. 71, рис. 58.

В Верхнем Поднестровье и в северо-западной части Среднего Поднестровья встречаются сосуды, орнаментированные крупными ячейками-защипами, сделанными ногтем или специальным чеканом. Этот орнамент известен также в более западных и северных районах, в частности, в так называемой пшеворской керамике (рис. 8) [1].

Мелкий бытовой инвентарь в основном однотипен с другими районами распространения черняховской культуры, но и в нем прослеживаются специфические особенности. Так, на Днестре наряду с общераспространенной фибулой с обернутой ножкой (рис. 9) встречаются фибулы с так называемым широким или высоким держателем

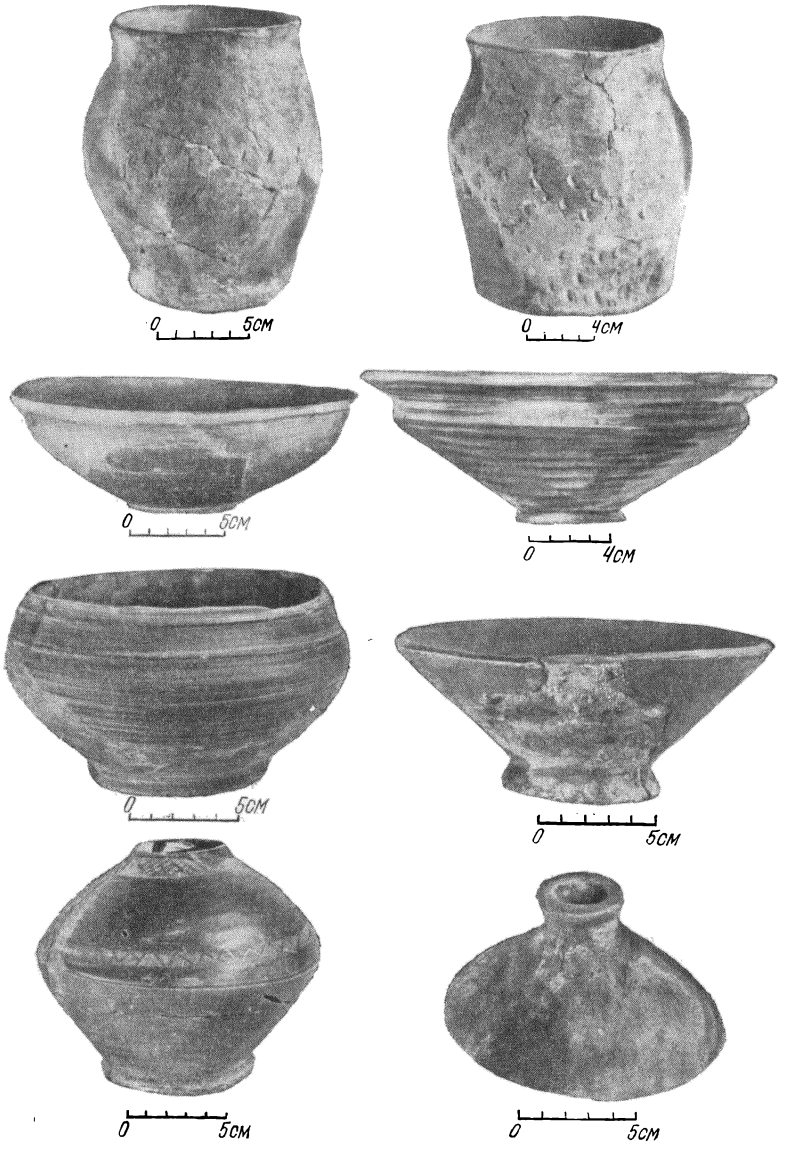

Рис. 8. Посуда с поселения в Луке-Врублевецкая

иглы, в том числе с головкой в виде водоплавающей птицы. Они распространены в пределах ограниченной территории: на самом Днестре и в междуречье рр. Серет—Збруч—Смотрич [2]. Родиной этого варианта фибулы (как и фибулы с обернутой ножкой), види-

[1] K. Hadaczek. Kultura dorzeczu Dniestru.., MAAE, т. XII, 1912, табл. VIIa.

[2] В Луке-Врублевецкой было найдено всего четыре экземпляра такой фибулы (все в жилищах). Рисунок см. Э. А. Симонович. О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 22—23, рис. 8, *16—18*.

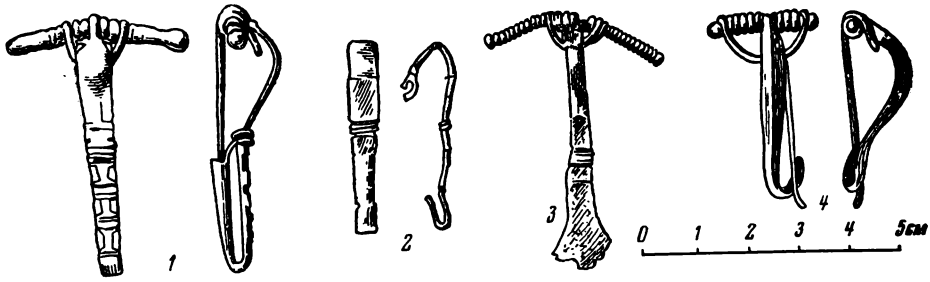

Рис. 9. Фибулы из раскопок 1953 г. в Луке-Врублевецкой

мо, является Северное Причерноморье, возможно даже Ольвия, где известны и прямые аналоги днестровского варианта в погребальных комплексах не позже II — начала III в. н. э.[1].

В юго-восточных районах Поднестровья и в междуречье Южного Буга и Днестра известны Т-образные фибулы, характерные, как уже говорилось, для римских провинций Дуная, встречающиеся и на Порожистом Днепре.

Следует также отметить повсеместное распространение на поселениях ключей.

Погребальные памятники, которые можно рассматривать как черняховские III—IV вв., представлены в Поднестровье в основном единоличными захоронениями и небольшими могильниками с трупоположениями. Встречаются они на левобережье, от пограничья со степью —на востоке до бассейна р. Гнилой Липы — на западе.

При общем сходстве со среднеднепровскими они имеют свои особенности, неоднородны и могут быть, в свою очередь, подразделены на отдельные подгруппы.

Так, особую группу составляют погребения в каменных ящиках, распространенные в южной части бассейна р. Збруча и в междуречье Збруча и Серета (у с. Глещава[2] и у с. Увисла[3]). В последнем в разрушенном погребении с трупоположением было найдено своеобразное шейное украшение — ожерелье из костей челюсти лосося и двух раковин syrgea pantherina (рис. 10)[4]. В данном районе обряд трупоположения в каменных ящиках устойчиво удерживается с эпохи позднего неолита в бронзовом веке (белопотоцкая культура)[5] и в эпоху раннего железа[6] и сохраняется в накрытых плитами захоронениях с трупоположениями времен Киевской Руси[7].

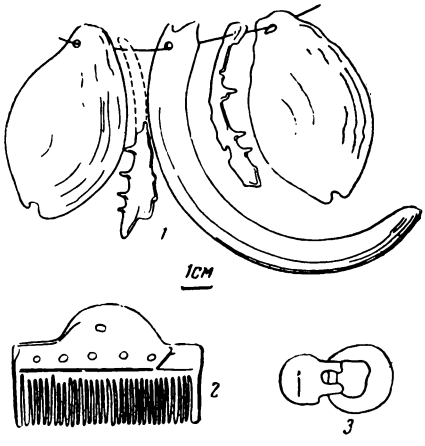

Рис. 10. Ожерелье, гребень и пряжка из погребения в Увисле

Одновременно в этом же районе встречаются и типично черняховские захоронения — трупоположения, обставленные сосудами (в с. Целиеве[8] и в с. Тербовле[9]).

Западнее бассейна р. Серета погребальные памятники III—IV вв. неизвестны вовсе.

---

[1] М. А. Тиханова. Археологические памятники..., стр. 17; І. А. Фурманська. Фібули из розкопок Ольвії. Археологія, т. VIII, Київ, 1953, стр. 86—88, табл. V, рис. 7.

[2] W. Demetrikiewicz. Poszukiwania archeologiczne w pow. Trembowielskim. MAAE, т. IV, 1900.

[3] G. Ossowski. Sprawozdanie drugie z wyciazki paleoetnologicznej po Galicyi w r. 1890. ZWAK, т. XV, стр. 357—391.

[4] Под ожерельем лежала бронзовая пряжка с остатками ткани, а на расстоянии 25 *см* от костяка — трехчастный костяной гребень.

[5] J. Kostzewski. Groby eneolytlczne z skurczonemi skieletami w Białym Potoku. Przegląd archeologiczny, т. III, 1925, стр. 9—17.

[6] T. Sulimirski. Scytowie na zachodnim Podolu. Lwów, 1936.

[7] J. Pasternak. Ruske Karpaty v archeologii. Praha, 1928.

[8] Ю. Полянський. Нові археологічні знахідки з Галичини. ЗНТШ, т. CXLIX, 1928, стр. 9—30, табл. XIV; L. Kozłowski. Zarys pradziejów..., табл. XXVI, *16*.

[9] W. Demetrikiewicz. Poszukiwania..., MAAE, т. IV, 1900, стр. 92—98, рис. 1—4.

Исключение составляют своеобразное женское захоронение в с. Городнице (возможно, входившее в состав могильника) [1] и могильник в Псарах [2].

Погребение в Городнице было раскопано в 1877 г. Оно совершено на небольшой глубине (0,35 *м*) в каменной гробнице, сложенной из плит различных размеров. В гробнице лежал женский костяк на спине, головой на юго-восток. Правая рука была вытянута вдоль туловища, левая, согнутая в локте, лежала на поясе. Погребение было обставлено четырьмя сосудами; три стояли справа у головы (сероглиняный кувшин с реберчатой ручкой, лепной горшочек и стеклянный кубок на ножке); четвертый сосуд — у левой ступни. На плечах и груди покойницы лежало пять четырнадцатигранных сердоликовых бус и две серебряные фибулы, на пальце был бронзовый перстень. Здесь же были найдены две железные шпильки и глиняное пряслице в виде усеченного конуса, лежавшее в кувшине (рис. 11) [3].

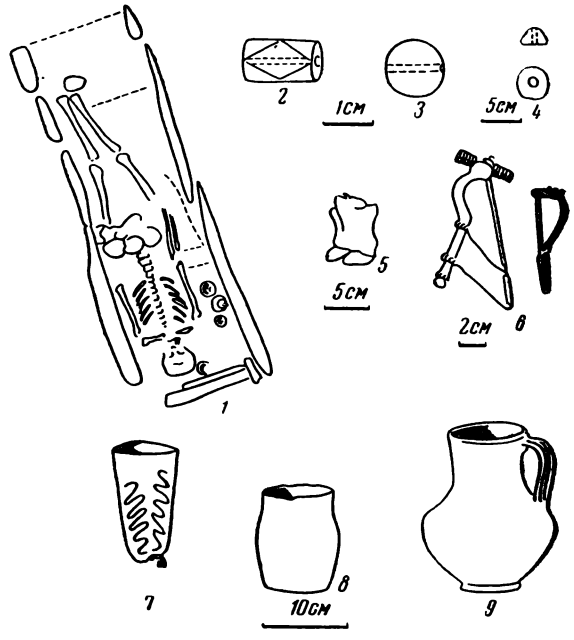

Рис. 11. Вещи из погребения в с. Городнице

В литературе встречается различная культурная и этническая атрибуция этого погребения [4]. Думается, однако, что ряд черт говорит за сарматское происхождение покойной (положение и ориентация скелета, инвентарь, в частности пряслица, керамика), захороненной, однако, с соблюдением местных древних обычаев.

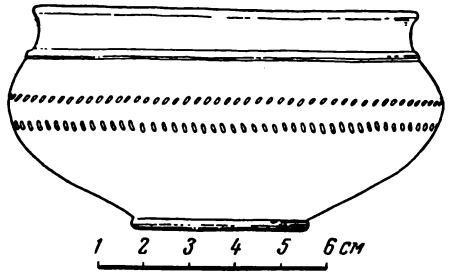

Рис. 12. Миска из погребения в Великой Мукше

Сарматские черты прослеживаются и в наиболее западном из могильников этой поры на Днестре — в с. Псарах Рогатинского района, где К. Гадачеком были вскрыты на разрушенном могильнике четыре женских захоронения, ориентированные головами на юго-запад, в том числе одно скорченное и одно в сидячем положении [5].

Погребальные памятники Среднего Поднестровья также неоднородны. Так, на западном его участке известно несколько случайно обнаруженных трупоположений, например, погребение в Великой Мукше с одним сосудом (рис. 12) [6]. В восточной части Среднего Днестра, в Винницкой области, в незначительном отдалении один от другого известны два могильника: в с. Виле-Ярузской (или в Вилах Яругских) и в с. Вербо-

[1] Dr. J. Kopernicki. Poszukiwania archeologiczne w Horodnicy nad Dniestrem wspolne z prof. Wlad. Przybyslawskim dokonane w roku 1877, ZWAK, т. II, стр. 55—59, табл. IIIc; K. Hadaczek. Kultura..., стр. 30.

[2] K. Hadaczek. Kultura..., стр. 28—31, табл. IX—XII.

[3] Ср. М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднестровья..., рис. 24, *1*. На этом рисунке ошибочно воспроизведена форма кубка из Городницы в том ее виде, как он дан у Коперницкого. На том же рисунке ошибочно показаны как происходящие из Городницы фибулы 6, 7, 8, 12; в действительности они из Жабинцев.

[4] L. Kozłowski. Zarys pradziejów..., табл. XXVIII, 7; K. Majewski. Importy rzymskie na ziemiach Slowianskich. Wroclaw, 1949; ср., например, J. Kostrzewski. Od mezolitu do wędrowek ludów. Historia ziem Polskich 1939—1948, рис. 84; N. Aberg. Till belysande av det gotiska kulturinslaget i Mellaneuropa och Skandinavien, Fornvännen. 1936, стр. 265, рис. I; K. Majewski. Obszar Słowiańszczyzny zachodinej w swietle importów rzymskych. Archeologia, т. I, Wrocław, 1949, стр. 185—202; J. Kostzewski. Ук. соч., стр. 350; J. Filip. Z. pravéku Československu. Praha, 1949.

[5] K. Hadaczek. Kultura..., стр. 30.

[6] Вскрыто Среднеднестровской экспедицией Института археологии АН УССР (рук. П. П. Ефименко) в 1945 г.

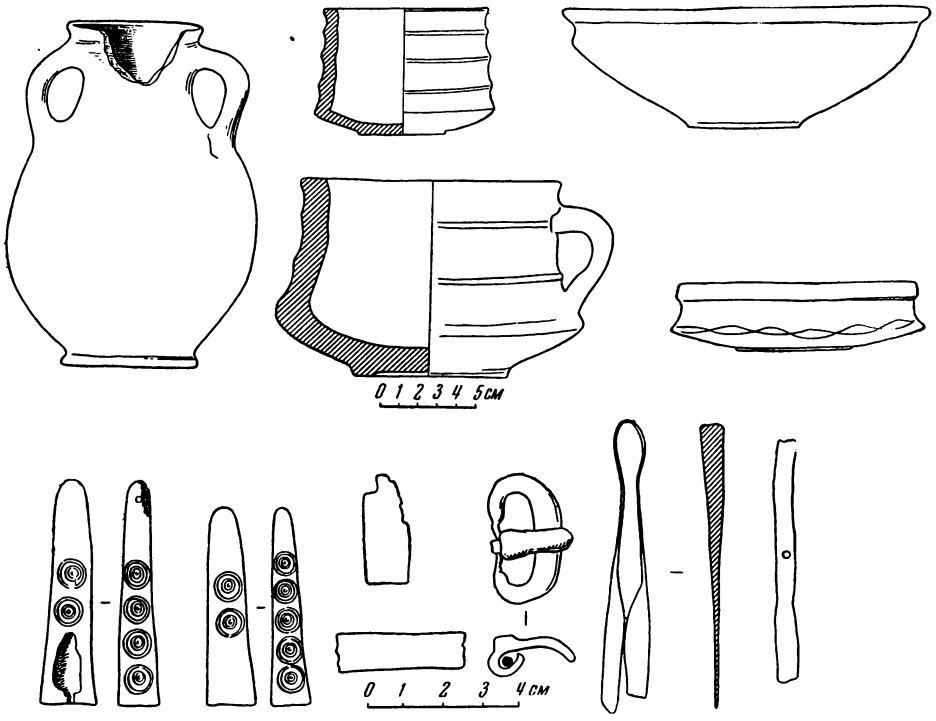

Рис. 13. Вещи из погребения, открытого в 1926 г. в с. Вила Ярузская Винницкой области

ках. Могильник в Виле-Ярузской типично черняховский, содержащий как трупосожжения, так и трупоположения(ориентированы головами на север) с характерными сосудами, украшениями и бытовыми предметами (рис. 13) [1]. Могильник в Вербках носит черты пшеворской культуры [2]. Несколько южнее, на пограничье со степью, у с. Михайловки, Рыбницкого района, Молдавской ССР, обнаружено чисто сарматское захоронение [3]. Однако как в Вербках, так и здесь керамика черняховского облика. На правобережье Днестра, в Черновицкой области, в с. Ленковцы, известны впускные сарматские погребения [4]. Еще южнее, у с. Боканы в Молдавии, открыт могильник II—IV вв., по погребальному обряду и мелкому инвентарю явно сарматский, но с керамикой черняховского типа [5]. На той же территории были известны типично черняховские могильники, синхронные могильникам,— в Будештах, Лукашевке и Малаештах [6].

Как видим, погребальные памятники Поднестровья обнаруживают значительные отличия от среднеднепровских. В то же время они свидетельствуют о неоднородности населения Поднестровья, во всяков случае на его окраинах, восточных и западных.

5

Выразительные памятники черняховской культуры известны также в областях Нижнего Дуная и северо-восточной Трансильвании, в пределах современной Румынской Народной Республики.

На рубеже и в первые века нашей эры здесь господствовала единообразная культура, весьма близкая и во многом тождественная липицкой культуре южных районов Верхнего и Среднего Поднестровья и междуречья Днестра и Прута. Эта культура

[1] См. Д. Щербаківський. Знахідки біля Могилева Подільського. КЗ ВУАК за 1926 р. Київ, 1927, стр. 171, 214. (Раскопки могильника продолжены Юго-Подольской экспедицией в 1952—1953 гг.).

[2] K. Hadaczek. Kultura..., табл. VI.

[3] Каталог выставки XI Археологического съезда. Киев, 1899, стр. 152, №№ 416—418.

[4] А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953, стр. 65—67.

[5] Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. ФАН, № 4, 31, 1956, стр. 49, 63.

[6] Обнаружены Молдавской экспедицией АН СССР. Материал не опубликован, кроме одного стеклянного сосуда с греческой надписью из могильника в Малаештах. См. Всемирная история т. II, М., 1956 г., стр. 709.

местного дакийского населения, в которой существенную роль играли кельтские элементы [1].

В III—IV вв. в Трансильвании, в долине р. Муреша, на склонах Карпат и на левобережье Нижнего Дуная (в пределах современных Ольтении и Мунтении), распространяются памятники, очень близкие к памятникам черняховской культуры Среднего Поднепровья и Нижнего Днестра. К сожалению, поселения этой поры изучены совершенно недостаточно, по существу лишь выявлены, но почти не раскопаны, хотя в последние годы число их значительно возросло. Лучше изучены могильники, два из которых уже давно вошли в широкий научный оборот, во всяком случае за рубежами нашей страны [2].

Поселения по своей топографии идентичны с поселениями черняховской культуры других районов: они располагаются на солнечных склонах оврагов или балок и не укреплены (поселения у с. Лекинця де Муреш и г. Тыргу-Муреш; поселения в низовьях Дуная, в бассейне рр. Ольты и Бузэу и в междуречье Серета и Прута).

Недостаточная изученность этих поселений позволяет высказать лишь предположительные соображения о жилищах. Вероятно, это были углубленные, типа полуземлянок, дома на деревянном каркасе, обмазанном глиной [3]. На поселениях обнаружены зерновые ямы. Основную массу посуды составляет сероглиняная керамика, близкая по формам, технологии и орнаменту к днестровской группе черняховской культуры [4]. Наряду с пифосообразными сосудами для хранения запасов и столовой посудой, в составе которой преобладают миски, значительную группу составляет кухонная посуда; в тесте горшков заметна значительная примесь крупнозернистого песка. Группа лепной керамики невыразительна.

Мелкий инвентарь на поселениях очень незначителен и беден: немногочисленные фибулы с обернутой ножкой поздних вариантов и так называемые Т-образные биконические пряслица, оселки, обломки ножей, бусы и т. п.

Многочисленные образцы серой и черной керамики черняховского облика обнаружены в позднеримских слоях крупных городских центров в низовьях Дуная — в древней Диногеции (на левом берегу Дуная близ г. Галаца) [5], в Сучидаве [6], в Капидаве [7] и др., в сочетании с местной и привозной красноглиняной столовой посудой и с амфорами.

Значительно лучше исследованы могильники в Трансильвании и в более восточных районах.

Классическими образцами являются упоминавшиеся выше два могильника в долине р. Муреш, поблизости от поселения Лекинця де Муреш, тщательно исследованные и хорошо опубликованные И. Ковачем [8].

---

[1] J. Andrieşescu. Piscul Crăsani Descoperirile arheologice din vara anurului 1923. Bucureşti; Radu Vulpe et Ecaterina Vulpe. Les fouilles de Tinosul. Dacia, I. Bucureşti, 1924, стр. 166—223; Radu et Ecaterina Vulpe. Les fouilles de Poiana. Dacia, III—IV, 1933, стр. 255—351; R. Vulpe. Piroboridava. La station protohistorique et dacoromaine de Poiana dans la Moldavie inférieure. Revue archéologique, т. 34, 1931, стр. 237—276; V. Pârvan. Getica. Bucureşti, 1926; J. Nestor. Der Stand der Vorgeschichtsforschung in Rumänien. 22 Bericht der Römisch — Germanischen Komission, 1933, стр. 11—181.

[2] Имеются в виду трансильванские могильники Марошсентанна и Марошваагаршель, вскрытые раскопками известного венгерского археолога Иштвана Ковача еще в начале настоящего столетия, перед первой мировой войной.

[3] Такого типа жилища известны у Лекинця де Муреш. Dorin Popescu. Les fouilles de Lechinta de Mureş. Dacia. II, 1925, стр. 303; табл. 14—15. В то же время на поселении в Пе-Куха близ Трушешти — жилища наземные. M. Petrescu-Dimbovita. Şantierul arheologie Truşeşti. Studii şi cercetari de istorie veche, т. VI, 1—2, 1955, стр. 176—177.

[4] Эта керамика встречается здесь на поселениях и в могильниках как местного карпо-дакийского, так и пришлого, в том числе и сармато-аланского населения. E. Beninger. Der Westgotisch-alanische Zug nach Mitteleuropa. Mannus Bibliothek, Leipzig, 1931. R. Vulpe. Săpăturile de la Poienesti din 1949. Materiale arheologice, т. I, 1953, стр. 213—506.

[5] Gh. Ştefan. Şantierul arheologie Gârvan-Dinogetia. Studii şi cercetari de istorie veche, т. V, 1—2, 1954, стр. 161—188; его же. Dinogetia, I. Risultati della prima campagne di scavi (1939). Dacia, VII—VIII, стр. 401—425; его же. Studii şi cercetari..., т. VI, 3—4, 1955, стр. 713—743.

[6] D. Tudor. Sucidava, I, Dacia. V—VI, 1938, стр. 387—422; Sucidava, II, Dacia, VII—VIII, 1941, стр. 359—400; Sucidava, III, Dacia, XI—XII, 1948, стр. 145—208; Sucidava, IV. Materiale arheologice, т. I, стр. 693—740.

[7] Gr. Florescu. Fouilles de Capidava 1928—1936. Dacia, V—VI, 1933, стр. 351—386; Fouilles de Capidava 1937—1940, Dacia, VII—VIII, 1941, стр. 345—351. Les fouilles archéologiques de Capidava 1940—1945. Dacia, XI—XII, 1948, стр. 209—220.

[8] I. Kovács. A Marosszentannai népvándorláskori temető. Dolgozatok, III, 1912; Kolozsvár, стр. 250—342; франц. резюме, стр. 343—367; его же. A Marosvásárhelyi öskori telep, skytha — és népvándolaskori temetö, Dolgozatok, VI, 1915; Kolozsvar, стр. 226—299, франц. резюме, стр. 299—325.

Могильник у с. Марошсентанна расположен на правом берегу р. Муреша, на высоком холме. Обнаруженный случайно при выборке песка из карьера могильник был затем подвергнут раскопкам, которыми вскрыты уцелевшие 74 погребения, все с трупоположением. Никаких следов поселения в непосредственной близости от могильника обнаружено не было. Восемь погребений относились к скифской поре и средневековью. Около трети захоронений было разграблено еще в древности.

Погребенные, как правило, лежали на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и были ориентированы головой на север, с некоторыми отклонениями на запад и восток. В двух случаях, как и в Черняховском могильнике, покойники захоронены в скорченном положении. Погребения были обставлены сосудами, наибольшее число которых (от 7 до 12) встречено в детских погребениях. Сосуды обычно поставлены в изголовье и с правой стороны, очень редко — у ног.

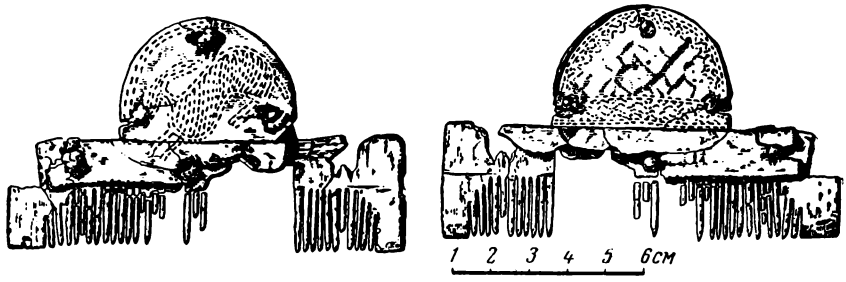

Рис. 14. Гребень из погребения в Марошваагаршеле (Тыргу-Муреше), Румыния

Керамика в громадном большинстве сделана на круге из тонкой, хорошо промешанной глины(сероглиняная столовая посуда). Кухонная посуда — горшки с большой примесью крупнозернистого песка в тесте. Последняя составляет наиболее многочисленную группу. Лепная керамика представлена всего семью сосудами-горшками кочевнического типа.

Обращает на себя внимание малочисленность кувшинов и трехручных мисок и отсутствие орнаментированных чаш и кубков для питья, а также единичность находок красноглиняной импортной керамики.

Мелкий инвентарь представлен фибулами с обернутой ножкой (18 экз.) и пластинчатыми с полукруглой головкой (8 экз.). Многочисленны бусы: четырнадцатигранные из лилового и синего стекла, реже из сердолика, или стеклянные, мелкие, округло-плоские; встречаются топоровидные подвески и подвески из морских раковин, ножи, пряслица (биконические). Многочисленна группа костяных трехчастных гребней. Они бывают как при женских, так и при мужских погребениях.

Мелкий инвентарь исключительно близок к инвентарю погребений Среднего Днепра и к самому Черняховскому могильнику. Почти идентичны фибулы и пряжки, очень близки бусы и гребни. Как и в Черняхове, здесь отсутствуют ведеркообразные подвески, фибулы с высоким держателем иглы и Т-образные.

Близко сходна часть погребений и второго трансильванского могильника в г. Марошваагершеле (Тыргу-Муреше), ниже по течению Муреша, но уже на левом берегу реки. Как в Марошсентанне, так и здесь поселения в непосредственной близости от могильника не обнаружено.

Могильник содержит разновременные захоронения, синхронные с марошсентаннскими и более поздние (VI—VII вв.) [1].

Погребений III—IV вв. всего 14, все трупоположения. Костяки лежат на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища; два погребения в скорченном положении. Как и в Марошсентанне, покойников клали в могильную яму без гробовища; одно детское захоронение было обложено кирпичами (обычай, широко распространенный в это время в дунайских провинциях Рима, как и вообще в античных центрах).

Погребения сопровождаются сосудами, украшениями, бытовыми предметами. Установить точное их размещение в могильных ямах не всегда удавалось, вследствие потревоженности погребения.

Состав погребального инвентаря разнороден и отражает имущественное неравенство погребенных. Так, в одном из захоронений (XIII) почти все металические украшения (фибулы, пряжки, подвески) были сделаны из серебра, бусы — из янтаря и сердолика. Соответственно богаче была здесь керамика, своеобразна и отделка костяного гребня (рис. 14).

Керамика и мелкий инвентарь в целом очень близки к тому, что дает могильник Марошсентанна, как в смысле самого набора вещей, так и их типов. Керамика вся сделана на круге; лепная отсутствует вовсе.

Предложенная в свое время исследователем этих могильников датировка как Марошсентанна, так и однотипных погребений Марошваагаршеля временем не ранее

[1] I. Kovács. A Marosvásárhelyi...

второй половины III — середины IV в. (250—350) в общем не вызывала и не вызывает особых возражений; она основывается на всем комплексе находок.

Рассмотренные могильники не единственные на р. Муреше, даже в пределах одного округа Тыргу. О других мы просто хуже осведомлены.

Близкого типа могильник с трупоположениями, ориентированными головами на север, был обнаружен западнее, в районе г. Клужа у с. Палацкя[1]. Всего здесь раскопано девять захоронений, среди них одно с подогнутыми ногами. Один скелет был обложен черепицей, другие — камнями; при некоторых погребенных были поставлены сосуды, часть погребений — без инвентаря.

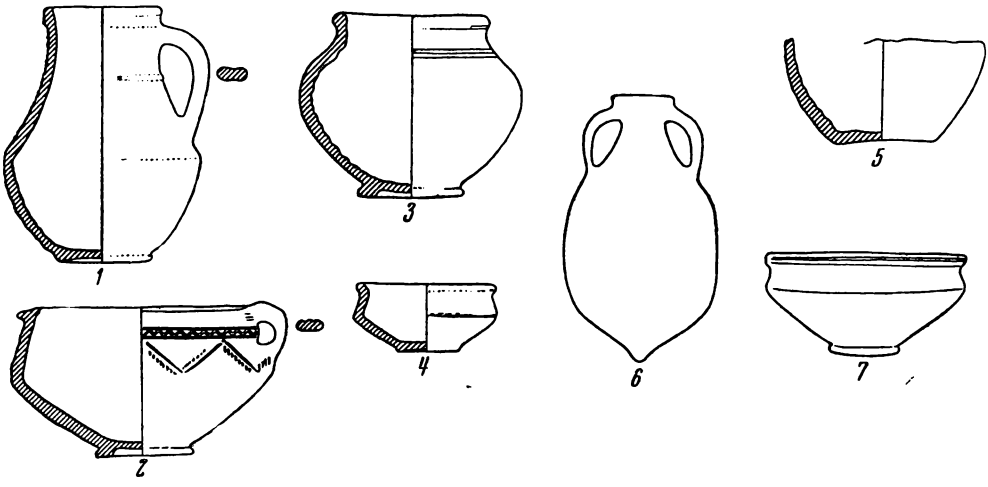

Рис. 15. Посуда из погребения в урочище Бузэу

1 — кувшин; *2* — миска с тремя ручками; *3*— *5, 7* миски и горшки; *6* амфора

Черняховского облика памятники встречаются и восточнее. Так, в бассейне р. Бузэу, на берегу небольшого ручейка, впадающего в р. Сланицу (приток Бузэу), было обнаружено разрушенное мужское погребение с семью сосудами[2]. В их числе кувшин биконическо-округлой формы с широким горлом, трехручная миска с желобчатыми ручками, орнаментированная по плечикам зигзагообразными линиями, исполненными лощением (по шейке) и вдавлением (по плечикам), маленькая прямостенная миска, большая миска более грубой работы и два сделанных также на круге кухонных горшка. Местной особенностью керамического набора является наличие в нем амфор, несколько особых, не северочерноморских форм, служивших, очевидно, вместилищем для вина (рис. 15).

На склоне берега ручья обнаружено много обломков керамики, тождественной с керамикой из погребения, что позволяет с полным основанием предполагать наличие здесь поселения.

Близкого типа могильник, по-видимому, также связанный с поселением, обнаружен на р. Быстрице у современного с. Извоар, прославленного своими знаменитыми трипольскими находками (Извоар III) [3]. Известно семь погребений, из которых обращает внимание одно чрезвычайно богатое женское захоронение, ориентированное на север, с поставленными в головах 17 сосудами. Среди них стеклянный бокал, амфора, черный лощеный кубок типа terra nigra. Остальная посуда — обычные сероглиняные, сделанные на круге кувшины, миски, чаши и горшки.

Среди украшений — две серебряные пластинчатые фибулы, один пинцет, одна уховертка, 28 стеклянных и пять янтарных бус, один бронзовый ножик. В одном из сосудов лежало два гусиных яйца. Небезынтересно, что в 2 *км* от могильника была найдена серебряная монета Константина I (306—337). Могильник в Извоаре явно того же типа и времени, что и трансильванские.

Число таких памятников можно было бы еще увеличить за счет открытых в последние годы аналогичных могильников (у сс. Выдастра, Роман, Шпанцов, Трушешты,

---

[1] I. Kovács. A Marosvásárhelyi..., M. M. Săpăturile arheologice de la Palaţca plasa Mociu, jud. Cluj. Studii şi cercetari de istorie veche, 1949, стр. 110.

[2] Ch. Ştefan. Une tombe de l'époque des migrations, à Aldeni (Buzău). Dacia, VII—VIII, 1941, стр. 217—221.

[3] R. V. Săpăturile arheologice della Izvoare. Jud. Neamt, Studii şi cercetari de istoria veche, 1949, I, стр. 129, рис. 1—5.

Гогошары и др.) [1] и поселений, в том числе на территории самого Бухареста (район Крынгаши с гончарной печью римского типа III—IV вв.) [2].

Таким образом, в Трансильвании и на Нижнем Дунае с середины III в. и в IV в. известны многочисленные памятники — поселения и могильники черняховского облика, близкие к памятникам Нижнего Днепра и Днестра. Этот факт позволяет утверждать не только существование тесных связей этих районов, но и прямое проникновение черняховской культуры непосредственно с Нижнего Днестра.

6

Особое место в числе районов распространения памятников черняховского типа занимает и Волынь.

Правда, территория Волыни с ее лесистыми массивами и большими болотистыми пространствами изучена (в особенности в отношении интересующего нас периода) крайне слабо. Еще до самого недавнего времени северные ее районы (Припятское Полесье) и северо-западные оставались совершенно неразведанными. Здесь известны были лишь отдельные находки и случайно обнаруженные погребения.

Тем не менее, даже и при современном состоянии наших знаний, есть возможность наметить специфические черты, которые отличают памятники культуры полей погребений на данной территории от соседних, и тем самым поставить вопрос об особом, волынском, варианте черняховской культуры.

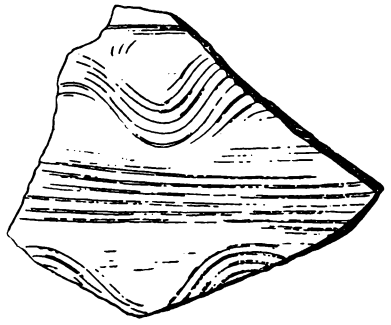

Рис. 16. Образец посуды с поселения в Викнинах-Великих

Памятники черняховского облика и времени распространены здесь далеко не повсеместно. Они отсутствуют на севере, нет их и в центре. На севере известны памятники зарубинецкого типа, генетически, видимо, восходящие к памятникам раннего железного века, на смену которым приходят городища и небольшие курганы с трупосожжением со своеобразной керамикой. Памятники эти, без сомнения, славянские (не ранее второй половины I тысячелетия н. э.).

Центр принадлежит зарубинецкой культуре. Здесь зарубинецкие могильники сопровождают синхронные с ними селища со слегка углубленными в землю жилищами с глинобитными печами [3].

Совершенно иная картина вырисовывается на юге и юго-западе в пределах современной Житомирской области и южных районов Ровенской и Волынской областей.

В бассейне р. Тетерева, на рр. Роставице, Гнилопяти и Гуйве, выступают типично черняховские поселения, близкие (если не тождественные) поселениям Среднего Днепра.

Они густо покрывают солнечные склоны мелких ручейков и рек, вытягиваясь узкой, но длинной полосой вдоль их берегов, на первых надпойменных террасах [4].

На этих поселениях (некоторые из них были разведаны, другие, как, например, Ягнятин, подверглись и раскопкам) [5] обнаружены остатки наземных дерево-глинобитных жилищ со стенами из прутьев или мелких плах, обмазанных глиной с примесью соломы или половы. Печи глинобитные, сводчатые, на деревянном каркасе. На поселениях во множестве находят обломки местной керамики, почти исключительно гончарной, и незначительное количество привозной амфорной посуды. Встречаются здесь и другие типично черняховские вещи, в том числе и хорошо датирующие эти поселения.

Отсутствие исследованных синхронных погребений не позволяет решить вопрос о полном тождестве этой группы со среднеднепровской, хотя и дает возможность предполагать это.

---

[1] Gh. Stefan. Ук. соч.; Radu Vulpe. Le problème des Bastarnes' à la lumière des découvertes archéologiques en Moldavie. Nouvelles études d'histoire présentées au X-e congrès des sciences historiques. Rôme, 1955. Bucarest, 1955, стр. 103—119. В Mitrea s i C. Preda. Săpăturile de Salvare de Gogoşari şi Cacaleţi (r. Guirgiu reg. Bucureşti). Studii şi cercetari de istorie veche, т. VI, 3—4, 1955, стр. 627—640.

[2] Gh. Radulescu si M. Jonescu. Discoperiri arheologice in raionul Giurgiu. Studii şi cercetari de istoire veche, стр. 297—301; V. Zirra si. M. Tudor. Crângaşi Şantierul arheologice, Bucureşti. Studii şi referate..., ч. I, 1954, Bucureşti, стр. 309—323.

[3] Ю. В. Кухаренко. О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР. КСИА, вып. 4, стр. 48; его же. Некоторые итоги изучения Припятского полесья. КСИА, вып. 7, стр. 91.

[4] В. К. Гончаров. Археологічна розвідка по р. Роставице в 1946 р. Археологічні пам'ятки, вып. 1, 1949, стр. 237—245; Р. І. Вьєзжев. Археологічні пам'ятки нижньої течії р. Гнилоп'яти. Археологічні пам'ятки, вып. III, 1952, стр. 203.

[5] Э. В. Махно. Ягнятинська Археологічна єкспедиція, Археологічні пам'ятки, вып. III, стр. 154—168.

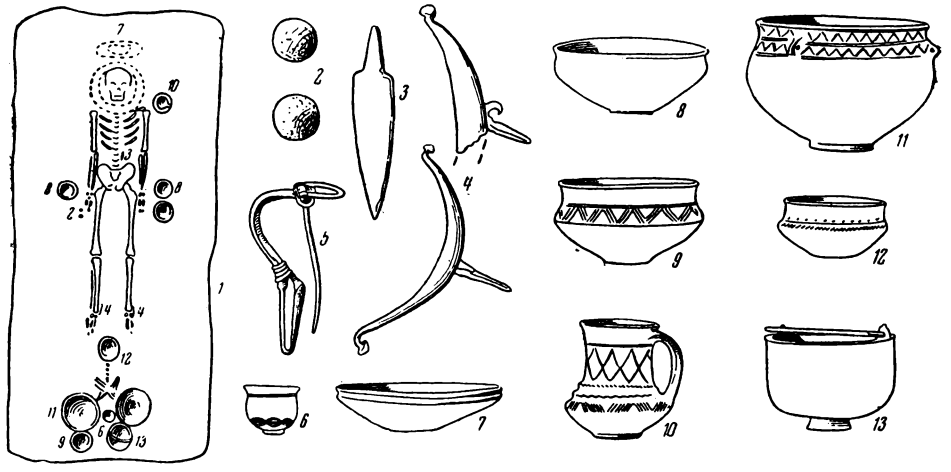

Рис. 17. Погребение в с. Рудках Тернопольской обл.

1 — план погребения; *2*— стеклянные шашки; *3* — ножик; *4* — шпоры; *5* — фибула; *6*—стеклянный сосуд; *7—12* — глиняная посуда; *13* — бронзовый сосуд

В южной части Ровенской области, на севере Хмельницкой и Тернопольской и на юге Волынской известны селища черняховского типа, тождественные по топографии и близко расположенные друг к другу, что говорит о густой заселенности края; например, в верховьях р. Горыни и в бассейне р. Иквы, в окрестностях г. Дубно, известно около десятка таких поселений. И в том и в другом районе проводились не только обследования, но и небольшие раскопки. Так, на Горыни, еще в дореволюционные годы были произведены раскопки на поселении в Лепесовке[1]. Несколько выше, почти у истоков реки, на селище в Викнинах Великих копал в 1948 г. М. Ю. Смишко[2]. Обследованию подверглись и районы к северу от указанной территории, на р. Вилии — притоке Горыни[3], в окрестностях г. Шумска, а также группа поселений на правобережье верхнего течения р. Иквы, в окрестностях г. Дубно[4].

Всюду на этих поселениях, где выявлены пока только наземные жилища, керамический комплекс специфичен. В сс. Викнинах Великих, Костянце и Волице, Мирогоще и Острове Варковецком наряду с типично черняховской керамикой, сделанной на круге, в том числе с орнаментом многорядной волной (рис. 16), обнаружено значительное количество лепной керамики характерных, близких к зарубинецким, пшеворских форм с гладкой или залощенной шейкой и нижней частью сосуда и с туловом, обмазанным песком, смешанным с глиной. Встречается и грубая кухонная посуда в виде небольших горшков почти баночной формы с шероховатой поверхностью и ногтевыми вдавлениями по всему телу сосуда.

Самым крайним восточным памятником, в котором наблюдается такое сочетание пшеворских и черняховских элементов в керамике, является поселение в с. Пражеве Житомирской области[5], расположенном несколько севернее Ягнятинского селища.

Раскопками, начатыми в 1945 г. Е. В. Махно и продолженными в 1956 г. И. С. Винокуром и Ю. В. Кухаренко, на Пражевском поселении обнаружены остатки как наземных, так и углубленных жилищ значительных размеров[6]. Вышеописанная лепная посуда составляла здесь основную, наиболее многочисленную группу керамики.

При раскопках могильников, связанных нередко с прилегающими к ним селищами, а также при исследовании отдельных погребений в с. Деревянном близ г. Клебани[7], в с. Новоставцах Ровенского района и области[8], в с. Горке-Полонке Луцкого района, в

[1] Я. А. Яроцкий. Поле погребений в Лепесовке. ИАК, вып. 29, стр. 54—64; А. А. Спицын. Поля погребальных урн, стр. 64. Здесь были открыты и гончарные печи. См. М. А. Тиханова, Культура западных областей Украины в первые века нашей эры. МИА, № 6, 1941, стр. 262—265.

[2] М. Ю. Смішко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, т. I, Київ, 1947, стр. 111—121.

[3] М. Ю. Брайчевський. Розвідка слов'янських пам'яток на Волине-Подільскому прикордонні (Матеріали Дубно-Кременецької експедиції, 1948). Археологічні пам'ятки, вып. III, Київ, 1952, стр. 401—403. Сообщение автора о разведке Днестровско-Волынского отряда Славянской экспедиции ИИМК АН СССР в 1956 г.

[4] М. Ю. Смішко. Розвідувальні розкопки на поселенні пізнього періоду полів поховань у с. Костянці. Археологічні пам'ятки, вып. III, стр. 365—378; его же. Розвідувальні розкопки в с. Волици. Археологічні пам'ятки, вып. III, стр. 352—365.

[5] Э. В. Махно. Поселення культури полів поховань..., стр. 169—175, табл. I.

[6] Сообщение Ю. В. Кухаренко.

[7] См. ZOW, XI, 1936, стр. 60—61 и XIII, 1938, стр. 126—127.

[8] T. Sulimirski. Sprawozdanie z badán wykopaliskowych na Wolyniu. ZOW, 1938, стр. 226—227.

самом Луцке обнаружено сочетание погребений пшеворского типа с трупосожжениями и погребений черняховского облика с трупоположениями. Керамика в погребениях также смешанная. В этом же плане заслуживает специального внимания одиночное богатое трупоположение IV в. в с. Рудках Кременецкого района Тернопольской области, случайно открытое в 1936 г.[1] Погребенный лежал на спине, с руками, вытянутыми вдоль туловища, и головой, обращенной на северо-запад; череп его был присыпан тонким слоем земли и накрыт глиняной лепной миской, в свою очередь прикрытой второй миской — бронзовой.

В головах и в ногах покойника стояло 11 глиняных сосудов, сделанных на круге, два бронзовых и один стеклянный. Здесь же были найдены серебряная фибула, две серебряные шпоры, стеклянные шашки. В ногах лежал скелет свиньи и при нем маленький серебряный ножичек с кольцом от рукоятки (рис. 17)[2].

Обращает на себя внимание не только богатство погребального инвентаря, но и исключительное (для мужского погребения) обилие сосудов, в том числе и импортных, и их смешанный характер. Так, наряду с кувшином типично черняховских форм, здесь встречена трехручная миска с округлым бочком и маленькими ушками, очень близкая к сходным, лепленым от руки, пшеворским изделиям; а глиняная миска, накрывавшая голову покойника, весьма близка к зарубинецким типам посуды. Специфические особенности, не свойственные черняховским трупоположениям, наблюдаются и в деталях погребального обряда (посыпание головы покойника землей и накрывание ее сосудом). Угольки, обломки костей животных и битой посуды, обнаруженные в засыпи погребения, вероятно, представляли собой остатки тризны, совершенной на могиле умершего.

Говоря о волынском варианте черняховской культуры, специфичность которого проявляется в отчетливо выраженном сочетании собственно черняховских элементов с местными и западными зарубинецко-пшеворскими, нельзя не обратить внимания и еще на одно обстоятельство. На Волыни, притом в западных и северо-западных ее районах, и на правобережье р. Западный Буг сосредоточены находки золотых римских монет и крупные монетно-вещевые клады — Борочицкий[3] и Ласковский[4]. Зарыты они не ранее конца IV — начала V в. и являются одними из самых крупных сокровищ этого времени, известных до сих пор.

В заключение коснемся кратко вопроса об этническом лице носителей черняховской культуры. Вследствие неполноты фактического материала и неразработанности самой проблемы сложения и развития этнических групп вопрос этот является крайне сложным и слабо исследованным. Тем не менее до недавнего времени советская археологическая наука считала этот вопрос не дискуссионным. Культура полей погребений в целом, как и черняховская культура, определялась как славянская; в носителях последней видели антов, предков юго-западной группы восточных славян[5]. Долгое время разделяла эту точку зрения и автор настоящей статьи, правда с известными оговорками[6].

Обозрение памятников черняховской культуры показало, что, наряду с их единообразием на широких пространствах лесостепной полосы Восточной Европы, существуют достаточно отчетливо выраженные локальные особенности, проявляющиеся в домостроительстве, в керамике, украшениях и орнаменте, в погребальном обряде. Последний с точки зрения определения этнической принадлежности представляет особый интерес.

Не следует, однако, забывать, что сходство и различия в погребальном обряде не всегда обусловливаются этническими различиями. Способ захоронения нередко стоит в связи с обстоятельствами смерти погребенного; ориентация отдельного погребения

---

[1] В 1956 г. поблизости от места погребения нами было обнаружено многослойное селище с остатками и данной культуры.

[2] A. Cynkalowski. Grób gocki z epoki cesarstwa rzymskiego ze wsi Rudka pow. Krzemienieckiego. Zycie Krzemienieckie. Rok V, 1936, стр. 349, слл., ZOW, 1936, 10—11, стр. 143; ср. М. А. Тиханова. Культура..., стр. 261. Германские и польские археологи обычно видят в погребенном в Рудке гота или гепида. Приведенные выше данные заставляют отнестись к такому определению с осторожностью. Правильнее будет поставить вопрос о смешанности того населения, которое составляло военную знать готогепидских отрядов, один из представителей которой был, очевидно, погребен в Рудке.

[3] См. М. А. Тиханова. Борочицкий клад, стр. 301—317.

[4] Э. И. де Витте. Археологическая находка в с. Ласкове Владимиро-Волынского уезда в 1610 году. Чтение в Историческом обществе Нестора Летописца, кн. 14. Киев, 1900, стр. 85—101; М. А. Тиханова. Забытый памятник (Волынский клад 1610 г.), Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 год. Отделение истории и философии АН СССР. М., 1947, стр. 81.

[5] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена; Б. А. Рыбаков. Анты и Киевская Русь. ВДИ, 1939, № 1 и др.; М. Ю. Брайчевський. Антский період в історії східних слов'ян. Археологія, т. VII, стр. 21 и многие другие работы, в том числе, как уже говорилось, и чисто исторические, включительно до последних многотомников по истории СССР и учебников.

[6] Я датировала черняховскую культуру только в пределах первой половины I тысячелетия н. э. и отрицала преемственную связь ее с культурой Киевской Руси.

могла быть связана с теми или иными предметами, о самом существовании которых мы в настоящее время можем и не подозревать, или с ориентацией всего могильника. Нельзя также забывать, что прерывность в развитии материальной культуры на определенной территории далеко не всегда означает прерывность в развитии ее носителя определенной этнической группы; непрерывность же, в свою очередь, не есть прямой показатель непрерывного пребывания одной и той же этнической группы на данной территории. Непрерывность может означать, что древнее население могло быть ассимилировано пришлым, но, восприняв его язык, удерживало, однако, свою культуру, усвоив из пришлой только некоторые второстепенные черты.

Не следует переоценивать и самые возможности археологии. Нет сомнения, что одни археологические памятники, при всей их значимости и ценности, без дополнительного привлечения другого рода источников далеко не всегда могут ответить на вопрос об этнической принадлежности оставившего их населения. Тем более нельзя ими ограничиться тогда, когда наряду с археологическими памятниками мы располагаем, хотя и очень скудными, письменными источниками.

В последних мы встречаем существенные данные об этнических группах, этнографические характеристики, наблюдения, замечания, нередко отражающие не только ученую традицию, но и конкретную действительность. Наряду с односложными этнонимами в них встречаются и сдвоенные наименования племен, как-то: лугии-сарматы, венеды-сарматы, кельто-скифы, алано-скифы, тавро-скифы и т. п. Если недопустима переоценка значимости этнонимов, то не менее вредна и гиперкритика в отношении последних. «Сдвоенные» наименования следует понимать как отражение реального смешения, ассимиляции племен, которые, очевидно, достаточно долго удерживали двуязычие, а иногда и троязычие, лишь постепенно сменявшееся одноязычием.

Использование такого рода данных письменных источников важно и потому, что оно не позволяет недоучитывать сложность этнического состава населения. Тем самым может быть избегнута грубая ошибка, нередко встречающаяся последнее десятилетие в работах археологов,— огульное зачисление в число славян чуть ли не всех земледельческих племен этой поры и забвение факта наличия наряду с местным населением пришлого населения. Вряд ли можно сомневаться, что как то, так и другое объясняется отзвуками влияния Н. Я. Марра с его гипертрофированным автохтонизмом и нигилистическим отношением к передвижениям в истории племен и народов. Между тем эти передвижения сыграли не малую роль в жизни отдельных племен и целых их групп и отразились на темпах их развития и их культуре.

Рисуя этническую карту Восточной и Центральной Европы на рубеже и в первые века нашей эры, древние авторы, греческие и латинские, говорят о многочисленных племенах различного этнического облика, населявших степные и лесостепные пространства на границах римского мира. Они показывают территорию Сарматии, заселенную в восточной, приднепровской ее части собственно сарматскими племенами кочевников, живущих, однако, в постоянном общении с населением Подунавья и Прикарпатья. Оседлое же население представлено здесь в основном фракийскими (геты и даки) и кельто-фракийскими племенами (бастарны) — в Прикарпатье и Подунавье и лугиями и венедами — в Повисленье. Где находятся северные и восточные границы последних, источники не говорят.

Обычно при сопоставлении данных археологических памятников и письменных источников отмечаются определенные расхождения между теми и другими. В то время как археологические памятники показывают значительное единообразие материальной культуры, особенно для периода II—IV вв. н. э., древние авторы рисуют большую дробность населения и его пестроту. Некоторые исследователи объясняют такое расхождение тем, что древние географы, Птолемей и его предшественники, отражали якобы в своих описаниях не столько этническую, сколько политическую картину своего времени, не свободную к тому же от анахронизмов [1].

Как нам представляется, особого расхождения здесь нет; во всяком случае, оно не больше, чем между описанием Скифии Геродотом и археологическими памятниками его времени, хотя в отношении них признается полное совпадение [2].

Географы I—II вв., и прежде всего Птолемей, при всех неточностях географической сетки и искажениях в названиях отдельных племен и географических пунктов рисуют реальную действительность своего времени. Так, Птолемей правильно вскрывает основную тенденцию к сложению крупных этнических массивов и политических объединений, рисуя великие племена, которые представляют, несомненно, племенные союзы родственных племен. Тенденция эта, нарастающая в последующие века (III—IV вв.) и проявляющаяся в унификации культуры, прослеживается в «Tabula Peutingeriana» [3] и других источниках III—IV вв. [4].

---

[1] П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена, 2-е изд., стр. 109.

[2] Там же, стр. 105.

[3] Римский дорожник III в. н. э.; составлен, видимо, около 270 г.; в основе его лежит более ранний источник, возможно, карта мира Випсания Агриппы (умер в 12 г. до н. э.).

[4] Scriptores Historiae Augustae.

Какие же выводы в итоге всего сказанного можно сделать об этническом лице носителей черняховской культуры? Была ли эта культура этнически единой или охватывала не только родственные, но и чуждые по происхождению племена?

Черняховская культура — явление сложное; в формировании ее принимали участие различные элементы, она слагалась под сильным воздействием западной среды (кельты) и испытывала постоянное влияние дунайских и северочерноморских центров. Нам представляется, что черняховская культура не была этнически однородной, а принадлежала многим племенам.

Носителями черняховской культуры в Среднем Поднепровье являлось сильно сарматизованное местное земледельческое население, жившее в постоянном общении с черноморским югом и с юго-западом. Оно не только испытывало сильное культурное влияние Причерноморья, но в известной мере и само пополнялось за счет оседания сарматов, с одной стороны, и притока населения с запада и с юго-запада, с другой, в условиях сначала бастарнского, затем гетского наступления, римской оккупации Дакии и, наконец, значительной подвижки населения в период так называемого великого переселения народов.

Культура полей погребений черняховского облика охватывала племена, этнически разнородные — позднескифские, славянские, дако-гетские, сарматские и другие, в том числе и собственно германские племена, которые наряду с иными входили в состав готских племенных союзов в период максимального расширения последних в IVв

Все это объясняет, почему черняховская культура при всем ее внешнем единообразии сохраняла свои местные локальные отличия. Они, несомненно, вызваны отличиями ее носителей — скифо-сарматских племен на востоке, гето-фракийских — на западе, в Поднестровье, и славянских — на северо-западе.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Siegfried J. de Laet. L'archèologie et ses problèmes Collection Latomus, vol. XVI, Berchem — Bruxelles, 1954.

Эта сравнительно небольшая (156 стр.), предназначенная для широкого круга читателей книга обращает на себя внимание живостью изложения, умелым отбором фактов и широтой охваченных проблем. Ее автор, профессор Гентского университета, впервые издал эту книгу в 1949 г. на фламандском языке. Рецензируемое французское издание значительно расширено и дополнено. Автор, много лет изучавший и преподававший археологию, написал эту книгу, как он утверждает, прежде всего для того, чтобы свести воедино и уяснить себе затронутые в ней методологические вопросы. Но каковы бы ни были первоначальные цели автора, книга в том виде, в каком она издана, представляет большой интерес и для преподавателей, и для студентов, и для археологов-профессионалов, и для любителей — для всех, кто интересуется целями и методами археологии.

Разделы книги посвящены источникам накопления археологического материала, технике археологических открытий и раскопок, проблемам относительных и абсолютных датировок и вопросам интерпретации археологических данных. Наиболее важными и интересными являются две последние главы, в которых говорится о возможностях археологии в деле реконструкции исторического прошлого.

Общий взгляд де Лата на археологию как науку выражен в следующих словах: «Археология нашла, наконец, свою собственную область, которую составляют поиски, изучение и историческая интерпретация всех следов, всех материальных остатков, сохранившихся на земле от исчезнувших цивилизаций. Эти следы от грандиозного Колизея до скромного черепка грубо сделанной и плохо обожженной посуды изучаются со всех точек зрения, но в конечном счете с точки зрения реконструкции человеческих цивилизаций прошлого» (стр. 8). Отстаивая самостоятельное значение археологии как науки, де Лат высказывает сожаление, что в Бельгии, как и в некоторых других странах, археология остается по традиции соединенной с историей искусств и преподается совместно.

Описывая методику археологических исследований, автор рассказывает о различных способах разведки и предварительного обследования памятника (таких, как аэрофотосъемки, геофизические методы, почвоведческие и т. п.), о методике раскопок, различной для разных объектов, об установлении дат археологическими методами и методами естественных наук, о датировке с помощью астрономических методов, с помощью изучения ленточных глин, дендрохронологии, о датировке по радиоактивному углероду, по магнитному полю, создаваемому керамикой, по содержанию фосфора в ископаемых костях и т. д. Де Лат пишет о многих общеизвестных, но все же часто забываемых археологами вещах. Он обрушивается на археологов, откладывающих печатание отчетов о раскопках «до греческих календ», так же как и на «кабинетных» археологов, вообще не ведущих раскопок. Первое условие для использования археологических материалов — доверие к ним. Но как же можно пользоваться археологическими материалами, смешанными и сваленными в общую кучу? Если старая методика раскопок неизбежно вела к таким последствиям, то методы, разработанные в XX в. (стратиграфический и др.), должны были бы обеспечить необходимую документацию материалов. Однако, как указывает де Лат, и сейчас очень многие ученые на Западе плохо копают. Часто, раскапывая некрополь, смешивают инвентари разных могил. Во Франции и Бельгии копает множество неквалифицированных дилетантов, ставящих своей целью лишь пополнение личных коллекций вещами из раскопок. Условия хранения в музеях часто ведут к утрате этикеток, и многие вещи становятся беспаспортными. Страсть к коллекционированию привела к появлению множества подделок. Де Лат рисует весьма неприглядную картину состояния археологических источников, которую он считает общей для многих стран (Франции, Италии, Греции, стран Востока): плохо проведенные раскопки, неточные и неполные отчеты, музеи-свалки, множество вещей сомнительных и фальшивых и т. д. (стр. 91). Положение таково, что невозможно при серьезном исследовании ограничиться обычной критикой источников, приходится проводить новые контрольные раскопки на ранее исследованных памятниках.

Автор призывает к осторожности не только в критике источников, но и в их интерпретации. Он показывает возможности археологии в изучении природного окружения

человека, питания, жилищ, материального оснащения (орудий труда, оружия, одежды, украшений и т. д.), в изучении первобытной и античной техники, торговли и торговых путей, транспорта и средств сообщения, искусства и религии. Де Лат считает, что вклад археологии в экономическую историю первобытной и античной эпох представляет одну из важнейших заслуг этой науки. Он обращает внимание на изучение демографических проблем по данным археологии, на возможность выяснения плотности населения, возрастного состава погребенных в отдельных могильниках. Приводя данные Г. Валлуа о возрастном составе неандертальцев (40% умерших в период от рождения до 14 лет, 15% — между 14 и 20 годами, 40% — между 21 и 40 годами и только 5%, переживших 40 лет), автор указывает на то, что тщательность подобных исследований для последующих эпох даст возможность установить зависимость технического прогресса и длительности человеческой жизни.

Переходя к вопросу об археологической культуре и о возможности сопоставления ее с расой, с лингвистическим или этническим единством, де Лат объявляет себя решительным врагом расизма и всяческих проявлений шовинизма. Он пишет, что серьезной опасностью, которая угрожает археологии, являются попытки правительств и политических партий превратить ее с помощью «официальных» ученых в орудие пропаганды расистских и шовинистических идей. Автор напоминает, как еще недавно нацистская Germanenforschung пыталась создать «научную» базу, чтобы оправдать политические аннексии Третьей империи. В Германии до 1945 г. культивировалась эта псевдонаука, и сознательно смешивались понятия и факты в концепциях расы, языка, нации и археологической культуры. Эта тенденция не исчезла и сейчас и отнюдь не является исключительной монополией Германии. Археологи должны дать отпор этой спекуляции на их науке, так как она ведет к дискредитации науки в целом. Настало время для генеральной проверки базы и логики археологических исследований. Советские ученые, всегда считавшие своей задачей борьбу против всяческих проявлений расизма и национализма, не могут не радоваться тому, что в буржуазных странах все большее количество ученых становится нашими союзниками в борьбе против этих реакционных идей.

Де Лат пишет, что большинство ученых всегда знало, что характер культуры и языка ничего общего не имеет с расой; но находились и находятся и такие, которые полагают, что различие между одновременными археологическими культурами соответствует расовым различиям носителей этих культур. Автор указывает, что по мере развития палеоантропологии и археологии мы убеждаемся все больше в том, что расовые различия не влияют на материальную культуру их носителей. Негроиды из Гримальди и кроманьонцы принадлежат к одной археологической культуре.

Де Лат весьма скептически относится к возможности идентификации лингвистических областей с культурными провинциями, хотя и считает, что в отдельных случаях она возможна. Мы не располагаем картой распространения языков в доисторическое время; даже для эпохи, когда уже существуют письменные источники, лингвисты реконструируют древние языки по весьма скудным данным. Невозможно, например, полностью идентифицировать область распространения латенской культуры с зоной распространения племен, разговаривающих на кельтских языках: по-видимому, многие области, где разговаривали по-кельтски, не принадлежали к латенской культуре. Народы с одинаковой культурой часто разговаривали на различных языках. Народ может изменить язык, не меняя материальной культуры. Между завоеванием Нормандии викингами в начале X в. и завоеванием Англии Вильгельмом в 1066 г. не было никаких значительных изменений в материальной культуре; ничто в археологии не указывает, что за это короткое время нормандская аристократия забросила свой собственный язык и приняла французский. Но если так сложна проблема для этого сравнительно позднего времени, то что говорить о первобытной истории? По археологическим данным мы никогда не узнаем, составляли носители культуры шнуровой керамики лингвистическое или политическое единство.

Постепенно, в особенности в век металла, возрастающее общение между племенами, торговые и иные связи приводят к большому смешению элементов культуры, и здесь об отличиях мы можем судить только по комплексу фактов и то не всегда. Этническая атрибуция по мере приближения к нашим дням не становится более легкой. Никто не сможет по инвентарю отличить могилы галлов от франков, лежащие к югу или к северу от лингвистической границы.

Так же как в вопросах этнического определения археологических культур, автор призывает к осторожности в решении вопросов о миграциях народов, вторжениях и диффузии идей. Он пишет, что за последние полвека множество археологов посвятили свои силы изучению мирных миграций первобытных народностей и их насильственных вторжений. Когда читаешь некоторые из этих трудов, на первый взгляд восхищаешься широтой достигнутых результатов и точностью, с которой установлены огромные перемещения народов в течение трех последних тысячелетий до нашей эры. За исключением тех исследователей, которые дают племенам условные названия («люди полей погребальных урн», «воины Гальштатта» и т. п.), все другие пытаются по возможности заменить эти названия именами историческими или псевдоисторическими (германцы, иллирийцы, протокельты и т. п.) и ведут рассказ так уверенно, как будто речь идет о фактах, которые произошли в историческую эпоху и сведения о которых нам сохранили древние хронисты. Автор полагает, что большей частью это «пускание пыли в глаза», так как база, на которой основываются эти блестящие исследования, очень

слаба (стр. 139). В большинстве случаев гипотеза о миграции или вторжении основывается на распространении типов орудия, керамики или погребальных обрядов. Но часто злоупотребляют керамикой как критерием этнических определений: говорят о вторжении, когда открывают даже не керамику, не свойственную данному обществу, а лишь один из ее элементов — либо форму сосудов, либо орнамент. Можно ли судить по таким признакам об этнических различиях или родстве, не учитывая целый ряд других археологических категорий, весьма часто очень разных? Если распространение огромных мегалитических могил признано сейчас результатом религиозного прозелитизма, не имеющим никакого этнического значения, то почему предполагают, что появление одиночных трупоположений в больших некрополях с урнами свидетельствует о вторжении? Не является ли абсурдным предположение о вторжении, выдвигаемое на основании распространения новых видов оружия? Конечно, они могли быть изобретены в отдельных обществах, но также могли быть быстро восприняты соседями, которые стали подражать и делать сходное оружие по известным образцам. Почти никогда археолог не может решить, когда проникают отдельные элементы культуры — в период мирного соседства или военного вторжения. Наконец, крупные изобретения могли быть сделаны одновременно или независимо разными народами. Вместо поисков влияний или утверждения, что все достижения европейской культуры пришли с Востока через Средиземноморье, «не было ли бы более логично признать, что все народы в меру тех возможностей, которые им предоставляло природное окружение, в меру их технического развития и экономического положения имели возможность делать нововведения на пользу их области и вносить свой вклад в общий прогресс человечества? Я не верю в существование избранных народов...» — восклицает де Лат (стр. 142), и нельзя с ним не согласиться.

Разделяя скептицизм автора в отношении некоторых приемов исторических реконструкций, применяемых археологами, мы не можем, однако, согласиться с его выводами в вопросе о возможности реконструкции социального устройства древних обществ. Здесь советские ученые и многие ученые в буржуазных странах стоят на принципиально различных позициях. Марксисты утверждают, что общество развивается по определенным законам, существуют определенные закономерности развития производительных сил и производственных отношений. Между материальной культурой и социально-экономической жизнью общества на любой ступени его развития существует определенная закономерная связь. Отсюда вытекает возможность исторических реконструкций по археологическим данным. Часть буржуазных ученых отрицает возможность исторических реконструкций, так как якобы исторический процесс лишен общих закономерностей. Де Лат также не признает общности законов социального развития. Правда, он не отрицает возможности отдельных реконструкций, но считает, что они могут быть лишь конкретными и случайными. Все данные о социальных институтах древности фрагментарны и поверхностны. Чтобы отыскать эти фрагменты, по мнению автора, нет необходимости обращаться к технике и экономике изучаемых обществ: общества, находящиеся на одной и той же экономической и технической стадии, организованы различно. Именно поэтому, по его мнению, потерпела неудачу попытка советских археологов заменить традиционную периодизацию трех веков (каменный, бронзовый, железный) периодизацией, основанной на социальной эволюции. Классификация, предложенная советской школой, является чисто умозрительной, не основанной ни на каких фактах.

Это утверждение целиком неверно. Советские археологи никогда не отказывались от подразделения на «три века». Но и советские и зарубежные ученые, в том числе и сам де Лат, понимают, что это подразделение, основанное только на технологии, устарело и не соответствует никакой реальности ни в культурном, ни в экономическом, ни даже в техническом развитии первобытного человечества [1]. Оно сыграло большую роль в первичной классификации археологического материала и сохраняется археологами и сейчас только потому, что еще не найдена другая универсальная система периодизации. Советские археологи наряду с делением на три века пользуются культурно-исторической периодизацией Моргана — Энгельса. Но она не может целиком удовлетворить археолога как историка первобытного общества и потому, что в отдельных частях устарела и неточна, а главным образом потому, что в основу ее положены явления истории культуры, а не производственные отношения, на которых основана марксистская периодизация истории человечества в целом, подразделение на социально-экономические формации. Советские ученые еще не разработали свою периодизацию первобытной истории. Она еще находится в стадии разработки, поэтому пока рано еще говорить об удаче или неудаче в этом вопросе. Сейчас большинство советских ученых склонно выделять в истории первобытно-общинного строя эпохи первобытного человеческого стада (археологическая эпоха нижнего палеолита) и первобытной общины (верхний палеолит, неолит и, отчасти, бронзовый век). В свою очередь эпоха первобытной общины делится на период материнского родового строя (часто, но неточно именуемого матриархатом) и отцовского родового строя (патриархата). Такая периодизация по основным ступеням развития семейно-родовых отношений может быть применена потому, что они соответствуют развитию производственных отношений первобытно-общинного строя. Семейно-родовые отношения на данном этапе истории общества

[1] См. G. Daniel. The Three Ages. London, 1943.

выступают как форма производственных отношений. Мы прекрасно понимаем, что эта схема пока является только рабочей гипотезой, что в отдельных частях она пока не опирается на значительный фактический материал. Например, у нас нет почти никаких данных для реконструкции социального строя эпохи нижнего палеолита. Но уже в верхнем палеолите установленный факт охоты на крупную дичь заставляет предположить существование социальной организации, более обширной, чем семья. Этот вывод признает и сам де Лат. А разве он не является умозрительным? Разве выводы, проистекающие из отдельных фактов, но основанные на логике рассуждения, противопоказаны науке? Но и факты накапливаются. Мы знаем теперь не только о формах охоты, но и о жилищах верхнепалеолитического человека, а изучение жилищ дает многое для познания социального устройства общества. Де Лат пишет: «Несомненно, что не было двух различных обществ, в которых социальная эволюция протекала бы абсолютно идентично. Мы сомневаемся в том, что когда-либо будет возможно более чем наметить общие линии социальной эволюции» (стр. 138).

Ошибка критиков заключается в том, что они приписывают советским ученым упрощенный метод реконструкции прошлого, механическое восхождение от орудий производства к экономике и от экономики к общественному устройству. Но советские археологи сами выступают против подобной вульгаризации. Археологи для первобытной истории выясняют лишь важнейшие изменения в развитии производительных сил и устройстве общества. Картина получается общей, но основные закономерности исторического развития выступают очень наглядно. Мы вовсе не хотим социологической схемой подменить изучение конкретной истории отдельных племен и народов, но мы признаем, что за конкретными фактами стоят общие законы развития. В этом наше расхождение с теми буржуазными учеными, которые рассматривают историю человечества как собрание отдельных случайных и неповторимых фактов. Но в этом и смысл истории как науки — познать закономерности развития общества. Если нас будут интересовать не общие законы, а только отдельные факты, то история сможет удовлетворить человеческое любопытство и только.

Терпеливое исследование, осторожная дедукция, несомненно, со временем обогатят наши знания о социальной организации первобытных обществ, но это исследование будет успешным лишь в том случае, если в основу его будут положены принципы исторического материализма.

Многое в книге де Лата спорно не только с точки зрения общей методологии исторического исследования, но и с точки зрения профессиональной, археологической. Его гиперкритицизм в отношении определенных групп источников и некоторых методов исследования, несомненно, будет одобрен далеко не всеми археологами. Но он призывает к осторожности не потому, что хочет ограничить возможности нашей науки, а потому, что видит истинный успех ее в максимальной точности исследования. Де Лат заканчивает свою книгу словами уверенности в том, что современные и будущие археологи докажут, что их немые источники могут дать истории не меньше, чем письменные.

Мы также уверены в этом.

А. Монгайт

К ВОПРОСУ О КОНЦЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ ХАРАППЫ

Вопрос о конце великой цивилизации долины р. Инда привлекает к себе все большее внимание исследователей как в самой Индии, так и в европейских странах. С ним неразрывно связан ряд важнейших проблем древнейшей истории Центральной, Средней и Передней Азии, а также Восточного Средиземноморья. Вопрос о дате, характере и причинах падения цивилизации Хараппы является ключевым для исторической интерпретации явлений, засвидетельствованных в значительной мере лишь археологическим материалом. Речь идет здесь о соотношении археологических культур долины Инда с различными культурными областями более западных районов: культурой расписной керамики Ирана и Средней Азии, древними цивилизациями Двуречья, Сирии и Палестины и культурами эпохи бронзы Восточного Средиземноморья. Особую остроту этот вопрос приобретает в связи с проблемой расселения индоевропейцев и их роли в судьбах этих культурных областей.

Область культур бронзы Восточного Средиземноморья (территория хеттов, Митанни и соседние области) большинство современных исследователей связывает с народностями индоевропейской языковой семьи. Были сделаны попытки археологически документировать движение индоевропейцев на восток и наметить этапы этого движения. В частности, Г. Контено достаточно убедительно показал один из таких этапов, когда произошла смена культур в Западном Иране (Луристане), и обосновал дату этого события — XII—X вв. до н. э.[1]. При этом Г. Контено оперировал явлениями достаточно

[1] G. Contenau. La civilisation iranienne. Paris, 1952, стр. 43, 44.

крупного плана, такими, как изменение погребального обряда, новые черты в массовом материале — прежде всего в керамике, изменения в технике металлургии, распространение коневодства. Однако следов более раннего движения носителей переднеазиатских культур на восток пока не обнаружено. Несмотря на это, достаточно широкое распространение получили теории, связывающие упадок цивилизации долины р. Инда с движением индоевропейцев[1]. При этом надо подчеркнуть, что под индоевропейцами (арийцами) понималась именно та группа, которая упоминалась выше,— носители культур эпохи бронзы Передней Азии. В отдельных случаях возрождались и старые теории, согласно которым начало движения следует искать еще дальше на западе — на Балканах и в Придунавье. Данные археологии пытались согласовать с результатами анализа Ригведы, где якобы противопоставлялась культура ариев культуре местных народов. При этом ссылались на смену коричневой и красной расписной керамики в долине р. Инда и в Белуджистане серой расписной керамикой, на появление развитой металлургии бронзы, а вскоре и железа и, наконец, на появление лошади. Однако любое построение подобного рода требует прежде всего четкого согласования дат, а в данном случае — совпадения даты конца цивилизации Хараппы с датой возможного появления западной волны индоевропейцев. Между тем появление ее даже в Западном Иране относится, как уже указывалось выше, к XII—XI вв. до н. э. и значительно отстоит, таким образом, от принятой большинством исследователей даты упадка культуры Хараппы. В самой долине р. Инда также не прослежена непосредственная смена культуры Хараппы какой-либо резко чуждой ей культурой. Массовое распространение на этой территории серой расписной керамики относится к XI—X вв. до н. э. Таким образом, в обоих случаях образуется разрыв между датами, нарушающий все историческое построение. Естественно, сторонники теории разрушения культуры Хараппы указанной группой арийцев предприняли ряд попыток пересмотреть обе хронологические границы, т. е. удревнить следы движения индоевропейцев из Европы или Передней Азии и омолодить упадок Хараппы. В обоих случаях целью была ликвидация хронологического разрыва. Работы в первом направлении оказались бесперспективными. Они натолкнулись на непреодолимые фактические преграды и были пресечены последними исследованиями в области хронологии и древнейшей истории как Западной Азии, так и Европы[2]. Более настойчивые и заслуживающие внимания работы были предприняты во втором направлении. Датировка упадка цивилизации Хараппы за последние десятилетия менялась неоднократно. Некоторые значительные уточнения были достаточно обоснованными и явились результатом новых исследований. Так, во втором издании известного труда Э. Маккея эта дата была перенесена с конца III тысячелетия до н. э. к середине II тысячелетия до н. э.[3] что разделяется большинством специалистов[4], хотя некоторые крупные исследователи и ныне защищают старую дату — конец III тысячелетия до н. э. (Э. Маккаун. А. Пасалкер)[5]. Однако и эта передатировка не устранила хронологический разрыв. Поэтому были предприняты новые попытки передатировать упадок городов долины р. Инда, связав его с определенной волной индоевропейцев, движение которой в более западных районах достаточно твердо датируется XII в. до н. э.

Последней из таких попыток явилась статья известного немецкого специалиста по археологии Южной Азии доктора Р. Гейне-Гельдерна «Приход арийцев и конец цивилизации Хараппы», опубликованная в октябрьском номере лондонского журнала «Man» за 1956 г.[6] Эта статья является синтезом всех работ, предпринятых в этом направлении. Поэтому рассмотрение этой статьи есть рассмотрение всей тенденции, которая в ряде случаев приобрела определенный политический характер.

Автор определенно указывает, что цель его работы — доказать, что в XII—X вв. цивилизация Хараппы сменилась чуждой ей цивилизацией, принесенной с запада арийской волной. Он считает возможным доказать это определенными фактами. Основу доказательств составляет наличие в Индии ряда категорий вещей (оружие, украшения, печати). Р. Гейне-Гельдерн утверждает следующее: 1) все вещи рассмотренных им категорий имеют западное происхождение; 2) все они твердо датируются единым сравнительно коротким отрезком времени между XII и X вв. до н. э.; 3) все они

---

[1] M. Wheeler. Harappa. 1946: The Defences and Cemetery R 37. Ancient India, 1947, № 3, стр. 81—83; его же. Five Thousand Years of Pakistan. London, 1950, стр. 31 сл.; его же. The Indus Civilization. Cambridge, 1953, стр. 90—93; D. H. Gordon. The early Use of Metals of India and Pakistan. J. R. Anthrop. Inst. т. LXXX, 1950, стр. 56 сл.; В. В. Струве. Предисловие к книге Э. Маккея «Древнейшая культура долины Инда». М., 1951, стр. 14.

[2] V. Milojčič. Chronologie der jüngeren Steinzeit Mittel und Südosteuropas. Berlin, 1949, стр. 110 сл.

[3] E. Mackay. Early Indus Civilization. London, 1948; русск. пер. Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, стр. 136.

[4] M. Wheeler. The Indus Civilization; D. H. Gordon. Ук. соч.: S. Piggott. Prehistoric India. London, 1952.

[5] R. Ehrich. Relative chronologies in old world archaeology. Chicago, 1954; The Vedic Age. Под ред. R. C. Majumdar, A. D. Pusalker. London, 1952, стр. 192.

[6] R. Heine-Geldern. The Coming of the Aryans and the End of the Harappa Civilization. Man, т. LVI, October, 1956, London, стр. 150—171.

имеют в Индии единую стратиграфическую характеристику и относятся к финальным слоям Хараппы, Мохенджо-Даро, Чанху-Даро и других поселений; 4) появление всех этих вещей представляет собой единое явление, экстраординарное для долины Инда и связанное с большим единовременным вторжением с запада.

В этом плане автор рассматривает каждую категорию вещей. Нам представляется рациональным начать с такого же рассмотрения и определить пути, которыми автор пришел к своим заключениям, а также круг привлеченных им источников и методику их использования.

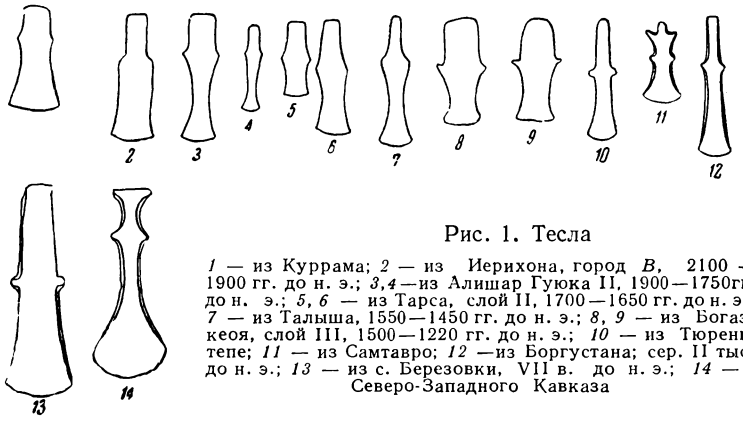

Рис. 1. Тесла

1 — из Куррама; *2* — из Иерихона, город *B*, 2100 — 1900 гг. до н. э.; *3,4* — из Алишар Гуюка II, 1900—1750гг. до н. э.; *5, 6* — из Тарса, слой II, 1700—1650 гг. до н. э.; *7* — из Талыша, 1550—1450 гг. до н. э.; *8, 9* — из Богазкеоя, слой III, 1500—1220 гг. до н. э.; *10* — из Тюренг-тепе; *11* — из Самтавро; *12* — из Боргустана; сер. II тыс. до н. э.; *13* — из с. Березовки, VII в. до н. э.; *14* — с Северо-Западного Кавказа

«В порядке установления и обоснования более точных дат,— пишет Гейне-Гельдерн,— я вновь пересмотрел археологические свидетельства, данные в отчетах о раскопках, или публикации, появившиеся после моих ранних работ по этому вопросу»[1].

Первым свидетельством подобного рода автор считает тесло (trunnion axes), найденное в долине р. Куррама близ афганской границы (рис. 1). Сам Р. Гейне-Гольдерн отмечает, что этот тип орудия распространен широко и достаточно часто встречается в Средиземноморье, Европе, Закавказье и Северном Иране. С этим вполне можно согласиться. Но далее автор пишет, что где бы этот подтип ни встречался, он везде принадлежит к двум последним векам II тысячелетия и к началу I тысячелетия до н. э.[2]. Вот

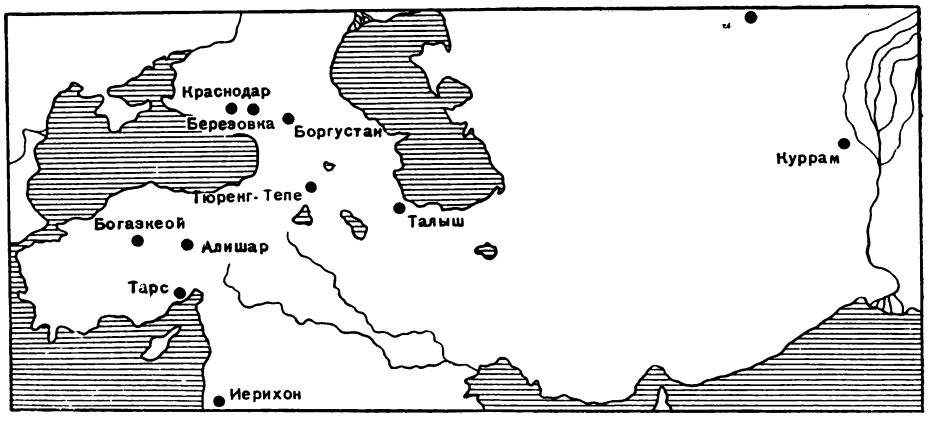

Рис. 2. Карта распространения тесел

это утверждение уже не столь очевидно. Гейне-Гельдерн ссылается здесь на кавказские тесла, относительно близкие типологически куррамскому. Эти тесла действительно относятся к концу эпохи бронзы. Нельзя оспаривать значительное распространение их на Кавказе и в других областях как к северу, так и к югу от него в конце II — начале I тысячелетия до н. э. В этом отношении аналогии, приведенные Гейне-Гельдерном, могли бы быть значительно пополнены[3]. Если бы период существования этого типа сводился к указанной дате, интерпретация куррамской находки не вызывала бы сомнения. Но уже оба автора, на которых ссылается Гейне-Гельдерн (Г. К. Ниорадзе

[1] R. Heine-Geldern. Ук. соч., стр. 136.

[2] Там же, стр. 137.

[3] Б. А. Куфтин. Материалы к археологии Колхиды, т. I. Тбилиси, 1949, стр. 220 сл.

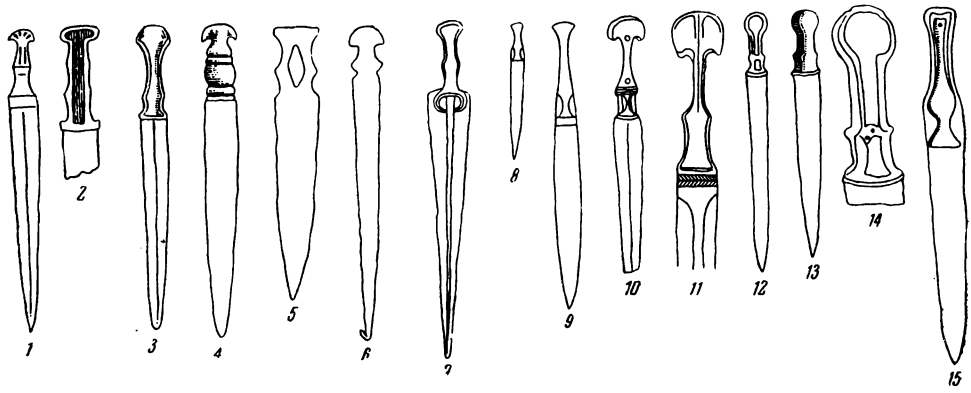

Рис. 3. Мечи

1 — из форта Мунро; *2* — из Гезера, XVII—XVI вв. до н. э.; *3* — из Египта, XVI—XIV вв. до н. э.; *4* — из Ниневии, XVI—XI вв. до н. э.; *5* — из Палестины, XV—XIII вв. до н. э.; *6* — из Малатии, XVI—XII вв. до н. э.; *7* — из Вери, Ленкорань, 1450—1200 гг. до н. э.; *8* — из Тепе Гийян I, XIV—XIII вв. до н. э.; *9—11* — из Луристана, сер. XIII—XII вв. до н. э.; *12—14* — из Сиалка, некрополь «*B*», XII в. до н. э.; *15* — из Зембиля, тип Сузы-Элам III, 1100—850 (?) гг. до н. э.

и А. А. Иессен), подчеркивают большую длительность существования подобных орудий и упоминают аналогичные экземпляры, относящиеся к середине II тысячелетия до н. э.[1]. Таким образом, изданные поздние экземпляры определяют лишь верхнюю границу серии, но отнюдь не общую ее дату. Если же рассматривать серию в целом, то прежде всего следует указать, что Гейне-Гельдерн обошел молчанием ряд экземпляров, более близких куррамскому теслу как типологически, так и территориально. Это тесла из Богазкеоя, Алишар Гуйюка и Южного Талыша, изданные Боннэ и К. Шеффером. Все они датируются II тысячелетием до н. э., начиная с XIX в., но не позднее XIII в. Тесла из Алишар Гуйюка относятся ко второму слою и датируются 1900—1750 гг. до н. э.[2]. Талышское тесло относится ко второму позднему периоду, т. е. 1550—1450 гг. до н. э.[3]. Два тесла из Богазкеоя (третий слой) относятся к 1500—1220 гг. до н. э.[4]. Начало же серии уходит еще далее в глубь веков: тесла подобного типа встречаются уже в конце III тысячелетия до н. э., например о Иерихоне[5]. Утверждать типологическую близость куррамского «кельта» именно к поздним экземплярам никаких оснований нет; скорее наоборот: по общим своим пропорциям он еще близок ранним теслам и далек от вытянутых кавказских форм. Пожалуй, ближайшую аналогию ему представляют тесла из Тарса, также относящиеся к 1700—1650 гг. до н. э.[6]

Но помимо всего этого следует подчеркнуть, что рассматриваемое орудие является случайной находкой и найдено вне территории культуры Хараппы, значительно северо-западнее ее границ (рис. 2). Поэтому при любом решении вопроса о его датировке он ни в коей мере не может служить доказательством «ликвидации» культуры Хараппы арийским вторжением.

Далее Р. Гейне-Гельдерн пытается дать аргументированное определение известного и пока уникального для Индии бронзового меча (рис. 3) из форта Мунро (округ Сулейман, Пакистан)[7]. С самого начала следует подчеркнуть, что этот меч найден случайно, вне культурного слоя. Более того, в форте Мунро вообще нет поселения или какого-либо иного памятника, связанного с цивилизацией Хараппы. Можно согласиться с автором в том, что эта форма чужда для Индии и связана происхождением своим с Передней Азией. Но приведенную им аналогию отнюдь нельзя считать единственной, а основанную на ней датировку — безусловной. Гейне-Гельдерн сравнивает индийский меч с одним из западноиранских мечей, подчеркивая, что некоторые из последних носят надписи вавилонского царя Мардук-надин-аке́ (1116—1110 гг. до н. э.). Это сравнение достаточно условно. Близок здесь контур рукояток мечей, но тип их различен. У иранского меча плоская кассетная рукоятка со вставными пластинками. Мечи с такими кассетными рукоятками чрезвычайно широко распространены по всему Переднему Восто-

---

[1] Г. К. Ниорадзе. Археологические находки в селе Квишари. СА, XI, 1949, стр, 194; А. А. Иессен. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. МИА, № 23, 1951, стр. 91 и 107.

[2] C. Schaeffer. Stratigraphie comparée et chronologie de l'Asie Occidentale (III et II millénaires). London, 1948, рис. 195, *35, 36*.

[3] Там же, рис. 222, *B*.

[4] Там же, рис. 183, *37*. См. также H. Bonnet. Die Waffen der Völker des alten Orients. Leipzig, 1926, стр. 23, рис. 11.

[5] C. Schaeffer. Ук. соч., стр. 132, 133, рис. 114.

[6] Там же, стр. 266 сл., рис. 172.

[7] B. B. Lal. Further Copper Hoards from the Gangetic Basin and a Review of the Problem. Ancient India, 1951, № 7, стр. 36, рис. 8, *1*.

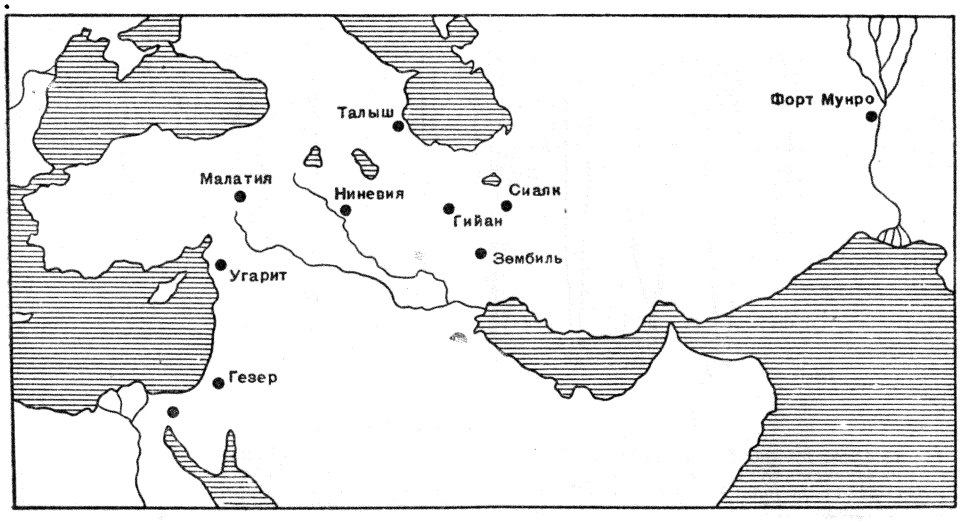

Рис. 4. Карта распространения мечей

ку, и значительная часть их действительно относится к концу II — началу I тысячелетия до н. э., например мечи, найденные на Северном Кавказе [1]. Но у индийского меча рукоять не кассетная, а литая, с утолщенным навершием. Лишь наличие зубообразных поперечных выступов на стержне сближает ее с рукоятью иранского меча. Таким образом, о тождестве здесь речь идти не может. А мечей с подобным контуром рукоятки достаточно много, они имеют широкие географические рамки и (рис. 4) не составляют единую хронологическую группу. Достаточно указать хотя бы мечи из Египта, относящиеся ко времени XVIII династии (1584—1338 гг. до н. э.) [2], из Гезера (XVII—XVI вв. до на. э.) [3], из Ниневии (XVI—XII вв. до н. э.) [4], хеттские мечи (XVI—XII вв. до н. э.) [5], серию мечей из Талыша (XV—XIII вв. до н. э.) [6]. Все эти мечи, несомненно, предшествуют XII в. Мечи из некрополя «*B*» Сиалка также не могут датироваться более поздним временем. Надо отметить, что наиболее поздние, уже железные мечи этого типа (Тадыш) [7] датируются не позднее XI в. до н. э. Типологически у нас нет оснований относить меч из форта Мунро к концу серии (наиболее поздние мечи имеют уже иное, значительно более развившееся навершие [8]).

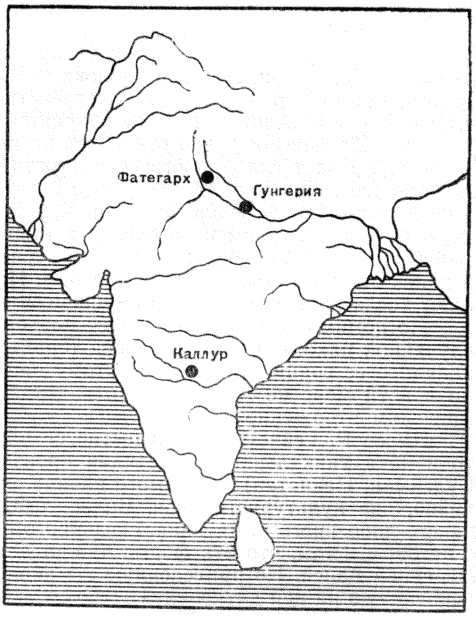

Рис. 5. Распространение мечей с антенной

Таким образом, датировка его XII—X вв. до н. э. не может считаться обоснованной и единственно возможной. Следовательно, меч из форта Мунро выпадает из построений Гейне-Гельдерна.

Следующим опорным пунктом хронологической схемы Гейне-Гельдерна является серия мечей с так называемым антенновым навершием. Автор считает, что в Индии

[1] Е. И. Крупнов. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода. МИА, № 23, стр. 66—68.

[2] H. Bonnet. Ук. соч., рис. 24, *а, в.*

[3] Там же, рис. 24, *е.*

[4] Там же, рис. 25.

[5] Там же, рис. 30, *с.*

[6] C. Schaeffer. Ук. соч., рис. 227, *7.*

[7] Там же, рис. 232, *3—4.*

[8] По этому поводу см. Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети. Тбилиси, 1941, стр. 64, рис. 59.

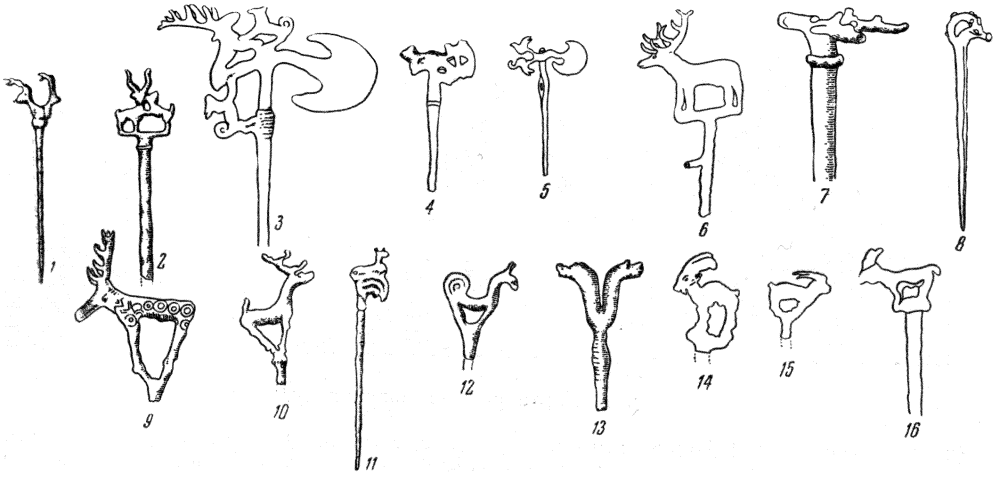

Рис. 6. Булавки

1 — из Мохенджо-Даро; *2* — из Хараппы; *3* — из Кобана, около 1300 г. до н. э.; *4* —из Байбурта, 1550 —1400 гг. до н. э.; *5, 6, 8* — из Луристана, 2100 —1750 гг. до н. э.; *7* — из Геок-Тепе, 2300—2100 гг. до н. э.; *9* — из Алачи-Уйюк, около 2000 г. до н. э.; *10* — с Кавказа; *11* — из Луристана, 1400 г. до н. э. или раньше; *12* — из Араган-тепе; *13* — из Кобана, около 1300 г. до н. э.; *14, 15* — из Библа, 2050 —1900 гг. до н. э.; *16* — из Мегиддо, 2400—2350 гг. до н. э.

этот тип мечей мог появиться с запада едва ли ранее XII в., причем единственной аналогией ему он считает длинные бронзовые кинжалы кобанской культуры [1], которые и дают, по его мнению, дату — 1200—1000 гг. до н. э. Гейне-Гельдерн уже не впервые прибегает к этой аналогии [2], и не впервые она вызывает у исследователей вполне законное недоумение. Уже в 1951 г. один из крупнейших индийских археологов Б. Б. Лал отметил недоказуемость происхождения индийских мечей от кавказских, подчеркнув решающие различия между ними [3]. Однако в последней работе Гейне-Гельдерн вновь возвратился к этой сомнительной аналогии. Он попытался отвести возражения Б. Б. Лала, весьма туманно указав на то, что различия между двумя группами мечей могут быть отнесены за счет материала и техники (?). Это вынуждает нас специально остановиться на вопросе о так называемых антенновых мечах в Индии. Ныне таких мечей известно 20. Все они найдены в долине Ганга и в Хайдерабаде, т. е. в пределах распространения так называемой «культуры медных кладов и желтой керамики» (рис. 5). Ни одна из находок этих мечей не принадлежит ни к территории цивилизации Хараппы, ни к памятнику, в какой-либо мере связанному с ней. Культура «медных кладов и желтой керамики» расположена восточнее долины р. Инда. Между тем именно ее — если следовать Гейне-Гельдерну — следует сопоставлять с Кавказом, ибо все 20 мечей являются неотъемлемым элементом этой культуры, что доказано в упоминавшейся уже работе Б. Б. Лала. Особенно важно, что после работы Б. Б. Лала раскопками И. Д. Шармы в Бахадарабаде в 1952 г. в слое с желтой керамикой и другими предметами культуры медных кладов были обнаружены предметы вооружения, постоянно встречающиеся в составе кладов вместе с антенновыми мечами [4]. После раскопок в Хастинапуре и Бахадарабаде этот слой можно с уверенностью относить ко времени, предшествующему XII в. [5]. Таким образом, привлечение этой серии мечей для решения вопроса о времени упадка цивилизации Хараппы явно неправомерно. Однако можно ли вообще говорить о каком-либо решающем сходстве этих мечей с кобанским кинжалом? Что их сближает? Только навершие, несколько выгнутое кверху, которое условно можно назвать антенновым. Хорошо известно, что навершия подобного рода были широко распространены как во времени, так и в пространстве (рис. 4). Индийские мечи можно было бы на том же основании сравнивать с мечами поздней бронзы Центральной Европы или с более поздними мечами Апеннинского полуострова или Восточной Европы. И как раз в кобанской культуре Северного Кавказа такие навершия отнюдь не являются единственно характерными формами. Зато в культуре «медных кладов» долины Ганга они присущи всем известным мечам и связаны с местной традицией, проявлявшейся и при производстве других предметов. Следует подчеркнуть, что медные кованые индийские мечи по материалу и технике производства отличны от литых бронзовых кобанских кинжалов. Индоевропейцы, «осчастливившие»

[1] R. Heine-Geldern. Ук. соч., стр. 137.

[2] См. его же. Archaeological Traces of the Vedic Aryans. Journal of Indian Society. Oriental Art, т. IV, 1936.

[3] B. B. Lal. Ук. соч., стр. 35.

[4] V. D. Krishnaswami. Progress in Prehistory. Ancient India, 1953, № 9.

[5] B. B. Lal. Excavation at Hästinapura and other Explorations in the Upper Ganga and Sutled Basins. 1950—1952. New Light on the Dark Age between the End of the Harappa culture and the Early Historic Period. Ancient India, 1955, № 10—11.

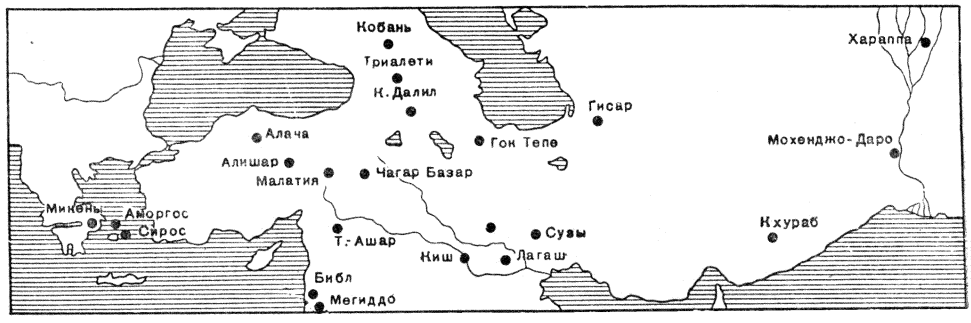

Рис. 7. Карта распространения булавок

(по Гейне-Гельдерну) Индию этим изобретением, должны были по дороге растерять свои технические навыки, в том числе и основной из них — бронзовое литье. Ко всему этому можно добавить, что и по форме своей (особенно по специфическому характеру сочленения рукояти с полосой [1]) кобанский кинжал весьма далек от индийских мечей. Точная же датировка этого кинжала, как и у всех случайных находок, отнюдь не определенна.

Далее, Р. Гейне-Гельдерн приводит еще одну группу вещей, подтверждающих, по его мнению, более позднюю датировку верхних слоев Хараппы (рис. 6). Это медные и бронзовые жезлы и булавки с зооморфными навершиями. Здесь Р. Гейне-Гельдерн сравнивает медный жезл из Хараппы с жезлом из Гисара III С и бронзовыми булавками из Кобана и Луристана и на этом основании относит первый к концу II тысячелетия до н. э. Далее булавка из Мохенджо-Даро, увенчанная двумя оленьими головами, также сличается с булавкой из Кобана и жезлом с двумя лошадиными головами из Гисара III С, что вновь приводит к тому же хронологическому выводу. При этом автору приходится преодолеть стратиграфическое противоречие: булавка из Мохенджо-Даро найдена на глубине 12 футов, т. е. отнюдь не в верхнем слое. По общей стратиграфической схеме города она прочно связывается с первым средним слоем. Однако это не смущает автора; он пишет. что добыча кирпича в буддийский период вполне могла быть причиной того, что маленький объект сполз в нижний слой [2]. Однако достаточно посмотреть стратиграфическую схему, приведенную в статье С. Пигготта (рис. 7), чтобы убедиться, что средний слой перекрыт стерильной прослойкой (flood silt 3) и тремя слоями, ни один из которых не был нарушен «выемкой кирпича в буддийский период» [3].

Булавки и жезлы с зооморфным навершием были широко распространены (рис. 8) и существовали достаточно долго. Специальная типологическая разработка их пока еще не произведена. Индийским экземплярам была посвящена специальная работа С. Пигготта, который привлек значительную серию аналогичных булавок Передней Азии, картографировал их и датировал всю серию 2000—1500 гг. до н. э.[4] Гейне-Гельдерн ссылается лишь на верхнюю дату Пигготта, но и ее считает заниженной. И здесь он предлагает новую дату — те же 1200—1000 гг. до н. э. Для доказательства этого из всей серии, приведенной С. Пигготтом, он берет для сравнения с индийскими экземплярами лишь кобанскую булавку и жезл из Гисара III С. Уже с самим принципом выборочного сравнения вещей трудно согласиться. Но все же рассмотрим сначала даты внутри непомерно суженной Гейне-Гельдерном группы вещей. Даты обеих привлекаемых аналогий указаны автором совершенно произвольно. Дата булавки из Кобана по меньшей мере спорна. К. Шеффер достаточно четко относит этот экземпляр к «средней бронзе Кавказа», которая датируется им 2000—1550 гг. до н. э.[5]

Чрезвычайно важно суждение Б. А. Куфтина по поводу этого же типа булавок. Исследуя булавку из погребения № 3 из Байбуртинского могильника (весьма близкую

[1] Б. А. Куфтин считает такое сочленение характерным для Кавказа и Малой Азии. См. Б. А. Куфтин. Материалы по археологии Колхиды, т. I ,стр. 157—158.

[2] R. Heine-Geldern. The Coming..., стр. 137.

[3] S. Piggott. Notes on certain Metal Pins and a Mace-Head in the Harappa Culture. Ancient India, 1947—1948, № 4, стр. 28, рис. 2.

[4] Там же, стр. 38, рис. 3 и др.

[5] C. Schaeffer. Ук. соч., стр. 524; хронологическая табл. VIII. Мы неоднократно ссылаемся на труд К. Шеффера и предложенные им даты. При этом следует отметить, что ряд исследователей подвергает сомнению некоторые положения этого труда и считают даты Шеффера непомерно удревненными, так как этот автор распространяет единые даты основных категорий на всю рассмотренную им огромную область, не учитывая время, необходимое для «передвижения» вещей. Однако, если и разделять эти сомнения, то их следует относить к датам не центральной части этой области, а лишь ее периферии (Кавказ). Да и здесь поправка может составлять один-два века, что не играет решающей роли для нашего построения.

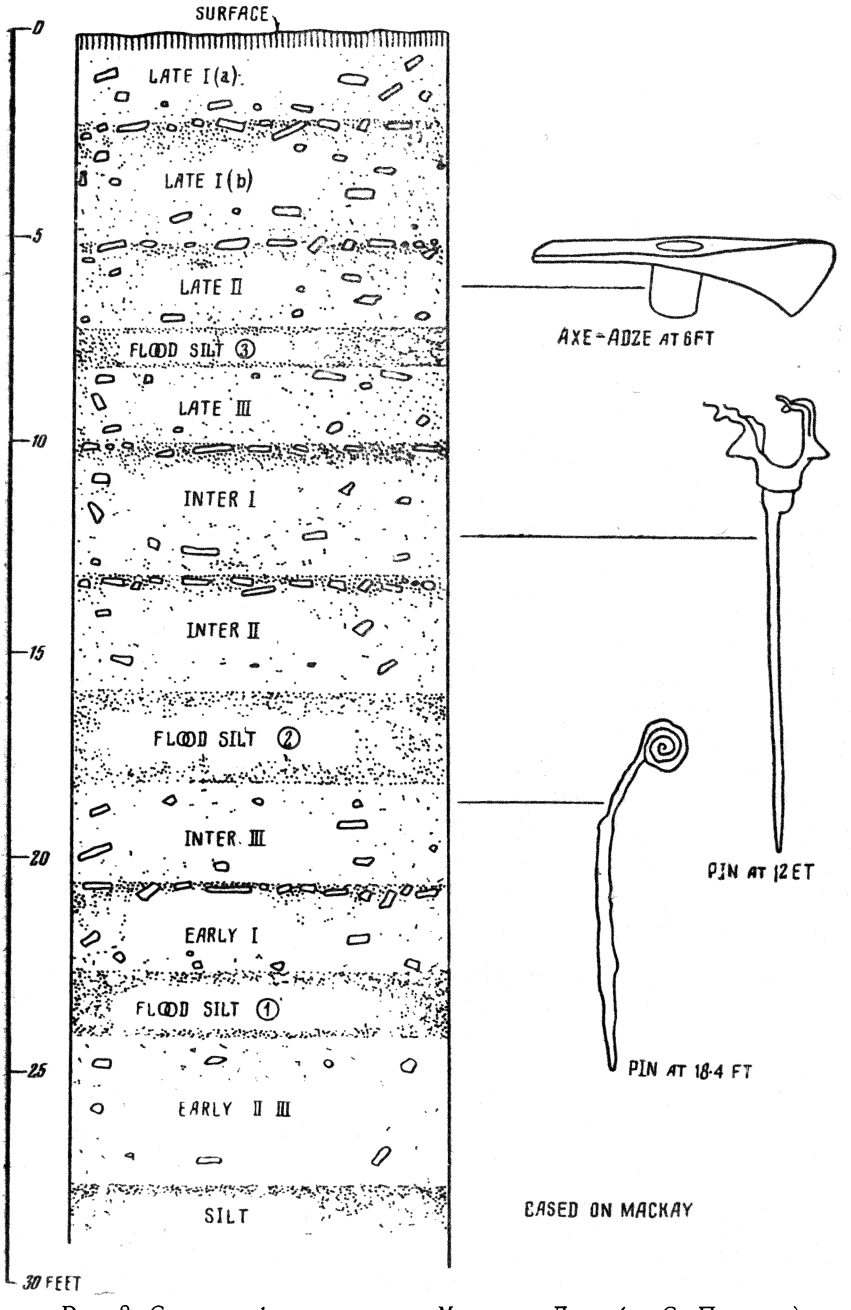

Рис. 8. Стратиграфическая схема Мохенджо-Даро (по С. Пигготту)

по схеме к кобанской булавке), Б. А. Куфтин писал, что при общем с Кобанью мотиве булавок, в форме топора с фигуркой одного или нескольких животных (или даже охотничьей сцены), эта булавка не кажется принадлежащей к кобанской культуре и требует других параллелей, поскольку и прием украшения топоров скульптурами животных на обухе имеет значительно более древние корни, уходя в топорах из Нигавенда и, может быть, Курдистана к III и первой половине II тыс. до н. э., а булавки с фигурками животных вообще известны, например, из раскопок Гисара III, с первой половины II тыс. до н. э., поэтому возможность отнесения этого могильника к эпохе более древней, чем Бешташенский могильник, ничего невероятного пока не заключает, но требует лишь подтверждений при дальнейшем накоплении соответствующего материала [1].

[1] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, стр. 76 сл., рис. 87, *1*.

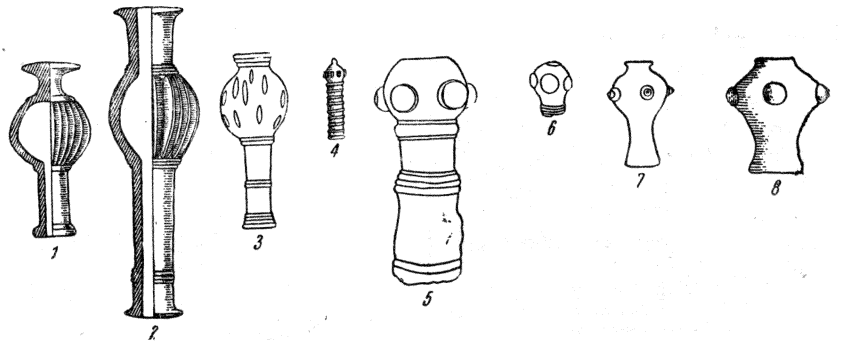

Рис. 9. Навершия булав

1 — из Чанху-Даро; *2* — из Луристана; *3* — из Гисара; *4* — из Грузии; *5*, *6* — из Сиалка, некрополь «*B*»; *7* — из Кобана; *8* — из Зембиля

Еще менее основательна ссылка на булавку из Гисара III С. Гейне-Гельдерн уже не впервые оперирует значительно заниженными датами этого памятника. На это указывал в 1948 г. К. Шеффер, касавшийся вопроса об этих же булавках и подчеркнувший твердость датировок слоев Гисара — датировок, согласованных с данными раскопок Рас-Шамра и других столь же четких по своей стратиграфии памятников[1]. Дата соответствующих слоев Гисара III С определена Шеффером около 2100 г. до н. э.[2]

Если же не ограничиваться случайными аналогиями, привлеченными Гейне-Гельдерном, и попытаться определить географические и хронологические рамки рассматриваемой категории вещей, то можно убедиться, что даже добросовестная статья С. Пигготта далеко не исчерпывает материал. Жезлы и булавки с зооморфным навершием возникли уже в середине III тысячелетия до н. э. (Алача-Гуйюк — 2400—2300 гг. до н. э.[3], Мегиддо 16—18 — 2400—2300 гг. до н. э.[4]) и продолжали существовать вплоть до конца третьей четверти II тысячелетия, причем наибольшее число их тяготеет к рубежу III и II тысячелетий и первой половине II тысячелетия до н. э. (Библ, Телль-Ашар, Геок-тепе, Луристан, шахтная гробница IV из Микен и др.). Территориально жезлы и булавки распространены чрезвычайно широко — от Балканского полуострова по всей Передней Азии, Кавказу, Ирану, Западной Индии. Таким образом, можно лишь констатировать принадлежность Индии к кругу распространения этого типа вещей. Наметить же определенный путь проникновения их в Индию и связать их с миграцией какой-либо группы населения невозможно. Хронологически же, как мы видели, подавляющее большинство булавок и жезлов предшествует тому периоду, дату которого Гейне-Гельдерн пытается обосновать с их помощью.

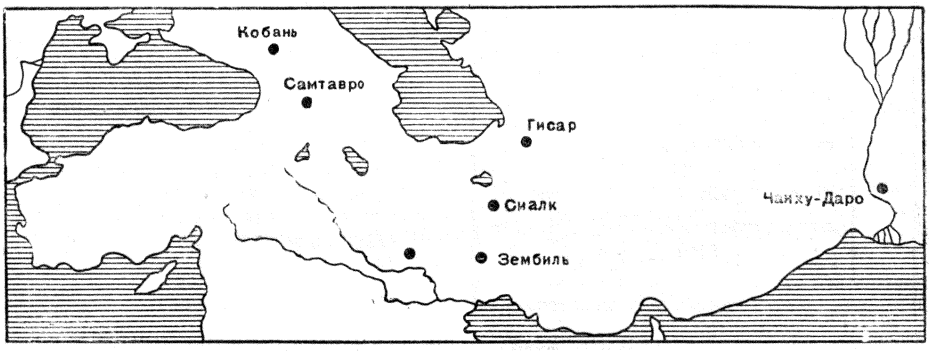

Рис. 10. Карта распространения наверший булав

Во втором позднем слое Мохенджо-Даро, на глубине около 2 *м*, был найден бронзовый топор-тесло. Этот предмет с самого начала вызвал много споров. Э. Маккей считал его предметом поздним, оставленным в яме каменщиком, добывавшим кирпичи для буддийской ступы. Гейне-Гельдерн считает такое объяснение неприемлемым, однако тут же указывает, что оно подчеркивает позднюю дату объекта и свидетельствует о принадлежности его к поздней, возможно даже заключительной, фазе древнего го-

[1] C. Schaeffer, Ук. соч., стр. 448.
[2] Там же, стр. 451.
[3] C. Schaeffer. Ук. соч., рис. 179, *B*; стр. 289, хронологическая табл. IX.
[4] Там же, рис. 134, *1—3*; хронологическая табл. IV.

рода[1]. Последнее заключение он принимает и пытается подкрепить рядом дополнительных аналогий. Некоторые из них действительно могут быть отнесены к рубежу II и I тысячелетий (тесла из некрополя «*B*» из Сиалка, ассирийские экземпляры времени Саргона и Салманасара II из Ниневии[2]). Но слабость всего построения заключается в том, что автор не пытается выяснить общие хронологические рамки существования рассматриваемого им типа. Гейне-Гельдерн ограничивается замечанием, что происхождение этого типа связывается с Трансильванией (что само по себе весьма сомнительно) и относится к первой половине II тысячелетия. Однако ранние экземпляры Гейне-Гельдерн не рассматривает, а между тем они и географически и типологически значительно ближе топору из Мохенджо-Даро, чем приведенные автором аналогии. Следует отметить, что на самой фотографии, приведенной Гейне-Гельдерном, рядом с рассматриваемым объектом представлен именно ранний, может быть, даже самый ранний экземпляр. Мы имеем в виду топор из Гисара III С. Гейне-Гельдерн пишет, что он не может быть старше XII в. до н. э. Однако никаких фактических доказательств этого более чем рискованного положения он не приводит. Автор ограничивается лишь ссылкой на прежнюю свою работу, появившуюся 20 лет тому назад[3]. Между тем с тех пор проведены новые большие исследования, обобщение которых позволило К. Шефферу достаточно убедительно и резко отвергнуть «передатировку», предложенную Гейне-Гельдерном, и рядом новых серьезных фактов, всем своим широким и четким построением подтвердить обоснованную еще Шмидтом датировку Гисара III С около 2100 г. до н. э.[4] Эта датировка была признана таким крупным исследователем, как Д. Мак-Каун[5], а в последние годы она же фигурировала в работах одного из крупнейших исследователей Центральной и Южной Азии С. Пигготта[6].

Таким образом, топор, помещенный Гейне-Гельдерном рядом с индийским экземпляром, относился к концу III тысячелетия до н. э., а период существования этого типа в целом превышает тысячу лет (с XXI по IX в. до н. э.). Тем самым и этот предмет теряет свое место в системе доказательств Гейне-Гельдерна. Кроме того, следует отметить, что топор-тесло найден в слое, отделенном стерильной прослойкой от слоя, в котором найдена рассмотренная выше булавка с зооморфным навершием (рис. 6)[7]. Поэтому они явно не могут быть одновременны и тем более не могут быть свидетельством одного и того же события — в данном случае «пришествия» арийцев.

Следующая категория вещей, привлеченная Гейне-Гельдерном,— бронзовые навершия жезлов или булавы (рис. 9—10). В Индии известен лишь один такой предмет, принятый первоначально Э. Маккеем за сосуд для косметических средств[8]. С. Пигготт определил подлинное назначение этого предмета, сопоставив с более отчетливо выраженными экземплярами этой же категории. Рассматривая стратиграфические условия находки, С. Пигготт указывает, что навершие было найдено в слое Чанху-Даро, соответствующем концу Хараппы или началу культуры Джхукар[9]. Вместе с тем, он подчеркивает хронологическое соответствие этого слоя кладу из Чанху-Даро, содержащему булавки с биспиральными навершиями. Уже это должно предостеречь от чрезмерного завышения даты как всего слоя, так и самого навершия. Но наиболее показательны здесь аналогии, привлеченные С. Пигготтом и частично повторенные Гейне-Гельдерном. Близки к индийскому экземпляру два навершия. Одно из них, луристанское, является случайной находкой и даты не дает в виду отсутствия аналогий внутри самой луристанской культуры. Зато второе найдено в слое Гисар III С и дает совершенно определенную дату — около 2100 г. до н. э. И здесь Гейне-Гельдерн декларирует, но не доказывает свою «передатировку» Гисара. Вместе с тем следует отметить, что типологически индийский экземпляр несколько ближе к луристанскому, чем к гисарскому. Это обстоятельство позволяет присоединиться к мнению С. Пигготта, относящего индийское навершие к первым векам II тысячелетия до н. э.[10] Но ни в коей мере не может считаться возможным отнесение его (вслед за Гейне-Гельдерном) к концу II — началу I тысячелетия до н. э. К этому времени тип подобных наверший достаточно заметно изменился, о чем свидетельствуют булавы из некрополя «*B*» в Сиалке, изданные Р. Гиршманом[11] глиняная булава из Шага Зембил[12], а также булава из погребения 13 Бешташени, опубликованная Б. А. Куфтиным[13].

Последний довод Р. Гейне-Гельдерна — отличие глиняных печатей из слоя Джхукар в Мохенджо-Даро от печатей предшествующих этой эпохе слоев культуры Харап-

[1] R. Heine-Geldern. The Coming..., стр. 137.
[2] H. Bonnet. Ук. соч., стр. 21, рис. 9.
[3] R. Heine-Geldern. Archaeological Traces...
[4] E. F. Schmidt. Excavations at Tepe-Hissar-Damghan. Philadelphia, 1937.
[5] D. E. McCown. The material culture of early Iran. Journal of Near Eastern Studies, т. I, № 4, Chicago, 1944, стр. 449, табл. 2.
[6] St. Piggott. Prehistoric India. London, 1950.
[7] Его же. Notes..., стр. 28, рис. 2.
[8] E. Mackay. Chanhu-daro Excavations. New Haren, 1943, табл. LXXII, *39*.
[9] S. Piggott. Notes..., стр. 28.
[10] Там же, стр. 39.
[11] R. Ghirshman. Fouilles de Sialk, т. II, Paris, 1939.
[12] R. de Mecquenem, J. Michalon. Recherches a Tchagha Zembil. Paris, 1953, стр. 43.
[13] Б. А. Куфтин. Археологические раскопки в Триалети, рис. 81.

пы и сходство первых с анатолийскими печатями хеттского периода. Действительно, печати слоя Джхукар с солярными символами и жгутовым орнаментом резко отличаются от печатей, характерных для основных слоев Мохенджо-Даро, с изображениями животных и надписями. Однако сопоставление джхукарских печатей с анатолийскими можно принять только с определенной оговоркой: и солярный символ и жгутовой орнамент присущи отнюдь не только анатолийским печатям хеттского периода, они известны значительно шире и хронологически и географически. Упомянем хотя бы каппадокийские печати и цилиндры, на которых уже в XVI в. до н. э. встречается как упомянутая орнаментация [1], так и желобчатый край [2] и боковые отверстия [3], указанные Гейне-Гельдерном как специфические признаки хеттских печатей позднего времени. В этом отношении крайне важно замечание Маккея о том, что «создается какое-то странное впечатление отдаленного родства между печатями времен Джхукара из Чинху-Даро и каппадокийскими печатями несколько более раннего времени» (разрядка наша.— *Д. Д., Н. М.*) [4]. Таким образом, хронологическое единство приведенной Гейне-Гельдерном группы печатей отнюдь не может считаться убедительным. Некоторые из них могут относиться к значительно более раннему времени, хотя мы ни в коей мере не отрицаем наличие в культурных слоях индийских городов печатей конца II тысячелетия до н. э. Следует лишь отметить, что печати рассматриваются обычно как свидетельства торговых и культурных связей, и потому неубедительна их связь с западной иммиграцией и гибелью цивилизации долины Инда.

Итак, Р. Гейне-Гельдерн рассматривает семь категорий вещей, и этим «арсенал» его исчерпывается. Автор утверждает, что нельзя считать случайным совпадением тот факт, что тесло из Куррама, кинжал из форта Мунро, мечи из долины Ганга, жезл с зооморфным навершием из Хараппы, булавка и топор-тесло из Мохенджо-Даро, булава и печати из Чанху-Даро — все дают дату между 1200—1000 гг. до н. э. и что все они свидетельствуют о связях с Западом, с Кавказом, с Анатолией и Западным Ираном [5].

Мы видели, что этот «пучок» доказательств полностью распался. Сводя линии различных категорий к единой дате, Гейне-Гельдерн абсолютно не учитывал хронологические рамки существования каждого рассмотренного типа вещей. Он приводил произвольные единые даты, неправомерность использования которых достаточно четко указана в современной научной литературе [6]. Необходимо учитывать прежде всего длительность существования импортных вещей в районе вывоза и стратиграфическое положение их в районе ввоза [7]. Как мы видели, Гейне-Гельдерн не учитывает ни первое, ни второе условие. Он ничем не доказал кратковременность существования рассмотренных им вещей в предполагаемом исходном районе их движения, и нам нетрудно было показать, что бóльшая часть их имела там период существования, превышающий 1000 лет. Что же касается стратиграфической характеристики этих вещей в самой Индии, то здесь автор пренебрегает совершенно явными фактами. Мы видели, что часть приведенных им вещей найдена случайно, иногда даже вне территории распространения культуры Хараппы (куррамское тесло). Вещи же, найденные на местах поселений, относятся к совершенно различным, даже разделенным стерильной прослойкой слоям (булавка и топор-тесло из Мохенджо-Даро), время бытования их в Индии явно различно. В других случаях привлечение автором определенных фактов просто неправомерно. Так, например, мечи с антенновым навершием относятся, как мы видели, и к иной территории, и к чуждой долине Инда культуре. Таким образом, ни единство времени происхождения приведенных Гейне-Гельдерном вещей, ни единство времени бытования их в Индии доказаны быть не могут.

Столь же мало убедительно построение Гейне-Гельдерна и с географической точки зрения. Как происхождение, так и распространение приведенных им вещей отнюдь не связываются только с северо-западной частью Передней Азии (территория Хеттской державы и Митанни), откуда автор пытается вывести волну «разрушителей» цивилизации Хараппы. Все эти вещи имеют чрезвычайно широкое распространение прежде всего на территории Ирана. Рассмотрение же массового археологического материала культуры Хараппы и всего культурного окружения долины р. Инда убеждает в существовании длительных, начавшихся задолго до эпохи развитой бронзы, и чрезвычайно тесных связях культуры Хараппы с Западом, с широкой полосой земледельческих культур Ирана. Эта культурная область, ее развитие и перемещения внутри нее и должны прежде всего приниматься во внимание при решении проблем, связанных с судьбами цивилизации долины Инда. В появлении некоторых категорий западных вещей в слоях индийских поселений нет ничего исключительного. Во всяком случае, это не имеет никакого отношения к «могучему этническому движению», начавшемуся, по мнению Гейне-Гельдерна, на Балканах и на Нижнем Дунае и «разрушившему Хеттское царство

---

[1] G. Contenau. La glyptique Syro-Hittite. Paris, 1922, рис. 8, 11, 14, 17, 19, 24, 59, 60, 64, 65, 68.

[2] Там же, рис. 72.

[3] Там же, рис. 75.

[4] Э. Маккей. Ук. соч., стр. 31.

[5] R. Heine-Geldern. The Coming..., стр. 139.

[6] V. Milojčič, Ук. соч., стр. 2 сл.

[7] Там же.

около 1200 г. до н. э.»[1]. Относительно Балкан и Дуная здесь говорить излишне: Р. Гейне-Гельдерн явно не учитывает хорошо известные исследования, показавшие как раз обратную картину — движение племен из Малой Азии на Балканы[2]. Но и в пределах Западной и Южной Азии приведенные Гейне-Гельдерном разрозненные и неправильно интерпретированные вещи не могут являться серьезным свидетельством мощной этнической волны, достигшей долины р. Инда и разрушившей ее цивилизацию.

Резкой смены культуры, появления комплекса новых культурных элементов и массового нового материала в эпоху упадка цивилизации Хараппы не произошло. По сути дела нет и достаточно достоверных доказательств разрушения городов долины Инда большой группой вторгшихся извне врагов: следы «катастрофы» — скелеты убитых людей — найдены только в Мохенджо-Даро; доказательств массового разрушения других городов и поселков нет. Что же касается «катастрофы» в Мохенджо-Даро, то она вполне могла быть связана с внутренними усобицами или, как предполагает Э. Маккей, с вторжением одного из соседних племен. Успех такого вторжения мог быть обусловлен внутренними причинами: общим упадком города, сделавшим его «более уязвимым для атак врагов»[3]. Таким образом, само наличие вторжения группы инородных племен в конце II тысячелетия до н. э. пока археологически документировано быть не может. Оно не может быть обосновано и филологическими данными.

При всей сложности проблемы определения первоначальной территории и путей распространения народов индоевропейской языковой семьи некоторые вопросы начинают проясняться. Так, достаточно ясно, что не только во II, но и в III тысячелетии до н. э. мы должны говорить не о первоначальном индоевропейском единстве, а о ряде четко обособившихся и значительно разошедшихся в своих различиях языковых групп. Во всяком случае, в конце II тысячелетия (мы берем здесь наиболее позднюю возможную дату)[4] уже возникают такие памятники, как Ригведа и Авеста, свидетельствующие о далеко зашедшем процессе расхождения языков внутри индоиранской группы, которая, в свою очередь, должна была выделиться из индоевропейской общности значительно ранее. Надо учитывать, что Ригведа отражает местные условия и традиции Северо-Западной Индии, что возникла она в северной части долины р. Инда и что к моменту ее возникновения сложился уже язык, отличный даже от ближайшего своего родственника — иранского языка, языка Авесты[5]. Для этого потребовался не один век, и начало распада индоиранской общности можно относить по меньшей мере к рубежу III и II тысячелетий до н. э. Еще ранее произошло отделение индоиранской группы от других групп, в том числе хеттской. При таком положении вещей представляется абсолютно неправомерным связывать с хеттами и близкими им народами «индоевропеизацию» долины Инда и, более того, всего Ирана и относить ее, как это делает Гейне-Гельдерн, к последним векам II тысячелетия до н. э.

В силу этого теряет смысл и «подтягивание» даты разрушения цивилизации долины Инда к концу II тысячелетия до н. э.

Выше мы старались показать шаткость хронологического построения Гейне-Гельдерна. Следует подчеркнуть, что шаткость эта заключается не в том, что автор неправильно определил дату падения цивилизации Хараппы, а в том, что по его методике дата вообще не может быть определена. Даты столь большого значения могут быть определены лишь на общеисторическом фоне, с обязательным учетом основных культурных связей, массового материала и стратиграфических данных. Так подходили к решению вопроса о хронологии цивилизации долины Инда крупнейшие ее исследователи. В общем их выводы сводятся к следующему.

Цивилизация долины р. Инда не имеет собственной шкалы абсолютных дат. Для ее хронологии решающее значение имеют связи с абсолютно датированными областями — прежде всего с Месопотамией. Активные связи и несомненная близость в самом процессе развития обеих областей позволяют установить здесь определенные соответствия. Представление о связях все более конкретизируется благодаря открытию промежуточных культурных центров, расположенных к западу от территории культуры Хараппы (Кветта, Талаб, Рана Шундай[6] и др.). Что же касается соответствий, то они приобретают особое значение в связи с достаточно четкой стратиграфией памятников долины Инда. Ныне стратиграфическое взаиморасположение культур долины Инда рассматривается следующим образом (мы в основном следуем здесь весьма четкому изложению этого вопроса Маккауном)[7].

[1] R. Heine-Geldern. The Coming..., стр. 136.

[2] V. Milojčič. Ук. соч., стр. 110 сл.

[3] Э. Маккей. Ук. соч., стр. 37. (Возражения В. В. Струве в предисловии к этой книге против указанного положения Э. Маккея не представляются окончательно доказанными).

[4] Дата Ригведы все еще остается спорной и «не установлена даже с приблизительной степенью точности» (см. The Vedic Age, стр. 194), однако отнесение ее ко II тысячелетию до н. э. является достаточно признанным. См. С. А. Данге. Индия от первобытного коммунизма до разложения рабовладельческого строя. М., 1950, стр. 25.

[5] См. The Vedic Age, стр. 193 и 215.

[6] F. Balsan. L'atelier protohistorique de Tahlab, Revue Archéologique, 1956, серия 6, т. XLVIII, стр. 129 сл.; E. J. Ross., D. E. McCown. A chalcolithic site in Northern Baluchistan. Journal of Near Eastern Studies, 1944, т. V, № 4, стр. 284 сл.

[7] E. J. Ross. D. E. McCown. Ук. соч., стр. 287.

1. Культура Амри, близость которой к древнеиранской подчеркивается Маккауном [1]. К концу этой культуры и, может быть, к самому началу цивилизации Хараппы относятся две культуры южного Синда: Наль и Кулли.

2. Культура Хараппы, известная в основном по памятникам позднего этапа своего развития, открытым в Хараппе, Мохенджо-Даро и Чанху-Даро. Нижние слои этих городов скрыты почвенными водами. Древнейшая стадия культуры представлена, очевидно, открытыми Н. Д. Маджумдаром поселениями южного Синда, слои которых перекрывают слой культуры типа Амри. Показательна в этом отношении стратиграфия поселения на холме Гази Шах. Керамика типа Хараппы встречается здесь вплоть до глубины 30 футов, на уровне 20—30 футов она перемешана с керамикой культуры Амри, слой которой продолжается вплоть до глубины 40 футов.

3. Культура Джхукар, по мнению Маккауна,— прямой наследник культуры Хараппы, но без ее письменности и ряда других характерных черт [2].

4. Культура Джханбара, резко отличная от предшествующих.

Две последние культуры представлены, в частности, верхними слоями в Чанху-Даро.

Такова принятая ныне схема. Она носит еще весьма общий характер и далеко не во всех своих деталях может быть развита и конкретизирована. Для этого требуется прежде всего дальнейшее накопление материала. Но и имеющийся материал не подвергся еще должной детальной разработке, и этим в известной мере объясняется то впечатление полного единообразия, которое производят на исследователей культурные слои долины р. Инда, несмотря на длительный период существования оставивших их городов (так, в Мохенджо-Даро, например, открыто семь строительных периодов [3]). Маккаун специально подчеркивает, в частности, что история полихромной керамики Хараппы полностью неизвестна [4]. Это в полной мере относится и к другим категориям материала. Поэтому вопрос о датах цивилизации долины р. Инда и о хронологическом соотношении ее с абсолютно датированными областями не может еще быть разрешен с привлечением массового материала и определением конкретной ориентации, интенсивности, длительности и характера основных связей. Исследования в этом направлении очень важны и перспективны, но пока были сделаны лишь отдельные попытки сопоставления некоторых групп массового материала. Чрезвычайно большой интерес представляет проведенное Маккауном сравнение керамики Рана-Шундай с керамикой Северного Ирана [5]. Но в целом хронологическое сопоставление культуры долины р. Инда с абсолютно датированными областями проводилось пока либо с учетом самых общих и широких признаков, либо на основании находок отдельных месопотамских датирующих вещей в Индии и индийских вещей в датированных слоях Месопотамии. Это могло дать лишь самое общее представление о периоде существования цивилизации Хараппы. Так, одним из общих признаков, привлеченных для решения этого вопроса, является отсутствие в долине р. Инда железа. А. Д. Пасалкер пишет, что о верхней дате индийской цивилизации можно судить по отсутствию железа, которое известно повсюду на Среднем Востоке во вторую половину II тысячелетия; цивилизация долины Инда относится, таким образом, еще к халколиту [6], проявляя замечательное сходство со второй пределювиальной культурой Элама и Месопотамии и протоисторическим периодом Шумера (около 2750 г. до н. э.) [7]. Подобное соображение имеет право на существование и подтверждается тем, что и бронзовых вещей в цивилизации Хараппы очень мало. Но дата совершенно произвольна. Еще более произвольным выглядит общее определение хронологических рамок цивилизации. Взяв 2750 г. до н. э. за исходную верхнюю дату, А. Д. Пасалкер считает, что период существования семи строительных периодов Мохенджо-Даро должен соответствовать периоду существования семи слоев Трои или Рима и поэтому равняется 1000 лет. Далее он вносит поправку: так как упадок Мохенджо-Даро наступил быстрее в силу неоднократных наводнений, период должен быть сокращен вдвое (?) и определен 3250—2750 гг. до н. э. Такое умозрительное построение не имеет никаких фактических оснований, и сам Пасалкер должен был отказаться от него и рассмотреть даты, засвидетельствованные находками индийских вещей в месопотамских слоях. Следует повторить, что и эти даты весьма ориентировочны в силу единичности рассматриваемых фактов и отсутствия массового сличения. Этим объясняется значительное занижение Пасалкером дат цивилизации Мохенджо-Даро. Он пишет, что индийские печати, обычные для позднего периода Мохенджо-Даро, были найдены в Эшнунне, в слоях 2600—2500 гг. до н. э. Это обстоятельство позволило ему отнести ранний период Мохенджо-Даро к 2800 г. до н. э. Однако дата этих печатей не ясна ни в долине Инда (где никем не доказана принадлежность их только поздним слоям), ни в Месопотамии (где, по указанию самого Пасалкера, они встречены в погребениях Ура, относящихся к 2150 г. до н. э.) [8].

---

[1] E. J. Ross, D. E. McCown. Ук. соч., стр. 287.

[2] Там же.

[3] См. The Vedic Age, стр. 191.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Применение такого термина к культуре долины р. Инда справедливо оспаривает Э. Маккей (см. Э. Маккей. Ук. соч., стр. 33).

[7] См. The Vedic Age, стр. 191.

[8] Там же, стр. 192.

Наиболее достоверны здесь индийские печати-амулеты, найденные Франкфортом в Телль-Асмаре в слое 2400 г. до н. э.[1]. Такая дата подтверждена как характером слоя этого и других поселений, так и исследованием клинописной надписи на одной из печатей, произведенным Б. Грозным[2]. В связи с этим необходимо подчеркнуть, что эти печати характерны не для поздних, а для наиболее ранних известных слоев Мохенджо-Даро, что делает весьма вероятным отнесение начала известного нам периода цивилизации Хараппы к середине III тысячелетия до н. э. (такая дата принята Маккеем, Струве и другими исследователями). Такой вывод подтверждается и другими находками: фрагментами зеленых стеатитовых ваз из ранних слоев Мохенджо-Даро[3], сосудом с шумеро-вавилонской надписью из тех же слоев[4], бусиной из карнелиана, близкой бусам из гробниц Ура[5] и т. д. Все это делает маловероятным отнесение Пасалкером, Гэдом, Фабри и другими исследователями даты начала известного нам периода цивилизации Хараппы к 2800 до н. э.

Что касается верхней даты культуры долины Инда, то вопрос о ней решался до сего времени на основании находок в некрополях Хараппы и в верхних слоях Хараппы, Мохенджо-Даро и Чанху-Даро. Э. Маккей во втором издании неоднократно упоминаемой нами книги отнес конец цивилизации Хараппы к XVII в. до н. э.[6], подчеркнув, что таково ныне единодушное мнение археологов. Правда, развернутой аргументации этой даты он не дает, а в специальном дополнении к книге несколько изменяет ее в связи с исследованиями Смита и Олбрайта и относит конец Хараппы уже не к XVII, а к XVI в. до н. э.[7]. Эту же дату подтверждает В. В. Струве. Он считает, что находки в верхних слоях Мохенджо-Даро и Чанху-Даро сегментированных фаянсовых бус[8] являются решающим аргументом в пользу этой даты. Спектрографический анализ этих бус доказал их кносское происхождение; на Крите же они были найдены в слое среднеминойского периода (окончившегося около 1550 г.) совместно с импортными египетскими вещами XVIII династии, начало которой относится к 1584 г. до н. э.[9]. Если учесть регулярный характер связей цивилизации Хараппы с Западом и абсолютное отсутствие подобных бус в более ранних слоях индийских городов, указанная дата упадка городов долины Инда — XVI в. до н. э.— предстанет как наиболее вероятная. И как мы пытались показать выше, вещи, привлеченные Гейне-Гельдерном, отнюдь ей не противоречат.

Однако при всей вероятности этой даты совершенно очевидно, что она требует дальнейшего обоснования и сможет стать безусловной лишь после общей разработки периодизации культуры Хараппы на основании массового материала. Начало работ в Белуджистане, сопоставление белуджистанской керамики с керамикой Хараппы и, с другой стороны — с керамикой Северного Ирана положило начало и дало правильное направление таким исследованиям. Дальнейший успех их зависит от разрешения общих проблем датировки культур крашеной керамики Передней и Средней Азии, разработка которых значительно продвинута за последние годы плодотворным возобновлением раскопок памятников типа Анау на территории СССР. Тщательное сопоставление массового материала многочисленных памятников огромной полосы родственных культур крашеной керамики — от Анау до долины Инда, заполнение территориальных и хронологических белых пятен, выявление перемещений конкретных групп племен, а также интенсивности и характера связей в различные исторические периоды позволит не только окончательно обосновать даты, но и ускорить разрешение проблем, касающихся упадка городов долины р. Инда.

Но и сейчас можно сказать, что процесс упадка цивилизации долины р. Инда был сложен и связан прежде всего с внутренним развитием самой цивилизации. Это именно упадок, а не единовременная катастрофа. Вопрос о связи этих событий с индоевропейцами в большинстве работ ставится крайне упрощенно. Индоевропейцы выступают в этих работах как полностью чужеродная группа, внезапно вторгшаяся в долину Инда и разрушившая ее цивилизацию. Между тем археологических доказательств такого вторжения нет. Вопрос о появлении индоевропейцев в долине р. Инда и об их судьбах там остается открытым. Но, несомненно, он не может ограничиваться проблемой «вторжения», а судьбы индоевропейцев в Индии имеют значительно более глубокую предысторию. И, ставя вопрос о связях индоевропейцев с цивилизацией долины р. Инда, надо иметь в виду не только падение последней, но и ее создание и весь процесс ее развития.

Д. В. Деопик, Н. Я. Мерперт

---

[1] Э. Маккей. Ук. соч., стр. 128.

[2] B. Hrozny. Inschriften und Kultur der Proto-Inder von Mohenjo-Daro und Harappa. Archiv Orientalni, 1941, т. 12; 1942, т. 13, № 1—2; В. В. Струве. Протоиндийские надписи. Индийский сборник, 1948; см. также предисловие В. В. Струве к указанной книге Э. Маккея, стр. 12 сл.

[3] Э. Маккей. Ук. соч., стр. 129.

[4] The Vedic Age, стр. 192.

[5] Э. Маккей. Ук. соч., стр. 128.

[6] Там же, стр. 31, 129—130.

[7] Там же, стр. 135—136.

[8] См. предисловие В. В. Струве к указанной книге Э. Маккея, стр. 13—14.

[9] Там же.

ИЗ НОВЕЙШЕЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО АРХЕОЛОГИИ ДОРИМСКОЙ ИТАЛИИ

Начиная с 70-х годов прошлого века и до наших дней археологи, изучающие бронзовый век Италии, стремятся проследить проникновение индоевропейцев с севера в лигурийскую и сикульскую Италию. Полулегендарные племенные имена лигуров и сикулов прилагались — первое к североиталийскому, а второе к южноиталийскому автохтонному населению. В. Гельбиг в своей известной книге «Die Italiker in der Poebene» (1879), основываясь на археологических публикациях Кьеричи, Пигорини и Стробеля, весьма интенсивно исследовавших в 50—70-х годах Северную Италию, и в особенности террамары, показал, как начиная с первых столетий II тысячелетия до н. э. в Северную Италию все более проникали племена — носители культуры террамар, насадившие в Италии обряд трупосожжения, развитую бронзовую индустрию и обычай селиться в свайных постройках. В русской науке подобные взгляды развивал выдающийся историк древней Италии В. И. Модестов, книга которого о древнеиталийской археологии переведена на многие иностранные языки и до сих пор не утратила научного значения [1].

Открытая Д. Гоццадини близ г. Болоньи в середине прошлого века, но привлекшая внимание археологов значительно позже, культура Виллановы была принята за вторую волну индоевропейских пришельцев, принесших с собой в Италию культуру раннего железа, родственную Гальштату. Культура, более или менее близкая памятникам типа Виллановы, была обнаружена также во многих местах Средней Италии (в Южной Этрурии и на территории Лация, в особенности же в могильниках близ Альбанских гор — в Кастель Гандольфо и в других пунктах). На основании этих открытий создалось представление, всячески поддержанное в немецкой литературе конца прошлого и начала нынешнего столетия, будто вся римская культура обязана своим возникновением пришельцам из Средней Европы, нашедшим себе благоприятную почву для развития в Средней Италии. Последователям В. Гельбига в итальянской и зарубежной науке представлялось, что носители культуры энеолита и ранней бронзы в Италии, представленной находками в пещерах и в так называемых «fondi di capanne» (землянках) в Средней Италии и в могильнике Ремеделло Сотто на севере Италии, должны были уступить место пришельцам из Центральной Европы. Дальнейшие исследования, в особенности раскопки конца прошлого и начала нынешнего столетия, несколько осложнили эту концепцию. Еще Колини показал, что в культуре террамар имеются элементы, генетически связанные с местным энеолитом. Он показал также, что культура Виллановы, в особенности на ранних стадиях, обнаруживает связь с культурой террамар и может быть рассматриваема в качестве ее непосредственного продолжения. Особенно ярко эта связь прослеживается в архитектуре жилищ, в формах и орнаментах керамики (в частности, в весьма специфической манере украшать глиняные сосуды бронзовой инкрустацией) и, отчасти, в бронзовой индустрии и пластике. Было замечено также, что в Средней Италии и в других районах, удаленных от долины р. По, культура эпохи бронзы, хотя и значительно менее развитая и богатая, чем на террамарах, продолжая развитие местных энеолитических форм, обнаруживает в то же время черты, родственные культуре террамар. Эти «extraterramaricoli» (носители культуры бронзы вне террамар) значительно затемняли, казалось бы, ясную картину внесения культуры террамар в Италию извне, с Европейского Севера.

Г. Зефлунд, критически пересмотревший весь происходящий с террамар археологический материал, показал, что некрополи с кремацией появляются уже на довольно поздней стадии развития террамар и отнюдь не представляют собой изначально свойственного носителям этой культуры способа погребения. Это открытие заставило ученых еще тесней сблизить террамары с предшествующими им по времени культурами энеолита и раннебронзового века Северной Италии и прежде всего с памятниками типа Ремеделло. Это и делает в своей статье Г. Монако [2], прослеживающий развитие культуры террамар из приальпийского и апеннинского неолита. Обычай селиться в свайных постройках Г. Монако объясняет климатическими и гидрологическими условиями долины р. По.

Далее, в начале этого века на юге Италии, недалеко от г. Тарента, в Тиммари, был обнаружен некрополь с сожжениями, по обряду и по материальной культуре весьма близкий поздним некрополям террамар. Подобные же погребения с сожжениями были найдены также в Пунто дель Тонно. Стало ясно, что обряд трупосожжения существовал на юге Италии с глубокой древности, будучи связан, быть может, с энеолитической и раннебронзовой культурой мегалитов. Кроме того, исследованиями Г. Ятта и М. Майера в Мольфетте и Матере (в Апулии) было удостоверено, что известные средиземноморские черты, прослеживающиеся в особенности в древнеиталийской бронзовой индустрии, объясняются весьма прочными связями южноиталийской культуры эпохи энеолита и бронзы с Сицилией, а также с Южными Балканами и о. Критом было отмечено, что древнесицилийская простая и расписная керамика (в особенности кера-

---

[1] См. В. И. Модестов. Введение в римскую историю, т. I, II, СПб., 1902—1904.

[2] G. Monaco. Le Terramare dell'Emilia e l'importanza del Problema terramaricolo nel quadro della civiltà enea italica. Atti del I congr. intern. di Preistoria e Protostoria mediterranea (1950). Firenze, 1952, стр. 161.

мика культуры Матрензы) характеризуется отчетливыми эгейскими чертами. Подобные же наблюдения были сделаны и в Матере.

Все это, однако, не смутило сторонников теории индоевропеизации Италии. Обходя острые углы и стараясь не замечать противоречий, многие представители зарубежной буржуазной науки продолжали и продолжают связывать всякие культурные изменения лишь с миграциями и объяснять социальные и иные исторические сдвиги вторжениями новых этнических элементов. Своего апогея подобные взгляды достигли в теории Г. Косины, соответственно которой всякие культурные различия предполагают непременно различия этнические. Будучи доведена до абсурда, теория эта вызвала в последние десятилетия в зарубежных археологических кругах довольно резкую реакцию. В дальнейшем, вероятно, эта реакция под давлением новых фактов и под влиянием давно уже оценившей эти факты марксистской археологии будет углубляться и расширяться, тем более, что и в буржуазных странах уже начинают появляться археологические и исторические труды, написанные с марксистских методологических позиций.

Во всяком случае, симптоматично то, что М. Паллоттино, один из виднейших этрускологов, в своем докладе на X конгрессе историков в Риме в 1955 г. напомнил последовательным миграционистам высказанную еще когда-то Ю. Белохом мысль, что если бы мы принуждены были судить об эллинистической Италии по одним лишь археологическим данным, то сочли бы, вероятно, что Италия во II в. до н. э. была завоевана греками.

Тем не менее М. Паллоттино сохранил в общих чертах ту же привычную схему индоевропеизации Италии во II тысячелетии до н. э.[1]. Однако он признает необязательность совпадения этноса и культуры вслед за Г. Чайлдом, работу которого[2] он по этому поводу цитирует. М. Паллоттино отмечает также и тот существенный для древней истории Италии факт, что и в исторические времена целый ряд италийских племен (этруски, реты, эвганеи, лигуры, пиценты, сикулы, сарды и др.) говорили на не индоевропейских языках, но на таких языках, с которыми древние индоевропейские италийские языки обнаруживают весьма определенное родство.

Мы не будем здесь оспаривать и тем более входить в детали лингвистической аргументации М. Паллоттино, а отметим лишь, что новые археологические факты заставили его отказаться от концепции вторжения индоевропейцев в Италию с севера. Этими фактами являются упомянутые нами выше сравнительно недавние находки некрополей с сожжениями на юге Италии, в Торре Кастеллючо на Саллентинском полуострове[3], в Милаццо, на северном берегу Сицилии, близ г. Мессины (раскопки Л. Бернабо Бреа в 1951—1952 гг.)[4], на о. Липари и на о. Панареа (Липарские о-ва), где в конце 40-х и в начале 50-х годов XX в. вместе с местной «апеннинской» керамикой и жилищами овальной формы, имеющими параллели как на о. Сицилии, так и на юге Италии (Мольфетта), были найдены фрагменты расписных микенских сосудов типа позднемикенского III АВ периода (XIV—XIII вв. до н. э.). Не менее интересны граффити на сосудах местного изготовления, воспроизводящие знаки, близкие к знакам критского линейного письма «А»[5]. Подобные же находки, хотя и в меньшем количестве, были сделаны также в Сколью дель Тонно и в Лепорано на италийском материке, близ Тарента[6].

Микенская (ахейско-мессапийская) колонизация Италии, сведения о которой основывались до сих пор только на полулегендарных данных греко-римской традиции, на топонимике, да на более или менее смелых догадках новейших ученых, представляется ныне в совершенно реальном свете. Следует отметить, что эти находки являются наиболее ценными из всех сделанных на италийской почве в послевоенное время, поскольку они значительно обогащают науку не только в отношении истории Италии, но также и в отношении истории Крита и Микенской Греции, еще раз показывая, что мифологическая традиция никогда не бывает беспочвенной, но всегда отображает в более или менее завуалированной форме реальные факты. Если после этих находок экспедиция Миноса в Сицилию еще не может рассматриваться как достоверный факт, то непреложной стала связь этих легенд с реальными фактами критского мореплавания в западносредиземноморских водах.

Все эти обстоятельства и заставили М. Паллоттино вместе с некоторыми другими учеными усматривать в иммигрантах-индоевропейцах тех микенских ахейцев, которые принесли с собой в Италию продукты микенской металлургии и керамики, а может быть, и критское письмо. Южноиталийские племена (энотры, моргеты, мессапии, япиги, даунии, пеукеты и др.) восприняли и переработали принесенную извне догреческую эгейскую культуру. Следы этой культуры сохранились в оставленных ими археологических памятниках, а у мессапиев также и в их надписях, относящихся, правда, лишь к позднеэллинистическому времени.

---

[1] M. Pallottino. Le origini storiche dei popoli italici. X congresso intern. di scienze storiche à 1955. Relazioni, II. Storia dell'antichità. 1956, стр. 3.

[2] G. Childe. Prehistoric Migrations in Europe. Oslo, 1950.

[3] C. Drago. Lo scave di Torre Castellucia (Pulsano). Bollettino di Paletnologia Italiana. N. S., т. VIII, 1955, № 5.

[4] L. Bernabo Brea. Fasti archeologici, т. VII, Firenze, 1954, № 2034; B. Neutsch. Archaeolog. Grabugen und Funde in Sicilien. JDAI, т. 69, 1954, вып. 3—4, стр. 545 сл.

[5] См. L. Bernabo Breo. Minos, т. II. Roma, 1952, стр. 5 сл.

[6] M. Pallottino. Ук. соч., стр. 49 сл.

Позднейшая волна этих иммигрантов относится ко времени, непосредственно предшествовавшему греческой колонизации Сицилии и Южной Италии. В эту эпоху создается культура этрусков, авзонов, латинян, опиков. Характерно, что М. Паллоттино признает невозможность объяснять явления культурной эволюции одними лишь миграциями. Он поэтому все время подчеркивает наличие культурного и этнического симбиоза и скрещивания. Эти процессы, по его мнению, нашли отражение в легендарной традиции, называющей Итала царем энотров, Сикула — царем авзонов, Латина — царем тирренов [1].

Индоевропейские пришельцы, принесшие с собой новый язык, имели в культурно-историческом отношении, по мнению М. Паллоттино, известное «катализирующее» влияние на италиков, способствуя более бурному развитию процесса этногенеза и росту материальной культуры.

Мы задержались так долго на взглядах М. Паллоттино не только потому, что названная его работа подводит известный итог усилиям итальянских и других зарубежных археологов, занятых древнеиталийскими проблемами, но также и потому, что она характерна для того направления, которое приняла с недавних пор эта отрасль зарубежного антиковедения.

Комментируя находки 1950 г. в Милаццо, Л. Бернабо-Бреа пишет об открытии более 150 могил, из которых наиболее ранние являются более древними, чем некрополь в Тиммари [2]. Это хронологическое наблюдение позволяет датировать распространение культуры, представленной новыми находками, с о. Сицилия на италийский материк приблизительно XIV в. до н. э. Автором отмечены наряду с сожжениями также и погребения в больших амфорах, подобные погребениям микенской эпохи в некрополе Липари. Так же как и в Липари, на некоторых сосудах имеются знаки, напоминающие критское линейное письмо «А». Более поздние могилы содержат сожжения в урнах биконической формы с крышками, украшенными иногда нацарапанным или лепным орнаментом. Эти урны похожи на урны некрополя Тиммари и Пьянелло (в Умбрии). Очевидно, мы имеем здесь дело с наиболее удаленным к югу и едва ли не наиболее древним вариантом культуры, которая может быть названа «протовилланова». Среди погребальных приношений как для поздней стадии североиталийских террамар, так и для ранних могил культуры Виллановы характерны двулезвийные прямоугольные бритвы и простые дугообразные фибулы. В более поздних могилах при сохранении прежнего погребального ритуала урны заменяются импортными греческими сосудами позднегеометрического и «ориентализирующего» стиля, а среди дополнительных сосудов имеется также и критская «протокоринфская» керамика. О верхней дате некрополя Милаццо и других подобных некрополей будет сказано несколько дальше.

В связи с проблемой перехода от культуры эпохи бронзы к культуре раннего железа или, как говорят итальянские археологи, от «апеннинской» культуры к культуре Виллановы любопытны замечания, которые делает Ф. Риттаторе [3] в своем сообщении о находках в Тоскане, в долине р. Фьоры. Комментируя находку в Понте Сан Пиетро шести могил, выложенных каменными плитами и содержащих трупосожжения, и одного погребения в грубом цинерарии из туфа, он определяет эти могилы как переходные от апеннинской культуры к культуре поздних террамар и Виллановы. Погребения эти сохранили в своем инвентаре пережитки эпохи бронзы. Они интересны, по мнению автора, тем, что происходят из района, где ранее была известна лишь развитая культура Виллановы, считавшаяся поэтому привнесенной сюда извне. Возникает также вопрос об абсолютной хронологии этих погребений. Предшествуют ли они культуре Виллановы или являются синхронными ей, представляя собой лишь местные периферийные пережитки?

В этой связи может быть отмечена работа М. Бертоне [4], рассматривающая некоторые бронзовые сосуды из некрополя в древней Болонье (могильник Беначчи II), украшенные инкрустацией из бронзовых пластинок, воспроизводящей меандровые или близкие меандру орнаменты. Автор приводит для сравнения протоэтрусские керамические шлемы в виде пилеусов, которыми покрывались глиняные погребальные урны. Подобной же бронзовой инкрустацией украшались также протоэтрусские и протолатинские урны-хижины. Привлеченные М. Бертоне параллели приводят его к выводу об этрусском происхождении бронзовой инкрустированной орнаментики на керамике. Однако М. Бертоне оставляет без всяких оговорок почему-то в стороне инкрустированные бронзой сосуды из террамар. А в этих сосудах с большим, может быть, основанием следует усматривать прототипы этого оригинального способа украшения керамики [5].

Три-четыре десятилетия тому назад проблема происхождения этрусков представляла собой лишь один из частных разделов древнеиталийской археологии. «Загадочность» этрусков ввиду бессилия науки перед расшифровкой письменности этого народа

---

[1] Hesiod. Theog., 1013 сл.

[2] См. статью Л. Бернабо-Бреа в «Rivista di scienze preistoriche», т. VI, Firenze, 1951, вып. 3—4, стр. 205 сл.

[3] F. Rittatore. Scoperte dell'età del bronzo luongo la valle del fiume Fiora. Rivista di scienze preistoriche, т. VI. Firenze, 1951, вып. 3—4, стр. 151 сл.

[4] M. Bertone. Ceramiche villanoviano decorato con lamelle metalliche. Rivista di scienze preistoriche, т. IX, 1954, вып. 3—4, стр. 180 сл.

[5] См. G. Säflund. Le Terramare. Lund — Leipzig, 1939, стр. 115.

сообщала всей проблеме некоторую таинственность и сенсационность. Споры о достоверности версии Геродота о малоазийском происхождении этрусков, несмотря на ожесточенность и продолжительность, сами по себе принесли науке немного пользы. Но они повлияли на прогресс древнеиталийской археологии, поскольку поиски корней и связей этрусской культуры производились во всех направлениях. И хотя многие исследователи и сейчас еще не перестали говорить о возникновении этрусской культуры в связи с переселением в Италию эгейских тирренов, всё же и для них уже ясно, что дело не только в этом, и одним фактом переселения вряд ли можно что-либо объяснить. Действительно, диффузия этнических элементов, их взаимопроникновение совершается непрерывно с большей или меньшей интенсивностью. Уловить момент «начала» этрусской истории на почве Италии оказалось невозможным. Вместе с тем обнаружилось, что культура италийских автохтонов входит в этрусскую культуру весьма органично и глубоко, а восточные аналогии этрусской культуры не идут дальше сходства отдельных черт и элементов. И уж если говорить о миграции, то наиболее существенным фактором является не переселение тирренов (лидийцев), которое имеет в виду Геродот [1], а весь многовековый процесс проникновения в Италию эгейских и балканских племен. О нем сообщает традиция, и о нем же все более убедительно говорят археологические данные. Рассматриваемая в этой плоскости этрусская проблема обратилась, таким образом, в проблему происхождения и становления древнеиталийской культуры вообще, а история этрусков для известного периода предстала как история значительной и наиболее цивилизованной в ту пору части италийских племен, живших на территории, включающей не только Тоскану, но и Лаций, Кампанию, нижнее течение р. По, в какой-то степени Ретийские Альпы и Лигурийское побережье.

И если А. Пиганьоль вновь аргументирует восточное происхождение этрусков целым рядом довольно случайных признаков их родства с древними малоазийцами [2], то более глубок и последователен в своих трудах Г. Зефлунд [3], видящий в этрускизации или точнее «тирренизации» Италии всю сумму явлений проникновения балканских и эгейских элементов на Апеннинский полуостров. Началом этого проникновения можно считать тот своеобразный симбиоз «апеннинской» культуры эпохи бронзы с позднеэлладийской культурой, который можно наблюдать на ранних памятниках Липарских островов и на о. Исхия [4], относящихся примерно к XVI в. до н. э.

Еще недавно некоторые исследователи связывали происхождение этрусской культуры с носителями обряда трупоположения («a fossa»), распространенного в Этрурии наряду с трупосожжениями («a pozzo»). Однако факты убеждают в одновременности обоих типов погребений. Г. Зефлунд утверждает, опираясь на наблюдения, сделанные в самое недавнее время на некрополе Милаццо в Сицилии, что оба типа могил (так же как и оба обряда) — балканского происхождения и проникли в Сицилию и Италию вместе с эгейской керамикой. Смешанную культуру, возникшую на основе слияния апеннинских элементов с эгейскими, этот ученый называет тиррено-ахейской культурой. Она была широко распространена в Южной и Средней Италии. Этрусков он считает северной ветвью этого тиррено-ахейского племени и об этрусской культуре как таковой считает возможным говорить только с того времени, как появляются южноэтрусские города.

Оставляя на совести Г. Зефлунда утверждение о чужеземном происхождении типов древнеиталийских могил «a fossa» и «a pozzo» (развитие их прослеживается достаточно детально на италийской почве [5]), необходимо сказать, что его понимание процесса «тирренизации» италийских племен под влиянием проникновения в Италию эгейских элементов заслуживает самого серьезного внимания и получает твердую опору в источниках.

Существенны также соображения Г. Зефлунда о древнеиталийской хронологии эпохи бронзы и начала железа. Опираясь на работы Э. Экерстема [6], Гокса [7], а также на свои собственные наблюдения над материалом террамар [8], он приходит к следующим заключениям. Фибулы позднемикенских типов (в виде скрипичного смычка и в виде лука), считавшиеся наиболее твердым датирующим материалом в слоях эпохи поздней бронзы, бытуют в действительности очень долго. Поэтому хронология террамар и поздней стадии апеннинской культуры может быть доведена до субгеометрического периода (начало VII в. до н. э.). Подобные же фибулы были найдены в Пунто дель Тонно, в слое, относящемся уже к эпохе железа [9]. Особенно важны для

---

[1] Herod., I, 94.

[2] A. Piganiol. Les étrusques peuple d'Orient. Cahiers d'Histoire mondiale, т. I, № 2, Paris, 1953, стр. 329 сл.

[3] G. Säflund. Über den Ursprung der Etrusker. Historia, кн. VI, вып. 1, Baden-Baden, 1957, стр. 10 сл.

[4] G. Buchnere A. Rittman. Origine e passato dell'isola d'Ischia, Roma, 1948.

[5] См. F. Duhn. Italische Gräberkunde, т. I. Heidelberg, 1924, стр. 282—289.

[6] Ä. Äkerström. Der geometrische Stil in Italien, 1943.

[7] C. F. C. Hawkes. Chronology of the Bronze and the early Iron Age. Greek, Italian and Transalpine. Atti del I Congresso intern. di Preistoria e Protostoria mediterranea (1950). 1952. стр. 256 сл.

[8] G. Säflund. Le Terramare, 1939.

[9] См. заметку Г. Зефлунда в сб. «Dragma M. P. Nilsson», 1939, стр. 460 сл.

хронологии раннегреческих и раннеэтрусских находок в Италии результаты раскопок в Аль Мина на р. Оронте (в Северной Сирии). Весьма отчетливая стратиграфия позволила установить там твердую хронологическую шкалу, соответственно которой позднегеометрические и «ориентализирующие» (раннеродосские) черепки сосуществуют в период от 650 до 625 г. до н. э. В слое же, относящемся к 625—575 гг. до н. э., найдены позднеродосские обломки и «протокоринфские» арибаллы яйцевидной формы, аналогичные арибаллам из известной раннеэтрусской tomba Regolini Galassi. Эти хронологические сопоставления весьма важны, поскольку италийские слои эпохи возникновения этрусской и латинской культуры датируются позднегеометрической и протокоринфской керамикой. Данные же раскопок Аль Мины применимы, по убеждению Г. Зефлунда, к Италии без существенных поправок в силу одинаковых условий древней торговли.

Эти хронологические выводы Г. Зефлунда необходимо учитывать и при датировках вновь открытых некрополей и поселений эпохи бронзы и раннего железа на Липарских островах и на о. Сицилии. Как на севере, так и на юге Италии никакого «разрыва» между памятниками эпохи бронзы и раннего железа не будет, если учитывать длительное существование архаической керамики и металлических форм, в особенности там, где они в качестве привнесенных извне культурных явлений отличались особым консерватизмом.

Начало эгейско-балканских связей италийских племен, или вернее известного единства апеннинской и балканской культур, может быть прослежено еще с эпохи энеолита. Л. Бернабо Бреа в своей работе о последовательности археологических культур древней Сицилии [1] прослеживает развитие этих связей, начиная с энеолитической культуры Стентинелло, через культуры Сан Коно — Пьяно Нотаро, Кастеллюччо, к культуре Матрензы и Тапса, относящихся преимущественно к эпохе поздней бронзы. На стадии Стентинелло балканско-эгейское влияние выражается главным образом в керамических формах и орнаментации, близких древним культурам Фессалии и островов Эгейского моря. Это влияние усиливается в культуре Пьяно Нотаро в эпоху развитой бронзы. Наконец, в культуре Матрензы мы встречаемся с импортированной керамикой типа позднемикенского III А периода (XV—XIV вв. до н. э.).

В этой связи интересно сообщение Маркони [2] о найденной в середине 30-х годов в гроте у Петралья Соттана (близ г. Палермо) расписной керамики, близкой по типам к керамике Матеры, а также к древнефессалийской (Сескло и Димини). Маркони пишет, что керамика этого же рода встречена и в других пунктах о. Сицилии, преимущественно на западе. Близость керамики к южноиталийским типам заставляет автора предположить, что эта культура, возникшая под балканским влиянием, пришла в Сицилию из Италии.

Не исключено, разумеется, что в некоторых случаях эта «импортная» керамика, даже когда она и вовсе не отличима от эгейских образцов, является продуктом местного производства. В суждении о том, является ли тот или иной сосуд привозным или местным, до сих пор решающая роль принадлежит стилистическому анализу и лишь второстепенная — технологическому. Когда стиль и краски изображения резко отличают местную продукцию от импортной, то, может быть, и нет большой необходимости прибегать к технологическим исследованиям. Однако контрольный технологический анализ чрезвычайно желателен тогда, когда на основании весьма тонких и не всегда убедительных стилистических отличий выделяется производство позднегеометрической керамики южноиталийских греческих центров из соответствующего импорта. Насколько может быть важен технологический анализ керамики, показывают результаты раскопок на месте древней Гелы (в Южной Сицилии). Благодаря тому счастливому обстоятельству, что местная глина обладает своеобразным зеленоватым оттенком, не исчезающим при обжиге, доказано местное производство архаической керамики, по остальным признакам не отличимой от продукции древнего Родоса (стиля Фикеллура) [3].

Для понимания процессов «тирренизации» и вообще процесса становления древнеиталийской культуры весьма много дает изучение культурного развития на италийском юге: в Апулии, в Лукании и в Кампании. В этих районах местное население соприкасалось наиболее тесно с балканскими культурно-этническими элементами и в результате этого длительного взаимодействия уже с VIII в. до н. э. стали возникать греческие колонии.

Изучение процесса сложения апулийских племен, а также некоторых явлений, связанных с древнеиллирийским проникновением в Италию и мессапийской колонизацией областей Тарента и Метапонта, следует считать достаточно продвинутыми в науке [4]. Проблемы, связанные с исследованием культуры древних энотров, самое имя которых еще недавно представлялось многим довольно отвлеченным и искусственным

---

[1] L. Bernabo Brea. The Prehistoric Culture Sequence in Sicily. University of London Institute of Archaeology, Sixth Annual Report, 1950, стр. 13.

[2] J. B. Marconi. Ceramica dipinta preistorica della Sicilia occidentale: rapporti con la ceramica balcanica. Atti del I Congresso intern. di Preistoria e Protostoria mediterranea (1950), Firenze, 1952, стр. 118 сл.

[3] D. Adamesteanu. Vasi gelesi archaici di produzione locale. Archeologia classica, V. Roma, 1953, вып. 2, стр. 244 сл.

[4] M. Mayer. Apulien vor und wärend der Hellenisierung. Berlin, 1914; La Sorsia. Storia di Puglia, т. I. Roma, 1953.

понятием, были поставлены лишь в самые последние годы. Были проведены раскопки пунктов, расположенных в глубине страны, но попавших в сферу влияния крупнейших греческих колоний Луканского побережья. Так, раскопками П. Сестиери в 1949—1950 гг.[1] в Палинуро близ г. Салерно был открыт архаический некрополь. Этот некрополь, по-видимому, относится к тому древнему поселению, из которого происходят случайные находки замечательных серебряных статеров с легендами ПАЛ, МОЛ, (VI в. до н. э.), принадлежащие древнему Палинуросу и соседней с ним Молпе (местным грецизированным поселениям, находившимся в указанное время в политической зависимости от Сибариса[2]). В инвентаре погребений наряду с импортными греческими сосудами особенно интересны образцы местной керамики с геометризированным орнаментом. Эта керамика близка той, которая известна нам с давних пор в Апулии и которая относится к архаическому и к несколько более позднему времени. Называя культуру, представленную находками в Палинуро, энотрской, П. Сестиери связывает этот материал с памятниками, открытыми в 1950—1951 гг. в Оливето Ситра[3], в долине р. Селы. Здесь были также получены образцы местной геометрической керамики с черно-красной раскраской.

В связи с этим Занкани Монтуоро и П. Сестиери[4] поднимают вопрос о времени и характере возникновения Посейдонии — одного из крупнейших и интереснейших в историко-культурном отношении центров древней Италии. Считается, что Посейдония была основана сибаритскими греками после разрушений их собственного города в 510 г. до н. э. На основании раскопок в Палинуро П. Сестиери говорит о местном этническом (энотрском) элементе в составе древнейшего населения Посейдонии. По мнению автора, действительным основателем Посейдонии были энотрские племена. Полемизируя с А. Майури[5], П. Сестиери утверждает, что Посейдония была основана значительно ранее конца VI в. до н. э. Свое мнение он подтверждает многочисленными находками древней керамики и архаических кладов в местности Пастена, в 6 *км* от Посейдонии. При этом Сестиери подкрепляет свои соображения новыми наблюдениями, полученными в результате раскопок некрополя в Гаудо, недалеко от Пестума, где в 1945 г. были вскрыты могилы «a forno», содержащие до 25 скелетов, с керамикой балканских типов (аски) и с незначительным количеством раннебронзовых предметов. Автор относит некрополь к рубежу III—II тысячелетий до н. э. и считает его по форме могил родственным древнесикульской культуре I периода Орси, а по прочим признакам — Трое II. Некрополь, во всяком случае, свидетельствует о связях тирренского побережья с Балканами уже в весьма раннее время[6]. Следы местных обитателей, подвергшихся воздействию греческой культуры, П. Сестиери находил также по соседству от Посейдонии на горе Капаччо, откуда происходят случайные бронзовые предметы и характерная местная керамика. В соответствии с этим П. Сестиери толкует и древнюю традицию, полагая, что сообщение Солина об основании Посейдонии дорийцами[7] следует понимать в самом широком смысле, разумея под Dorienses в данном случае греков вообще.

При изучении местной италийской культуры нельзя пройти мимо археологических памятников о. Сардинии и Юго-Восточной Франции (Лигурии). Древнесардская архитектура и бронзовая пластика давно уже привлекают внимание историков этрусского искусства, не без основания увидевших в сардинских нурагах прототипы этрусских ложносводчатых сооружений, а в сардских бронзовых статуэтках параллели к протоэтрусской пластике эпохи ранних стадий культуры Виллановы. Однако монументальная пластика древних сардов почти неизвестна. Поэтому особый интерес представляет сообщение А. Малатеста[8], публикующего колоссальную фрагментированную скульптуру четвероногого животного, высеченную на выступе скалы. Расположение этой скульптуры по отношению к древнему скальному некрополю в Сант-Андреа Приу наводит автора на сопоставление этого памятника с подобными же скульптурами Испании, известными в большом числе и всегда связанными с местами погребения, быть может, в качестве апотропеев (подобно фигурам львов и химер, расположенных вблизи античных могил).

[1] P. C. Sestieri. Alcuni aspetti della colonizzazione greca in Italia meridionale. Archeologia classica, т. V, Roma, 1953, вып. 2, стр. 239 сл.

[2] Head. Historia numorum. London, 1911, стр. 83.

[3] Notizie degli Scavi di Antichità, 1952, стр. 52 сл.

[4] P. Sancani Montuoro. Sibari, Poseidonia e lo Heraion. Archivio Storico p. la Calabria e la Lucania, XIX, 1950, вып. 2, стр. 65 сл.; P. C. Sestieri, Le origini di Posidonia alla luce delle recenti scoperte di Palinuro. Archeologia classica, II, Roma, 1950, вып. 1, стр. 180 сл.; его же. Ancora sulle origini di Posidonia. Archeologia classica, IV, Roma, 1952, вып. 1, стр. 77.

[5] A. Maiuri. Origine e decadenza di Paestum. Parola del Passato. XIX, 1951, стр. 274 сл.

[6] P. C. Sestieri. Primi risultati dello scavo della necropole preistorica di Paestum. Rendiconti Academie di Napoli, XXIII, 1947—1948, стр. 3 сл.; его же. La necropoli preistorica di Paestum. Atti del I Congresso intern. di Preistoria e Protostoria mediterranea (1950). Firenze, 1952, стр. 195 сл.

[7] Solin. II, 10.

[8] A. Malatesta. Il cosidetto Campanie ledda necropoli nuragica di S. Aandrea Priu (Bonorva). Rivista di scienze preistoriche, т. IX, Firenze, 1954, вып. 1—2, стр. 105 сл.

Некоторые сведения, весьма, однако, поверхностные и почерпнутые из недостоверных источников, относительно новых находок культовых и погребальных памятников древних сардов содержатся у Г. Годрона[1].

Интересные и совершенно новые данные о связях материальной культуры древней Сардинии и Лигурии сообщают Мартен Гранель и Арналь[2], изучавшие дольменообразные погребальные сооружения с расширяющимся дромосом. Могилы этого рода, овальные в плане, сложенные из крупного нерегулярного камня, встречаются на юге Франции. Они были исследованы в Нижнем Лангедоке (Буа Мартен и Буа де Пари). В одной из подобных могил при мужском костяке были найдены кремневый скребок, ножевидная пластинка и черешковый наконечник стрелы, а при женском скелете — бронзовый браслет с разомкнутыми концами, относящийся к эпохе ранней бронзы. Найдены также фрагменты керамики с резным орнаментом и фрагменты сосудов цилиндрической формы, украшенных вдавлениями пальцев. О времени могил первого из упомянутых пунктов авторы судят по архитектурным остаткам. Они относят их к эпохе ранней бронзы, полагая, что этого рода памятники, принадлежавшие к позднейшим из дольменообразных сооружений, представляют все же в своей конструкции нечто общее с мегалитическими сооружениями Сардинии, с одной стороны, и с южноиталийскими дольменами, с другой. По мнению авторов, погребения типа Буа Мертен и Буа де Пари являются прототипами италийской погребальной архитектуры этрусского периода.

М. Паллоттино[3] предлагает различать протолигуров (племена, населявшие в эпоху бронзы северо-западную часть Италии и юго-восточную часть Франции) и собственно лигуров (племенное образование, возникшее на северо-западе Италии и в Пьемонте под сильным культурным воздействием этрусков, в частности культуры Голласека, и греческого влияния, шедшего с берегов Тирренского моря). Протолигурам он приписывает известную часть древнеиталийской топонимики (например, Alpes, Alba и др.).

Родовой строй древних лигуров, еще достаточно прочный в эпоху римской республики и сохранявшийся в виде пережитков в средние века, отмечает Форментина[4]. Он прослеживает древний обычай совместного выпаса скота у лигуров, о котором говорится в надписи 117 г. до н. э. для генуатов[5]. Существование этого обычая подтверждают средневековые документы, относящиеся к общинам, расположенным на Монте Загро, близ г. Луки.

Все эти работы дают новый материал, способствующий пониманию процессов италийского этногенеза, связанных со скрещиванием различных этнических элементов и с расширением экономических связей с эгейским миром. Эти связи дают о себе знать всякий раз, когда мы сталкиваемся с импортной керамикой и металлическими изделиями.

Для многих зарубежных исследователей древней Италии продолжает оставаться загадкой причина бурного роста этрусской культуры, а вместе с ней и этрусского политического могущества. Разгадку этой проблемы они ищут во внешних обстоятельствах, стараясь объяснить быструю «тирренизацию» Италии внезапным появлением новых этнических элементов, прибывших с востока. По их мнению, эти новые переселенцы представляли всеподавляющую вооруженную и культурную силу. Вместе с эгейскими тирренами-завоевателями в Италию прибыли малоазийские, сирийские и даже будто бы урартские ремесленники.

При всей многосторонности и сложности этого вопроса не могут не броситься в глаза следы бурного развития этрусского материального производства в VII—VI вв. до н. э. и прежде всего металлургии. Это и было, несомненно, реальной движущей силой культурного и политического подъема. Остатки этрусского металлургического производства известны еще с XIX в. по находкам в Вульчи и в Популонии[6]. Сыродутные горны, открытые в Популонии, обеспечивались рудой, привозившейся с широко известного в древности о. Ильва, который вошел под именем о. Эталии в мифическую географию Аргонавтики. Однако действительные размеры этих рудных разработок могли быть оценены лишь в самое последнее время в результате начатого современными итальянскими предпринимателями вторичного использования древних кричных шлаков, отличающихся из-за несовершенства древнего способа варки железа высоким содержанием металла. Об этом сообщает А. Неппи Модона[7], публикующий остатки древнего горна конической формы, обнаруженного при этих разработках в Популонии. Он посвящает также несколько страниц некрополю Попу-

---

[1] G. Gaudron. La civilisation et les bronzes de l'époque des Nouragès en Sardalgne. Bulletin de la Société Préhistorique française, Paris, 1953, № 11—12, стр. 645.

[2] M. Martin Granel et J. Arnal. Les tombes à antennes du Bas Languedoc. Actes du I-er congrès international d'études ligures (1950), Monaco, 1952, стр. 48 сл.

[3] M. Pallottino. Il problema dei liguri nella formazione dell'ethnos italico. Actes du I-er Congrès international d'études ligures (1950), стр. 83 сл.

[4] U. Formentini. Monte Sagro. Saggio sulle istituzioni demo-territoriali degli apuani. Actes du I-er Congrès international d'études ligures (1950), стр. 207 сл.

[5] Corpus Inscriptionum Latinarum, т. II, 199; т. V, 1749.

[6] См. отчеты о раскопках в «Notizie degli Şcavi di Antichità» начиная с 1903 г.

[7] A. Neppi Modona. Etruscan Metallurgy. Scientific American, т. 193, 1955, № 5, стр. 90 сл.

лонии, определяя в качестве местных древнейшие могилы типа культуры Виллановы, а в качестве иноземных (этрусских) — погребения с признаками «ориентализирующего» влияния.

Этим же вопросам посвящена и статья старого исследователя Популонии А. Минто[1]. Скопища металлического шлака в Популонии и размеры ям для добычи руды на о. Ильва заставляют А. Минто исчислять древнюю добычу металла в миллионах тонн. Бытовые предметы, находимые в этих древних рудных выработках, показывают, что они производились носителями культуры Виллановы, но уже с некоторым налетом восточного влияния. Изделия местной металлургии и торевтики, находимые в некрополе Популонии, также свидетельствуют о принадлежности местного населения к кругу культуры Виллановы.

А. Минто приводит весьма любопытный факт находки совершенно одинаковых древних сосудов из стеклянной пасты с изображением на них путеоланского порта: один из таких сосудов найден в Популонии, а другой — на португальском побережье, в Одемире. Это подтверждает, по его мнению, древние свидетельства о торговле Этрурии с Тартессом через посредство древней самосской колонии Дикеархии, на месте которой находились позднейшие римские Путеолы. Вместе с тем это позволяет установить направление одного из древнейших торговых путей, по которому шла продукция из этрусского металла: с о. Ильвы, где он добывался, через Популонию, где он подвергался обработке,— в Дикеархию, где его погружали на греческие или финикийские суда для перевозки в Испанию. Минто отмечает, что еще и ныне через Пуццоли экспортируется металлическая продукция из Пьомбино (близ древней Популонии) и из Порто Феррайо (на о. Эльба).

Изучению истории восточной и северной торговли этрусскими металлическими изделиями посвящено исследование Силади[2]. Автор прослеживает, как этруски, первые добытчики металла на о. Ильва и в горах близ Популонии, стали одним из самых активных торговых народов древнего Средиземноморья. В 480 г. до н. э. в битве при Гимере греки нанесли сокрушительный удар этрусскому мореплаванию. После этого торговля этрусков приобрела континентальный характер. Древнейшую стадию этрусской торговли Цилагуи изучает по распространению бронзовых треножников, изготовлявшихся, как полагают, в Вульчи в VII — VI вв. до н. э. Эти треножники проникали от устья р. Роны до о. Кипра. Более поздняя стадия этрусской торговли (V — IV вв. до н. э.) характеризуется широким распространением в приальпийских странах бронзовых ойнохой, изготовлявшихся в мастерских Вульчи.

Вопросы восточных культурных связей и восточной торговли этрусков еще нельзя считать решенными. В свое время было показано В. Биссингом[3], что предметы искусства из этрусских некрополей, сделанные в египетском или иранском стиле, являются сирийским импортом. Косвенным подтверждением этого являются свидетельства о посреднической торговле ионийских греков между Востоком и Западом[4]. Несомненно, огромную роль в «ориентализации» культуры Виллановы играло греческое искусство. Многие восточные элементы этрусской культуры могли быть приобретены не непосредственно с Востока, а лишь под влиянием архаического искусства греков, которое также содержало много восточных черт. Так, образцы металлической пластики в восточном стиле и, в частности, ритуальные котлы с головками грифонов из богатых этрусских могил (tomba del Duce, в Ветулонии, tomba Barberini в Пренесте и tomba Regolini Galassi в Цере) — греческого происхождения[5]. Однако К. Максвелл-Гайслоп[6] устанавливает, на основании стилистического анализа, урартское происхождение упомянутых выше бронзовых котлов, а также и целого ряда других предметов из Этрурии. Это именно он заставляет урартских мастеров-металлургов изменить своей кавказской родине ради далекой Италии.

Однако непосредственные сношения этрусков с Урарту, Ассирией и другими государствами Востока представляются маловероятными. Предположению о непосредственно восточном происхождении «ориентализирующих» этрусских изделий противоречат соображения хронологии. Эти предметы этрусского искусства происходят из комплексов не ранее самого конца VII — VI вв. до н. э., тогда как в середине VIII в. до н. э. сирийская художественная промышленность и заморская торговля были пресечены ассирийским завоеванием, связанным с разорением крупнейших торгово-промышленных центров древней Сирии. Кроме того, как известно, восточные черты свойственны не только этрусской торевтике, но и монументальной пластике, развитие которой на италийской почве представлено богатым и разнообразным материалом.

---

[1] A. Minto. L'antica industria mineraria in Etruria et il porto di Populonia. Studi Etruschi, т. XXIII, Firenze, 1954, стр. 291 сл.

[2] I. G. Szilágyj. Zur Frage des etruscischen Handels nach dem Norden. Acta antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, т. I, 1952, вып. 3—4, стр. 419 сл.

[3] См. Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes, XXXIV, 1927, тетрадь 2, стр. 249 сл.

[4] См. S. Smith. The Greek Trade at Al Mina. Antiquaries Journal, XXII, 1942, стр. 87 сл.

[5] I. Jantzen. Griechische Greifkessel, 1955.

[6] K. R. Maxwell-Hyslop. Urartian Bronzes in Etruscan Tombs, Iraq., т. XVIII, 1953, ч. II, стр. 150 сл.

В этой связи интересны наблюдения Джильоли[1], сделанные при изучении каменного саркофага из Перуджийского музея. Джильоли установил ассирийские черты изображенной на нем процессии воинов-завоевателей, возвращающихся из победоносного похода с добычей, среди которой наличествуют рабы, скот и т. д. Однако «ассирийский» характер этих изображений не позволяет рассматривать их в отрыве от такого же рода изображений процессий на известных этрусских и гальштатских бронзовых цистах.

Последним вопросом, который должен быть затронут в интересующей нас здесь связи, является вопрос о выделении и определении латинского и других среднеиталийских племен среди общей массы «тирренизованных» италиков. Среднеиталийские «extraterramaricoli», несмотря на то, что образ жизни их, несомненно, разнился в зависимости от того, жили ли они в прибрежных или во внутренних областях, обитали ли в пещерах (как в долине Фьоры или Лимы) или в землянках (как во многих других пунктах Средней Италии), представляют в культурном отношении достаточно однообразную картину. То же самое следует сказать и о ранней стадии культуры Виллановы. Могильники в Альбанских горах, в Южной Этрурии, или близ г. Болоньи имеют между собою очень много общего. Однообразен как самый тип могил, так и их погребальные инвентари. В могилах «a pozzo» наличествуют обычно урны биконической формы, простейшие лукообразные или смычкообразные фибулы, двусторонние с квадратным лезвием бритвы. Однако уже и на ранней стадии можно заметить некоторые территориальные особенности, указывающие на известную устойчивость локальных вариантов культуры, границы которых по мере упрочения племенных признаков оказывались в известных случаях совпадающими с теми или иными племенными границами.

Эти особенности культурного развития Средней Италии в эпоху Виллановы достаточно детально рассматривает К. Кромер[2]. Протестуя против отнесения могил с сожжениями и с трупоположениями к различным этническим группам, он тем не менее устанавливает между ними известные культурные различия. Урны-хижины, например, характерны, по мнению К. Кромера, для среднеиталийских могил с сожжениями, так же как и урны типа культуры Виллановы, так называемые калефатты (глиняные модели печей) и сосуды с лепным орнаментом «a reticulato» (т. е. с реберчатым переплетом, напоминающим каменную или кирпичную кладку — «opus reticulatum»). Могилы же с трупоположениями характеризуются сосудами с круглым туловом, сосудами типа, близкого к урнам типа Виллановы, но с витыми ручками, открытыми сосудами с ручками в виде головы барана, а также амфорами и амфорисками с нацарапанным геометрическим орнаментом гальштатского типа. Такого же рода различия К. Кромер устанавливает в пределах культуры Виллановы между могильниками Тольфа — Аллюмьере (Южная Этрурия) и культурой древнего Лация. Для последнего он считает характерным ретикулятный орнамент, впервые представленный комплексом, относящимся к эпохе поздней бронзы, в Берторине, близ Фори, в Кампании[3]. Он считает, что в Лации, в Южной Этрурии и близ Болоньи сходные во многих отношениях культурные явления развивались самостоятельно. Касаясь проблемы возникновения древнего Рима, он настаивает на том, что как на форуме, так и на Эсквилине встречались оба типа погребений — «a fossa» и «a pozzo». К. Кромер доказывает этот тезис путем исследования состава инвентарей могил Эсквилина, в прошлом недостаточно точно зафиксированных в отчетах о раскопках. Он исключает, таким образом, возможность видеть в Эсквилине чисто сабинское поселение царя Тита Тация, характеризуемое приверженностью его жителей к обряду трупоположения. Не отрицая значения сабинского элемента в истории возникновения римской городской общины, он относит определенно к сабинянам лишь захоронения в деревянных колодах (или в имитирующих форму этих колод глиняных цистах), имеющих незначительное распространение в Средней Италии преимущественно на территории, занятой позднее племенем фалисков. Местом древнейшего поселения в Риме он считает северную часть Палатинского холма — Гермал, где в результате доследований, предпринятых по окончании второй мировой войны, обнаружены вырубленные в скале основания овальной формы хижин с отверстиями для столбов, поддерживавших соломенную кровлю, и с углублением для очага[4]. М. Флориани Скуарчарино сообщает, что на основании этих находок в палатинском Антикварии произведена реконструкция подобной землянки[5]. Совершенно несомненно, что могилы на форуме содержали захоронения обитателей древнего Палатина того периода,

---

[1] G. Qu. Gilioli. Il sarcofago dello Sperandio del Museo archeologico di Perugia. Archeologia Classica, II, Roma, 1952, вып. 1, стр. 81 сл.

[2] K. Kromer. Zur Frühgeschichte Roms. Mitteilungen der Prähistorischen Kommission. Osterreichischer Akademie der Wissenschaften, VI, 1952—1953, стр. 119.

[3] См. G. Merhart. Donauländische Beziehungen der früheisenzeitlichen Kulturen Mittelitaliens. Bonner Jahrbücher, 1942, стр. 52 сл.

[4] См. S. M. Puglisi. Gli abitatori primitivi del Palatino attraverso le testimonianze archeologiche e le nuove indagini stratigrafiche sul Germalo. Monumenti Antichi, XLI, 1951, стр. 2 сл.

[5] Studi Romani, II, 1954, № 6, стр. 701.

когда он еще представлял собою обособленное поселение, ставшее немного позднее ядром римской общины, в результате объединения его с общиной, находившейся на Эсквилине, и образования еще немного позднее (но в пределах VII в. до н. э.) так называемого Септимонтия. Этот процесс можно уже считать началом латинизации, о чем читатель найдет некоторые сведения в недавней работе Девото [1], которая, однако, уже выходит за пределы рассматриваемой нами темы.

Л. А. Ельницкий

НОВЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ В ОБЛАСТИ АНТИЧНОЙ АРХЕОЛОГИИ В ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЕ

Центральная и Южная Италия

В Италии за последние годы был сделан ряд выдающихся археологических открытий. Остановимся на главнейших.

В Риме небольшие, но интересные по стратиграфическим результатам раскопки ведутся в районе римского Форума. На Палатине, в районе Дома Ливии, обнаружены остатки зданий республиканского времени и некрополь раннего железного века [2]. Широкие работы ведутся по реставрации античных зданий; завершена реставрация Большого цирка, производится укрепление стен Колизея, храма Антонина и Фаустины, арки Константина и др.

Близ Виа Латина, на некотором расстоянии от Рима, была открыта на глубине 21 *м* от уровня земли катакомба не совсем обычного типа [3], она построена по правильному плану: главные оси центрального помещения имеют около 50 *м* и 27 *м* длины, от него отходят прямоугольные и многоугольные камеры. Стены камер покрыты стуком и расписаны. Среди росписей на христианские темы встречаются некоторые

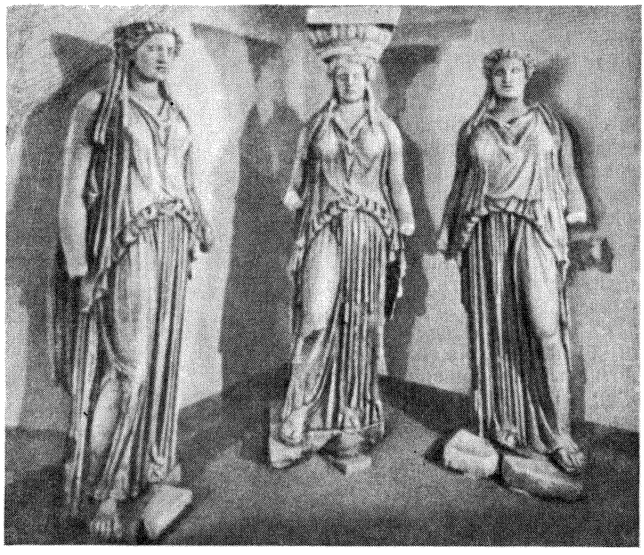

Рис. 1. Статуи кариатид из виллы Адриана

языческие изображения (подвиги Геракла, история Алкесты и др.). Эта катакомба, датируемая второй половиной IV в. н. э., вероятно, принадлежала богатой фамилии.

Важные открытия сделаны при раскопках Виллы Адриана в Тибуре (Тиволи), возобновленных итальянскими археологами в 1951 г. [4]. Работы велись в районе Канопа с целью восстановления его первоначального вида. На западной

[1] G. Devoto. La romanisation de l'Italie mediane, Cahiers d'Histoire mondiale, III, 1956, № 2, стр. 443.

[2] Van Buren. News Letter from Rome. AJA, 1955, т. 59, № 4, стр. 303.

[3] Его же. News Letter... AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 389—390.

[4] S. Aurigemma. Lavori nel Canopo di villa Adriana, т. I—II. Boll. d'arte, 1954, т. 39, № 4, стр. 326 сл.; 1955, т. 40, № 1, стр. 64 сл.; Van Buren. Recent Finds at Hadrian's Tiburtine villa. AJA, 1955, т. 59, № 3, стр. 215—216.

Рис. 2. Бронзовая ваза из кенотафа в Пестуме

стороне канала в 1952 г. были найдены четыре кариатиды (рис. 1), являющиеся превосходными копиями II в. н. э. кариатид Эрехтейона. Рядом с ними были найдены две большие фигуры силенов с корзинами на головах. Еще более интересны открытия 1954 г. В северном конце Канопа, у входа в канал, было обнаружено полуциркульное сооружение с нишами, в которых помещались статуи речных богов Нила и Тибра, изображенных в традиционных позах, возлежащими, с рогом изобилия в руках (Нил опирается на статую сфинкса, а Тибр — на фигуру волчицы с Ромулом и Ремом), статуи Гермеса, Арея и двух амазонок типа Поликлета и Фидия. Все скульптурные изображения, кроме Нила и Тибра, являются превосходными и довольно хорошо сохранившимися копиями адриановского времени с греческих классических оригиналов. Большое количество менее крупных скульптур, в том числе хорошие римские портретные головы, также были найдены при раскопках этого района [1].

Продолжаются раскопки в Помпеях. После войны здесь был открыт интересный участок самнитского города с частью оборонительной стены и башней [2]. В настоящее время раскопки производятся в юго-восточном секторе города и в примыкающем к нему обширном некрополе, расположенном за пределами городских стен [3].

Большой интерес представляют развернувшиеся с 1952 г. раскопки в Пестуме, которые ведутся итальянскими археологами под руководством П. Сестиери [4]. Работы сосредоточены вокруг трех знаменитых храмов — «Базилики», «Храма Посейдона» и «Храма Цереры». Раскопан участок греческого города и выявлена история святилища. Первоначально все три храма, расположенные в центре города на самой возвышенной его части, находились в пределах одного большого священного участка, обнесенного стеной. Кроме этих храмов, на этом участке найдены фундаменты еще нескольких храмов, многочисленных алтарей, баз статуй и других сооружений VI—III вв. до н. э. Многочисленные вотивные приношения, в том числе терракотовые статуэтки, изображающие Геру — богиню плодородия и женщин с цветами и плодами, а также надписи на черепках и посвятительная надпись Гере на серебряном диске, позволили установить, что два храма (условно называвшиеся с XVIII в. «Базиликой» и «Храмом Посейдона») в действительности были посвящены Гере. Точно так же вотивные приношения показывают, что так называемый «Храм Цереры» в действительности был посвящен Афине. Обнаружен большой алтарь этого храма. Возле него восстановлена вотивная дорийская колонна. Из вотивных терракот, найденных в этом районе, следует отметить великолепную архаическую полихромную статую Зевса, сидящего на троне [5].

Рис. 3. Роспись луканских гробниц близ Пестума

В римское время район святилища был использован для гражданских сооружений, за исключением священных участков храмов [6]. Здесь возникает городской район с форумом, гимнасием, амфитеатром и домами.

Наиболее выдающееся открытие было сделано в Пестуме в 1954 г. [7]. В 130 *м*

[1] S. Aurigemma. Ук. соч., т. III, Boll. d'arte, 1956, т. 41, № 1, стр. 57—70.

[2] Van Buren. Campania and Lucania in 1953. Archaeology, 1954, т. 7, № 2, стр. 107.

[3] Его же. News Letter... AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 309.

[4] P. C. Sestieri. The Antiquities of Paestum. Archaeology, 1954, т. 7, № 4, стр. 206 сл.

[5] Его же. Statua fittile di Posidonia. Boll. d'arte, 1955, т. 40, № 3, стр. 193—202.

[6] Van Buren. News Letter..., AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 391.

[7] Его же. News Letter..., AJA, 1955, т. 59, № 4, стр. 305. P. G. Sestieri. An underground Shrine at Paestum Archaeology, 1956, т. 9, № 1, стр. 22—23; Ch. P. L'archéologie italienne à Poseidonia-Paestum. RA, 1955, т. 45, № 1, стр. 53—56.

к югу от храма Афины была открыта прямоугольная ограда из больших известняковых блоков размером 15 × 18 *м*. Внутри ее находилось прекрасно сохранившееся маленькое здание (3,05×2,49 *м*), углубленное в скалу так, что только одна восточная сторона его была видна на всю высоту (2,25 *м*). Здание построено из больших известковых плит; двускатная крыша перекрыта хорошо сохранившимися черепицами. Здание это не имеет никаких отверстий. С восточной стороны в центре видны следы заложенного входа. Крыша здания находится на 0,1 *м* ниже уровня античной поверхности — следовательно, здание было сознательно засыпано землей. Чтобы проникнуть внутрь здания, археологам пришлось разобрать часть крыши. Внутри стены были обмазаны белым стуком, пол вымощен известковыми плитами. Крыша поддерживалась деревянными балками, опиравшимися на два вертикальных столба, от которых сохранились гнезда. В центре находилось каменное возвышение, на котором сохранились металлические части ложа с приставшими к ним фрагментами шерстяной материи. Вдоль длинных стен стояли две бронзовые амфоры и шесть бронзовых ойнохой с рельефными и скульптурными украшениями в виде фигурок львов, баранов, голов лошадей, различных орнаментов (рис. 2). Вазы эти были наполнены медом. Кроме этих ваз, в углу находилась чернофигурная аттическая амфора круга Андокида с изображением апофеоза Геракла и Диониса с сатирами и менадами.

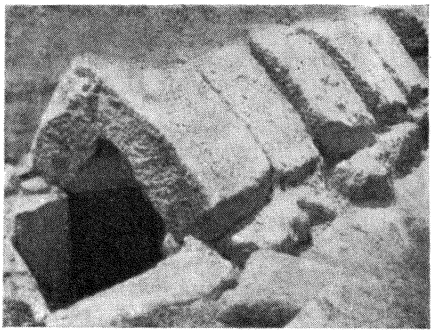

Рис. 4. Водосток в Велии

Как чернофигурная, так и бронзовые вазы датируются 540—530 гг. до н. э., так же как и фрагменты, найденные внутри ограды и принадлежавшие, очевидно, вазам, бросавшимся сюда в виде жертвоприношений. На некоторых из этих фрагментов имеются остатки посвятительных надписей Гере, на основании которых П. Сестиери пришел к заключению, что этот памятник является своеобразным, уникальным святилищем Геры, богини подземного мира, вступающей в священный брак с Зевсом-Гадесом. Однако против такого вывода можно выдвинуть серьезные возражения и прежде всего — отсутствие культовой статуи божества и полная изолированность святилища. Нам представляется более правдоподобным предположение, высказанное Пикаром [1], о том, что это сооружение представляет собой кенотаф — героон, посвященный какому-то герою. В пользу этого предположения говорит и чисто погребальный характер приношений, найденных внутри подземного сооружения (например, мед).

Севернее Пестума, в районах Андриноло и Лагетто, открыто более 400 погребений греческого, луканского и римского периодов (погребения в камерах или шахтах, иногда перекрытых черепицей) [2]. Древнейшие из них, греческие, дают керамический материал VI — V вв. до н. э. Некоторые греческие камерные гробницы в IV в. до н. э. были вторично использованы луканами, которые украсили росписью стены. Роспись эта в известной мере заполняет пробел, существовавший между этрусской и римской живописью. В 1954—1955 гг. открыто несколько гробниц с росписью. Короткие стены обычно украшались изображениями из жизни умерших — возвращение воина, охота, прядущие женщины; на длинных стенах помещались сцены погребения и оплакивания умерших, изображения погребальных игр — состязания на колесницах, кулачные бои, танцы девушек (рис. 3). Росписи эти отличаются большой живостью исполнения; особенно хороши более ранние, в которых чувствуется сильное греческое влияние. В луканских гробницах найдено несколько прекрасных краснофигурных гестумских ваз (например, гидрия с изображением, видимо, мифа об Электре).

Некрополь, аналогичный северному, обнаружен и к югу от Пестума, в районе «Tempa del Prete». Открыты греческие погребения V в. до н. э., также вторично использованные луканами в IV в. до н. э. Здесь обнаружено большое количество детских погребений [3], аналогичных погребениям взрослых по форме могилы, но отличающихся меньшими размерами. Заслуживают внимания многочисленные детские игрушки из терракоты (погремушки, куклы с подвесными руками и ногами, звери). В 1955 г. в этом районе было открыто луканское погребение воина в парадном облачении [4]. Вооружение состоит из шлема, открытого сверху и украшенного с боков ажурным орнаментом, панциря в виде трех соединенных треугольником выпуклых

[1] Ch. P. Le petit «temple souterrain» de Poseidonia-Paestum ne serait-il qu'un hérôon-cénotaphe? RA, 1956, т. 47, № 1, стр. 97—99.

[2] Van Buren. News Letter..., AJA, 1955, т. 59, № 4, стр. 306, 1956, т. 60, № 4, стр. 391—392; Outstanding Discoveries from the Paestum Graves of 2300 Years Ago. ILN, 1956, 22 сентября, № 6120.

[3] P. C. Sestieri. Touching Playthings from Children's Tombs of 2300 Years Ago. ILN, 1954, 10 июля, № 6012, стр. 63.

[4] Van Buren. News Letter., AJA, 1956, т. 60, № 4 стр. 392.

дисков (подобные панцири самнитского типа изображены на росписях этого времени), пояса, украшенного гравированным изображением крылатого грифона, копья и кинжала. Датируется это погребение началом второй половины IV в. до н. э.

В 6 *км* к востоку от Пестума, в области Каподифиуме, открыт небольшой некрополь VII в. до н. э.[1] с глиняными оссуариями, имеющими вид хижин, и сосудами с геометрической росписью.

Южнее Пестума интересные раскопки ведутся в Велии[2], где открыт большой участок оборонительной стены в западной части города. Стены, сохранившиеся на значительную высоту (в нижней своей части они относятся к V в. до н. э.), сложены из больших блоков песчаника; на некоторых из них встречаются знаки и буквы ΔΕ (указание на единый городской стандарт). В эллинистический период стены были надстроены. В 1954 г. завершена расчистка ворот, фланкированных большими квадратными в плане башнями, также построенными из блоков песчаника.

Кроме участка городской стены, в Велии производятся раскопки агоры, где открыто несколько улиц, фонтаны, колодцы и большой водопровод из хорошо подобранных каменных блоков с двухскатным перекрытием (рис. 4). В этом водостоке найден ряд бронзовых статуэток времени Марка Аврелия, изображающих воинов, всадников, и другие фигурки[3].

Близ городских стен открыты следы римской виллы.

В других районах Южной Италии ведутся менее значительные археологические работы[4]. В Fratte di Salerno изучается акрополь этрусско-кампанского поселения; обнаружены две улицы и большой резервуар со сложной системой каналов; город этот прекратил свое существование в III в. до н. э.

В Кратоне начато раскрытие святилища Геры Лацинии; уточнен его план, расчищен монументальный вход.

В Локрах Эпизефирских изучались два храма и алтарь, относящийся к иочийскому храму.

В долине р. Трионто изучаются укрепления Кастильоне ди Палуди с главными воротами; близ этого места обнаружено укрепленное поселение.

Северная Италия

В Этрурии продолжается ряд многолетних раскопок, ведущихся как итальянскими археологами, так и представителями французской и американской археологических школ в Риме.

В Вейях (итальянские раскопки)[5] изучались дороги этрусского времени, тщательно построенные, снабженные мостами. В Пьетра Пертуза исследован тоннель, около 180 *м* длины, пробитый в скале, использованный позже римлянами при устройстве Виа Фламиниа. В этрусское время Вейи были соединены с Римом дорогой Виа Вейентана, вновь замощенной в римское время. В районе северней Вейи исследовалась сельскохозяйственная территория; обнаружена сеть подземных, высеченных в скалах дренажных каналов.

В 4 *км* южнее г. Больсены (древние Вольсинии), в Ла Чивита, французские археологи исследуют этрусское поселение архаического периода[6]. Открыт храм с портиком, построенный из блоков туфа, небольшой алтарь с этрусской надписью и несколько прямоугольных в плане домов, также построенных из туфа. В них найдено большое количество фрагментов керамики VII — VI вв. до н. э.

На соседнем с Ла Чивита холме обнаружен некрополь периода поздней культуры Виллановы (около 700 г. до н. э.); большинство погребений — неглубокие ямы, выложенные галькой и мелким камнем и заполненные землей после захоронения. В них найдено много железных ножей, фибул, бронзовых мисок и керамики с геометрическим орнаментом.

В Козе[7], где ведут раскопки американские археологи, изучается город III—II вв. до н. э. На форуме обнаружен ряд общественных сооружений, в том числе здания курии и комиций, первоначально деревянные, а затем каменные. Во II в. н. э. в нижнем этаже курии было устроено святилище Митры. Рядом с этим зданием обследован храм B, относящийся ко II в. до н. э., и храм C, датированный III в. до н. э. На форуме был обнаружен также большой водосток и несколько мелких прямоугольных в плане колодцев, высеченных в скале (назначение их еще не выяснено).

---

[1] Van Buren. News Letter..., AJA, 1955, т. 59, № 4, стр. 306—307.

[2] Его же. News Letter..., AJA, 1953, т. 57, № 3, стр. 214—215; 1954, т. 58, № 4, стр. 326; 1955, т 59, № 4, стр. 307.

[3] P. C. Sestieri. One of the largest Cities of Antiquity revealed; recent excavations at Velia, once a wealtny greek colony in Italy. ILN, 1954, 4 сентября, № 6020, стр. 365—367.

[4] Van Buren. News Letter..., AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 392—394.

[5] Там же, стр. 394.

[6] Van Buren. News Letter..., AJA, 1953, т. 57, № 3, стр. 211—218; 1954, т. 58, № 4, стр. 327—328; 1956, т. 60, № 4, стр. 395.

[7] Его же. News Letter..., AJA, 1953, т. 57, № 3, стр. 215—216; 1954, т. 53, № 4, стр. 328—329; 1955, т. 59, № 4, стр. 307—308.

Изучение храма в Фьезоле[1] показало, что он имел два строительных периода; находки датируют существование этого святилища III—I вв. до н. э.

В Руси (близ г. Равенны) начаты раскопки римской виллы[2]. Открыто несколько помещений, от которых сохранились фундаменты и нижние части стен с остатками росписи и великолепные мозаичные полы, украшенные геометрическим узором. Памятник этот датируется последними десятилетиями I в. до н. э.

Наиболее интересные раскопки в Северной Италии ведутся в районе дельты р. По, на оз. Комаккьо[3], где исследуется большой некрополь, принадлежавший г. Спине. Ввиду того, что территория некрополя из-за опускания почвы еще в средние века была затоплена водой, для производства раскопок приходится сооружать осушительные каналы, применять помпы и другие приспособления. Вскрыто несколько сотен могил с богатым инвентарем, среди которого первое место занимают многочисленные прекрасно сохранившиеся образцы аттической расписной керамики середины V — начала IV в. до н. э. Особенно интересен большой кратер с волютообразными ручками из погребения № 136, датируемый началом IV в. до н. э. Кроме ваз, из некрополя оз. Комаккьо происходит большое количество терракот, золотых украшений, изделий из бронзы. В начале 1955 г. здесь была обнаружена хорошо сохранившаяся этрусская лодка, выдолбленная из целого дерева, имеющая длину около 7 *м*. Лодка относится приблизительно к 500 г. до н. э.[4]

Сицилия

В Сицилии ведутся активные археологические работы. Изучаются памятники, начиная с догреческого периода и кончая позднеримским.

Раскопками 1956 г. в Леонтинах (Восточная Сицилия)[5] открыто небольшое поселение сикулов — семь хижин прямоугольной формы размером от 3,5 × 4,10 *м* до 10 × 5,1 *м*. Вдоль стен жилищ сохранились отверстия для столбов; в некоторых хижинах такие же отверстия имеются в центре, около очага: здесь находились столбы, поддерживавшие крышу. В одной хижине такие же столбы поддерживали навес над входом. Интересно, что конструкция этих хижин имеет ближайшие аналогии в устройстве жилищ, открытых недавно на Палатине, в Риме.

В слое, непосредственно лежащем на остатках поселения сикулов, найдены фундаменты архаического храма, размером 32 × 10,60 *м*, и греческих домов VI в. до н. э. Обнаружены стены греческого города с воротами и некрополь VI—V вв. до н. э.

Погребения сикулов открыты также и в других центрах Сицилии: в Бутеро (близ Гелы)[6] (с интересной посудой VIII—VII вв. до н. э.); близ Пьяцца Армерина[7], в центре острова (датирующиеся найденными с местной керамикой коринфскими и аттическими чернофигурными вазами VI в. до н. э.); в районе Рагузы (два сикульских некрополя с погребениями в саркофагах и в высеченных в скалах гробницах[8]).

Продолжаются раскопки в некоторых греческих колониях на территории Сицилии. В Наксосе[9] прослежены слои от эпохи неолита до IV в. до н. э. Обнаружены оборонительные стены греческого города, улица, остатки домов; в окрестностях древнего города открыто здание V в. до н. э. (может быть, храм).

Французская археологическая школа в Риме уже несколько лет ведет раскопки в Мегаре Гиблейской[10]. Открыты стены эллинистического периода, возможно, времени 2-й Пунической войны. В юго-западном углу городища расчищены ворота, фланкированные квадратными башнями, каждая из которых разделена на четыре помещения. Стены в некоторых местах сохранились на высоту до 3 *м*. С северной стороны линия эллинистических стен совпадает с направлением архаического вала. От архаического города сохранился также ряд архитектурных фрагментов, в том числе две дорийские капители и части фриза с триглифами, вероятно, принадлежавшие большому храму конца VII в. до н. э.

Остатки архаического города обнаружены также в другом центре Южной Сицилии — в Геле[11]. Найдены фундаменты и дорийская колонна архаического храма, а

---

[1] Его же. News Letter..., AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 395.

[2] Mansuelli. Russi (Ravenna): Scavo di una villa Romana (1953—1955). Boll. d'arte, 1956, т. 46, № 2, стр. 151—157.

[3] P. E. Arias. Magnificent greco-etruscan remains of 2400 years ago, recovered from the mud of lake Comacchio. ILN, 1954, 4 декабря, № 6033, стр. 1013—1015; Ch. P. Nouvelles fouilles de Spina-Comacchio. RA, 1955, т. 45, № 1, стр. 53.

[4] См. ILN, 1955, 7 мая, № 6055, стр. 818.

[5] Van Buren. News Letter..., AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 397.

[6] Его же News Letter..., AJA, 1955, т. 59, № 4, стр. 312.

[7] Его же. News Letter..., AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 398.

[8] Там же.

[9] Там же, стр. 396—397.

[10] Van Buren. News Letter..., AJA, 1953, т. 57, № 3, стр. 217; 1954, т. 58, № 4, стр. 330; 1955, т. 59, № 4, стр. 309—310; 1956, т. 60, № 4, стр. 397—398; A Unique «Nursing Mother» Sculpture and Other Finds from Ancient Megara Hyblaea. ILN, 1953, 19 декабря, № 5983.

[11] Van Buren. News Letter..., AJA, 1955, т. 59, № 4, стр. 311.

Рис. 5. Деталь мозаики «Большая охота» из виллы Пьяцца Армерина

также комплекс вотивных терракот и керамики. В центральной части города обнаружены остатки сокровищницы с антефиксами в виде женских голов. Ряд находок относится к более позднему времени: город существовал вплоть до средневековья.

Небольшой позднеархаический храм начала V в. до н. э. раскопан в Селинунте[1]; он состоял из целлы и пронаоса, был украшен дорийским фризом с метопами; перед храмом на мощеной площадке находился алтарь длиной 22 *м*. Храм этот существовал от эпохи архаики до позднеримского времени.

Наиболее значительным открытием последних лет в Италии являются раскопки виллы позднеимператорского времени в Пьяцца Армерина[2], которые производились с 1950 г.

Вилла сохранилась очень хорошо, особенно центральная часть с колоннадой перистильного дворика. Наиболее ценное, что дали эти раскопки,— это роскошные мозаики, покрывающие большие площади пола почти во всех помещениях. Наряду с тонкими орнаментальными мотивами (например, в перистильном дворике) здесь есть многочисленные картины с самым разнообразным содержанием: мифологические (главным образом изображения морских божеств — Нереиды, Тритоны, Арион, которого дельфины везут по волнам); сцены из Гомера (например, Одиссей и Полифем); изображения артистов и певцов; миниатюрные изображения детей-возниц и т. д. Наиболее интересна грандиозная сцена охоты, состоящая из целого ряда эпизодов: загон зверей в сети, поимка дикого кабана, отдых охотников под деревьями, охота на львов, перевозка диких животных, погрузка их на корабль и т. д. (рис. 5). Все эти изображения занимают большой коридор размером 60 × 5 *м*. Особенно хороши и выразительны отдельные эпизоды, например охотник верхом на коне, готовящийся пронзить копьем притаившегося под кустом зайца (рис. 6). Не менее интересны мозаики с атлетическими сценами: состязания на колесницах, факельный бег, полуобнаженные девушки, занимающиеся гимнастикой. Все эти мозаики отличаются чрезвычайной живостью и совершенством исполнения, яркими богатыми красками. Сцена охоты более совершенна по стилю, чем атлетические сцены. Она, очевидно, относится к несколько более раннему времени.

---

[1] Van Buren. News Letter..., AJA, 1955, т. 59, № 4, стр. 311.

[2] Newly Discovered in Central Sicily. ILN, 1951, 22 декабря, № 5879, стр. 1032—1033; Gentili. Further Light on the Largest and Fines Roman Mosaics yet Known: the Excavation of the Piazza Armerina villa in Sicily, ILN, 1952; 8 марта, № 5890, стр. 426—427; Roman Sport and Big Game Hunting in the Brilliant Third-century Mosaics of Sicily. ILN, 1955, 26 ноября, № 6084.

Рис. 6. Деталь мозаики из Пьяцца Армерина

Сама вилла датируется концом III — началом IV в. н. э. Она служила резиденцией императору Максимиану после отречения его от власти, в то время как дворец в Сплите был местом пребывания Диоклетиана. На одной из мозаик изображен сам владелец виллы, император Максимиан со своим семейством. Большинство мозаик, в том числе и сцену охоты, следует датировать концом III в. н. э., а некоторые, как, например, «Девушки-атлеты» — началом IV в н. э.

Работы по реставрации мозаик позволили установить, что в некоторых местах (в частности, под мозаикой, изображающей «Фавсту») под верхним слоем мозаики находятся более ранние мозаичные изображения, сохранившиеся плохо. Очевидно, тут имели место ремонты и переделки [1].

Мозаики виллы Пьяцца Армерина занимают почетное место в ряду памятников искусства поздней Римской империи.

Франция

В местечке Викс (Кот-д'Ор, Бургундия), где производились раскопки кельтского поселения, в 1953 г. было открыто богатое погребение позднегальштатского периода [2]. Погребение представляет собой квадратную яму глубиной в 3 *м*, имевшую деревянное перекрытие. Могильный холм совершенно не сохранился. Погребальный инвентарь отличался большим богатством; интересен также обряд погребения. В погребении найдена деревянная погребальная колесница, колеса которой были сняты и уложены вдоль стен могилы. Колеса имели по 10 спиц и были обиты бронзой. Кузов колесницы, украшенный бронзовыми ажурными пластинами, вероятно, был покрыт кожаной накидкой. Костяк был ориентирован головой на север. На руках и ногах были браслеты из бронзы, цветных камней и янтаря, на туловище — пояс из обвитой кожей бронзовой пластинки, три фибулы с янтарем, на груди — янтарные бусы, на голове — великолепная золотая диадема более 500 *г* весом. Диадема греческой работы; она представляет собой незамкнутое кольцо с полыми шарами на концах, очевидно, изображениями головок мака; рядом с ними маленькие фигурки скачущих пегасов, являющиеся, как и головки мака, погребальными символами [3].

---

[1] Van Buren. News Letter..., AJA, 1956, т. 60, № 4, стр. 398.

[2] Ch. P. Une sépulture à char en Côte-d'Or: découverte d'un grand cratère de bronze. RA, 1953, т. 41, № 1, стр. 98—100; R. Joffroy. The Burial of a Celtic Princess of 2500 years ago. ILN, 1953, 13 июня, № 5956, стр. 998—1001; его же. Le trésor de Vix (Côte-d'Or). Paris, 1954.

[3] Ch. P. La diadème d'or de Vix; pavots et Pégases. RA, 1955, т. 45, № 1, стр. 49—53.

Рис. 7. Кратер из Викса

Наиболее интересной находкой является огромный бронзовый кратер [1]. Вместе с ним найдены серебряная фиала, три бронзовые миски, ойнохоя и аттический чернофигурный килик. Высота кратера 1,64 *м*, ширина 1,50 *м*, вес. 209 *кг* (рис. 7). На крышке кратера помещена женская задрапированная статуэтка архаического типа; тулово кратера гладкое, горло украшено рельефными изображениями повторяющихся групп воинов и колесниц. Происхождение этого великолепного памятника вызвало много споров главным образом в виду того, что на горле его вырезан ряд букв, видимо служивших для обозначения места прикрепления рельефов. Некоторые ученые были склонны видеть в этих буквах образцы этрусского алфавита. Однако весь стиль исполнения кратера свидетельствует о его греческом происхождении. Возможно, он был изготовлен в Великой Греции и попал в Галлию через Этрурию. Погребение датируется чернофигурным киликом и фибулами последней четвертью VI в. до н. э., с чем вполне согласуется стиль кратера.

Другое богатое погребение раннекельтского времени было открыто в 1954 г. близ с. Рейнхейм в Сааре [2]. Погребение было произведено в квадратной камере, перекрытой деревом. Умершая женщина была украшена роскошными изделиями из золота и других дорогих материалов. Была найдена золотая витая гривна, на концах завершающаяся шишечками со скульптурными масками под ними (рис. 8), и таким же образом украшенный браслет. Кроме того, найдены: второй золотой браслет, золотые кольца и подвеска, браслеты из стекла и черного шифера, две бронзовые фибулы в виде петуха и фантастического животного, ожерелье из янтарных, металлических и стеклянных бус, две бронзовые подвески в виде человеческих фигурок и другие мелкие предметы. Очень интересны также бронзовые чаши и кувшины, дополняющие погребальный инвентарь. На крышке кувшина помещена фигурка чудовища с туловищем лошади и человеческой головой; ручка кувшина украшена скульптурной головой бородатого человека. Все эти вещи, в отличие от памятников, происходящих из погребения в Виксе, исполнены, несомненно, местными мастерами и представляют собой великолепные образцы кельтской торевтики. Характерно, что в этом погребении не найдено ни одной греческой привозной вещи; оно более позднего времени, чем погребение в Виксе, и датируется V в. до н. э.

Рис. 8. Браслет из погребения в Рейнхейме

Англия

Наиболее интересной археологической находкой в Англии за последние годы, относящейся к античному периоду, было открытие Митреума II в. н. э. в Лондоне, в Уолбруке [3]. Архитектурные остатки позволяют дать примерную реконструкцию этого святилища. Найдено большое количество различных вотивных приношений, керамики и других ритуальных

[1] Ch. P. Le grand cratère de Vix. RA, 1954, т. 43, № 1, стр. 71—79; P. Amandry, Autour du cratère grec de Vix. RA, 1954, т. 43, № 2, стр. 125—140.

[2] J. Keller. Treasure from the grave of a Celtic Princess of 2500 years ago: unique finds from Saarland. ILN, 1955, 3 декабря, № 6085, стр. 955—957.

[3] W. F. Grimes. London's unique Mitras Temple. ILN, 1954, 2 октября, № 6024, стр. 534—535, 542; 9 октября, № 6025, стр. 594—596, 16 октября, № 6026, стр. 636—637.

предметов. Найдены головы Митры (от культовой статуи храма) и Зевса-Сераписа. Интересна серебряная пиксида с рельефными украшениями в виде фигур грифов, имевшая, очевидно, ритуальное назначение.

В том же районе открыты слои более раннего периода (I в. н. э.) [1], в которых было найдено большое количество различных металлических, главным образом железных, инструментов, хорошо сохранившихся; интересны различные крючья, очевидно, являвшиеся орудиями грузчиков; найдено много монет, главным образом I и начала II в. н. э. Некоторые инструменты не окончены; это свидетельствует о том, что они производились на месте. Находки дают представление о жизни поселения, возникшего на месте Лондона после завоевания Британии римлянами.

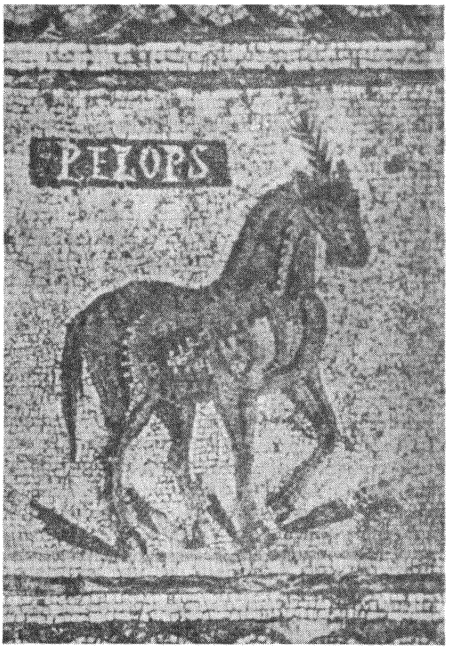

Рис. 9. Мозаика из виллы Torre de Palma

Португалия

Мы не располагаем, к сожалению, сведениями об археологической деятельности за последние годы на Иберийском полуострове. Только об одном выдающемся открытии имеются довольно подробные сведения. Еще в 1947 г. в Португалии, в Torre de Palma, были обнаружены остатки большой виллы III в. н. э.[2]. Находки свидетельствуют о существовании здесь развитого сельского хозяйства; найдены жернова, большие цистерны, вероятно, для оливкового масла, и т. п. Но наиболее интересным было открытие прекрасных многоцветных мозаик. Среди них следует отметить замечательную по тонкости исполнения группу девяти муз, ряд мифологических сюжетов — «Триумф Вакха», «Тезей и Минотавр» и др.; любопытны изображения лошадей, отличающиеся большой живостью и выразительностью исполнения, рядом с каждой лошадью написано ее имя (рис. 9). Вокруг виллы раскопки обнаружили целое селение III в. н. э.

Н. А. Сидорова

Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. Труды Института истории и археологии АН УзССР, вып. VIII. Под редакцией В. А. Шишкина. Ташкент, 1956. 240 стр. Тираж 650. Цена 16 р. 80 к.

В послевоенные годы в археологическом изучении территории советских республик Средней Азии все более и более активное участие принимают местные республиканские научно-исследовательские учреждения. Среди последних видное место занимает Институт истории и археологии АН УзССР. Понятно поэтому, с каким нетерпением все ученые, интересующиеся историческим прошлым Средней Азии, ждут каждый новый выпуск трудов своих узбекистанских товарищей.

Рецензируемый сборник является шестым специально археологическим томом трудов этого института. Сборник целиком посвящен итогам археологических исследований в Бухарском оазисе.

Открывает его статья В. А. Шишкина «Некоторые итоги археологических работ на городище Варахша (1947—1953 гг.)» (стр. 3—42). В этой статье В. А. Шишкин сообщает, однако, не только об изучении Варахшинского городища, но и о разведочных работах в западной части Бухарского оазиса. Археологические работы, осуществленные В. А. Шишкиным, Я. Г. Гулямовым и большой группой сотрудников, справедливо могут рассматриваться как удачное продолжение разведок и раскопок, начатых еще в 1937—1939 гг. Они позволяют В. А. Шишкину уточнить и углубить свои прежние заключения по истории развития Бухарского оазиса.

Важным вкладом в изучение древнейшей истории оазиса являются открытые здесь в 1950—1953 гг. замечательные памятники эпохи бронзы: могильник Заман-Баба и посе-

[1] N. C. Cook. A rich find which brings the Roman Londoner vividly to life. ILN, 1955, 8 октября, № 6077, стр. 614—617.

[2] C. de Azevedo. A Portuguaese Roman Villa-Farm of the 3-rd Century, rich in Mosaics. ILN. 1955, 24 декабря, № 6088, стр. 1101—1103.

ление и могильник в бассейне одного из сухих русел р. Зеравшан-Гурдуш, а также памятники Кзыл-Кыра, относящиеся к началу ирригации в районе низовья Зеравшана. В сборнике помещен лишь предварительный отчет Я. Г. Гулямова «Археологические работы к западу от Бухарского оазиса» (стр. 149—161); но даже предварительная публикация ясно показывает большое научное значение этих открытий и заставляет нас с еще большим нетерпением ждать подробных публикаций.

Разведки и раскопки на Баш-Тепе (их описанию посвящена статья В. А. Шишкина «Археологическая разведка на Баш-Тепе»; стр. 163—172), Аяк-Тепе № 2 (описаны в статье В. Д. Жукова «Материалы к изучению Баш-Тепинской группы памятников в западной части Бухарского оазиса»; стр. 173—204) и отчасти на Талли-Гуза (см. статью В. А. Нильсена «Материалы из раскопок на Талли-Гуза»; стр. 229—239) позволяют твердо установить время (последние века до нашей эры — первые века нашей эры), к которому восходит большая часть остатков древних укрепленных поселений Бухарского оазиса.

Работы на Баш-Тепе и Аяк-Тепе № 2 подтверждают также высказанное ранее предположение В. А. Шишкина, что самая западная часть Бухарского оазиса была покинута жителями не позднее IV—V вв. н. э. Этот факт в сочетании с данными, полученными С. П. Толстовым — в Хорезме, М. Е. Массоном и Л. И. Альбаумом — в бассейне р. Сухан-Дарьи, еще раз свидетельствует о крупных изменениях в хозяйственной и общественной жизни Средней Азии в период падения Кушанской империи.

Нельзя не отметить, что, рассматривая вопрос об этих изменениях, в связи с гибелью Аяк-Тепе № 2, В. Д. Жуков проводит крайне интересное сравнение истории орошения западных земель Бухарского оазиса с историей ирригации в Придаргомской степи (к югу от Самарканда), заброшенной, по его словам, также в IV—V вв. н. э. По мнению Г. В. Григорьева, значительная часть памятников к югу от канала Даргома содержит материалы типа ТБI—ТБIII (т. е. последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры) и позднее приходит в запустение, в то время как начало наиболее бурного освоения территории современного Самаркандского оазиса (к северу от Даргома) приходится как раз в период ТБIV. В послевоенные годы В. Д. Жуков одно время вел работы в Придаргомской степи, и было бы очень желательно, чтобы он поскорее опубликовал материалы, полученные им в ходе этих работ, подтверждающие ценные наблюдения Г. В. Григорьева.

Значительная часть сборника посвящена городищу Варахша. На первом этапе изучения Варахши В. А. Шишкин датировал росписи и резные алебастровые штукатурки открытого им дворца III—IV вв. н. э. Теперь на основании новых данных, полученных в ходе работ 1947—1953 гг., а также по аналогиям с памятниками Пенджикента он относит росписи Варахши к VII — первой половине VIII в., а резную алебастровую штукатурку — к третьей четверти VIII в. С этими датировками мы могли уже ознакомиться в более ранней работе В. А. Шишкина [1]; однако сведения, содержащиеся в новой статье, оказываются более полными и особенно выигрывают благодаря публикации плана раскопанных дворцовых сооружений.

Интересные данные для изучения Варахши содержатся также в статьях В. А. Нильсена «Варахшская цитадель» (стр. 43—93), С. К. Кабанова «Раскопки жилого квартала X в. в западной части городища Варахша» (стр. 95—125), М. Х.. Урмановой «Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г.» (стр. 127—143) и В. Д. Жукова «Материалы к изучению пригородов городища Варахша» (стр. 145—148).

Помимо указанных выше работ, в сборнике помещена также статья О. В. Обельченко «Кую-Мазарский могильник» (стр. 205—227), в которой публикуются материалы большого научного значения из курганных погребений «сарматообразного облика». Кую-Мазарские курганы находятся в Бухарском оазисе, близ г. Бухары. При погребениях встречены четыре меча сарматского типа, а также стрелы, ножи и т. д. Но керамика имеет среднеазиатские формы и сделана на кругу. Найден бокал обычного среднеазиатского типа II—I вв. до н. э. Найдена костяная пластина, на которой нацарапано художественное изображение воина. Эти погребения являются первыми находками такого рода в основных областях Средней Азии. Публикация их позволяет О. В. Обельченко по-новому поставить вопрос о роли сарматских элементов в истории и этногенезе народов Средней Азии.

Переходя к спорным моментам и недостаткам сборника, прежде всего нельзя не отметить крайне низкое качество иллюстраций. Многие фотографии таковы, что пользоваться ими практически невозможно. Важные для археолога планы и разрезы даны часто в таком сильном уменьшении, что разобраться в них чрезвычайно трудно. Некоторые же из иллюстраций (рис. 31 и 32, упоминаемые в статье В. А. Нильсена) просто опущены.

Из-за плохого качества иллюстраций нельзя, в частности, понять, какая поливная керамика характеризует последний этап в жизни городища Варахша и всего ближайшего района. Вообще опубликованные материалы, относящиеся к этому периоду, пока недостаточны для того, чтобы читатель мог увидеть, насколько обосновано утверждение В. А. Шишкина, что весь этот район был покинут в XI в. (когда, по мнению

[1] В. А. Шишкин. Варахша. (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.). СА, XXIII, 1955.

В. А. Шишкина, происходит исчезновение дехканства и распад старых форм крупного землевладения).

Думается также, что пока у нас нет достаточного количества материала и для безоговорочного признания гипотезы С. П. Толстова, объясняющего запустение части земель древнего орошения в IV—V вв. как результат кризиса рабовладельческого строя.

Вопреки мнению авторов рецензируемого сборника, в ряде случаев представляется возможным рассматривать сокращение площади орошаемых земель не как непосредственный показатель кризиса рабовладельческой формации, а как следствие перехода к иным формам ирригации. Так, изменения в орошении Придаргомской степи объясняются, по-видимому, либо заменой системы крупных водохранилищ постоянно текущими каналами (как предполагает В. Д. Жуков; см. стр. 174), либо переходом от мелких каналов, выведенных из небольших горных ручьев и речек, к устройству крупного канала (Даргома), берущего воду из Зеравшана (как представляется автору этих строк). Возможно, конечно, что эти изменения в конечном счете действительно отражают социально-экономические переломы, но и тогда в каждом отдельном случае необходимо не простое декларирование кризиса рабовладельческой формации, а тщательная датировка и всестороннее изучение причин подобных явлений.

В книге имеются явные описки или ошибки. Так, например, наименование синтетической смолы, употребленной при снятии росписей Варахши и Пенджикента реставраторами Государственного Эрмитажа, следует читать не поливенилметакрилат, а полибутилметакрилат (стр. 24), а выпущенную по образцу монет династии Тан бухарскую монету нельзя, конечно, определять как монету китайскую (стр. 132).

Указанные недостатки не могут умалить научного значения рецензируемого сборника, который, несомненно, будет интересен для всех тех, кто занимается изучением истории и археологии Средней Азии.

Б. Я. Ставиский

В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. Материалы и исследования по археологии СССР, № 51. Изд-во АН СССР, М., 1956, 183 стр. Тираж 1500. Цена 14 р. 40 к.

Кости животных, находимые археологами при раскопках памятников материальной культуры, уже давно привлекают к себе пристальное внимание ученых различных специальностей,— как историков, так и естествоиспытателей. Именно этот материал является основным, а нередко и единственным источником для изучения таких важнейших отраслей хозяйства древних культур, как животноводство и охота; он открывает широкие возможности изучения проблемы происхождения и эволюции домашних животных; не менее велико его значение для изучения истории четвертичных диких млекопитающих. Изучение костных остатков из раскопок представляет интерес как для археологов, так и для зоотехников, зоологов и географов.

К сожалению, работы по исследованию костных остатков из раскопок до сих пор еще не получили у нас достаточно широкого развития. Систематически они ведутся в настоящее время только в Институте истории материальной культуры АН СССР. Именно систематический характер работы в этом направлении, обеспечивающий возможность исследования огромного количества костных остатков, определил появление первого крупного труда по истории скотоводства и охоты в древней Руси.

В. И. Цалкиным были изучены костные остатки из раскопок городов, городищ и селищ северных племен восточных славян, расположенных на территории лесной полосы Восточной Европы и относящихся ко второй половине I — первой половине II тысячелетия н. э. К их числу относятся такие крупнейшие города древней Руси, как Новгород, Псков, Старая Ладога, Старая Рязань, Москва.

Первая часть книги посвящена остеологической характеристике сельскохозяйственных животных, разводившихся северными племенами восточных славян: крупного рогатого скота, лошадей, овец, коз и свиней. Выполнение подобной задачи встречает значительные трудности, поскольку исследованный автором материал представляет кухонные остатки (кости сильно разрушены при использовании мяса животных в пищу). Поэтому основное внимание автора было сосредоточено на изучении размеров и структурных особенностей костей конечностей. Подробные данные по краниологии приводятся В. Л. Цалкиным только для крупного рогатого скота и лошадей. Для овец, коз и свиней эти данные весьма скудны, поскольку черепа трех последних видов в материале из раскопок обычно встречаются в очень плохой сохранности. Автор уделил много внимания изучению изменчивости размеров и пропорций костей животных в каждой местной популяции их и в пределах общей территории, населенной северными племенами восточных славян. Для этого В. И. Цалкин широко использовал метод биометрического анализа, позволяющий получить статистически достоверные результаты. В. И. Цалкин установил широкое варьирование размеров и пропорций костей животных в каждой местной их популяции. Вместе с тем географическая изменчивость домаш-

них животных на территории лесной полосы Восточной Европы оказывается весьма ограниченной.

Изучение остеологических особенностей крупного рогатого скота древних славян показало, что он принадлежал к краниологическому типу brachyceros и в своей основной массе характеризовался очень мелкими размерами. В этом отношении он не отличался от очень мелкого и примитивного неолитического торфяникового скота, известного по материалам из раскопок свайных поселений Западной Европы. Средний рост скота древних славян в холке был около 1 *м* (с колебаниями от 85 до 120 *см*). Автор рассматривает этот скот как примитивную аборигенную породу, дифференцирующуюся в зависимости от местных условий на отдельные группы, лишь незначительно отличающиеся друг от друга по размерам.

Мелкими размерами отличались также у древних славян и лошади, весьма изменчивые по своим краниологическим особенностям и другим остеологическим признакам. Средняя высота древнерусской лошади в холке была всего около 135 *см*, и только отдельные особи достигали 150 *см* и несколько более. Впрочем, еще меньших размеров были лошади в эпоху раннего железа у племен дьяковской и юхновской культур. Увеличение размеров лошади В. И. Цалкин связывает с развитием пашенного земледелия, при котором лошадь используется как рабочее животное. Очень мелкой и примитивной была у древних славян свинья, по размерам значительно уступавшая неолитическим торфяниковым свиньям Западной Европы. Домашняя коза у славян принадлежала к краниологическому типу prisca. По размерам она была меньше современной. Древнерусская лесная овца по размерам и строению костей обнаруживает большое сходство с современными романовскими овцами.

Во второй части книги мы находим статистический обзор костных остатков из раскопок памятников лесной полосы древней Руси. В. И. Цалкин подробно останавливается на характеристике исследованного им материала и рассматривает основные методы статистической обработки этого материала. Специально освещается вопрос об относительном значении охоты и животноводства в хозяйстве северных племен восточных славян. Приводятся многочисленные данные о количественных соотношениях между дикими и домашними животными в костных остатках из раскопок памятников дьяковской, юхновской и зарубинецкой культур и из славянских памятников второй половины I — первой половины II тысячелетия н. э. Автор критикует распространенное в современной археологии представление о весьма незначительной роли охоты в хозяйстве славян. Изучение видового состава костных остатков показывает, что охота была одной из важнейших отраслей хозяйства родового общества той исторической эпохи.

Последняя глава посвящена вопросу о хозяйственном значении разных видов домашних животных в различные исторические периоды. Автор обращается для этой цели к изучению количественных соотношений костных остатков особей разных видов, рассматривая их, с одной стороны, как показатель значения отдельных видов животных в питании населения, а с другой, как показатель состава стада. Установлено, что в этом отношении наиболее характерной особенностью памятников раннего железа (по сравнению с более поздними памятниками) является обилие костных остатков лошади, свидетельствующее о важном значении этого животного в питании населения. У славян значение лошади в питании резко снижается. Однако, несмотря на религиозные запреты, употребление конины в пищу у славян сохранилось до II тысячелетия н. э. Что касается остальных видов сельскохозяйственных животных, то роль крупного рогатого скота, овец, коз и свиней в питании населения лесной полосы Восточной Европы со второй половины I тысячелетия до н. э. и вплоть до средины II тысячелетия н. э. сколько-нибудь существенно не изменилась. Это обстоятельство может служить указанием на то, что и в стаде количественное соотношение между указанными видами не претерпевало значительных изменений.

Автор подчеркивает глубокое влияние природных условий страны на хозяйственную деятельность человека, в том числе и на животноводство. В лесной полосе Восточной Европы среди природных факторов ландшафта особенно важное место занимает снежный покров, ограничивающий в зимнее время для сельскохозяйственных животных доступность многих кормов и сокращающий площадь пригодных для выпаса участков. Приводятся многочисленные данные, характеризующие способность различных видов сельскохозяйственных животных передвигаться по снегу и добывать корм из-под снега. Отмечается, что высота и продолжительность снежного покрова в лесной полосе значительно превышает критические величины для указанных видов сельскохозяйственных животных, за исключением, может быть, только лошади. Таким образом, животноводство могло существовать у древних славян лишь при условии заготовки кормов, обеспечивающих жизнь скота в зимние месяцы. Несомненная трудоемкость этого процесса в условиях относительно примитивного хозяйства должна была ограничивать количество скота, содержавшегося населением. Выпас скота в летние месяцы сочетался в древней Руси со стойловым содержанием его зимой. О недостатке корма для скота в зимние месяцы свидетельствует, в частности, наблюдающаяся захудалость скота. Характерно, что возраст большинства свиней, овец и коз, определяемый по костным остаткам, указывает на забой скота в осеннее и зимнее время. Обилие костных остатков молодых особей этих видов является не следствием какой-либо особой многочисленности животных, а результатом трудности содержания большого поголовья их в зимнее время.

В приложении к книге даны таблицы измерений черепов и некоторых костей конечностей крупного рогатого скота, овец, коз, лошадей и свиней, а также списки видового состава костных остатков из раскопок обширной серии памятников, начиная с конца I тысячелетия до н. э. и вплоть до средины II тысячелетия н. э.

Нет никакого сомнения в том, что автор весьма тщательно изучил костные остатки и критически подошел к оценке полученных результатов. Количество исследованных им костей было так велико, что дало возможность В. И. Цалкину применить статистический метод, позволяющий смело говорить о том, были ли различия пород скота существенными или несущественными. На основе изучения массы обломков и некоторого количества целых костей автору удалось восстановить былой мир домашних животных, разводившихся населением древней Руси. Вполне естественно, что у археологов может возникнуть некоторая неудовлетворенность тем, что автором не дано описание пород, характерных для различных районов. Но, судя по костным остаткам, в те времена в лесной полосе Восточной Европы распространена была одна порода крупного рогатого скота — первичный лесной скот. Как и когда из него начали обособляться более совершенные породы, должно быть показано в совместных историко-биологических исследованиях не только по крупному рогатому скоту, но и по другим видам. Нам кажется целесообразным использовать для этого анализ новейших культурных отложений тех мест, где возникли очаги породообразования и по которым имеются исторические свидетельства. К ним могут быть отнесены очаги породообразования в Ярославской и Архангельской областях, на юго-востоке Европейской части СССР и некоторые другие. Такой анализ облегчит понимание и древних «естественных» пород.

Несомненно, книга В. И. Цалкина в значительной степени поможет изучению истории животноводства и охоты, особенно на территории СССР. Жаль лишь, что в данном издании автор не привел и даже не коснулся библиографии вопроса, несмотря на то, что некоторые материалы имеются и в нашей и в зарубежной литературе.

Выход в свет этой книги, единственной в своем роде, представляется событием не только в советской, но и в мировой археологии, зоотехнике и зоологии. Среди значительного количества описаний костных остатков тех или иных отложений Западной Европы мне неизвестны работы, где было бы столь же тщательно и целеустремленно дано описание исследованного материала.

С. Н. Боголюбский

Н. А. ВИНБЕРГ, Т. Н. ЗАДНЕПРОВСКАЯ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ЗА 1955 г.

I. Общий отдел

1. Организация и история археологической науки в СССР

(Методика археологических исследований. Работа научных учреждений и музеев. Преподавание археологии. Библиография)

1. Алешковский М., Никитина Н. и Недошивина Н. Студенческая археологическая конференция [Науч. студенч. об-во ист. фак. МГУ. 19—21 марта 1955 г.].— ВМУ, 1955, № 11. Серия обществ. наук, вып. 4, стр. 137—140.
2. Археологические материалы в экспозиции краеведческих музеев. Тбилиси, 1955. 76 стр. (Упр. по делам культ.-просвет. учреждений М-ва культуры ГрузССР). На груз. яз.
3. Археологические экспедиции [кафедры археологии ист. фак. МГУ в 1954 г.].— ВМУ, 1955, № 11. Серия обществ. наук, вып. 4, стр. 131—132. Подпись: М. К.
4. Арциховский А. В. Развитие археологии и этнографии до середины XIX в. I. Археология.— В кн.: Очерки истории исторической науки в СССР, I. М., 1955, гл. X, стр. 523—535.
5. Белановская Т. Д. История первобытного общества. Методические указания, № I. Л., 1955, 92 стр. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Отд. заоч. обучения. Ист. фак.).
6. Белановская Т. Д. Основные вопросы курса «История первобытного общества». Методическое письмо. Л., 1955, 38 стр. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Отд. заоч. обучения. Ист. фак.). Библиогр.: стр. 35—37.
7. Винберг Н. А. и Заднепровская Т. Н. Советская археологическая литература за 1952 г.— СА, XXII, 1955, стр. 275—321.
8. Винберг Н. А. Указатель литературы по истории и археологии Парфии. Дополнение I : 1947—1952 (под ред. Е. К. Бетгера).— Труды ЮТАКЭ, т. 5, 1955. стр. 192—196.
9. Горецкий Г. И. О возможностях применения археологического метода при изучении молодых антропогеновых осадков (в условиях Нижего Придонья и Приманычья). Ч. I.— БКИЧП, № 20, 1955, стр. 16—38 с 13 илл. Библиогр.: стр. 37—38.
10. Гражданкина Н. С. Инструкция по полевому обследованию строительных материалов в древних сооружениях и отбору проб для лабораторного исследования.— Труды ЮТАКЭ, т. 5, 1955, стр. 188—191.
11. Громов В. И. Археологический метод.— В кн.: Методическое руководство по изучению и геологической съемке четвертичных отложений, ч. 2. Описание методов. М., 1955, стр. 127—133, табл. XV—XXII. Библиогр.: 4 назв.
12. Гулиев Г. А. Музей истории Азербайджана [Баку].— СЭ, 1955, № 2, стр. 131—133.

    Об археологических и нумизматических коллекциях музея.
13. Ефимова А. М. Из истории работы музея по изучению археологических памятников края. Доклад на сессии учен. совета музея. Май, 1955 г. Казань, [1955]. 12 стр. (Гос. музей ТАССР).
14. Жданко Т. А. и Итина М. А. Совещание по вопросам археологии и этнографии Средней Азии [Москва. Апрель 1955 г.].— СЭ, 1955, № 4, стр. 117—125.
15. Златковская Т. Д. Сессия Отделения исторических наук и пленум Института истории материальной культуры, Института этнографии, посвященные итогам археологических и этнографических исследований 1953 г. [Москва. Апрель 1954 г.] — ВДИ, 1955, № 1, стр. 182—195.
16. Козлова К. И. Методические указания по курсу «История первобытного общества и основы этнографии». Для студентов I курса заоч. отд. ист. фак. гос. ун-тов. М., Изд.-во Моск. ун-та, 1955, 19 стр. (М-во высш. образования СССР. Науч.-метод. кабинет при заоч. отд. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова).
17. Колобова К. М. Греция в III и II тысячелетиях до нашей эры. Л., 1955. 38 стр. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова. Отд. заоч. обучения. Ист. фак. Лекции по истории древней Греции. Лекция 2).
18. Латынин Б. А. Выставка Отдела истории первобытной культуры [в Гос. Эрмитаже].— СГЭ, 8, 1955, стр. 4—5.

19. Лисицына Н. К. Археологические исследования в РСФСР в 1952 г.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 142—153.
20. Лунин Б. В. В Институте истории и археологии Академии наук Узбекской ССР.— ВИ, 1955, № 1, стр. 176—178.

Материалы к библиографии об ЮТАКЭ. См. № 603.

21. Методические указания по курсу «Основы археологии». Для студентов-заочников ист. фак. гос. ун-тов [М., 1955]. 8 стр. (М-во высш. образования СССР. Науч.-метод. кабинет при заоч. отд. Моск. гос. ун-та им. М. В. Ломоносова). В вып. дан авт: Д. А. Авдусин.
22. Монгайт А. Л. Научная сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований 1954 года. [Москва. Апрель 1955 г.].— ВИ, 1955, № 8, стр. 224—227.
23. Никольская Т. Н. Контрольные работы по археологии. Для студентов-заочников I курса ист. фак. пед. ин-та. М., 1955. 15 стр. (Глав. упр. высш. и сред. пед. учеб. заведений М-ва просвещения РСФСР. Науч.-метод. кабинет по заоч. обучению учителей).
24. О научной деятельности и состоянии кадров Института истории материальной культуры.— ВАНСССР, 1955, № 5, стр. 70.
25. Окладников А. П. Первые известия об археологических памятниках Нижнего Амура. К 300-летию открытия Тырских памятников, (1655—1955).— ИВГО, т. 87, 1955, вып. 4., стр. 335—344 с 4 илл. Библиогр.: 12 назв.
26. Основы археологии. [Программа]. Для ист. фак. Киев, «Рад. школа», 1955, 11 стр. (М-во просвещения УССР. Упр. подготовки учителей. Программы пед. ин-тов). На укр. яз.
27. Основы советского музееведения, М., Госкультпросветиздат, 1955. 376 стр. с илл.; 28 л. илл.
28. Первобытная культура. Вып. I. [сост. Г. П. Гроздилов, О. И. Давидан, А. А. Иессен, Б. А. Латынин, А. П. Манцевич, М. З. Паничкина, К. М. Скалон]. М., «Искусство», 1955, 62 стр.; 8 л. илл. (Гос. Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. М. И. Артамонова). На обл. загл.: Путеводитель по выставке «Первобытная культура».

Перечень опубликованных работ ЮТАКЭ. См. № 603.

29. Пиотровский Б. Б. Археологическая работа Эрмитажа.— СГЭ, 7, 1955, стр. 3.
30. Постановление конференции [VII науч. конференция Ин-та археологии. Киев. Февраль 1954 г.] о задачах археологического изучения территории УССР.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 165—166.
31. Программа курса «История первобытного общества и основы этнографии». (Для ист. фак. гос. ун-тов), [Утв. Глав. упр. ун-тов, экон. и юрид. вузов в 1955 г.]. М., Изд-во Моск. ун-та, 1955, 11 стр. (М-во высш. образования СССР). Библиогр.; стр. 9—10.
32. Программа курса «История первобытного общества». Для ист. фак. гос. ун-тов и пед. ин-тов. Киев, «Рад. школа», 1955. 23 стр. (М-во просвещения УССР. Упр. пед. вузов и пед. училищ). На укр. яз.
33. Программа курса «Основы археологии». (Для ист. фак. гос. ун-тов). Утв. в апреле 1955 г. [М., 1955]. 8 стр. (М-во высш. образования СССР). В вып. дан авт. и ред.: А. В. Арциховский.
34. Рогинский Я. Я. и Левин М. Г. Основы антропологии. [Учебник для гос. ун-тов. К 200-летию Моск. гос. ун-та — 1755 — 1955]. М., Изд-во Моск. ун-та, 1955, 503 стр. с илл.; 4 л. илл. Библиогр.: стр. 493—499.

Стр. 121—320: «Происхождение человека».

35. VII научная конференция Института археологии. [Киев. Февраль 1954 г.] — КСИА, вып. 4, 1955, стр. 3—5.
36. Сессии, посвященные итогам экспедиционных работ 1954 г. [Ин-т истории материальной культуры и Ин-т этнографии Акад. наук СССР. Москва. Апрель 1955 г. Обзор работы].— СЭ, 1955, № 3, стр. 147—162.
37. Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики.— ТГИМ, вып. 25. Нумизматич. сборник, ч. I, 1955, стр. 34—108; табл. VII—XX.
38. Тараканова С. А. Изучение этнической истории народов Прибалтики (Объединенная конференция [Вильнюс. 25—31 мая 1955 г. Обзор.]).— ВАНСССР, 1955, № 8, стр. 99—101.
39. Федоров Г. Б. и Бырня П. П. Итоги археологических и этнографических исследований 1954 года.— ВАНСССР, 1955, № 8, стр. 26—33.
40. Федоров-Давыдов Г. А. Студенческая археологическая конференция. [Москва. Март 1955 г.] — ВИ, 1955, № 7, стр. 178—180.
41. Ходжаш С. И. Отдел древнего Востока Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.—СВ, 1955, № 2, стр. 169—170.
42. Цалкин В. И. Основные задачи изучения костей животных из раскопок памятников материальной культуры. (Доклад, прочит. в Секторе неолита, бронзы и раннего железа ИИМК АН СССР 14 ноября 1953 г.).— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 3—13. Прения по докладу см. там же, стр. 154—156.
43. Шелов Д. Б. В Институте истории материальной культуры. (О совместной болгаро-советской археологической экспедиции).— ВАНСССР, 1955, № 2, стр. 93—94

Сообщение о докладе М. И. Артамонова, посвященном раскопкам городища у с. Попино в Болгарии в 1954 г.

44. Шелов. Д. Б. Современное состояние работы в области нумизматики и ближайшие задачи.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 54—58.
45. Шишкин В. А. Археология и этнография Средней Азии на Московском совещании в апреле 1955 г.— ИАНУзССР, 1955, № 8, стр. 99—103.
46. Шовкопляс І. Г. Наукові експедиції Інституту археології АН УРСР.— ВАН УРСР, 1955, № 3, стр. 26—33.

PERSONALIA

АРЕМБОВСКИЙ И. В.

47. Иваньев Л. Н. и Тюменцев Н. В. Памяти И. В. Аремовского.— ИВГО, т. 87, 1955, № 1, стр. 74—76. Список основных научных работ И. В. Аремовского (в хронологическом порядке), 18 назв.

ДЬЯКОНОВ М. М.

48. Банк А. В. М. М. Дьяконов [1907—1954. Некролог].— СГЭ, 7, 1955, стр. 42, с портр.

ЛАТЫШЕВ В. В.

49. Заседание [Отд. ист. наук 20 октября 1955 г.], посвященное работам академика В. В. Латышева по истории Херсонеса.— ВАНСССР, 1955, № 12, стр. 79—80.
50. Значение работ академика В. В. Латышева для изучения античной истории. (К 100-летию со дня рождения).— ВДИ, 1955, № 4, стр. 3—9.

МАРКЕВИЧ А. И.

51. К 100-летию со дня рождения А. И. Маркевича.— ВДИ, 1955, № 4, стр. 173—175.

ОРЕШНИКОВ А. В.

52. Арциховский А. В. Памяти А. В. Орешникова. [Нумизмат. К 100-летию со дня рождения].— ТГИМ, вып. 25. Нумизматич. сборник, ч. I, 1955, стр. 7—20; портр. «Список печатных работ А. В. Орешникова», стр. 13—20.
53. Луппол А. Н. Плакета в честь А. В. Орешникова.— ТГИМ, вып. 25. Нумизматич. сборник, ч. I, 1955, стр. 24—33; табл. I—VI.
Плакета в честь 30-летия научной деятельности. Публикация.

ЧУБИНАШВИЛИ Г. Н.

54. Кунцурашвили С. Библиография трудов Г. Н. Чубинашвили. [1914—1952 гг.] — В сб.: Ars Georgica, 4. Тбилиси, 1955, стр. 13—21.

ЯКУБОВСКИЙ А. Ю.

55. Александр Юрьевич Якубовский. [1886—1953. Некролог].— ТИИААНУзССР. вып. 7, 1955, стр. 5—8.

2. Археологическая технология и история техники

56. Балабан П. И. и Рахимов М. К. Средневековые глазури Узбекистана.— Стекло и керамика, 1955, № 5, стр. 18—20.
57. Бахтадзе Р. А. К изучению глазурей Самтаврского могильника.— III науч. сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 20, 21 и 23 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 10—11 и стр. 32—33. На груз. и русск. яз.
X—VI вв. до н. э. и II—III в. н. э.
58. Бедукадзе С. Я. К вопросу о производстве глазированной глиняной посуды в Шида-Картли.— III науч. сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 20, 21 и 23 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 26—28 и стр. 48—49. На груз. и русск. яз.
XI—XIII вв.
59. Безбородов М. А. Древнерусские стекла XI—XIII вв., их химический состав и технология производства.— Сборник научных работ (Белорусск. Политехн. ин-т), вып. 47. Химия и химическая технология. Минск, 1955, стр. 3—17. Библиогр.: 33 назв.

Верховская А. С. Текстильные изделия из раскопок Кармир-Блура. См. № 502.

Вихров В. Е. и Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода. См. № 346.

Исламов О. И. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в. См. № 637.

60. Кашкай М. А. и Селимханов И. Р. Химическая характеристика браслетов из мингечаурских погребений с сильно скорченным костяком.— ДАНАзССР, т. 11, 1955, № 3, стр. 201—213 с 3 илл. Библиогр.: 5 назв. Резюме на азербайдж. яз.
Браслеты IX—VII вв. до н. э.
61. Козий Г. В. Ископаемая флора со стоянок первобытного человека на территории

Западного Подолья.— БКИЧП, № 20, 1955, стр. 71—76 с 1 илл. и 1 карт. Библиогр.: 7 назв.

Микроскопический анализ древнего угля из стоянок каменного века.

62. Копылов И. И. К вопросу о составе древних бронз Семиречья.— УЗАлма-АтПИ, т. 9. Серия гуманитар. наук, 1955 [колонтит: 1954], стр. 38—51 с 3 илл.

Количественный и качественный анализ изделий VII—I вв. до н. э.

62а. Мамбетов Д. М. Исследование соотношения изотопов тория, радия и урана в окаменелых костях. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата физ.-мат. наук. Алма-Ата, 1955, 16 стр. (Казах. гос. ун-т).

63. Паланджян В. А. Бронзовые головки кинжалов с деревянной инкрустацией из раскопок бассейна озера Севан.— ИАНАрмССР. Обществ. науки, 1955, № 7, стр. 89—92 с 3 илл.

Микроскопический анализ бронзовых предметов VIII—VII вв. до н. э.

Паланджян В. А. Урартские древки стрел. См. № 502.

64. Пономарев Н. А. История техники мукомольного и крупяного производства. Ч. I. Первобытно-общинный и рабовладельческий строй. Под ред. А. Я. Брюсова. М., Изд-во технич. и экономич. лит. по вопросам заготовок. 1955. 132 стр. с илл. Библиогр.: стр. 126—132.

65. Семенов С. А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды. Шнуровой и зубчатый орнаменты неолитической керамики Карелии.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 137—144 с 4 илл.

66. Сильченко Т. Н. К вопросу о применении рентгеноскопии для изучения археологических объектов.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 145—149 с 2 илл.

67. Смирнова Д. И. Реставрация и консервация изделий из железа, найденных при археологических работах.— В сб.: Реставрация и исследование художественных памятников. М., 1955. (Гос. Эрмитаж), стр. 80—82.

68. Тавадзе Ф. Н., Сакварелидзе Т. Н., Абесадзе Ц. Н., Двали Т. А. Химическое, металлографическое и технологическое изучение железных оружий, найденных в Самтаврском могильнике.— III науч. сессия Гос. Музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 20, 21 и 23 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 11—13 и стр. 33—35. На груз. и русск. яз.

Оружие XI—VI вв. до н. э.

Тигранян С. Т. Новые сведения о горном деле в Армянской ССР.— См. № 474.

Туманян С. А. Древесные остатки из раскопок Кармир-Блура.— См. № 502.

69. Туманян С. А. О некоторых деревянных изделиях, хранящихся в Историческом музее [Армянской ССР].— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1955, № 7, стр. 85—88.

Микроскопический анализ древесины памятников II—I тысячелетия до н. э., VIII в. до н. э. и XII—XV вв.

3. Сводные труды и работы по отдельным вопросам археологии

70. Арциховский А. В. Основы археологии. [Учебник для ист. фак. ун-тов и пед. ин-тов]. Изд. 2-е. М., Госполитиздат, 1955. 280 стр. с илл. Библиогр.: стр. 259—275.

То же на укр. яз. Київ, «Рад. школа». 256 стр.

71. Всемирная история. В 10-ти т. Т. I [История первобытного общества и древнего мира (до IV—V вв. н. э.)]. Под ред. Ю. П. Францева (отв. ред.) [и др.]. М., Госполитиздат, 1955, XXIII, 748 стр. с илл. и карт.; 40 л. илл. и карт. (Акад. наук СССР. Ин-т истории. Ин-т востоковедения. Ин-т истории материальной культуры). Библиогр.: стр. 697—714.

Рец.: 1. Ботвинник М. Н., Меликишвили Г. А., Рубинштейн Р. И. и Формозов А. А.— ВДИ, 1956, № 3, стр. 49—62; 2. Монгайт А., Боголюбов Н. и Тюменев А.— Начало большого труда советских историков.— Коммунист, 1956, № 8, стр. 102—113.

72. Герасимов М. М. Восстановление лица по черепу. (Современный и ископаемый человек). М., 1955, 585 стр. с илл. и карт. (Акад. наук СССР. Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия, т. 28).

73. Громов И. М. Об особенностях накопления костных остатков в пещерных месторождениях.— БКИЧП, № 20, 1955, стр. 88—92.

74. Косвен М. О. Очерки по истории первобытной культуры. Киев, «Рад. школа», 1955. 200 стр. (Акад. наук СССР. Науч.-попул. серия). На укр. яз.

75. Монгайт А. Л. Археология в СССР. М., 1955. 436 стр. с илл. и карт.; 20 л. илл. и карт. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры). Библиогр. в конце глав.

Рец.: 1. Воронин Н. Открытия советских археологов.— НМ, 1956, № 8, стр. 270—272; 2. Смирнов А. П.— ВИ, 1956, № 5, стр. 179—182.

76. Монгайт А. Л. и Першиц А. И. Некоторые вопросы первобытной истории в советской литературе послевоенных лет. [Обзор].— ВИ, 1955, № 1, стр. 135—141.

77. Окладников А. П. Основные этапы истории палеолитического человека. (К вопросу о периодизации палеолита).— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г., М., 1955, стр. 29—35.

78. Поршнев Б. Ф. Материализм и идеализм в вопросах становления человека.— ВФ, 1955, № 5, стр. 143—156.
Рец.: 1. Бадер О. Н., Брюсов А. Я., Киселев С. В. и Формозов А. А. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества.— СА, 1957, № 1, стр. 256—260. 2. Окладников А. П. и Борисковский П. И. О времени и условиях становления человеческого общества.— ВИ, 1956, № 11, стр. 77—85.
79. Поршнев Б. Ф. Новые данные о высекании огня.— КСИЭ, вып. 23, 1955, стр. 29—35.
80. Поршнев Б. Ф. О древнейшем способе получения огня.— СЭ, 1955, № 1, стр. 7—28.
Рец.: Окладников А. П. и Борисковский П. И. О времени и условиях становления человеческого общества.— ВИ, 1956, № 11, стр. 77—85.

II. Европейская часть СССР

1. Общие работы

81. Артамонов М. И. Некоторые итоги пятилетних исследований Юго-Подольской археологической экспедиции [1946—1953 гг.].— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 84—87.
Исследование памятников трипольской культуры, скифских и раннеславянских.
82. Брайчевский М. Ю. Археологическая разведка в Новоушицком районе, Хмельницкой области.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 176—178. На укр яз. Резюме на русск. яз.
Памятники от трипольской культуры до средневековья.
83. Веймарн Е. В. О работе Инкерманской экспедиции.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 32—34.
Памятники второй половины I тысячелетия до н. э.; II—IV вв.; VII—XVI вв. Крымская обл.
84. Виноградский Ю. С. Археологические работы Сосницкого историко-краеведческого музея. (К 35-летию со дня основания).— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 86—93 с 3 илл.
Исследование памятников от эпохи палеолита до эпохи Киевской Руси. Черниговская обл.
85. Выезжев Р. И. Археологические исследования на территории Украинской ССР в 1954 г.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 55—63.
Памятники от эпохи палеолита до эпохи Киевской Руси.
86. Выезжев Р. И. Археологические памятники верхнего течения р. Гнилопять и нижнего течения р. Гуйва.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 165—167. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Памятники трипольской культуры, древнеславянские и XV—XVII вв. Житомирская и Винницкая обл.
87. Выезжев Р. И. Раскопки в г. Каневе в 1949 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 36—39 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Памятники эпохи бронзы, I тысячелетия н. э. и позднесредневековые.
88. Генинг В. Ф. Археологическая экспедиция 1954 года в Удмуртии.— Молот (Ижевск), 1955, № 2, стр. 62—64.
Памятники от эпохи неолита до XII в.
89. Дмитров Л. Д. Раскопки Любимовского городища.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 67—69.
Многослойный памятник: от III в. до н. э. до XV—XVI вв. Херсонская обл. Древние поселения и городища. Археологический сборник. Под ред. Х. А. Моора и Л. Ю. Янитса. I. Таллин, Эстонск. гос. изд-во, 1955. 204 стр. с илл.; 27 л. илл. и карт. (Акад. наук Эстон. ССР. Ин-т истории). Тит. л. на русск. и эстонск. яз.
См. № 125, 161, 277, 279, 283, 307, 440.
90. История Латвийской ССР. (С древнейших времен до 1953 г.). Сокр. курс. Под ред. К. Я. Страздиня. Рига, 1955. 623 стр. с илл. 1 л. карт (Акад. наук Латв. ССР. Ин-т истории и материальной культуры).
Стр. 5—29: гл. 1 «Родовое общество и его разложение» и гл. 2 «Ранний феодализм». Авт: Я. Я. Зутис.
Рец.: 1. Вассар А., Маамяги В. и Саат А.— Коммунист Сов. Латвии, 1956, № 2, стр. 75—79; 2. Яцунский В. и Мансветов Н.— Сов. Латвия, 1956, 21 апреля.
91. История Татарской АССР. [Ред. коллегия: Н. И. Воробьев, Х. Г. Гимади (отв. ред.) и др.]. Т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Казань, 1955. 550 стр. с илл. и карт.; 5 л. карт. (Акад. наук СССР. Казанск. филиал. Ин-т языка, литературы и истории). Библиогр.: стр. 532—540.
Стр. 11—41: Разд. I, «Первобытно-общинный строй», стр. 42—47: Разд. II, гл. 2 «Волжская Булгария IX—XIII вв.». Авт.: Н. Ф. Калинин.
Рец.: Йоненко Н., Мухамедьяров Ш. и Вульфсон Г.— Сов. Татария, 1956, 28 апреля.
92. История Украинской ССР. В 2-х т. Ред. коллегия: В. А. Дядиченко, А. К. Касименко (глав. ред.) [и др.]. Т. I [2-е изд.]. Киев, 1955. 905 стр. с илл.; 14 л. илл. и карт. (Акад. наук Укр. ССР. Ин-т истории). На укр. яз.
Разд. 1: «Первобытно-общинный строй и возникновение классового общества». Авт.: И. Г. Шовкопляс и В. А. Богусевич.

93. История Эстонской ССР. В 3-х т. Глав. ред. Г. Наан. Т. I. (С древнейших времен до 50-х годов XIX века). Ред. А. Вассар. Таллин, 1955. 792 стр. с илл. и карт.; 5 л. карт. (Акад. наук Эстонск. ССР. Ин-т истории). Библиогр.: стр. 745—760. На эстонск. яз.

Гл. 1. «Первобытно-общинный строй на территории Эстонской ССР» и гл. 2. «Зарождение раннефеодальных отношений». Авт.: Х. А. Моора.

94. Киевский гос. исторический музей. (Путеводитель). Киев, 1955. 164 стр. с 37 илл. (М-во культуры Укр. ССР). На укр. яз.

Гл. I (стр. 8—39) посвящена описанию археологических памятников от эпохи палеолита до XIII в.

95. Колосов Ю. Г. Археологические разведки в степной части Крыма.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 129—130.

Обследование памятников от эпохи бронзы до средневековья.

96. Куликаускас П. З. Археологические исследования в Литве в 1951—1954 гг.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (пленарные заседания). М., 1955, стр. 15—17.

Памятники эпохи мезолита, неолита, I и II тысячелетий н. э.

97. Куликаускас П. З. Некоторые археологические данные о древнейших злаках, выращиваемых на территории Литовской ССР.— ТАНЛитовССР. Серия А, т. I, 1955, стр. 75—85. На литовск. яз. Резюме на русск. яз.

Злаки из городищ конца I тысячелетия до н. э.— начала I тысячелетия н. э. и IX—XIII вв.

98. Маркевич В. И. Археологические памятники в бассейне нижнего течения реки Черна.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 131—145 с 6 илл.; 1 карт. Резюме на молдавск. яз.

Памятники от эпохи палеолита до позднего средневековья.

99. Москаленко А. Н. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, Кн. изд-во, 1955. 76 стр. с 19 илл. Библиогр.: стр. 68—75.

Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

Рец.: 1. Бороздин И.— Коммуна (Воронеж), 1955, 27 сент.; 2. Он же.— СЭ, 1956, № 4, стр. 176—178.

100. Очерки истории Мордовской АССР [в 2-х т.]. Т. I. [С древнейших времен до 1917 г.]. Под ред. В. Н. Бочкарева [и др.]. Саранск, Мордов. кн. изд-во, 1955. VIII, 575 стр. с илл. и карт.; 4 отд. л. карт. (Науч.-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордов. АССР).

Стр. 1—62: Гл. 1 «Первобытно-общинный строй на территории Мордовии», гл. 2 «Зарождение феодальных отношений у мордвы», гл. 3 «Мордовский народ под игом татаро-монгольских завоевателей», гл. 4 «Культура и быт мордвы с древнейших времен до XVI века».

Рец.: Ямушкин В. П.— ВИ, 1956, № 12, стр. 147—150.

101. Очерки по истории Коми АССР. [Под ред. Сивкова и др.] Т. I. Сыктывкар, Коми кн. изд.-во, 1955. 352 стр. с илл. и карт.; 2 л. карт. (Акад. наук СССР. Коми филиал).

Стр. 6—30: Гл. 1 «Первобытно-общинный строй на территории Коми АССР». Стр. 31—45: Гл. 2, § I «Разложение первобытно-общинного строя». Авт.: Л. П. Лащук.

Рец.: Старцев А. Научный труд по истории Коми народа.— Красное знамя (Сыктывкар), 1956, 25 мая.

102. Поликарпович К. М. Археологические исследования в БССР в 1954—1955 гг.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (пленарные заседания). М., 1955, стр. 18—19.

Памятники от эпохи палеолита до средневековья.

103. Разведки на территории Винницкой области.— В сб.: Археологічні пам'ятки, т. 5. Київ, 1955, стр. 190. На укр. яз.

Памятники трипольской культуры, древнеславянские и XI—XII вв.

104. Саадре О. В. Археологические полевые исследования на территории Эстонской ССР в 1954 г.— ИАНЭстонССР, т. 4, 1955, № 1, стр. 38—47 с 7 илл. На эстонск. яз. Резюме на русск. яз.

Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.

105. Серебренников Б. А. Волго-окская топонимика на территории Европейской части СССР.— ВЯ, 1955, № 6, стр 19—31.

Привлечены данные археологии.

106. Синицын И. В. Археологические исследования в 1954 году в зоне строительства Сталинградской ГЭС.— Научный ежегодник за 1954 год. Саратов, 1955. (Сарат. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского), стр. 142—144.

Памятники от эпохи бронзы до позднего средневековья.

107. Смирнов А. П. и Мерперт Н. Я. Вопросы этногенеза народов Поволжья. (По материалам Куйбышевской археолог. экспедиции).— ВАНСССР, 1955, № 10, стр. 48—53.

108. Смирнов А. П. Древняя и средняя история Ульяновского края в свете новых археологических исследований. Стенограмма лекции..., Ульяновск, 1955, 28 стр. с илл. (Ульян. обл. краевед. музей. В помощь краеведу).

От эпохи палеолита до позднего средневековья.

109. Смирнов А. П. Итоги археологических работ в зоне затопления Куйбышевской ГЭС. Доклад на расшир. сессии учен. совета. Май 1955 г. Казань, 1955. 24 стр. (Гос. музей ТАССР).
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.
110. Смирнов К. Ф. Основные достижения Сталинградской археологической экспедиции за четыре года работы.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 38—42.
Памятники от эпохи палеолита до средневековья.
111. Смирнова Г. И. Сведения о работах Западноукраинской экспедиции.— СГЭ, 8, 1955, стр. 47—48 с 2 илл.
Памятники с III тысячелетия до н. э. по VIII—IX вв.
112. Тараканова С. А. Археологическая разведка по Неману.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 100—108, с 2 илл.; 1 карт.
Памятники от эпохи неолита до XVII в. Гродненская обл.
113. Чебоксаров Н. Н. Основные проблемы этнической истории Советской Прибалтики.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (пленарные заседания). М., 1955, стр. 5—11.
114. Черныш Е. К. Раскопки в с. Незвиско, Станиславской обл.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 142—144 с 1 илл.
Памятники трипольской культуры, скифские, I—III вв. и XII—XIII вв.
115. Шилов В. П. Раскопки Калиновского курганного могильника.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 118—128 с 5 илл.
Памятник разновременный: эпоха бронзы; VI в. до н. э.— IV в. н. э.; X—XII вв.; XIV—XV вв. Сталинградская обл.
116. Шноре Э. Д. Поселение латгалов.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 39—40.
Памятники I тысячелетия до н. э., I—IX вв. и X—XII вв. Латвийская ССР.
117. Шульц П. Н. Работы Северо-Крымской экспедиции. [1951—1953 гг.].— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 97—98.
Памятники от эпохи бронзы до раннего средневековья.

2. Эпоха палеолита и неолита

118. Бадер О. Н. Ранний палеолит Урала и Поволжья.— УЗМолотГУ, т. 7, вып. 2, 1955, стр. 171—200 с 7 илл. 1 л. илл. Библиогр.: стр. 199—200.
119. Бибиков С. Н. Исследование трипольских памятников на Среднем Поднестровье.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 138—139.
120. Бибиков С. Н. О некоторых вопросах истории трипольской культуры. (По поводу рецензии Т. С. Пассек [в № 2 ВДИ за 1954 г.]).— ВДИ, 1955, № 3, стр. 209—214.
121. Борисковский П. И. Раскопки в Костенках и некоторые вопросы позднего палеолита Украины.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 157—158.
122. Борисковский П. И. Раскопки палеолитического жилища и погребения на стоянке Костенки II в 1953 г. (Краткая информация).— СЭ, 1955, № 1, стр. 39—42 с 2 илл.
123. Брюсов А. Я. К вопросу о единстве происхождения древних племен на севере Европы.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (пленарные заседания). М., 1955, стр. 12.
124. Гуделис В. К. и Павилонис С. В. Палеоантропологические находки в Литве.— БКИЧП, № 20, 1955, стр. 39—44 с 3 илл. Библиогр.: 9 назв.
Палеоантропологические находки от эпохи верхнего палеолита до эпохи ранней бронзы.
125. Гурина Н. Н. Новые неолитические памятники в восточной Эстонии.— Древние поселения и городища. Археологический сборник, I. Таллин, 1955, стр. 153—175 с 4 илл., 5 л. илл. Резюме на эстонск. яз.
126. Гурина Н. Н. Результаты работ Нарвской археологической экспедиции 1951—1953 гг.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 9—11.
Памятники эпохи неолита и XII—XIV вв.
127. Даниленко В. Н. Волошский эпипалеолитический могильник. (Предварительное сообщение).— СЭ, 1955, № 3, стр. 56—61 с 1 илл.; 1 разв. л. илл.
Днепропетровская обл.
128. Даниленко В. Н. О ранних звеньях развития степных восточноевропейских культур шнуровой керамики.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 126—128.
129. Дебец Г. Ф. Новые палеоантропологические находки каменного века на территории Русской равнины.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук и пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 27—28.
130. Дебец Г. Ф. Палеоантропологические находки в Костенках. (Предварительное сообщение).— СЭ, 1955, № 1, стр. 43—53 с 2 илл.

131. Дебец Г. Ф. Черепа из эпипалеолитического могильника у с. Волошского. (Предварительное сообщение).— СЭ, 1955, № 3, стр. 62—73 с 5 илл.
Днепропетровская обл.

132. Дубинов В. В. Кремневое орудие из с. Баронча.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 127—129. Резюме на молдавск. яз.
Верхнепалеолитическое орудие. Молдавская ССР.

133. Есипенко А. Л. Памятники ранней поры триполья у поселка Кирилловка Одесской области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 140—141.

Козий Г. В. Ископаемая флора со стоянок первобытного человека на территории Западного Подолья. См. № 61.

134. Марк К. Ю. Результаты изучения палеоантропологических материалов эпохи неолита в Прибалтике.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955, стр. 6—8.

135. Мовша Т. Г. Глинобитное жилище раннетрипольского поселения Солончены I.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 5—14, с 5 илл. Резюме на молдавск. яз.

136. Панкрушев Г. А. Локальные варианты Карельской археологической культуры периода неолита и раннего металла и их отношение к этническим общностям. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

137. Пассек Т. С. Итоги археологических исследований на Днестре в 1952—1953 гг.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 131—132.
Исследование памятников трипольской культуры.

138. Пидопличко И. Г. Итоги изучения фауны палеолита в последние годы.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 163—164.

139. Поликарпович К. М. Новая находка мустьерской культуры на территории Белоруссии.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 161—162.
Стоянка Подлужье Гомельской обл.

140. Рогачев А. Н. Александровское поселение древнекаменного века у села Костенки на Дону. М.— Л., 1955, 164 стр. с 89 илл.; 3 л. план. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 45). На переплете загл.: Костенки IV — поселение древнекаменного века на Дону.

141. Рогачев А. Н. Погребение древнекаменного века на стоянке Костенки XIV (Маркина Гора).—СЭ, 1955, № 1, стр. 29—38 с 3 илл.

142. Рудинский М. Я. Вовнигские поздненеолитические могильники. (К вопросу об оформлении могильников Мариупольского типа).— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 147—151 с 1 илл.
Днепропетровская обл.

143. Рудинский М. Я. К вопросу о наскальных изображениях Каменной Могилы.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 64—70 с 7 илл.
Изображения эпохи неолита, бронзы и рубежа н. э.

Семенов С. А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняные сосуды. См. № 65.

144. Столяр А. Д. Мариупольский могильник как исторический источник. (Опыт историко-культурного анализа памятника).— СА, XXIII, 1955, стр. 16—37 с 1 илл.; 4 разв. л. табл.
Могильник эпохи неолита. Сталинская обл.

145. Телегин Д. Я. Исследование неолитических памятников в окрестностях г. Путивля на р. Сейме.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 145—146.

146. Телегин Д. Я. Яремовская неолитическая стоянка (По материалам раскопок С. С. Гамченко).— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 61—65 с 1 илл.
Харьковская обл.

147. Успенский С. И. Верхнеокская неолитическая стоянка Турынинские Дворики.—КСИИМК, вып. 59, 1955, стр 131—134 с 2 илл.
Калужская обл.

148. Формозов А. А. О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 3—10 с 1 илл. и 2 карт.

149. Черныш А. П. Исследование позднепалеолитических стоянок Среднего Поднестровья.— КСИА, вып. 4, стр. 159—160.

150. Черныш А. П. Флейта палеолитического времени.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 129—130 с 1 илл.
Из раскопок стоянки у с. Молодова Черновицкой обл.

151. Черныш Е. К. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, Черновицкой области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 136—137.

152. Черныш Е. К. Раннетрипольское поселение у с. Ленковцы, Черновицкой области. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1955. 16 стр. (М-во культуры СССР. Гос. Эрмитаж).

153. Черныш Е. К. Резцы с трипольских поселений.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 140—144 с 1 илл.

154. Шовкопляс И. Г. Горный хрусталь на стоянке древнекаменного века.— Природа, 1955, № 2, стр. 111—112 с 3 илл.
Добраничевская стоянка. Черкасская обл.
155. Шовкопляс И. Г. Добраничевская палеолитическая стоянка. (Предварительное сообщение).— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 32—45 с 9 илл.
Черкасская обл.
156. Шовкопляс И. Г. Древний каменный век на Украине. Киев, 1955. 64 стр. с илл. (Акад. наук Укр. ССР. Совет науч. техн. пропагады). Библиогр.: стр. 64. На укр. яз.
157. Шовкопляс И. Г. Палеолитическая экспедиция 1954 г.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 3—12 с 8 илл.
На территории Черкасской, Киевской и Черниговской областей.
158. Шовкопляс И. Г. Раскопки позднепалеолитической стоянки на р. Супое.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 152—154 с 1 илл.
Добраничевская стоянка. Черкасская обл.
159. Якимов В. П. Вопросы первичного заселения Прибалтики по данным археологии и палеоантропологии.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, энтографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955, стр. 3—5.
Заселение в эпоху мезолита и неолита.
160. Янитс Л. Ю. Вопросы хронологии памятников позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 3—5.
161. Янитс Л. Ю. Неолитические поселения на территории Эстонской ССР.— Древние поселения и городища. Археологический сборник, I. Таллин, 1955, стр. 176—201 с 4 илл. и 1 карт.; 2 л. илл. На эстонск. яз. Резюме на русск. яз.

3. Эпоха бронзы и раннего железа юга европейской территории СССР

162. Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 100—117 с 10 илл.
Памятники скифские и культуры полей погребений. Винницкая обл.
163. Березанская С. С. Исследования поселений эпохи бронзы и раннего железа на Сейме.—КСИА, вып. 4, 1955, стр. 111—113.
Сумская обл.
164. Березовец Д. Т. Раскопки курганов у с. Кут, Днепропетровской области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр 81—83.
Эпоха бронзы; IV—III вв. до н. э.
165. Бернякович К. В. Исследования поселений эпохи раннего железа в Ужгороде.— НЗУжгГУ, т. 13. Серия ист.-филол., 1955, стр. 171—186 с 7 илл.
Блифельд Д. И. Деснянская археологическая экспедиция 1949 г.— См. № 339.
166. Брайчевский М. Ю. Новые раскопки на Пастырском городище.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 67—76 с 7 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
VII—VI вв.; IV—II вв. до н. э.; VII—VIII вв. н. э.
167. Бураков А. В. Раскопки в с. Змеевка Херсонской области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 109—110.
Поселение IX—VIII вв. до н. э.
168. Вязьмитина М. И. и Фурманская А. И. Раскопки поселения у с. Золотая Балка в 1953 и 1954 гг.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 41—45 с 4 илл.
III в. до н. э.— III в. н. э.
169. Вязьмитина М. И. Раскопки сарматских могильников на юге УССР.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 72—74.
Могильники конца I тысячелетия до н. э. и первых вв. н. э., раскопанные в зоне строительства Каховской ГЭС.
170. Добровольский А. В. Золотобалковское поселение.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 70—71
II в. до н. э.— I в. н. э. Херсонская обл.
171. Доманский Я. В. Нижнее Побужье в VII—V вв. до н. э. (Историко-археологическое исследование). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1955. 16 стр. (Гос. Эрмитаж).
172. Захарук Ю. Н. Поселение энеолитического времени в с. Зимно Волынской области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 114—115.
173. Ильинская В. А. О происхождении культур раннежелезного века в лесостепном Левобережье.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 106—108.
174. Ильинская В. А. Поселение времени поздней бронзы у с. Бабино.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 19—22 с 2 илл.
Херсонская обл.
175. Иноземцев Г. А. Бронзовый век Нижнего Дона. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Ростов н/Д, 1955, 20 стр. (Ростов н/Д, Гос. ун-т им. В. М. Молотова. Кафедра истории СССР).

176. Канивец В. И. Вопросы хронологии высоцкой культуры.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 94—96.
X—VI вв. до н. э.
177. Канивец В. И. Курган раннего бронзового века у с. Первомаевка на Херсонщине.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 75—77 с 2 илл.
178. Копылов Ф. Б. Археологическая разведка на р. Хорол в 1949 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 168—169. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Открыты памятники эпохи бронзы и первых веков н. э. Полтавская обл.
179. Кравец В. П. Изучение позднетрипольских памятников в Верхнем Поднестровье.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 133—135.
180. Кривцова-Гракова О. А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы. Под ред. К. Ф. Смирнова. М., 1955. 168 стр. с 37 илл. и 1 карт. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 46).
181. Крис Х. И. Разведки на поселении эпохи поздней бронзы и раннего железа в балке Ашлама близ Бахчисарая.—СА, XXIV, 1955, стр. 184—196 с 5 илл.
182. Крис Х. И. Раскопки раннетаврского поселения в Инкермане.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 35—44 с 4 илл.
VI в. до н. э.
183. Кругликова И. Т. Поселения эпохи поздней бронзы и раннего железа в Восточном Крыму.— СА, XXIV, 1955, стр. 74—92 с 7 илл. и 1 карт.
184. Кубланов М. М. Золотая бляшка из Чмырева кургана. (Некоторые черты заупокойного культа у скифов).— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 127—130 с 1 илл.
185. Лагодовская Е. Ф. Михайловское поселение и его историческое значение.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 119—121 с 1 илл.
Поселение эпохи ранней бронзы. Херсонская обл.
186. Лагодовская Е. Ф., Макаревич М. Л. и Шапошникова О. Г. Раскопки Михайловского поселения в 1954 г.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 13—18 с 7 илл.
187. Макаревич М. Л. Раскопки первого Михайловского поселения.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 122—123.
188. Махно Е. В. Раскопки Бериславского поселения и могильника в 1952—1953 гг. — КСИА, вып. 4, 1955, стр. 40—42.
Памятник многослойный. Предметом исследования были слои первых веков н. э. Херсонская обл.
189. Мелюкова А. И. Итоги изучения памятников скифского времени в Молдавии в 1952—1953 гг.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 51—71 с 17 илл. Резюме на молдавск. яз.
190. Мелюкова А. И. Раскопки памятников скифского времени в Молдавии.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 91—93.
191. Минаева Т. М. Стоянка с микролитическим инвентарем на Черных землях.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 46—53, с 3 илл.
Стоянка эпохи энеолита в ур. Ястак-Худук. Астраханская обл.
192. Москаленко А. Н. Памятники скифского времени на среднем Дону.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 99—100.
193. О результатах раскопок скифского кургана, произведенных Институтом археологии АН УССР в Мелитополе в 1954 г.— ВАНУРСР, 1955, № 3, стр. 62—63. На укр. яз.
194. Оболдуева Т. Г. Курган эпохи бронзы на р. Когильник.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 31—49 с 10 илл. Резюме на молдавск. яз.
195. Пассек Т. С. Новые данные о позднетрипольских поселениях на Днестре.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 15—30 с 4 илл., 1 карт. Резюме на молдавск. яз.
196. Погребова Н. Н. Работы Скифской степной экспедиции на нижнем Днепре.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 78—80.
197. Покровская Е. Ф. Мелитопольский скифский курган. (Предварительное сообщение).— ВДИ, 1955, № 2, стр. 191—199 с 5 илл.; 1 л. илл.
198. Покровская Е. Ф. Раскопки поселения раннескифского времени у с. Жаботин, Черкасской области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 88—90.
199. Попова Т. Б. Племена катакомбной культуры. Северное Причерноморье во втором тысячелетии до нашей эры. М., Госкультпросветиздат, 1955, 180 стр. с 33 илл. и 3 карт.; 4 л. илл. (Труды Гос. ист. музея, вып. 24).
200. Попова Т. Б. Этапы развития и локальные варианты катакомбной культуры.— СА, XXII, 1955, стр. 21—60 с 7 илл. и 1 карт.
201. Розенфельдт Р. Л. Алчедарские курганы.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 121—125 с 2 илл. Резюме на молдавск. яз.
VII—VI вв. до н. э. Молдавская ССР.
202. Свешников И. К. Исследования в с. Звенигород Львовской области.—КСИА, вып. 4, 1955, стр. 116—118.
Памятники эпохи бронзы и раннеславянской эпохи.
203. Сергеев Г. П. Нефритовый топор из окрестностей с. Березка.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 113—115 с 1 илл. Резюме на молдавск. яз.

Топор XIV—XII вв. до н. э. из коллекции Республиканского музея краеведения Молдавской ССР.

204. Синицын М. С. Карта поселений и городищ между устьями Днестра и Южного Буга скифско-сарматского времени.— НЗОдесДПИ, т. 10, 1955, стр. 33—61. На укр. яз.

205. Славин Л. М. Археологические исследования городищ, поселений и могильников ольвийского окружения в 1949—1950 гг. В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 127—150 с 16 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Памятники от эпохи бронзы до III—IV вв. н. э.

206. Славин Л. М. Раскопки поселений первых веков нашей эры на Ингульце в 1952 г.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 35—36.

207. Смирнов Г. Д. Сахарнянский могильник II. (Гура Гульбока).— ИМолдФАН-СССР, 1955, № 5, стр. 117—120 с 1 илл. Резюме на молдавск. яз.
VII в. до н. э. Молдавская ССР.

208. Тереножкин. А. И. К вопросу об этнической принадлежности лесостепных племен Северного Причерноморья в скифское время.— СА, XXIV, 1955, стр. 7—28 с 7 илл. и 2 карт.

209. Тереножкин А. И. Об этнической принадлежности племен скифского времени в правобережной Лесостепи.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 75—77.

210. Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 23—34 с 11 илл.; 1 л. илл.

211. Тереножкин А. И. Скифский курган в г. Мелитополе.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 59—61.

212. Титенко Г. Т. Каменная стела из с. Первомаевки.— КСИА, вып. 5. 1955, стр. 78—79.
Стела эпохи ранней бронзы. Херсонская обл.

213. Титенко Г. Т. Памятники скифского времени бассейна р. Ворсклы.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 104—105.

214. Формозов А. А. Изображения на плитах кромлеха из кургана у с. Вербовки (в связи с наскальными изображениями Каменной Могилы).— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 71—74 с 4 илл.
Изображения из кургана эпохи бронзы.

215. Шапошникова О. Г. Раскопки второго Михайловского поселения.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 124—125.
Поселение эпохи ранней бронзы. Херсонская обл.

216. Шрамко Б. А. Памятники скифского времени у с. Островерховка, Харьковской области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 101—103.

217. Яценко И. В. Скифские памятники степного Приднепровья и Приазовья (VII—V вв. до н.э.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 12 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

4. Античные города Северного Причерноморья

218. Античные города Северного Причерноморья. Очерки истории и культуры. Т. I [Сборник статей. Отв. ред. В. Ф. Гайдукевич и М. И. Максимова]. М.—Л., 1955. 448 стр. с илл., 3 л. илл. и карт. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
См. №№ 231, 235, 236, 238—241, 243, 244, 246, 249, 252, 253, 258.
Рец.: Кругликова И. Т.— ВДИ, 1956, № 4, стр. 55—62.

219. Белецкий А. А. Греческая надпись на базе статуи из Ольвии.— ВДИ, 1955, № 2, стр. 180—191; 1 л. илл.
III в. до н. э.

220. Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг.— СА, XXIV, 1955, стр. 257—281 с 22 илл.
Памятники античные и средневековые.

221. Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса 1954 г.— СГЭ, 1955, стр. 45—46 с 3 илл.
Памятники античные и раннесредневековые.

222. Блаватский В. Д. О пантикапейской весовой системе.— СА, XXIII, 1955, стр. 201—205 с 4 илл.

223. Блаватский В. Д. О происхождении боспорских склепов с уступчатыми перекрытиями.— СА, XXIV, 1955, стр. 29—53 с 14 илл.; 1 л. илл.

224. Блаватский В. Д. и Шелов Д. Б. Разведки на Керченском полуострове.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 100—113 с 7 илл. и 1 карт.
Памятники от III в. до н. э. до IV в н. э.

225. Блаватский В. Д. Раскопки Пантикапея в 1952 г.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 73—87 с 8 илл.
Раскопки Гос. музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.

226. Бондарь Н. Н. Торговые сношения Ольвии со Скифией в VI—V вв. до н. э.— СА, XXIII, 1955, стр. 58—80 с 11 илл. и 1 карт.
По данным археологии.

227. Борисова В. В. К вопросу об астиномах Херсонеса.— ВДИ, 1955, № 2, стр. 143—148.
228. Бочков Д. А. Интересный случай находки древнеримской монеты.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 84—85.
Римская монета III в. н.э., обнаруженная в желудке убитой дрофы в 1952 г. в окрестностях с. Глобино Полтавской обл.
229. Брашинский И. Б. К вопросу о положении Нимфея во второй половине V в. до н. э.— ВДИ, 1955, № 2, стр. 148—161 с 2 илл.
230. Бреговская Н. Б. Торговые и политические взаимоотношения государств Северного Причерноморья с эллинистическими государствами и полисами Эллады. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955, 12 стр. (Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова).
По данным письменных источников, археологии и нумизматики.
231. Гайдукевич В. Ф. История античных городов Северного Причерноморья (Краткий очерк).— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.— Л., 1955, стр. 23—147 с 49 илл. и 2 карт.; 1 разв. л. илл.
232. Голенко К. В. Датировка медных монет Пантикапея конца III—II вв. до н. э.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 131—138; 2 л. илл.
233. Голенко К. В. К уточнению датировки одной группы монет Фанагории.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 139—141; 1 л. илл.
II в. до н. э.
234. Дмитров Л. Д. Основные итоги Измаильской археологической экспедиции 1949—1951 гг.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 111—123 с 9 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Раскопки Тиры — Белгород-Днестровского.
235. Ернштедт Е. В. Монументальная живопись Северного Причерноморья. (Общий обзор памятников живописи).— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.— Л., 1955, стр. 248—285 с 33 илл.
236. Жебелев С. А. Источники для изучения истории античной культуры Северного Причерноморья.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I, М.— Л., 1955, стр. 5—22.
237. Зеест И. Б. Раскопки Гермонассы.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 114—121 с 3 илл.
Памятники VI в. до н. э.— IV в. н. э.
238. Зограф А. Н. Денежное обращение и монетное дело Северного Причерноморья.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.— Л., 1955, стр. 148—163 с 34 илл.
239. Иванова А. П. О некоторых особенностях боспорской живописи.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.— Л., 1955, стр. 286—296.
240. Иванова А. П. Художественные изделия из дерева и кости.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.— Л., 1955, стр. 406—436 с 35 илл.
241. Карасев А. Н. Архитектура. (Краткий очерк).— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М — Л., 1955, стр. 188—214 с 31 илл.
242. Карасев А. Н. Культовые сооружения в северной части Ольвийской агоры.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 60—61 с 1 илл.
243. Кастанаян Е. Г. Художественные элементы в лепной керамике Боспора.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I, М.— Л., 1955, стр. 392—405 с 24 илл.
244. Knunович Т. Н. Основные линии развития искусства городов Северного Причерноморья в античную эпоху.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М — Л., 1955, стр. 164—187 с 4 илл.
245. Knunович Т. Н. и Славин Л. М. Основные результаты раскопок Ольвии в 1952 и 1953 гг. и задачи ее исследования в ближайшие годы.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 55—57.
VI в. до н. э. — III в. н. э.
246. Knunович Т. Н. Художественная керамика в городах Северного Причерноморья.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.— Л., 1955, стр. 356—391 с 25 илл.
247. Кобылина М. М. Раскопки Фанагории в 1954 г.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии ученого совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 48—53.
248. Кругликова И. Т. К вопросу о керамическом производстве в Пантикапее. (Два пантикапейских керамических клейма).— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 26—30 с 1 илл.
249. Леви Е. И. и Карасев А. Н. Дома античных городов Северного Причерноморья.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.—Л., 1955, стр. 215—247 с 39 илл.
250. Леви Е. И. Ольвийская агора.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 58—59.
251. Максимов Е. В. Новый памятник первых веков нашей эры в Тире.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 80—83 с 4 илл.
252. Максимова М. И. Резные камни.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.— Л., 1955, стр. 437—445 с 4 илл.

253. Максимова М. И., Наливкина М. А. Скульптура.— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I, М — Л., 1955, стр. 297—324 с 42 илл.
254. Наливкина М. А. Раскопки в Евпатории. (Предварительные итоги).— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 63—72 с 5 илл.
Раскопки 1952 г. Памятники VI—III вв. до н. э.
255. Онайко Н. А. Краснофигурный фрагмент из Фанагории.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 122—126 с 1 илл.
V в. до н. э.
256. Онайко Н. А. Торговля античных городов Северного Причерноморья с племенами Среднего Приднепровья в VII — III вв. до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
257. Передольская А. А. К вопросу о терракотах из кургана Большая Близница.— СА, XXIV, 1955, стр. 54—73 с 9 илл.
258. Прушевская Е. О. Художественная обработка металла. (Торевтика).— В сб.: Античные города Северного Причерноморья, т. I. М.— Л., 1955, стр. 325—355 с 40 илл.; 2 л. илл.
259. Розанова Н. П. Греческие надписи Темрюкского и Ялтинского музеев.— ВДИ, 1955, № 1, стр. 173—176 с 2 илл.; 1 л. илл.
260. Скуднова В. М. Аттические чернофигурные килики из Березани.— СГЭ, 8, 1955, стр. 35—37 с 3 илл.
VI в. до н. э.
261. Скуднова В. М. Выставка Ольвии.— СГЭ, 8, 1955, стр. 6—8 с 1 илл.
Славин Л. М. Археологические исследования городищ, поселений и могильников ольвийского окружения в 1949—1950 гг. См. 205.
262. Славин Л. М. Основные итоги Ольвийской экспедиции 1954 г.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 35—40 с 5 илл.
263. Славин Л. М. Работы Ольвийской экспедиции в 1954 г.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 43—47.
264. Славин Л. М. Раскопки Ольвии в 1949—1951 гг.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 95—110 с 13 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
265. Сокольский Н. И. О боспорских щитах.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 14—25 с 4 илл.
III в. до н. э.— IV в. н. э.
266. Толстой И. И. Из области боспорской ономастики.— ВДИ, 1955, № 1, стр. 9—15 с 2 илл.
267. Тюменев А. И. Херсонесские этюды. VI. Херсонес и Керкинитида.— ВДИ, 1955, № 3, стр. 37—47.
268. Фурманская А. И. и Максимов Е. В. Раскопки в Белгороде-Днестровском.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 64—66.
Раскопки античного города Тиры.
269. Худяк М. М. Раскопки Нимфея 1952—1954 гг.— СГЭ, 8, 1955, стр. 44—45 с 2 илл.
270. Чуистова Л. И. Надпись фиаса из Пантикапея.— ВДИ, 1955, № 3, стр. 207—208; 1 л. илл.
I в. н. э.
271. Шелов Д. Б. Раскопки Западно-Цукурского поселения в 1952 г.— КСИИМК. вып. 58, 1955, стр. 96—99 с 2 илл.
VI в. до н. э.— II в. н. э. Таманский полуостров.
272. Шляев Б. А. Стела Гокона.— ВДИ, 1955, № 2, стр. 175—180; 1 л. илл.
I в. н. э. Найдена на территории предполагаемого некрополя г. Кепы в Темрюкском р-не Краснодарского края.
273. Штительман Ф. М. Раскопки мастерской по обработке металла в Ольвии.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 62—63.
IV в. н. э.

5. Эпоха бронзы и раннего железа северной и средней части европейской территории СССР

274. Акимова М. С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР.— КСИЭ, вып. 23, 1955, стр. 78—92.
Эпоха бронзы, XII в., XVI—XVIII вв.
275. Алихова А. Е. Курганы эпохи бронзы у с. Комаровки — КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 91—99 с 5 илл.
Куйбышевская обл.
276. Ахмеров Р. Б. Памятники срубно-хвалынской культуры в Башкирии.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 81—90 с 3 илл. и 1 карт.
277. Ванкина Л. В. Древнее поселение в Сарнатском торфянике (Латвийская ССР).— Древние поселения и городища. Археологический сборник, I. Таллин, 1955, стр. 132—152 с 2 илл.; 5 л. илл. Резюме на эстонск. яз.
Середина II тысячелетия до н. э.

278. Ванкина Л. В. Стоянки II тысячелетия до н. э. на территории Латвийской ССР.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 6—8.
279. Вассар А. К. Укрепленное поселение Асва на острове Сааремаа.— Древние поселения и городища. Археологический сборник, I. Таллин, 1955, стр. 113—137 с 10 илл.: 2 л. илл. Резюме на эстонск. яз.
VIII—VII вв. до н. э.— первые века н. э. Эстонская ССР.
Гуделис В. К. и Павилонис С. В. Палеоантропологические находки в Литве. См. № 124.
280. Лашук Л. П. Стоянка Красная гора близ Сыктывкара.— ИКомиФВГО, вып. 3, 1955, стр. 72—77 с 1 илл. Библиогр.: 9 назв.
Раскопки 1945—1946 гг. Вскрыты слои VIII—VII вв. до н. э.
281. Митрофанов А. Г. Археологические памятники средней Белоруссии в эпоху раннего железа.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 21—22.
282. Митрофанов А. Г. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1955. 18 стр. (Ленингр. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
Моора Х. А. О результатах исследования городищ в Эстонской ССР.— См. № 307.
Панкрушев Г. А. Локальные варианты Карельской археологической культуры... См. № 136.
283. Станкевич Я. В. Древнейшие укрепленные поселения в верхнем течении Западной Двины.— Древние поселения и городища. Археологический сборник, I. Таллин, 1955, стр. 95—112 с 5 илл. и 1 карт. 4 л. илл. Резюме на эстонск. яз.
Рубеж н. э.
284. Степнов П. Д. Курганы эпохи бронзы у с. Пиксяси Мордовской АССР.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 74—80 с 2 илл. и 1 карт.
285. Степнов П. Д. Следы южной культуры эпохи бронзы в бассейне реки Мокши.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 66—73 с 6 илл. и 1 карт.
Мордовская АССР.
286. Халиков А. Х. История населения Казанского Поволжья в эпоху бронзы. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 19 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
287. Шмидехельм М. Х. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии (V в. до н. э.— V в. н. э.). Таллин, Эстгосиздат, 1955. 271 стр. с илл.; 13 л. илл. (Акад. наук Эстон. ССР. Ин-т истории). Библиогр.: стр. 262—266.
Рец.: Гуревич Ф. Д.—СА, 1957, № 1, стр. 279—283.
Янитс Л. Ю. Вопросы хронологии памятников позднего неолита и ранней эпохи металла в Прибалтике. См. № 160.

6. Славяне и соседние племена в 1 тысячелетии н. э.

Артамонов М. И. Археологические исследования в Южной Подолии в 1952—1953 гг. См. № 162.
288. Ахмеров Р. Б. Могильник близ г. Стерлитамака.— СА, XXII, 1955, стр. 153—176 с 12 илл.
VIII—IX вв.
289. Баран В. Д. Раннеславянские памятники правобережья среднего Днестра.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 170—175 с 1 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Белов Г. Д. Раскопки Херсонеса 1954 г. См. № 221.
290. Брайчевская А. Т. Изучение славянских памятников Надпорожья.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 30—31.
I — начало II тысячелетия. Днепропетровская обл.
291. Брайчевская А. Т. Поселение черняховского типа в с. Никольское на Днепре.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 86—92 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
II—III вв. н. э. Днепропетровская обл.
292. Брайчевская А. Т. Раскопки в с. Дудчанах в 1954 г.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 49—50.
Поселение середины I тысячелетия н. э. Херсонская обл.
Брайчевский М. Ю. Новые раскопки на Пастырском городище. См. № 166.
293. Волкайте-Куликаускене Р. Образование классового общества в Литве (По археологическим данным).— Учен. зап. Вильнюсск. гос. ун-та, т. 5. Ист.-филол. фак., т. 1. 1955 [Колонтит: 1954], стр. 120—138 с 7 илл. На литовск. яз. Резюме на руск. яз.
294. Генинг В. Ф. Памятники харинского времени в Прикамье.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 115—123 с 5 илл.
IV—VIII вв.

295. Гончаров В. К. Могильник культуры полей погребений у г. Переяслава-Хмельницкого.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 37—39.
III—IV вв.
296. Гуревич Ф. Д. Юго-восточная Прибалтика в I тысячелетии н. э.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии) М., 1955,. стр. 30—32.
297. Даниленко В. Н. Славянские памятники I тысячелетия н. э. в бассейне Днепра.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 27—29.
298. Ильинская В. А. и Тереножкин А. И. Новая находка блях с эмалями на Киевщине.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 145—149 с 2 илл.; 1 цв. л. илл.
III—IV вв.
299. Клейн Л. С. Вопросы происхождения славян в сборнике докладов VI научной конференции Института археологии Акад. наук УССР.— СА, XXII, 1955, стр. 257—272.
Копылов Ф. Б. Археологическая разведка на р. Хорол в 1949 г. См. № 178.
300. Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э.— СА, XXII, 1955, стр. 61—82 с 3 илл. и 3 карт.
Куликаускас П. З. Археологические исследования Неменчинского городища в 1952—1954 гг. См. № 385.
301. Кухаренко Ю. В. О памятниках раннеславянского времени на Полесье УССР.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 48.
V—VIII вв.
302. Кухаренко Ю. В. Поселение и могильник полей погребений в селе Привольном.— СА, XXII, 1955, стр. 125—152 с 9 илл.
Публикация материалов, добытых Днепростроевской археологической экспедицией в 1929 г.
303. Кухаренко Ю. В. Славянские древности V—IX веков на территории Припятского Полесья.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 33—38 с 1 илл.
304. Махно Е. В. Раннеславянские (зарубинецко-корчеватовские) памятники в Среднем Поднепровье.— СА, XXIII, 1955, стр. 81—100 с 7 илл. и 1 карт.
305. Махно Е. В. Раскопки на поселениях первой половины I тысячелетия н. э. в верхнем течении Сулы.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 77—85 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Сумская обл.
306. Моора Х. А. Некоторые вопросы изучения славяно-прибалтийских культурных взаимоотношений.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (пленарные заседания). М., 1955, стр. 35—39.
307. Моора Х. А. О результатах исследования городищ в Эстонской ССР.— Древние поселения и городища. Археологический сборник, I. Таллин, 1955, стр. 46—94 с 15 илл. и 1 карт.; 4 л. илл. На эстонск. яз. Резюме на русск. яз.
Городища I тысячелетия до н. э.— начала II тысячелетия н. э.
308. Ново-Покровский могильник и поселение.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 189. На укр. яз.
VII—VIII вв. н. э.
309. Петров В. П. Раскопки на Гавриловском и Знаменском городищах.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 47.
Первые века н. э.
310. Пьянков А. П. Разложение первобытно-общинного строя и возникновение феодальных отношений в Северо-Восточной Руси.— УЗМинскПИ, вып. 4, 1955, стр. 49—72.
Привлекаются данные археологии.
311. Раевский К. А. Наземные сооружения земледельцев междуречья Днепра — Днестра в I тысячелетии н. э.— СА, XXIII, 1955, стр. 250—276 с 17 илл.
По материалам раскопок поселения IV—V вв. близ с. Киселево Одесской обл.
312. Раскопки памятников культуры полей погребений в селах Пирогово и Великие Димитровичи.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 190. На укр. яз.
313. Раскопки памятников культуры полей погребений Средне-Бугской экспедицией 1949 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 189—190. На укр. яз.
Свешников И. К. Исследования в с. Звенигород Львовской области. См. № 202.
314. Стубавс А. Я. Археологические раскопки на городище Кентескалнс.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 15—17.
VII—IX вв. Латвийская ССР.
315. Сымонович Э. А. О датировке поселения первых веков нашей эры в Луке-Врублевецкой.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 23—32 с 3 илл.
316. Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры на нижнем Днепре.— КСИА, вып. 4, 1955. стр. 43—44.
II—IV вв. Днепропетровская обл.
317. Сымонович Э. А. Памятники черняховской культуры степного Приднепровья.— СА, XXIV, 1955, стр. 282—316 с 19 илл.

II—IV вв. н. э. Херсонская и Запорожская обл.

318. Таутавичус А. З. Погребальные памятники Восточной Литвы.— ТАНЛитов ССР. Серия А, т. 1, 1955, стр. 87—98. На литовск. яз. Резюме на русск. яз.
Курганы IV—XII вв.

319. Тиханова М. А. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. (Памятники культуры полей погребений).— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 92—99 с 3 илл. и 1 карт.

320. Тиханова М. А. Поселение культуры полей погребений в Луке-Врублевецкой Хмельницкой области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 45—46.
III—IV вв.

321. Третьяков П. Н. Раннеславянские поселения и могильники на территории Белоруссии.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 49—51.

322. Федоров Г. Б. Древние славяне в Молдавии.— ИМолдФАНСССР, 1955, № 5, стр. 73—83. Резюме на молдавск. яз.

323. Чернов Г. А. Хэйбидя-Пэдарское жертвенное место в Большеземельской тундре.— СА, XXIII, 1955, стр. 291—320 с 19 илл. и 1 карт.
III—XI вв.

324. Шмидехельм М. Х. Археологические памятники V—IX вв. на юго-востоке Эстонии.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 33—35.

325. Яблонските-Римантене Р. О древнейших культурных областях на территории Литвы.— СЭ, 1955, № 3, стр. 3—19 с 7 илл. и 3 карт.
По археологическим памятникам I тысячелетия н. э.

7. Древняя Русь и ее соседи

Акимова М. С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР.— См. № 274.

326. Алексеев Л. В. Полоцкая земля в IX—XIII вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 15 стр. (Ин-т истории материальной культуры АН СССР).
Привлекаются данные археологии.

327. Алексеев Л. В. Три пряслица с надписями из Белоруссии.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 129—132 с 1 илл.
Пряслица XI—XV вв.

328. Алпатов М. В. Всеобщая история искусств. Т. 3. [Русское искусство с древнейших времен до начала XVIII в.]. М., «Искусство», 1955. 327 стр. с илл.; 107 л. илл. Библиогр.: стр. 405—415.

329. Артамонов М. И. Славянские железоплавильные печи на Среднем Днестре.— СГЭ, 7, 1955, стр. 26—29 с 2 илл.
IX—X вв.

330. Археологические раскопки 1954 г. в Смоленске.— ВМУ, 1955, № 1. Серия обществ. наук, вып. 1, стр. 144—146.
Памятники XI—XVII вв.

331. Арциховский А. В. Новгород Великий по археологическим данным.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 8—13.

332. Арциховский А. В. Новгород Великий по археологическим данным.— Моск. гос. ун-т. Юбил. науч. сессия, посвящ. 200-летию ун-та, 9—13 мая 1955 г. Тезисы докладов Ист. фак. М., 1955, стр. 13—14.

333. Арциховский А. В. Новые открытия в Новгороде. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 55 стр. (Доклады Советской делегации на X Междунар. конгрессе историков в Риме). Текст парал. на русск. и франц. яз.

334. Арциховский А. В. Раскопки 1954 года в Новгороде.— ВИ, 1955, № 2, стр. 61—68 с 7 илл.

335. Басукинский А. Село Городня. Калинин, Калининск. кн. изд-во, 1955. 41 стр. с 7 илл.
Стр. 3—10: Сведения о городище и курганах в окрестностях Городни и архитектурных памятниках XV—XVI вв.

336. Безбородов М. А. Стеклоделие в древней Руси.— Природа, 1955, № 1, стр. 70—76; 1 л. цв. илл.

Безбородов М. А. Древнерусские стекла XI—XII вв. См. № 59.

Белов Г. Д. Итоги раскопок в Херсонесе за 1949—1953 гг. См. 220.

337 Березовец Д. Т. Исследование славянских памятников на Сейме в 1949—1950 гг.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 49—66 с 16 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
VII—XIII вв. Сумская и Черниговская обл.

338. Бирзениекс А. К. Порталы Старой Риги. Рига, [Изд-во Акад. наук Латв. ССР, 1955, XXI стр.; 44 л. илл. На переплете авт. не указан. Текст парал. на латышск. и русск. яз.

339. Блифельд Д. И. Деснянская археологическая экспедиция 1949 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 12—21 с 3 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Раскопки могильников и городища IX—XIII вв. и обследование двух стоянок эпохи бронзы.
340. Блифельд Д. И. Раскопки курганов в Чернигове.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 23—24.
IX—X вв.
341. Богусевич В. А. Археологические раскопки в Чернигове в 1949 и 1951 гг.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 5—11 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Вскрыты слои VII—XIII вв.
342. Богусевич В. А. Раскопки в Чернигове. [1953 г.].— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 9—11.
Вскрыты слои IX—XII вв.
Брайчевская А. Т. Изучение славянских памятников Надпорожья. См. № 290.
343. Бривкалне Э. П. Городище Тервете и его историческое значение.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 18—20.
X — XIV вв. Латвийская ССР.
344. Вийрес А. Деревообделочное ремесло в эстонской деревне (X—XX вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тарту, 1955. 20 стр. (М-во высш. образования СССР Тартуский гос. ун-т).
Привлекаются данные археологии.
345. Вильнюс. Архитектура до начала XX в. [Альбом. Сост. и поясн. А. Яникаса. Вступит. статья Ю. Юргиниса. Вильнюс], Гослитиздат, 1955, 231 стр. (Упр. по делам архитектуры при Совете Министров Литов. ССР). Текст паралл. на литовск. и русск. яз.
XV — XX вв.
346. Вихров В. Е. и Колчин Б. А. Из истории торговли древнего Новгорода.— СА, XXIV, 1955, стр. 93—97 с 4 илл.
По данным микроскопического анализа самшитовых гребней X — XV вв. из раскопок в Новгороде.
347. Воронов Н. В. и Сахарова И. Г. О датировке и распространении некоторых видов московских изразцов.— МИА, № 44, 1955, стр. 77—115 с 28 илл.; 1 л. илл.
XV—XVII вв.
348. Генинг В. Ф. Серебряный браслет из Верхнего Прикамья.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 135—136 с 1 илл.
Автор считат браслет древнерусским.
349. Гончаров В. К. Археологические исследования древнего Галича в 1951 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 22—31 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Вскрыты слои IX — XIII вв.
350. Горюнова Е. И. К истории городов северо-восточной Руси.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 11—21.
XI — XIII вв.
351. Гринкова Н. П. Височные украшения в русском народном женском костюме.— СМАЭ, т. 16, 1955, стр. 24—40 с 9 илл.
Привлекаются данные археологии.
352. Гроздилов Г. П. Раскопки древнего Пскова в 1954 г.— СГЭ, 8, 1955, стр. 48—50 с 2 илл.
Вскрыты слои XI — XIV вв.
Гурина Н. Н. Результаты работ Нарвской археологической экспедиции 1951—1953 гг. См. № 126.
Дмитров Л. Д. Основные итоги Измаильской археологической экспедиции 1949—1951 гг. См. № 234.
353. Довженок В. И. Городища и селища на Роси и Россаве. (По материалам разведки 1954 г.).— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 51—54 с 2 илл., 1 карт.
Памятники XI—XIII вв. Черкасская обл.
354. Довженок В. И. и Линка Н. В. Разведки древнерусских городищ на нижней Роси в 1949 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 151—156 с 7 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
355. Довженок В. И. Селища и городища в окрестностях древнего Галича.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 12—13.
XII—XIII вв.
356. Донова К. и Писарская Л. Московский Кремль. (Краткая справка). М., «Моск. рабочий», 1955. 47 стр. с илл.
357. Дубынин А. Ф. Работы Московской экспедиции. [1953 г.].— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 69—77 с 6 илл.; 1 л. илл.
Вскрыты слои XII—XVI вв.
358. Егоров Ю. А. К вопросу о градостроительной истории Минска в XVII, XVIII и первой половине XIX в.— ИАНБССР, 1955, № 3, стр. 15—34 с 7 илл.

359. Жеребцов Л. Н. О времени появления коми на верхней Мезени.— ИКомиФВГО, вып. 3, 1955, стр. 78—85. Библиогр.: 19 назв.
Автор относит появление коми к первой половине XVI в. Использованы данные археологии.
360. Жиганов М. Ф. Хозяйство мордвы в XIII—XVI вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 15 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
361. Забелло С. Каргопольская экспедиция.— Архитектурное наследство, 5, 1955, стр. 5—18 с 20 илл.
Обследование памятников деревянного зодчества XVI—XVIII вв.
362. Забелло С. Костромская экспедиция.— Архитектурное наследство, 5, 1955, стр. 19—36 с 20 илл.
Обследование памятников деревянного зодчества XVI—XIX вв.
363. Загорский историко-художественный музей-заповедник. Краткое сообщение. Вып. I. [Загорск], 1955. 28 стр. (Загор. гос. ист.-худож. музей-заповедник). На обороте тит. л. сост.: И. И. Бурейченко, О. А. Белоброва, Л. Н. Бойкова [и др.].
Археологические находки и архитектурные памятники XV—XVIII вв.
364. Зариня А. З. Материалы по одежде древних латгалов.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция этнографии и антропологии). М., 1955, стр. 19—21.
По материалам из могильников VIII—XIII вв. на территории Латвии.
365. Захарук Ю. Н. и Ратич А. А. Славянское поселение у с. Рипнев, Львовской области.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 40—46 с 5 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
VII—XI вв.
366. Зяблин Л. П. О «татарских» курганах.— СА, XXII, 1955, стр. 83—96.
Курганы кочевников XIII—XIV вв. юга СССР.
367. Иванов В. Н. и Фехнер М. В. Кострома. М., Гос. изд.-во лит. по строительству и архитектуре, 1955. 119 стр. с илл.; 1 л. план. (Сокровища русского зодчества). На обл. авт. не указаны. Библиогр.: 15 назв.
368. Игнаткин И. А. Чернигов. М., Госстройиздат, 1955, 87 стр. с 48 илл. (Сокровища зодчества народов СССР).
369. Ильин М. А. Светские основы каменного зодчества Московской Руси XV—XVII вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени доктора искусствовед. наук. М., 1955. 16 стр. (Ин-т истории искусств АН СССР).
370. Исследование древнерусских поселений VIII—IX вв. в Закарпатье.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 190. На укр. яз.
371. Исследование развалин Зарубского монастыря около с. Зарубинцы.— в сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 189. На укр. яз.
XI в.
372. История русского искусства. Под общ. ред. акад. И. Э. Грабаря [и др.]. Т. 3 [XIII—начало XVII в.]. М., 1955, 746 стр. с илл.; 18 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории искусств). Авторы отд. глав: Н. Н. Воронин, Ю. Н. Дмитриев, М. А. Ильин, В. В. Косточкин, В. Н. Лазарев, Н. Е. Мнева, П. Н. Максимов, М. М. Постникова-Лосева, Б. А. Рыбаков, А. А. Сидоров.
Рец.: Адрианова-Перетц В. и Лихачев Д. Искусство древней Москвы.— «Сов. культура», 1956, 26 июля.
373. Калинин Н. Ф. Казань. Исторический очерк. 2-е испр. и доп. изд. Казань, Татгиздат, 1955, 415 стр. с илл.; 4 л. илл. Библиогр.: стр. 394—408.
374. Калинин Н. Ф. Раскопки в Казанском кремле в 1953 году.— ИКазанФАНСССР. Серия гуманитар. наук, вып. I, 1955, стр. 117—138 с 26 илл.; 1 л. илл.
Вскрыты слои от XIV до XX вв.
375. Каргер М. К. К характеристике древнерусского летописца.— ТОДРЛ, 11, 1955, стр. 59—71.
Об упоминаниях и описаниях древних памятников в «Повести временных лет».
376. Каргер М. К. Княжеские дворцы древнего Киева.— УЗЛГУ, № 193. Серия ист. наук, вып. 22, 1955, стр. 67—102 с 14 илл.
X—XI вв.
377. Каргер М. К. Раскопки в г. Переяславле-Хмельницком.— КСИА. вып. 4, 1955, стр. 6—8 с 1 илл.
Памятники XI—XII вв.
378. Киевский государственный заповедник — музей «Киево-Печерская лавра». Краткий путеводитель. Киев. Мистецтво, 1955, 84 стр. с 47 илл. (М-во культуры УССР). На укр. яз. На обороте тит. л. сост.: Дёмин, В. М. Крикотун, М. З. Петренко, В. А. Шиденко.
379. Кириллова Л. Вопросы композиции в русской архитектуре XVI—XIX вв. М., Гос. Изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1955. 104 стр. илл.; 1 л. илл.
380. Кирьянов А. В. К вопросу о земледелии волжских болгар.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 3—16 с 6 илл.
381. Кислов М. Пятый год раскопок Неревского конца в Новгороде.— ВМУ, 1955, № 11. Серия обществ. наук, вып. 4, 1955, стр. 132—134.

382. Копылов Ф. Б. Археологическое изучение остатков Запорожских Сечей.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 52—53.
383. Кремль. Москва. [Фотоальбом. Предисл. Н. Гордеева. М.], Изогиз, [1955]. 16 стр.; 16 л. илл. Текст паралл. на русск., англ., нем. и франц. яз.
384. Кресальный М. и Асеев Ю. Новые исследования архитектуры Софийского собора.— Архітектура і будівництво, 1955, № 1, стр. 27—29 с 9 илл.
385. Куликаускас П. З. Археологические исследования Неменчинского городища в 1952—1954 гг.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 23—25.
Первые века н. э.; XI—XII вв.
386. Кучера М. П. Раскопки городища Плиснеск.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 16—17.
IX—XIII вв. Львовская обл.
387. Лазарев В. Н. Новгородская живопись последней трети XIV в. и Феофан Грек.— СА, XXII, 1955, стр. 212—233; 13 л. илл. Прил.: «Критика теории Д. В. Айналова о западных влияниях в Волотовской росписи», стр. 233—236.
388. Лазарев В. Н. Новые открытия в Софии Киевской. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 43 стр. (X Междунар. конгресс по византиноведению). Текст паралл. на русск. и франц. яз.
389. Ларионов И. По Пскову и области. Краткий путеводитель. Псков, «Псковская правда», 1955. 95, [9] стр. с илл. (Псковское обл. упр. культуры. Обл. краевед. музей).
390. Логвин Г. Н. Архитектурно-археологические исследования в Чигирине и Субботове.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 54.
Памятники XVII в.
391. Лукьянов П. М. История химических промыслов и химической промышленности России до конца XIX века, т. 4. М., 1955. 624 стр. с илл.; 10 л. илл. (АН СССР. Отд. химич. наук. Ин-т истории естествознания и техники).
Стр. 17—87: «Возникновение производства красок на Руси и области их применения».
392. Лунегов И. А. Радикарский могильник.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 124—128 с 2 илл.
IX—X вв. Молотовская обл.
Материалы и исследования по археологии Москвы, т. 3. Под ред. Н. Н. Воронина. М., 1955. 364 стр. с илл. и карт.; I л. илл., 3 отд. л. схем. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 44). На корешке загл.: Археология Москвы.
См. №№ 347, 400, 405, 414, 428, 436.
393. Махно Е. В. Раскопки могильника в с. Каирах в 1954 г.— КСИА, вып. 5, 1955, стр. 46—48 с 2 илл.
Могильник XI—XII вв. Херсонская обл.
394. Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье.— СА, XXIII, 1955, стр. 131—168 с 6 илл. и 1 карт.
395. Мец Н. Д. Монеты великого княжества Московского середины XV века. Василий II (1425—1462 гг.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
396. Мец Н. Д. Московская деньга новгородского типа.— ТГИМ, вып. 25. Нумизматич. сборник, ч. I. 1955, стр. 124—127 с 2 илл.
XV в.
397. Монгайт А. Л. Старая Рязань. М., 1955. 228 стр. с 148 илл.; 4 л. илл. (Акад. наук СССР. Материалы и исследования по археологии СССР, № 49. Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Под ред. Н. Н. Воронина, т. 4). Прил.: В. И. Цалкин «Домашние и дикие животные Старой Рязани», стр. 201—224. Библиогр.: 11 назв.
XI—XIII вв.
398. Москаленко А. Н. Раскопки городища у хутора Титчиха Воронежской области в 1954 г. (Предварительное сообщение).— ТВоронУ, т. 42, 1955, вып. 3, стр. 31—34 с 4 илл.
VIII—X вв.
399. Наджимов К. Н. О черепах Зливкинского могильника.— КСИЭ, 24, 1955, стр. 66—74.
Могильник конца I — начала II тысячелетия н. э. в Харьковской обл., раскопанный В. А. Городцовым в 1901 г.
400. Никитин А. В. Оборонительные сооружения Засечной черты XVI—XVII вв.— МИА, № 44 ,1955, стр. 116—213 с 31 илл. и 2 карт.
401. Новгородский областной музей. Путеводитель по залам древнего Новгорода. Новгород, «Новгор. правда», 1955. 56 стр. с илл. (Новгор. обл. упр. культуры. Новгор. музей). На обороте тит. л. сост.: Т. М. Константинова. «Краткий перечень литературы по истории и искусству древнего Новгорода», стр. 53.
402. Об археологических раскопках в Новгороде.— ВАНСССР, 1955, № 5, стр. 70—71.
Раскопки 1953—1954 гг.
403. Оборин В. А. Костяная рукоятка из Анюшкара (Кыласово).— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 133—134 с 1 илл.

Рукоятка родановской культуры IX—XV вв. Молотовская обл.

404. Обследование древнерусских городищ на территории Киевской и Житомирской областей в 1950—1951 гг.— В. сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5, Київ, 1955, стр. 188. На укр. яз.

405. Огнев Б. А. Успенский собор в Звенигороде на городке.— МИА, № 44, 1955, стр. 20—58 с 28 илл.
1399—1400.

406. Ополовников А. В. Памятники деревянного зодчества Карело-Финской ССР. М., Гос. изд-во. лит. по строительству и архитектуре, 1955. 195 стр. с илл.; 2 л. илл. Библиогр.: стр. 189.
XVII—XVIII вв.
Рец.: Агапов В.— Ленинск. правда (Петрозаводск), 1956, 1 апреля.

407. Ополовников А. В. Успенская церковь в селе Варзуге.— Архитектурное наследство, 5, 1955, стр. 37—52 с 19 илл.
Деревянная церковь постройки 1674 г. на Кольском полуострове.

408. Орлов С. Н. Сопки волховского типа около Старой Ладоги. (Из материалов Староладожской археологической экспедиции 1940 и 1948 гг.).— СА, XXII, 1955, стр. 190—211 с 22 илл.
VI—IX вв.

409. Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот. (Отв. ред. В. И. Борковский). М., 1955. 215 стр.; 6 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т языкознания).

410. Полевой Л. Л. К истории денежного обращения в юго-западной Руси и Молдавии.— ИМолдФАНСР, 1955, № 5, стр. 85—94. Резюме на молдавск. яз.
По нумизматическим материалам XIII—XVII вв. из городища Старый Орхей.

411. Путеводитель по залам VIII—XIII. «Русь IX — нач. XVI вв.» М., 1955. 112 стр. с илл. (М-во культуры РСФСР. Гос. Ист. музей).

412. Рабинович М. Г. Великий посад Москвы. (По раскопкам 1951 г.) — КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 78—82 с 2 илл.; 1 л. илл.
XI—XVI вв.

413. Рабинович М. Г. Из истории быта городского населения Руси в XI—XVII вв. (По материалам археологических раскопок в Москве в 1946—1951 гг.).— СЭ, 1955, № 4, стр. 33—55 с 11 илл.

414. Раппопорт П. А. Борисов городок. Материалы к истории строительства Бориса Годунова.— МИА, № 44, 1955, стр. 59—76 с 9 илл.
XVI—XVII вв.

415. Раппопорт П. А. Города Болоховской земли.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 52—59 с 2 илл.
XII—XIII вв.

416. Раппопорт П. А. и Косточкин В. В. К вопросу о периодизации истории древнерусского военного зодчества.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 22—28.

417. Раппопорт П. А. Конструкции древнерусских оборонительных сооружений X—XIII вв.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 21—22.

418. Расиньш А. П. Культурные и сорные растения по материалам археологических раскопок в Латвии.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 43—46.
Из раскопок памятников IX—XIII вв.

419. Раскопки в Киеве, Переяславе-Хмельницком и Борисполе.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. I, Київ, 1955, стр. 187. На укр. яз.

420. Раскопки древнерусского могильника около с. Липлява в 1949 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 189. На укр. яз.

421. Раскопки Колодяжина в 1949—1950 гг. В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 188. На укр. яз.
XII—XIII вв.

422. Раскопки на Киевском Подоле в 1950 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 187. На укр. яз.

423. Ратич А. А. Археологическая разведка на верхнем Днестре в 1949 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 158—164 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
IX—XIII вв.

424. Ратич А. А. Древнерусский могильник в с. Копачинцы, Станиславской области.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 25—26.

425. Ретковская Л. С. Смоленский собор Новодевичьего монастыря. Под ред. Н. Н. Воронина. М., Госкультпросветиздат, 1955 [обл. 1954]. 42 стр.; 8 л. илл. (Труды Гос. ист. музея. Памятники культуры. Вып. 14).
XVI в.

426. Рикман Э. А. Археологические работы в 1954 г. на городище у с. Костешты.— ИМолдФАНССР, 1955, № 5, стр. 95—112 с 10 илл. Резюме на молдавск. яз.
XIV в. Молдавская ССР.

427. Рикман Э. А. Результаты археологических наблюдений в Зарядье. (По раскопкам 1949—1951 гг.).— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 83—91 с 4 илл.
Вскрыты слои XI—XVIII вв.

428. Романов К. К. О формах московского Успенского собора 1326 и 1472 гг.— МИА, № 44, 1955, стр. 7—19 с 6 илл.
429. Рыбаков Б. А. Древняя Тмутаракань.— Моск. гос. ун-т. Юбил. науч. сессия, посвящ. 200-летию ун-та, 9—13 мая 1955 г. Тезисы докладов Ист. фак. М., 1955, стр. 15.
430. Рыбаков Б. А. Образование древнерусского государства. М., Изд.-во Акад. наук СССР, 1955. 89 стр. (Доклады Советской делегации на X Междунар. конгрессе историков в Риме). Текст паралл. на русск. и франц. яз.
431. Рыбаков Б. А. Образование древнерусского государства.— Тезисы докладов на сессии. Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 3—7.
432. Саадре О. В. Некоторые результаты раскопок городища Отепя.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 36—38.
Городище XI—XIV вв. Эстонская ССР.
433. Самойловский И. М. и Мезенцева Г. Г. Археологические наблюдения и разведки на территории Киева и вблизи него в 1949—1951 гг.— в сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 179—183 с 4 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Главным образом памятники IX—XIII вв.
434. Сарабьянов Д. В. К вопросу о взаимоотношениях древнерусского и византийского искусства. М., Акад. наук СССР, 1955. 43 стр. (X Международный конгресс по византиноведению). Текст паралл. на русск. и франц. яз.
435. Секиринский С. Очерки истории Сурожа IX—XV веков. Симферополь, Крымиздат, 1955, 104 стр. с илл. Библиогр.: стр. 95—102.
Привлечены данные археологии.
436. Спасский И. Г. Денежное обращение в Московском государстве с 1533 г. по 1617 г. Историко-нумизматическое исследование.— МИА, № 44, 1955, стр. 214—354 с 9 илл.; 3 отд. л. схем.
437. Старчук И. Д. Раскопки на городище Плиснеско в 1949 г.— В сб.: Археологічні пам'ятки УРСР, т. 5. Київ, 1955, стр. 32—35 с 6 илл. На укр. яз. Резюме на русск. яз.
Вскрыты слои XI—XII вв. Львовская обл.
438. Тараканова С. А. Археологические памятники води.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 12—14.
XI—XII вв.
439. Тараканова С. А. и Саадре О. В. Раскопки древнего Таллина.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (пленарные заседания). М., 1955, стр. 20—23.
X—XVI вв.
440. Тараканова С. А., Саадре О. В. Результаты археологических раскопок 1952 и 1953 годов в Таллине.— Древние поселения и городища. Археологический сборник. I. Таллин, 1955, стр. 11—45 с 11 илл.; 5 л. илл. Текст паралл. на эстонск. и русск. яз.
X—XVI вв.
441. Тарасенко В. Р. Из материалов раскопок Минского Замчища [1951 г.].— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 47—51 с 2 илл.
Вскрыты слои XII—XVI вв.
442. Тарасенко В. Р. Раскопки на Минском Замчище.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 18—20.
Вскрыты слои XI—XIV вв.
443. Тарасенко В. Р. Раскопки 1954 г. на городище «Шведская Гора» в Волковыске.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 41—42.
XI—XIV вв. Белорусская ССР.
444. Таутавичус А. З. Восточнолитовские курганы.— Тезисы докладов на объединенной конференции по археологии, этнографии и антропологии Прибалтики (секция археологии). М., 1955, стр. 26—29.
IX—XIII вв.
Таутавичус А. З. Погребальные памятники Восточной Литвы. См. № 318.
445. Тимощук Б. А. Древнерусские поселения Северной Буковины.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 109—114 с 1 илл., 1 карт.
IX—XIII вв. Черновицкая обл.
446. Труммал В. К. Русско-эстонские отношения от IX до начала XIII века. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тарту, 1955. 19 стр. (Тартуский гос. ун-т. Кафедра истории СССР).
Привлекаются данные археологии.
447. Труш М. Юбилейная научная сессия на историческом факультете [МГУ, 10—12 мая 1955 г.].— ВМУ, 1955, № 1. Серия обществ. наук. вып. 1, стр. 93—93.
Стр. 97—98: Изложение докладов: А. В. Арциховского «Новгород Великий по археологическим данным» и Б. А. Рыбакова «Древняя Тмутаракань».

448. Холостенко Н. В. Исследование руин Успенского собора Киево-Печерской лавры.— СА, XXIII, 1955, стр. 341—358 с 14 илл.
XI в.

Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Старой Рязани. (По материалам раскопок 1946—1950 гг.) См. № 397.

449. Чукавин А. Художественная керамика в древней архитектуре Москвы.— Архитектура СССР, 1955, № 5, стр. 48—51, с илл.

450. Шелковников Б. А. Киевская керамика X—XI вв., расписанная цветными эмалями.— СА, XXII, 1955, стр. 169—182 с 1 илл.; 1 л. цв. илл.

451. Щербов С. Г. Белокаменные рельефы Георгиевского собора в г. Юрьеве-Польском (XIII век). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствоведения. М., 1955, 14 стр. (Моск. высшее худож. промышл. училище (б. Строгановское). Кафедра всеобщей истории искусств).

452. Щукина Е. С. Резчики монетных штемпелей второй половины XVII века Федор Байков и Юрий Фробус.— ТГИМ, вып. 25. Нумизматич. сборник, т. 1, 1955, стр. 128—131 с 1 илл.

453. Юра Р. А. Древний Колодяжин. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Киев, 1955. 15 стр. (Акад. наук УССР. Ин-т археологии).
XII—XIII вв. Житомирская обл.

454. Юра Р. А. Исследования Колодяжинского городища.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 14—15.

455. Якобсон А. Л. Средневековые гончарные печи в районе Судака. (По раскопкам 1953 г.).— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 102—109 с 4 илл.
VIII—IX вв.

456. Якубцинер М. М. О составе зерновых культур из Старой Ладоги.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 17—29 с 1 илл.

457. Якунина Л. И. Русское шитье жемчугом. М., «Искусство», 1955. 159 стр. с 70 илл. Библиогр.: стр. 150—154.

458. Янин В. Л. Древнейшая русская печать X века.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 39—46 с 4 илл.
Из раскопок в Новгороде.

459. Янин В. Л. и Янина С. А. Начальный период рязанской монетной чеканки.— ТГИМ, вып. 25. Нумизматич. сборник, ч. 1, 1955, стр. 109—123 с 3 илл.

460. Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товаро-денежного обращения в древней Руси.— ВИ, 1955, № 8, стр. 135—142.

461. Ясин В. Л. О начале псковской монетной чеканки. (Неопубликованное открытие А. В. Орешникова).— ТГИМ, вып. 25. Нумизматич. сборник, ч. 1, 1955, стр. 21—23.

III. Кавказ

(включая Сев. Кавказ и Прикубанье)

1. Общие работы

462. Акритас П. Г. Археологические работы в Кабарде в 1954 году. (Предварительные итоги).— УЗКабНИИ, т. 10, 1955, стр. 25—68 с 14 илл.
Памятники эпохи палеолита, неолита, бронзы и XIV—XVII вв.

463. Джаладзе Г. В. К истории земледельческих орудий Восточной Грузии. Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1955. 16 стр. с 1 илл. (Акад наук Груз ССР. Ин-т истории им. И. А. Джавахишвили).
С древнейших времен.

464. Каталог археологических материалов, т. 2. Описание археологических материалов, обнаруженных в Грузии и поступивших в Музей в 1904—1920 годах. Сост. и подгот. к печати.: М. И. Бадриашвили, Д. Л. Коридзе, Л. И. Глонти, Т. Н. Чубинишвили. Под ред. А. М. Апакидзе. Тбилиси, 1955. 109 стр.; LXII с илл. (Акад. наук Груз ССР. Гос. музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа). Текст паралл. на груз. и русск. яз.
Томом 1 составители считают каталог, составленный П. С. Уваровой («Коллекции Кавказского музея», т. 5. «Археология». Тифлис, 1902).

465. Квезерели-Копадзе Н. И. Дорожные сооружения древней Абхазии. Сухуми, 1955. 64. с 4 илл.
С древнейших времен.
Рец.: Дубровский А. Разгадка тайны «ацан-гуаров».— Сов. Абхазия, 1956, 8 мая.

466. Крупнов Е. И. О задачах археологического изучения древней истории Кавказа.— ВИ, 1955, № 2, стр. 165—169.

467. Крупнов Е. И. О состоянии и задачах изучения археологии Кавказа.—КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 3—13.

468. Ломтатидзе Г. А. Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мцхета. Тбилиси, 1955, 116 стр.; 21 л. илл. (Акад. наук ГрузССР. Науч.-попул. серия). Библиогр.: «Литература о мцхетских раскопках и раскопочных древностях», 71 назв.
Памятники от II тысячелетия до н. э. до XI—XIII вв.

469. Ломтатидзе Г. А. Важнейшие результаты археологических раскопок в Рустави.— Материалы по археологии Грузии и Кавказа. 1. Тбилиси, 1955, стр. 171—210 с 3 илл.; 12 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Памятники от II тысячелетия до н. э. до позднего средневековья.
470. Мнацаканян А. О. Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан.— СА, XXIII, 1955, стр. 185—200 с 12 илл.
Памятники от III тысячелетия до н. э. до IV в. до н. э.
471. Мустафаев И. Д. К истории возделывания зерновых культур в Азербайджане.— Труды Ин-та земледелия. (Акад. наук Азербайдж. ССР), т. 3, 1955, стр. 9—20 с 10 илл. Резюме на азербайдж. яз.
С IV—III тысячелетия до н. э. до средневековья.
472. Мцхета. Итоги археологических исследований, т. I. Археологические памятники Армазисхеви. По раскопкам 1937—1946 гг. Тбилиси, 1955, IX, 253 стр.; 78 л. илл. (Акад. наук ГрузССР. Ин-т истории им. И. А. Джавахишвили). Перед загл. авт: А. М. Апакидзе, Г. Ф. Гобеджишвили, А. Н. Каландадзе и Г. А. Ломтатидзе. Библиогр.: 429 назв. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Памятники от эпохи энеолита до позднего средневековья.
473. Мшвениерадзе Д. Пещерные сооружения в Грузии. I. Тбилиси, «Техника да шрома», 1955. 40 стр.; 63 л. илл. На груз. яз.
474. Тигранян С. Т. Новые сведения о горном деле в Армянской ССР.— Труды Ин-та истории естествознания и техники, т. 3, 1955, стр. 170—175 с 3 илл.
475. Цицишвили И. Н. Истоки грузинского зодчества. Тбилиси, «Заря Востока», 1955, 48 стр. с 6 илл. (Об-во по распространению полит. и науч. знаний ГрузССР).
С древнейших времен.
476. Цицишвили И. Н. Материалы по истории возникновения и развития архитектуры в Грузии.— Труды (Груз. политехн. ин-т), № 4, 1955, стр. 153—166. Библиогр.: 24 назв. Резюме на груз. яз.

2. Эпоха палеолита и неолита

477. Акритас П. Г. Первобытно-общинный строй на территории Кабарды.— Сборник статей по истории Кабарды, вып. 4. Нальчик, 1955, стр. 3—18 с 5 илл.
Краткое перечисление памятников от эпохи позднего палеолита до энеолита.
478. Гусейнов М. М. О первых находках материалов каменного века в долине Шорсу.— ДАНАзССР, т. 11, 1955, № 1, стр. 55—69 с. 5 илл. и 1 карт. На азербайдж. и русск. яз.
479. Каландадзе А. Н. и Тушабрамишвили Д. М. Новые раскопки в пещере Гварджилас-клде.— КСИА, вып. 4, 1955, стр. 155—156.
Эпоха палеолита. Грузинская ССР.
480. Нариманов И. Г. Археологические памятники Ганджачайского района Азербайджана (с древнейших времен до эпохи железа). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 12 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
Памятники эпохи неолита и бронзы
481. Тушабрамишвили Д. М. Палеолитические остатки в пещере «Гварджиласклде» (Западная Грузия). Автореферат дисс. работы, представл. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1955. 16 стр. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории им. И. А. Джавахишвили).

3. Эпоха бронзы и железа

482. Алексеева Е. П. Археологические раскопки у аула Жако в Черкесии.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 45—53 с 2 илл. и 1 карт.
Памятники IV—V вв.
483. Анфимов Н. В. Археологические разведки по Среднему Прикубанью.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 45—53 с 2 илл. и 1 карт.
Памятники I тысячелетия до н. э.— первых веков н. э.
484. Анфимов Н. В. Глиняные курильницы сарматского времени с Северного Кавказа.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 31—34 с 2 илл.
485. Аракелян Б. Раскопки Гарни.— Советакан граканутюн ев арвест. («Сов. литература и искусство»). Ереван, 1955, № 2, стр. 135—143. На арм. яз.
486. Арутюнян В. К вопросу о градостроительной культуре древней Армении. (III в. до н. э.— II в. н. э.).— ИАНАрмССР. Обществ. науки, 1955, № 9, стр. 43—66 с 6 илл.
487. Биннатов Т. А. Земледелие и скотоводство в эпоху бронзы в Азербайджане. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).
488. Блаватский В. Д. Третий год работы в Синдике.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 88—95 с 3 илл. и 1 карт.
Исследование памятников VI в. до н. э.— IV в. н. э. Синдским отрядом Таманской экспедиции в 1952 г.

489. Глонти Л. И. Новый энеолитический памятник в Урбниси. («Квацхелеби»).— III науч. сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 20, 21 и 23 мая. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 22 и стр. 43—44. На груз. и русск. яз.

490. Даль С. Закавказская овчарка начала первого тысячелетия до нашей эры из бассейна озера Севан.— ИАНАрмССР. Серия обществ, наук, 1955, № 3, стр. 55—62 с 2 илл.; 1 л. илл.

491. Джавахишвили А. И. Отчет работы, проведенной Урбнисской археологической экспедицией в 1953/54 гг. на территории городища (I, XII, XIII, XIV и XVI участки).— III науч. сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 20, 21 и 23 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 21 и стр. 42—43. На груз. и русск. яз.

Памятники античного времени и средневековые.

492. Джапаридзе О. М. Квасатальский могильник эпохи бронзы в Юго-Осетии.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 23—30 с 3 илл.

493. Джапаридзе О. М. Ранний этап древней металлургии в Грузии. [Ред. Т. Н. Чубинишвили]. Тбилиси. «Техника да шрома». 1955. 112 стр.; 20 стр. илл. На груз. яз.

494. Егоров Н. М. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 53—62 с 5 илл.

495. Закарая П. П. Жилые и оборонительные сооружения городища Урбниси.— III науч. сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 20, 21 и 23 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 21—22 и стр. 43. На груз. и русск. яз.

Памятники античные и средневековые.

496. Иессен А. А. Несколько бронзовых предметов, найденных в районе станицы Тульской.— СГЭ, 8, 1955, стр. 31—33 с 5 илл.

V в. до н. э. Адыгейская авт. обл.

497. Ионе Г. И. Мингечаурские кувшинные погребения с оружием.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 54—62 с 6 илл.

II—I вв. до н. э.—I—II вв. н. э. Азербайджанская ССР.

498. Исмизаде О. Ш. Ялойлу-тапинская культура. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1955. 20 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Ленингр. отд.).

III—I вв. до н. э.

499. Исраелян М. О Тутанской надписи.— ИАНАрмССР, Обществ. науки, 1955, № 11, стр. 81—85.

Урартская надпись из Гос. музея Грузии.

Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. См. № 555.

500. Капанадзе Д. Г. Монетные находки Мцхетской экспедиции (1937—1948 и 1551 гг.).— ВДИ, 1955, № 1, стр. 160—173.

Монеты первых веков н. э. и средневековые.

501. Капанадзе Д. Г. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции за 1937—1948 и 1951 гг.— Материалы по археологии Грузии и Кавказа, I, Тбилиси, 1955, стр. 79—88. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Монеты первых веков н. э. и средневековые.

502. Кармир-Блур, т. 3—4. Ереван, 1955, (Акад. наук Арм.СССР. Археол. раскопки в Армении, №№ 5 и 6).

Т. 3. Пиотровский Б. Б. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Гос. Эрмитажа. 1951—1953 гг. 75 стр. с 48 илл.; 8 л. илл.

Прил.: I. Туманян С. А. Древесные остатки из раскопок Кармир-блура, стр. 61—63. 2. Паланджян В. А. Урартские древки стрел, стр. 65—66. 3. Верховская А. С. Текстильные изделия из раскопок Кармир-блура, стр. 67—71.
Рец.; Мартиросян А.— ИАНАрмССР. Обществ. науки, 1956, № 2, стр. 99—102.

Т. 4. Оганесян К. Л. Архитектура Тейшебаини. 112 стр. с 59 илл.; 4 л. илл.

503. Кинжалов Р. В. Золотая серьга из Бори (Грузия).— СГЭ, 7, 1955, стр. 32—33 с 1 илл.

Автор датирует серьгу временем не позднее IV в. до н. э.

504. Кинжалов Р. В. Неизданная бронзовая статуэтка из Казбекского святилища.— СГЭ, 8, 1955, стр. 33—34 с 2 илл.

VII в. до н. э.

505. Кинжалов Р. В. Об одной серебряной чаше, хранящейся в Эрмитаже.— ИАН АрмССР. Обществ. науки, 1955, № 9, стр. 105—110; 2 л. илл.

Чаша конца II — начала III в. н. э.

506. Коридзе Д. Л. Археологические памятники Тбилиси. Ч. I. (Энеолит — период поздней бронзы). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1955. 20 стр. с 11 илл. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории им. И. А. Джавахишвили).

507. Коридзе Д. Л. Археологические памятники Тбилиси. Ч. I. (Энеолит — поздний бронзовый период). Тбилиси, 1955. 236 стр. с 51 илл.; XXXVII стр. илл. (Акад. наук Груз. ССР. Гос. музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа). На груз. яз.

508. Ломтатидзе Г. А. К социальной и культурной характеристике населения Грузии в I—III вв. нового летоисчисления. (По археологическим материалам).— ТИИАНГрузССР, т. I, 1955, стр. 329—374. На груз. яз.

509. Ломтатидзе Г. А. Результаты археологических исследований в Урбниси. (Предварительное сообщение) — III науч. сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 20, 21 и 23 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 18—20 и стр. 39—42. На груз. и русск. яз.

Памятники античные и средневековые.

510. Лосева И. М. Раскопки урартской крепости города Ирпуни (Ерепуни) на холме Арин-Берд.— СВ, 1955, № 3, стр. 144—150 с 1 илл.

VIII в. до н. э.

511. Лосева И. М. Раскопки цитадели урартского города Ирпуни.— КСИИМК, вып. 58, 1955, стр. 45—52 с 4 илл.

512. Любин В. П. Археологическая разведка в окрестностях города Сталинира (Юго-Осетия).— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 14—22 с 1 илл.

Памятники от эпохи энеолита до эпохи раннего железа.

513. Мнацаканян А. О. Археологические находки в селении Басаргечар Армянской ССР.— КСИМК, вып. 60, 1955, стр. 39—44 с 4 илл.

VI в. до н. э.

514. Мнацаканян А. О. Раскопки могильника у селения Атарбекян в Армянской ССР.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 31—38 с 7 илл.

VII—VI и IV вв. до н. э.

515. Мунчаев Р. М. Каякентское поселение и проблема кавказского энеолита.— СА, XXII, 1955, стр. 5—20 с 1 карт.

Дагестанская АССР.

Нариманов И. Г. Археологические памятники Ганджачайского района Азербайджана (с древнейших времен до эпохи железа). См. № 480.

Оганесян К. П. Архитектура Тейшебаини. См. № 502.

516. Пиотровский Б. Б. Кармир-блур. Раскопки 1954 г.— СГЭ, 8, 1955, стр. 42—44.

517. Пиотровский Б. Б. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 76 стр.; 2 л. илл. (Доклады Советской делегации на X международном конгрессе историков в Риме). Текст и тит. л. на русск. и англ. яз.

Древнейшие цивилизации Кавказа и Средней Азии.

518. Пиотровский Б. Б. Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье.— СА, XXIII, 1955, стр. 5—15.

Пиотровский Б. Б. Результаты работ археологической экспедиции Института истории Академии наук Армянской ССР и Гос. Эрмитажа. 1951—1953 гг. См. № 502.

519. Саинян А. Архитектура Касахской базилики. Ереван, 1955, 303 стр. со 154 илл.; 2 л. илл. и 1 карт. (Акад. наук Арм. ССР. Сектор истории и теории искусства). Библиогр.: стр. 281—283. На переплете авт. не указан. На арм. яз. Резюме на русск. яз.

Храм III—IV вв.

520. Саттарзаде Р. Х. К истории коневодства и происхождению лошадей в Азербайджане.— ДАНАзССР, т. 11, 1955, № 9, стр. 643—651 с 2 илл. Библиогр.: 18 назв. Резюме на азербайдж. яз.

Привлечен археологический материал эпохи бронзы и раннего железа.

521. Семенов Л. П. Шлемы из Северной Осетии.— КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 60—68 с 1 илл.

Шлемы I тысячелетия до н. э. и средневековые.

522. Сорокин В. С. Древние поселения у Кармир-блура. (Археологические материалы для истории Южного Закавказья накануне и в эпоху урартского завоевания, конец II тыс.— VI в. до н. э.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1955. 18 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

523. Трапш М. М. Краткий отчет о результатах археологических исследований в Сухуми в 1952 году.— ТАбхазИЯЛИ, 26, 1955, стр. 219—232 с 6 илл.

Памятники V—III вв. до н. э.; I—III вв. н. э.; XI—XIII вв. н. э.

524. Трапш М. М. Некоторые итоги археологического исследования в Сухуми в 1951—1953 гг.— СА, XXIII, 1955, стр. 206—227 с 13 илл.

Памятники от середины I тысячелетия до н. э. до IV в. н. э.

525. Халилов Д. А. Археологические памятники Западного Азербайджана эпохи поздней бронзы и раннего железа. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 16 стр. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры).

526. Хоштария Н. В. Археологическое исследование Уреки.— Материалы по археологии Грузии и Кавказа, 1. Тбилиси, 1955, стр. 25—78 с 26 илл.; 10 л. илл.

Памятники II—I тысячелетий до н. э., первых веков н. э. и раннего средневековья.

527. Чубинишвили Т. Н. Самтаврское курганное погребение № 243.— Материалы

по археологии Грузии и Кавказа, 1. Тбилиси, 1955, стр. 5—24 с 11 илл.; 3 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

XV—XIV вв. до н. э.

528. Шилов В. П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г.— СА, XXIII, 1955, стр. 228—249 с 12 илл.

IV—I вв. до н. э. Краснодарский край.

529. Ямпольский З. И. О статуе, найденной на территории Кавказской Албании.— КСИИМК, вып. 60. 1955, стр. 155—158 с 1 илл.

4. Средневековые памятники

530. Алескерзаде А. А. и Саламзаде А. В. О надписи на «Девичьей башне».— ДАН АзССР, т. 11, 1955, № 5, стр. 371—376 с 2 илл. Библиогр.: 10 назв. Резюме на азербайдж. яз.

Оборонительное сооружение XII в. в г. Баку.

531. Аскерова Н. С. Основные особенности азербайджанского архитектурного орнамента.— Тезисы докладов на V науч. конференции аспирантов. Баку, изд-во Акад. наук АзССР. 1955, стр. 79—83.

532. Асланов Г. М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 63—72 с 5 илл.

533. Ахвледиани Х. А. К истории Хиханской крепости.— В сб.: Памятники грузинской материальной культуры в Аджарии. Батуми, 1955, стр. 29—84 с 14 илл.; 1 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

534. Ашурлейли С. Б. Подводная крепость в Бакинской бухте.— ТИИФАНАзССР, т. 7, 1955, стр. 5—17. Резюме на азербайдж. яз.

Сооружение XII—XIII вв.

535. Бакрадзе А. К. Грузинская эпиграфика как источник для изучения истории Грузии (V—XIII вв.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1955, 15 стр. (Тбил. гос. ун-т им. И. В. Сталина).

536. Бархударян С. Г. Средневековые армянские архитекторы и мастера по камню. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Ереван, 1955. 12 стр. (Акад. наук АрмССР. Ин-т истории).

537. Беридзе В. Архитектура Самцхе XIII—XVI в. Тбилиси, 1955., 267 стр. с 79 илл.; 61 л. илл. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т искусства). На груз. яз. Резюме на русск. и нем. яз.

538. Быков А. А. Дайсам ибн Ибрахим ал-Курди и его монеты. (Из истории Азербайджана и Армении X в.).— ЭВ, 10, 1955, стр. 14—37; 2 л. илл.

539. Вардзия. Путеводитель. Тбилиси, 1955. 117 стр.; 32 л. илл. (Акад. наук ГрузССР. Научн.-попул. серия). Перед загл. авт.: К. Мелитаури, Н. Шошиашвили, Ш. Хантадзе и Г. Джамбурия. На груз. яз.

540. Вирсаладзе Т. Б. Древняя роспись западного придела главного храма в Гелати.— IX науч. сессия Ин-та истории груз искусства 17—18 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 12 и 22. На груз. и русск. яз.

541. Вирсаладзе Т. Фресковая роспись художника Микаела в Мацхвариши.— В сб.: Ars Georgica, 4. Тбилиси, 1955, стр. 169—231 с 7 илл.; 2 л. цв. илл.; табл. 55—78. Резюме на нем. яз.

Первая половина XII в. Верхняя Сванетия.

542. Габашвили Ц. Порталы в грузинской архитектуре. Тбилиси, «Техника да шрома», 1955. 73 стр.; 36 л. илл. Библиогр.: 21 назв. Текст парал. на груз. и русск яз.

Порталы V—XVIII вв.

543. Григорян А. Материалы по армянской мозаике.— ИАНАрмССР. Обществ. науки. 1955, № 7, стр. 75—84. На арм яз.

Мозаика II—VII вв. в храмах Армении, Иерусалима и Константинополя.

544. Дадашев С. и Усейнов М. Архитектурные памятники Баку. Баку, 1955. 39 стр.; 21 л. илл. (Акад. наук Азербайдж. ССР. Ин-т архитектуры и искусства). Библиогр.: 10 назв. Азербайдж. яз.

Джавахишвили А. И. Отчет работы, проведенной Урбнисской археологической экспедицией в 1953 г. См № 491.

545. Джанполадян Р. М. Стеклянный сосуд из Двина.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 120—124 с 3 илл.

Сосуд XI в. византийского происхождения.

546. Джанполадян Р. М. Упоминание строителей в армянских средневековых надписях (Нор-Гетик, Агарцин).— ЭВ, 10, 1955, стр. 61—64.

547. Джапаридзе В. В. Керамическая промышленность Грузии XI—XIII вв. (По археологическим данным). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Тбилиси, 1955. 26 стр. (Акад наук Груз. ССР. Ин-т истории им. акад. И. А. Джавахишвили).

548. Джапаридзе О. М. Отчет о раскопках в «Ганджискари».— Материалы по археологии Грузии и Кавказа. 1. Тбилиси, 1955, стр. 89—99 с 3 илл.; 1 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.

Памятники XII—XIII вв. г. Тбилиси.

549. Егиазарян О. Памятники культуры Азизбековского района. Ереван, Айпетрат, 1955. 113 стр.; 23 л. илл. (Упр. по делам архитектуры при Совете Министров Арм. ССР). Библиогр.: стр. 107—108.
Памятники средневековой архитектуры.

550. Еремян А. Б. Храм Рипсимэ. Ереван, Айпетрат, 1955. 179 стр. с 41 илл. Доп. тит. л. на груз. яз.
VII в. Армянская ССР.

Жамкочян А. Г. О двух надписях XIII века города Ани. См. № 702.

Закарая П. П. Жилые и оборонительные сооружения городища Урбниси. См. № 495.

551. Закарая П. П. Об одном неизвестном архитектурном памятнике VIII—IX веков.— САНГрузССР, т. 16, 1955, № 5, стр. 407—414 с 4 илл. Библиогр.: 8 назв.
Церковь «Деда Гвтиси».

552. Закарая П. П. Питарети [Тбилиси, Госиздат Груз.ССР, 1951]. л., слож. в [8] стр., с илл. (Отд. охраны архитектурных памятников Упр. по делам архитектуры при Совете Министров ГрузССР). Текст парал. на груз. и русск. яз.

553. Закарая П. П. Самтавро [Тбилиси, Госиздат. ГрузССР, 1951]. 1 л., слож. в [8] стр., с илл. (Отд. охраны архитектурных памятников Упр. по делам архитектуры при Совете Министров Груз. ССР). Текст парал. на груз. и русск. яз.

554. Закарая П. П. Цугругашени. Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1955]. 1 л., слож. в [8] стр., с илл. (Отд. охраны архитектурных памятников Упр. по делам архитектуры при Совете Министров Груз. ССР). Текст парал. на груз. и русск. яз.

555. Капанадзе Д. Г. Грузинская нумизматика. М., 1955, 186 стр. с 32 илл.; 8 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры). Библиогр.: стр. 161—163.

Капанадзе Д. Г. Монетные находки Мцхетской экспедиции (1937—1948 и 1951). См. № 500.

Капанадзе Д. Г. Нумизматические находки Мцхетской археологической экспедиции за 1937—1948 и 1951 гг. См. № 501.

556. Каухчишвили Т. С. Греческая надпись бичвинтской мозаики.— САН ГрузССР, т. 16, 1955, № 1, стр. 73—80 с 4 илл. Библиогр.: 18 назв. На груз. яз.

557. Кения Р. И. К вопросу восстановления и датировки фрагментов грузинской чеканки, хранящихся в Московском историческом музее.— САНГрузССР, т. 16, 1955, № 9, стр. 745—752 с 1 илл.; 1 л. илл. Библиогр.: 6 назв.
Конец XI — начало XII в.

Крачковская В. А. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв. См. № 639.

558. Лавров Л. И. Адыги в раннем средневековье.— Сборник статей по истории Кабарды. Вып. 4. Нальчик, 1955, стр. 19—64.
Широко привлекаются данные археологии.

559. Лайпанов Х. Печать Ашота Багратида.— ИАНАрмССР. Обществ. науки, 1955, № 2, стр. 97—98 с 1 илл. На арм. яз.
Печать IX в.

560. Леквинадзе В. А. Вислая печать Константина Абхазского. САНГрузССР, т. 16, 1955, № 5, стр. 403—406 с 2 илл. Библиогр.: 7 назв.
Печать VIII в. из раскопок Бичвинтской археол. экспедиции 1954 г.

561. Ломинадзе Б. Р. Гелати. Тбилиси, 1955. 84 стр.; 1 л. илл. (Акад. наук. ГрузССР. Науч.-попул. серия). На груз. яз.

562. Ломтатидзе Г. А. Археологические раскопки в Тбилиси зимой 1948 г.— Материалы по археологии Грузии и Кавказа, 1. Тбилиси, 1955, стр. 119—170; 6 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Раскопки средневековой керамической мастерской.

Ломтатидзе Г. А. Результаты археологических исследований в Урбниси. См. № 509.

563. Лордкипанидзе М. Ацкурская крепость [Тбилиси, Госиздат ГрузССР, 1955], 1 л., слож. в [8] стр., с илл. (Отд. охраны архитектурных памятников Упр. по делам архитектуры при Совете Министров ГрузССР). Текст парал. на груз. и русск. яз.

564. Лордкипанидзе М. Тбилисская крепость [Тбилиси, Госиздат Груз.СССР, 1955]. 1 л., слож. в [8] стр., с илл. (Отд. охраны архитектурных памятников Упр. по делам архитектуры при Совете Министров ГрузССР). Текст парал. на груз. и русск. яз.

565. Марковин В. И. и Твердохлебов А. М. Акушинский могильник,— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 150—154 с 2 илл.
IX—XI вв. Дагестанская АССР.

566. Мелитаури К. Н. Горис-цихе. [Тбилиси, Госиздат Груз.ССР, 1955]. 1 л., слож. в [8] стр., с илл. (Отд. охраны архитектурных памятников Упр. по делам архитектуры при Совете Министров ГрузССР). Текст парал. на груз. и русск. яз.

567. Мелитаури К. Н. К вопросу восстановления дверей пещер в Вардзиа.— САНГрузССР, т. 16, 1955, № 10, стр. 837—840 с 6 илл. Библиогр.: 3 назв.

568. Меписашвили Р. С. Архитектурный памятник в сел. Схалта.— В сб.:Памятники грузинской материальной культуры в Аджарии. Батуми, 1955, стр. 85—105 с 9 илл. и 4 табл.
XIII в.

569. Мепписашвили Р. С. Архитектурный памятник Корого и его рельефы.— IX науч. сессия Ин-та истории груз. искусства 17—18 мая 1955 года. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 3—5 и 13—15. На груз. и русск. яз.
X—XI вв. Грузинская ССР.

570. Мепписашвили Р. С. Памятник архитектуры в сел. Эрдви (906 г.).— В сб. Ars Georgica, 4. Тбилиси, 1955, стр. 101—138 с 16 илл.; табл. 32—43. На груз. яз. Резюме на русск. и нем. яз.

571. Минаева Т. М. Городище Адиюх в Черкесии.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 110—119 с 3 илл.
VI—XIII вв.

572. Минаева Т. М. Городище на балке Адиюх в Черкесии. Предварительное сообщение о раскопках 1951 и 1952 гг.— Сборник трудов Ин-та. (Ставроп. пед. ин-т), вып. 9, 1955, стр. 129—172 с 11 илл.

573. Минаева Т. М. Могильник в устье реки Теберды.— В сб.: Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 7. [Ставрополь], 1955, стр. 261—290 с 10 илл.
Могильник VIII—X вв.

574. Мнацаканян А. Ш. Армянское орнаментальное искусство. Возникновение и идейное содержание основных мотивов. Ереван, 1955. XVI, 660 стр. с илл., 12 л. илл. (Акад. наук АрмССР. Сектор истории и теории искусств). Библиогр.: стр. 615—619. На арм. яз. Резюме на русск. яз.

575. Монгайт А. Л. Некоторые средневековые археологические памятники Северо-Западного Кавказа.— СА, XXIII, 1955, стр. 321—340 с 8 илл.
Селища и могильники XI—XVI вв.

576. Нейматова М. Х. Значение дербендских надписей для изучения истории Ширвана XV в.— ИАН АзССР, 1955, № 11, стр. 115—129 с 7 илл. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

577. Нейматова М. Х. История изучения надписей комплекса дворца Ширваншахов в Баку.— ТИИФАНАзССР, т. 7, стр. 228—252 с 11 илл. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.

578. Нейматова М. Х. Предварительное сообщение о дербендской поездке в 1954 г.— ДАН АзССР, т. II, 1955, № 11, стр. 735—741. На азербайдж. яз. Резюме на русск. яз.
Обследование эпиграфических памятников XIV—XVI вв.

579. Ракитина К. А. Бронзовое зеркало со сценой охоты.— СГЭ, 7, 1955, стр. 33—35 с 2 илл.
XII—XIII вв. Краснодарский край.

Семенов Л. П. Шлемы из Северной Осетии. См. № 521.

580. Сухуми. Краткий историко-краеведческий очерк. Сухуми, Абгиз, 1955, 208 стр. с илл. (Абхазский ин-т языка, литературы и истории им. Д. А. Гулиа АН Груз. ССР). Трапш М. М. Краткий отчет о результатах археологических исследований в Сухуми в 1952 году. См. № 523.

581. Угрелидзе Н. Н. Качретское погребение.— Материалы по археологии Грузии и Кавказа, 1. Тбилиси, 1955, стр. 115—117 с 2 илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Погребение VI—VIII вв. в Гаре Кахети.

582. Угрелидзе Н. Н. К истории производства стекла в древней Грузии. (Стеклянные сосуды IV—VIII веков н. э. из Самтаврского могильника). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук, 1955, 16 стр. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории).

583. Цинцадзе В. Г. Дворец «Цихе-дарбази» в Гегути.— IX науч. сессия Ин-та истории груз. искусства 17—18 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 9—11 и 19 и 21. На груз. и русск. яз.

584. Цискаришвили В. Г. Два эпиграфических памятника из Джавахети.— III науч. сессия Гос. музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа 20, 21 и 23 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 7—8 и 29—30. На груз. и русск. яз.
XIII в.

585. Цицишвили Ир. История Грузинской архитектуры. Краткий курс лекций. Тбилиси, «Техника да шрома», 1955. 120 стр. с илл.; XLVIII стр. илл. Библиогр.: стр. 111—112. На груз. яз.

586. Цицишвили И. Н. и Закарая П. П. Надарбазеви.— Материалы по археологии Грузии и Кавказа, 1. Тбилиси, 1955, стр. 101—114 с 12 илл.; 4 л. илл. На груз. яз. Резюме на русск. яз.
Дворцовый комплекс IX—XIII вв.

Хоштария Н. В. Археологические исследования в Уреки. См. № 526.

587. Шервашидзе Л. А. К вопросу о средневековой грузинской светской миниатюре. (Миниатюры батальной тематики в Джручской псалтири). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата искусствовед. наук. Тбилиси, 1955, 23 стр. (Акад. наук Груз. ССР. Ин-т истории груз. искусства).

588. Шервашидзе Л. А. Стенная роспись с сюжетом «Амиран-Дареджаниани» в Сванети.— IX научн. сессия Ин-та истории груз. искусства 17—18 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 8 и 18. На груз. и русск. яз.
XVII в.

589. Шмерлинг Р. О. Древний Цвимоэтский храм близ сел. Хциси.— В сб.: Aas.

Georgica, 4. Тбилиси, 1955, стр. 139—168 с 13 илл.; табл. 47—54. Резюме на нем. яз.
Год постройки храма — 1002.

590. Шмерлинг Р. О. К вопросу датировки храма в Убиси.— САНГрузССР, т. 16, 1955, № 2, стр. 169—174 с 7 илл. Библиогр.: 5 назв.
В противоположность датировке Ш. Я. Амиранашвили (XII в.) автор датирует памятник второй четвертью IX века.

591. Шмерлинг Р. О. Фрагмент «столбика» из Шио-Мгвиме.— IX научн. сессия Ин-та истории груз. искусства 17—18 мая 1955 г. План работы и тезисы докладов. Тбилиси, 1955, стр. 6—7 и 16—17. На груз. и русск. яз.
XI в. Грузинская ССР.

IV. Среднеазиатские республики и Казахстан

1. Общие работы

592. Абдуллаев А. Новые археологические находки.— Учен. записки Андижан. гос. пед. ин-та, 2, 1955, стр. 141—142.
Археологическая разведка в Пахта-Абадском районе Андижанской обл.

593. Андрианов Б. В. Из истории земель древнего орошения Хорезмского оазиса.— В сб.: Памяти академика Л. С. Берга. М.— Л., 1955, стр. 353—359; 1 л. карт. Библиогр.: 13 назв.
По археологическим материалам от рубежа IV—III тысячелетия до н. э. до XIII в. н. э.

594. Бернштам А. Н. Историческая география Тянь-Шаня и Памиро-Алая.— ИВГО, т. 87, 1955, вып. 1, стр. 42—53 с 1 карт.
По данным археологических раскопок памятников I тысячелетия до н. э. и I тысячелетия н. э.

595. Бернштам А. Н. К вопросу о происхождении киргизского народа.— СЭ, 1955, № 2, стр. 16—26.

596. Гафуров Б. Г. История таджикского народа. В кратком изложении. Изд. 3-е, испр. и доп. М., Госполитиздат, 1955. 544 стр. с илл. (Ин-т истории Акад. наук ТаджикскСР).
Стр. 9—108: Раздел 1 — «Предки таджиков в эпоху первобытно-общинного строя и его разложения в Средней Азии» и раздел 2 «Предки таджиков в эпоху развития рабовладельческих отношений».

597. Давидович Е. А. и Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. Сталинабад, 1955. 231 стр. с 93 илл.; 2 л. план (Акад. наук. Таджикск. ССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Труды. Т. 35). Резюме на таджикск. яз. Прил.: 1. В. Я. Зезенкова. Предварительный отчет об исследовании краниологического материала из раскопок курганов в Ворухе (1952 г.), стр. 215—219. 2. И. М. Громов. Результаты определения костных остатков позвоночных животных, собранных при раскопках крепости Калаи-Бола (XI—XII вв.), стр. 221—222. 3. С. Б. Певзнер. Южная надпись в Ворухском ущелье, стр. 223—224.
От первых веков н. э. до XIX в.

598. Дебец Г. Ф. Некоторые проблемы происхождения киргизов в свете работ Киргизской археолого-этнографической экспедиции.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 62—63.

559. Исламов О. И. Из истории культуры камня в Средней Азии.— Зап. Узб. отд. Всесоюз. Минералогич. об-ва, вып. 8, 1955, стр. 181—187 с. 2 илл. Библиогр.: 6 назв.

600. История Туркменской ССР [Редколлегия: Ага Каррыев и др.], т. I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. Ашхабад, 1955. 848 стр. (Акад. наук ТуркмССР. Ин-т истории, археологии и этнографии). Макет.
Стр. 8—46; Гл. I «Туркменистан в эпоху первобытно-общинного строя». Авт.: А. П. Окладников и В. М. Массон. В гл. II—III «Рабовладельческий строй и феодальное общество» авторы разделов, посвящ. истории материальной культуры: М. Е. Массон, Г. А. Пугаченкова, А. Ю. Якубовский.

601. История Узбекской ССР, т. I, кн. I [Под ред. С. П. Толстова и др.]. Ташкент, 1955. 544 стр. с илл.; 5 л. илл.; 3 л. карт (Акад. наук УзССР. Ин-т истории и археологии). Библиогр.: стр. 505—542.
Стр. 3—31. Ч. I. «Первобытно-общинный строй». Авт. М. Э. Воронец и Я. Г. Гулямов.

602. Кибиров А. К. О работе Тянь-Шаньского археологического отряда Киргизской комплексной экспедиции. (Предварительные итоги).— В сб.: Первая науч. сессия Акад. наук Киргизской ССР. Фрунзе, 1955, стр. 441—449.

603. Массон М. Е. Краткая хроника полевых работ ЮТАКЭ за 1948—1952 гг.— Труды ЮТАКЭ, т. 5, 1955, стр. 197—259. Библиогр.: «Перечень опубликованных работ ЮТАКЭ», 77 назв.; «Материалы к библиографии об ЮТАКЭ», 57 назв.

604. Музей истории Узбекской ССР. Путеводитель. [Под ред. М. Э. Воронца и Л. М. Ланда]. Ташкент, 1955. 159 стр. с илл. (Акад. наук Узбекск. ССР).
Стр. 13—82: «Первобытно-общинный, рабовладельческий и феодальный периоды». Авт.: М .Э. Воронец и М. А. Абдураимов.

605. Росляков А. А. Мелкие археологические памятники окрестностей Ашхабада.— Труды ЮТАКЭ, т. 5, 1955, стр. 71—103 с 8 илл., 7 карт.
Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.
606. Толстов С. П. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г.— ВДИ, 1955, № 3, стр. 192—206 с 13 илл.; 1 л. илл.
Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.
607. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции, 1951—1954 годов.—ВИ, 1955, № 3, стр. 173—180.
Памятники от эпохи неолита до позднего средневековья.
608. Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1954 г.— СВ, 1955, № 6, стр. 89—110 с 19 илл.
Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции, т. 5. [За 1948—1952 гг. Под ред. М. Е. Массона]. Ашхабад. 1955. 261 стр. с илл. (Акад. наук. Туркм. ССР)
См. №№ 603, 605, 623, 625, 645.
609. Хайрутдинов Д. Х. О следах древнего горного промысла в Северном Прибалхашье.— ВАНКазССР, 1955, № 8, стр. 85—87 с 3 илл.
610. Шишкин В. А. Некоторые итоги работ Узбекистанской археологической экспедиции [1950—1954 гг.].— ИАНУзССР, 1955, № 3, стр. 81—93. Резюме на узбекск. яз.

2. Эпоха палеолита и неолита

611. Акишев К. А., Владимиров Н. М. и Мухамеджанов С. М. Находки орудий труда древнего человека в Северном Казахстане.— ВАНКазССР, 1955, № 5, стр. 61—65 с 1 илл. и 1 карт.
IV тысячелетие до н. э. Кокчетавская обл.
612. Виноградов А. В. Неолитические украшения из створок раковин Didacna (По материалам раскопок в Северной Туркмении).— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 135—139 с 1 илл. и 1 карт.
613. Лев Д. Н. Новые данные по палеолиту Узбекистана.— ТИИААНУзССР, вып. 7, 1955, стр. 9—28 с 9 илл.

3. Эпоха бронзы и раннего железа

Акишев К. А., Владимиров Н. М. и Мухамеджанов С. М. Находки орудий труда древнего человека в Северном Казахстане. См. № 611.
614. Альбаум Л. И. Буддийский храм в долине Саназара.— ДАНУзССР, 1955, № 8, стр. 57—60 с 3 илл. Резюме на узбекск. яз.
I—II вв. Самаркандская обл.
615. Альбаум Л. И. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.).— ТИИААНУзССР, вып. 7, 1955, стр. 115—137 с 20 илл.
III в. до н. э.— VI в. н. э. Сурхан-Дарьинская обл.
616. Альбаум Л. И. Некоторые результаты изучения ангорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг.— ИАНУзССР, 1955, № 7, стр. 69—76, с 4 илл. Библиогр.: 5 назв. Резюме на узбекск. яз.
III в. до н. э.— V—VII вв. Сурхан—Дарьинская обл.
617. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма рабовладельческой эпохи. Автореферат канд. диссертации.— КСИЭ, вып. 22, 1955, стр. 72—87 с 4 илл.
618. Гладков И. И., Гладкова В. И. и Мнушкин Л. Б. О новых археологических находках в Западном Казахстане.— ВАНКазССР, 1955, № 4, стр. 88—94 с 5 илл.
Обнаружены следы двух стоянок эпохи энеолита. Гурьевская обл.
Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири. См. № 670.
Зезенкова В. Я. Предварительный отчет об исследовании краниологического материала из раскопок курганов в Ворухе (1952). См. № 597.
619. Кабанов С. К. Археологические разведки в верхней части долины Кашка-Дарьи.— ТИИААНУзССР, вып. 7, 1955, стр. 77—114 с 28 илл.
Памятники античного времени и раннего средневековья.
620. Мартынов Г. С. Иссыкская находка.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 150—156 с 6 илл.
Клад металлических изделий IV—I вв. до н. э., обнаруженных в 1953 г. у пос. Иссык Алма-Атинской обл.
621. Массон В. М. Денежное хозяйство древней Средней Азии по нумизматическим данным.— ВДИ, 1955, № 2, стр. 37—47; 1 л. илл.
III—I вв. до н. э.
622. Массон В. М. Древнемаргианское поселение Яз-депе.— ИАНТуркмССР, 1955, № 3, стр. 3—9 с 3 илл. Библиогр.: 11 назв.
Начало I тысячелетия до н. э. — IV в. н. э. Туркменская ССР.

623. Массон М. Е. Народы и области южной части Туркменистана в составе парфянского государства.— Труды ЮТАКЭ, т. 5, 1955, стр. 7—70.
624. Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 145—149 с 3 илл.
Пиотровский Б. Б. Новые данные о древнейших цивилизациях на территории СССР. См. № 517.
625. Росляков А. А. Глиняная печать из села Изгант.— Труды ЮТАКЭ, т. 5, 1955, стр. 104—107 с 1 илл. Библиогр.: 8 назв.
Печать парфянского времени.
626. Ставиский Б. Я. Древнейшие бронзовые изделия Чача в Государственном Эрмитаже.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 125—128 с 1 илл.
Изделия эпохи бронзы.

4. Средневековые памятники

627. Агеева Е. И. и Суворов Н. И. Наскальные изображения животных из Заилийского Ала-Тау.— УзАлма-АтПИ, т. 7, 1955, стр. 201—204 с 1 илл. и 1 карт. Библиогр.: 7 назв.
VI—VIII вв. Алма-Атинская обл.
628. Адыков К. К характеристике гончарного производства в Мерве конца XII — начала XIII вв.— ИАН ТуркмССР, 1955, № 6, стр. 30—37 с 7 илл. Библиогр.: 6 назв.
Альбаум Л. И. Некоторые данные по изучению Анхорской группы археологических памятников (1948—1949 гг.) См. № 615.
Альбаум Л. И. Некоторые результаты изучения Анхорской группы археологических памятников за 1953—1954 гг. См. № 616.
Баратбан П. И. и Рахимов М. К. Средневековые глазури Узбекистана. **См. № 56.**
629. Болелицкий А. М. Раскопки на городище древнего Пянджикента (в 1953 г.).— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 80—96 с 11 илл.
630. Булатов М. С. и Пугаченкова Г. А. Ташкент. Ташкент, Госиздат Узбекск. ССР, 1955, 26 стр. с илл. (Узбекск. об-во культ. связи с заграницей. Секция архитектуры и изобразит. искусства). Сост. указаны на обороте тит. л.
631. Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). Автореферат канд. диссертации.— КСИЭ, вып. 22, 1955, стр. 88—98 с 3 илл.
632. Воронина В. Л. Элементы архитектуры замка Ак-Тепе близ Ташкента по данными археологических работ 1941 г.— ТИИААНУзССР, вып. 7, 1955, стр. 139—154 с 11 илл.
VI—VII вв.
633. Герасимов Г. Г. Некоторые памятники архитектуры в районе западной части Бетпакдалы.— ИАН КазССР. Серия горного дела, металлургии и обогащения стройматериалов, вып. 5, 1955, стр. 19—32 с 13 илл. Библиогр.: 13 назв. Резюме на казахск. яз.
XVII—XVIII и первая половина XIX в.
Громов И. М. Результаты определения костных остатков позвочных животных, собранных при раскопках крепости Калаи-Боло (XI—XII вв. н. э.).— См. № 597.
634. Гулямов Я. Г. К изучению древних водных сооружений в Узбекистане.— ИАНУзССР, 1955, № 2, стр. 61—68 с 5 илл. Резюме на узбекск. яз.
Сооружения эпохи раннего феодализма.
635. Давидович Е. А. Неопубликованные монетные находки на территории Узбекистана.— ТИИААНУзССР, вып. 7, 1955, стр. 155—174.
636. Долинская В. Г. Среднеазиатская миниатюра XVI века в собрании Института востоковедения Академии наук Узбекской ССР. (К вопросу о миниатюрной живописи Средней Азии XVI в.). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Ташкент, 1955. 14 стр. (Акад. наук УзССР. Ин-т востоковедения).
637. Исламов О. И. Из истории горного дела и геологических представлений у народов Средней Азии с древнейших времен до XVIII в.— В сб.: Очерки по истории геологических знаний, вып. 4. М., 1955, стр. 42—69 с илл.; 1 л. илл. Библиогр.: стр. 68—69.
638. Кибиров А. О некоторых итогах археологического обследования Сусамыра.— ТИИАНКирССР, вып. 1, 1955, стр. 126—136 с 9 илл.
Памятники от V—III вв. до н. э. до XIII в. Киргизская ССР.
639. Крачковская В. А. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв.— ЭВ. 10, 1955, стр. 38—60 с 10 илл., 3 л. илл.
640. Массон М. Е. К вопросу о «черных дирхемах» Мусейяби.— ТИИААНУзССР, вып. 7, 1955, стр. 175—196, 2 разв. л. илл.
Монеты VIII—XII вв.

641. Массон М. Е. Средневековый путь из Мерва на Амуль (Чарджоу). (Из работ Юж.-Туркм. археол. комплексной экспедиции).— ИАНТуркмССР, 1955, № 1, стр. 3—13 с 5 илл. Библиогр.: 13 назв.
Памятники средневековой архитектуры.
642. Нильсен В. А. Мечеть Диггарон в селении Хазара. (Архитектурно-археологический очерк).— ТИИААНУзССР, вып. 7, 1955, стр. 61—75 с 10 илл.
XI в.
Певзнер С. Б. Южная надпись в Ворухском ущелье. См № 597.
643. Прибыткова А. М. Памятники архитектуры XI века в Туркмении. [Науч. ред. Б. В. Веймарн]. М., Гос. изд-во лит. по строительству и архитектуре, 1955. 120 стр. со 122 илл.
644. Пугаченкова Г. А. Некоторые архитектурные памятники левобережья Аму-Дарьи.— ИАНТуркмССР, 1955, № 4, стр. 3—12 с 8 илл. Библиогр.: 14 назв.
X—XIV вв.
645. Пугаченкова Г. А. Ханака в Мехне. Труды ЮТАКЭ, т. 5, 1955, стр. 163—170 с 1 илл.
XV в. Туркменская ССР.
646. Смирнова О. И. Монеты древнего Пянджикента. (По материалам раскопок 1953 г.) — КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 97—101 с 2 илл.
647. Смирнова О. И. Первый клад согдийских монет.— ЭВ, 10, 1955, стр. 3—13 с 4 илл.; 1 л. илл.
Клад монет VIII в., найденный в 1952 г. при раскопках Пянджикента.
648. Толстов С. П., Кесь А. С. и Жданко Т. А. История средневекового Сарыкамышского озера. — В сб.: Вопросы геоморфологии и палеогеографии Азии. М., 1955, стр. 37—75 с 16 илл.; 1 л. карт. Библиогр.: стр. 75.
В работе широко использованы данные археологии.
649. Шишкин В. А. Археологические работы в мечети Магоки-Атари в Бухаре.— ТИИААНУзССР, вып. 7, 1955, стр. 29—60 с 25 илл.
IX—X и XII—XV вв.
650. Шишкин В. А. Варахша. (Предварительное сообщение о работах 1949—1953 гг.).— СА, XXIII, 1955, стр 101—130 с 19 илл.; 2 л илл.
III—IV — XI—XII вв. Бухарская обл.

V. Сибирь и Дальний Восток

1. Общие работы

651. Грач А. Д. Археологические исследования в Западной Туве. [1953 г.].— КСИЭ, 23, 1955, стр. 19—33 с 7 илл. и 1 карт.
Археологическая разведка разновременных памятников.
652. Новиков-Даурский Г. С. Материалы к археологической карте Амурской области. — Зап. Амурск. обл. музея краеведения и об-ва краеведения, т. 3, 1955, стр. 10—46 с 7 илл. Библиогр.: 42 назв.
653. Окладников А. П. Археологические исследования в Приморье в 1953 году.— СДальФАН СССР, вып. 8, 1955, стр. 3—13.
Обследование памятников эпохи неолита, конца I тысячелетия до н. э. — начала I тысячелетия н. э.
654. Окладников А. П. Археологические работы на Дальнем Востоке в 1954 г. — Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 23—26.
Памятники от эпохи палеолита до I тысячелетия н. э.
655. Окладников А. П. Якутия до присоединения к русскому государству. 2-е доп. и переработ. изд. М.— Л., 1955. 432 стр. с илл.; 7 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т языка, лит. и ист. Якут. филиала АН СССР. История Якутской АССР. Отв. ред. Л. П. Потапов, т. I).
656. Полесских М. Р. Завальские писаницы.— СА, XXIII, 1955, стр. 277—290 с 3 илл.
Разновременные писаницы (от эпохи энеолита до XIV в.) на р. Оке Иркутской обл.
657. Розен М. Ф. Очерки по истории горного дела на Алтае. Барнаул, Алтайск. кн. изд-во, 1955, 68 стр. Библиогр.: стр. 66—67.
Стр. 4—16: «Древние горные работы на Алтае».
658. Седякина Е. Ф. Археологические исследования на островах р. Ангары.— ВЛУ, 1955, № 9, стр. 117—120 с 2 илл.
Поселения от эпохи неолита до XI в. н. э.
659. Хороших П. П. Пещерные стоянки Сибири как исторический источник. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Иркутск, 1955. 24 стр. (Иркутск. гос. ун-т им. А. А. Жданова).
Стоянки первобытного человека от эпохи палеолита до эпохи железа.

660. Хороших П. П. По пещерам Прибайкалья. (Экскурсии в пещеры Прибайкалья). Иркутск, кн. изд-во, 1955, 72 стр. с илл. и карт. Библиогр.: 23 назв.
Рец.: Обручев В. А. Интересные пещеры в горах Прибайкалья.— Природа, 1956, № 2, стр. 121—122.

661. Чубарова Р. В. Древняя история острова Сахалина (по археологическим данным). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. Л., 1955. 18 стр. (Ин-т истории материальной культуры АН СССР. Ленингр. отд.).
Памятники II тысячелетия до н. э.— II тысячелетия н. э.

662. Шулунов Ф. М. Улан-Удэ. Улан-Удэ, Бурят-Монгол. кн. изд-во, 1955. 52 стр. с 7 илл.
Стр. 5—7: Об археологических памятниках.
Рец.: Элиасов Л. Замысел, не доведенный до конца. — Бурят-Монгол. правда, 1956, 19 мая.

2. Эпоха палеолита и неолита

663. Кипарисова Н. П. Чебаркульская неолитическая стоянка.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 54—60 с 3 илл
Челябинская обл.

664. Орлова Е. П. Археологические находки на Камчатке.—КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 163—166 с 1 илл.
Находки, относящиеся к эпохе неолита.

3. Эпоха бронзы и железа

665. Алексеев В. П. Палеоантропология Южной Сибири. (Алтае-Саянское нагорье). Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата ист. наук. М., 1955. 12 стр. (Ин-т этнографии АН СССР).
По материалам эпохи бронзы и железа.

666. Алексеев В. П. Черепа из древних погребений на территории Тувы.— УЗТувИЯЛИ, вып. 3, 1955, стр. 103—108.
Погребения V—III вв. до н. э.

667. Вайнштейн С. И. Памятники скифского времени в Западной Туве. (По материалам археологических исследований в 1954 г.) — УЗТувИЯЛИ, вып. 3, 1955, стр. 78—102 с 9 илл.
VIII—III вв. до н. э.

668. Грязнов М. П. Выставка памятников культуры и искусства ранних кочевников. СГЭ, 1955, стр. 8—9 с 1 илл.
Культура кочевников Алтая V—II вв. до н. э.

669. Грязнов М. П. Колесница ранних кочевников Алтая.—СГЭ, 7, 1955, стр. 30—32 с 1 илл.
Колесница V—III вв. до н. э. из Пазырыкского кургана.

670. Грязнов М. П. Некоторые вопросы истории сложения и развития ранних кочевых обществ Казахстана и Южной Сибири.— КСИЭ, 24, 1955, стр. 19—29.

671. Киселев С. В. Китай и Сибирь в бронзовом веке.— Моск. гос. ун-т. Юбил. науч. сессия, посвящ. 200-летию ун-та, 9—13 мая 1955 г. Тезисы докладов Ист. фак. М., 1955, стр. 46—48.

672. Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас. — СА, XXIV, 1955, стр. 197—256 с 45 илл., 1 л. илл.
I в. до н. э.— X в. Хакасская авт. обл.

673. Кызласов Л. Р. Таштыкские каменные изваяния с изображением людей.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 139—144 с 2 илл.
Леммлейн Г. Г. Стеатитовые бусы из Бурети. См. № 675.

674. Липский А. Н. Новый вид каменного изваяния из Южной Сибири.— КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 157—162 с 4 илл. и 1 карт.
Изваяние таштыкской культуры.

675. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. Ч. 3. Глазковское время. М.— Л., 1955, 374 стр. с 77 илл.; 6 л. илл. (Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры. Материалы и исследования по археологии СССР, № 43). Прил.: 1. Леммлейн Г. Г. Стеатитовые бусы из Бурети, стр. 368—379; 2. Семенов С. А. О технике сверления нефрита из погребений глазковского типа, стр. 370—371.

676. Окладников А. П. и Нарышкин В. В. Новые данные о древних культурах на Чукотском полуострове. (Древнее поселение на р. Канчалан).— СЭ, 1955, № 1, стр. 151—158 с 6 илл.

677. Руденко С. И. О датировке горноалтайских курганов.— ВИ, 1955, № 11, стр. 120—123.

678. Рыгдылон Э. Р. Городища Усть-Ордынского Бурят-Монгольского национального округа Иркутской области.— СА, XXII, 1955, стр. 177—189 с 3 илл.

679. Рыгдылон Э. Р. Заметки о карасукских памятниках из окрестностей Красноярска.— КСИИМК, вып. 60, 1955, стр. 129—134 с 2 илл.

680. Рыгдылон Э. Р. Заметки о наскальных изображениях у деревни Маткечика на Абакане.— ИВГО, т. 87, 1955, вып. 6, стр. 558—560 с 2 илл.
Изображения эпохи бронзы. Хакасская авт. обл.

Семенов С. А. О технике сверления нефрита из погребений глазковского типа. См. № 675.

681. Хороших П. П. Находки в пещерах острова Ольхон.— Природа, 1955, № 11, стр. 110—112 с 3 илл.
VI—X вв.

682. Членова Н. Л. Бронзовый меч из Минусинской котловины.— КСИИМК, вып. 60. 1955, стр. 135—138 с 1 илл.
Меч VIII в. до н. э. из Томского краеведческого музея.

683. Членова Н. Л. О культурах бронзовой эпохи лесостепной зоны Западной Сибири. — СА, XXIII, 1955, стр. 38—57 с 8 илл. и 1 карт.

4. Средневековые памятники

684. Гоголев З. В. К статье Г. Ф. Дебеца «О черепах Суор-Бугдука и Леглю Беге».— УЗИЯЛИЯкутФАН СССР, вып. 2, 1955, стр. 29—32.
XVII в.

685. Дебец Г. Ф. О черепах Суор-Бугдука и Леглю Беге.— УЗИЯЛИЯкутФАН СССР, вып. 2, 1955, стр. 23—29.

686. Дульзон А. П. Остяцкие могильники XVI и XVII веков у села Молчаново на Оби.— УЗТомГПИ, т. 13, 1955, стр. 97—154 с 31 илл.

687. Дульзон А. П. Пачангский курганный могильник.— УЗТомГПИ, т. 14 (юбил.), 1955, стр. 230—250.
Остяцкий могильник XVI в. Томская обл.

688. Забелина Н. Н. Раскопки Дальневосточной археологической экспедиции в г. Ворошилове (1954 г.).— Советское Приморье. Лит.-худ. альманах, 19, 1955, стр. 273—280.
Раскопки постройки VIII в.

Кызласов Л. Р. Сырский чаа-тас. См. № 672.

689. Новгородов И. Д. Археологические раскопки музея. (Некоторые предварительные данные).— Сборник науч. статей (Якутск. респ. краевед. музей им. Емельяна Ярославского), вып. 1, 1955, стр. 138—162 с илл.
Раскопки древних могил якутов XVII—XVIII вв.

690. Носов М. М. Одежда и ее украшения у якутов XVII—XVIII веков. — Сборник науч. статей (Якутск. респ. краевед. музей им. Емельяна Ярославского), вып. 1, 1955, стр. 84—137 с илл.
По материалам археологических раскопок.

691. Шавкунов Э. В. Новые находки средневековых монет в Приморском крае.— ЭВ, 10, 1955, стр. 95—97 с 1 илл.
Находки китайских монет.

VI. Работы по археологии зарубежных стран

692. Артамонов М. И. Болгаро-советская археологическая экспедиция 1954 г.— Тезисы докладов на сессии Отд. ист. наук, на пленуме Ин-та истории материальной культуры и сессии учен. совета Ин-та этнографии, посвящ. итогам археол. и этногр. исследований 1954 г. М., 1955, стр. 36—37.

693. Билчюреску В. Румынская монументальная архитектура Молдавской области XIV—XVI вв. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитект. наук. М., 1955, 18 стр. (Моск. архитектурный ин-т).

694. Болотин Н. И. Особенности соразмерности некоторых сооружений Греции V века до н. э. Автореферат дисс. на соискание учен. степени кандидата архитект. наук. Л., 1955. 9 стр. (М-во высш. образования СССР. Ленинград. инж-строит. ин-т).

695. Брабич В. М. Афина и Персей, держащий голову Горгоны, на монетах Митридата VI.— СГЭ, 8, 1955, стр. 38—40.

696. Воробьев-Десятовский В. С. Тибетские документы на дереве из района озера Лоб-Нор III.— ЭВ, 10, 1955, стр. 68—72, с табл.
VII—IX вв.

697. Гельцер М. Л. Новые исследования по истории Финикии.— ВДИ, 1955, № 4, стр. 95—103.
Обзор иностранной литературы, в том числе археологической.

698. Гримм П. Обзор раскопок, произведенных в Германской Демократической Республике за последние годы. [Статья из Герм. Демократич. Республики].— СА, XXIV, 1955, стр. 172—183 с 4 илл. и 1 карт.

699. Гросс Г. Датировка позднего мадлена в Германии по данным геологии торфяников.— В сб.: Вопросы геологии четвертичного периода. М., 1955, стр. 161—169. Библиогр.: 16 назв.

700. Дьяконова Н. В. Выставка культуры и искусства Синьцзяна I—XII вв.— СГЭ, 8, 1955, стр. 9—11 с 1 илл.

701. Ефименко П. П. На археологической конференции в Чехословакии [1954 г. сентябрь].— ВАНУРСР, 1955, № 2, стр. 30—38. На укр. яз.

702. Жамкочян А. Г. О двух надписях XIII века города Ани. — Научн. труды (Ереван. гос. ун-т), т. 47. Серия ист. наук, вып. 2, 1955, стр. 89—116. На арм. яз. Резюме на русск. яз.
Надписи 1263 и 1276 гг.
703. Западноевропейское оружие XV—XVII вв. М., «Искусство», 1955. 41 стр.; 8 л. илл. (Гос. Эрмитаж. Путеводители по выставкам. Под общ. ред. М. И. Артамонова). На обороте тит. л. сост. О. Э. Михайлова.
704. Итс Р. Ф. Культуры Яншао и Луншань и их соотношение. (По материалам археологических раскопок в Китае).— СА, XXIV, 1955, стр. 98—118 с 10 илл.
Культуры III—II тысячелетий до н. э.
705. Кацнельсон И. С. Новые археологические открытия на Крите и в материковой Греции. — ВДИ, 1955, № 4, стр. 182—199.
Киселев С. В. Китай и Сибирь в бронзовом веке. См. 671.
706. Кнорозов Ю. В. Краткие итоги изучения древней письменности майя в Советском Союзе. М., Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 53 стр. с илл. (Доклады Советской делегации на X международном конгрессе историков в Риме). Текст и тит. л. на русск. и англ. яз.
707. Кнорозов Ю. В. Письменность древних майя. (Опыт расшифровки).— СЭ, 1955, № 1, стр. 94—125.
708. Короцкая А. Архитектура Индии.— Сов. архитектура, сб. 6, стр. 78—96 с илл.
С III в. до н. э. до XVII в.
709. Кругликова И. Т. Дакия в эпоху римской оккупации. М., 1955, 168 стр. с илл.; 2 л. план. и карт. (Акад. наук СССР. Ин-т истории и Ин-т истории материальной культуры. Причерноморье в античную эпоху. Под ред. В. Н. Дьякова. Вып. 8).
710. Ленцман Я. А. Расшифровка крито-микенских надписей.— ВИ, 1955, № 9, стр. 181—187 с 1 илл.
711. Лян Сы-юн. [Археолог]. (К годовщине со дня смерти).— ВДИ, 1955, № 2, стр. 205—207, с портр.
712. Мавродинов Н. П. Раскопки и исследования в Болгарии за последние годы. [Статья из Болгарии].— СА, XXIV, 1955, стр. 121—154 с 1 карт.
713. Матье М. Э. Выставка культуры и искусства римского и коптского Египта.— СГЭ, 8, 1955, стр. 5—6 с 1 илл.
714. Мелюкова А. И. К вопросу о памятниках скифской культуры на территории Средней Европы. (Критический обзор).— СА, XXII, 1955, стр. 239—253.
715. Миллер Ю. А. Бронзовый поднос XVI в. с именем Махмуда Курди.— СГЭ, 8, 1955, стр. 40—41 с 1 илл.
716. Орлик И. Новые труды по древней истории Румынии.—ВДИ, 1955, № 3, стр. 159—165.
Обзор археологической литературы.
717. Павлов В. В. Из истории взаимоотношений Египта и Рас-Шамры в середине II тысячелетия до н. э. по памятникам искусства.— ВДИ, 1955, № 4, стр. 124—135 с 4 илл.; 1 л. илл.; 1 разв. л. илл.
718. Передольская А. А. Новый кратер мастера Алкимаха.— СГЭ, 8, 1955, стр. 37—38.
70-е годы V в. до н. э.
719. Письменность древних майя.— ВИ, 1955, № 8, стр. 221—223.
Об исследованиях Ю. В. Кнорозова.
720. Рикман Э. А. и Полевой Л. Л. К. Горедт, «Славянская керамика Трансильвании». [О статье румын. археолога, опубл. в 1951 г.].— СА, XXIV, 1955, стр. 324—332 с 4 илл. и 1 карт.
721. Савельева Т. О двух новых археологических открытиях в Египте, относящихся ко времени III и IV династий (XXVIII—XXVII вв. до н. э.). — ВДИ, 1955, № 4, стр. 103—107.
722. Свентицкая И. С. Обзор основных археологических открытий в Греции за послевоенные годы.— ВДИ, 1955, № 2, стр. 208—216.
723. Семенов А. А. Персидская бронзовая чашечка XVI—XVII вв. с надписями.— ЭВ, 10, 1955, стр. 65—67 с 1 илл.; 1 л. илл.
724. Сымонович Э. А. Обзор польской историко-археологической литературы.— ВДИ, 1955, № 4, стр. 78—85.
725. Тэрр Л. Из новейших раскопок венгерских археологов. [Статья из Венгрии] — ВДИ, 1955, № 3, стр. 216—218; 1 л. илл.
726. Хенсель В., Гейштор А. и Маевский К. Польские археологические исследования последних лет. [Статья из Польши].— СА, XXIV, 1955, стр. 155—171.
727. Фюлеп Ф. Новейшие достижения венгерской античной археологии. [Статья из Венгрии].— ВДИ, 1955, № 1, стр. 152—160 с 5 илл.; 1 л. илл.
728. Чжоу Мин-чжень. Чжоукоудянь — местонахождение синантропа. [Статья из Китая].— Природа, 1955, № 5, стр. 69—70.

АВТОРСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абдуллаев А. 592
Абдураимов М. А. 604
Абесадзе Ц. Н. 68
Авдусин Д. А. 21
Агеева Е. И. 627
Адрианова-Перетц В. Рец.: 372
Адыков К. 628
Акимова М. С. 274
Акишев К. А. 611
Акритас П. Г. 462, 477
Алексеев В .П. 665, 666
Алексеев Л. В. 326, 327
Алексеева Е. П. 482
Алескерзаде А. А. 530.
Алешковский М. 1
Алихова А. Е. 275
Алпатов М. В. 328
Альбаум Л. И. 614, 615, 616
Андрианов Б. В. 593
Анфимов Н. В 483, 484
Апакидзе А. М. 472
Аракелян Б. Н. 485
Арембовский И. В. О нем: 47
Артамонов М. И. 81, 162, 329, 692
Арутюнян В. 486
Арциховский А. В. 4, 33, 52, 70, 331, 332, 333, 334
Асеев Ю. С. 384
Аскерова Н. С. 531
Асланов Г. М. 532
Ахвледиани Х. А. 533
Ахмеров Р. Б. 276, 288
Ахундов М. А. 731
Ашурбейли С. Б. 534

Бадер О. Н. 118. Рец: 78
Бадриашвили М. И. 464
Бакрадзе А. К. 535
Балабан П. И. 56
Банк А. В. 48
Баран В Д. 289
Бархударян С. Г. 536
Басукинский А. 335
Бахтадзе Р. А. 57
Бедукадзе С. Я. 58
Безбородов М. А. 59, 336
Белановская Т Д. 5, 6
Беленицкий А. М. 629
Белецкий А. А. 219
Белоброва О. А. 363
Белов Г. Д. 220, 226
Березанская С. С 163
Березовец Д. Т. 164, 337
Беридзе В. 537
Бернштам А. Н. 594, 595
Бернякович К. В. 165
Бибиков С. Н. 119, 120
Билчюреску В. 693
Биннатов Т. А. 487
Бирзениекс А. К. 338
Блаватский В. Д. 222, 223, 224, 225, 488
Блифельд Д. И. 339, 340
Боголюбов Н. Рец.: 71
Богусевич В. А. 92, 341, 342
Бойкова Л. Н. 363
Болотин Н. И. 694
Бондарь Н. Н. 226
Борисковский П. И. 121, 122 Рец.: 78, 80
Борисова В В. 227
Бороздин И. Рец.: 99
Ботвинник М. Н. Рец.: 71
Бочков Д. А. 228
Брабич В. М. 695
Брайчевская А. Т. 290, 291, 292
Брайчевский М. Ю. 82, 166
Брашинский И. Б. 229
Бреговская Н. Б. 230
Бривкалне Э. П. 343
Брюсов А. Я. 123 Рец.: 78
Булатов М. С. 630
Бураков А. В. 167
Бурейченко И. И. 363
Быков А. А. 538
Бырня П. П. 39

Вайнштейн С. И. 667
Вактурская Н. Н. 631
Ванкина Л. В. 277, 278
Вассар А. 279. Рец.: 90
Веймарн Е. В. 83
Верховская А. С. 502
Вийрес А. 344
Винберг Н. А. 7, 8
Виноградов А. В. 612
Виноградский Ю. С. 84
Вирсаладзе Т. Б. 540, 541
Вихров В. Е. 346
Владимиров Н. М. 611
Волкайте-Куликаускене Р. 293
Воробьева М. Г. 617
Воробьев-Десятовский В. С. 696
Воронец М. Э. 601, 604
Воронин Н. Н. 372. Рец.: 75
Воронина В. Л. 632
Воронов Н. В 347
Вульфсон Г. Рец.: 91
Выезжев Р. И. 85, 86, 87
Вязьмитина М. И. 168, 169

Габашвили Ц. 542
Гайдукевич В. Ф. 231
Гафуров Б. Г. 596
Гельцер М. Л. 697
Генинг В. Ф. 88, 294, 348
Герасимов Г. Г 633
Герасимов М. М. 72
Гладков И. И. 618
Глонти Л. И. 464, 489
Гобеджишвили Г. Ф. 472
Гоголев З. В. 684
Голенко К. В. 232, 233
Гончаров В. К. 295, 349
Горецкий Г. И. 9
Горюнова Е. И. 350
Гражданкина Н. С. 10

Грач А. Д. 651
Григорян А. 543
Гримм П. 698
Гринкова Н. П. 351
Гроздилов Г. П. 28, 352
Громов В. И. 11
Громов И. М. 73, 597
Гросс Г. 699
Грязнов М. П. 668—670
Гуделис В. К. 124
Гулиев Г. А. 12
Гулямов Я. Г. 601, 634
Гуревич Ф. Д. 296. Рец.: 287
Гурина Н. Н. 125, 126
Гусейнов М. М. 478

Давидан О. И. 28
Давидович Е. А. 597, 635
Дадашев С. 544
Даль С. 490
Даниленко В. Н. 127, 128, 297
Двали Т. А. 68
Дебец Г. Ф. 129, 130, 131, 598, 685
Демин В. Г. 378
Джавахишвили А. И. 491
Джаладзе Г. В. 463
Джамбурия Г. 539
Джанполадян Р. М. 545, 546
Джапаридзе В. В. 547
Джапаридзе О. М. 492, 493, 548
Дмитриев Л. Д. 89, 234
Дмитриев Ю. Н. 372
Добровольский А. В. 170
Довженок В. И. 353, 354, 355
Долинская В. Г. 636
Доманский Я. В. 171
Донова К. 356
Дубинов В. В. 132
Дубровский А. Рец.: 465
Дубынин А. Ф. 357
Дульзон А. П. 686, 687
Дьяконов М. М. О нем: 48
Дьяконова Н. В. 700

Егиазарян О. 549
Егоров Н. М. 494
Егоров Ю. А. 358
Еремян А. Б. 550
Эрнштедт Е. В. 235
Есипенко А. Л. 133
Ефименко П. П. 701
Ефимова А. М. 13

Жамкочян А. Г. 702
Жданко Т. А. 14, 648
Жебелев С. А. 236
Жеребцов Л. Н. 359
Жиганов М. Ф. 360

Забелина Н. Н. 688
Забелло С. 361, 362
Заднепровская Т. Н. 7
Закарая П. П. 495, 551—554, 586
Зариня А. З. 364
Захарук Ю. Н. 172, 365
Зезенкова В. Я. 597
Зеест И. Б. 237
Златковская Т. Д. 15
Зограф А. Н. 238
Зутис Я. Я. 90
Зяблин Л. П. 366

Иванов В. Н. 367
Иванова А. П. 239, 240
Иваньев Л. Н. 47

Игнаткин И. А. 368
Иессен А. А. 28, 496
Ильин М. А. 369, 372
Ильинская В. А. 173, 174, 298
Иноземцев Г. А. 175
Ионе Г. И. 497
Ионенко Н. Рец.: 91
Исламов О. И. 599, 637
Исмизаде О. Ш 498
Исраелян М. 499
Итина М. А. 14
Итс Р. Ф. 704

Кабанов С. К. 619
Каландадзе А. Н. 472, 479
Калинин Н. Ф. 91, 373, 374
Канивец В. И. 176, 177
Капанадзе Д. Г. 500, 501, 555
Карасев А. Н. 241, 242
Каргер М. К. 375, 376, 377
Кастанаян Е. Г. 243
Каухчишвили Т. С. 566
Кацнельсон И. С. 705
Кашкай М. А. 60
Квезерели-Копадзе Н. И. 465
Кения Р. И. 557
Кесь А. С. 648
Кибиров А. К. 602, 638
Кинжалов Р. В. 503, 504, 505
Кипарисова Н. П. 663
Кириллова Л. 379
Кирьянов А. В. 380
Киселев С. В. 671. Рец.: 78
Кислов М. 381
Клейн Л. С. 299
Книпович Т. Н. 244, 245, 246
Кнорозов Ю. В. 706, 707
Кобылина М. М. 247
Козий Г. В. 61
Козлова К. И. 16
Колобова К. М. 17
Колосов Ю. Г. 95
Колчин Б. А. 346
Копылов И. И. 62
Копылов Ф. Б. 178, 382
Корзухина Г. Ф. 300
Коридзе Д. Л. 464, 506, 507
Короцкая А. 708
Косвен М. О. 74
Косточкин В. В. 372, 416
Кравец В. П. 179
Крачковская В. А. 639
Кресальный М. 384
Кривцова-Гракова О. А. 180
Крикотун В. М. 378
Крис Х. И. 181, 182
Кругликова И. Т. 183, 248, 709. Рец.: 218
Крупнов Е. И. 466, 467
Кубланов М. М. 184
Куликаускас П. З. 96, 97, 385
Кунцурашвили С. 54
Кухаренко Ю. В. 301, 302, 303
Кучера М. П. 386
Кызласов Л. Р. 672, 673

Лавров Л. И. 558
Лагодовская Е. Ф. 185, 186
Лазарев В. Н. 372, 387, 388
Лайпанов Х. 559
Ларионов И. 389
Латынин Б. А. 18, 28
Латышев В. В. О нем: 49, 50
Лащук Л. П. 101, 280
Лев Д. Н. 613

Леви Е. И. 249, 250
Левин М. Г. 34
Леквинадзе В. А. 560
Леммлейн Г. Г. 675
Ленцман Я. А. 710
Линка Н. В. 354
Липский А. Н. 674
Лисицына Н. К. 19
Литвинский Б. А. 597
Лихачев Д. Рец.· 372
Логвин Г. Н. 390
Ломинадзе Б. Р. 561
Ломтатидзе Г. А. 468, 469, 472, 508, 509, 562
Лордкипанидзе М. 563, 564
Лосева И. М. 510, 511
Лукьянов П. М. 391
Лунегов И. А. 392
Лунин Б. В. 20
Луппол А. Н. 53
Любин В. П. 512

Маамяги В. Рец · 90
Мавродинов Н. П. 712
Макаревич М. Л. 187
Максимов Е. В. 251
Максимов П. Н. 372
Максимова М. И. 252, 253
Мамбетов Д. М. 62а
Мансветов Н. Рец.: 90
Манцевич А. П 28
Марк К. Ю. 134
Маркевич А. И. О нем: 51
Маркевич В. И. 98
Маркевич М. Л. 187
Марковин В. И. 565
Мартиросян А. А. 502
Мартынов Г. С. 520
Массон В. М. 600, 621, 622
Массон М. Е. 600, 603, 623, 640, 641
Матье М. Э. 713
Махно Е. В. 188, 304, 305, 393
Мезенцова Г. Г. 433
Меликишвили Г. А. Рец.· 71
Мелитаури К. Н. 539, 566, 567
Мелюкова А. И. 189, 190, 714
Меписашвили Р. С. 568, 569, 570
Мерперт Н. Я. 107, 394
Мец Н. Д. 395, 396
Миллер Ю. А. 715
Минаева Т. М. 191, 571, 572, 573
Митрофанов А. Г. 281, 282
Михайлова О. Э. 703
Мнацаканян А. О. 470, 513, 514
Мнацаканян А. Ш. 574
Мнева Н. Е. 372
Мовша Т. Г. 135
Монгайт А. Л. 22, 75, 76, 397, 575. Рец.: 71
Моора Х. А. 93, 306, 307
Москаленко А. Н. 99, 192, 398
Мунчаев Р. М. 515
Мустафаев И. Д. 471
Мухамеджанов С. М. 611
Мухамедьяров Ш. Рец.: 91
Мшвениерадзе Д. 473

Наджимов К. Н. 399
Наливкина М. А. 254
Нариманов И. Г. 480
Нарышкин В. В. 676
Недошивина Н. 1
Нейматова М. Х. 576, 577, 578
Никитин А. В. 400
Никитина Н. 1
Никольская Т. Н. 23
Нильсен В. А. 642
Новгородов И. Д. 689
Новиков-Даурский Г. С. 652
Носов М. М. 690

Оболдуева Т. Г. 194, 624
Оборин В. А. 403
Обручев В. А. Рец.: 660
Оганесян К. Л. 502
Огнев Б. А. 405
Окладников А. П. 25, 77, 600, 653—655, 675, 676. Рец.: 78, 80
Онайко Н. А. 255, 256
Ополовников А. В. 405, 407
Орешников А. В. О нем: 52, 53
Орлик И. 716
Орлов С. Н. 408
Орлова Е. П. 664

Павилонис С. В. 124
Павлов В. В. 717
Паланджян В. А. 63, 502
Паничкина М. З 28
Панкрушев Г. А. 136
Пассек Т. С. 137, 195
Певзнер С. Б. 597
Передольская А. А. 257, 718
Першиц А. И. 76
Петренко М. З. 378
Петров В. П. 309
Пидопличко И. Г. 138
Пиотровский Б. Б. 29, 502, 516, 517, 518
Писарская Л. 356
Погребова Н. Н. 196
Покровская Е. Ф. 197, 198
Полевой Л. Л. 410
Полесских М. Р. 656
Поликарпович К. М. 102, 139
Пономарев Н. А. 64
Попова Т. Б. 199, 200
Поршнев Б. Ф. 78, 79, 80
Постникова-Лосева М. М. 372
Прибыткова А. М. 643
Прушевская Е. О. 258
Пугаченкова Г. А. 600, 630, 644, 645
Пьянов А. П. 310

Рабинович М. Г. 412, 413
Раевский К. А. 311
Ракитина К. А. 579
Раппопорт П. А. 414—417
Расиньш А. П. 418
Ратич А. А. 365, 424
Рахимов М. К. 56
Ретковская Л. С. 425
Рикман Э. А. 426, 427, 720
Рогачев А. Н. 140, 141
Рогинский Я. Я. 34
Розанова Н. П. 259
Розен М Ф. 657
Розенфельдт Р. Л. 201
Романов К. К. 428
Росляков А. А. 605, 625
Рубинштейн Р. И Рец.: 71
Руденко С. И. 677
Рудинский М. Я. 142, 143
Рыбаков Б. А. 372, 429—431
Рыгдылон Э. Р. 678—680

Саадре О. В. 104, 432, 439, 440
Саат И. Рец.: 90
Савельева Т. 721
Саинян А. 519
Сакварелидзе Т. Н. 68

Саламзаде А. В. 530
Самойловский И. М. 433
Сарабьянов Д. В. 434
Саттарзаде Р. Х. 520
Сахарова И. Г. 347
Свентицкая И. С. 722
Свешников И. К. 202
Седякина Е. Ф. 658
Секиринский С. 435
Селимханов И. Р. 60
Семёнов А. А. 723
Семёнов Л. П. 521
Семёнов С. А. 65, 675
Сергеев Г. П. 203
Серебренников Б. А. 105
Сидоров А. А. 372
Сильченко Т. Н. 66
Синицын И. В. 106
Синицын М. С. 204
Скалон К. М. 28
Скуднова В. М. 260, 261
Славин Л. М. 205, 206, 245, 262, 263, 264
Смирнов А. П. 107, 108, 109. Рец.: 75
Смирнов Г. Д. 207
Смирнов К. Ф. 110
Смирнова Г. И. 111
Смирнова Д. И. 67
Смирнова О. И. 646, 647
Сокольский Н. И. 265
Сорокин В. С. 522
Спасский И. Г. 37, 435, 436
Ставиский Б. Я. 626
Станкевич Я. В. 283
Старцев А. Рец.: 101
Старчук И. Д. 437
Степанов П. Д. 284, 285
Столяр А. Д. 144
Стубавс А. Я. 314
Сымонович Э. А. 315, 316, 317, 724
Суворов Н. И. 627

Тавадзе Ф. Н. 68
Тараканова С. А. 38, 112, 438, 439, 440
Тарасенко В. Р. 441, 442, 443
Таутавичус А. З. 318, 444
Твердохлебов А. М. 565
Телегин Д. Я. 145, 146
Тереножкин А. И. 208—211, 298
Тигранян С. Т. 474
Тимощук Б. А. 445
Титенко Г. Т. 212, 213
Тиханова М. А. 319, 320
Толстов С. П. 606, 607, 608, 648
Толстой И. И. 266
Трапш М. М. 523, 524
Третьяков П. Н. 321
Труммал В. К. 446
Труш М. 447
Туманян С. А. 69, 502
Тушабрамишвили Д. М. 481
Тэрр Л. 726
Тюменев А. И. 267. Рец.: 71
Тюменцев Н. В. 47

Угрелидзе Н. Н. 581, 582
Усейнов М. 544
Успенский С. И. 147

Федоров Г. Б. 39, 322
Федоров-Давыдов Г. А. 40
Фехнер М. В. 367
Формозов А. А. 148, 214. Рец.: 71, 78
Фурманская А. И. 268
Фюлеп Ф. 727

Хайрутдинов Д. Х. 609
Халиков А. Х. 286
Хәлилов Д. А. 525
Хантадзе Ш. 539
Хенсель В. 726
Ходжаш С. И. 41
Холостенко Н. В. 448
Хороших П. П. 659, 660, 681
Хоштариа Н. В. 526
Худяк М. М. 269

Цалкин В. И. 42, 397
Цинцадзе В. Г. 583
Цискаришвили В. Г. 584
Цицишвили И. Н. 475, 476, 585, 586

Чебоксаров Н. Н. 113
Чернов Г. А. 323
Черныш А. П. 149, 150
Черныш Е. К. 114, 151, 152, 153
Чжоу Мин-чжень 728
Членова Н. Л. 682, 683
Чубарова Р. В. 661
Чубинашвили Г. Н. О нем: 54
Чубинишвили Т. Н. 464, 527
Чуистова Л. И. 270
Чукавин А. 449

Шавкунов Э. В. 691
Шапошникова О. Г. 215
Шелковников Б. А. 450
Шелов Д. Б. 43, 44, 224, 271
Шервашидзе Л. А. 587, 588
Шиденко В. А. 378
Шилов В. П. 115, 528
Шишкин В. А. 45, 610, 649, 650
Шляев Б. А. 272
Шмерлинг Р. О. 589, 590, 591
Шмидехельм М. Х. 287, 324
Шнорэ Э. Д. 116
Шовкопляс И. Г. 46, 92, 154—158
Шошиашвили Н. 539
Шрамко Б. А. 216
Штительман Ф. М. 273
Шулунов Ф. М. 662
Шульц П. Н. 117

Щербов С. Г. 451
Щукина Е. С. 452

Элиасов Л. Рец.: 662

Юра Р. А. 453, 454
Юргинис Ю. 345

Яблонските-Римантене Р. 325
Якимов В. П. 159
Якобсон А. Л. 455
Якубовский А. Ю. 600. О нем: 55
Якубцинер М. М. 456
Якунина Л. И. 457
Ямпольский З. И. 529
Ямушкин В. П. Рец.: 100
Яникас А. 345
Янин В. Л. 458—461
Янина С. А. 459
Янитс Л. Ю. 160, 161
Яценко И. В. 217
Яцунский В. Рец.: 90

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

БКИЧП — Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
ВАНКазССР — Вестник Академии наук Казахской ССР
ВАНСССР — Вестник Академии наук СССР
ВАНУРСР — Вісник Академії наук УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВМУ — Вестник Московского университета
ВС — Вокруг света
ВФ — Вопросы философии
ВЯ — Вопросы языкознания
ДАН АзССР — Доклады Академии наук Азербайджанской ССР
ИАНАзССР — Известия Академии наук Азербайджанской ССР
ИАНАрмССР — Известия Академии наук Армянской ССР
ИАНБССР — Известия Академии наук Белорусской ССР
ИАНКазССР — Известия Академии наук Казахской ССР
ИАНТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИАНУзССР — Известия Академии наук Узбекской ССР
ИАНЭстонССР — Известия Академии наук Эстонской ССР
ИВГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИКазанФАНСССР — Известия Казанского филиала Академии наук СССР
ИКомиФВГО — Известия Коми филиала Всесоюзного географического общества
ИМолдФАНСССР — Известия Молдавского филиала Академии наук СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии Академии наук УССР
КСИИМК — Краткие сообщения и доклады о полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии Академии наук СССР
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НЗОдесскДПИ — Наукові записки Одеського держ. педагогічного інституту
НЗУжГУ — Научные записки Ужгородского государственного университета
НМ — Новый мир
ПИШ — Преподавание истории в школе
СА — Советская археология
САНГрузССР — Сообщения Академии наук Грузинской ССР
СВ — Советское востоковедение
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СДальФАНСССР — Сообщения Дальневосточного филиала Академии наук СССР
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ — Советская этнография
ТАбхазИЯЛИ — Труды Абхазского Института языка, литературы и истории Академии наук Грузинской ССР
ТАНЛитовССР — Труды Академии наук Литовской ССР
ТВоронУ — Труды Воронежского университета
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТИИААНУзССР — Труды Института истории и археологии Академии наук Узбекской ССР
ТИИАНГрузССР — Труды Института истории Академии наук Грузинской ССР
ТИИАНКирССР — Труды Института истории Академии наук Киргизской ССР
ТИИФАНАзССР — Труды Института истории и философии Академии наук Азербайджанской ССР
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы (Академия наук СССР, Институт русской литературы)
УЗАлма-АтПИ — Ученые записки Алма-Атинского педагогического института
УЗИЯЛИ ЯкутФАН СССР — Ученые записки Института языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР
УЗКабНИИ — Ученые записки Кабардинского науч.-исслед. института при Совете Министров Кабардинской АССР
УЗЛГУ — Ученые записки Ленинградского государственного университета
УЗМинскПИ — Ученые записки Минского педагогического института
УЗМолотГУ — Ученые записки Молотовского гос. университета
УЗТомГПИ — Ученые записки Томского государственного педагогического института
УЗТувИЯЛИ — Ученые записки Тувинского науч-исслед. института языка, литературы и истории
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ЭВ — Эпиграфика Востока

ХРОНИКА

СОВЕЩАНИЕ, ПОСВЯЩЕННОЕ ПРОБЛЕМАМ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ И ЕЕ РОЛИ В РАННЕЙ ИСТОРИИ СЛАВЯН

27—29 мая 1957 г. в г. Киеве состоялось совещание, организованное Институтом истории материальной культуры АН СССР и Институтом археологии АН УССР для обсуждения некоторых спорных вопросов ранней истории славян. В результате обмена мнениями по поводу повестки совещания было решено сосредоточить обсуждение на наиболее спорной и в то же время очень важной проблеме, тесно связанной с ранней историей восточных славян,— на проблеме черняховской культуры. В определении как хронологических границ, так и ее этнической принадлежности (славяне, готы, фракийцы, сарматы) существуют противоречивые и взаимоисключающие мнения.

Во вступительном слове директор ИИМК АН СССР чл.-корр. АН СССР Б. А. Рыбаков дал краткую оценку состояния изучения проблемы черняховской культуры и предложил в порядке докладов и выступлений обсудить: 1) вопросы типологии, географические и хронологические рамки черняховской культуры; 2) вопросы исторической стратиграфии и генетических связей; 3) этногенические проблемы; 4) место и роль черняховской культуры в историческом процессе и в ранней истории славян.

В докладе «Черняховский могильник и задачи типологического изучения черняховской культуры» В. П. Петров указал на особенности расположения погребений в Черняховском и других могильниках и, в частности, на то, что наиболее богатые погребения расположены обособленно, во внутренней части могильников, а более бедные — на их периферии. Указав на биритуальность как на характернейший признак черняховской культуры, докладчик выделил в числе древнейших погребения с трупосожжениями, которые в ряде случаев занимают внутреннюю часть могильников, в то время как погребения с трупоположениями преобладают на периферии. Это обстоятельство, по его мнению, отражает переход от обряда трупосожжения к обряду трупоположения, совершавшийся в черняховское время.

Выступавший по докладу Э. А. Симонович согласился с тем, что обряд черняховских погребений изменялся с течением времени. На основании раскопок Гавриловского могильника он считает наиболее ранними урновые погребения с сожжениями, сгруппированные вместе с трупоположениями с северной ориентировкой, а наиболее поздними — трупоположения с западной ориентировкой, почти без инвентаря. В ряде случаев эти последние перерезают погребения с северной ориентировкой (например, Данилова балка). Эти погребения появляются не ранее III в. н. э. и существуют в IV и V вв. н. э.

Г. Б. Федоров высказал мнение, что различие в обрядах погребений на территории черняховской культуры прослеживается не только во времени, но и в пространстве. Так, например, более поздние варианты этой культуры в Румынии характеризуются господством трупоположений.

Е. В. Махно напомнила, что еще В. В. Хвойка наблюдал в черняховской культуре вытеснение трупосожжений трупоположениями. Тем не менее Е. В. Махно считает, что на всех этапах развития для этой культуры характерно многообразие погребальных обрядов.

Э. А. Рикман на примере Будештского могильника подчеркнул исключительную многообрядность черняховской культуры и высказал сомнение в возможности проследить при сходстве вещей в погребениях разных типов развитие погребальных обрядов во времени.

С докладом «О локальных вариантах черняховской культуры» выступила М. А. Тиханова. На основании особенностей материальной культуры, погребального обряда, домостроительства, керамики, мелкого инвентаря она выделила пять вариантов: Среднее Поднепровье, Порожистый Днепр, Поднестровье, Волынь, Молдавия и Румыния — и связала их с определенными этническими общностями [1].

[1] Статья М. А. Тихановой печатается в разеделе дискуссий настоящего номера журнала.

Выступавшие в прениях по этому докладу Г. Б. Федоров, А. Л. Монгайт, В. П. Петров, А. Т. и М. Ю. Брайчевские, Е. В. Махно отметили, что, несмотря на тщательность исследования, типологические различия, положенные М. А. Тихановой в основу выделения локальных вариантов, еще недостаточно выразительны. При данной степени изученности черняховской культуры для нее все же более характерным остается единство, нежели различия в материальной культуре.

Выступавшие по-разному оценивали роль отдельных территорий и этнических компонентов в сложении и развитии как локальных вариантов этой культуры, так и ее облика в целом.

Г. Б. Федоров указал, что следует исключить Румынию из основной территории черняховской культуры и ограничить последнюю областями Волыни, Поднепровья, Поднестровья. Две последние области настолько близки друг к другу по материальной культуре, что их разделение на два варианта необоснованно. Он отметил тесную связь черняховской культуры в Нижнем Поднестровье с предшествующей дако-гетской липицкой культурой.

Считая, что в сложении черняховской культуры принимали участие как дако-геты, сарматы, так и славяне, Г. Б. Федоров подчеркнул значительность римского влияния; в разных районах оно проявлялось по-разному. На территории Румынии черняховская культура является привнесенной и поздней; здесь ей предшествует местная карпо-дакийская культура II—IV вв. н. э. Нет здесь и следов продолжения этой культуры позже IV в. н. э.

М. Ю. Смишко указал на то, что выделенный М. А. Тихановой волынский вариант черняховской культуры можно с таким же успехом по силе воздействия западных элементов назвать вариантом пшеворской культуры. Зарубинецкие элементы здесь также очень значительны. В III в. н. э. начинается проникновение местных, славянских элементов с Волыни в Верхнее Поднестровье и южнее, в результате чего на ряде памятников Поднестровья можно проследить скрещение липицко-пшеворских влияний. Происходит ассимиляция местного фракийского населения славянами.

В. Н. Даниленко подтвердил наличие локальных вариантов черняховской культуры. Он предложил то общее, что объединяет эту культуру, называть латенско-римским культурным влиянием. Это влияние сильнее всего сказывается в Нижнем Поднепровье и Подпорожье; возможно, здесь нужно искать очаг этой культуры. Славянский компонент черняховской культуры В. Н. Даниленко видит в культуре, синхронной черняховской, открытой им в поселениях Бортничи, Безрадачи, Белгородка. Эта культура характеризуется срубными жилищами, трупосожжениями и лепной керамикой (при наличии чернолощеной гончарной посуды).

В. П. Петров говорил о большом значении культуры, открытой В. Н. Даниленко. Он напомнил, что, не имея твердых данных о языковой принадлежности, нельзя судить об этнической карте черняховской культуры. В волынской группе памятников В. П. Петров усматривал периферийные памятники черняховской культуры и оспаривал значительность пшеворских влияний для этой территории. Он указал на необходимость выделения географических и экономических районов черняховской культуры, в частности, на большое значение для Северного Поднестровья связей с Иголомной (Польша), бывшей в то время крупным производственным центром (63 гончарные печи и сыродутные горны, открытые раскопками, близость соляных копей Велички).

Э. А. Сымонович, говоря о развитии черняховской культуры, отметил, что ее наиболее ранние памятники характеризуются изобилием лепной керамики (до 60%), а наиболее поздние — преобладанием гончарной посуды. Очаг возникновения черняховской культуры он видит на Волыни, где встречаются поселения I—III вв. н. э. и где в это время сильны влияния пшеворской культуры (Пражев, Викнины Великие); эти влияния более значительны, чем зарубинецкие. На базе раннечерняховских памятников возникают собственно черняховские памятники. Отсюда, с северо-запада, начинается распространение черняховской культуры на юг. Черняховская и зарубинецкая культуры — ветви одного и того же дерева.

И. И. Ляпушкин отрицал местное, волынское, происхождение черняховской культуры. Он утверждал, что она появляется уже в качестве сложившейся периферийно-римской культуры, являясь своеобразной оболочкой для местных, разноэтничных и разноязычных культурных общностей. Менее оседлые народы (например, сарматы) могли воспринять эту культуру с большей легкостью; другие, оседлые, более стойко сохраняли свою культуру. Исчезновение черняховской культуры дало возможность возродиться старым культурным традициям.

А. Л. Монгайт напомнил о необходимости более глубокого, марксистского подхода при обсуждении проблем этноса и культуры, встающих при решении вопроса об этнической интерпретации черняховской культуры.

Б. А. Рыбаков, подводя итоги обмена мнениями по первому вопросу повестки дня, отметил, что черняховская культура не может быть непосредственно как типологически, так и генетически связана с Киевской Русью. Однако без выяснения вопроса об отношении черняховской культуры к истории славян нельзя понять историю славянства и двигать вперед историческую науку. Пристальное изучение локальных вариантов черняховской культуры, возможно, откроет особые районы местных культур, развивающихся по своим внутренним законам. В решении этих сложных вопросов накопление фактов так же важно, как и правильный методологический подход к ним.

По вопросу о времени существования черняховской культуры определились две основные точки зрения. М. А. Тиханова, датируя эту культуру III—IV вв. н. э., допускает для некоторых районов также и дату II—V вв. н. э. С большой убедительностью она определила круг памятников, типичных для поздних поселений черняховской культуры и не встречающихся после IV в. н. э. (двущитковые фибулы, фибулы с подвязанной ножкой, Т-образные фибулы, фибулы с высоким держателем иглы, биконические пряслица, красноглиняные рифленые амфоры, римское стекло, бронзовые ковши IV в. н. э.). Следы гибели многих поселений от пожаров и разрушений, клады монет IV в. н. э., зарытые на этих поселениях, позволяют думать, что черняховская культура погибла в результате нашествия гуннов. Полное и единовременное прекращение жизни на памятниках черняховской культуры наблюдается как раз на пути движения гуннов (на Левобережье, на правом берегу Днепра, в Поднестровье). Севернее и южнее этой территории поселения черняховской культуры существуют еще некоторое время после нашествия гуннов.

В. В. Кропоткин указал, что на бывшей территории черняховской культуры нет не только ни одного достоверного клада V—VII вв. н. э., но даже отдельных монетных находок. Он связывает это обстоятельство с гуннским нашествием.

М. И. Артамонов и И. И. Ляпушкин объясняют исчезновение черняховской культуры в IV в. также гуннским нашествием.

М. Ю. Смишко, ссылаясь на раскопки в Румынии (Дамарейя на Нижнем Дунае), считает, что традиции черняховского керамического производства сохраняются в Поднепровье и в Прикарпатье в V и VI вв. н. э. В Подкарпатье встречаются также и фибулы арбалетного типа, аналогичные найденным в Фрауэнбургском кладе VI в. н. э. Все это говорит о том, что в местах, не затронутых непосредственно гуннским нашествием, жизнь на поселениях черняховской культуры продолжалась и позже.

А. Т. Брайчевская, указав на то, что после VI в. н. э. черняховская культура не прослеживается, и признавая хронологический разрыв между этой культурой и памятниками Киевской Руси, находит возможным выявить традиции черняховской культуры в области домостроительства, погребального обряда, земледельческого инвентаря в культуре Киевской Руси.

Вторая точка зрения по вопросу о хронологии черняховской культуры была высказана М. Ю. Брайчевским и Е. В. Махно, которые возражали против даты IV в. н. э. как верхней даты существования черняховской культуры и полагали, что эта культура существовала и в VII в. н. э. М. Ю. Брайчевский признал, что на территории черняховской культуры есть сарматские, нижнеднестровские и нижнедунайские, неславянские памятники. Он согласился также с положением о том, что от гуннского нашествия пострадали Нижнее Поднестровье и Поднепровье, но высказал мнение, что в более северных областях черняховские памятники сохранились. М. Ю. Брайчевский считает II—VII вв. антским периодом, придерживаясь уже высказанной им в печати точки зрения.

М. Ю. Смишко выступил с докладом «Об историографии готской теории происхождения черняховской культуры». В докладе был дан подробный разбор взглядов немецких исследователей Рейнеке, Э. Блюма, Бреннера, М. Аберта, К. Такенберга и критическая оценка их положений.

В. Н. Даниленко в сообщении «О готской письменности» ознакомил присутствующих со знаками на пряслицах и сосудах из черняховских поселений Поднепровья (10 находок пряслиц и шесть сосудов с надписями), которые он считает готскими письменами. Найдены также костяные стили. Сопоставляя отдельные начертания со знаками рунической и готской письменности, В. Н. Даниленко прочел несколько надписей. Одна из них носит заклинательный характер. Продемонстрированные докладчиком документальные материалы и предложенный им метод прочтения надписей привлекли всеобщее внимание. Были высказаны пожелания о консультации автора с квалифицированными германистами и о публикации этого открытия.

По вопросу об этнической принадлежности черняховской культуры определились три точки зрения. Наиболее категорически отстаивала славянскую (антскую) принадлежность черняховской культуры Е. В. Махно. Она считает, что именно славянский элемент придает культуре монолитный характер и определяет весь ее облик. Одно из доказательств этому она видит в преобладании в керамике черняховской культуры грубой посуды типа горшков и мисок, которая, судя по ее подсчетам, в черняховском могильнике составляла до 70% и в Будештском — до 80% всей посуды. Именно эта посуда, а не лощеная посуда типа кубков и кувшинов составляет характерную принадлежность черняховской керамики. Сравнивая различных размеров и типов горшки черняховской культуры с посудой Киевской Руси XI—XIII вв. н. э. и находя здесь много общих форм, она считает это обстоятельство достаточным доказательством существования этнической преемственности между населением черняховской культуры и Киевской Руси. Е. В. Махно признает, однако, что в славянских керамических материалах VIII—X вв. ей не удалось найти связующие компоненты и переходные комплексы между посудой IV в. н. э. и славянской посудой XI—XIII вв.

И. И. Ляпушкин, отметив безуспешность попыток связать типологически и генетически памятники культуры полей погребений с Киевской Русью, указал на непосредственную связь с последней памятников роменской культуры на Левобережье Днепра и сходной культуры VIII—IX вв. на Правобережье, известной по культурным слоям Луки Врублевецкой, Сахновки, Девичьей Горы, Незвиско и другим памятникам. Более

ранний этап в развитии этой культуры намечается на западе славянских земель, в культуре пражского типа VI—VII вв. н. э. Чехословакии. Генетические связи черняховской культуры с пшеворской и зарубинецкой культурами неубедительны; никаких местных основ происхождения черняховской культуры указать нельзя. Нет у нее и продолжения (в роменской культуре, в сходных культурах Правобережья). М. И. Артамонов присоединился к мнению И. И. Ляпушкина о том, что раннеславянская культура типа роменской не имеет никакого отношения к черняховской культуре. Роль последней в формировании раннеславянской культуры в настоящее время неуловима. Раннеславянская культура была распространена от Старой Ладоги на севере до Поднестровья — на юге. Огромное количество ее памятников открыто на западе (в Румынии, Польше, Чехословакии, Болгарии). Они датируются VII—IX вв. В Незвиско на р. Днестре слоям XI—XII вв. предшествует слой VII—IX вв., а ниже прослежен жилой комплекс (печь, землянка и др.) с керамикой, сходной с керамикой пражского типа. Еще ниже — черняховский комплекс, который не имеет продолжения в вышележащих слоях. Проследить традиции черняховской культуры после IV в. можно только в салтово-маяцкой культуре. Разноэтничный состав населения на территории, охваченной черняховской культурой (славянские племена зарубинецко-корчеватовского типа, дако-фракийские племена липицкой культуры, сарматы и др.), был спаян пришлым готским населением. Готы и были носителями черняховской культуры. Их судьба объясняет историю возникновения и гибели черняховской культуры. Отсутствие в черняховской культуре специфически германских черт, известных по Прибалтике, М. И. Артамонов объясняет тем, что черняховская культура складывалась в тесной связи с Дакией, под сильным римским влиянием.

Г. Б. Федоров оспаривал положение М. И. Артамонова о готской принадлежности черняховской культуры. В черняховской культуре можно проследить разнообразные элементы, связанные с культурой славян, сарматов, но готских черт там нет. Нет следов возникновения этой культуры и в Прибалтике.

Черняховская культура — культура оседлых земледельческих племен Северного Причерноморья (гето-даков, сарматов, славян), имевших сходный тип хозяйства, находившихся в тесном общении друг с другом и испытывавших сильное влияние античной культуры. Готы были слишком малочисленны, чтобы ассимилировать эти племена, и они стояли по сравнению с ними на более низком культурном уровне. Готы не были создателями черняховской культуры, но они восприняли ее и в период наибольшего своего политического могущества (IV в. н. э.) были одними из главных ее распространителей.

М. А. Тиханова также выразила свое несогласие с концепцией М. И. Артамонова о готском происхождении черняховской культуры. Готы вступили на территорию Дуная только в начале III в. н. э., а черняховская культура существовала раньше, со II в. Царство Германариха не занимало всей территории, охваченной черняховской культурой.

Б. А. Рыбаков указал, что вопрос об этнической принадлежности черняховской культуры еще не может быть решен окончательно. Считать ее целиком готской или целиком славянской одинаково ошибочно. Вероятно, правильнее утверждать смешанность, многоплеменность состава ее носителей.

В результате обмена мнениями дата ее расцвета (IV в.) была признана всеми исследователями. В VI столетии культура не прослеживается. В V в. она существовала, вероятно, отдельными островками. Роль гуннов в ее разгроме, очевидно, очень велика.

Несомненно, что черняховская культура — культура римского времени, когда в Европе создались исторические условия, благоприятные для развития культуры высокого уровня. После гуннского нашествия наблюдается повсеместный (от Иберии до Парфии) кризис рабовладельческого строя, всеобщее огрубение культуры, связанное с «великим переселением народов». Таким образом, не только гунны виноваты в гибели черняховской культуры, в том, что она не возродилась после этого нашествия. Чтобы доказать готскую принадлежность этой культуры, нужно найти бесспорно готские археологические памятники на ее территории. Углубленное изучение локальных вариантов культуры должно пролить свет на решение этногенетических вопросов. Славянские элементы, несомненно, принимали участие в ее создании. Новые работы А. И. Тереножкина и А. Гардавского говорят о ранних путях продвижения племен с северо-запада. Волынская и верхнеднестровская группы черняховской культуры, очевидно, связаны со славянами. На Среднем Поднепровье к славянским элементам примешивались скифские и другие элементы.

В резолюции, принятой совещанием, указывалось, что обмен мнениями по данной проблеме оказался полезным. Определился круг источников, над которыми следует продолжить работу. Выявились пути исследования спорных вопросов.

К обсуждению проблемы этнической принадлежности черняховской культуры следует вернуться еще раз после одного-двух лет работы над источниками.

Л. А. Голубева

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ МУЗЕЕВ В СССР ЗА 1955—1956 гг.

(Заметки с мест)[1]

С 20 по 23 марта 1957 г. в Государственном Эрмитаже проходила научная сессия, посвященная итогам работы музея за 1956 г. Сессию открыл директор Эрмитажа профессор М. И. Артамонов, который в своем выступлении остановился и на археологических исследованиях, проведенных отделами истории первобытной культуры, истории русской культуры, древнего мира и культуры и искусства народов Советского Востока. М. И. Артамонов, в частности, указал, что в 1956 г. Эрмитаж организовал (самостоятельно или в содружестве с другими учреждениями) шесть археологических экспедиций (в Псков, на Украину, в Армению и в Среднюю Азию).

Отдельное заседание сессии было посвящено работам совместной советско-польской экспедиции, созданной по инициативе Эрмитажа и Национального музея в Варшаве[2].

На сессии был также заслушан доклад кандидата исторических наук Г. Д. Белова о раскопках в Херсонесе в 1956 г.

Итогам работы в Пскове были посвящены доклады Г. П. Гроздилова и В. Д. Белецкого. Г. П. Гроздилов зачитал отчет о раскопках 1956 г. в собственно Пскове и охарактеризовал значительный материал, представляющий интерес для истории древнерусского градостроительства, быта и хозяйственной деятельности городского населения X—XV вв. В. Д. Белецкий сообщил о разведочных раскопках на территории «Довмонтова города».

Кандидат исторических наук Г. И. Смирнова доложила о работах Западно-Украинской экспедиции на поселении возле с. Магала Черновицкой области, где вскрыты два горизонта, характеризующие культуру населения этого района в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Первый горизонт относится к X—IX вв. до н. э. и связывается с кругом памятников Трушенти-Ноа, открытых в Румынии; второй дает материал, характерный для фракийского гальштата VIII—VII вв. до н. э.

Б. Б. Пиотровский сообщил о раскопках цитадели урартского города VII—VI вв. до н. э. Тейшебаини (городище Кармир-Блур близ Еревана) и продемонстрировал ряд находок, характеризующих самые разные стороны культуры и искусства Урартского царства (оружие и орудия, печати, клинописные таблички и т. п.). Доклад Б. Я. Ставиского был посвящен итогам раскопочных работ на городище Кулдор-тепе (35 *км* к юго-востоку от г. Самарканда). В ходе этих работ получен материал, свидетельствующий о том, что поселение городского типа возникло здесь около начала нашей эры и что жизнь на нем продолжалась до XI—XII вв. При раскопках найдено множество разновременных глиняных поливных и неполивных сосудов, медные монеты VII—VIII и IX—X вв., более 10 стеклянных сосудов третьей четверти IX в., металлические поделки, среди которых особо следует отметить железные ножи и наконечники стрел и медный ключ от подвесного цилиндрического замка с пружинным устройством, действовавшим без поворота ключа (на ключе — арабская надпись — «Сделал Усман»).

На сессии были зачитаны также доклады кандидата исторических наук Н. В. Дьяконовой «Фрагмент стенной росписи IX—X вв. из Синьцзяна с изображением ткацкого станка», аспиранта Е. И. Лубо-Лесниченко «Символическое значение орнамента ткани МР 1405 из раскопок в Ноин-ула», аспиранта М. П. Сотниковой «Эпиграфические данные русских серебряных платежных слитков XII—XV вв.» и др.

Б. С.

* * *

Тернопольской археологической экспедицией Львовского исторического музея (рук. И. К. Свешников) были проведены разведки вдоль среднего течения р. Серет. В окрестностях г. Теребовля экспедиция отметила наличие древнего оборонительного вала, уточнила место открытого ранее грунтового могильника X—XIII вв. и собрала большое количество подъемного материала (керамика, шиферное пряслице, обломки стеклянных браслетов, пастовые бусины и одна византийская монета XI в., использовавшаяся в качестве подвески). Имеются основания считать, что летописный г. Теребовль находился на территории современного с. Зеленче. У с. Федоровки Копычинецкого района, на поселении, относящемся к так называемой голиградской группе памятников IX—VII вв. до н. э., заложены четыре небольших раскопа. Собрано большое количество керамики и костей животных. Заслуживают внимания кремневые песты для зернотерок,

[1] Кроме указанных ниже раскопок археологические работы проводились также историческими и краеведческими музеями в Киеве, Минске, Тбилиси, Ереване, Ашхабаде, Фрунзе, Сталинабаде, Алма-Ате, Кишиневе, Керчи, Чебоксарах, Горьком, Владимире, Томске, Краснодаре, Костроме, Калуге, Орле, Новороссийске, Воронеже, Угличе, Анапе, Ростове-на-Дону, Орске, Красноярске, Кемерове, Магадане, Туле, Молотове, Чердыне, Абакане, Буе, Талдоме, Ханты-Мансийске, Пятигорске, Кудымкаре, Самарканде и других городах Советского Союза.

[2] О работах этой экспедиции см. В. Деопик, М. Полубояринова. Сессия отделения исторических наук АН СССР и Пленум ИИМК АН СССР, СА, 1957, № 3, стр. 323 (о докладе К. Михайловского и В. Ф. Гайдукевича).

глиняные катушки и грузила для ткацкого станка, а также половинка глиняной статуэтки коня. Материал из Федоровки аналогичен находкам из поселений, открытых в 30-х годах XX в. у сс. Голиграды и Новоселка-Костюкова Тернопольской области, Городницы Станиславской области и др.

Небольшой раскоп был заложен на поселении раннескифского времени у с. Сковятина Боршевского района. Собрано значительное количество керамики VII—VI вв. до н. э. Материал отличается от находки на поселениях скифского времени Среднего Поднестровья; он более близок к памятникам Среднего Днепра.

Небольшой шурфовке было подвергнуто позднетрипольское поселение в пещере «Вертеба» у с. Бильче Золотое Боршевского района. Здесь же открыты три новых позднетрипольских поселения, а у с. Сковятин — поселение III—IV вв. н. э.

И. К. Свешников

* *
*

За последние годы сотрудники Ужгородского государственного краеведческого музея вместе с преподавателями кафедры истории Ужгородского государственного университета собрали ценные археологические предметы на территории Ужгородского края. В 1955 г. в с. Бегань Береговского района был найден клад бронзовых браслетов. Этот клад относится к I тысячелетию до н. э. В г. Ужгороде на территории Замковой горы при строительстве найдены фрагменты керамики XII в. В с. Ратовцы Ужгородского района было обнаружено славянское поселение. Прослежено несколько землянок с очагами. Керамика, найденная здесь,— типично славянская, гончарная. На территории кирпичного завода в г. Берегове была найдена керамика XIII—XIV вв. и керамика, типичная для полей погребения I—VI вв. н. э.

Ф. Потушняк

* *
*

В 1955—1956 гг. научные работники Черновицкого краеведческого музея изучали археологические памятники, находящиеся на территории г. Черновцы, а также проводили археологические разведки по р. Пруту и ее притоку Черемошу.

В пределах г. Черновцы обнаружено 19 археологических памятников. Здесь имеются поселения трипольской культуры, раннебронзового времени и раннежелезного века, поселения культуры полей погребений и славянские поселения VIII—XIII вв.

По преданию, записанному от старожилов города еще в XVIII в., первоначально Черновцы находились в долине р. Прута, там, где сейчас находится пригород Ленковцы. Действительно, в этой местности имеются остатки небольшого древнерусского города — городище XII—XIII вв. Раскопками 1955 г. установлено, что Ленковицкая крепость была построена на пустом, необжитом месте. Возле крепости находился торгово-ремесленный посад, занимающий площадь в 30 *га*. Просуществовав сравнительно недолгое время, крепость погибла от пожара. И после пожара жизнь в древнем городе еще некоторое время продолжалась. В XIV в. на противоположном, правом берегу р. Прута начал развиваться новый город, упоминаемый в молдавских грамотах под названием Черновцы. По-видимому, Ленковецкая крепость была предшественником современных Черновцев.

При раскопках Ленковецкого городища найдено много вещей, обычных для древнерусских городищ. Заслуживают внимания находки стилей (орудий для письма), шиферных пряслиц с процарапанными на них буквами и т. п.

Разведками по левому берегу р. Прута и р. Черемоша были обнаружены поселения трипольской культуры раннежелезного времени, культуры полей погребений и славянские поселения XI—XIII вв.

Б. А. Тимощук

* *
*

В августе 1956 г. сотрудниками Государственного историко-краеведческого музея МССР Г. П. Сергеевым и А. А. Нудельманом были проведены археологические разведки в пограничной зоне р. Прута, в Фалештском районе.

На южной окраине с. Коючены обнаружен могильник эпохи средней бронзы, в разрушенных погребениях которого были найдены три небольших сосуда, украшенных линейно-точечными полосами, имитирующими шнуровой орнамент.

В сентябре — октябре того же года близ с. Кобуска Веке Бульбокского района музеем под руководством Г. П. Сергеева производились разведочные раскопки поселения, на котором в 1949 г. была найдена керамика роменско-боршевского типа. Раскопки производились в низине, вдоль берега ручья, на площади 50 *м* длиной и 4,5 *м* шириной на глубине до 1,12 *м*. Были открыты три очага со скоплениями намеренно разбитых лепных сосудов баночных и боченкообразных форм с примесью крупных зерен кремнезема и шамота, украшенных рядами волнистых бороздок. Венчики сосудов слегка отогнуты наружу, края имеют защипы и косые насечки.

Вместе с лепной керамикой описанного типа были встречены также фрагменты керамики, приготовленной на гончарном станке.

Аналогичного типа керамика была найдена Г. Б. Федоровым на славянском селище и городище в Резинском районе, близ с. Алчедар. Алчедарское городище относится к

IX—XII вв. Этим временем или даже, может быть, началом XIII в. следует датировать и лепную керамику с волнистым орнаментом из Кобуска Веке.

Одновременно велись раскопки на распаханном селище культуры полей погребений, расположенном в районе Кобуска Веке у подножья правого склона лощины. Здесь были вскрыты два жилища с глинобитными обожженными полами, в одном из которых находился очаг, сложенный из каменных плит. На селище найдена серолощеная керамика черняховского типа, глиняная статуэтка животного и железный гребень.

Г. Сергеев

* * *

Белгород-Днестровский музей зарегистрировал несколько интересных археологических находок, сделанных во время строительных работ близ Аккерманской крепости. Первая из находок — мраморная плита с изображением бюста человека в одежде греческого воина. По верхнему краю плиты идет надпись на греческом языке: «Македонский Александр». Вторая находка — морская галька с изображением головы воина в профиль, очень похожего на первое изображение, хотя в то же время видно, что это не копия, а оригинальное изделие. Обрамляет изображение надпись на греческом языке — «Александр Македонский император».

В. Миронов

* * *

Херсонесский государственный историко-археологический музей в 1955—1956 гг. провел совместно с Государственным Эрмитажем, Институтом истории материальной культуры АН СССР и Институтом археологии АН УССР археологические исследования на территории самого Херсонеса, его ближайшей округи и на периферии.

Продолжались раскопки к западу от базилики, открытой в 1935 г. (рук. Г. Д. Белов). На этом участке доследовалось здание эллинистического времени. В юго-восточной части городища продолжались раскопки античного театра (рук. О. И. Домбровский).

Очень интересные результаты дало исследование загородного комплекса эллинистических гончарных мастерских (рук. В. В. Борисова). Раскопаны две гончарные мастерские.

К позднеантичному времени (III в. н. э.) относится обнаруженный здесь же склеп с дромосом. Найдены массивный бронзовый с позолотой перстень, украшенный камеей, и бронзовая статуэтка коня. Широкие раскопки позднесредневековых слоев Херсонеса проводились в северной части города (рук. Г. Д. Белов). В одном из помещений найдена шиферная с позолотой иконка очень тонкой работы и бронзовое блюдо, украшенное гравированным орнаментом, изображениями и надписями. В 1956 г. были возобновлены раскопки к югу от так называемой главной улицы (рук. И. А. Антонова). Открыто шесть помещений, принадлежащих двум домам XIII в.

Большое внимание музей уделяет изучению сельской периферии Херсонеса. На Гераклейском полуострове раскапывались усадьбы клеров №№ 25 и 26 и проводились разведки других клеров (рук. С. Ф. Стржелецкий). Винодельня больших размеров открыта в верховьях Карантинной бухты, а на клере № 20 обнаружен каменный тарапан. В Инкерманской долине проводились раскопки позднеантичного некрополя (рук. С. Ф. Стржелецкий). Собран разнообразный археологический материал в основном III в. н. э. Исключительный интерес представляет детское погребение в амфоре, найденное в подбойной могиле. В Балаклавском районе в сс. Родниковское и Ново-Бобровка впервые были начаты раскопки средневековых сельских поселений (рук. А. Л. Якобсон и И. А. Антонова).

В. В. Борисова

* * *

Бахчисарайский историко-археологический музей проводит совместно с ИИМК АН СССР раскопки палеолитической стоянки в пещере Староселье (рук. А. А. Формозов). В 1955 г. проводилось исследование палеолитической стоянки мустьерского времени близ с. Малиновки. С 1955 г. начаты исследования неолитической стоянки в Алимовской балке близ с. Баштановки (рук. А. Д. Столяр). Близ неолитической пещеры были проведены раскопки таврского могильника.

Исследовалась также неолитическая пещера в балке Кая-Арасы. При раскопках могильников I—III вв. в районе с. Заветное (рук. Н. А. Богданова) обнаружено 95 грунтовых погребений. В них найдено много фрагментов краснолаковой керамики позднеантичного времени, лепных сосудов местного производства, большая коллекция бус из сердолика, хрусталя, стекла, янтаря, бронзовые украшения, фибулы, перстни, браслеты, подвески разнообразной формы из египетской пасты, большое количество

золотых украшений (серьги с зернью, пластинки — нагубники и наглазники, медальоны со вставками из самоцветов). Были произведены раскопки аланского катакомбного могильника VIII—IX вв. н. э. Чуфут-Кале (рук. В. В. Кропоткин). В 1955 г. были проведены исследования развалин средневековой крепости на горе Бойка Куйбышевского района (рук. О. И. Домбровский). Открыт фундамент шестистолпного, двухапсидного храма. Обнаружена мощная оборонительная стена протяженностью около 70 *м*; найдена плита с греческой надписью XIII в. Крепость существовала до XIII в., когда она была разгромлена монголами.

В 1956 г. были начаты исследования в Чуфут-Кале (рук. Е. В. Веймарн). В нижнем культурном слое была найдена керамика первых веков нашей эры. Обнаружен ров, высеченный в скале, и пещера с четырьмя выходами, которые составляли единый фортификационный комплекс VI в. н. э.

Помимо стационарных раскопок, производились периодические выезды на места земляных работ. Так, например, на территории колхоза им. Хрущева (с. Долинное) при планировке местности была срыта насыпь кургана эпохи бронзы. При расчистке погребения обнаружен бронзовый наконечник копья и плиты с росписью, нанесенной красной краской. Тогда же было расчищено впускное погребение половецкого времени.

Н. А. Богданова

* *
*

В 1955—1956 гг. Феодосийский краеведческий музей совместно с ИИМК АН СССР проводил разведки и раскопки сельских поселений античного времени в восточной части Крымского полуострова. Были открыты неизвестные ранее поселения у деревень Романовки, Донской, Абрикосовки, Айвазовское и др. В 1955 г. проводились раскопки могильника последних веков до нашей эры на мысе Чауда. В одной из могил, сложенных из каменных плит, был похоронен ребенок, при костяке которого нашли бронзовое проволочное колечко, красноглиняную мисочку на кольцевом поддоне и разбитый сероглиняный лощеный кувшинчик. Кроме того, продолжались раскопки сельского поселения у дер. Сазоновки, начатые еще в 1953 г. Там, под слоем античного времени, к которому относились остатки каменных фундаментов зданий, имелся слой эпохи поздней бронзы. Найдены каменные зернотерки, большое количество керамики, различные каменные и костяные поделки. В 1956 г. проводились раскопки поселения IV—III вв. до н. э. у дер. Айвазовское, расположенной в 9 *км* к северу от г. Старый Крым (рук. И. Т. Кругликова). Раскопки обнаружили остатки таврского поселения, продолжавшего существовать вплоть до II в. до н. э. Сохранились высеченные в материковой скале зерновые колоколовидные ямы. Обнаружено большое количество разбитых и две целые гераклейские амфоры с клеймами на горлах, много лощеной посуды, иногда украшенной резным орнаментом, бронзовые браслеты, серьги, наконечники стрел и т. д. Был обнаружен древний оросительный канал IV—III вв. до н. э. К более позднему времени, а именно к IV—V вв. н. э., относится открытое раскопками детское погребение [1], в котором при костяке были найдены глиняный лепной горшок, костяная пряжка, бронзовая привеска в виде человеческой фигурки и бусина из голубой пасты.

А. И. Даниленко

* *
*

Таганрогский музей провел археологические работы на Нижне-Гниловском городище (территория г. Ростова-на-Дону). В 1954—1955 гг. здесь было раскопано 50 $м^2$ на юго-восточном углу городища. Мощность культурного слоя достигла 7 *м*. Городище имеет два слоя: римского времени (мощность 5 *м*) и эпохи бронзы (мощность — 2 *м*). Одним из важнейших результатов наших раскопок следует считать обнаружение почвенной стерильной прослойки между этими слоями. По-видимому, слой эпохи бронзы на Нижне-Гниловском городище следует разделить на две прослойки: 1) катакомбного времени с керамикой, имеющей резной или веревочный орнамент по подлощеной поверхности, и 2) срубного времени с орнаментом в виде насечек, прочерченных линий, налепных валиков и пр. Обнаружено жилище I—II вв. н. э. с невысокими глинобитными лежанками, идущими вдоль камышовых стен, с глинобитным очагом и хозяйственной ямой.

В окрестностях Нижне-Гниловского городища было доследовано поселение IX—XI вв. н. э. и четыре погребения (два — римского времени, одно — эпохи бронзы, одно — кочевников VII—IX вв.).

Обследована «Каменная лестница» — один из спусков к морю в г. Таганроге. Здесь было собрано около 400 фрагментов сосудов, в основном VI в. до н. э.

Был заложен раскоп на Самбекском городище (Неклиновский район). Культурный слой (мощность 0,5—0,7 *м*) очень беден.

---

[1] См. И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское. СА, 1957, № 2, стр. 253—257.

В 1956 г. обследовано известное местонахождение верхнепалеолитических кремней около с. Лакедемоновки (Таганрогский район).

На верхнепалеолитической Чулекской стоянке (Мясниковский район, долина р. Донской Чулек) было собрано несколько хорошо выраженных резцов, нуклеусов, острия с притупленным краем и значительное число орудий нуклевидных форм. Следует отметить полное отсутствие скребков. По типу и составу орудий обнаруженная стоянка ближе всего к Амвросиевской. В дельте Дона обнаружены три дюнные стоянки эпохи бронзы. В 1956 г. экспедиция музея обнаружила два поселения V—II вв. до н. э. у хут. Лагутник (Азовский район) и на берегу Таганрогского залива. К этому времени относятся погребения, раскопанные нами на Беглицкой косе (Таганрогский район). В одном погребении (вероятно, IV в. до н. э.) были найдены чернолаковые миска и тарелочка, флакон, бронзовый шейный обруч, золотые серьги и кольца, значительное число бус. Остальные погребения гораздо беднее. Есть основание предполагать, что по крайней мере часть исследованных погребений принадлежит сарматам. Обследован также ряд памятников римского времени: Хопровское городище (Мясниковский район), имеющее два слоя — эпохи бронзы и римский; Полазовное городище и поселение римского времени в г. Азове, давшее материал II—III вв. н. э.

Кроме того, Таганрогский краеведческий музей в 1954—1956 гг. принимал участие в раскопках Танаиса (рук. Д. Б. Шелов).

А. И. Каменецкий

* * *

За последние два года Геленджикский музей провел охранные работы на территории Геленджикского района. В восточной части бухты на берегу моря на глубине около 3 *м* были обнаружены фрагменты неолитической керамики, кости и грубый топор. Кремневые микролитические орудия были найдены также в 1956 г. в районе мыса Толстого. Эти орудия можно отнести по их облику к V тысячелетию до н. э. На береговой зоне Геленджик — Фальшивый Геленджик находятся каменные дольменообразные гробницы. В 1955 г. были обследованы четыре разрушенные гробницы этого типа; три из них оказались разграбленными. В одной найдены при костяке два бронзовых наконечника копий, бронзовые бляшки, пряжки, навершия, кривой железный нож, топорик, колечко из электрона, точильный брусок и нижняя половина зернотерки. Материал и погребения датируются X—IX вв. до н. э.

На северо-восточной окраине Геленджика зарегистрирован курганный могильник. При строительных работах здесь было разрушено два погребения с трупосожжением. В первом погребении найдены урна, сабля, шлем, копья, красноглиняный кувшин. Эти вещи датируются X—XI вв. н. э. Во втором погребении найдены красноглиняная урна, нож, бритва и оселок. Оно датируется VI—VII вв. н. э. На той же территории встречаются погребения в каменных ящиках с трупоположениями, для которых обычны находки сабель, кресал и кувшинчиков XIV—XV вв. н. э.

В с. Архип-Осиповке в разное время было открыто четыре погребения с лошадьми. В двух погребениях были найдены урны с трупосожжениями, в двух других — пустые урны. В инвентаре каждого погребения имеется сабля, округлые стремена, удила; в двух могилах обнаружены сбруйные украшения. Кроме того, здесь же были найдены боевой топорик, наконечники копий, различные украшения и бытовой инвентарь (стеклянная ваза, сероглиняные и красноглиняные сосуды, вилки, поливной сосуд, бронзовое зеркальце). Дата этих погребений — VIII—X вв. н. э.

В 1955 г. на усадьбе с. Кабардинка найдены четыре пифоса с каменными крышками. Они относятся в IX—X вв. н. э.

Д. Е. Щеглов

* * *

Ставропольский краевой краеведческий музей в течение 1955 и 1956 гг. провел ряд археологических разведок и раскопок на территории края. В 1955 г. были произведены раскопки городища Адиюх в Хабезском районе Черкесской автономной области (рук. Т. М. Минаева). Городище Адиюх является средневековым укрепленным пунктом аланского времени (VI—XI вв. н. э.). В общей сложности здесь было вскрыто около 750 $м^2$. Установлено, что более ранние постройки имели кладку на сложном растворе из извести с примесью крупнозернистого песка. На том же растворе были сложены все оборонительные стены городища. В самом городище, кроме феодала, обитала военная знать, а в пригороде, за крепостной стеной, проживал простой народ — воины, мастера различных специальностей, пахари. В культурных слоях было найдено много предметов материальной культуры населения городища, относительно хорошо характеризующих промыслы, ремесла, экономику, быт, ритуал захоронения и отчасти верования. Основой хозяйства было развитое скотоводство пастбищного типа.

Существовало также и развитое плужное земледелие.

Исследования городища позволили отметить переход алан от шаманства к христианству, принесенному византийскими монахами-миссионерами в X в. н. э. Около развалин христианского храма вскрыто 24 погребения этого времени, где были обнаружены черепа без следов деформации. Ценный краниологический материал дает возможность восстановить истинный физический тип алан, до сих пор неизвестный антропологам.

В 1955 г. были произведены археологические разведки в Хабезском районе Черкесской автономной области, в Клухорском районе, в окрестностях г. Ставрополя и близ с. Каррас Минераловодского района. Обследованием был охвачен бассейн в верховьях Кубани вместе с крупным ее притоком р. Тебердой. В результате обследования выявлен ряд археологических памятников: аланское селище II Адиюх в Хабезском районе (VI—XIII вв. н. э.), аланское селище Эльбурган в Хабезском районе, синхронное городищу Адиюх, сторожевая башня Хурзук около с. Зедваке (XVIII в.), три аланских селища на левом берегу р. Муху, около курорта Теберда Клухорского района (VIII—XIII вв. н. э.), могильник кобанской культуры на левом берегу р. Домбай-Ульгень, курганная группа близ с. Каррас Минераловодского района, в 1,5 *км* от ст. Бештау, и аланское городище VIII—XII вв. Бучинка, в 12 *км* от северо-западной окраины г. Ставрополя.

В 1956 г. музей принял участие в археологической экспедиции, проводимой ЛОИИМК АН СССР по разведке палеолита на территории Зеленчукского, Усть-Джегутинского районов и Черкесской автономной области Ставропольского края (рук. В. П. Любин). Найдены мустьерские стоянки на р. Кардоник, от Красногорского моста до впадения ее в р. Аксаут.

В других районах найдены мезолитические и ранненеолитические стоянки с микролитическими орудиями. Кроме памятников палеолита и неолита экспедицией были выявлены памятники скифской и аланской эпох.

Кроме этого, в 1956 г. музеем было произведено доследование некоторых археологических памятников на территории края, разрушенных при строительных работах. В г. Ставрополь на улице им. Орджоникидзе исследовалась грунтовая могила, обнаруженная рабочими в траншее газопровода. Погребальный инвентарь представлен оружием, украшениями, бытовыми предметами (всего 151 предмет).

Эти находки дают возможность датировать погребение V—IV вв. до н. э.

Музей зарегистрировал в IV отделении Петровского зерносовхоза в Петровском районе находку клада арабских серебряных дирхемов, чеканенных с 705 по 805 гг. н. э.

Кроме того, музей обследовал место находки случайно открытого у с. Подлужного Изобильненского района большого кувшина XIII—XIV вв., могильник кобанской культуры в Зеленчукском районе в Кадоникском сельсовете и погребения раннеаланского времени около хутора Фельдмаршальского Ново-Александровского района.

Л. Н. Глушков

* *
*

Археологические работы, проведенные Запорожским музеем краеведения в 1954 и 1956 гг., были сосредоточены в окрестности областного центра и в северной части Верхне-Хортицкого района.

Проведено исследование разрушенных курганов, например кургана близ с. Бабурка (Верхне-Хортицкий район). Обнаружены две погребальные ямы. Первая содержала погребение, вытянутое на спине, ориентированное на юго-запад. Кости были окрашены в красный цвет. Вещей не было. Второе погребение оказалось неглубокой впускной катакомбой. Костяк был сильно скорчен и ориентирован головой на север. С западной стороны его лежали два человеческих черепа и другие кости скелетов без всякой анатомической последовательности. Среди человеческих костей найдены одна створка раковины Unio и маленький лепной остродонный горшочек, орнаментированный ниже шейки гребенчатым штампом.

Во время разведки в районе Запорожья было обнаружено три древних поселения.

В 1956 г. областной музей производил раскопки кургана, входившего в состав могильника, близ г. Запорожья.

Высота раскопанного кургана не превышала 50 *см*, а диаметр — около 15 *м*. Поверхность его насыпи имела, вероятно, каменную обкладку. В кургане выявлена катакомба, входная яма которой находилась с южной стороны (длина камеры — 2,40 *м*, ширина — 1,20 *м*, высота потолка, вероятно, не более 1 *м*). В центре его лежала полуовальная каменная плита весьма значительных размеров, служившая, надо полагать, заслонкой устья катакомбы. Вокруг нее в беспорядке находились другие камни различных размеров, а под ними в совершенно хаотическом порядке человеческие кости (взрослого и ребенка). Было обнаружено несколько кусков железа, обломок точильного камня и зеленые крупинки медного шлака, указывающие на то, что здесь когда-то были вещи из меди или бронзы. Катакомбное погребение оказалось разрушенным и ограбленным. В засыпке катакомбы найдено несколько фрагментов лепной керамики, кости крупных домашних животных и железный серп, напоминающий серпы с дьяковского городища.

В. Ф. Пешанов

Уже два года Харьковский исторический музей принимает участие в экспедициях Института археологии АН УССР по исследованию археологических памятников в бассейне р. Оскола и одновременно производит самостоятельные исследования в лесостепных районах бассейна р. Северского Донца на территории Харьковской области. Определенное значение для понимания условий зарождения и развития неолитической культуры в среднем течении р. Северского Донца имеют находки обломков глиняной посуды с обильной растительностью в глиняной массе и неолитические орудия, обнаруженные на левом берегу р. Донца близ с. Задонецкие Хутора Змиевского района и с. Гончаровки Изюмского района. Неолитическая керамика с ямочно-гребенчатой орнаментацией и примесью в глиняной массе песка обнаружена близ с. Черкасский Бишкинь Змиевского района, с. Лагери Балаклеевского района и на V стоянке близ г. Изюма.

При раскопках многослойного поселения в урочище Сердюково-2 обнаружена керамика раннеямного времени, треугольно-овальный кремневый нож, массивные скребки, ножи из кремневых пластин, плоская костяная бусинка с продолговатым отверстием, костяное лощило и т. п. К этому же нижнему слою относится погребение пожилой женщины в скорченном положении, на спине, головой на северо-восток. На правое плечо умершей были положены брусочки желтой краски и плитка из красного сланца.

К периоду средней и поздней бронзы относятся довольно многочисленные поселения как на самом Северском Донце, так и на его притоках рр. Уда, Лопань, Ольховатка в Золочевском, Харьковском, Змиевском, Ново-Водолажском, Петровском, Изюмском районах.

При раскопках в урочище Сердюково-2 Змиевского района обнаружена землянка с несколькими очагами. Близ них найдены обломки больших глиняных сосудов с костями домашних животных, проволочное бронзовое кольцо, костяная проволока, глиняная бусина, окрашенная кость быка. На поселении найдены остатки легких наземных сооружений столбовой конструкции для содержания скота, хранения продуктов и обжига глиняной посуды. К концу бронзового века принадлежит вытянутое погребение головой на северо-восток. В области шеи скелета находилась белая стеклянная бусина с синими глазками с желтой обводкой.

Во время исследования найдены новые селища скифского времени в Харьковском и Змиевском районах и одно из наиболее южных селищ лесостепного типа — селище на левом берегу р. Северского Донца близ оз. Долгое против с. Завгороднее Петровского района.

В Золочевском и Змиевском районах обнаружены поселения с серолощеной керамикой культуры полей погребений.

К тому же времени относится погребение Салтовской культуры, обнаруженное при раскопках в урочище Сердюково-2 Змиевского района.

Е. В. Пузаков

* *
*

Курским областным краеведческим музеем проводилось в течение 1955—1956 гг. обследование городищ скифского времени, расположенных в долине р. Сейм, к западу от Курска и в долине р. Свапы, притоке р. Сейма (рук. А. Е. Алихова). Обследованы восемь городищ. На Моисеевском городище (Дмитровского района) и на городище Кузина гора (Иванинского района) производились раскопки.

Моисеевское городище было обитаемо дважды. В скифское время поселение занимало узкий длинный мыс. Городище было защищено, по-видимому, глинобитной стеной, от которой сохранился развал обожженной глины. От наземных построек сохранились лишь очаги. Этот слой датируется IV в. до н. э. В домонгольское время здесь возник крупный поселок. Возможно, здесь был боярский двор. В XIV в. на месте боярского двора возникло кладбище.

Городище Кузина Гора на р. Сейме выделяется из числа всех, известных до настоящего времени городищ средней полосы своими необычными сооружениями. Раскопки показали, что первоначально вокруг площади городища был сооружен деревянный дом, окруженный оборонительной стеной. Валы были сооружены позже, возможно, в связи с приходом деснинских племен.

На городище найдены серпы, литейные формы, оружие и различный производственный инвентарь. Особый интерес представляют находки обломков чернофигурной греческой посуды и амфор. Это самый северный пункт распространения греческой керамики рубежа VI—V вв.

А. Е. Алихова

* *
*

В 1955—1956 гг. Трубчевский музей продолжал археологические разведки, охватившие долины левых притоков Десны — Навли и Снежети, часть среднего течения левого притока р. Сожа — Ипути (Суражский район). На р. Снежети у пос. Белые Берега были найдены обломки кремня, клиновидные топоры и фрагменты керамики, относящиеся к среднеднепровской культуре. На р. Навле открыто несколько городищ и селищ позднеюховского и славянского времени. На некоторых из них найдена керамика с защи-

нами по обрезу венчика и с проколами, близко напоминающая скифскую керамику из районов р. Сейма. На р. Ипути открыты городища с мощными юхновскими слоями, что увеличивает ареал юхновской культуры. Интересны находки керамики, похожей на зарубинецкую и пражскую. Совместно с Деснинской группой Славянской экспедиции ИИМК АН СССР (рук. Л. В. Артишевская) музеем были проведены раскопки на двух юхновских городищах у дер. Долбатово (Погарский район). В Трубчевском районе было открыто и исследовано зарубинецкое поселение, давшее лепную посуду с высоким горлом и отогнутым венчиком, орнаментированным насечками и пальцевыми вдавлениями. В 1955—1956 гг. были продолжены разведки на юхновском городище Кудеяров Бугор и на славянском поселении Макча. В районе г. Трубчевска был исследован раннеславянский могильник, датирующийся пальчатой фибулой VI—VII вв. н. э.

В. А. Падин

* *
*

В 1956 г. Брянским областным музеем проводилось исследование археологических памятников в бассейне р. Судость. Был обследован берег от с. Суворова до устья, включая небольшой участок правого берега р. Десны от дер. Запесочной до дер. Муравьи Черниговской области. Кроме того, проведено исследование в долинах рек Вабли и Бабинец, а также продолжалось изучение Почепского селища в урочище Вилы. Обследовано шесть стоянок каменного века и эпохи раннего металла, 14 городищ, три селища и три курганные группы.

Установлено, что в эпоху поздней бронзы в долине р. Судость появляются поселения новой малоизвестной культуры, имеющей много общего со срубной культурой. Стоянки этой культуры очень бедны находками. Фрагментарная керамика частично напоминает юхновскую, но отличается от звонкой юхновской керамики примесью песка, иногда мелкодробленой минеральной охры, отчего зачастую она очень рыхлая. Орнамент похож на орнамент ранней юхновской керамики. Сосуды имели форму небольших банок с плоским дном. Встречаются сосуды со слабо выраженным ребром. Сосуды имеют глубокие вдавления у венчика и у дна. На Почепской стоянке обнаружены фрагменты сосудов с валиком, напоминающие раннюю скифскую посуду. Время стоянок датируется второй половиной II и первой половиной I тысячелетия до н. э.

На юхновских городищах найдена керамика баночных форм, а также довольно большие сосуды с сильно отогнутым, иногда очень высоким венчиком. На Чубаровском городище найден серп. На городище у дер. Гремяч Черниговской области найдено несколько фрагментов керамики зарубинецкого типа.

На Почепском селище обнаружены следы двух полуземлянок. Одна из них представляла собой остатки общинной женской мастерской (об этом свидетельствуют находки вещей специфического характера: различные ножи, серпы, серповидные ножи, острия и проколки, костяные лощила, железные шилья и глиняные пряслица). В этой же землянке найдена железная фибула латенского типа. На основании фибул селище датируется I в. н. э.

Ф. М. Заверняев

* *
*

В 1955 г. продолжались раскопки г. Смоленска — одного из древнейших и вместе с тем археологически мало изученных русских городов. Экспедиция была организована Смоленским музеем (рук. Д. А. Авдусин). Раскоп значительного размера (около 300 $м^2$) был заложен на улице Соболева. В Перекопном переулке вскрыты остатки церкви XII в. Найдено уникальное изображение человека в полусферической шапке на плинфе.

В 1956 г. музей участвовал в работах Смоленского отряда Среднерусской экспедиции ИИМК АН СССР на городище Церковище (рук. В. В. Седов). Кроме того, была раскопана группа кривичских курганов XI—XIII вв. у дер. Мошевой Починковского района.

В 1955—1956 гг. музей провел археологические разведки в зоне затопления Витебской ГЭС. При разведках обследованы берега р. Каспля на участке г. Демидов — г. Сурож и Микулинские озера в Рудянском районе. У деревень Силуяново и Боярщина Понизовского района были зарегистрированы курганы (предположительно сопки новгородского типа). У пос. Понизовья и дер. Осово (у г. Демидова) найдены неолитические орудия.

А. Г. Векслер

* *
*

Музей истории Латвийской ССР (Рига) в 1955—1956 гг. продолжал раскопки в торфяниковой стоянке Сарнате в Вентспилсском районе (рук. Л. В. Ванкина). Были вскрыты остатки двух жилищ с очагами. От одного жилища сохранились вбитые в землю концы кольев и остатки наземной конструкции. Удалось проследить возмож-

ные границы жилища. Обнаружен большой очаг, сложенный из песка, дерева и коры. Вокруг очага был расположен слой скорлупы водяных орехов, а с одной стороны были сложены нерасколотые водяные орехи. Найдена специальная колотушка для раскалывания орехов.

Остатки другого жилища были обнаружены несколько севернее. Очертания его и следы стен сравнительно хорошо прослеживались по ряду толстых кольев диаметром в 7—10 *см*; внутри помещения имелся песчаный очаг. Песок очага насыпан прямо на торф. Вокруг очага было найдено много угля, костей животных и рыб. Обычный слой скорлупы орехов вокруг очага в этом жилище отсутствовал. Водяные орехи здесь пеклись в золе, подобно картофелю, судя по тому, что в одном из обнаруженных в этой части стоянки открытых очагов в небольшой ямке в очажном песке были обнаружены ядра водяных орехов. Вблизи жилища была расчищена «мусорная яма» с фрагментами мелких костей птиц и рыб. Среди находок следует отметить различные принадлежности сетей, несколько ясеневых весел и их фрагментов, луки, деревянные и янтарные пуговицы, выдолбленный из лиственного дерева сосуд в виде лодочки с резными ручками на заостренных концах, деревянная ложка с резной головкой животного и т. п. Была найдена деревянная мотыга, подтверждающая то, что земледелие на территории Латвии существовало уже в середине II тысячелетия до н. э. Мотыга украшена геометрическим орнаментом — темным на светлом фоне, возможно, выжженным или подкрашенным.

Л. В. Ванкина

* *
*

Музей истории и этнографии АН Литовской ССР (Вильнюс) является не только старейшим, но и одним из самых богатых музеев в Литве. Начало этому музею положил Музей древностей, созданный по инициативе Е. Тышкевича и открытый сто лет тому назад — 29 (17) апреля 1856 г. Этот музей был первым публичным музеем в Литве. Сборы Музея древностей вместе со сборами университетского Музея этнографии и бывшего «Литовского научного общества» и «Общества польских друзей науки» составляют основу теперешнего Музея истории и этнографии.

Музей истории и этнографии делится на три отдела: истории, этнографии и археологии. Отдел археологии имеет около 30 000 археологических экспонатов, из которых только 11 000 экспонатов составляют каменные и кремневые орудия. Здесь находится часть коллекций Е. и К. Тышкевичей, В. Шукевича, сбора И. Басанавичюса, П. С. Рыкова, В. Нагевичуса и других исследователей. В состав коллекции Музея истории и этнографии вошли также сборы 1933—1939 гг. Музея археологии Вильнюсского университета.

Особенно значительны коллекции каменных и кремневых орудий из Литвы и Белоруссии, собранные большей частью Е. и К. Тышкевичами. Наиболее разнообразна коллекция каменных и кремневых топоров, часть которых привезена Е. Тышкевичем из Швеции. Несомненно, часть этих изделий принадлежит неолиту, но некоторые должны быть отнесены к эпохе бронзы или даже к началу эпохи железа.

Большое значение для изучения каменного века Литвы имеют коллекции В. Шукевича, собранные на дюнных стоянках Юго-Восточной Литвы.

Остальные материалы отдела археологии происходят в основном из могильников I—XIV вв. н. э., не только с территории Литовской ССР, но и с территории соседних республик — Латвийской ССР (Люцинский могильник) и Белорусской ССР.

С 1948 г. фонды Музея истории и этнографии пополняются материалами из экспедиций, проводимых Институтом истории АН Литовской ССР и Вильнюсским государственным университетом им. В. Капсукаса. Этими экспедициями собраны материалы I—XVI вв. из различных могильников и городищ Литвы (Мигонис Езнорай I—V вв., Лайвяй, Салантайский рай VIII—XIV вв., Неменчине I—V и X—XIV вв. и др.). Также были обследованы стоянки каменного века в юго-восточной части Литовской ССР.

В 1955—1956 гг. сотрудники отдела археологии Музея истории и этнографии участвовали в полевых исследованиях совместно с Институтом истории АН Литовской ССР на городище Неменчине. Стоянки эпохи мезомита, неолита и начала эпохи бронзы были обследованы в районе строительства Каунасской ГЭС, в с. Лауменай совместно с Каунасским Художественным музеем, а также на Куршской Косе в районе Клайпеды.

Кроме экспедиции, основную работу отдела археологии составляют камеральная обработка археологических материалов, а также их хранение и реставрация. К настоящему времени составлено подробное описание коллекций каменных и кремневых орудий.

В. С. Жиленас

* *
*

Гродненский Государственный историко-археологический музей провел в 1955—1956 гг. раскопки городища у с. Индуры Гродненского района. Основная масса находок — многочисленные обломки глиняных сосудов с типично славянским линейным и

волнистым орнаментом. Встречены в значительном количестве обломки сосудов с гребенчатым штампом елочкой. Из орудий сельского хозяйства найдены два обломка жернова и обломки железных серпов. Найдено значительное количество костей коровы, лошади, козы, овцы, свиньи, оленя, косули, кабана. Из других находок следует упомянуть две бронзовые пряжки с овальной рамкой и четырехугольными утолщениями по концам, две железные пряжки, железные ножи, железный рыболовный крючок, железную втульчатую двушипную стрелу, обломок металлической пластины — оковку с тремя отверстиями для заклепок и три сохранившиеся заклепки (возможно, что это оковка от ларца), часть железной пилы с разведенными зубьями, а также серокаменное и глиняное биконической формы пряслица. Материал раскопок дает основание датировать городище XI—XIII вв.

К. Т. Ковальская

* *
*

Псковская археологическая экспедиция, организованная Гос. Эрмитажем и Псковским краеведческим музеем в 1955—1956 гг., открыла в древней части города хорошо сохранившиеся слои XI—XV вв. Раскопки производились между Советской и Октябрьской улицами. В 1955 г. культурные наслоения были изучены на площади в 140 *м*². Мощность культурного слоя 4,5—4,8 *м*. На раскопе прослежены остатки нескольких ярусов мостовых и деревянных построек. Найдены остатки кожаной обуви, шитой цветными нитками, деревянные ложки, обломок луки седла с резным орнаментом и другие предметы.

Летописные известия о переносе Торга Василием III в Окольный город позволяют связать с Новым Торгом 1510 г. те самые сооружения, которые были открыты экспедицией в 1955 г. на Некрасовской улице. Здесь обнаружены остатки деревянной уличной мостовой, смыкавшейся под прямым углом с мостовой другой улицы. На перекрестке были найдены остатки лавки мясного ряда (обнаружено несколько тысяч коровьих разрубленных челюстей).

Раскопки 1956 г. производились в двух пунктах: в Довмонтовом городе и на территории Старого Застенья вблизи моста на Советской площади. В Старом Застенье открыты остатки сгоревших зданий XIV в. Под ними были обнаружены хорошо сохранившиеся сооружения более ранних веков вплоть до X в. н. э. Строительные горизонты XI—XIII вв. содержали настилы мостовых, обнесенные плотными вертикальными частоколами из толстых бревен. Обнаружены остатки кузницы с горном. Найдены большие кузнечные клещи, литейные формы и тигли. Найдена деревянная игрушка, изображавшая меч. Этот предмет относится к X в.

В Довмонтовом городе были зачищены стенки старой траншеи и разбит раскоп. В основании культурного слоя найдена керамика XI в. Произведенные здесь раскопки выявили остатки двух разновременных каменных сооружений, расположенных одно над другим. Фундамент более позднего сооружения сложен из валунов на известковом растворе. Стены нижнего здания сложены из тесаного известняка также на глиняном растворе. Они несколько заглублены в скалистый материк. В нишах, сделанных в восточной и западной стенах раннего здания, найдены остатки керамики XI в. Пол нижнего здания сложен из хорошо обтесанных горбылей. Вход в здание прослежен со стороны р. Великой, под кладкой крепостной стены. Очевидно, это здание было сооружено ранее крепостной стены Довмонтова города.

Г. П. Гроздилов

* *
*

В 1955 г. Вышневолоцкий краеведческий музей провел исследование курганных групп на ручье Чамка и продолжал разведывательные работы по среднему течению р. Шегрины, между Заболотским мостом и ручьем Студенец (Калининская обл.). На ручье Чамка в трех группах было исследовано семь курганов: один круглый, четыре квадратных и два удлиненных. В курганах обнаружены следы трупосожжения, произведенного на стороне. Были найдены: фрагмент костяной рукоятки ножа, украшенной тонким орнаментом, фрагмент бронзового браслета, керамика. Судя по материалам раскопок, курганы принадлежали местному сельскому населению; на основании типа насыпей, погребального обряда, находки лепной урны они могут быть датированы IX — началом X в.

Найденные в насыпи курганов отдельные фрагменты ямочной керамики и кремневые отщепы указывают на существование где-то поблизости неолитической стоянки.

Работы 1956 г. ограничивались археологическим обследованием территории северо-восточной части Вышневолоцкого района. Было обследовано несколько курганов и открыта одна, ранее неизвестная курганная группа.

А. Х. Репман

* *
*

В 1955 г. Вологодским областным краеведческим музеем были продолжены раскопки 1948 г. городища XII в., расположенного в самом г. Вологде. Теперь уже можно более точно определить место первоначального расположения г. Вологды. В культурном слое на всех вскрытых раскопах были обнаружены фундаменты жилищ и хозяйственных построек, настилы и замощения улиц. Одновременно велось изучение культурного слоя правого берега р. Вологды.

Среди особо важных находок 1955 г. следует отметить богатые коллекции стеклянных браслетов, колец и бус из янтаря и стекла. Найдены керамический и янтарный нательные крестики XII—XIII вв. Наиболее богат был находками правый берег реки. Наряду с предметами, датируемыми XII—XIII вв., были найдены в этих раскопках вещи, относящиеся к XI в. (сердоликовые бусины в нижнем пласте), которые дают право предполагать, что здесь находилось селение, возникшее раньше городища. При исследовании первоначального поселения на месте города было найдено множество обработанных криц, куски железа в больших глиняных горшках, куски шлака и отдельные поделки из металла (ножи, ножницы, топоры, скобы, гвозди, замки и т. п.). Это говорит о том, что население древней Вологды занималось «варкой железа» в сыродутных горнах.

Экспозиция отдела истории Вологодского областного музея в ближайшее время будет пополнена интересными предметами, отображающими развитие ремесла и торговли древней Вологды.

Обследовалась также большая группа курганов, расположенная в Бабаевском районе на границе с Ленинградской областью. Расчищено несколько погребений с трупосожжениями, найден небольшой глиняный горшок с зернами, предназначавшимися, по-видимому, в пищу для умершего.

Н. И. Калаев

* *
*

Калининский областной краеведческий музей провел обследование берегов р. Волги от г. Ржева до дер. Заборовье. Открыто несколько неизвестных еще стоянок и городищ, собран подъемный материал. Произведены раскопки (рук. Ф. И. Иванов) мезолитических и неолитических стоянок в районе г. Калинина.

Было добыто более 4000 предметов, в том числе около 300 орудий для охоты и рыболовства.

На двух стоянках раннего неолита найдены каменные скульптурные изображения головы человека и двух рыб. На стоянках раннего неолита в нижнем горизонте культурного слоя добыто 10 фрагментов древнейшей (еще неизвестной) плохого обжига керамики с отпечатками прутяной плетенки на наружной стенке. Обнаружены две большие, видимо родовые, землянки.

В культурном слое стоянок найдены как микролитические орудия, характерные для мезолита, так и неолитические орудия, что может служить доказательством постепенного перехода от мезолитической к неолитической технике производства орудий и от микролитов к макролитам.

А. М. Румянцева

* *
*

Археологические памятники Ярославской области имеют большое, далеко не местное значение. Мировой известностью пользуются такие памятники, как Березняки, Сарское городище, могильники фатьяновской культуры, Михайловский и Тимиревский курганные могильники.

В 1954 г. Ярославским областным краеведческим музеем была организована экспедиция в Ярославский район (рук. Е. И. Горюнова), которая открыла неизвестные ранее четыре славянских курганных могильника XI—XII вв. Было раскопано свыше 20 курганов. В 1955 и 1956 гг. Ярославский областной краеведческий музей совместно с ИИМК АН СССР (рук. Е. И. Горюнова) организовал изучение попадьинского селища VI—VII вв. н. э. Раскопки дали богатый и интересный материал. Был исследован дом размером 20 × 6,5 *м*, представляющий собой, по-видимому, жилище большой патриархальной семьи. Среди находок много мерянской керамики, железные изделия (ножи, наконечники стрел, шилья, серпы), литейные формы, льячки, украшения из цветных металлов. В 1955 г. Ярославским музеем была организована экспедиция по исследованию Карашского торфяника (рук. Д. А. Крайнов). В экспедиции принял участие ГИМ. В результате раскопок были найдены костяные орудия: гарпуны, долота, остроги (в том числе одна трезубая острога с деревянной хорошо сохранившейся рукоятью и костяными наконечниками), лыжи, весла, поплавки из коры, деревянные слеги и настилы, керамика — ямочно-гребенчатая и сетчатая.

Наиболее древнее поселение (или временная стоянка) Карашского торфяника относится к раннему неолиту (начало суббореального периода).

М. Г. Мейерович

* *
*

В 1956 г. Ивановским областным краеведческим музеем были проведены раскопки двух курганных групп у дер. Зимнево Наволокского района. Всего вскрыто 22 кургана.

В курганах обнаружены трупоположения, ориентированные головой на юго-запад и северо-запад. Захоронения производились в неглубоких и узких могильных ямах, под толстым зольным слоем в насыпи. В некоторых курганах, более низких, погребений не обнаружено. На уровне древнего горизонта были отмечены лишь следы зольных пятен. Только в одном кургане этого вида мощный зольный слой с толстыми угольными прослойками опускался в виде чаши до глубины 90 *см*, резко отделяясь от подстилающего его чистого песка. Следует отметить, что в 1953 г. при вскрытии одного из низких курганов этого типа в нем были обнаружены остатки двойного трупосожжения (мужского и женского), сопровождавшиеся вещами, в том числе обломками стеклянного браслета и большим количеством (до 90 обломков) славянской керамики, из которых некоторые — с линейным орнаментом. Из жженых костей были найдены лишь два очень небольших обломка, из чего следует заключить, что сожжение производилось на стороне.

Во всех курганах с трупоположениями найдены проволочные перстнеобразные височные кольца с завитком на одном конце и с простыми концами; стеклянные бусы — крупные желтые, синие уплощенные, бисерные и одна пронизка; подвески к ожерелью в виде лунницы и ажурного круглого жетона; браслеты пластинчатые и с концами в виде стилизованных змеиных головок; перстни витые и пластинчатые; шумящие привески в виде объемного конька с подвесками из бубенчиков на цепочках, колокольчика с такими же подвесками и ажурного треугольника с лапчатыми подвесками (все шумящие привески подвешивались к поясу на длинных кольчатых цепочках); игольник в виде полого стержня с решетчатой полукруглой пластиной с одной стороны и шестью кольцами для подвесок (игольник был подвешен к поясу на такой же длинной цепочке, между звеньев которой была надета ажурная пронизка-лунница с двумя колокольчиками); медный равносторонний крестик (в мужском погребении); железные топоры, ножи курганного типа (из них один в кожаных ножнах); огнива в виде плоских обойм, кремни для высекания огня; железный наконечник стрелы; медные кольца с остатками кожи от охотничьих поясов; железная поясная пряжка; часть узкого пояска из тесьмы; костяной гребешок.

Исследованные курганы принадлежат к курганам костромского типа и относятся к XI—XIII вв. Наличие предметов финно-угорского типа и в то же время славянской керамики, стеклянного браслета и других вещей славянского происхождения (разведка 1953 г.) вместе с наличием двух видов курганных насыпей, резко отличающихся как по внешнему виду, так и по погребальному обряду, дают основание предполагать принадлежность этих курганов к двум этническим группам: местной и славянской.

Е. Н. Ерофеева

* *
*

В 1955—1956 гг. Загорский музей вел наблюдения над земляными работами на территории Троице-Сергиевой лавры, проводившимися в связи с ремонтом и реставрацией памятников архитектуры.

К востоку от Духовской церкви были обнаружены надгробные белокаменные плиты XVI в., а к югу от Успенского собора — плиты и отдельные фрагменты надгробий XV—XVII вв. Надгробные плиты дают скупые, но иногда очень ценные сведения об исторических лицах, особенно о женщинах, происхождение которых часто остается неизвестным. Совершенно неожиданными были находки фрагментов надгробия XV в. к югу от Успенского собора. Предполагали, что некрополь XV в. занимал небольшую территорию у двух древних храмов — Троицкого собора и Духовской церкви; теперь же на основании этих находок можно предполагать, что территория древнего монастырского кладбища была гораздо большей. Напротив крайнего восточного пилона Успенского собора была открыта плита 1614 г., которая была положена над захоронением сына известного воеводы Ивана Грозного Данилы Чулкова. Кроме того, найден фрагмент плиты 1616 г., которая была положена на могиле Василия Назаровича Сабурова, как это удалось выяснить на основе записи во Вкладной книге 1673 г.

Кроме надгробных плит, на территории лавры найдены многочисленные изразцы XVII—XVIII вв.

Т. В. Николаева

* *
*

В 1955 г. Звенигородский историко-краеведческий музей продолжил работы по обследованию археологических памятников Звенигородского района. Было зафиксировано 60 археологических памятников. Среди вновь открытых — одна неолитическая стоянка, четыре городища и селища раннего железного века, ряд славянских селищ XII—XVII вв. и славянских курганных могильников. Открыты новые дьяковские городища

и селища I—IV вв. н. э. Составлена работа «Материалы к археологической карте Звенигородского района», в которой дана сводка археологических памятников на обследованной территории. В 1956 г. было предпринято обследование долины р. Москвы в Звенигородском и Рузском районах. В 1954 г. авторами открыта неолитическая стоянка на левом берегу р. Москвы в Звенигороде. Обнаружено пять неолитических местонахождений. В 1955 и 1956 гг. были проведены сборы подъемного материала на Звенигородской неолитической стоянке. На стоянке найдено до 300 фрагментов керамики, около 200 каменных и костяных орудий, свыше 2000 кремневых отщепов, много обломков ямочно-гребенчатой керамики.

Звенигородский музей предполагает продолжить изучение неолита верхнего течения р. Москвы. Для этой работы он нуждается в помощи центральных научных учреждений.

Археологические исследования Звенигородского музея популяризировались не только через музейную экспозицию, но и через местную печать, а также в путеводителе, изданном музеем в 1955 г. В новом издании путеводителя предполагается выделить специальный раздел — «Археологические памятники Звенигородского района».

Ю. А. и Н. А. Красновы

* *
*

Пензенский краеведческий музей в 1956 г. продолжал раскопки Селиксенского могильника, давшего два яруса погребений. Погребения нижнего яруса, имеющие близкие аналогии с погребениями Кошибеевского и Сергачского могильников, датируются по привозным позднесарматским вещам III, отчасти II и IV вв. н. э. Верхний ярус содержит древнемордовские погребения армиевского типа и датируются VI—VII, отчасти VIII в. Кроме того, найдено одно парное погребение мордвы-эрзя — мужчины и женщины, датируемое XV—XVI вв. В Пензенской области у с. Ражки Голицынского района открыт могильник типа старшего Селиксенского могильника; в нем вскрыто семь погребений, часть из которых обладала богатым инвентарем.

Музеем проводились и археологические разведки, в результате которых открыты два селища срубно-хвалынской культуры — на правом берегу р. Атмис у с. Пятины Нижне-Ломовского района и у с. Саловки Городищенского района. Открыто городище в лесу у пригорода Ахуны, близ г. Пензы. В заложенном шурфе под дерновым слоем встречены черепки лепной, хорошо отформованной посуды красного цвета, обломки ручного жернова, угли. Городище датируется XIII—XV вв. Открыто селище с красной круговой керамикой на дюнных выдувах у с. Саловки на берегу р. Суры. Кроме керамики, здесь найдены железные ромбовидные наконечники стрел.

Музеем зарегистрировано два клада серебряных монет. У с. Сядемки найден клад X в., состоящий из подражаний куфическим монетам. Вместе с этим кладом найдены мордовские шумящие подвески. Возможно, у с. Сядемки находился мордовский могильник лядинского типа. У ж.-д. станции Титово найден клад, состоящий из 585 серебряных копеек времени царствования Петра I — 1702—1716 гг. (определение И. Г. Спасского). В с. Рожки и в г. Наровчате найдены джучидские монеты.

М. Р. Полесских

* *
*

С целью выявления новых памятников Саратовский областной музей краеведения совместно с Петровским районным музеем летом 1956 г. организовал экспедицию в Петровский район Саратовской области. В 2 *км* от ст. Вихляйка по направлению к с. Малые Озерки в излучине р. Медведицы экспедицией были обнаружены две группы курганов. Отдельные курганы или группы в три-четыре насыпи отмечены к северо-востоку от с. Кутьино, к западу от с. Вязьмино и в других местах. Почти все курганы находятся на засеянных или распаханных участках. В юго-западном направлении от г. Петровска были также обследованы районы по течению р. Медведицы и ее притока р. Грязнухи. Вправо от дороги из Березовки I на Гудошино на пахотном поле зарегистрирована большая группа курганов, которые тянутся двумя цепочками в северо-восточном направлении по правому берегу р. Медведицы. Курганная группа, насчитывающая до 20 насыпей, имеется в районе Татарской дубравы на северо-восточной окраине Петровска. В этой группе было вскрыто четыре кургана. В первом кургане обнаружено погребение женщины в вытянутом положении, головою на северо-восток. При костяке найден фрагмент бронзового орнаментированного зеркала и бронзовая серьга в виде знака вопроса с медной граненой бусой на конце.

Другое погребение того же кургана содержало мужской костяк, лежавший на спине, головою на северо-восток. Среди могильного инвентаря — железные стремена с широкой подножкой, свернутая из тонкого листа бронзовая чашечка с плоской дужкой, предмет в виде полого конуса из тонкого бронзового листа, костяная плоская фигурная пластинка с небольшим отверстием посередине. Оба погребения датируются XIV в.

Е. К. Максимов

* *
*

Летом 1955 г. Государственный музей Татарской АССР (Казань), получил извещение об открытии в с. Старые Шугуры погребения с глиняными сосудами. О. С. Хованская, командированная на место находок, выяснила нижеследующее.

Колхозник Гота Гильманов рыл траншею для прокладки водопровода. Траншея проходила около колонки у перекрестка ул. Сталина и шоссе в Бакирово. В 1 *м* от колонки с юго-западной стороны, на глубине 80 *см* показалось два погребения; в головах покойников стояли глиняные сосуды, извлеченные с большой осторожностью. Около каждого костяка было по два сосуда — баночной формы и горшкообразной. Могила по своей длине не превышала 1 *м*, что дает основание для предположения о скорченном захоронении. Покойники лежали головой на северо-запад, ногами к р. Иныш. Все сосуды, найденные в могилах, сформованы из хорошо промешанной глины, без каких-либо примесей. Один из сосудов баночной формы имеет слегка выпуклые стенки и гладкое днище. Поверхность до середины покрыта орнаментом из косоположенных штрихов. По венчику и верхней части тулова нанесены зигзагообразные, глубоко прочерченные линии, с острыми углами. Второй баночный сосуд отличается более грубой выделкой; днище имеет небольшую закраину, орнамент отсутствует. От другой пары сосудов сохранился только один; он имеет горшкообразную форму с незначительной выпуклостью тулова, венчик почти прямой, днище без закраины. Поверхность до середины тулова покрыта косо расположенным гребенчатым зональным орнаментом треугольных зигзагообразных очертаний. Форма и отделка сосудов типично срубно-хвалынская (в ее позднем варианте); аналогичная керамика открыта Н. Я. Мерпертом в курганах с. Ягодного и с. Хрущевки.

Большой интерес представляет другое погребение, открытое несколько позднее в 3 *м* на юго-восток от вышеописанного. При рытье траншеи между телеграфным столбом и его упором, на глубине 70 *см* была обнаружена известковая плита подчетырехугольной формы, размерами в среднем 95 × 85 *см*, толщиною 10—11 *см*. Когда сняли плиту, то под нею на глубине около 80 *см* показался череп. Колхозники приостановили работу и вызвали О. С. Хованскую. Так как погребение лежало у самого столба, дальнейшую работу по заглублению пришлось прекратить, только удалось извлечь два баночной формы сосуда в обломках. Они стояли рядом, с правой стороны черепа.

Погребение под каменной плитой не было единичным, так как на этом же уровне в стенке траншеи виднелась другая плита. Вышеописанный обряд погребения не имеет ничего общего с срубно-хвалынским. Обнаруженные сосуды ближе всего напоминают андроновскую керамику. Весьма возможно, что андроновские поселения, распространенные по правому берегу р. Белой, имелись и в бассейне р. Шишмы.

О. С. Хованская

* *
*

Марийский научно-исследовательский институт и краеведческий музей (Иошкар-Ола) организовали совместно с Казанским филиалом АН СССР Марийскую археологическую экспедицию (рук. А. Х. Халиков).

Раскопана мезолитическая Русско-Луговская II стоянка. Стоянки Русско-Луговская I, Нур-Шори, Старое Мозиково дали богатый материал по эпохе неолита. Большой интерес представляет кремневый рыболовный крючок, найденный в Старо-Мозиковской стоянке II. Раскопаны курганы возле с. Нортасы Мари-Турекского района, относящиеся к эпохе бронзы. Раскопки в Горно-Марийском районе у дер. Аккозино дали богатый материал, датированный VII—V вв. до н. э. Здесь были найдены бронзовые кельты, наконечники копий, боевые топоры и т. д.

Раскопки Мари-Луговских могильников (Звениговский район) дали много богатых и бедных захоронений IV—V вв. Наличие в Мари-Луговском могильнике бедных и богатых захоронений говорит о социальном расслоении среди древнемарийских племен в середине I тысячелетия н. э.

Б. Бабушкин

* *
*

В 1954 г. по распоряжению Совета Министров УАССР Удмуртским научно-исследовательским институтом и Республиканским музеем (Ижевск) была организована Удмуртская археологическая экспедиция (рук. В. Ф. Генинг). Обследована большая территория по притокам Камы и среднему течению р. Вятки с ее притоком в Малмыжском и Пермском районах.

Раскопки О. Н. Бадера стоянок Саузы I и II эпохи неолита и бронзы дали наиболее ранний материал для этих мест. Раскопки Буйского городища на р. Вятке, которое относится к ананьинской культуре, городища Чеганда I (пьяноборская культура), Азелинского и Мазунинского городищ IV—VIII вв., могильников Ныргында II и Чеганда II и других дали достаточный материал, чтобы уже сейчас делать выводы об истории древнего периода местного края.

Городище Чеганда I свидетельствует о том, что под воздействием мощной волны переселения народов в IV в. пьяноборцы были вытеснены с этих мест пришедшими с юга племенами бахмутинской культуры и были вынуждены уйти на р. Вятку.

В. А. Семенов

* *
*

В течение лета 1955 г. Кировским областным краеведческим музеем совместно с Государственным музеем Удмуртской АССР были проведены раскопки в южных районах области (рук. В. Ф. Генинг). Раскопками были вскрыты памятники эпохи неолита и бронзы на среднем течении р. Вятки — Малмыжская стоянка, Буйская стоянка и одноименное городище, Суворовский и Азелинский могильники. На Буйской стоянке вскрыты остатки полуземлянки без очага; богаты находки керамики. Находки датируются II тысячелетием до н. э. Малмыжская стоянка относится к прединаньинской культуре (II тысячелетие до н. э.).

Буйское городище, относящееся к ананьинской культуре, давно известно в литературе. Оно дало около восьми с половиной тысяч разнообразных вещей. Раскопки Суворовского могильника дали исключительно интересный и ценный ананьинский материал, свидетельствующий о наличии большого имущественного расслоения.

Интересен шлем чрезвычайно своеобразного типа. В Азелинском могильнике обнаружены погребения кузнеца, воина, охотника. Раскопки Суворовского и Азелинского могильников дают богатый материал для жизни народов бассейна Средней Вятки середины I тысячелетия н. э.

В течение 1956 г. раскопки в районе Буйской стоянки и городища продолжались.

Кроме того, начались раскопки на территории кремля древнего г. Хлынова (с 1780 г. — г. Вятка). Раскопки 1956 г. вскрыли в нескольких местах остатки зданий, расположенных в различных культурных слоях. В нижнем слое были обнаружены остатки водоотливных сооружений, мостовой, жилищ; керамика и бытовые предметы датируются концом XIV — началом XV в.

Около пос. Стрижи на месте строительных работ были обнаружены остатки костей животных и кремни, напоминающие орудия эпохи палеолита; значительное количество таких же орудий было обнаружено на берегу р. Вятки в районе г. Советска.

В. И. Недельский

* *
*

В 1955 г. Чкаловский областной краеведческий музей совместно с Орским краеведческим музеем провел археологические работы в северо-восточной части области в районе целинных земель, смежных с Кустанайской областью (рук. С. А. Попов). Обследованы берега р. Джарлы и ее притоков — Кунгурлюка и Киймы. Обнаружено 11 стоянок бронзовой эпохи. Открыт ряд курганных могильников и произведена раскопка одного кургана с. Адамовки. Собран значительный подъемный материал (керамика, близкая к керамике Алексеевского и Садчиковского поселений, кремневые отщепы, нуклеусы, скребки, кости животных, две каменные мотыги, каменные песты и узкий бронзовый ножик). Раскопанный курган содержал две могилы, сооруженные из больших каменных плит. В одной из них были похоронены взрослый и ребенок. В могилах обнаружены фрагменты глиняных горшков, несколько круглых медных бусинок и две большие каменные зернотерки. Судя по керамике, раскопанный курган относится к андроновской культуре. Были обследованы стоянки бронзовой эпохи на правом берегу р. Чебеньки (правый приток р. Урала) у с. Гавриловки.

В 1956 г. археологическая экспедиция музея и ИИМК АН СССР (рук. К. Ф. Смирнов) производила разведочные работы в Чкаловском, Соль-Илецком, Ак-Булакском, Мустаевском, Сорочинском и Свердловском районах. Зафиксированы сотни курганов. У пос. Увакского (Ак-Булакский район) раскопано скорченное окрашенное красной охрой погребение эпохи энеолита. Здесь в местности «Черный Яр» раскопан курган с захоронением тюркского воина (X в. н. э.). В могиле обнаружены остатки колчана, железные наконечники стрел, золотое кольцо. В верховьях р. Бузулка у с. Новая Белогорка (Сорочинский район) экспедиция обнаружила остатки древних плавильных горнов и шлаков. Близ с. Любимовки (Свердловский район) был раскопан курган, содержавший пять сарматских погребений. Древнейшее из них (VI в. до н. э., по предварительной датировке К. Ф. Смирнова) располагалось в центре кургана, остальные четыре (IV в. до н. э.) размещались в полах кургана. Обнаружены железные мечи скифского типа, стрелы, керамика, часть панциря черепахи и костяная туалетная ложечка со стилизованным изображением головы орла на ручке.

Над центральной могилой обнаружены также следы пирамидального сооружения из бревен.

С. А. Попов

* *
*

Челябинский областной музей в 1954 —1955 гг. провел исследование группы ранних стоянок на северо-западе Челябинской области. По берегам озер Иткуль и Черкаскуль были найдены многослойные стоянки, нижние слои которых при разведке дали материал неолита и энеолита, а верхние — материал, начиная с эпохи раннего железа и вплоть до поздних башкирских поселений.

Было проведено исследование вновь открытой стоянки времени поздней бронзы на оз. Черкаскуль, материал которой имеет черты андроновской и местной лесной культур. Дальнейшее ее исследование было проведено в 1956 г. Уральским государственным университетом.

В 1956 г. музеем были произведены раскопки Каменогорского городища эпохи раннего железа на р. Синаре.

Здесь открыто несколько углубленных в землю жилищ разных типов. Удалось расчистить основания очагов и остатки сгоревшей кровли. Было найдено много вещей, керамики и костей животных. Исследована конструкция вала. Близ вала вне городища обнаружен старый спуск к воде.

Окончательную датировку городища можно будет дать только после обработки добытых материалов.

Н. П. Кипарисова

* *
*

В 1955—1956 гг. Свердловским областным краеведческим музеем было проведено две разведывательные археологические экспедиции с целью выявления первых русских поселений.

В 1955 г. было проведено обследование бассейна р. Тавды от пос. Усть-Вагильское до г. Тавды (рук. В. Д. Ширинкин). Экспедиция обследовала 21 памятник I тысячелетия и начала II тысячелетия н. э.

В 1956 г. другая экспедиция (рук. А. И. Россадович) обследовала территорию правого берега р. Кокуй, левого берега р. Серебрянки у устья р. Кокуй, правого берега р. Серебрянки у с. Кедровка, правого берега Верхне-Туринского пруда и левого берега р. Туры у устья р. Неромки (около Верхотурья).

Интересно жертвенное место, открытое на Лиственном мысе Верхне-Туринского пруда. Судя по керамике, этот памятник относится к раннему железному веку. Найдена стоянка в устье г. Неромки, принадлежавшая русским поселенцам и предшествовавшая, вероятно, основанию г. Верхотурья. Экспедицией была исследована территория древнего кремля Верхотурья.

Следов стоянки Ермака, существовавшей, судя по летописным данным, в устье р. Кокуй, несмотря на тщательные поиски, обнаружить не удалось.

Ю. С. Фомин

* *
*

Нижне-Тагильский музей проводил в 1955 г. разведывательные работы по нижнему течению левого берега р. Тагила и по берегам Юринского озера. На южном берегу Юринского озера было обследовано неолитическое поселение и курган. В с. Морщинино найдена стоянка раннего железного века, у с. Брехово исследовались тагильские писаницы. В сс. Брехово, Гаево, Москалка, Толмачево, Смагино, Махнево обнаружены местонахождения средневековой лепной керамики, употреблявшейся среди местных крестьян до XIX в.

В 1956 г. музей производил разведывательные и небольшие раскопочные работы на левом берегу р. Тагала у Медведь-камня. На первой надпойменной террасе открыто селище раннего железного века, на котором найдена каменная литейная формочка для отливки медных кельтов. Производились небольшие раскопки на правом берегу р. Лебы, где в 1954 г. обнаружена была средневековая домница. К западу от печи найдены куски чугуна. К юго-западу от домницы на 60 *см* ниже обнаружены следы жилища: остатки древнего сруба, куски слюды от окон, каменные очаги и большое количество посуды XVII—XVIII вв.

А. И. Россадович

* *
*

Изучение древнейшей истории края Каменск-Уральским краеведческим музеем началось с 1955 г. Была произведена разведка по рр. Исети. Синаре и Истоку. Обнаружено несколько памятников, относящихся по времени к энеолиту, эпохе бронзы и раннего железа. Зарегистрирован один курган. Летом в 1956 г. археологической экспедицией Каменск-Уральского музея проводились исследования стоянки Лужки близ г. Каменск-Уральска и стоянки Черноскутовской на р. Исети. Около 180 $м^2$ было вскрыто на селище Лужки. Открыта землянка. Выявлены ямы от столбов. В центре землянки расчищен очаг. Керамический материал из раскопок селища можно разделить на три группы. Первая группа насчитывает несколько обломков с ярко выраженным и преобладающим андроновским орнаментом федоровской стадии. Сосуды плоскодонные. Вторая группа самая многочисленная. Орнамент на сосудах этой группы сочетает элементы адроновских мотивов и местных орнаментационных приемов керамики эпохи неолита. Местные элементы преобладают. Эти сосуды также плоскодонны. К третьей группе относятся круглодонные сосуды с раздутым туловом. Орнамент на них нанесен только по венчику и плечикам. Вторая группа керамики имеет много об-

щих черт с керамикой Черкасскульской стоянки. Весь культурный комплекс селища Лужки датируется временем поздней бронзы и раннего железа.

В результате археологических исследований экспозиция первобытно-общинного отдела Каменск-Уральского музея пополнилась новым вещевым материалом.

В. С. Стоколос

* * *

Государственный музей Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа и Институт истории им. акад. И. А. Джавахишвили с 1953 г. ведут археологические раскопки раннефеодального городища Урбниси и его окрестностей в Карельском районе Грузинской ССР.

За четыре кампании Урбнисская историко-археологическая экспедиция (рук. Г. А. Ломтатидзе) выявила и начала раскопки двух энеолитических поселений на холмах Хазанаант-гора и Квацхелеби, развернула работу в нескольких пунктах древнего города.

Холм Хизанаант-гора представляет собой, по-видимому, самое раннее поселение на этой территории. Судя по типичной керамике и другим данным (в частности, остаткам хлебных злаков), это поселение принадлежало энеолитическим земледельческим племенам. Второй холм, Квацхелеби, дал остатки жилых и культовых сооружений, плетенных из прутьев с толстой глиняной обмазкой. В круглом культовом сооружении сохранились центральный очаг и высокий жертвенник со следами окраски. Здесь были найдены многочисленные образцы земледельческих роговых, кремневых и каменных орудий, медный наконечник стрелы, разнообразная керамика (лощеная, орнаментированная, расписная), глиняные фигурки быка и человека, а также костяк принесенного в жертву оленя, большой сноп овса и другие хлебные злаки.

На самом городище экспедицией изучается система укреплений, городские постройки и могильники. Экспедицией выяснено, что окончательное формирование города Урбниси произошло, по-видимому, в позднеантичный период. В это время, в частности, город охватывала кольцеобразная сырцовая стена с башнями; в начале раннего средневековья эта система обороны перестала функционировать, и вместо нее был насыпан земляной вал, окруженный глубоким и широким рвом.

Городские постройки и культурные слои городища относятся к трем эпохам: раннефеодальной, позднеантичной и античной. Это — хозяйственные, жилые и общественные постройки, в некоторых случаях капитального характера. Раскопками обнаружены многочисленные хозяйственные керамические изделия и стеклянные сосуды, железные предметы и украшения; имеются следы керамического и стекольного производства. Большой интерес представляют несколько больших винных погребов, указывающих на исключительное развитие виноградарства и виноделия.

Экспедиция исследует несколько могильников. Первый могильник содержит погребения первых веков нашей эры с богатым инвентарем — золотыми украшениями и художественным стеклом; второй — погребения раннефеодального периода; третий — погребения от эпохи поздней бронзы и до раннего средневековья.

А. Джавахишвили, П. Закарая

* * *

Отдел древней истории Азербайджана Музея истории Азербайджана АН АзербССР (Баку) в 1956 г. провел две экспедиции: по изучению палеолита в Азербайджане (рук. М. М. Гусейнов) и по разысканию наземных памятников письменности кавказских албанцев.

Проведено обследование пещер у с. Дашсалахлы Казахского района и в урочище «Дамджылы» у с. Дашалахлы. Были выявлены многочисленные остатки средневековых крепостных стен, остатки древней ветряной мельницы, обнаружены древние каменные ящики и древние кладбища. В результате раскопок одной из пещер на глубине более 1,5 *м* в слое светло-желтой глины выявлены были кремневые и обсидиановые орудия труда, относящиеся к периоду палеолита. Это выемчатые, двойные и концевые скребки, резцы, микролиты, кремневые и пластинчатые ножи, остатки нуклеусов, многочисленные отщепы и чешуйки кремня. Всего найдено около 600 каменных орудий и отщепов. Среди них имеются остроконечники, изготовленные из кремня и базальта, относящиеся к мустьерскому времени. Вместе с обнаруженными орудиями были найдены следы обгоревших костей животных: древнего быка, козы, джейрана, черепахи.

Вторая экспедиция провела поисковые поездки в зонах Большого и Малого Кавказа. Обследованы памятники времен существования Кавказской Албании. В зоне Бешидага и с. Лекит выявлены ныне изучаемые знаки неизвестной письменности.

Г. А. Абилова

* * *

С 1955 г. Бухарский музей принимает участие в Узбекистанской археологической экспедиции АН Узбекской ССР (рук. Я. Г. Гулямов), производящей раскопки на территории Бухарской области.

Обследовано сухое русло р. Махан-Дарьи. Обнаружены следы стоянок эпохи бронзы с керамикой елочного штампового орнамента андроновского типа. В этом же районе производилось исследование могильников Заман-баба I и II.

Раскопки 1955—1956 гг. на бугре Кызыл-Кыр (западнее Бухары) вскрыли большой архитектурный комплекс V—II вв. до н. э.

Были исследованы раннесредневековые наусы (зороастрийские погребения) на окраине городища Пайкенда. Близ Пайкенда была исследована средневековая крепость, где сохранилась стенная полихромная роспись.

В 1956 г. музей организовал экспедицию по выявлению и учету историко-археологических памятников. Зарегистрировано 40 археологических объектов, относящихся к средневековью. Музей приступил к составлению археологической карты Бухарской области.

И. Х. Дуке

* *
*

В 1955 и 1956 гг. Музей истории народов Узбекистана (Ташкент) проводил стационарные археологические раскопки совместно с Институтом истории и археологии АН УзССР на поселении эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.) в районе г. Чуста (Наманганская область, УзССР).

В мощном культурном слое, достигающем 3 *м*, обнаружено огромное количество находок. Доказано, что как расписная посуда, так и посуда без росписи изготавливалась на поселении. Определяется свыше 30 различных форм лепной керамики — чаши, горшки, кувшины, миски, кубки и т. д. с плоскими и округлыми донышками, лепленные из одного комка глины ленточным налепом по спирали на болванке из тканевого шерстяного мешка. Роспись в виде треугольников, заполненных сеточкой, зигзагами, елочкой и зубцами, наносилась черной и коричневой краской по красному ангобу. Литье бронзовых предметов и ткачество были местными.

Найдено большое количество бронзовых ножей, наконечников стрел, различных украшений, проколки, шилья и целая швейная игла. Найдены каменные двухстворчатые формы для отливки копья, ножа, печатки и зеркала, а также ручные пестообразные молоты для отковки металлических изделий.

Ткачество характеризуется отпечатками различных тканей на поверхности сосудов, костяными гребенками-правилками, глиняными пряслицами и грузиками для оттяжки ниток. Поселение было оседлоземледельческим; обнаружены обгоревшие зерна. Пшеница и ячмень, вероятно, высевались в смешанном виде; что касается проса, то его культивировали отдельно от других злаков. О земледельческом типе поселения говорят также найденные в большом количестве ладьевидные разной величины зернотерки и каменные серпы. Также хорошо известна была поселянам и обработка камня, из которого изготовлялись литейные формы, песты, молоты, серпы, подвески и шаровидные навершия булавы с исключительно хорошей полировкой их поверхности.

В 1955 г. на этом памятнике было найдено погребение человека. В 1956 г. на этом же участке найдено в грунтовой яме захоронение нижней челюсти человека и рог козла. Обнаружено большое количество различной величины ям, часть из которых, несомненно, являлись жилищами типа полуземлянок.

В 1955 г. найдено наземное сооружение башнеобразной формы, в одной части его был устроен огромных размеров сводчатый очаг, своим устьем выходивший наружу. Вероятнее всего, это помещение имело культовое назначение (священный очаг).

Кроме этого, Музей истории народов Узбекистана принял участие в работах Махан-дарьинского археологического отряда Института истории и археологии АН УзССР, проводившего стационарные раскопки памятника второй половины I тысячелетия до н. э. Кзыл-Кыр, расположенного в пустынной части Бухарской области, и вел наблюдение и сбор материала при земляных работах на археологических памятниках, расположенных на территории Ташкента и Ташкентской области.

В. И. Спришевский

* *
*

В 1956 г. Андижанским областным краеведческим музеем было проведено пять разведочных маршрутов. В результате этой работы на археологическую карту Андижанской области было нанесено свыше 40 новых памятников. Были зафиксированы новые тепе (Заргулдак-тепе и Шор-тепе в Булак-Бошинском районе), на которых собран характерный для эпохи бронзы материал, в том числе обломки расписных сосудов так называемого чустского типа.

Большинство открытых памятников относятся к последним вв. до н. э.— первым вв. н. э. Материал из шурфов с этих памятников составляют фрагменты краснолощеной керамики, сходной с кушанской, и обломки зернотерок. Немногочисленны памятники, относящиеся к средневековью. У кишлака Хилля (Пахтаабадский р-н) была раскопана гончарная печь для обжига сосудов (V—VI вв.).

В 1956 г. на территории области впервые было зафиксировано шесть могильников. Погребения совершались в земляных и каменных курганах. Один из могильников — Нияз-Батырский — сходен по внешнему виду погребальных сооружений (так называемые длинные курганы) и по материалу с могильниками типа Ак-там, раскопанными ферганскими археологами и датированными ими V—III вв. до н. э. Наиболее характерным для этих курганов является расписная посуда, поставленная около головы покойного.

В. И. Козенкова

* *
*

В 1956 г. Ошским областным музеем исследовалась пещера Орлов на Сулейман-горе. Культурный слой делится на семь прослоек; позднейшая относится к IX в. н. э. Наиболее древнее наслоение содержало каменные орудия, дробленые кости крупных зверей. Было найдено несколько нуклеобразных отщепов кальцита, кремневые осколки и много дробленого черного камня вулканического происхождения. Эти находки при осмотре их в Ошском областном музее были определены А. П. Окладниковым как орудия неандертальцев.

Кроме того, музеем обследовалась пещера Сель-Ун-Хур. Здесь были найдены костяные орудия и ромбовидное ручное рубило.

Весной 1956 г. при строительстве дороги в пос. Сымап на высоте 3300 *м* бульдозером было повреждено 15 древних погребений.

В 1956 г. было проведено исследование культурного слоя поселения у с. Сымап. Выделены три прослойки, которые можно датировать следующим образом: верхнюю — IX—XIV вв. н. э., среднюю — III в. до н. э.— IV в. н. э., а нижнюю можно отнести ко II тысячелетию до н. э.

Обилие обломков посуды для перегонки ртути, захоронения женщин с киноварью, большое количество ртутной руды в древних штольнях, обнаруженных поблизости, убеждают нас, что здесь на протяжении более двух тысячелетий трудились древние старатели, добывающие ртуть; следы в культурном слое и костяки в погребениях принадлежат именно им.

При обследовании остатков погребения было установлено, что существуют два могильника. Поздний могильник относится к рубежу нашей эры. Ранний могильник датируется первой половиной I тысячелетия н. э.

Кроме того, в 1956 г. было исследовано древнее городище близ Ошской МТС. Здесь же были обнаружены захоронения разных времен. В первом была похоронена женщина, при ней были бронзовые серьги, керамическое прясло, сланцевый карандаш для сурмления бровей и сосуды кушанского типа с красным лощением. Во втором погребении лежал костяк воина. При нем были найдены семь разных керамических сосудов, четыре кувшина, круглодонная миска, кринка, кинжал, нож и наконечник копья.

Два других захоронения были совершенно разрушены рабочими; среди выброшенной земли были обнаружены три зернотерки и много дискообразных каменных крышек, большая известковая раковина, обломки амфоровидной поливной посуды.

На городище была обнаружена древняя обжигательная печь.

Здесь были найдены четыре серебряные монеты сасанидского времени.

Среди случайных находок, зарегистрированных музеем в 1956 г. на территории г. Ош, следует отметить маленький подвесной, высеченный из мягкого камня медальон с изображением головы человека с греческим профилем и египетской прической.

Случайно обнаружено трупосожжение в перевернутом хуме. Дно хума было выломано и закрыто каменным диском с отверстием в центре. В хуме стоял железный меч и сохранился обломок обуглившегося деревянного точеного сосуда.

А. Пошка

* *
*

Начиная с 1950 г. Сталинский городской музей краеведения совместно с кафедрой истории Сталинского пединститута проводил разведочные работы, которые ставили своей целью собрать материалы для составления археологической карты Кузбасса. Археологическими разведками в течение 1954—1955 гг. были охвачены бывший Мысковский, Кузнецкий, Крапивинский, Кемеровский, Яшкинский, Ленинско-Кузнецкий, Беловский и Промышленновский районы Кемеровской области. Зарегистрированы курганные группы у деревень Параваевки и Мунгат (Крапивенского района) на р. Иня (Ленинско-Кузнецкого района), у ж.-д. станции Егозовка, на территории совхоза им. Чкалова, близ деревень Сапогова, Драчонино, Трекино, Шабалино, Красное (Ленинско-Кузнецкого района), Конево и Мохово (Беловского района).

Обследованы наскальные рисунки у дер. Усть-Писаной, открытые Г. Ф. Миллером.

По-видимому, все эти курганы относятся ко второй половине I — началу II тысячелетия н. э.

Значительное количество поселений и курганов обнаружено в Кузнецком сельском районе, где было шорское население к моменту прихода русских казаков в Кузбасс (здесь найдены железные топоры-тесла, железные наконечники стрел, бронзовые пряжки от пояса из Есаульских курганов). В жилище одного из Есаульских селищ мною были обнаружены ножевидные миниатюрные пластинки из кремня светло-серого цвета и несколько черепков двух глиняных сосудов с ямочными орнаментами.

В 1955 г. было закончено исследование городища Маяк. Городище, расположенное на правом берегу пересохшей р. Иванцевки, западнее Старокузнецкой крепости, рас-

пахивалось в течение двух десятков лет. Шестилетнее наблюдение дало возможность выделить комплексы вещей, относящиеся к пяти последовательным этапам развития культуры древних племен Южного Кузбасса. Были неясны кремневые наконечники стрел и другие изделия из кремня, которые по типологическим признакам могут быть отнесены к энеолиту или к позднему неолиту. Другой комплекс предметов с этого городища представлен двумя складными литейными формами для отливки наконечников стрел, бронзовыми шильями, ножами, каменными пестами и многочисленными черепками с орнаментами, характерными для карасукской эпохи. Третий комплекс предметов относится к тагарской эпохе, точнее — к большереченскому и бийскому этапам большереченской культуры VII—III вв. до н. э. Ко II—I вв. до н. э. и I—IV вв. н. э. следует отнести миниатюрные изделия: костяной наконечник стрел, глиняные светильник и котелок, распространенные в течение второй половины I тысячелетия до н. э. и в первых веках нашей эры по всей степной и прилегающей лесостепной полосе Сибири. Пятый комплекс предметов датируется V—VIII вв. н. э. (однолезвийные железные ножи, кельты, тесла, наконечники стрел, железная острога и т. п.). Главным занятием обитателей городища было скотоводство пастушеского типа. Найдены кости лошади, крупного рогатого скота, овцы, верблюда, собаки. Кроме того, жители охотились на косулей, лосей, оленей, бобров, зайцев, птиц и занимались рыболовством. Рыбу ловили сетями (были найдены каменные грузила, гарпуны и железные остроги). Было известно мотыжное земледелие.

У. Э. Эрдниев

* *
*

В 1956 г. Бийским краеведческим музеем проводились разведки в районе оз. Иткуль (50 *км* северо-западнее г. Бийска) и в долине р. Катуни у с. Майма. На берегах оз. Иткуль зарегистрировано пять неолитических стоянок, одно жилище андроновского времени, три карасукских поселения, одно поселение большереченской культуры, два — верхнеобской и семь городищ, по-видимому, конца I тысячелетия н. э. На поселениях карасукской, большереченской и верхнеобской культур хорошо заметны следы жилищ-землянок. На двух неолитических стоянках вскрыто 64 $м^2$. Культурный слой обеих стоянок тонкий, бедный и в обоих случаях прорезан жилищами позднейших эпох (андроновскими и карасукскими). Найдены обломки шлифованных орудий, скребки, наконечники стрел, нуклеусы, ножевидные пластинки кремня с боковой ретушью, каменные стержни рыболовных крючков и т. д. Керамика представлена обломками сосудов с округлым, острым и плоским дном. Общий характер материальной культуры неолитических стоянок можно сопоставить с материалами стоянок Кипринского и Ирбинского этапов неолита верхнего Приобья.

Культурный слой четырех исследованных городищ очень тонок и содержит однотипную керамику. Судя по ней, нижний предел даты городищ — не ранее VIII в. н. э.

Разведки у с. Майма были предприняты на основе данных геолога В. Е. Рясиной (Институт геологии АН СССР), нашедшей в обнажении старого песчаного карьера по правому берегу р. Катуни ножевидную пластинку кремня, фрагменты керамики и скопление расколотого галечника. Здесь имеется два разновременных частично перемешанных культурных комплекса; среди находок часто встречаются скребла, скребки, нуклеусы, ножевидные пластинки верхнепалеолитического облика. Имеются находки, относящиеся к большереченской культуре.

Б. Х. Кадикэв

* *
*

В последнее время Музей истории материальной культуры при Томском государственном университете ведет археологические работы по исследованию неолита и раннего бронзового века в бассейне р. Томи.

В 1955 г. музей завершил раскопки Самусьского неолитического могильника, расположенного в 40 *км* ниже г. Томска при впадении р. Самусь в р. Томь. Могильник имел 16 погребений, различающихся по обряду захоронений (трупоположения и трупосожжения). Многие погребения обильно посыпаны охрой. Погребения без охры содержат обычно большое количество находок. Наиболее многочисленны теслообразные орудия. Некоторые орудия (в том числе и наконечники стрел, копий, скребки) разбиты на две-три части, каждая из которых лежала в разных местах погребения. Создается полное представление о преднамеренном изломе этих орудий. Тесла и топоры имеют аналогии среди памятников неолита Восточного Приуралья, Нижнего Приобъя и даже Прибайкалья. Наиболее близки они орудиям из погребений Томского могильника, датируемым М. П. Комаровой эпохой неолита. Довольно частой находкой в Самусьском могильнике являются ножи с выемкой и асимметричные ножи, сделанные на длинном широком отщепе. Керамика Самусьского могильника имеет сходство с неолитической керамикой Восточного Приуралья и неолитической керамикой Томского могильника. Сотрудники музея приняли участие в раскопках неолитического

могильника на территории старого мусульманского кладбища в г. Томске. В 1955 г. здесь в одном из погребений была найдена фигурка медведя, сделанная из камня.

В 1955—1956 гг. был исследован Яйский могильник, расположенный на правом берегу р. Яя. Раскопано два сохранившихся погребения. Найдено несколько каменных тесел, асимметричные ножи, скребла, наконечники стрел, имеющие неолитический облик и очень схожие с инвентарем Кузнецкого могильника. Одно из погребений имело очень богатые ожерелья, состоящие из створок раковин, зубов животных, из костяных отполированных пластинок. Ожерелья носили на ногах, на пояснице и на шее. В ожерелье, расположенном на шее костяка, найдены две костяные фигурки птичек, одна из которых изображает летящую водоплавающую птицу.

Кроме этих могильников, музей начал исследование очень интересной стоянки эпохи ранней бронзы у пос. Самусь. На этой стоянке найдены каменные литейные формочки для изготовления тесел и кинжалов. Керамика позволяет нам датировать этот памятник андроновской эпохой.

Кроме этих объектов, в окрестностях Томска было раскопано несколько курганов второй половины I тысячелетия н. э. Установить дату стало возможно благодаря находкам литых бронзовых фигурок птичек и бронзовых бляшек, подобных найденным М. П. Грязновым в погребениях фоминского этапа на Ближних Елбанах.

В. Матющенко

* *
*

В связи со строительством Иркутской ГЭС Иркутский областной музей за последние годы проводил исследование археологических памятников в зоне затопления на участке Иркутск — Байкал.

На правом берегу р. Ангары, в 3 *км* выше г. Иркутска, в карьере Лисихинского кирпичного завода было осмотрено большое скопление костей ископаемых животных (шерстистый носорог, первобытный бизон, ископаемая лошадь, гигантский олень, северный олень и ископаемый марал). На костях животных сохранились следы человеческой деятельности в виде раскола, царапин, срезов, распиловки, сверления и ударов, сделанных каменными орудиями. На правом берегу р. Ангары выше г. Иркутска были исследованы неолитические стоянки серовско-китойского времени. В культурных слоях этих стоянок были найдены прекрасно отшлифованные топоры, тесла и долота из кремнистого сланца и зеленого нефрита, кремневые наконечники копий и стрел, скребки различной формы и размера, резцы, сверла, кремневые вкладыши в костяные кинжалы, грузила для сетей, каменные стерженьки к рыболовным крючкам, каменные фигурки рыбок-приманок и значительное количество черепков от круглодонных глиняных сосудов со следами плетения и с разнообразным орнаментом. На некоторых орудиях сохранились четкие следы употребления их человеком. На Щукинской неолитической стоянке (15 *км* выше г. Иркутска) в культурном слое китойского времени были обнаружены очаги, сложенные из больших камней округлой формы. По сторонам очагов лежали каменные плиты, служившие сидениями и для чистки рыбы. Около одного из очагов сохранились остатки мастерской, где производилась выделка кремневых орудий. Близ стоянки у д. Щукиной открыто и раскопано три китойских погребения.

На неолитических стоянках выше пос. Большая Речка, в местности «Уладовка» и в местности «Гнилая» найдены были уникальные кремневые фигурки животных, птиц и рыбок, костяная фигурка, изображающая первобытного охотника в маскировочной ушастой шапке, фрагменты глиняной посуды с вырезанными на них изображениями птиц и рыбок и небольшие каменные плитки с резными изображениями рыб.

На террасе правого берега р. Ангары в местности «Гнилая» были обнаружены следы культуры ранней поры железного века и остатки землянки XVII в.

Исключительный интерес представляет родовой неолитический могильник китойской эпохи в г. Иркутске. Здесь вместе с каменными орудиями были найдены уникальные костяные фигурки рыбок и скульптурные головки лосей. В поздненеолитическом погребении на р. Кае, в окрестностях г. Иркутска, были обнаружены пряжка из молочно-белого нефрита и значительное количество различных изделий из кости и рога.

П. П. Хороших

I СРЕДНЕАЗИАТСКАЯ СТУДЕНЧЕСКАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

С 16 по 20 мая 1957 г. при кафедре археологии Средней Азии исторического факультета Среднеазиатского государственного университета им. В. И. Ленина проходила I Среднеазиатская студенческая археологическая конференция, созванная по инициативе студенческого научного археологического кружка. В работе конференции приняли участие студенты-историки Киргизского государственного университета, Таджикского государственного университета, Андижанского, Кокандского, Ленинабадского, Марыйского педагогических институтов. Всего на конференции было заслушано 19 докладов. Несколько докладов было сделано студентами — участниками Южно-Туркменской археологической комплексной экспедиции 1956 г. К ним относятся доклад

Р. Сусенковой (Ташкент) о результатах работ на мусульманском некрополе древнего Мерва. Некрополь содержит разновременные захоронения нескольких типов Наблюдения над стратиграфией слоев и монетные находки дали возможность датировать кладбище III—VII вв. н. э. Могилы из жженого кирпича докладчик связывает с погребениями христиан.

В докладе Л. Мережина (Ташкент) рассматривается керамическое производство на поселении Джин-тепе. Обследование поселения и вскрытие пяти круглых гончарных печей (диаметром до 5 *м*) позволили автору говорить о Джин-тепе, расположенном на границе оседлого оазиса и кочевой степи, как о специализированном поселении гончаров. Поселение датируется I в. до н. э.— I в. н. э.

Доклад на тему «Кирпичи с клеймами с городища Эрк-кала» сделала М. Филанович (Ташкент). Докладчик предполагает, что изготовлением кирпичей занимались специальные ремесленные мастерские, каждая из которых ставила свои клейма.

О работах 1956 г. в квартале мукомолов на территории античного Мерва доложила Д. Верхотова (Ташкент). Квартал расположен в непосредственной близости от крепостной стены; вскрыто несколько новых помещений со световым двориком. Автор считает, что квартал населяли мелкие ремесленники. Датируются открытые постройки II—III вв. н. э.

С краткими докладами о работе отрядов Таджикской археологической экспедиции выступили Я. Хафизов (Ташкент). В докладе Хафизова были освещены некоторые результаты работ 1956 г. в Пенджикенте, когда были открыты новые образцы стенной живописи, связанные, очевидно, с народным эпосом.

Итогам археологических работ 1955—1956 гг. на городище Шахристан в Таджикистане посвятил свой доклад Пулатов (Ленинабад). Кратко остановившись на истории Усрушаны, докладчик основное внимание сосредоточил на описании городища Шахристан II и проводившихся на нем раскопок.

Об археологических работах Таласского отряда Киргизской экспедиции в 1956 г. рассказала Н. Петрова (Фрунзе). Она изложила результаты раскопок курганов эпохи бронзы и усуньского времени и обследований ряда городищ. Несколько раскопов было заложено на Чимкентском городище.

Доклад Р. Протопопова (Фрунзе) осветил работу Тянь-Шаньского отряда Киргизской археологической экспедиции под руководством А. К. Кибирова за 1955—1956 гг. Отрядами было вскрыто 100 курганов, из которых часть принадлежит усуням, а часть относится ко времени тюркского каганата.

Доклад на тему «Исторические памятники Коканда и их изучение» сделала С. Акбарова (Коканд), посвятившая бо́льшую часть своего сообщения описанию архитектурных памятников XVIII—XIX вв. Докладчик особо подчеркнул необходимость усиления охраны памятников Коканда.

Об археологических наблюдениях при реставрационных работах на Ташкентском медресе XVI в. Кукельташ рассказывал Ш. Ташходжаев (Ташкент). Сотрудниками ремонтно-реставрационных мастерских было заложено 14 шурфов, которыми подтверждено, что медресе частично стоит на остатках стены Шахристана X в. Были выяснены характер кладки фундамента и хронологическая последовательность работ по ремонту медресе.

Истории археологического изучения Киргизии был посвящен доклад Абитекова (Фрунзе). Мамадалиев и Максумов (Андижан) сделали сообщение «Исторический очерк экономической жизни некоторых городов Ферганы VIII—XII вв.» и «Идеология и культура древней Ферганы VIII—XII вв.».

С информацией об итогах Сталинабадского совещания по всем вопросам истории и археологии Средней Азии выступил С. Марафиев (Ленинабад). Кроме того, на конференции выступил проф. М. Е. Массон, сообщивший о результате работ ЮТАКЭ за 1956 г. Об археологических работах в долине р. Зеравшана рассказал О. В. Обельченко (Ташкент). Археологическим наблюдениям и раскопкам на городище Кува Ферганской области было посвящено сообщение И. Ахрарова (Ташкент). Доклад о городище Ногай-курган близ Ташкента сделали С. Лунина и З. Усманова (Ташкент).

В дни конференции проф. М. Е. Массон ознакомил делегатов с коллекциями и работой археологических кабинетов САГУ и провел с ними экскурсию по Ташкенту.

С. Б. Лунина, З. И. Усманова

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АНДРЕЕВИЧА СУГРОБОВА

(К пятнадцатилетию со дня смерти)

Пятнадцать лет назад, 20 апреля 1942 г., пал на поле брани в боях с фашистскими захватчиками за Смоленск научный сотрудник ИИМК АН СССР археолог Николай Андреевич Сугробов.

Родился он в Москве в семье железнодорожного служащего 18 мая 1905 г. Школьные годы он провел в дачном поселке Ильинское по Казанской ж. д. С юных лет и до конца своих дней Н. А. Сугробов сохранил какую-то особо трогательную влюбленность в чудесную природу Подмосковья. Он превосходно знал флору и фауну средней полосы России, но особую нежность питал к миру пернатых. Произведения С. Т. Аксакова были его любимыми книгами.

По окончании Быковской средней школы в 1923 г. Н. А. Сугробов около двух лет работал секретарем поселкового Совета в Ильинском. В 1925 г. он поступил в Институт народного хозяйства имени Г. В. Плеханова, в 1926 г. перешел на историко-археологическое отделение историко-этнологического факультета I МГУ, которое окончил в 1931 г., получив квалификацию археолога.

Позднее он начинает углубленно изучать остеологию под руководством известного палеонтолога проф. В. И. Громова. Именно проф. В. И. Громову он обязан хорошим освоением новой своей специальности. Надо сказать, что в этой области Н. А. Сугробов полностью нашел себя и окончательно определил свои научные интересы.

Будучи с 1939 г. младшим научным сотрудником Московского отделения ИИМК АН СССР и участвуя во многих археологических экспедициях (например, в Хорезмской и др.), Н. А. Сугробов своим квалифицированным определением костных остатков ископаемых диких и домашних животных оказывал неоценимые услуги своим коллегам-археологам.

В 1940 г. Н. А. Сугробов собирался приступить к составлению сводного очерка по истории древнего животноводства на юге Европейской части СССР, предполагая использовать в нем данные и своих определений костных остатков животных из археологических раскопок.

Война прервала его работу, а позднее и его жизнь. Вступив в Красную Армию в октябре 1941 г., в период самых напряженных боев за родную Москву, Н. А. Сугробов в качестве рядового бойца участвовал в разгроме гитлеровцев под Москвой. Спустя полгода он пал смертью храбрых под Смоленском.

Н. А. Сугробов навсегда останется в памяти друзей и товарищей по работе как человек исключительного бескорыстия и преданности своему делу.

Е. Крупнов

БОРИС КОНСТАНТИНОВИЧ МАНТЕЙФЕЛЬ

В большой армии краеведов — верных и бескорыстных помощников археологов — одно из видных мест занимал Борис Константинович Мантейфель, около 20 лет проработавший сотрудником Новгородского музея. Б. К. Мантейфель родился 1 апреля 1896 г. в г. Новгороде. Ученик проф. Кайгородова, избравший своей основной специальностью изучение природы Новгорода, автор многочисленных научных статей по фенологии Б. К. Мантейфель в то же время был археологом-любителем, участвовавшим во многих археологических экспедициях и самостоятельно ведшим работы в шести из них. Он вел раскопки курганов в Поозерье, участвовал в раскопках на Ярославовом дворище и в Новгородском кремле, а в 1941 г. начал раскопки в Неревском конце Новгорода. Не менее важными, чем участие в раскопках, были постоянные наблюдения Бориса Константиновича за культурным слоем Новгорода. Как и во всех ныне живых древних городах, культурный слой Новгорода постоянно подвергается разрушению при строительных работах, проведении дорог, водопровода, канализации. Множество археологических ценностей было спасено, зарегистрировано и описано благодаря наблюдениям Мантейфеля. Одним из наиболее ценных научных трудов Б. К. Мантейфеля была опубликованная в «Новгородском историческом сборнике» № 2 за 1937 г. статья «Обследование оснований башен новгородского вала», которой было положено начало серьезному изучению оборонительных сооружений Новгорода Великого. Среди заслуг Бориса Константиновича перед наукой должно быть отмечено участие в эвакуации ценнейших фондов Новгородского музея во время Отечественной войны в 1941 г. В качестве ученого секретаря музея и начальника эшелона с эвакуируемыми коллекциями он содействовал спасению для науки художественных и археологических сокровищ, хранившихся в Новгороде.

Борис Константинович Мантейфель участвовал в первой мировой войне с 1916 по 1917 г. и в Великой Отечественной войне с 1942 по 1944 г.

Б. К. Мантейфель был одним из организаторов краеведческой работы в Новгороде, участником многочисленных краеведческих походов и экспедиций, членом (сотрудником или корреспондентом) 32 краеведческих и научных обществ, в том числе действительным членом Всесоюзного географического общества. Б. К. Мантейфель скончался 14 мая 1957 г. на 61 году жизни, после тяжелой и продолжительной болезни. Все археологи, работавшие в Новгороде, все, кто когда-либо встречался с Борисом Константиновичем, сохранят светлые воспоминания об этом труженике науки, любившем родной край и отдавшем все свои силы его изучению.

А. Монгайт

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АК — Археологическая комиссия
АЛЮР — Археологическая летопись Южной России
ВГМГ — Вестник Гос. музея Грузии
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВУАК — Всеукраинский археологический комитет
ВУАН — Всеукраинская Академия наук
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗМАИ — Записки Московского археологического института
ЗНТШ — Записки научного товарищества им. Т. Шевченко
ЗОРСА — Записки Общества русской и славянской археологии
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИАН ТуркмССР — Известия Академии наук Туркменской ССР
ИИМК — Институт истории материальной культуры
ИРГО — Известия Русского географического общества
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МАИЧП — Материалы ассоциации по изучению четвертичного периода
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
ОАК — Отчеты Археологической комиссии
ПИДО — Проблемы истории докапиталистических обществ
СА — Советская археология
СВ — Советское востоковедение
СЭ — Советская этнография
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТИИАЭ — Труды Института истории археологии и этнографии
Тр. АН ТаджССР — Труды Академии наук Таджикской ССР
Тр. АС — Труды Археологического съезда
Тр. ГИМ — Труды Государственного Исторического музея
Тр. РАНИОН — Труды Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук
Тр. ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
AJA — American Journal of Archeology
BSA — Annual of Britich School at Athens
CVA — Corpus Vasorum Antiquorum
ILN — Illustrated London News
JAS — Jahrbuch des Deutschen Archäologischen Instituts
JHS — Journal of Hellenic Studies
JNES — Journal of Near Eastern Studies
RA — Revue Archéologique

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, НАПЕЧАТАННЫХ В ЖУРНАЛЕ «СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ» ЗА 1957 г.

О задачах журнала «Советская археология» 1 3
Сорок лет советской археологии 4 3
А. Я. Брюсов. К вопросу о теории диффузии 1 7
В. Л. Воронина. К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии 4 83
П. П. Ефименко. По поводу статьи Формозова. «О времени и исторических условиях сложения племенной организации» 1 22
А. В. Збруева. Культуры поздней бронзы в Прикамье в связи с вопросом о сложении ананьинской культуры 2 26
А. Н. Кирпичников. Военное дело средневековой Руси и появление огнестрельного оружия 3 60
С. В. Киселев. Древние города Монголии 2 91
С. В. Киселев. Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет 4 28
Г. Ф. Корзухина. К реконструкции Десятинной церкви 2 78
В. В. Косточкин. Оборонительные системы русских крепостей XIV — начала XVI вв. 1 132
Д. А. Крайнов. К вопросу о происхождении животноводства в юго-западном Крыму в послепалеолитическое время 2 3
Е. И. Крупнов. О происхождении и датировке кобанской культуры . . . 1 56
Г. И. Лазуков. Природные условия эпохи верхнего палеолита в Костенковско-Боршевском районе 3 84
Г. А. Максименков. Из истории древнерусской артиллерии 3 77
М. И. Максимова. Боспорская камнерезная мастерская 4 75
В. М. Массон. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии . . . 4 44
А. П. Окладников. Из истории этнических и культурных связей неолитических племен Среднего Енисея 1 26
А. П. Окладников. Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет 4 12
Х. Пэрлээ. К истории древних городов и поселений в Монголии 3 43
Р. Л. Розенфельдт. К вопросу о начале Москвы 4 93
Б. А. Рыбаков. Архитектурная математика древнерусских зодчих 1 83
Б. А. Рыбаков. Место славяно-русской археологии в советской исторической науке 4 55
И. Р. Селимханов. О химическом исследовании древних металлических предметов из раскопок на территории Азербайджанской ССР 3 105
К. Ф. Смирнов. Проблема происхождения ранних сарматов 3 3
А. П. Смирнов. Некоторые спорные вопросы финно-угорской археологии . . . 3 20
М. П. Сотникова. Из истории обращения русских серебряных платежных слитков в XIV—XV вв. 3 54
С. Ф. Стржелецкий. Пять клеров Херсонеса Таврического 3 31
А. И. Тереножкин. Среднее Поднепровье в начале железного века 2 47
П. Н. Третьяков. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э. 2 64
А. А. Формозов. О времени и исторических условиях сложения племенной организации 1 13
А. А. Формозов. Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? 4 66
В. Л. Янин. Из истории русской художественной и политической жизни XII в. 1 113

Дискуссии и обсуждения

М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тысячелетии н. э. 3 114
М. А. Тиханова. Локальные варианты черняховской культуры 4 168

Публикации

Д. А. Авдусин. Новый памятник смоленской архитектуры (церковь в Перекопном переулке) . . . 2 228
Л. В. Алексеев. Лазарь Богша — мастер-ювелир XII в. . . . 3 224
Г. И. Андреев. Поселение Зайсановка I в Приморье . . . 2 121
А. В. Арциховский. Берестяные грамоты мальчика Онфима . . . 3 215
О. Н. Бадер, Б. Х. Кадиков. Поселения эпохи бронзы на Каме между г. Оханском и г. Сарапулом . . . 3 136
С. Н. Братченко. Правобережное Мокро-Чалтырское городище на Дону . . . 2 188
Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины . . . 3 130
К. В. Голенко. Клад монет, найденный в 1951 г. в Патрэе . . . 2 197
Н. Н. Гурина. Некоторые новые данные о заселении Севера Европейской части СССР . . . 2 115
Д. П. Димитров. Севтополь — фракийский город близ с. Копринка Казанлыкского района . . . 1 199
Л. А. Евтюхова. О племенах Центральной Монголии в IX в. (по материалам раскопок курганов) . . . 2 205
Д. Г. Капанадзе. Ауреусы Армазского некрополя . . . 3 159
А. К. Коровина. К вопросу об изучении Семибратних курганов . . . 2 174
И. Т. Кругликова. Исследование сельской территории европейского Боспора 1 217
Е. И. Крупнов. Первые итоги изучения восточного Предкавказья . . . 2 154
И. Д. Марченко. К вопросу о боспорских торговых судах . . . 1 232
В. М. Массон. Джейтун и Кара-депе . . . 1 143
А. О. Мнацаканян. Раскопки курганов на побережье оз. Севан в 1956 г. 2 146
Т. Н. Никольская. Древнерусское селище Лебедка . . . 3 176
В. А. Оборин. Орел-городок . . . 4 140
А. П. Окладников, И. А. Некрасов. Новые следы континентальной неолитической культуры на Чукотке (находки у оз. Эльгытхын) . . . 2 102
А. П. Окладников. Остатки Бохайской столицы у г. Дунцзинчэн на р. Муданцзян . . . 3 198
Т. Б. Попова. К вопросу о курильницах «северокавказского типа» . . . 1 161
В. М. Скуднова. Хиосские кубки из раскопок на острове Березани . . . 4 128
М. Ю. Смишко. Богатое погребение начала нашей эры в Львовской области 1 238
Г. А. Федоров-Давыдов. Монетная система Хорезма XIV в. . . . 2 239
Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе. Археологические разведки в южных районах Грузии в 1953—1955 гг. . . . 4 116
И. Г. Шовкопляс. Некоторые итоги исследования Мезинской позднепалеолитической стоянки в 1954—1956 гг. . . . 4 99
Б. А. Шрамко. Следы земледельческого культа у лесостепных племен Северного Причерноморья в раннем железном веке . . . 1 178

Мелкие заметки

З. А. Абрамова. Новые находки верхнепалеолитических изображений человека в Центральной и Западной Европе . . . 3 245
Д. А. Авдусин. Смоленская берестяная грамота . . . 1 248
Н. В. Анфимов. Находки предметов эпохи бронзы близ станицы Удобной 4 155
Н. Л. Белоруцкий. Находка каменного изваяния в Краснодарском крае 3 257
В. Д. Блаватский. Мраморный трон из Пантикапея . . . 2 247
М. Ю. Брайчевский. Дополнение к публикации Пастырского клада 1949 г. 1 246
В. В. Веселов. О «киммерийском вале» на Таманском полуострове . . . 3 252
Н. Н. Воронин. Историко-архитектурные заметки . . . 2 258
Е. А. Давидович. Клад караханидских монет XI в. из Таджикистана . . . 3 257
С. А. Изюмова. Вятическое погребение в Тульской обл. . . . 3 260
Н. Ф. Калинин. Постник Барма — строитель собора Василия Блаженного в Москве и Казанского кремля . . . 3 261
П. О. Карышковский. Находка римских монет в бассейне р. Кодымы . . . 2 250
В. В. Кропоткин. Крест-складень из Коктебеля . . . 2 257
И. Т. Кругликова. Погребение IV—V вв. н. э. в дер. Айвазовское . . . 2 253
Е. К. Максимов. Сарматское погребение из кургана у села Большая Дмитриевка Саратовской области . . . 4 157
Т. В. Николаева. Новые находки на территории Загорского музея-заповедника . . . 1 251
А. А. Нудельман, Э. А. Рикман. Новые археологические находки в Молдавии 3 248
С. Н. Орлов. К вопросу о древнерусской метрологии . . . 4 163
М. В. Седова. Амулет из древнего Новгорода . . . 4 166
Н. И. Сокольский. Находки на вершине горы Бориса и Глеба на Таманском полуострове . . . 1 244

Б. А. Тимощук. Надгробие из с. Мусоровки Черновицкой области 3 254
Г. Е. Трапезников. Городище древнего Чарджоу (Амуль) 4 161
Г. Ф. Турчанинов. Дополнение к чтению и датировке надписи на кресте из Краснодарского историко-краеведческого музея 1 250
Г. А. Федоров-Давыдов. О болгарских гирьках в собрании Гос. музея Татарской АССР 1 247
П. П. Хороших. Энеолитическое погребение на берегу озера Байкал . . . 4 153

В помощь учителю и краеведу

Н. Н. Воронин. О местных музеях и краеведении 3 265
Б. А. Колчин. Русский феодальный город Великий Новгород 3 278
Д. А. Крайнов. Археология и краеведение 3 270
А. Хануков, Г. Соловьева. О наглядной пропаганде памятников культуры 3 275

Критика и библиография

З. А. Абрамова, Е. А. Векилова, А. П. Окладников, Н. И. Сокольский, С. И. Капошина, В. В. Шлеев, А. М. Беленицкий, В. М. Массон, В. В. Кропоткин, Н. Н. Воронин, А. Л. Монгайт. Археология в СССР 3 289
О. Н. Бадер. А. Я. Брюсов, С. В. Киселев, А. А. Формозов. Некоторые вопросы возникновения человеческого общества 1 256
С. С. Березанская, О. Г. Шапошникова. Т. Б. Попова. Племена катакомбной культуры. М., 1955 . . . . . 2 270
Э. О. Берзин. Раскопки Афинской агоры (1946—1955) 3 305
Т. В. Блаватская. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. София, 1956. 2 293
В. Д. Блаватский. Ljudiša Popovič. Narodni Muzej Beograd. Antika I. Katalog nalaza iz nekropole kod Trebeništa 3 311
С. Н. Боголюбский. В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси **4 231**
Г. М. Бонгард-Левин. Новые археологические исследования в Индийской республике (1954—1955) 3 299
И. Н. Бороздин. В. Д. Блаватский. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья 1 270
А. Я. Брюсов. К вопросу об истории земледелия в датской археологической литературе (1950—1953) 2 265
Н. А. Винберг и Т. Н. Заднепровская. Советская археологическая литература за 1955 год 4 234
М. В. Воробьев. Asiatic Studies. In Honour of Toru Haneda. On the Occasion of His Sixtieth Birthday. May 15 MCMXLII 1 268
М. В. Воробьев. Су Бин-ци. Погребения на «участке восточного канала» на террасе Доуцзи 2 267
Н. Н. Воронин. О некоторых работах по истории древнерусской техники. 1 284
Н. Н. Воронин. М. А. Безбородов. Стеклоделие в древней Руси. Минск, 1956. 2 301
Ф. Д. Гуревич. М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии 1 279
Л. А. Ельницкий. Из новейшей зарубежной литературы по археологии доримской Италии 4 212
П. О. Карышковский. Д. Б. Шелов. Монетное дело Боспора VI—II вв. до н. э. 1 276
В. В. Косточкин. П. А. Раппопорт. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв. 3 313
Ю. В. Кухаренко. Slovenská archeologia. Bratislava, 1953—1956 . . . . . 2 296
В. М. Массон. Поселение бронзового века в Южном Афганистане 2 269
В. М. Массон. R. Chirshman. Village perse-achéménide. Paris. 1954 . . . . 2 275
В. М. Массон. М. М. Дьяконов. У истоков древней культуры Таджикистана. 3 313
Н. Я. Мерперт. К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и эпохи бронзы Европы 1 260
Н. Я. Мерперт, Д. В. Деопик. К вопросу о конце цивилизации Хараппы. 4 198
А. Л. Монгайт. Siegfried J. de Laet. L'archéologie et ses problèmes 4 195
Н. А. Сидорова. Новейшие археологические открытия в Греции 2 278
Н. А. Сидорова. Новейшие открытия в области античной археологии в Западной Европе 4 221
Б. Я. Ставиский. Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. 4 229
Н. В. Трубникова. М. Полесских. В недрах времен 3 316
Г. А. Цветаева. Античные города Северного Причерноморья (Очерки истории культуры). М.— Л., 1955 . . . . . 2 2[illegible]
Б. А. Шрамко. А. Н. Москаленко. Памятники древнейшего прошлого Верхнего и Среднего Дона. Воронеж, 1955 2

Хроника

Археологические пленумы и конференции в 1956 г. 1 291
Археологическая работа музеев СССР за 1955—1956 гг. 4 278
С. Астахов, Е. Черных. III студенческая археологическая конференция. 3 321
А. Н. Бернштам 1 289
М. Г. Воробьева. Совещание по археологии и этнографии Средней Азии . . . 3 318
Г. Ф. Конференция по археологии, древней и средневековой истории народов Поволжья 2 310
В. Деопик, М. Полубояринова. Сессия Отделения исторических наук АН СССР и пленум ИИМК АН СССР 3 323
Л. П. Зяблин. Сессия, посвященная этногенезу киргизов 2 309
Г. А. Иноземцев 2 320
Н. К. Лисицына. Полевые археологические исследования ИИМК АН СССР в 1956 г. 2 312
С. Б. Лунина, З. И. Усманова. I Среднеазиатская студенческая археологическая конференция 4 298
Б. К. Мантейфель 4 301
Намио Эгами. Прошлое и настоящее японской археологии 2 305
I сессия археологов КНР 2 307
Памяти Н. А. Сугробова 4 300
Сергей Павлович Толстов (К пятидесятилетию со дня рождения и тридцатилетию научной и общественной деятельности) 2 304
Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры 4 274

СОДЕРЖАНИЕ

Сорок лет советской археологии 3
А. П. Окладников (Ленинград). Итоги и узловые проблемы изучения палеолита в СССР за 40 лет 12
С. В. Киселев (Москва). Исследование бронзового века на территории СССР за 40 лет 28
В. М. Массон (Ленинград). Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии 44
Б. А. Рыбаков (Москва). Место славяно-русской археологии в советской исторической науке 55
А. А. Формозов (Москва). Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком? 66
М. И. Максимова (Ленинград). Боспорская камнерезная мастерская . . . 75
В. Л. Воронина (Москва). К вопросу о типе общественных сооружений раннесредневекового города Средней Азии 83
Р. Л. Розенфельдт (Москва). К вопросу о начале Москвы 93

Публикации

И. Г. Шовкопляс (Киев). Некоторые итоги исследования Мезинской позднепалеолитической стоянки в 1954—1956 гг. 99
Т. Н. Чубинишвили, Т. И. Татишвили, О. С. Гамбашидзе (Тбилиси). Археологические разведки в южных районах Грузии (Месхети-Джавахети) в 1953—1955 г. 116
В. М. Скуднова (Ленинград). Хиосские кубки из раскопок на острове Березани 128
В. А. Оборин (Пермь). Орел-городок 140

Мелкие заметки

П. П. Хороших (Иркутск). Энеолитическое погребение на берегу оз. Байкала 153
Н. В. Анфимов (Краснодар). Находки предметов эпохи бронзы близ станицы Удобной 155
Е. К. Максимов (Саратов). Сарматское погребение из кургана у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. 157
Г. Е. Трапезников (Ленинград). Городище древнего Чарджоу (Амуль) . . 161
С. Н. Орлов (Новгород). К вопросу о древнерусской метрологии . . . 163
М. В. Седова (Москва). Амулет из древнего Новгорода. 166

Дискуссии и обсуждения

М. А. Тиханова (Ленинград). Локальные варианты черняховской культуры. 168

Критика и библиография

А. Л. Монгайт (Москва). Siegfried J. de Laet. L'archéologie et ses problèmes. 195
Д. В. Деопик, Н. Я. Мерперт (Москва). К вопросу о конце цивилизации Хараппы. 198
Л. А. Ельницкий (Москва). Из новейшей зарубежной литературы по археологии доримской Италии. 212
Н. А. Сидорова (Москва). Новейшие открытия в области античной археологии в Западной Европе. 221
Б. Я. Ставиский (Ленинград). Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг. 229
С. Н. Боголюбский (Москва). В. И. Цалкин. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси. 231
Н. А. Винберг и **Т. Н. Заднепровская** (Ленинград). Советская археологическая литература за 1955 г. 234

Хроника

Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян 274
Археологические работы музеев СССР за 1955—1956 гг. 278
С. Б. Лунина, З. И. Усманова. I Среднеазиатская студенческая археологическая конференция 298
Памяти Н. А. Сугробова. 300
Некролог Б. К. Мантейфель 301
Список сокращений 302
Указатель статей, напечатанных в журнале «Советская археология» за 1957 г. 303

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

Институт истории материальной культуры Академии наук СССР приступает к составлению археологической карты Советского Союза. Это важное для науки мероприятие требует активного участия не только узкого круга специалистов, но и широкой советской общественности. Большую практическую помощь специалистам в этом могут оказать работники краеведческих музеев, учителя, школьники, а также многочисленные любители древностей своего края указаниями о местонахождении археологических памятников.

К последним относятся остатки древних поселений и могильников, а также отдельные находки вещей (орудия труда, оружие, монеты, черепки от посуды и пр.), свидетельствующие о пребывании человека в той или иной местности в глубоком прошлом. О большом интересе советских людей к предметам древности, находимым при земляных работах, экскурсиях и т. п., свидетельствуют письма, получаемые нашим Институтом.

О каждом археологическом памятнике необходимо давать следующие сведения:

1. Республика, область, край, АССР, нац. округ, район.
2. Наименование памятника и название, под которым памятник известен местному населению.
3. Местоположение памятника (по отношению к населенному пункту, реке, дороге, шоссе и т. п.).
4. Краткое описание памятника и его состояние.
5. Описание вещей, найденных при разведках, или случайных находок.
6. Куда сданы найденные вещи.
7. Кто составил карточку и дата составления.
8. Примечание.

Желательно прилагать схемы, планы, рисунки, фотографии и т. д., а найденные вещи надо сдавать в ближайший краеведческий музей.